This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
1866 – 1928
Professor of History
Lifelong Benefactor and
First Director of This Library

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРѢЕВА.

(1895 г.).

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
—
1895.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

	стран.
А. Оденвальдъ. Историческая наука и ея значеніе для психологіи .	1
С. А. Рязниковъ. Опредѣленіе времени составленія одной безсудной грамоты Савво-Сторожевскаго монастыря на Крутицкій . . .	34
Н. И. Карѣевъ. Новый трудъ по теоріи исторіи.	50
А. И. Браудо и В. А. Мякотинъ. Обзоръ литературы по русской исторіи за 1891 годъ	87
Историческая хроника	201

Отдѣлъ II.

Н. И. Карѣевъ. Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія	1
Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній	18
Энциклопедическая программа для самообразованія	20
Спеціальныя программы по русской исторіи и политической экономіи .	42
Отчетъ Историческаго Общества за 1894 г.	54
Составъ Комитета Историческаго Общества въ 1895 г.	56

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ I.

Digitized by Google

Digitized by Google

Историческая наука и ея значеніе для психологіи.

А. Оденвальда.

I.

Прогрессъ исторической науки за послѣднія десятилѣтія выразился, между прочимъ, въ выясненіи принципіально-важнаго значенія психологіи для исторіи, въ качествѣ одного изъ краеугольныхъ камней въ фундаментѣ послѣдней. Цѣлымъ рядомъ авторитетныхъ изслѣдованій поставленъ въ настоящее время выше всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что настоящимъ историкомъ можетъ быть лишь ученый, знакомый съ психологіей, умѣющій оріентироваться въ вопросахъ, между прочимъ, и чисто-психологическихъ [1]). Очень многіе пробѣлы

[1]) Въ современной русской наукѣ усерднымъ поборникомъ введенія въ исторію психологическаго элемента является, какъ извѣстно, проф. Н. Карѣевъ. Къ сожалѣнію, онъ въ III книгѣ своихъ „Осн. вопр. фил. ист." (2-е изд. 1887) слишкомъ кратко (стр. 1—4) останавливается на значеніи индивидуальной психологіи для исторіи. За то роль „коллективной психологіи" въ исторіи изслѣдована проф. Карѣевымъ весьма подробно, какъ l. c. (стр. 5—50), такъ и въ соч.: „Сущность историч. процесса и роль личности въ исторіи" и во многихъ его журнальныхъ статьяхъ. Рѣзкое характерное различіе „коллективной психологіи", съ одной стороны, отъ индивидуальной, а съ другой—отъ соціологіи во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ проф. Карѣева такъ наглядно и убѣдительно доказано, что для всякаго, знакомаго съ принципами классификаціи наукъ, ясно, что „коллективная психологія" имѣетъ полное право на особое мѣсто въ системѣ наукъ, а именно—между индивидуальною психологіею и соціологіею. Возраженіе Н. Грота (Вопр. фил. и псих., кн. 4, Прилож., стр. 41), что „обособленіе все новыхъ и новыхъ наукъ не только не облегчитъ, но скорѣе затруднитъ дѣло" (рѣшеніе исторіософическихъ вопросовъ), не можетъ считаться „stichhaltig", ибо вѣдь тотъ же аргументъ и Ог. Контъ въ свое время могъ выставить противъ выдѣленія психологіи (составляющей въ его классификаціи, какъ извѣстно, лишь часть физіологіи) въ особую науку. При этомъ надо еще отличать „коллективную психологію", какъ абстрактную науку, отъ такъ наз.

Digitized by Google

и дефекты первостепенной важности въ историческихъ сочиненіяхъ старой школы происходятъ именно отъ частаго, если не постояннаго игнорированія ихъ авторами психической стороны историческаго процесса.

Почти совершенно за то игнорируется и до настоящаго времени и притомъ не только по неприменѣнію къ изученію отдѣльныхъ явленій (подобно вопросу о роли психологіи въ исторіи), но даже и по отсутствію принципіальной постановки (въ противность послѣднему)— обратный, также очень важный вопросъ. Это есть вопросъ о необходимости, или, по крайней мѣрѣ, полезности *исторіи для психологіи*. Онъ, какъ извѣстно, былъ затронутъ, между прочимъ, Бокленъ въ его „Исторіи цивил. въ Англіи".

Однако непосредственнымъ поводомъ для настоящей нашей статьи послужила рецензія, помѣщенная г. Влад. Соловьевымъ въ 10-й (за ноябрь 1891 г.) книгѣ „Вопросовъ философіи и психологіи", подъ заглавіемъ: „Руководящія мысли Историческаго Обозрѣнія". Разбирая въ этой своей замѣткѣ „двѣ помѣщенныя въ I томѣ („Историч. Обозрѣнія") руководящія статьи" проф. Н. И. Карѣева и соглашаясь съ нимъ во многомъ, г. Соловьевъ однако также и не соглашается съ нимъ въ нѣкоторыхъ кардинальныхъ вопросахъ. Между прочимъ г. Соловьевъ особенно полемизируетъ съ проф. Карѣевымъ по вопросу о способности исторіи содѣйствовать объясненію такихъ, напр., вещей какъ свободная или несвободная воля. А именно, проф. Карѣевъ въ статьѣ „Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки" (въ I томѣ „Ист. Обозр.") развиваетъ, между прочимъ, мысль о томъ, что такого рода вопросы философіи (напр., вопросъ о причинности) и психологіи, (напр., вопросъ о волѣ) съ большимъ успѣхомъ могутъ быть разрѣшаемы историческою наукою. Г. Вл. Соловьевъ рѣшительно протестуетъ противъ этого мнѣнія, безусловно отрицая возможность извлеченія какой-либо пользы психологами и философами изъ исторіи. Такимъ образомъ, вопросъ объ исторіи, какъ объ основаніи психологической науки, ставится ребромъ. А въ наукѣ, какъ извѣстно, возбужденіе извѣстнаго вопроса часто, по крайней мѣрѣ, столько же важно, сколько и его разрѣшеніе. А потому, если бы даже мы и раздѣляли съ г. Соловьевымъ мнѣніе о несостоятельности аргументаціи проф. Карѣева въ защиту полезности исторіи для рѣшенія психологическихъ вопросовъ (а читатель увидитъ ниже, почему мы не раздѣляемъ этого мнѣнія), то даже и тогда слѣдовало бы признать за проф. Карѣевымъ большую заслугу въ одной уже постановкѣ

Völkerpsychologie (Штейнталя и Лацаруса)—науки, преимущественно конкретной и описательной.

Digitized by Google

этого вопроса объ исторической наукѣ, какъ источникѣ объясненія психическихъ явленій. И ту же большую заслугу, и по той же причинѣ, положилъ здѣсь и г. Соловьевъ.

Свое несогласіе съ проф. Карѣевымъ (по вопросу о способности исторической науки рѣшать извѣстныя философскія и психологическія задачи) г. Соловьевъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „Основной теоретическій вопросъ исторіи есть вопросъ объ исторической причинности. Едва ли можно согласиться съ Н. И. Карѣевымъ, видящимъ здѣсь одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ спеціально рѣшенію ученыхъ историковъ..." (стр. 76). (1). Также и въ изслѣдованіи принципіальнаго вопроса соціологіи философы, по мнѣнію г. Соловьева, гораздо компетентнѣе историковъ: „Отношеніе между „особнякомъ" и совокупностью, между индивидуальнымъ и общимъ, между частными элементами и цѣлымъ, или, говоря конкретно, между отдѣльными людьми и всѣмъ народомъ или всѣмъ человѣчествомъ, это отношеніе, отъ котораго зависитъ специфическій характеръ причинности исторической въ отличіе, ближайшимъ образомъ, отъ простой психологической,—оно то и составляетъ умозрительный вопросъ, совершенно неразрѣшимый для историка, какъ такового" (стр. 77). (2). А нѣсколько ниже, процитировавши обвиненіе проф. Карѣевымъ современной науки въ искаженіи „роли личности въ исторіи" (съ одной стороны—чрезъ превращеніе „личности въ собирательное обозначеніе мелкихъ психологическихъ процессовъ", а съ другой—чрезъ разсматриваніе личности, какъ простого фаталистическаго продукта своего мѣста и времени), г. Соловьевъ замѣчаетъ на это отъ себя: „Но вѣдь... эти... заблужденія, справедливо осуждаемыя Н. И. Карѣевымъ, имѣютъ чисто философскій характеръ, и я рѣшительно отказываюсь представить себѣ, какимъ образомъ ученый историкъ на почвѣ своей науки и ея средствами можетъ опровергнуть иллюзіонизмъ англійской психологіи, или пантеистическую идею безличнаго мірового духа, или исключительно механическое міровоззрѣніе матеріалистовъ? Если же онъ, чтобы отстоять значеніе личности, станетъ опровергать упомянутыя заблужденія путемъ философской критики, то ему придется нести совъ въ Аѳины, ибо такими опроверженіями весьма обильна не только западно-европейская, но даже и русская философская литература". (Стр. 78). (3). Непосредственно затѣмъ г. Соловьевъ касается спеціальнаго вопроса о свободной волѣ и невозможности его разрѣшенія историками-теоретиками, какъ таковыми: „съ вопросомъ о значеніи личности неразрывно связанъ другой, также чисто философскій вопросъ—о свободѣ воли. Собственно это одинъ и тотъ же вопросъ въ двухъ разныхъ выраженіяхъ. Н. И. Карѣевъ думаетъ, что въ разсужденіи свободы воли философы могутъ получить отъ историковъ суще-

Digitized by Google

ственную помощь, ибо первые разсматриваютъ лишь единичнаго волящаго субъекта въ изолированномъ состояніи, тогда какъ историкъ знаетъ этого субъекта такимъ, какимъ онъ является на самомъ дѣлѣ, именно въ неразрывномъ взаимоотношеніи съ другими волящими и дѣйствующими на него субъектами. Послѣднее указаніе совершенно безспорно, но изъ него никакъ нельзя выводить того, что̀ выводитъ нашъ авторъ. Между философомъ, изслѣдующимъ общее основное свойство индивидуальной воли какъ таковой, одинаковой во всѣхъ субъектахъ, и историкомъ, изучающимъ конкретныя проявленія множества взаимодѣйствующихъ индивидуальныхъ волей, такое же отношеніе, какъ между химикомъ, разлагающимъ воду на ея составные элементы и опредѣляющимъ свойство этихъ элементовъ, одинаковыхъ во всякой водѣ,—и гидрографомъ, который изучаетъ конкретное распредѣленіе различныхъ водныхъ массъ на земной поверхности. Конечно, всякій ученый гидрографъ отлично знаетъ химическій составъ воды; но онъ пріобрѣлъ это знаніе изъ химіи и никакъ не могъ бы его достигнуть спеціальными средствами своей науки; химикъ же для своихъ анализовъ вовсе не нуждается ни въ какихъ свѣдѣніяхъ изъ гидрографіи. Подобнымъ образомъ, если историкъ имѣетъ опредѣленный взглядъ на свободу воли, или на „единство и цѣльность человѣческаго я“, то онъ получаетъ этотъ взглядъ изъ философіи, а никакъ не извлекаетъ его изъ историческихъ данныхъ: въ этомъ, вѣроятно, убѣдился бы и Н. И. Карѣевъ, если бы попробовалъ представить примѣрный способъ такого извлеченія. Но онъ ограничивается простымъ указаніемъ того, что люди находятся во взаимодѣйствіи. Неужели однако философы не могутъ узнать этой истины помимо историковъ? Я полагаю, что, когда химику, для его опытовъ, нужна вода, то онъ беретъ ее изъ своей кухни, а отнюдь не изъ гидрографическаго атласа; точно такъ же философу для пониманія коренныхъ свойствъ человѣческой воли совершенно достаточно наблюдать себя самого и своихъ домашнихъ, оставляя въ покоѣ Тита Ливія и Моммсена; ибо ясно, что природа личной воли, какъ таковой, совершенно одинакова у всѣхъ людей—будь они историческіе дѣятели, или простые смертные,—точно такъ же, какъ *всякая* вода одинаково состоитъ изъ кислорода и водорода въ одномъ и томъ же опредѣленномъ отношеніи“ (Стр. 78 и 79). (4).

Такова сущность разсужденій г. Соловьева на тему о безполезности исторіи, какъ пособницы при разрѣшеніи извѣстныхъ философско-психологическихъ задачъ. Обращаясь теперь къ критикѣ его взглядовъ, мы однако предупреждаемъ читателя, что здѣсь мы, за недостаткомъ мѣста, подробно разсмотримъ собственно лишь послѣднее разсужденіе г. Соловьева (4), какъ трактующее о наиболѣе общемъ-

Digitized by Google

тересномъ вопросѣ о свободной или несвободной волѣ и роли исторической науки въ его разрѣшеніи. При этомъ мы вездѣ подъ словомъ „исторія“ будемъ понимать эту науку въ смыслѣ конкретномъ. Отсюда слѣдуетъ: во-1-хъ, что мы здѣсь затрогиваемъ нѣсколько другую сторону этого вопроса, нежели проф. Карѣевъ, который развиваетъ мысль о способности исторіи, преимущественно какъ отвлеченной науки, къ разрѣшенію извѣстныхъ философско-психологическихъ задачъ. А, во 2-хъ, въ связи съ этимъ, и методъ, которымъ (какъ мы ниже намѣрены демонстрировать) конкретная прагматическая (а отчасти даже и „культурная“ [1]) исторія можетъ содѣйствовать разъясненію разныхъ вопросовъ психологіи (одинаково какъ „индивидуальной“, такъ равно и „коллективной“), очевидно, можетъ быть лишь—индуктивнымъ.

II.

При внимательномъ разборѣ приведенной нами только-что аргументаціи г. Влад. Соловьева поражаетъ прежде всего то, что такой опытный ученый игнорируетъ ту важную истину, что comparaison n'est pas raison. Дѣйствительно, все почти возраженіе г. Соловьева противъ мнѣнія проф. Карѣева, „что въ разсужденіи свободы воли философы могутъ получить отъ историковъ существенную помощь и т. д.“ (см. выше) основано на *аналогіи*, притомъ въ данномъ случаѣ въ принципѣ ошибочной, какъ мы сейчасъ увидимъ. Дѣйствительно, *во-первыхъ*, нельзя проводить параллели — съ одной стороны, между каплею воды и большими массами ея, а съ другой — между отдѣльною личностью и обществомъ, а это потому, что въ первомъ случаѣ различіе лишь количественное, а во второмъ — еще и качественное [2]). *Во-вторыхъ*, аналогія между гидрографіей и исторіей—

---

[1]) О различіи этихъ двухъ послѣднихъ терминовъ см. у проф. Н. Карѣева, въ Прилож. II къ части II его „Осн. вопр. фил. ист.“, 2-е изд.

[2]) Хотя эта послѣдняя истина извѣстна всякому соціологу, тѣмъ не менѣе, для избѣжанія упрека въ голословности, мы здѣсь сошлемся на авторитетъ такого ученаго, какъ Вильг. Вундтъ. Въ своей статьѣ „Ueber das Verhältniss des Einzelnen zur Gemeinschaft“ („Deutsche Rundschau“, 1891 г., августъ) Вундтъ, между прочимъ (стр. 200), излагаетъ роль языка въ общественной и культурной жизни людей и указываетъ затѣмъ на то, что *языкъ* служитъ выразителемъ не только *личнаго*, но и *общественнаго духа*: „...Такимъ образомъ языкъ является созданіемъ (общественныхъ) единицъ, а все-таки онъ есть нѣчто *безконечно бо́льшее, чѣмъ это*. Онъ — подлинное созданіе *общественнаго духа*, и подобно тому, какъ онъ (языкъ) относится къ инстинктивнымъ выраженіямъ индивидуальныхъ чувствъ, прорывающихся наружу въ формѣ естественныхъ

тоже очень „хромающая": гидрографія есть наука чисто описательная, между тѣмъ какъ *исторія* въ настоящее время мѣтитъ гораздо дальше. Прагматическій анализъ въ солидныхъ историческихъ сочиненіяхъ служитъ наглядным доказательствомъ возможности, чтобы исторія содѣйствовала разрѣшенію вопроса о (психологической) причинности (въ принципѣ), а именно съ помощью метода индуктивнаго. Дѣйствительно, въ этомъ прагматическомъ раскрытіи причинной связи историческихъ событій (при которомъ историкъ неизбѣжно долженъ анализировать, какъ со стороны статической, такъ и съ динамической, а не только описывать различныя качества ума, чувства и характера изображаемыхъ имъ лицъ), элементы психическій и конкретно-историческій такъ тѣсно другъ къ другу прикасаются и между собою переплетаются, что трудно сказать, гдѣ кончается историческое повѣствованіе и гдѣ начинается психологическій анализъ,—наглядное доказательство тѣсной связи между исторіей и психологіей.

Г. Соловьевъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что „если историкъ имѣетъ опредѣленный взглядъ на свободу воли, или на „единство и цѣльность человѣческаго *я*", то онъ получаетъ этотъ взглядъ изъ философіи, а никакъ не извлекаетъ его изъ историческихъ данныхъ: въ этомъ, вѣроятно, убѣдился бы и Н. И. Карѣевъ, если бы попробовалъ представить примѣрный способъ такого извлеченія". Но вѣдь уже давнымъ-давно Бокль, разсматривая (въ 1 части I тома своей „Ист. цив. въ Англіи") вопросъ о свободѣ воли, объяснилъ намъ, что онъ пришелъ къ отрицательному его рѣшенію не столько съ помощью философіи, сколько—*во-1-хъ*—статистики, наглядно показывающей, если держаться „закона большихъ чиселъ", строгую правильность, повидимому, произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій;—а *во-2-хъ*—еще и съ помощью именно исторіи, при изученіи которой,

---

восклицаній и другихъ невольныхъ выразительныхъ движеній, точно такимъ же образомъ относится тотъ общественный духъ къ представляемымъ нами себѣ индивидуальнымъ духамъ. Подобно тому, какъ языкъ не имѣетъ существованія за предѣлами тѣхъ, которые на немъ говорятъ, такъ и общественный духъ не есть духовное существо, которое живетъ и развивается внѣ единицъ, но онъ есть духовное единство самихъ единицъ. Но именно потому онъ есть *нечто безконечно бо́льшее, чѣмъ сумма индивидуумовъ*.... Изъ простого собранія отдѣльныхъ выразительныхъ звуковъ никогда не можетъ создаться языкъ.... Потому и *общественная жизнь никогда не представляетъ изъ себя простой суммы индивидуальныхъ вліяній*. Даже и съ умноженіемъ я не хотѣлъ бы ея сравнивать, потому что послѣднее вѣдь всегда производитъ величины того-же саморода, какъ первоначальныя. *Духовные-же продукты общества* суть продукты *новаго рода*, способность къ созданію которыхъ хотя и лежитъ въ индивидуумахъ, но которые однако *какъ качественно, такъ и количественно представляютъ изъ себя новыя величины*.

Digitized by Google

говоритъ Бокль, событія кажутся намъ неправильными и зависящими отъ произвола (т.-е. „свободной воли“) отдѣльныхъ личностей, лишь если мы разсматриваемъ краткіе періоды въ жизни извѣстныхъ націй; при разсматриваніи же большихъ эпохъ исторія ихъ представляетъ характеръ замѣчательно правильный (т.-е. строго детерминистическій). Такимъ образомъ историкъ вполнѣ способенъ „извлекать изъ историческихъ данныхъ“ аргументы для рѣшенія вопроса о свободѣ воли.

Но г. Соловьевъ думаетъ иначе. Онъ, какъ мы видѣли, полагаетъ, что „философу для пониманія коренныхъ свойствъ человѣческой воли совершенно достаточно наблюдать себя самого и своихъ домашнихъ, оставляя въ покоѣ Тита Ливія и Моммсена; ибо ясно, что природа личной воли, какъ таковой, совершенно одинакова у всѣхъ людей — будь они историческіе дѣятели, или простые смертные“. То-есть онъ прямо провозглашаетъ *метафизическій* (по выраженію Бокля) методъ изученія законовъ человѣческой воли (составляющей часть человѣческаго духа вообще) за единственный научный. Однако именно объ этомъ послѣднемъ методѣ Бокль говоритъ слѣдующее: „*Метафизическій методъ (изученія законовъ человѣческаго духа)*.... состоитъ въ томъ, что каждый изучаетъ дѣятельность собственнаго духа.... Методъ этотъ составляетъ прямую противоположность *историческому*: метафизическій методъ состоитъ въ изученіи одного духа; историческій — многихъ..... Все, что мы знаемъ въ настоящее время, узнано посредствомъ изученія явленій, отъ которыхъ устраняются всѣ случайныя колебанія, и такимъ образомъ въ результатѣ получается законъ.... А это можно сдѣлать только *посредствомъ наблюденій, достаточно многочисленныхъ для устраненія всѣхъ уклоненій или* посредствомъ *опытовъ, чрезвычайно точныхъ*, объединяющихъ явленіе“... [1]). И далѣе: „...Я убѣжденъ, что простымъ наблюденіемъ надъ собственною душою и тѣми *грубыми опытами*, которые мы можемъ производить надъ нею, невозможно возвысить психологіи на степень науки....“ (стр. 125). А въ главѣ IV у Бокля цѣлый отдѣлъ такъ прямо и озаглавленъ: „*Историческій методъ изученія законовъ духа выше метафизическаго*“. Аргументируетъ же онъ здѣсь такъ: „Въ предъидущей главѣ, кажется, ясно доказано, что при настоящемъ состояніи нашихъ знаній мы должны во всякомъ случаѣ считать метафизическій методъ не соотвѣтствующимъ тому дѣлу, которое на него нерѣдко возлагаютъ, т.-е. открытію законовъ, управляющихъ движеніемъ человѣческаго духа. Вотъ почему мы принуж-

[1]) Ист. цив. въ Англ. Т. I. Перев. К. Бестужева-Рюмина и Тибл. 8-е изд. 1873 г., стр. 118 и 119.

Digitized by Google

дены обратиться къ *единственному остающемуся методу*, по которому можно изучать *явленія духа*, не только такъ, какъ они совершаются въ духѣ отдѣльнаго наблюдателя, но и такъ, какъ они высказываются въ дѣйствіяхъ человѣчества вообще..." (стр. 126) [1]). Дѣйствительно, рекомендуемый г. Соловьевымъ „метафизическій" методъ изученія природы человѣческой воли очень труденъ и сбивчивъ. Потому неудивительно, что методъ этотъ до сихъ поръ все еще не далъ авторитетныхъ общепризнанныхъ рѣшеній вопроса объ однѣхъ уже основныхъ психическихъ силахъ. Вспомнимъ про современные еще споры нѣмецкихъ психологовъ-метафизиковъ о томъ, что Vernunft и Verstand — двѣ различныя-ли психическія силы или лишь разныя проявленія одной и той-же силы? А еще хуже съ проблеммою о „волѣ": не только что на нашихъ глазахъ ведется нескончаемая война между детерминистами и индетерминистами, но даже по вопросу о самой волѣ въ принципѣ (независимо отъ ея свободы или несвободы) все еще неустановлена окончательная точка зрѣнія. Въ то время, какъ одни ученые все еще держатся традиціонной доктрины, что воля составляетъ одинъ изъ трехъ („разумъ, чувство и воля") основныхъ, неразлагаемыхъ дальше элементовъ человѣческой души, другіе, какъ, напр., Гербертъ Спенсеръ, совершенно отрицаютъ существованіе воли, какъ особой, самостоятельной психической силы. Какъ извѣстно, у Спенсера воля есть лишь „ни что больше, какъ общее названіе, даваемое тому спеціальному чувству, которое является (въ данный моментъ) какъ разъ преобладающимъ (надъ прочими чувствами) и опредѣляетъ дѣйствіе". (Осн. Псих., 3-е изд., I томъ, § 220).

Вундтъ (l. c. 197) указываетъ на слѣдующее кардинальное обстоятельство: „Психологія имѣетъ вездѣ въ своемъ распоряженіи лишь качества единичнаго сознанія въ роли послѣднихъ объяснительныхъ причинъ, и въ то же время вѣдь опытъ (die Erfahrung) вездѣ указываетъ ей *на предѣлы индивидуальной творческой способности*". Вотъ эта указываемая Вундтомъ ограниченность творческихъ силъ отдѣльныхъ личностей и связанная съ нею *количественная* ограниченность тѣхъ наблюденій, которыя психологъ можетъ сдѣлать надъ отдѣльными субъектами (съ которыми онъ, напр., живетъ вмѣстѣ), и составляютъ первое кардинальное препятствіе къ успѣшности изученія психическихъ явленій чрезъ „наблюденіе себя самого и своихъ домашнихъ", и eo ipso доказываютъ полезность (если не необходимость) исторіи для психологіи, такъ какъ что же такое исторія, какъ не прежде всего „сокровищница" почти неизмѣримаго числа конкретныхъ фактовъ изъ жизни всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ?

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

Digitized by Google

Если даже не разсматривать всѣхъ элементовъ человѣческой души, а ограничиться затронутымъ г. Соловьевымъ вопросомъ о волѣ, то и тогда легко увидѣть, къ какимъ односторонниимъ и произвольнымъ заключеніямъ рискуетъ прійти психологъ, который не поступитъ по указанію Бокля и проф. Карѣева и не пойдетъ въ исторію для собиранія данныхъ о человѣческой волѣ, а ограничится наблюденіемъ надъ собою и горстью случайно его постоянно окружающихъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, степень воли весьма различна, *во-первыхъ*, у различныхъ отдѣльныхъ лицъ. Здѣсь она, начиная съ самой сильной, съ одной стороны, по своей *интенсивности* воли (какъ, напр., у Муція Сцеволы, Гуса) и съ другой—по экстенсивности („энергія"—напр., у любого путешественника въ полярныя страны) проходитъ у отдѣльныхъ лицъ чрезъ всѣ градаціи, вплоть до людей съ характеромъ трусливымъ (полное отсутствіе интенсивной воли) или слабымъ (отсутствіе воли экстенсивной), которые „останавливаются, когда поперекъ ихъ дороги лежитъ соломинка". Кромѣ того есть люди (такъ называемыя „Гамлетовскія натуры"), у которыхъ воля не столько слаба въ собственномъ смыслѣ этого слова, сколько не можетъ установиться (вслѣдствіе постоянныхъ contra и pro), а потому эти лица и неспособны къ сколько-нибудь связнымъ дѣйствіямъ. Послѣ этого очевидно, что весьма мало вѣроятности представляется для философа среди „своихъ домашнихъ" встрѣтить *всѣ* типы и градаціи воли и энергіи. И даже еще хуже. Всякія явленія, какъ извѣстно, лучше всего изучать по ихъ крайнимъ типамъ. А между тѣмъ меньше всего имѣется на лицо вѣроятности встрѣтить (особенно — на заказъ) указанные нами выше крайніе типы воли среди даже широкаго круга своихъ знакомыхъ, ибо люди съ крайними характерами (въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ) встрѣчаются, какъ извѣстно, рѣдко, а 99% состоитъ изъ такъ называемыхъ „среднихъ людей".

Но этого мало. Какъ извѣстно, не только отдѣльныя лица, но, *во-вторыхъ*, и цѣлыя племена и націи отличаются другъ отъ друга рѣзко, между прочимъ, различными степенями воли. Начиная отъ расъ, крайне энергичныхъ и предпріимчивыхъ (въ родѣ янки, англичанъ, древнихъ норманновъ) и спускаясь внизъ по всѣмъ степенямъ воли и энергіи, мы дойдемъ, наконецъ, до племенъ слабо-характерныхъ и не-предпріимчивыхъ (каковы, напр., негры и большинство современныхъ дикарей). И здѣсь психологъ также рискуетъ впасть въ недоразумѣніе. Родившись и живя постоянно въ одной и той-же націи онъ, очевидно, фаталистически будетъ отождествлять характеръ и степень воли своего племени, въ ея конкретныхъ случайныхъ проявленіяхъ, съ человѣческою волею вообще, т.-е. приметъ часть за цѣлое, а потому и теорія его о волѣ будетъ не-научною.

Digitized by Google

Возможно, что г. Соловьевъ на наши послѣднія разсужденія *о количественной* недостаточности для психолога однихъ „наблюденій надъ собою и своими домашними“ возразитъ, что вѣдь различныхъ градацій воли философъ и не имѣетъ вовсе въ виду изучать, а интересъ для него представляетъ лишь вопросъ о „природѣ личной воли, какъ таковой, которая совершенно одинакова у всѣхъ людей“. Однако, какъ мы выше видѣли, пришелъ же Спенсеръ къ заключенію, что съ понятіемъ объ основной природѣ воли сопряжено просто *сравнительное* (часто лишь моментальное) превосходство одного чувства надъ прочими, т.-е. природа воли математически выражается знакомъ неравенства [1]) и потому отвлеченное понятіе воли есть, въ сущности, только голая схема, получающая реальное значеніе лишь по вложеніи въ нее извѣстнаго содержанія, что̀ въ полномъ размѣрѣ возможно лишь при имѣніи въ своемъ распоряженіи всѣхъ видовъ и градацій конкретныхъ фактовъ, т.-е. достаточно разнообразныхъ, чтобы спасти психолога отъ односторонникъ выводовъ при эксплоатаціи этихъ фактовъ по методу научной индукціи. Безъ соблюденія этого послѣдняго условія всякія отвлеченныя разсужденія „о коренной природѣ воли“ рискуютъ превратиться въ чистую схоластику, въ безплодныя разсужденія „о жизни духа и духѣ жизни“. И дѣйствительно, въ бо̀льшей части всѣхъ сочиненій о волѣ, написанныхъ по отвлеченно-метафизическому методу, мы „въ концѣ знаемъ объ интересующемъ насъ вопросѣ ровно столько же, сколько знали о немъ въ началѣ“ [2]).

Изъ современной (педагогической) психологіи намъ извѣстно, что степень вниманія (и ео ipso — продуктивности даннаго изслѣдованія) „прямо пропорціональна“ степени интереса, возбуждаемаго объектомъ изслѣдованія; степень-же интереса, какъ извѣстно, въ свою очередь, пропорціональна разнообразію и новизнѣ объектовъ. (Сравн. у Спенсера, Осн. Псих., I т., § 128, начало). А *гдѣ* бо̀льше разнообразія фактовъ: во всемірной исторіи или среди круга „нашихъ домашнихъ“?

Впрочемъ мы изъ нижеслѣдующаго примѣра наглядно убѣдимся, что рекомендуемаго г. Соловьевымъ для изслѣдованія природы воли метода (ограничиться „наблюденіемъ себя самого и своихъ домашнихъ, оставляя въ покоѣ Тита Ливія и Моммсена“) — даже нельзя

---

[1]) $r_1 > r_2 + r_3 + \ldots$ (Здѣсь r=чувство).

[2]) Современная философская критика также вовсе не ожидаетъ продуктивныхъ результатовъ отъ метафизическаго трактованія проблеммы свободы воли: „Несомнѣнно, что *столь сложный вопросъ*, какъ свобода воли, не можетъ быть правильно и полно рѣшенъ однимъ діалектическимъ методомъ на почвѣ чисто логическихъ построеній“. („Вопр. фил. и псих.“ Кн. 13 „Обзоръ книгъ“. Рецензія А. Бао, стр. 67).

Digitized by Google

осуществить на практикѣ. Представимъ себѣ современнаго ученаго, находящимся случайно въ Парижѣ, гдѣ онъ, въ качествѣ истиннаго философа, какъ вездѣ и всегда, такъ и въ этомъ городѣ, не перестаетъ дѣлать психологическихъ наблюденій надъ своими, по крайней мѣрѣ, близкими знакомыми для изслѣдованія вопроса о „коренной природѣ воли". Положимъ далѣе, что въ числѣ этихъ его знакомыхъ находятся нѣкоторые изъ тѣхъ *парижскихъ* присяжныхъ, которые судили недавно Равашоля. Присяжные эти, какъ извѣстно, приговорили тогда этого анархиста не къ смертной казни, а лишь къ пожизненному тюремному заключенію, и чрезъ это навлекли на себя упрекъ въ трусости и слабости характера, которыя на научномъ языкѣ могутъ быть названы „слабостью воли" [1]). Заинтересовавшись этою (по выраженію нѣкоторыхъ газетъ) „неслыханною и чудовищною" слабостью воли своихъ знакомыхъ, какъ интереснымъ психическимъ явленіемъ, имѣющимъ связь съ общимъ вопросомъ о волѣ и ея основной природѣ (напр., о ея присутствіи и отсутствіи), ученый, конечно, постарается отыскать генезисъ этой трусости. Указанія газетъ на то, что парижскіе присяжные боялись мести анархистовъ (въ случаѣ смертнаго приговора надъ Равашолемъ), конечно, лишь отодвигаетъ вопросъ, а не рѣшаетъ его; и даже сами газеты это тогда сознавали, ибо указывали на другіе примѣры (изъ *исторіи* нашего столѣтія, между прочимъ), гдѣ граждане и государственныя лица при гораздо бо́льшихъ опасностяхъ проявляли гораздо бо́льшую смѣлость. Потому, для сведенія этого явленія (слабой воли) къ основнымъ его причинамъ, нашему философу останется лишь одно изъ двухъ: или удариться въ мистицизмъ и ссылаться на разныя таинственныя душевныя силы, живущія въ душѣ человѣческой и неожиданно себя проявляющія, или же прежде всего обратиться къ анализу общаго (т.-е. классового) характера этихъ присяжныхъ (ибо „слабая воля" въ данномъ случаѣ — ихъ общая типическая черта). Если они, напр., (въ чемъ представляется наибольшая вѣроятность) окажутся всѣ изъ рядовъ такъ называемой „буржуазіи", то намъ придется узнать, насколько вообще это третье сословіе во Франціи отличается трусостью, насколько эта теперешняя его трусость объясняется изъ условій историческаго развитія и генезиса этого сословія во Франціи.

Тутъ намъ могутъ возразить, что вѣдь буржуазія—теперь именно *правящій* классъ во Франціи; тогда намъ для разъясненія вопроса придется обратиться къ французской исторіи. Она намъ сообщитъ,

---

[1]) „Слабая воля" можетъ проходить, какъ извѣстно, чрезъ разныя градаціи, пока, наконецъ, не обратится въ полное „отсутствіе воли",— явленіе также иногда наблюдаемое въ дѣйствительной жизни.

Digitized by Google

что буржуазія во Франціи является высшимъ классомъ общества и пользуется полною политическою свободою и самоуправленіемъ — только съ конца прошлаго вѣка, т.-е. едва сто лѣтъ (и притомъ съ перерывами, такъ сказать, сто лѣтъ brutto, а не netto), — періодъ весьма краткій въ жизни цѣлаго класса общества и потому недостаточный для полнаго измѣненія его натуры. Затѣмъ вопросъ о развитіи французской буржуазіи, для полнаго выясненія ея теперешняго характера, потребуетъ еще дальнѣйшаго изученія генезиса послѣдняго, съ цѣлью опредѣленія, какъ долго вообще существуетъ это сословіе во Франціи, было ли оно за все время отъ своего появленія на сценѣ исторіи вплоть до конца XVIII вѣка подъ политическимъ гнетомъ и притомъ — какимъ сильнымъ и т. п. А для этого намъ придется вывести на сцену, напр., Людовика XI, Генриха IV, Людовиковъ XIII (съ Ришелье) и XIV и т. п., въ связи съ ихъ эпохами [1]).

Такимъ образомъ, взявшись, съ чисто психологически-философскою цѣлью, за изслѣдованіе такого явленія, какъ трусость своихъ случайныхъ знакомыхъ въ ихъ роли присяжныхъ судей, нашъ философъ долженъ будетъ отыскивать на *исторической* почвѣ генезисъ этого явленія, оказавшагося, при внимательномъ разсмотрѣніи, имѣющимъ характеръ не личный, а коллективный (именно—классовой), и eo ipso мы вмѣстѣ съ нашимъ философомъ далеко перешагнули не только чрезъ ряды нашихъ „домашнихъ“, но даже и самыхъ отдаленныхъ знакомыхъ и незамѣтно очутились во второй половинѣ XV столѣтія.

Такой методъ опредѣленія внутренней природы и сущности различныхъ качествъ души (напр. „слабой воли“ resp. и самой „воли“ въ принципѣ) называется, какъ извѣстно, эволюціоннымъ. Воззрѣніе, лежащее въ основаніи эволюціоннаго метода, состоитъ въ томъ, что

---

[1]) Если присяжные судьи въ Монбризонѣ, судившіе Равашоля послѣ своихъ парижскихъ коллегъ, и обнаружили больше смѣлости и приговорили его къ смертной казни (затѣмъ приведенной въ исполненіе), то это объясняется тѣмъ, что вышеупомянутыя отрицательныя качества французской буржуазіи, по своей природѣ первичныя и сравнительно постоянныя, были въ этомъ случаѣ нейтрализированы временно извѣстными вторичными вліяніями, какъ, напр., энергическимъ давленіемъ французской прессы, выставлявшей публично на видъ „позорную трусость“ парижскихъ присяжныхъ; чрезвычайными мѣрами предосторожности, принятыми властями, съ цѣлью предохранить монбризонскихъ присяжныхъ отъ устрашающаго вліянія и мести анархистовъ и т. п. Впрочемъ, кромѣ этого казуса съ Равашолемъ, газеты полны фактовъ, наглядно характеризующихъ паническій страхъ французской буржуазіи предъ анархистами.

Digitized by Google

основныя качества души—разумъ, чувство и воля, суть силы весьма сложныя, постепенно развившіяся изъ низшихъ психическихъ силъ и функцій, а потому для постиженія „основной природы" разума, чувства и воли надо прослѣдить ихъ развитіе (эволюцію) отъ самыхъ низшихъ организмовъ до самыхъ высшихъ и выдающихся представителей человѣческаго рода. „Основанія Психологіи" Спенсера сполна построены на такомъ эволюціонномъ принципѣ, хотя *историческую* эволюцію человѣческаго рода онъ и затрогиваетъ рѣдко. И тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ эволюціонный методъ, психологія Спенсера вовсе не можетъ быть названа „описательною" и поставлена въ параллель гидрографіи. Однако такого изслѣдованія генезиса душевной жизни человѣка на почвѣ одной эволюціи органическаго міра еще—недостаточно. Въ не меньшей степени нужно всегда принимать въ расчетъ еще и эволюцію *надъ-органическую*, т.-е. исторію; и дѣйствительно, на анализѣ вышеприведеннаго примѣра (съ парижскими присяжными) мы имѣли возможность наглядно видѣть, что объясненіе извѣстныхъ душевныхъ качествъ возможно часто не иначе, какъ на почвѣ коллективно-психологическаго историческаго анализа [1]).

III.

Въ утвержденіи г. Влад. Соловьева, что „философу для пониманія коренныхъ свойствъ человѣческой воли совершенно достаточно наблюдать *себя самого и своихъ домашнихъ*", заключается молчаливое признаніе той истины, что одного отвлеченнаго („метафизическаго") метода для рѣшенія основныхъ проблемъ психологіи — въ лучшемъ случаѣ—недостаточно, а что для этого нужна еще и индукція. Но, какъ мы только-что видѣли, эта система ограниченія психическихъ наблюденій надъ „собою самимъ и своими домашними" именно не удовлетворяетъ одному изъ существенныхъ требованій научной индукціи—

---

[1]) Это доказываетъ намъ всю важность для исторіи именно *коллективной* (а не только личной) психологіи, на что такъ часто (срав. выше) указываетъ проф. Карѣевъ. Однако, какъ мы видимъ изъ этого же самаго примѣра, коллективная психологія должна быть наукою не только описательною, но даже и преимущественно аналитическою (въ смыслѣ какъ статическомъ, такъ и динамическомъ) и, можетъ быть, въ такомъ незаконномъ преобладаніи описательнаго элемента надъ аналитическимъ лежитъ главная причина указываемаго г. Карѣевымъ факта, — что „сознательно сдѣланная попытка основанія коллективной психологіи (Völkerpsychologie Лацаруса и Штейнталя...) не дала пока никакихъ важныхъ — по крайней мѣрѣ, для теоріи исторіи — результатовъ..."

Digitized by Google

объ основаніи наблюдателемъ своихъ выводовъ на *значительномъ количествѣ разнообразныхъ* фактовъ. А теперь мы сейчасъ увидимъ, что рекомендуемый намъ методъ не только съ количественной, но и съ *качественной* стороны не удовлетворяетъ требованіямъ научной индукціи. Ученый, конечно, не можетъ слѣдовать примѣру „публики", ежедневно разсуждающей вкривь и вкось о смыслѣ и слѣдствіяхъ разнаго рода случайно долетающихъ до ея слуха извѣстій о „событіяхъ", и не трудящейся даже поставить предварительно вопроса объ установленіи достовѣрности сообщаемыхъ *фактовъ*. Каждый ученый знаетъ, что наблюдаемыя имъ явленія, прежде чѣмъ они могутъ служить ему матеріалами для научныхъ обобщеній и выводовъ, должны быть сперва провѣрены со стороны соотвѣтствія своего съ дѣйствительностью, а затѣмъ лишь — условно или безусловно приняты (или отвергнуты). А точное соблюденіе именно этого требованія, т.-е. предварительная *установка фактической вѣрности* явленій, служащихъ матеріаломъ для выводовъ, — вещь гораздо болѣе трудная и сбивчивая, чѣмъ полагаютъ многіе поверхностные наблюдатели, и трудность и запутанность эти болѣе всего даютъ себя знать именно въ интересующей насъ здѣсь области „духовныхъ" явленій.

Отвергая помощь Тита Ливія и Моммсена, рекомендуя, въ качествѣ объектовъ для наблюденій, „себя самого и своихъ домашнихъ", г. Соловьевъ, конечно, имѣлъ въ виду, что жизнь и дѣятельность этихъ лицъ происходитъ на глазахъ у философа, а потому она представляетъ для него особыя преимущества со стороны *количественной*, т.-е. даетъ въ его распоряженіе все же большее число фактовъ, чѣмъ ихъ получится при наблюденіяхъ надъ болѣе далекими своими знакомыми. Далѣе, въ виду того, что эти лица—самъ наблюдатель и его семейные и близкіе знакомые, онъ именно отъ нихъ и ожидаетъ наибольшей искренности и откровенности въ сношеніяхъ съ нимъ, имѣя въ то же время возможность наблюдать и закулисную сторону ихъ жизни. Однако, къ сожалѣнію, въ томъ-то и бѣда, что именно эта же самая *близость* къ наблюдателю его „домашнихъ" лишаетъ его почти совершенно возможности производить объективныя и безпристрастныя наблюденія надъ ихъ жизнью, т.-е. устанавливать ея психическія проявленія въ смыслѣ фактовъ; такъ какъ здѣсь появляется новый, фатальный для истины факторъ — *пристрастіе*, вытекающее именно изъ тѣхъ связей родства и дружбы, которыя связываютъ человѣка съ его „домашними". Какую парализующую роль по отношенію къ вѣрному и объективному наблюденію и установленію явленій играетъ такое пристрастіе, съ отрицательной стороны наглядно показываютъ медицинская и юридическая практика. Доктора, какъ извѣстно, почти всегда боятся *сами* лѣчить себя и своихъ домаш-

Digitized by Google

нихъ, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ серьезныхъ болѣзней, такъ какъ не увѣрены въ своемъ хладнокровіи и объективизмѣ (нужныхъ, между прочимъ, для констатированія характера болѣзни, мѣста ея, степени опасности и т. п.). Судебными уставами всѣхъ цивилизованныхъ странъ запрещается лицамъ, состоящимъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства или свойства съ истцомъ, отвѣтчикомъ, обвинителемъ или подсудимымъ (respective его адвокатомъ), выступать въ качествѣ экспертовъ и судей. Что же касается психологическихъ наблюденій философа надъ „самимъ собою", то, конечно, ужъ подавно здѣсь личное пристрастіе будетъ непрерывною цѣпью парализовать вѣрность его наблюденій. „Никто самому себѣ не судья", говоритъ пословица. А потому и всѣ выводы, дѣлаемые философомъ на основаніи „наблюденій надъ самимъ собой", слѣдуетъ всегда принимать съ крайнею осторожностью и даже съ скептицизмомъ. Въ связи со всѣмъ только-что сказаннымъ, вспомнимъ, какую громадную роль играетъ *предвзятое мнѣніе* при нашихъ сужденіяхъ о другихъ лицахъ, а отчасти даже и о насъ самихъ,—въ смыслѣ фактора, искажающаго истинный характеръ наблюдаемаго нами психическаго явленія.

Мы не упомянули еще объ основномъ и самомъ фатальномъ дефектѣ всѣхъ нашихъ наблюденій надъ психическою жизнію всѣхъ безъ исключенія другихъ людей—дефектѣ, дѣлающемъ весьма проблематическою фактическую, объективную вѣрность такихъ наблюденій. Это принципіально невыгодное для психолога-обсерватора обстоятельство указывается Гербертомъ Спенсеромъ въ § 41-мъ I тома его „Основаній Психологіи".

„*Каждый индивидуумъ абсолютно неспособенъ познавать другія чувства, кромѣ своихъ собственныхъ*..... Выводъ, что существуютъ такія же созданія, какъ мы сами, и *что они при одинаковыхъ условіяхъ имѣютъ одинаковыя чувствованія*,.... *не совершенно вѣренъ*, потому что многіе факты соединяются для доказательства того, что *при равныхъ условіяхъ какъ количество, такъ и качество чувствованій и раздраженій* въ различныхъ индивидуумахъ *чрезвычайно отличаются* другъ отъ друга..."—Эту то важную, указываемую Спенсеромъ, истину всѣ люди, не исключая и философовъ, постоянно забываютъ въ дѣйствительной жизни. На каждомъ шагу мы „судимъ о другихъ по себѣ", когда, сознательно или безсознательно, дѣлаемъ наблюденія надъ окружающими насъ лицами, чтобы такимъ путемъ рѣшать, съ цѣлью теоретическою или практическою, извѣстныя психологическія задачи. Такого рода ложныя заключенія „о другихъ по себѣ" дѣлаются людьми какъ и en grand (напр., дипломатами въ международныхъ сношеніяхъ, государственными людьми во внутренней политикѣ; учеными, наблюдающими дикарей и судящими о ихъ внутрен-

Digitized by Google

ней душевной жизни по аналогіи съ такою же жизнью представителей „цивилизованныхъ націй"),—такъ и en petit (въ ежедневныхъ житейскихъ сношеніяхъ между отдѣльными лицами, въ ихъ взаимныхъ денежныхъ дѣлахъ, любовныхъ отношеніяхъ и т. п.). Этой же ошибки—„сужденія о другихъ по себѣ"—не избѣжать и философу при его наблюденіяхъ надъ своими домашними. Кромѣ всѣхъ случаевъ невольнаго введенія наблюдателя въ заблужденіе наблюдаемыя лица часто умышленно стараются навести другихъ людей на ложные слѣды въ психологической сферѣ. Какъ извѣстно, вѣдь именно на упомянутомъ нами выше фактѣ объ „абсолютной недоступности" данному субъекту непосредственнаго познанія чувствъ другихъ субъектовъ, основаны всѣ тѣ *умышленныя* введенія въ заблужденіе извѣстными лицами другихъ людей, когда этого для первыхъ требуетъ ихъ интересъ—наступательный или оборонительный. Сферы этихъ искусственно производимыхъ иллюзій—тѣ же самыя, какъ и въ только-что нами описанныхъ случаяхъ невольнаго, со стороны объектовъ наблюденія, введенія въ заблужденіе наблюдателей. Нужно всегда помнить, какъ мало искренности заключается вообще во всѣхъ человѣческихъ словахъ и дѣйствіяхъ; какъ часто человѣкъ, даже передъ самимъ собою, а подавно, предъ всѣми безъ исключенія другими людьми, скрываетъ настоящіе мотивы и цѣли своихъ поступковъ, выставляя вмѣсто нихъ болѣе льстящіе его самолюбію, лучше оправдывающіе его въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ мнѣніи, напр., „домашнихъ" и т. п.,—какъ каждое слово у людей говорится съ извѣстною тенденціею и какъ потому трудно наблюдателю-психологу устанавливать *факты* въ этой области [1]).

Не ясно ли послѣ всего сказаннаго, что всѣ психологическіе выводы философа, сдѣланные имъ исключительно на основаніи наблюденій „надъ собою и домашними", будутъ зданіемъ, построеннымъ на пескѣ? Вотъ въ этомъ то затруднительномъ положеніи нашего ученаго и является ему на помощь, въ качествѣ ничѣмъ другимъ незамѣнимой „энциклопедіи точныхъ фактовъ",—конкретная *научная исторія*, повѣствовательная и отчасти описательная прагматическая и отчасти культурная. Лишь *изъ исторіи* ученый психологъ можетъ почерпнуть *гарантированные факты* психическаго характера,

[1]) Около 1884 года были опубликованы письма жены *Карлейля* къ мужу. Въ одномъ изъ нихъ она разсказываетъ Карлейлю, какъ это она постоянно замѣчаетъ, что всѣ ихъ общіе знакомые обращаются съ нею (въ отсутствіи мужа) совсѣмъ иначе, чѣмъ съ самимъ Карлейлемъ,—проще, естественнѣе, искреннѣе, между тѣмъ какъ во всѣхъ сношеніяхъ съ ея мужемъ всякое лицо какъ бы становится на ходули, лицемѣритъ, старается себя показать исключительно съ „лицевой стороны" и т. п.

Digitized by Google

почти до безконечности разнообразные. Въ самомъ дѣлѣ, что же является главною цѣлью исторіи въ ея роли конкретной науки, какъ не критика и провѣрка такъ называемыхъ историческихъ источниковъ со стороны ихъ объективной фактической вѣрности и не установка и возсозданіе (на основаніи комбинацій изъ этихъ провѣренныхъ матеріаловъ) историческихъ событій и культурныхъ состояній?

Особенно первое—выдѣленіе вѣрныхъ фактовъ изъ (иногда давно минувшаго) прошедшаго—вещь гораздо болѣе сложная, чѣмъ обыкновенно думаютъ лица, не посвященныя въ это дѣло, а потому не подозрѣвающія, что историку часто, напр., для провѣрки какой-либо цифры или строки въ текстѣ первоисточника, приходится внимательно просматривать цѣлыя груды матеріаловъ, даже иногда совершать болѣе или менѣе далекія путешествія для собранія или провѣрки данныхъ на мѣстѣ, гдѣ совершилось интересующее его событіе и т. п. Съ другой стороны, въ распоряженіи современной науки находятся многочисленные и разнообразные *пріемы* для такой провѣрки источниковъ. Пріемы эти представляютъ изъ себя цѣлую сложную, раціонально и связно построенную систему, которая по своему остроумію, полнотѣ и приспособленности къ цѣли, въ связи съ только-что упомянутою щепетильностью въ провѣркѣ учеными даже и самыхъ маловначущихъ, на первый взглядъ, данныхъ,—далеко оставляютъ за собою всѣ тѣ грубыя и эмпирическія средства, которыя были бы доступны философу, если бы онъ захотѣлъ провѣрять, съ точки зрѣнія объективной вѣрности, дѣлаемыя имъ психологическія наблюденія „надъ собою и домашними“. Однако по этимъ же самымъ причинамъ исторія достигла своего современнаго блестящаго состоянія лишь постепенно, проходя чрезъ послѣдовательные фазисы развитія, начиная отъ самаго младенческаго состоянія. Сторонники „метафизической“ психологіи игнорируютъ именно эту сторону вопроса,—то именно обстоятельство, что одна уже провѣрка и установка голыхъ фактовъ (изъ сферы даже индивидуальной психологіи)—вещь такая сложная, запутанная и тонкая, что она безусловно требуетъ отдѣленія ея отъ теоретическаго обсужденія этихъ фактовъ: первое дѣло должно производиться особыми спеціалистами (съ помощью цѣлой системы спеціально приспособленныхъ къ этой цѣли раціональныхъ пріемовъ), которые затѣмъ передавали бы такіе добытые ими *гарантированные* факты психологамъ-теоретикамъ, для построенія выводовъ. Такое раздѣленіе труда, очевидно, абсолютно отсутствуетъ при импровизированныхъ наблюденіяхъ и выводахъ надъ собою и окружающими его живыми людьми. И очевидно, что оно вообще не можетъ быть здѣсь проведено на практикѣ.

Въ серьезномъ же и строгомъ значеніи этого слова такое раздѣ-

Digitized by Google

леніе труда существуетъ и можетъ существовать лишь въ исторической наукѣ. Будущіе историки подготовляются къ своей спеціальности въ университетѣ. Здѣсь они, подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ-спеціалистовъ, теоретически и практически „штудируютъ историку": *во-первыхъ*, узнаютъ, гдѣ и какъ историкъ можетъ находить сырые матеріалы (первоисточники) для возсозданія историческихъ событій, а *во-вторыхъ* — знакомятся съ тѣми многочисленными и цѣлесообразными пріемами, съ помощью которыхъ историческая критика провѣряетъ и „фильтрируетъ" находящіеся въ ея распоряженіи матеріалы, классифицируя ихъ по типамъ: несомнѣнно—достовѣрныхъ, сомнительныхъ и несомнѣнно—ложныхъ. Будущіе представители науки усвоиваютъ себѣ здѣсь въ цѣлости ту многосложную и глубоко-ученую систему, которая служитъ къ „нейтрализаціи" могущихъ заключаться въ первоисточникахъ невѣрныхъ свѣденій, каковъ бы ни былъ генезисъ этихъ невѣрностей.

Съ другой стороны, исторія имѣетъ предъ рекомендуемымъ намъ способомъ психологическаго наблюденія еще одно преимущество, придающее еще бо́льшую точность черпаемымъ изъ нея свѣдѣніямъ: историку доступны всѣ безъ исключенія стороны жизни даннаго лица, даже самыя интимныя, бывшія неизвѣстными большинству современниковъ, часто и не подозрѣвавшихъ о существованіи этихъ закулисныхъ сторонъ характера и жизни даннаго субъекта. Кромѣ того, историкъ всегда можетъ по своему желанію имѣть дѣло съ такими историческими личностями, которыя жили долго, такъ что намъ извѣстны также и окончательные результаты какъ отдѣльныхъ ихъ дѣйствій, такъ и цѣлой вообще ихъ жизни.

Намъ могутъ возразить на вышесказанное, что вѣдь и историкъ долженъ (въ смыслѣ фатальной неизбѣжности или даже желательности) всегда излагать событія съ извѣстнымъ *пристрастіемъ*, не меньшимъ, чѣмъ пристрастіе философа при его наблюденіяхъ „надъ собою и домашними". Дѣйствительно, есть особые виды quasi-историковъ, представителей ненаучной исторіографіи, къ которой относятся, напр.: такъ называемая „патріотическая исторія", съ ея девизомъ „вѣрю въ пріятное, отрицаю непріятное"; историческія сочиненія, написанныя не учеными историками въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова, а разными политическими и церковными дѣятелями, и потому дѣйствительно пропитанныя предвзятыми мнѣніями, пристрастіемъ партійнымъ, конфессіональнымъ и т. п. Кто не признаетъ желательности или возможности научной исторіи, тотъ очевидно „судитъ о другихъ по себѣ", воображая, что и для человѣка науки извѣстныя національныя, партійныя, конфессіональныя и т. п. симпатіи и антипатіи имѣютъ такое же значеніе, какъ и для нихъ самихъ.

Digitized by Google

Такого рода пессимисты, очевидно, даже и не подозрѣваютъ, что у всѣхъ истинныхъ ученыхъ существуетъ любовь къ *истинѣ ради истины*; что всѣ совершающіяся во вселенной явленія, между прочимъ, и историческія событія, интересуютъ ученаго, *исключительно* съ точки зрѣнія своихъ причинъ и слѣдствій, безъ всякихъ симпатій и антипатій. Прекраснымъ примѣромъ такого ученаго, „созерцательно" относившагося къ историческимъ событіямъ, является Ранке, объективизмъ котораго можетъ служить лучшимъ доказательствомъ возможности „объективнаго метода" въ исторіи.

Поясникъ для наглядности, изложенныя въ настоящей главѣ отвлеченныя разсужденія на слѣдующихъ двухъ конкретныхъ примѣрахъ противоположнаго характера.

Положимъ, что психологъ живетъ въ Англіи, въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, и въ качествѣ ученаго настолько счастливъ, что въ числѣ своихъ „домашнихъ" или, по крайней мѣрѣ, близкихъ знакомыхъ, находитъ личность съ характеромъ одного изъ крайнихъ типовъ, напр., Оливера Кромвеля, человѣка съ замѣчательно „сильною волею", энергіею и предпріимчивостью. Желая „чрезъ наблюденія своихъ домашнихъ" (а въ томъ числѣ, слѣдовательно, и Кромвеля) извлечь данныя о „природѣ человѣческой воли", нашъ психологъ въ такомъ осторожномъ и скрытомъ человѣкѣ, какъ Оливеръ, найдетъ очень мало „точекъ фиксаціи" для точныхъ наблюденій. Съ другой стороны, этотъ психологъ, несмотря на всю свою ученость, все-таки хоть отчасти будетъ погруженъ въ міровоззрѣніе своей страны и своего времени, а также—затронутъ, болѣе или менѣе, борьбою религіозныхъ и политическихъ интересовъ и страстей, которыми такъ полна англійская исторія XVII вѣка; а потому онъ, по крайней мѣрѣ, безсознательно и невольно, будетъ смотрѣть на Кромвеля или чрезъ предвзятыя „очки" индепендентовъ, считавшихъ послѣдняго святымъ; или же „чрезъ призму" кавалеровъ, по утвержденію которыхъ Оливеръ—лишь гнусный ханжа и честолюбецъ, способный на всякія преступленія. Такимъ образомъ, очевидно, что мотивы дѣятельности Кромвеля нашему наблюдателю будутъ представляться неизбѣжно въ одностороннемъ и искаженномъ видѣ. И еще хуже: самое существованіе у Кромвеля этой (сильной) воли и предпріимчивости многими его противниками отрицалось (для того, чтобы этимъ больше унизить его въ глазахъ своихъ и современниковъ); а вытекавшіе, между прочимъ, изъ его великаго характера, подвиги и національныя заслуги его (напр., во внѣшней политикѣ) приписывались слѣпому случаю, „счастью". За то, съ точки зрѣнія сторонниковъ Кромвеля—его сильный характеръ и успѣхи въ политикѣ—результатъ таинственнаго покровительства Провидѣнія. Вслѣдствіе всего

Digitized by Google

этого, нашъ философъ совершенно собьется съ толку при своихъ наблюденіяхъ надъ „природою (человѣческой) воли“ у Кромвеля. И лишь теперь, *изъ исторіи*, мы можемъ почерпнуть точныя свѣденія о Кромвелѣ,—гораздо болѣе объективно—вѣрныя,чѣмъ тѣ, которыя имѣли въ своемъ распоряженіи его современники, домашніе и (какъ ни парадоксально, на первый взглядъ, это утвержденіе) можетъ быть, даже и онъ самъ (о себѣ).

Теперь возьмемъ противоположный случай, когда объектомъ наблюденія для психолога или—описанія для историка служитъ какая либо личность съ крайне „слабою волею“. Съ такой именно стороны заявилъ себя, по крайней мѣрѣ, *въ глазахъ современниковъ*, Іаковъ II во время англійской революціи 1688 и 1689 гг. Какъ извѣстно, отъ момента высадки Вильгельма Оранскаго съ арміею на ю. берегъ Англіи (въ ноябрѣ 1688 г.) вплоть до своего окончательнаго бѣгства изъ Англіи во Францію онъ проявилъ замѣчательный и совершенно неожиданный, для окружавшихъ его лицъ , упадокъ духа, т.-е. полное „отсутствіе воли“. Несмотря на то, что положеніе Іакова далеко еще не было отчаяннымъ, онъ все-таки не воспользовался тѣми благопріятными обстоятельствами и средствами, которыя еще находились въ его распоряженіи для борьбы противъ Оранскаго принца, и несмотря ни на какія мольбы оставшагося ему вѣрнымъ большинства торіевъ, поспѣшилъ бѣжать ночью изъ Англіи въ С.-Жерменъ. Самое же удивительное, что такой упадокъ духа и такую „позорную трусость“ проявилъ тотъ же самый Іаковъ II, который, будучи еще лишь герцогомъ Іоркскимъ, а именно въ 1665 г., въ качествѣ „главнаго адмирала обнаружилъ въ битвѣ въ Southwoldsbai (противъ голландцевъ) храбрость и рѣшительное мужество. О его настойчивомъ нравѣ, о его до упрямства твердомъ характерѣ мы и такъ имѣли доказательства. Онъ былъ далекъ отъ перемѣнчивой, гибкой и уступчивой натуры брата (Карла II)... Разсказывали о многихъ чертахъ суровости, мстительности и жестокости, которыя онъ проявилъ по отношенію къ своимъ противникамъ во время своего управленія Шотландіею (1681—1685 гг.). Сдѣлавшись затѣмъ королемъ Великобританіи, Іаковъ II вездѣ—сперва въ борьбѣ для укрѣпленія своего престола противъ мятежниковъ, а затѣмъ—въ преслѣдованіи своихъ абсолютическо-католическихъ тенденцій обнаруживалъ ту же неуклонную и сильную волю, всегда прибѣгая къ самымъ крайнимъ и рискованнымъ мѣрамъ и не отступая предъ такими препятствіями, которыя казались непреодолимыми какъ его предшественникамъ на престолѣ (Карлу I и II), такъ и самымъ смѣлымъ изъ его совѣтниковъ. Вышеупомянутый же кризисъ въ характерѣ Іакова начался съ момента полученія имъ извѣстія о непосредственно готовящейся къ

Digitized by Google

отплытію въ Англію военной экспедиціи Оранскаго принца. Теперь представимъ себѣ, что нашъ психологъ живетъ при дворѣ Іакова II, въ качествѣ весьма близкаго къ нему лица, и строго ограничиваетъ свои психологическія наблюденія—„собою и своими домашними“ принципіально пренебрегая указаніями исторіи. Не ясно ли, что такая внезапная перемѣна въ степени воли Іакова приведетъ его въ полное недоумѣніе и наведетъ его на самыя фантастическія и ненаучныя заключенія — не только насчетъ разнаго рода видовъ и формъ, въ которыхъ проявляется человѣческая воля, но даже прямо и относительно самой „коренной природы“ ея, свободы или несвободы воли? Исторія, между тѣмъ, даетъ намъ теперь о Іаковѣ II и генезисѣ этого кризиса въ его характерѣ гораздо болѣе полныя и точныя свѣдѣнія, чѣмъ они доступны были какому либо отдѣльному придворному этого короля и даже самымъ близкимъ его родственникамъ. Во-первыхъ, изъ исторіи мы знаемъ, что Іаковъ II былъ, по своимъ душевнымъ силамъ, обыкновенный средній человѣкъ (изъ „толпы“, а не изъ „героевъ“), а не великій монархъ, какимъ его считали многіе придворные, особенно католики, смотрѣвшіе на него, очевидно, съ предвзятой оптимистической точки зрѣнія. Потому, между прочимъ, у него (какъ у всѣхъ среднихъ людей) семейные инстинкты, въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, были сильнѣе политическихъ, т.-е. онъ предпочелъ лучше бросить престолъ и государство на произволъ судьбы, чѣмъ оставлять долго въ неизвѣстности насчетъ своего положенія свою жену, уже раньше предъ нимъ бѣжавшую въ С.-Жерменъ. Затѣмъ, и по той же причинѣ, онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего духовника и вообще патеровъ (хотя и не всѣ его современники знали объ этомъ), вслѣдствіе чего малѣйшая уступка требованіямъ протестантскаго парламента казалась Іакову безбожіемъ и смертнымъ грѣхомъ, хотя бы этою уступкою и можно было спасти себя и свою династію. Наконецъ, страхъ за свою жизнь у него далеко не былъ такъ пелѣнъ, а съ его точки зрѣнія даже имѣлъ за себя очень логичныя основанія. Принца Оранскаго Іаковъ представлялъ себѣ, какъ извѣстно, не трезвымъ, гуманнымъ и благороднымъ государственнымъ мужемъ (какимъ мы теперь знаемъ Вильгельма изъ *исторіи*), а хищнымъ и кровожаднымъ узурпаторомъ, на все способнымъ, въ томъ числѣ и на предательство, на заключеніе своего тестя въ тюрьму; а у Іакова II, подобно тому какъ и у его брата Карла II, постоянно были въ памяти такъ трагически оправдавшіяся слова Карла I, что „отъ тюрьмы, гдѣ заключенъ монархъ, лишь нѣсколько шаговъ до его эшафота“. А *исторія*, именно, въ данномъ случаѣ, судьба многихъ прежнихъ королей одной уже Англіи должна была утверждать Іакова II въ этомъ опасеніи. „Уроки исторіи“ (такъ

Digitized by Google

эффектно какъ бы подтверждаемые теперь, на глазахъ Іакова, военно-морскою экспедиціею его зятя, предпринятою послѣднимъ противъ родного тестя) естественно должны были и во всякомъ другомъ королѣ, а не только въ Іаковѣ II, породить недовѣріе даже къ самымъ близкимъ своимъ родственникамъ, друзьямъ и придворнымъ, заставляя его вездѣ подозрѣвать притворство и измѣну. А подъ вліяніемъ „смутнаго ужаса предъ невѣдомымъ зломъ", какъ извѣстно, опускаются руки и у многихъ самыхъ храбрыхъ людей, идущихъ слѣпо на встрѣчу открытому врагу, нападающему съ фронта. Такимъ образомъ исторія подтверждаетъ детерминистическую доктрину и наглядно обнаруживаетъ „единство и цѣльность человѣческаго я", существующихъ даже и тогда, когда въ глазахъ *современниковъ*—очевидцевъ, извѣстная личность „чудеснымъ образомъ" преобразовывается неузнаваемо какъ бы въ другую. Значитъ, научная исторія является однимъ изъ краеугольныхъ камней въ фундаментѣ психологіи, спасая послѣднюю отъ невѣрныхъ выводовъ, которыхъ философу не избѣжать, пока онъ ограничиваетъ свои наблюденія окружающими его живыми людьми. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ сколько-нибудь подробномъ историческомъ сочиненіи мы встрѣчаемся съ массою примѣровъ того, какъ ошибочно (даже по отношенію къ чисто фактической сторонѣ) разные люди, какъ неученые, такъ и ученые, судили въ свое время о себѣ и своихъ, даже самыхъ близкихъ къ нимъ, современникахъ. Историкамъ приходится на каждомъ шагу исправлять эти ошибки, устанавливая подобные факты вполнѣ точно.

Предвидимъ слѣдующее возраженіе на демонстрированные нами только-что два конкретные примѣра. Пусть даже, скажутъ намъ, положеніе вашего психолога, въ качествѣ лица, близкаго къ такого рода крупнымъ историческимъ фигурамъ, какъ разные лорды — протекторы и короли, и будетъ вещью возможною, но все же она весьма мало вѣроятна, такъ какъ большинство психологовъ окружено лишь простыми смертными, а многимъ даже и вовсе не приходится въ теченіе своей жизни созерцать воочію разнаго рода крупныхъ „историческихъ дѣятелей". Но въ томъ то и дѣло, отвѣтимъ мы, что тѣ *недоразумѣнія en grand*, въ которыя впадалъ нашъ психологъ въ приведенныхъ нами выше примѣрахъ съ Кромвелемъ и Іаковомъ II, будутъ повторяться *en petit* (т.-е. касаться менѣе важныхъ объектовъ и несравненно болѣе тѣсной сферы, не уменьшаясь чрезъ это въ своей принципіальной анти-научной роли) съ тѣми психологами, которые будутъ имѣть въ числѣ своихъ „домашнихъ" и знакомыхъ лишь людей „изъ толпы", такъ какъ у всѣхъ людей одинаково психическая жизнь состоитъ во взаимодѣйствіи между ихъ субъектомъ и внѣшнею стороною и ео ipso полна тѣхъ же (въ качественномъ смыслѣ) недора-

Digitized by Google

зумѣній, коллизій, кризисовъ и т. п., какъ и у выдающихся историческихъ личностей. Современникамъ при наблюденіи какъ послѣднихъ, такъ и первыхъ, почти невозможно здѣсь устанавливать точныхъ психологическихъ фактовъ. Но зато о послѣдняго рода лицахъ (т.-е. или de facto крупныхъ по своей духовной природѣ или лишь считавшихся современниками за таковыхъ) сохраняются подробныя свѣдѣнія въ исторіи, а потому, по крайней мѣрѣ, о нихъ, если не ихъ современники, то хоть потомки — ученые могутъ имѣть связныя и точныя данныя. Вся же прочая масса людей въ качествѣ единицъ вообще не переходитъ въ исторію, а безслѣдно исчезаетъ въ Летѣ, такъ что жизнь ихъ ни для современниковъ, ни для потомковъ не можетъ служить источникомъ подробныхъ и точныхъ фактовъ для (индивидуально-) психологическихъ отсюда выводовъ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можемъ мы полагаться на объективную фактическую вѣрность дѣлаемыхъ нами наблюденій (и выводъ изъ нихъ) надъ психическою жизнью окружающихъ насъ лицъ, т.-е. надъ элементами ихъ *внутренняго* міра, надъ явленіями *духовными*, непосредственно намъ недоступными и лишь косвеннымъ путемъ раскрываемыми,—когда вѣдь даже въ области *матеріальнаго* внѣшняго міра наши внѣшнія чувства, предвзятыя мнѣнія и т. п., насъ обманываютъ на каждомъ шагу, доставляя намъ по отношенію даже къ „самымъ очевиднымъ вещамъ“, происходящимъ на нашихъ глазахъ, совершенно несоотвѣтствующія дѣйствительности данныя?

IV.

Мы не сказали однако до сихъ поръ еще ничего о самомъ главномъ, на нашъ взглядъ, недостаткѣ цитированной нами выше (гл. I) аргументаціи г. Соловьева насчетъ неспособности ученыхъ историковъ содѣйствовать разрѣшенію основныхъ психологическихъ проблемъ. Какъ мы видѣли, г. Соловьевъ говоритъ, что „между философомъ, изслѣдующимъ общеосновное свойство индивидуальной воли какъ таковой, одинаковой во всѣхъ субъектахъ, и историкомъ, изучающимъ конкретныя проявленія множества взаимодѣйствующихъ индивидуальныхъ волей, такое же отношеніе, какъ между *химикомъ, разлагающимъ воду на ея составные элементы* и опредѣляющимъ свойство этихъ элементовъ, одинаковыхъ во всякой водѣ, — и гидрографомъ, который изучаетъ конкретное распредѣленіе различныхъ водныхъ массъ на земной поверхности. Конечно, прибавляетъ онъ, всякій ученый гидрографъ отлично знаетъ химическій составъ воды, но онъ пріобрѣлъ это знаніе изъ химіи и никакъ не могъ бы его достигнуть

Digitized by Google

спеціальными средствами своей науки; *химикъ же для своихъ анализовъ* вовсе не нуждается ни въ какихъ свѣдѣніяхъ изъ гидрографіи". Въ подчеркнутыхъ нами словахъ г. Соловьева и кроется именно та причина, по которой мы считаемъ неудачной эту параллель между гидрографомъ и *химикомъ* съ одной стороны, а историкомъ и философомъ—съ другой. Химикъ и вообще естествоиспытатель, дѣйствительно, вообще не нуждается въ разнаго рода *косвенныхъ и вспомогательныхъ пріемахъ* для своихъ изслѣдованій, ибо послѣднія могутъ имъ въ полномъ размѣрѣ производиться непосредственно, между прочимъ—искусственно, на заказъ: ему доступенъ *экспериментъ*. Онъ можетъ, по своему желанію или по требованію какого-нибудь „невѣрующаго Ѳомы", разлагать воду на кислородъ и водородъ. *Совсѣмъ другое психологъ: ему экспериментъ почти не доступенъ.* Вслѣдствіе этого пробѣла въ методѣ современной психологіи, весьма многіе выводы ея основаны, такъ-сказать, на „доброй вѣрѣ" представителей этой науки въ вѣрность доставляемыхъ имъ другъ другомъ и разнаго рода иными наблюдателями „фактовъ" психическаго характера. А сказанное нами въ предыдущихъ главахъ о сомнительной объективно-фактической цѣнности психическихъ наблюденій надъ собою и окружающими насъ живыми людьми даетъ разнаго рода скептикамъ еще большее право, чѣмъ въ области естественныхъ наукъ, приступать къ философамъ съ выраженіями сомнѣнія въ научномъ, т.-е. строго соотвѣтствующемъ дѣйствительности, характерѣ психологическихъ доктринъ. Человѣка, выражающаго, напр., удивленіе и сомнѣніе по поводу такого „чуда", что вода, т.-е. *жидкость*, можетъ состоять изъ соединенія двухъ *газовъ*, химикъ сразу можетъ убѣдить непосредственнымъ опытомъ. Ничего подобнаго не можетъ сдѣлать философъ, по крайней мѣрѣ, если онъ ограничивается только наблюденіями себя и домашнихъ. Чѣмъ философъ нашъ наглядно докажетъ имъ фактическую вѣрность сдѣланныхъ имъ надъ собою и своими домашними наблюденій? Правда, и въ области психическихъ явленій въ настоящее время уже сдѣлалось отчасти возможнымъ производить въ извѣстныхъ спеціальныхъ случаяхъ эксперименты; но послѣдніе ограничиваются именно областью почти лишь наиболѣе элементарныхъ проявленій душевной жизни. *Вотъ этотъ то пробѣлъ въ методѣ современной психологіи (т.-е. невозможность или крайняя ограниченность здѣсь эксперимента) косвеннымъ образомъ въ значительной степени можетъ быть пополненъ исторіею.* Но на первый взглядъ это наше утвержденіе, конечно, кажется фантастическимъ и парадоксальнымъ, настоящимъ contradictio in adjecto. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь историческія явленія, еще въ гораздо большей степени, чѣмъ совершившіяся недавно на нашихъ глазахъ дѣйствія окружающихъ насъ

Digitized by Google

живыхъ людей, представляютъ изъ себя, такъ-сказать, „застывшее, кристаллизовавшееся прошедшее", которое также „ужъ больше никогда не повторится", а потому сообщаемые намъ исторіею факты, кажется, ужъ a fortiori, сравнительно съ наблюденіями надъ живыми людьми, не могутъ имѣть ровно никакого отношенія къ вопросу о пополненіи указаннаго пробѣла, такъ какъ экспериментъ, какъ извѣстно, состоитъ, по своей сущности, именно въ свободномъ создаваніи и прекращеніи ученымъ явленій. Тѣмъ не менѣе мы все-таки утверждаемъ, что научная исторія дѣйствительно можетъ въ значительной степени замѣнить экспериментъ для психологіи. Прежде всего припомнимъ, что, хотя историческія явленія тоже мимолетны и не повторяются другой разъ въ томъ же видѣ и при той же самой обстановкѣ, подобно чувствамъ, мыслямъ и дѣйствіямъ самого психолога и окружающихъ его живыхъ людей, однако, съ другой стороны, по объективно-научному констатированію психическихъ явленій, — такъ сказать, захватыванію ихъ на лету, — научная исторія стоитъ безусловно выше наблюденій надъ „самимъ собою и своими домашними". Итакъ, историческіе факты, т.-е. до безконечности разнообразные и по качеству и степенямъ (типамъ и градаціямъ) психическія (и соціальныя) явленія изъ прошедшаго времени, точно и подробно установленныя, хранятся прочно въ историческихъ сочиненіяхъ, откуда каждую минуту могутъ быть „вытребованы" къ услугамъ историка или философа. Ученый, который пожелалъ бы узнать, напримѣръ, связь между двумя или болѣе психическими явленіями въ чистомъ ихъ видѣ, и *на заказъ* не въ состояніи, конечно, совершить съ этою цѣлью эксперимента „надъ самимъ собою и своими домашними", — можетъ обратиться къ исторіи и тамъ всегда найдетъ факты, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ чертахъ подходящіе къ условіямъ составляющаго его pium desiderium эксперимента. При этомъ всѣ случайныя мелкія прибавки въ этихъ фактахъ легко нейтрализируются, если взять послѣднихъ не одинъ, а нѣсколько, т.-е. тѣмъ же путемъ, которымъ уничтожаетъ всякія случайныя ошибки и „пертурбаціи" естествоиспытатель, производя также нѣсколько одинаковыхъ экспериментовъ сряду. Притомъ въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ и изолировать явленіе (въ послѣднемъ случаѣ — реально, въ настоящемъ времени; въ первомъ же — идеально, заднимъ числомъ), удаливъ все случайное и постороннее. Для примѣра мы совершимъ нѣсколько такихъ историко-психологическихъ ретроперспективныхъ „идеальныхъ экспериментовъ", хотя бы для доставленія данныхъ для разъясненія вопроса о „коренной природѣ воли" (чтобы не выходить здѣсь изъ рамокъ затронутой г. Соловьевымъ спеціальной области психологіи). Къ этому

Digitized by Google

вопросу относится, между прочимъ, очевидно, и проблемма о свободѣ или несвободѣ воли.

Одинъ изъ защитниковъ доктрины безусловнаго индетерминизма выставляетъ слѣдующій, по его мнѣнію, неотразимый аргументъ въ пользу своей доктрины: „Человѣкъ... можетъ, если хочетъ, сразу послушаться голоса (мотива), сильнѣе всего (внутри него) отзывающагося, или же того, который отзовется послѣднимъ, однако можетъ и не послушаться, если такъ предпочитаетъ. *Никто его не убѣдитъ противъ его воли*... Онъ можетъ... дорожить своею свободою (воли), въ качествѣ блага, высшаго, нежели всѣ другія, вслѣдствіе чего онъ будетъ постановлять *другія совершенно рѣшенія, чѣмъ можно было ожидать*, единственно для того, чтобы такимъ путемъ доказать свою свободу и проявить свою независимость. Онъ будетъ любоваться тою мыслью, что онъ зависитъ исключительно отъ самого себя, будетъ радоваться тому, что онъ самъ себѣ господинъ [1]). Сущность этой аргументаціи католическаго автора сводится, значитъ, къ тому, что блестящимъ доказательствомъ существованія у человѣка свободной воли является всегдашнее успѣшное отстаиваніе имъ этой своей свободной иниціативы— въ области какъ убѣжденій, такъ и дѣйствій — отъ всякаго вліянія другихъ лицъ (желающихъ, напр., превратить этого человѣка въ свое пассивное орудіе). Провѣрить фактическую вѣрность этого утвержденія чрезъ наблюденіе „надъ собою и домашними" — вещь крайне мудреная. Обращаясь же къ помощи исторіи, психологъ можетъ легко провѣрить степень вѣрности защищаемаго католическимъ авторомъ тезиса, отыскавъ въ исторіи разные факты, совершенно соотвѣтствующіе по своей внутренней природѣ и внѣшней обстановкѣ указываемому здѣсь послѣднимъ случаю стремленія человѣка отстоять свою свободную волю.

Оригинальный и крайне характерный примѣръ такой именно борьбы „свободной воли" одного человѣка со стремленіемъ другаго лица повліять на перваго — представляетъ изъ себя финалъ политическаго антагонизма между Людовикомъ XI, королемъ французскимъ, и Карломъ Смѣлымъ, герцогомъ бургундскимъ. Послѣдній былъ человѣкомъ весьма храбрымъ и предпріимчивымъ (съ „сильною волею"), но недальновиднымъ и легкомысленнымъ. Первый же имѣлъ характеръ трусливый, но за то былъ лукавъ и проницателенъ. Между прочимъ Людовикъ XI не былъ военнымъ героемъ, тогда какъ его противникъ и соперникъ, Карлъ Смѣлый, былъ самымъ храбрымъ и наи-

---

[1]) „Przegląd Katolicki" (еженедѣльно выходящій въ Варшавѣ). 1887 г. Статья: „Разсмотрѣніе аргументовъ, отрицающихъ свободу воли", стр. 184. Курсивъ въ этой цитатѣ—нашъ.

Digitized by Google

болѣе любившимъ войну монархомъ своего времени. Въ концѣ-концовъ, безусловная побѣда осталась за первымъ, а что самое замѣчательное (и притомъ, самое характерное именно по отношенію къ интересующему насъ здѣсь психологическому вопросу) это—то, что Карлъ Смѣлый, отлично зная, что Людовикъ XI—его тайный смертельный врагъ и человѣкъ притомъ хитрый, тѣмъ не менѣе *былъ побѣжденъ и погибъ самъ не несмотря*, а въ значительной степени *именно потому*, что *желалъ* своими дѣйствіями (т.-е. *своею свободною волею*) *парализовать* интриги и вліяніе на него со стороны Людовика XI. Вотъ какъ было дѣло. На службѣ въ арміи Карла Смѣлаго находился съ нѣкотораго времени, въ качествѣ военно-начальника, итальянецъ, графъ Кампобассо, который около 1477 г. вошелъ въ тайныя сношенія съ Людовикомъ XI и его союзникомъ, герцогомъ Рене (претендентомъ на Лотарингскій герцогскій престолъ, захваченный Карломъ Смѣлымъ), съ цѣлью предать и погубить Карла при удобномъ случаѣ. Людовикъ XI, зная, что герцогъ бургундскій считаетъ его человѣкомъ лживымъ, предупреждалъ его, чтобы онъ остерегался Кампобассо; но слѣдствіемъ этихъ предостереженій было лишь усиленіе довѣрія Карла къ послѣднему. Кампобассо же 4 января 1477 г. условился съ герцогомъ Рене, что онъ, Кампобассо, въ рѣшительную минуту предстоящаго сраженія со своими людьми отпадетъ отъ Карла и отрѣжетъ бургундцамъ отступленіе въ Люксембургъ. И дѣйствительно, на слѣдующій день, въ битвѣ подъ Нанси, Кампобассо внезапно перешелъ со стороны бургундцевъ къ ихъ врагамъ, союзнымъ войскамъ лотарингцевъ и швейцарцевъ (воевавшихъ противъ Карла съ уговора Людовика XI) и отрѣзалъ разбитымъ и преслѣдуемымъ войскамъ Карла дорогу къ отступленію и бѣгству чрезъ извѣстный мостъ, предавъ ихъ на избіеніе врагами или гибель въ волнахъ и подъ льдомъ рѣкъ Мерты и Мозель. Въ числѣ бургундцевъ, убитыхъ во время этого преслѣдованія, былъ и самъ Карлъ Смѣлый. Какъ мы здѣсь видимъ, Карлъ Смѣлый, оказывая, послѣ предостереженій со стороны Людовика XI, неограниченное довѣріе этому итальянцу-предателю, былъ глубоко убѣжденъ, что онъ, Карлъ, дѣйствуетъ совершенно независимо и по своей свободной волѣ,—что онъ „постановляетъ рѣшенія, совершенно другія, чѣмъ надѣялся“ Людовикъ XI.

Изъ примѣра этого мы наглядно видимъ, что человѣкъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ знаетъ напередъ, что другія лица стараются на него вліять и притомъ еще — во вредъ и на гибель ему, какъ въ данномъ случаѣ—и вопреки имъ желаетъ дѣйствовать самостоятельно, такъ сказать, отстоять свою свободную волю (какъ изъ чувства независимости, „чтобы любоваться внутренно тою мыслью, что онъ самъ себѣ господинъ“, такъ и изъ чувства самосохраненія)—

Digitized by Google

все-таки, какою бы могучею волею онъ ни обладалъ, легко обращается, если онъ въ то же время не обладаетъ сильнымъ умомъ, въ слѣпое орудіе другого лица, болѣе проницательнаго, хотя бы и обладающаго менѣе сильною волею. Такимъ образомъ, воля перваго какъ бы растворяется въ чужой волѣ, т.-е. значитъ, самоопредѣленіемъ и независимостью отъ другихъ психическихъ силъ (напр., разума) — иными словами свободою — человѣческая воля не обладаетъ. Такіе смышленные и лукавые люди, какъ Людовикъ XI, на каждомъ шагу въ жизни не встрѣчаются, а потому психологу и представляется мало вѣроятности встрѣтить ихъ среди „своихъ домашнихъ". Лишь въ исторіи мы можемъ *на заказъ* найти *всѣ случаи* попытокъ вліянія — успѣшныхъ или неуспѣшныхъ — однихъ людей на „свободную волю" другихъ, а чрезъ это избѣжимъ такого рода односторонняхъ и ложныхъ выводовъ, какъ тотъ, къ которому пришелъ вышеупомянутый авторъ аргументаціи въ пользу индетерминизма, именно потому, что онъ не пожелалъ совершить, съ помощью исторіи, „идеальнаго эксперимента" надъ этимъ тезисомъ, а, очевидно, дѣлая выводы лишь изъ наблюденій надъ собою и случайно окружающею его горстью живыхъ лицъ.

Теперь съ помощью ретроперспективнаго „идеальнаго эксперимента" же изслѣдуемъ другую психологическую доктрину, характера до извѣстной степени противоположнаго по отношенію къ только-что анализированному нами тѣмъ же путемъ одному изъ краеугольныхъ камней индетерминизма. Посмотримъ, правы ли сторонники матеріалистической психологіи, утверждающіе, что душа—а въ частности и воля человѣка—лишь функція матеріи и что потому всѣ психическія силы человѣка фаталистически должны ослабѣвать, парализоваться и, наконецъ, совершенно угасать при патологическомъ и слабомъ состояніи тѣла. Для провѣрки этого постулата отыскиваемъ въ исторіи данныя о такомъ человѣкѣ, который, когда былъ здоровымъ, проявлялъ вездѣ самую „сильную волю"—такимъ являлся, напр., кардиналъ Ришелье—и посмотримъ, что сдѣлалось съ твердостью его характера, когда онъ подвергся сильной, а потомъ и смертельной болѣзни.

Въ 1642 году Ришелье окончательно восторжествовалъ надъ всѣми врагами своими и французской монархіи. Испанія, англійскій король, нѣмецкій императоръ были побѣждены и парализованы, какъ во внѣшней своей политикѣ, такъ и во внутренней, вслѣдствіе раздиравшихъ ихъ государства междуусобныхъ войнъ или споровъ о коронѣ, въ возбужденіи которыхъ весьма сильное (тайное) участіе принималъ, вплоть до конца своей жизни, и самъ Ришелье. Потому всѣ эти государства теперь уже ничего не могли предпринимать про-

Digitized by Google

тивъ Франціи, которой отнынѣ принадлежала руководящая роль въ европейской международной политикѣ. Королева-мать, Марія Медичи, смертельно ненавидѣвшая кардинала, умерла лѣтомъ 1642 г. въ изгнаніи, въ бѣдности и одиночествѣ. Братъ короля, Гастонъ Орлеанскій, столько разъ конспирировавшій противъ Ришелье, окончательно ему покорился и отрекся отъ всякой политики. Заговоръ Сенъ-Марса, благодаря энергіи и неусыпной бдительности Ришелье, окончился плачевною неудачею; оба главные заговорщика, любимые народомъ, а самъ Сенъ-Марсъ притомъ еще и первый фаворитъ короля, 12 сентября 1642 г. погибли на эшафотѣ, а прочіе конспираторы, изъ нихъ многіе—самыя высокопоставленныя лица, подверглись другого рода строгимъ наказаніямъ. „Но, говоритъ Ранке, въ то время, когда Ришелье мановеніемъ своей воли управлялъ такою большою частью міра, онъ былъ парализованъ во всѣхъ членахъ своего тѣла, подверженъ мучительнѣйшей и опаснѣйшей болѣзни; онъ больше не могъ напрягать своей руки для подписи; ему нельзя бы было уже садиться въ экипажъ. Лишь въ носилкахъ переносили его туда, гдѣ государственныя дѣла требовали его присутствія. Однако, онъ еще не считалъ себя находящимся у цѣли, ни лично, ни по отношенію къ дѣламъ міра или Франціи, еще онъ управлялъ рулемъ государственнаго корабля съ далеко проникающимъ пытливымъ взоромъ и съ обычною твердостью, когда онъ (4 дек. 1642) скончался отъ возобновившагося припадка своей болѣзни“...

Но, можетъ быть, эта сильная воля смертельно больного Ришелье была результатомъ какого либо идеальнаго экстаза, „вознесенія души къ небу“? Нисколько! Въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени находится много проектовъ и мнѣній, имѣющихъ авторомъ самого Ришелье, подробно изложенныхъ и мотивированныхъ. „По смѣлости,—говоритъ Ранке,—и всемірно историческому успѣху они не имѣютъ себѣ равныхъ.... признаковъ *свободнаго, направленнаго на высшія цѣли человѣческаго существованія полета души они не обнаруживаютъ*; они совсѣмъ охвачены государственнымъ кругозоромъ. Аналогичный характеръ представляетъ графъ Шефтсбюри († 1683), извѣстный (въ роли торія и реакціонера) членъ министерства Кабаль при Карлѣ II, впослѣдствіи одинъ изъ предводителей оппозиціоннаго движенія виговъ и протестантовъ противъ правительства съ его католическими тенденціями; и, наконецъ, въ концѣ своей жизни Шефтсбюри превращается въ руководителя заговоромъ крайнихъ элементовъ противъ династіи Стюартовъ. Шефтсбюри былъ главою и душею этого (оппозиціонно-конспиративнаго) религіозно-политическаго движенія, какъ ни было жалкимъ и сломаннымъ въ это время состояніе его тѣла; онъ являлся видѣвшимъ его, какъ умирающій человѣкъ,

Digitized by Google

на половину какъ трупъ; но онъ обладалъ еще огнемъ своихъ идей, въ которыхъ политическія мнѣнія переплетались съ честолюбіемъ. Во время подготовленія только-что упомянутаго заговора, Шефтсбюри рѣзко и язвительно нападалъ на колебавшихся произвести рѣшительный ударъ противъ правительства и особы Карла II.

Съ другой стороны, въ научной исторіи всякій въ ней начитанный и умѣющій оріентироваться легко можетъ найти по желанію („на заказъ“) и другой типъ проявленія сильной воли въ людяхъ также слабыхъ и больныхъ тѣломъ, но именно подъ вліяніемъ мотивовъ, вполнѣ идеальныхъ, напр., религіознаго и т. п. энтузіазма или экстаза. Таковы, напр., англійскій религіозный реформаторъ Виклефъ († 1384 г.), „дряхлый и разслабленный подагрою“, но твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, являющійся предъ судомъ Оксфордскаго синода въ 1382 г. и сохраняющій эту твердость до конца своей жизни. Іоаннъ Гусъ, чешскій реформаторъ, изъ тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ закованный въ тяжелыя цѣпи и подвергнутый тѣлесной болѣзни, идущій твердымъ шагомъ на Констанцкій соборъ, чтобы за нежеланіе тамъ отречься отъ своихъ реформаторскихъ идей погибнуть на кострѣ. Джонъ Мильтонъ, ослѣпшій и подвергающійся всякаго рода неудачамъ, притѣсненіямъ и бѣдствіямъ и все-таки сохраняющій до самой своей смерти духовную силу и дѣятельность и не измѣняющій тѣмъ пуританскимъ идеямъ, въ вѣрности которымъ онъ клялся на 23 году своей жизни, т.-е. 43 года предъ тѣмъ, и за которыя онъ столько терпѣлъ.

Сопоставляя теперь всѣ эти, полученныя помощью нашихъ „идеальныхъ экспериментовъ“, данныя, мы приходимъ, въ отношеніи психологической стороны этихъ явленій, къ слѣдующему несомнѣнному заключенію: *во-первыхъ*, воля у человѣка не находится въ безусловной зависимости отъ здоровья и силы его тѣлеснаго организма, а иногда даже совершенно не зависитъ отъ таковаго, т.-е. mens agitat molem. *Во-вторыхъ*, эта независимость воли отъ тѣла не обусловливается вовсе идеальностью или неидеальностью мотивовъ этой воли.

Факты, касающіеся силы или слабости воли у „обыкновенныхъ смертныхъ“ при столкновеніяхъ ихъ съ внѣшними преградами, исторія еще легче можетъ дать намъ на заказъ, притомъ — характера, какъ индивидуально психологическаго, такъ и коллективно психологическаго. Такъ, напр., съ одной стороны, въ исторіи Англіи и Сѣв. Амер. Соединенныхъ Штатовъ мы на каждомъ шагу видимъ наглядныя проявленія и доказательства той странной черты характера англичанъ, что неудачи отнюдь ихъ не пугаютъ, но, напротивъ, еще больше разжигаютъ ихъ охоту и побуждаютъ къ выдержкѣ. Съ другой стороны, исторія славянъ на каждомъ шагу даетъ намъ примѣры

Digitized by Google

людей, отступающихъ предъ самыми слабыми препятствіями, и послѣ первой неудачи капитулирующихъ предъ дѣйствительностью, примиряясь съ нею (откровенно или хоть de facto) подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Изъ исторіи же этихъ націй можно дальше прослѣдить детали и генезисъ этихъ двухъ противоположныхъ типовъ воли.

Такимъ образомъ, отношенія психической силы, именуемой волею, къ внѣшней средѣ у англичанъ и у славянъ — діаметрально противоположны. Въ предъидущихъ же примѣрахъ — съ Ришелье, Шефтсбюри, Виклефомъ, Гусомъ и Мильтономъ — мы также имѣли дѣло съ различными взаимными отношеніями и взаимодѣйствіями между духомъ (волею) человѣка, его тѣлеснымъ организмомъ и внѣшнею средою. Если же мы теперь вспомнимъ, что по Спенсеру („Основанія Психологіи", т. I, § 53), сущность психической жизни, а слѣдовательно, между прочимъ и воли, сводится именно къ реагированію между субъектомъ и внѣшнею средою, то мы наглядно увидимъ, что всѣ эти историческіе примѣры имѣютъ прямое отношеніе къ рѣшенію проблеммы объ „основной природѣ воли".

Такимъ образомъ, исторія всегда готова немедленно исполнить требованіе ученаго о предъявленіи ему на заказъ извѣстныхъ, гарантированныхъ съ фактической стороны, психическихъ явленій. Между тѣмъ, тотъ, кто ограничивается „наблюденіями надъ самимъ собою и своими домашними" или хотя бы даже еще надъ всѣми другими окружающими его живыми людьми — весьма часто принужденъ будетъ ссылаться на чисто отвлеченныя соображенія, не имѣя возможности *немедленно и на мѣстѣ* предъявить налицо требуемыхъ гарантированныхъ фактовъ психологическаго характера. А иными словами, это значитъ, что современная научная психологія не можетъ обойтись безъ помощи „идеальнаго эксперимента" ретроперспективнаго историческаго характера.

V.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ коснуться вопроса о могущихъ намъ быть сдѣланными возраженіяхъ. Намъ кажется, что многія принципіальныя возраженія, которыя будутъ сдѣланы противъ предлагаемаго нами здѣсь историко-психологическаго метода, явятся лишь, какъ результатъ недоразумѣній, какъ это видно, напр., изъ тѣхъ возраженій, какія предвидѣны и напередъ разсмотрѣны нами выше. Но есть одно недоразумѣніе, которое мы заранѣе желаемъ устранить; предлагая свой методъ, мы, конечно, и не думаемъ вовсе впадать изъ одной крайности въ другую и „тезису" г. Соловьева — о „полной до-

Digitized by Google

статочности для философа (и психолога) наблюдать себя самого и своихъ домашнихъ, оставляя въ покоѣ Тита Ливія и Моммсена",— противоставить столь-же односторонній „антитезисъ", о томъ, что этотъ, рекомендуемый г. Соловьевымъ, методъ психологическихъ обсерваціи слѣдуетъ *совершенно* бросить, и что конкретнымъ матеріаломъ для психологической индукціи могутъ служить *только* историческіе факты. Нѣтъ, истинно-научный методъ здѣсь заключается въ томъ, чтобы воздать suum cuique, т.-е. въ разумной координаціи обѣихъ этихъ сферъ наблюденія, между которыми, какъ мы уже видѣли выше, даже нельзя провести ясной границы и изъ которыхъ каждая имѣетъ свои сильныя и слабыя стороны, такъ что одна никогда не въ состояніи будетъ замѣнить вполнѣ другую и сдѣлать ее лишнею для философа. Лишь тогда психологія можетъ процвѣтать въ качествѣ точной и прогрессирующей науки, когда оба эти метода будутъ доставлять ей матеріалъ для ея анализовъ и синтезовъ.

Дѣйствительно, наблюденія надъ окружающими насъ живыми людьми имѣютъ, въ свою очередь, конечно, и свои преимущества предъ фактами психологическаго характера, идеально возстановленными исторіею. Какъ бы подробно и связно ни изображались послѣднею дѣйствія, слова, жесты и проч., этихъ „воскресшихъ мертвецовъ"—все-таки образы, передаваемые такимъ путемъ въ распоряженіе философа, не могутъ, конечно, никогда сравняться съ реальною дѣйствительностью по своей рельефности и живости. Такіе выразительные комментаріи человѣческихъ словъ и дѣйствій, какъ интонація голоса, мимика лица и жесты, уже совсѣмъ не могутъ передаваться исторіею, хотя бы и написанною самымъ детальнымъ и рельефнымъ образомъ.

Очевидно, что непремѣннымъ условіемъ примѣненія на практикѣ философами и психологами — перваго изъ этихъ двухъ методовъ — историко-психологическаго — является широкое и подробное знакомство этихъ ученыхъ съ событіями всемірной исторіи, и бо́льшій интересъ со стороны ихъ къ этой области знанія, что̀ теперь, къ сожалѣнію, встрѣчается далеко не всегда, а что еще хуже, даже и не считается вовсе этими лицами для себя за partie honteuse.

Съ другой стороны, для облегченія такого пользованія исторіею для объясненія психологическихъ явленій и рѣшенія такого же рода проблеммъ, желательнымъ было бы, чтобы и историки, въ свою очередь, пошли навстрѣчу психологамъ, излагая исторію такъ, чтобы даже и не-спеціалистъ по этой наукѣ легко могъ бы ориентироваться въ историческихъ фактахъ и состояніяхъ (т.-е. въ области исторіи какъ „прагматической", такъ и культурной, по терминологіи проф. Карѣева) и легко находить среди нихъ тѣ именно, которые болѣе

Digitized by Google

всего могутъ разъяснить интересующій его психологическій вопросъ, служа, между прочимъ, суррогатомъ невозможнаго въ нормальной психологіи искусственнаго эксперимента.

Не менѣе важную обязанность историковъ — для того, чтобы сдѣлать свою науку способною быть источникомъ эксплоатаціи для абстрактной психологіи — составляетъ постоянное и категорическое отдѣленіе, отмѣчаніе и оговариваніе—въ историческихъ сочиненіяхъ—фактовъ несомнѣнныхъ и законченныхъ отъ данныхъ сомнительныхъ и незаконченныхъ, открытыхъ; причемъ,—въ виду громаднаго богатства и разнообразія фактическаго матеріала въ исторіи—лозунгомъ для такого историка должно служить: „лучше отбросить десять вѣрныхъ фактовъ, чѣмъ принять одинъ сомнительный или незаконченный, т.-е. такой, по которому историческая (точнѣе—исторіографическая) критика не произнесла еще своего окончательнаго приговора".

Digitized by Google

Опредѣленіе времени составленія одной безсудной грамоты Савво-Сторожевскаго монастыря на Крутицкій.

С. А. Рязникова.

Многіе извѣстные ученые—русскіе (напр., Соловьевъ) и иностранные (напр., Ранке) признаютъ архивные матеріалы преобладающимъ родомъ историческихъ матеріаловъ [1]). Акты юридической практики, какъ видъ ихъ, едва ли уступающій въ своемъ научномъ значеніи другимъ видамъ ихъ, должны быть также признаны весьма важными историческими матеріалами [2]). Съ одной стороны, они имѣютъ особенную важность [3]) при историческомъ изученіи права, будучи весьма полезными [4]), а иногда и главнѣйшими [5]) источниками науки исторіи права, а слѣдовательно, косвенно они являются таковыми же источниками и для исторіи вообще, потому что, по сознанію одного

---

[1]) Иконниковъ: Опытъ русской исторіографіи. Т. I, кн. I. 1891 г., стр. 26.

[2]) Ibidem, стр. 118, *386 и пр.

[3]) По выраженію Михайлова въ его Исторіи образованія и развитія системы русск. гражд. судоустройства до Уложенія 1649 г. Спб. 1848, стр. 127, тезисъ XI.

[4]) Куницынъ: Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. 1843, стр. II—III; А. Ю. К. (т.-е. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Изданы подъ редакціею Калачова). Т. I, 1857 года, стр. III; Владимирскій-Будановъ: Обзоръ исторіи русскаго права. 1888 г., стр. 6, пунктъ 6 а); Виннаверъ: Изслѣдованіе памятника польск. обычн. права XIII в., написанн. на нѣмецк. яз. 1888 г., стр. 8; Леонтовичъ: Исторія русскаго права. Лекціи. 1869 г., стр. 43—44, 68 и друг.

[5]) Дмитріевъ: Исторія судебныхъ инстанцій и пр. 1859 г., стр. 4; Дювернуа: Источники права и судъ въ древней Россіи. 1869 г., стр. 13; Мейчикъ: Грамоты XIV и XV вв. Московск. Архива Мин. Юстиціи. 1883 г., стр. 25, стб. 2; Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII—XVIII вѣк., собранные Побѣдоносцевымъ, 1887 г., стр. I, и друг.

Digitized by Google

изъ лучшихъ нашихъ историковъ [6]) „для историка необходимо близкое знакомство съ исторіей права"; съ другой стороны, проливая свѣтъ на различныя стороны народной жизни [7]), они содѣйствуютъ возстановленію истинной картины прошлаго и тѣмъ самымъ являются въ рукахъ историка очень важнымъ матеріаломъ, независимо отъ ихъ значенія, какъ источниковъ исторіи права. Однако, эти акты могутъ вполнѣ сослужить свою службу историку и юристу лишь при болѣе или менѣе точномъ опредѣленіи времени, къ которому они относятся. Въ политической исторіи хронологія имѣетъ чрезвычайную важность, она составляетъ, по замѣчанію Сэйса [8]), тѣ лѣса, на которыхъ возводится зданіе исторіи. Въ исторіи народнаго быта и въ частности въ исторіи права моментъ времени имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ въ исторіи политической [9]). Время въ исторіи права, говоритъ Ефимовъ, является рамками [10]), въ которыхъ совершается эволюція системы [11]). Но и рамки удовлетворяютъ своему назначенію лишь тогда, когда онѣ хорошо сдѣланы.

Если для политической исторіи точность хронологическихъ данныхъ стоитъ на первомъ планѣ, то для бытовыхъ и юридическихъ древностей она имѣетъ также не малое значеніе. Дѣйствительно, мы были бы не въ состояніи прослѣдить отношеніе между отдѣльными явленіями юридической жизни и опредѣлить ихъ развитіе, если бы не знали надлежащихъ датъ, къ которымъ они должны быть отнесены [12]).

Поэтому, почерпая свѣдѣнія изъ историко-юридическихъ матеріаловъ, необходимо прежде всего знать, съ какого времени эти матеріалы ведутъ свое существованіе, и, главное, къ какому времени относится ихъ содержаніе. Къ сожалѣнію, на весьма многихъ актахъ юридическаго быта, въ особенности на болѣе древнихъ (до второй четверти XVI в.), обыкновенно [13]) не обозначаются даты, когда они были составлены, такъ что для опредѣленія времени, къ которому они относятся, приходится прибѣгать къ болѣе или менѣе сложнымъ соображеніямъ. Впрочемъ надо замѣтить, что и выставленныя даты

---

[6]) Иконниковъ, тамъ же, стр. 98, пунктъ 8.

[7]) Историко-юридическіе акты, собранные Побѣдоносцевымъ, тамъ же.

[8]) Ассиро-Вавилонская литература. 1879 г., стр. 18.

[9]) Іерингъ: Духъ римскаго права. Т. I. 1875 г., стр. 62.

[10]) Сэйсъ (тамъ же) тоже сравниваетъ хронологію съ рамками, говоря: „для историка хронологическая система столь же необходима, какъ рамка на полотнѣ для живописца".

[11]) Лекціи исторіи римскаго права. 1-й семестръ. 1887 г., стр. 48.

[12]) Ср. Энгельмана: Хронологическія изслѣдованія въ области русской и ливонской исторіи. Спб. 1858 г. Введеніе.

[13]) Сл. Мейчика, ibid., примѣчаніе къ № 99 на 136 стр., столб. 1.

Digitized by Google

тоже требуютъ провѣрки въ виду возможной ошибки писца или переписчика. Подобныя описки тѣмъ легче допустить въ актахъ юридической практики, что мы встрѣчаемъ ихъ даже въ законодательныхъ памятникахъ, напр. въ жалованныхъ грамотахъ (не только спискахъ [14]), но и подлинникахъ [15])) и даже въ цѣлыхъ кодексахъ, напр. въ Псковской Судной Грамотѣ [16]).

Само собою разумѣется, что чѣмъ важнѣе по своему научному значенію данный актъ юридическаго быта, тѣмъ болѣе желательна точность въ опредѣленіи времени, къ которому онъ относится. Въ своей замѣткѣ я имѣю въ виду опредѣлить съ возможной точностью время составленія одной изъ немногихъ и едва ли не самой любопытной изъ дошедшихъ до насъ безсудныхъ грамотъ, годъ составленія которой опредѣляется нашими учеными весьма неопредѣленно, неточно и разнорѣчиво. Эта безсудная была выдана игумену Савво-Сторожевскаго монастыря Евфросину съ братьею на игумена Крутицкаго монастыря Геласія, причемъ дата не была выставлена. Затѣмъ, 6 октября 7132 года она была подписана на имя царя Михаила Федоровича и его отца [17]). Рукопись этой безсудной (подлинникъ [18])) хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи за № 4677 [19]).

---

[14]) См., напр., такія описки въ спискахъ жалованныхъ грамотъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи за №№ 9370 и 14553 и упомянутыхъ въ повременной описи этихъ грамотъ въ изслѣдованіи Мейчика соотвѣтственно подъ №№ 37 (стр. 130, стб. 2) и 185-мъ (стр. 144, стб. 1). См. также описку въ спискѣ жалованной грамоты, съ котораго она напечатана въ А. А. Э. I № 131, какъ замѣтилъ это Мейчикъ (стр. 152 и 138 — 9 подъ № 128).

[15]) См., напр., описку и поправку въ датѣ подлинной жалованной грамоты, хранящейся тамъ же подъ № 178. (Она напечатана въ приложеніи I-мъ къ изслѣдованію Мейчика подъ № 2 и помѣщена въ повременной описи подъ № 99 (стр. 136, стб. 1). См. также противорѣчіе между датами подлинной жалованной грамоты, отпечатанной въ А. Ю. К. I № 31, XII, и ея оффиціальной копіи, хранящейся въ упомянутомъ Архивѣ подъ № 9370 и упомянутой въ описи Мейчика подъ № 105. См. примѣчаніе къ этому № на стр. 136—7.

[16]) См. предисловіе къ изданію Псковской Судной Грамоты Мурзакевичемъ въ 1847 г., стр. VI; Калачова: Псковск. Судн. Грамота, составленная на вѣчѣ, и пр. (Москвитанинъ, 1848 г. Часть I, стр. 171—4); Энгельмана: Гражданскіе законы Пск. Судн. Грамоты. 1855 г., стр. 9. См. также Устрялова: Изслѣдованіе Псков. Судн. Грамоты. 1855 г., стр. 123, примѣчаніе б); Владимірскаго-Буданова, ibid., стр. 49, пунктъ 5 а) и пр. Ср. А. А. Э. I № 103.

[17]) Мейчикъ, ibid, приложеніе III № 2, стр. 104, стб. II и Ѳедотовъ-Чеховской. Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи. Томъ I 1860 г. № 54, стр. 76, стб. 2.

[18]) Мейчикъ, ibid., повременная опись грамотъ № 107, стр. 137, стб. I, примѣчаніе.

[19]) Ibid., стр. 34, стб. 2, стр. 102 (заглавіе) и 137, стб. 1, № 107, а также 156 стр., стб. 1—2.

Digitized by Google

Отсюда (по сообщенію Иконникова [20])) она была напечатана впервые Ѳедотовымъ-Чеховскимъ въ 1860 году [21]), а затѣмъ съ подлинника же (по словамъ самого издателя [22])) была вновь издана Мейчикомъ въ 1883 г. [23]). Кромѣ того печать судьи, выдавшаго эту безсудную, издана П. Ивановымъ [24]).

Ѳедотовъ-Чеховской относитъ ее къ времени „не позже 1481 г." [25]), но дѣлаетъ это настолько нерѣшительно, что въ „хронологическомъ указателѣ" къ первому тому своего изданія возлѣ названія этой безсудной ставитъ весьма рѣдкую у него помѣтку: „безъ года" [26]). Мейчикъ, не колеблясь, относитъ ее къ времени „около 1454 [27])" года.

Дѣйствительное время составленія этой грамоты опредѣляется изъ соображенія крайнихъ предѣловъ, раньше и позже котораго она не могла быть написана.

I.

Одинъ изъ этихъ предѣловъ, именно—позже котораго безсудная не могла быть составлена, очень легко опредѣлить на основаніи того, что она была выдана Савво-Сторожевскому „игумену Евфросину съ братіею [28])". По Строеву въ этомъ монастырѣ Евфросинъ былъ игуменомъ въ 1454 году [29]); начало же и окончаніе игуменства его Строеву неизвѣстны. Слѣдующій за нимъ игуменъ Варлаамъ упоми-

---

[20]) Иконниковъ, ibid., ср. стр. 425 и 424.

[21]) Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 1—76, стб. 2.

[22]) См. прим. 18.

[23]) № 2 приложенія III-го къ его изслѣдованію (стр. 102—104).

[24]) „Сборникъ снимковъ и печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и другимъ юридическимъ актамъ, хранящимся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи". 1858 г. Таблица II, № 31, какъ сообщаетъ это Мейчикъ (стр. 137, стб. I, примѣчаніе къ № 107). Къ сожалѣнію, я не могъ достать этого изданія.

[25]) Акты Ѳед.-Чех. I. „Оглавленіе актовъ гражданской расправы, отпечатанныхъ въ первомъ томѣ", стб. 12, текстъ къ № 54.

[26]) Акты Ѳед.-Чех. I. Хронологическій указатель, стб. I.

[27]) Мейчикъ, стр. 102, 137, стб. 1 и 156, стб. 1—2. На стр. 32, стб. 2 по незамѣченной авторомъ опечаткѣ напечатано: „1554".

[28]) Ibid. Приложеніе III, № 2, стр. 104, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I № 54, стр. 76, стб. 1.

[29]) Въ этомъ году 14 апрѣля ему была выдана В. К. Василіемъ Васильевичемъ жалованная грамота, напечатанная въ „Историческихъ матеріалахъ о церквахъ и селахъ XVI—XVII ст.". гг. Холмогоровыхъ, выпускъ 2, стр. 86 и 87, какъ упоминаетъ объ этомъ Мейчикъ въ примѣчаніи къ № 108 своей описи (стр. 137, стб. 1). Этого изданія я тоже не имѣлъ въ рукахъ.

Digitized by Google

нается въ 1462 году [30]). Слѣдовательно, эта *безсудная не могла быть составлена позже конца 1462 года.*

II.

Другой крайній предѣлъ,—раньше котораго она не могла быть написана,—опредѣляется въ силу слѣдующихъ данныхъ:

А.—Въ безсудной говорится, что за нѣсколько времени предъ судомъ, ходъ котораго излагается въ ней, отвѣтчикъ былъ оправданъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ [31]); слѣдовательно, она была написана во всякомъ случаѣ послѣ вступленія на престолъ Василія Темнаго, но отсюда еще неизвѣстно — во время его княженія, или послѣ.

Б.—Далѣе, мы читаемъ въ безсудной, что она была выдана съ доклада князю Андрею Васильевичу [32]). Мейчикъ называетъ его Звенигородскимъ княземъ [33]) (т.-е. удѣльнымъ [34])), а Ѳедотовъ-Чеховской видитъ въ немъ удѣльнаго князя Звенигородскаго Андрея Васильевича Большого [35]). Но такъ какъ эти ученые не привели доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, а въ самомъ актѣ не упоминается ни фамиліи [36]), ни полнаго титула князя Андрея Васильевича, то вопросъ о томъ, кто такой былъ этотъ князь остается открытымъ. Разрѣшить его можно путемъ слѣдующихъ соображеній:

а) Въ началѣ грамоты сказано, что судья „судъ судилъ" „*по книжу слову Андрѣеву Василевич.*" [37]). Такое начало грамоты, по

---

[30]) Строевъ: Описки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви. 1877 г., стб. 166.

[31]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 103, стб. 1 и акты Ѳед.-Чех. I. № 54, стр. 75, стб. 1.

[32]) Мейчикъ, тамъ же, стр. 103—104, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. тамъ-же, стр. 75, стб. 2, стр. 76, стб. 1.

[33]) Мейчикъ, стр. 34, стб. 2.

[34]) Ср. тамъ же, стр. 14, стб. 2 и 35, стб. 1.

[35]) Акты Ѳед.-Чех. I. Указатель личныхъ именъ къ первому тому, стр. 1, стб. 2.

[36]) Служилые князья (какъ и бояре) обозначаются въ грамотахъ XV и начала XVI вв. лишь по имени и отчеству безъ прибавленія фамиліи (кромѣ немногихъ исключеній). См. примѣры такого обозначенія у Мейчика на стр. 7, стб. 2, стр. 29, стб. 1, а также Приложеніе III, № 2 (грамота 1496—8 г.), стр. 108, стб. 2. Примѣръ исключенія см. у Ѳед.-Чех. Акты I, № 20 (грамота 1492—1507 г.). стр. 17, стб. 1.

[37]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 102, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 1.

Digitized by Google

мнѣнію Мейчика [38]), имѣло мѣсто въ случаяхъ княжескаго суда, когда князь давалъ судьѣ разобрать на мѣстѣ дѣло и доложить ему о результатахъ своего суда для вершенія самимъ княземъ. Подобныя порученія бывали необходимы въ поземельныхъ дѣлахъ, если тяжущіеся имѣли привиллегіи княжескаго суда. Дѣйствительно, поземельныя тяжбы требовали, по обычаямъ времени, мѣстнаго производства на спорной землѣ [39]), порученіе же подчиненному судьѣ вершить дѣло было бы въ такомъ случаѣ нарушеніемъ тарханов [40]). Вотъ почему князь, чтобъ не ѣхать самому на спорную землю [41]), делегировалъ на время свое право суда другимъ лицамъ [42]), поручая имъ засудить дѣло безъ права вершить его [43]). Вершилъ же дѣло самъ князь по докладу судьи [44]). (Это—одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ случаевъ доклада вслѣдствіе ограниченной юрисдикціи судьи [45]), случай, который очень просто объясняетъ необходимость доклада во многихъ дѣлахъ, въ которыхъ поводы къ докладу объяснялись нашими учеными путемъ очень сложныхъ и часто произвольныхъ соображеній [46])). Въ XV в. эти порученія были обыкновенно словесными [47]), но иногда излагались и на письмѣ [48]). Въ первомъ случаѣ судъ происходилъ

---

[38]) Ibid., стр. 29.

[39]) Михайловъ, ibid., стр. 49; Дювернуа, ib., стр. 407, пунктъ 1; Мейчикъ, стр. 29 и 34, стб. 1; Сергѣевичъ, ib., стр. 685 и пр.

[40]) Мейчикъ, стр. 37, стб. 1.

[41]) Ibid., стр. 29, стб. 1.

[42]) Сергѣевичъ, Ib., стр. 685; Мейчикъ, стр. 29, стб. 1 и стр. 34, стб. 1; ср. также Владимирскаго-Буданова: Обзоръ, стр. 532.—Впослѣдствіи этихъ лицъ стали смѣшивать на практикѣ съ *данными судьями* (о нихъ см. Дмитріева, ib., стр. 151); Ланге: Древнее русское уголовное судопроизводство. 1884 г., стр. 16; его же: Древніе смѣстные или вобчіе суды. 1882 г., стр. 227 и 42, пунктъ 2 и проч.). Нормируя посылку судей на землю, Судебникъ 1550 г. (ст. 84) замѣнилъ ею судъ данныхъ судей, но на практикѣ постановленіе Судебника не исполнялось и самъ царь нерѣдко посылалъ на землю двухъ судей вмѣсто одного. (См., напр., правую грам. 1556 г. въ Актахъ Өед.-Чех. I № 74, стр. 165, стб. 2). Сравн. невѣрное объясненіе 84 ст. Судебника въ Хрестоматіи Влад.-Буданова, вып. 2-й 1880 г., стр. 169, пр. 201.

[43]) Мейчикъ, стр. 28, стб. 1 и 34, стб. 1; Сергѣевичъ, стр. 685; Дмитріевъ, ib., стр. 291 и пр.

[44]) Дювернуа, ib., стр. 344; Ланге: Древн. угол. суд., стр. 64—65; Влад.-Будановъ, Обзоръ, стр. 529, отдѣлъ I а); Сергѣевичъ, ib. стр. 685 и пр.

[45]) Дмитріевъ, ib., стр. 285; Дювернуа, ib., стр. 408, пунктъ 7; Хрестоматія Влад.-Буданова, ibid., стр. 88, пр. 22, Ланге: Смѣстн. суды, стр. 171, 174, 175—176; Сергѣевичъ, стр. 685 и проч.

[46]) См., напр., Дювернуа, ib., стр. 409; Дмитріева, ib., стр. 19—21 и прим. 29 къ 20 стр. (впрочемъ, см. 291—2 стр.).

[47]) См. примѣръ аналогичнаго словеснаго приказанія государя въ XVI в.—Акты Өед.-Чех. I № 74, стр. 201, стб. 1.

[48]) До насъ дошло всего лишь двѣ такія *указныя судныя* грамоты (по

Digitized by Google

„*по слову*“ князя, во второмъ—„*по грамотѣ*“ его [49]). Грамоты обыкновенно давались иногороднимъ судьямъ, когда участокъ спорной земли былъ ближе къ нему, чѣмъ къ давшему грамоту; въ противномъ случаѣ давалось устное приказаніе.

Савво-Сторожевскій монастырь по привиллегіи былъ освобожденъ отъ намѣстничьяго суда, слѣдовательно, подлежалъ суду удѣльныхъ [50]), или великихъ князей [51]). Вездудная, о которой идетъ рѣчь, была выдана по поводу поземельнаго спора [52]), слѣдовательно, здѣсь мы видимъ примѣръ вершенья княземъ дѣла, засуженнаго даннымъ великокняжескимъ судьей [53]). Отсюда слѣдуетъ, что Андрей Васильевичъ судилъ княжескимъ судомъ. Уже отсюда можно было бы вывести, что онъ былъ княземъ правящаго Россіей Дома; но на это можно возразить, что княжескимъ судомъ могли судить и бояре [54]).

терминологіи Мейчика (стр. 24, стб. 2, примѣчаніе),—Ѳедотовъ-Чеховской называетъ ихъ *наказами судьямъ*. См., напр., Оглавленіе актовъ гражд. распр. и пр. въ I-мъ томѣ его Актовъ, стб. 7, текстъ къ № 35, стб. 8, текстъ къ № 38 и пр.): одна, напечатанная цѣликомъ въ изслѣдованіи Горчакова: „О земельныхъ владѣніяхъ россійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода“ 1871 г., приложеніе II, № 4, и другая, извлеченіе изъ которой напечатано у Мейчика на стр. 25 (примѣчаніе къ 24 стр.) и 105, стб. 1 (примѣчаніе *).

[49]) Въ дополненіе доказательствъ въ пользу этого у Мейчика (стр. 29, стб. 2) укажу на то, что судья Володя Звѣревъ, указная судимая грамота которому дошла до насъ, начинаетъ судный списокъ, въ которомъ излагалось дѣло, разбираемое имъ по указу этой грамоты, такимъ образомъ: „по грамотѣ велиг князя“. См. Мейчика, Приложеніе III, № 8, стр. 105, стб. 1 и примѣчаніе къ ней.

[50]) А. И. I, № 15.—Жалованная грамота Звенигородскаго князя Юрія Дмитріевича Савво-Сторожевскому монастырю 10 мая 1404 г. (стр. 23, стб. 2—стр. 24, стб. 2). См. слѣдующее прим. in fine.

[51]) Жалованная грамота вел. кн. Василія Темнаго сему монастырю 17 апрѣля 1454 года, впослѣдствіи подтвержденная удѣльнымъ княземъ Звенигородскимъ и Углицкимъ Андреемъ Васильевичемъ. (См. Мейчика, стр. 10, стб. 1). Ср, прим. 29.

[52]) Акты Ѳед.-Чех. I № 54, стр. 75, стб. 1 и Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 102—103, стб. 1.

[53]) Дювернуа, ibid., называетъ такихъ судей: „данный судья великаго князя“ (стр. 333 in fine, ср. 334 стр.). Лучшаго термина нельзя и подобрать: *данный* указываетъ на то, что такой судья—видъ *данныхъ судей* вообще (genus), а опредѣленіе *великаго князя* указываетъ на отличіе его отъ обыкновенныхъ данныхъ судей, испрошенныхъ сторонами (differentia).

[54]) Ланге: Смѣстн. суды, стр. 175—176, 177, 201; его же: Древн. уголов. суд., стр. 62 и примѣчаніе къ ней; Мейчикъ, стр. 29, стб. 1; хрестоматія Влад.-Буданова, вып. II, стр. 83, пр. 3 и друг. Напротивъ, Дмитріевъ не различаетъ великокняжескаго (слѣдов., и княжескаго) суда лишь отъ суда введенныхъ бояръ, но противополагаетъ первому судъ намѣстниковъ отъ имени великаго князя (стр. 144—5). Это мнѣніе принимаетъ Влад.-Будановъ въ своемъ Обзорѣ

Digitized by Google

б) Въ концѣ описанія доклада мы читаемъ, что князь Андрей Васильевичъ отдаетъ приказаніе [55]) судьѣ, какъ рѣшить дѣло, не ссылаясь на авторитетъ государя [56]), какъ это дѣлали бояре, которымъ судьи докладывали вмѣсто государя [57]), именно, они рѣшали дѣло „по великаго князя слову“ [58]). Отсюда слѣдуетъ, что князь Андрей Васильевичъ судилъ княжескимъ судомъ отъ своего имени, а не отъ имени государя, т.-е. судилъ не какъ бояринъ, а какъ государь. Но мы знаемъ, что судъ дѣтей великаго князя вполнѣ замѣнялъ собою судъ ихъ отца [59]). Слѣдовательно, намъ надо разрѣшить

для эпохи судебниковъ (стр. 528, отдѣлъ I, б). Дювернуа, ib., говоря объ уравненіи боярской подсудности и княжеской, тоже упоминаетъ лишь о введенныхъ боярахъ (344—6 стр.).

[55]) Дювернуа говоритъ, что высшій судья на докладѣ „*указываетъ* судъ“ низшему судьѣ (ibid, стр. 410, ср. стр. 412), но въ докладныхъ спискахъ говорится всегда: „*велѣлъ* судьѣ *такого-то* оправити“.

[56]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 104, стб. 1 и Акты Өед.-Чех. I, № 54, стр. 76, стб. 1.

[57]) См. примѣры такихъ докладовъ, когда судья рѣшилъ (рекся) доложить государю, а доложилъ боярину: А. Ю. (Акты юридическіе, 1838 г.) № 3, стр. 6, стб. 1, № 5, стр. 10, стб. 1, № 11, стр. 21, стб. 2, № 20, стр. 45, стб. 2 и пр.; Мейчикъ, Приложеніе III, № 3, стр. 108, стб. 1 и 2; Акты Өед.-Чех. I, № 14, стр. 11, стб. 2, № 27, стр. 28, стб. 1; или рѣшивъ доложить „государю или боярину“, доложилъ послѣднему: Акты Өед.-Чех. I, № 21, стр. 18, стб. 1; правая грамота, входящая въ № 66 (стр. 129, стб. 2—стр. 131, стб. 1), 1521 г., стр. 130, стб. 2; или—доложилъ боярину, рѣшивъ доложить „государю или человѣку старѣйшему“. А. Ю. № 14 (1510 г.), стр. 28, стб. 1; Акты Өед.-Чех. № 22, стр. 21, стб. 1. Сравн. „Образцы списковъ докладныхъ и грамотъ правыхъ и безсудныхъ“ Бѣляева (приложеніе къ его статьѣ: „Списки судные и докладные и грамоты и правыя и безсудныя въ Московскомъ государствѣ“ въ Архивѣ Историко-юридическихъ свѣдѣній Калачова. Книги 2-й 1/2 первая 1855 года) подъ № 4, стр. 134.—Въ одной грамотѣ судья рѣшивъ доложить „государю или его дворецкому“, доложилъ дѣло послѣднему. (Акты Өед.-Чех. I, № 53, стр. 73, стб. 2). Ср. невѣрное объясненіе этихъ фактовъ у Дмитріева, ib. стр. 283—4.

[58]) А. Ю. №№ 3 (стр. 6, стб. 2), 5 (стр. 10, стб. 1), 6 (стр. 12, стб. 2), 11 (стр. 21, стб. 2), 14 (стр. 28, стб. 1 и 2), 20 (стр. 45, стб. 2), 22 (стр. 52, стб. 1—это уже 1547 г.); Мейчикъ, Приложеніе III, № 3, стр. 108, стб. 2; Акты Өед.-Чех. I, №№ 21 (стр. 18, стб. 2), 22 (стр. 21, стб. 1), 27 (стр. 28, стб. 2), 49 (стр. 63, стб. 2), 53 (стр. 74, стб. 1), прав. грам. въ № 66 (стр. 131, стб. 2) и проч. Сравн. неясное пониманіе значенія этого техническаго выраженія у Ланге. (Смѣстн. суды, стр. 178 — 180) и превратное — у Мейчика (стр. 32, стб. 2).

[59]) Судебникъ Великокняж., ст. 21 и 24, Судебникъ Царскій, ст. 37, 39 и (28). Сравн. примѣчаніе Татищева а) къ 28 ст. Судебнаго, изданнаго Миллеромъ (2 изд. 1786 г., стр. 17); а также см. Бѣляева, Лекціи по исторіи русскаго законодательства. 1888 г., стр. 413, пунктъ С.; христоматію Влад.-Буданова, ib., стр. 89, пр. 27 и друг.

Digitized by Google

вопросъ: замѣнялъ ли князь Андрей Васильевичъ своего отца, или судилъ, какъ владѣтельный князь?

в) Изъ полноты замѣны суда великаго князя судомъ его дѣтей необходимо вытекаетъ взаимность и случайный характеръ этой замѣны: сынъ замѣнялъ отца, а отецъ сына въ разныхъ стадіяхъ процесса, смотря по личнымъ удобствамъ высокихъ судей. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ князь Андрей Васильевичъ все время самъ руководитъ судомъ: даетъ повелѣніе судьѣ разобрать дѣло, самъ же слушаетъ докладъ и вершитъ дѣло отъ своего имени. Уже это одно наводитъ на мысль, что мы видимъ предъ собой примѣръ суда самостоятельнаго владѣтельнаго князя. Эта мысль получаетъ силу полной достовѣрности, благодаря стеченію цѣлаго ряда подтверждающихъ ее обстоятельствъ.

I. Если докладъ производилъ судья, подчиненный великому князю, то на докладѣ присутствовалъ великокняжескій дьякъ. Изъ дошедшихъ до насъ примѣровъ подобныхъ докладовъ мы знаемъ, что такъ было въ тѣхъ случаяхъ, когда докладъ слушалъ самъ государь [60]), или замѣняющій его боярин [61]). (Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ замѣтить, что иногда великокняжескій дьякъ подписывался просто: „діакъ“ [62]), но что это были все-таки великокняжескіе дьяки, а не какіе-либо другіе, видно изъ того, что, напр., дьякъ Дуракъ Мишуринъ на одной грамотѣ подписался съ сокращеннымъ титуломъ „діакъ“ [63]), а на другой—современной—съ полнымъ: „Великаго Князя діакъ“ [64]), а дьякъ Василій Щелкаловъ [65]), подписавъ грамоту съ полнымъ титуломъ, скрѣпилъ ее съ сокращеннымъ [66]) и пр.).

---

[60]) А. Ю. К. I, № 103, I, (грамота 1462—4 гг.), стб. 639; А. Ю. № 13, (грамота 1508 г.). стр. 27, стб. 2; Акты Оед.-Чех. I, №№ 29 (стр. 30, стб. 2), 30 (стр. 32, стб. 1), 45 (стр. 52, стб. 2), 71 (стр. 195, стб. 1), 74 (стр. 207, стб. 1) и проч.

[61]) А. Ю. №№ 3 (стр. 7, стб. 1), 14 (стр. 28, стб. 2), 21 (стр. 49, стб. 1); Акты Оед.-Чех. I, №№ 21 (стр. 19, стб. 2), 27 (стр. 28, стб. 2), 22 (стр. 21, стб. 1); ср. Образцы списковъ и пр. Вѣлаева, № 4 (Архивъ, стр. 134); см. правую грамоту 1521 г. въ № 66 Актовъ Оед.-Чех. I, стр. 131, стб. 1; Мейчикъ, Приложеніе III, № 3, стр. 108, стб. 2. См. скрѣпу суднаго списка великокняжескимъ дьякамъ въ Актахъ Оед.-Чех. I, № 53, стр. 74, стб. 2. Ср. прим. 57.

[62]) А. Ю. №№ 5 (стр. 10, стб. 2), 6 (стр. 12, стб. 2), 11 (стр. 22, стб. 1); Акты Оед.-Чех. I №№ 34 (стр. 36, стб. 1), 44 (стр. 47, стб. 1), 49 (стр. 64, стб. 1), 53 (стр. 74, стб. 2), 66 (стр. 133, стб. 1).

[63]) Акты Оед.-Чех. I, № 46, стр. 55, стб. 1.

[64]) Ibid. № 45, стр. 52, стб. 2. Сравн. ibid., № 52, стр. 69, стб. 2.

[65]) Управлявшій впослѣдствіи цѣлой Четвертью, называвшейся его именемъ (А. А. Э. I № 362, стр. 387, стб. 2).

[66]) Акты Оед.-Чех. I, № 63, стр. 117, стб. 1.

Digitized by Google

Несомнѣнно, то же бывало и тогда, когда докладъ слушалъ, вмѣсто государя, его сынъ. Это слѣдуетъ частію изъ вышеуказанной полной и взаимной замѣны суда государя-отца судомъ его дѣтей, частію изъ того, что Судебники различаютъ только печатниковъ великаго князя и его дѣтей и въ то же время говорятъ лишь объ одномъ дьякѣ, общемъ для суда того и другихъ [67]), т.-е. о дьякѣ великокняжескомъ. Напротивъ, на судѣ удѣльныхъ князей могли присутствовать лишь ихъ личные дьяки, подписавшіеся или съ полнымъ титуломъ: „дьякъ княжь", или съ сокращеннымъ: „дьякъ" [68]). При докладѣ судьи князю Андрею Васильевичу присутствовалъ „дьяк княжь Андрѣев Василевич Семен Василевич" [69]).

II. Ни въ одномъ памятникѣ не упоминается, чтобъ дѣти великаго князя имѣли своихъ собственныхъ приставовъ. Если бояре, судя за и вмѣсто князя [70]), въ силу однородности компетенціи боярскаго и княжескаго суда [71]), пользовались, какъ исполнительными органами, приставами великаго князя [72]); то тѣмъ болѣе дѣти велнкаго князя, въ силу указаннаго выше безразличія ихъ суда и суда ихъ отца, имѣли полное право распоряжаться приставами своего отца и не нуждались въ особыхъ приставахъ. Между тѣмъ у князя Андрея Васильевича былъ личный приставъ-недѣльщикъ Петеля, про котораго истецъ въ двухъ мѣстахъ безсудной говоритъ князю: „приставъ твой" [73]).

III. Судъ великаго князя и его дѣтей, какъ таковыхъ, производился въ Москвѣ и за рѣдкими исключеніями въ другихъ городахъ, что, кажется, бывало только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., это было въ Новгородѣ въ 1475 г., когда Іоаннъ III судилъ

---

[67]) Суд. Вел., ст. 22 и 24; Суд. Царск., ст. 28, 38 и 39.

[68]) Напр., дьяки Михаила Андреевича Верейскаго. См. Акты Оед.-Чех. I, № 6, стр. 3, стб. 2, № 10, стр. 6, стб. 2 (тоже въ образцахъ списковъ и пр. Бѣляева, № 1—Архивъ, стр. 129); А. Ю. № 1, стр. 3, стб. 1. Ср. Мейчика, стр. 31, стб. 1.

[69]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 104, стб. 2 и Акты Оед.-Чех. I, № 54, стр. 76, стб. 2.

[70]) Мейчикъ, стр. 29, стб. 1.

[71]) См. у Мейчика на 22 стр., стб. 1, цитаты изъ грамотъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Юст. подъ №№ 1111 (10 марта 1462 г., отпечатанная въ А. А. Э. I, № 131 подъ 1494 годомъ) и 1130-мъ. См. пр. 54.

[72]) См., напр., правыя грамоты, входящія въ составъ № 66-го Актовъ Оед.-Чех. I (см. выше пр. 57), стр. 130, стб. 2 и — № 74-го (на стр. 201, стб. 1—202, стб. 2), стр. 201, стб. 1; а также слич. А. А. Э. I, стр. 291, стб. 1 (№ 262) и стр. 293, стб. 2 (263).

[73]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 103, стб. 2, строчки 13 и 16 снизу и Акты Оед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 2, строчки 4 и 8 снизу.

Digitized by Google

новгородскихъ бояръ [74]), или въ 1479 г., когда онъ судилъ архіепископа Ѳеофила [75]). Между тѣмъ дѣло, изложенное въ безсудной, разбиралось внѣ Москвы. Это вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній.— Все содержаніе безсудной указываетъ на то, что разборъ этого дѣла тянулся довольно долго. Первое засѣданіе суда происходило, по всему вѣроятію, въ городѣ. На это указываютъ: присутствіе на судѣ княжескаго пристава [76]), словесное порученіе князя разобрать дѣло [77]) и неизвѣстность для судьи спорныхъ земель, которыя опредѣлились лишь во время судоговоренія [78]). Чрезъ нѣкоторое время, послѣ испрошенной отвѣтчикомъ отсрочки [79]), открылось второе засѣданіе суда на берегу озера Полецкаго [80]), находящагося недалеко отъ Саввo-Сторожевскаго монастыря и городовъ Вереи [81]) и Звенигорода. Изъ того, что князь далъ *устное* порученіе своему приближенному, а не послалъ грамоту къ иногороднему судьѣ, слѣдуетъ [82]), что онъ самъ жилъ въ одномъ изъ ближайшихъ городовъ къ спорному участку, а не въ Москвѣ; а изъ того, что на спорный участокъ земли явился судья въ сопровожденіи княжескаго пристава [83]) и затѣмъ, какъ видно изъ хода всего дѣла, непосредственно вслѣдъ за симъ предсталъ предъ княземъ у доклада [84]), надо заключить, что этотъ князь несомнѣнно жилъ въ сосѣднемъ городѣ съ Полецкимъ озеромъ, т.-е. или въ Вереѣ, или въ Звенигородѣ. Между тѣмъ изъ лѣтописей не-

---

[74]) Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей (цитируемое ниже подъ инн. ціалами: П. С. Р. Л.), т. VI—1853 г.: 2-я софійская лѣтопись, стр. 202—4. См. объ этомъ судѣ: Карамзина: Исторія Государства Россійскаго, изданіе Смирдина 1833 г., т. V, стр. 66—68; Полеваго: Исторія русскаго народа, т. V 1833 г., стр. 507—510; Соловьева: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. V, 1852 г., стр. 27—28; Бѣляева: Разсказы изъ русской исторіи, часть II, исторія Новгорода, 1872 г., стр 535—537.

[75]) О юридическомъ и политическомъ значеніи сего суда см. Полеваго, ibid., стр. 522, примѣч. 455; Соловьева, ibid., стр. 39; Бѣляева, ibid., стр. 570 и проч.

[76]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 103, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 1 и 2.

[77]) См. выше II, B, a, стр. 8.

[78]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 102—103, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 1.

[79]) Мейчикъ, ibid, стр. 103, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех., ib., стр, 75, стб. 1.

[80]) Мейчикъ, ibid., внизу стр. и Акты Ѳед.-Чех., ib., стр. 75, стб. 2.

[81]) Озеро Полецкое находится въ современномъ Верейскомъ уѣздѣ, Московской губ. (См. Настольный словарь, изданіе Ф. Толля, т. III, 1864 г., стр. 143, стб. 1.

[82]) См. пр. 77.

[83]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 103, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 2.

[84]) Мейчикъ, ib., стр. 103, стб. 1—2 и Акты Ѳед.-Чех., ibid.

Digitized by Google

извѣстно, чтобъ Василій Темный или Іоаннъ III—первый съ своимъ сыномъ, второй — съ своимъ братомъ [85]) Андреемъ пріѣзжали въ Звенигородъ, или Верею и жили тамъ столь продолжительное время, сколько длился этотъ судъ. Объ этомъ лѣтописи не могли бы умолчать.

Отсюда слѣдуетъ, что Андрей Васильевичъ былъ владѣтельнымъ (удѣльнымъ) княземъ, которому былъ подсуденъ Савво-Сторожевскій монастырь.

г) Мы знаемъ, что этотъ монастырь, находящійся въ полутора верстахъ отъ города Звенигорода [86]), издавна входилъ въ Звенигородскій удѣлъ [87]) и былъ подсуденъ [88]) звенигородскимъ князьямъ не только въ силу общаго начала территоріальной подсудности, господствовавшаго въ древнемъ русскомъ правѣ [89]), но и по жалованнымъ грамотамъ [90]). Данное дѣло было подсудно звенигородскому удѣльному князю сверхъ того и вслѣдствіе нахожденія въ его удѣлѣ спорной земли [91]). Слѣдовательно, Андрей Васильевичъ былъ удѣльнымъ княземъ звенигородскимъ.

д) Во время княженія Василія Васильевича Темнаго въ Звенигородѣ не было ни одного удѣльнаго князя съ именемъ Андрея Васильевича, а по смерти его, послѣдовавшей 27 марта 1462 года [92]), Угличъ, Вѣжецкъ и Звенигородъ достались въ удѣлъ третьему сыну его, Андрею Васильевичу Большому [93]), прозвищемъ Горяй [94]), родившемуся 3 августа 1446 года [95]). Отсюда слѣдуетъ, что упоминаемый въ безсудной грамотѣ князь былъ никто иной, какъ удѣльный князь звенигородскій Андрей Васильевичъ Большой.

---

[85]) Все вышесказанное о дѣтяхъ вел. князя относится и къ братьямъ его, если только допустить невѣроятное предположеніе, что Андрей Васильевичъ судилъ вмѣсто своего брата Іоанна.

[86]) Амвросій. Исторія россійской іерархіи. Часть II, 1810 г. стр. 548 внизу.

[87]) См. пр. 50.

[88]) См. ниже подъ буквой е) пунктъ II.

[89]) Михайловъ. Ib., стр. 48—49; Дмитріевъ, ib., стр. 160; Дювернуа, ib., стр. 368—9; Лапге: смѣстные суды, стр. 288; Мейчикъ, примѣчаніе къ 40 стр. (стр. 40, стб. 2—стр. 41); Влад.-Будановъ, Обзоръ, стр. 532 и пр.

[90]) См. пр. 50.

[91]) Сравн. Михайлова о подсудности въ древнемъ русскомъ правѣ по мѣсту нахожденія спорной земли (ibid, стр. 49).

[92]) П. С. Р. Л. VI, стр. 185; Книга Степенная царскаго родословія и пр., сочиненная трудами митрополитовъ Кипріана и Макарія, а напечатанная подъ смотрѣніемъ Миллера. Часть II. 1775 г., стр. 28, строчки снизу 11—12.

[93]) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Изданіе графа Румянцева. Часть I, 1813 г., № 86—1462 г., стр. 203, стб. 2; П. С. Р. Л. IV, стр. 148; т. V, стр. 274 и т. VI, стр. 185.

[94]) П. С. Р. Л. V, стр. 39.

[95]) Ibid. т. V, стр. 268—9 и т. VI, стр. 176.

Digitized by Google

е) Этотъ выводъ подтверждается слѣдующими совпаденіями:

I. Мы видѣли, что при докладѣ присутствовалъ личный дьякъ князя Андрея Васильевича Семенъ Васильевичъ; между тѣмъ до насъ дошла одна правая грамота, изъ которой видно, что при докладѣ удѣльному князю Андрею Большому [96]) присутствовалъ личный дьякъ этого князя Семенъ Васильевичъ [97]).

II. Изъ того, что эта правая грамота была выдана имъ Савво-Сторожевскому монастырю по дѣлу, засуженному звенигородскимъ и монастырскимъ тіунами [98]), которые оба называютъ его своимъ „осподаремъ“ [99]), слѣдуетъ, что этотъ монастырь былъ подсуденъ ему, какъ своему удѣльному князю, и что онъ могъ велѣть выдать *правую безсудную* грамоту [100]) точно такъ же, какъ въ другомъ дѣлѣ—*правую* [101]).

Итакъ, тождество упомянутаго въ безсудной князя съ удѣльнымъ княземъ Андреемъ Большимъ стоитъ выше всякаго сомнѣнія; слѣдовательно, *безсудная*, выданная по приказанію удѣльнаго звенигородскаго князя, получившаго въ удѣлъ Звенигородъ въ 1462 г., *не могла быть составлена раньше 1462 года*.

В. Соображая эти данныя, мы приходимъ къ несомнѣнному заключенію, что эта безсудная была написана въ первый годъ княженія въ Звенигородѣ Андрея Васильевича Большого и въ послѣдній годъ игуменства Евфросина въ Савво-Сторожевскомъ монастырѣ, т.-е. ровно въ 1462 году.

Г. Для точнѣйшаго опредѣленія времени написанія этой грамоты служитъ намъ упоминаніе безсудной о томъ, что второе засѣданіе описаннаго въ ней суда состоялось въ срокъ [102]), назначенный для явки сторонъ на это засѣданіе, а именно: *на Николин дн̃ на весн̃и*“ [103]), т.-е. весенній. Весной бываетъ два Николина дня: 9 марта (память Св. Николая, одного изъ 40 мучениковъ Севастійскихъ) и 9 мая (перенесеніе мощей Св. Николая Чудотворца); но 9 марта Ан-

---

[96]) А. Ю. № 7, стр. 14, стб. 2. Сл. 7 примѣчаніе къ А. Ю. (1 стр. примѣчаній).

[97]) Ib., стр. 13—14; онъ же подписалъ (съ однимъ именемъ, безъ отчества) и подтвержденіе симъ княземъ жалованной грамоты своего отца этому же монастырю,—Мейчикъ, стр. 10, стб. 1 (См. пр. 51).

[98]) А. Ю. № 7, стр. 14.

[99]) Ib., стр. 14, стб. 2.

[100]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 104, стб. 1 и примѣчаніе къ ней (сравн. стр. 104, стб. 2) и Акты Оед. Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 1 (сравн. ibid., стб. 2).

[101]) См. прим. 99.

[102]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 103, стб. 1 и Акты Оед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 2.

[103]) Мейчикъ, ibid. и Акты Оед.-Чех. I, стр. 75, стб. 1.

Digitized by Google

дрей Васильевичъ еще не былъ звенигородскимъ княземъ [104]), слѣдовательно, здѣсь подъ Николинымъ днемъ разумѣется 9 мая; названъ же этотъ день „вешнимъ“ для отличія отъ Николина дня „осенняго“, который принадлежалъ къ числу довольно распространенныхъ [105]) судебныхъ сроковъ [106]). Непосредственно вслѣдъ за засѣданіемъ 9 мая состоялся докладъ князю, послѣ котораго и была выдана игумену безсудная грамота. Въ XV в. безсудныя выдавались очень скоро послѣ окончанія дѣла. По Судебнику она должна была даваться „съ осьмого дня“ [107]), т.-е., по толкованію однихъ [108]), на 8-й день послѣ срока, или, по толкованію другихъ [109]), полагая 8 дней льготы на каждыя 100 верстъ разстоянія мѣстожительства отвѣтчика отъ мѣста суда; послѣднее, кажется, практиковалось и до Судебника, такъ, напр., согласно этому расчету [110]) въ другой дошедшей до насъ безсудной этой же эпохи [111]) предписывается выдать ее истцу „по сроцѣ на третей день“ [112]).

Крутицкій монастырь находится въ Москвѣ, слѣдовательно, въ 78—80 верстахъ отъ Звенигорода, гдѣ слушался докладъ, а посему безсудная должна была быть выдана на 6-ой—8-ой день послѣ суда. Принимая во вниманіе, что на практикѣ эти сроки могли и не соблюдаться во всей точности, мы приходимъ къ заключенію, что интересующая насъ безсудная была написана около середины мая 1462 г. и во всякомъ случаѣ не позже іюня этого года. Само собою разумѣется, что судъ, описанный въ ней, могъ начаться лишь спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ пріѣхалъ въ Звенигородъ новый удѣльный князь, поэтому надо полагать, что этотъ судъ могъ происходить приблизительно съ начала апрѣля до середины мая 1462 г.

Опредѣленное мной дѣйствительное время составленія этой безсудной имѣетъ научное значеніе не только потому, что данная без-

---

[104]) Отецъ его умеръ 27-го марта (см. прим. 92).

[105]) Сравн. Ланге: Смѣстные суды, стр. 200 и Древн. уг. суд., стр. 182.

[106]) А. Э. I № 368 (1597 г.), стр. 456, стб. 2 и А. Э. III № 170 (1626 г.), стр. 251.

[107]) Суд. Великокн., ст. 27.

[108]) Ланге: Древн. уг. суд., стр. 187; Бѣляевъ: Лекціи, стр. 415.

[109]) Хрестоматія Влад.-Буданова, вып. II, стр. 91, пр. 37. См. также прим. 110.

[110]) Бѣляевъ: Списки судные и докладные и пр. (Архивъ Калачова, ib., стр. 128).

[111]) По Ѳедотову-Чеховскому: „не позже 1485 г.“ (Оглавленіе актовъ I-го тома, стб. 2 и Хронологич. таблица, ib., стб. 1), по Мейчику 1432—79 (стр. 131, стб. 2 и 34 стр., 2 стб.). Бѣляевъ относитъ ее глухо къ XV в. (Образцы списковъ и пр.—Архивъ, ib., стр. 131, заглавіе акта № 3).

[112]) Акты Ѳед.-Чех. I, № 10, стр. 6, стб. 2 и Бѣляевъ ibidem., стр. 131

Digitized by Google

судная является очень любопытнымъ историко-юридическимъ памятникомъ вообще [113]), но и потому, что на основаніи этого опредѣленія можно вывести слѣдующія небезъинтересныя данныя:

а) Уже за 37 лѣтъ до изданія Судебника 1497 г. существовалъ институтъ недѣльщиковъ, вопреки общепринятому мнѣнію въ литературѣ, которое связываетъ происхожденіе недѣльщиковъ съ Великокняжескимъ Судебникомъ, какъ это прямо высказали Поповъ [114]), Дювернуа [115]), Кистяковскій [116]) и другіе [117]). Остальные ученые молчаливо признаютъ это, ссылаясь по вопросу о происхожденіи недѣльщиковъ только на Судебникъ [118]), или связывая изложеніе о нихъ съ приказнымъ управленіемъ московскаго государства [119]), или вовсе не касаясь вопроса о времени сложенія этого института. Только одинъ Бѣляевъ полагаетъ, что недѣльщики были и прежде Судебника, но въ то же время говоритъ: „По Судебнику, изданному въ 1497 году, мы *въ первый разъ* встрѣчаемъ извѣстіе о *новомъ* разрядѣ судебныхъ служителей...—о недѣльщикахъ“ [120]) (курсивъ мой). Въ виду этого замѣчанія Бѣляева нельзя и осуждать ученыхъ за допущенную ими ошибку. Вѣсудная, о которой идетъ рѣчь—единственный источникъ, изъ котораго мы узнаемъ о существованіи недѣльщиковъ до Судебника, такъ какъ приблизительное опредѣленіе времени другой правой грамоты XV в., въ которой тоже упоминается о недѣльщикѣ [121]), оставляетъ вопросъ открытымъ, составлена ли она до или послѣ Судебника, слѣдовательно, эта правая грамота не можетъ служить такимъ источникомъ.

б) Недѣльщики были не только у великаго князя, но и у удѣльныхъ князей, что окончательно опровергаетъ господствующее мнѣніе

---

[113]) О чемъ говоритъ Мейчикъ на 34—35 стр. своего изслѣдованія.

[114]) Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московскомъ Царствѣ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть XL. 1848 г.), стр. 101.

[115]) Источники права и судъ и пр., стр. 351.

[116]) О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. 1868 г. § 14, стр. 37.

[117]) Тарасовъ относитъ ихъ происхожденіе къ концу XV в. (Личное задержаніе. Полицейскій арестъ въ Россіи. Отдѣлъ I. 1877 г., стр. 65), а Рейцъ—даже къ началу 16 вѣка (?).—Опытъ исторіи россійск. госуд. и гражд. законовъ 1836 г. (см. на 179 стр. примѣчаніе 4 къ 178 стр.).

[118]) Напр., Михайловъ, ib., стр. 78 и примѣч. 29 къ ней; Миклашевскій: О средствахъ представленія обвиняемаго въ судъ и пр. 1872 г. Слич. стр. LVI—LVII и прим. 1 къ LVII стр.

[119]) Напр., Неволинъ (Полное собраніе сочиненій. 1859 г., т. VI, стр. 105—106); Дмитріевъ, ib., стр. 137; Ланге (Древн. русск. уг. суд., стр. 55).

[120]) О вызовѣ въ судъ по древнимъ русскимъ законамъ до уложенія (Журналъ Министерства Юстиціи. 1860 г. Томъ III. Февраль), стр. 113.

[121]) Мейчикъ, Приложеніе III подъ № 3 (1496—98 гг.), стр. 108, стб. 2.

Digitized by Google

ученыхъ [122]), что недѣльщики были только въ Москвѣ и въ Новгородѣ (послѣднее утверждается только нѣкоторыми, да и то лишь въ примѣчаніяхъ [123]), иногда даже еще и съ оговоркой: „кажется“ [124])).

в) Списки русскихъ іерарховъ и настоятелей монастырей Строева можно пополнить слѣдующими данными: 1) Евфросинъ былъ игуменомъ Савво-Сторожевскаго монастыря 1454—1462 (причемъ Варлаамъ замѣнилъ его не ранѣе мая или іюня 1462 года) и 2) въ 1462 году въ Крутицкомъ монастырѣ былъ игуменомъ Геласій (у Строева нѣтъ ни одного игумена Крутицкаго монастыря [125]). Эти данныя могутъ служить надежнымъ руководствомъ при опредѣленіи времени разныхъ изданныхъ и неизданныхъ грамотъ.

---

[122]) Рейцъ, стр. 280; Поповъ, ib., стр. 101; Кавелинъ: Основныя начала русскаго судоустройства и гражд. судопроизводства и пр. 1844 г., стр. 66 (тоже см. сочиненія Кавелина, т. I, 1859 г., стр. 131); Влад.-Будановъ: Обзоръ, стр. 535; Ланге: Древн. русск. уг. суд., стр. 55. Кажется, что это мнѣніе раздѣляютъ: Дмитріевъ, ib., стр. 137 и Неволинъ, ibid., стр. 105—106. Противное мнѣніе высказали (отчасти и вполнѣ голословно) только Чичеринъ, Андреевскій, Градовскій и Бѣляевъ. Впрочемъ, Градовскій (Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. 1868 г., стр. 292) упоминаетъ лишь о недѣльщикахъ новгородскаго намѣстника, а Чичеринъ (Областныя учрежденія Россіи. 1856 г., стр. 104) и Бѣляевъ (Лекціи, стр. 406) говорятъ лишь о недѣльщикахъ при приказныхъ избахъ, т. е. уже въ эпоху воеводскаго управленія областями. Относительно же болѣе ранняго времени Бѣляевъ полагаетъ, что недѣльщики находились только въ Москвѣ (О вызовѣ въ судъ и пр., стр. 113) при государѣ и государевыхъ боярахъ (тамъ же и въ лекціяхъ на стр. 414, пунктъ III); напротивъ того, Андреевскій (О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ 1864 г., стр. 22) говоритъ лишь о недѣльщикахъ намѣстниковъ, а трактуя о приставахъ воеводъ (стр. 52) не упоминаетъ совсѣмъ о недѣльщикахъ.

[123]) Ланге: Др. уг. суд., стр. 55, примѣч.

[124]) Поповъ, ib., стр. 101, примѣч. 47.

[125]) Какъ замѣтилъ это и Мейчикъ, ib., стр. 34, стб. 2.

Digitized by Google

Новый трудъ по теоріи исторіи [1]).

Н. И. Карѣева.

Слѣдя за современною историко-философскою литературою, нельзя не отмѣтить одинъ характерный фактъ, важное значеніе котораго сдѣлается намъ совершенно понятнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы примемъ въ соображеніе, въ чемъ въ прежнія времена, главнымъ образомъ, полагалась задача такъ называемой философіи исторіи. Философія исторіи раньше понималась почти исключительно въ соображеніи всемірной исторіи, какъ процесса, совершающагося или въ примѣненіи нѣкотораго разумнаго плана, или въ силу особаго естественнаго закона, который управляетъ всѣмъ ходомъ этой исторіи. Такъ ставилась задача и рѣшалась она очень просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень ненаучно. Прежде всего авторъ составлялъ себѣ a priori общее представленіе о томъ, каковъ долженъ быть этотъ планъ или этотъ законъ исторіи, смотря потому, стоялъ ли авторъ на точкѣ зрѣнія провиденціалистическаго или раціоналистическаго объясненія исторіи. Въ обоихъ этихъ случаяхъ совершенно одинакова схема, по которой должны были быть расположены отдѣльныя части всемірно-историческаго процесса, извнѣ, такъ сказать, налагалась на цѣлое всемірной исторіи, причемъ послѣдняя, — конечно, съ сильными натяжками, — прилаживалась къ этой схемѣ. Наконецъ, автору приходилось неизбѣжно оперировать съ такими крупными и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени сложными историческими величинами, какъ Китай, Индія, Вавилонія и Ассирія, Египетъ, Персія, Греція, Римъ и т. п., или какъ язычество, христіанство, исламъ, европейская цивилизація и т.

---

[1]) Lacombe. De l' histoire considérée comme science. P. 1894. Часть этой статьи составляла содержаніе реферата, читаннаго въ Историческомъ Обществѣ 9 ноября 1894 года.

Digitized by Google

п. Въ результатѣ подобнаго отношенія къ задачѣ получались историко-философскія построенія, въ которыхъ творчество преобладало надъ изслѣдованіемъ, синтезъ преобладалъ надъ анализомъ,—построенія, въ которыхъ, скажу даже, и не могло быть ни изслѣдованія, ни анализа. Съ нѣкотораго времени въ историко-философской литературѣ начинаетъ намѣчаться иное отношеніе къ исторіи, стремленіе именно понять, что такое историческій процессъ самъ по себѣ, взятый совершенно отвлеченно. Задача тутъ заключается уже не въ томъ, чтобы построить систему всемірной исторіи, поставивъ въ извѣстныя взаимныя отношенія великія историческія величины, въ родѣ названныхъ нами выше, а въ томъ, чтобы разложить всякую исторію на ея составные элементы, показать, какія силы въ ней дѣйствуютъ и какъ именно онѣ дѣйствуютъ, гдѣ бы и когда бы она ни совершалась. Говоря коротко, *философія исторіи* начинаетъ уступать мѣсто *теоріи исторіи*: первая созидала одно великое цѣлое изъ отдѣльныхъ историческихъ міровъ и крупныхъ историческихъ явленій, принимая эти мѣры и явленія за свои первопачальныя данныя; вторая исходитъ изъ понятія объ историческомъ фактѣ вообще, дабы подвергнуть его анализу и такимъ образомъ дойти до знанія тѣхъ первичныхъ элементовъ, изъ коихъ вездѣ и всегда складывалась историческая жизнь. Не отрицая важнаго значенія философіи исторіи, лишь бы она строилась съ соблюденіемъ всѣхъ требованій научности, можно въ то же время привѣтствовать нарожденіе въ историко-философской литературѣ и указаннаго сравнительно новаго направленія, выдвигающаго на первый планъ аналитическую работу надъ историческимъ процессомъ, отвлеченно взятымъ. Пишущему эти строки не разъ уже приходилось указывать на то, что теорія историческаго процесса вообще разрабатывается крайне недостаточно, и съ этой точки зрѣнія, конечно, нельзя не радоваться тому, что теорію исторіи за послѣднее время какъ-разъ и начинаютъ ставить на очередь. Одинъ изъ новѣйшихъ исторіологическихъ трудовъ, подходящихъ подъ это новое направленіе, и будетъ предметомъ настоящей статьи какъ своего рода признакъ времени, заслуживающій съ указанной точки зрѣнія только одного сочувствія, хотя бы и не во всемъ можно было соглашаться съ воззрѣніями его автора.

Книга, о которой будетъ идти рѣчь, называется „De l' histoire considérée comme science". Написана она Лакомбомъ, главнымъ инспекторомъ французскихъ библіотекъ и архивовъ, писателемъ, до сихъ поръ не издававшимъ сколько-нибудь крупныхъ трудовъ. Нѣсколько причинъ одновременно заставили меня выбрать эту именно книгу для настоящей статьи. Не говоря вообще, во-первыхъ, о томъ значеніи, какое она можетъ имѣть въ историко-философской литературѣ, я обра-

Digitized by Google

тилъ на нее особенное вниманіе потому, что встрѣтилъ въ ней многія понятія и положенія, въ которыхъ узналъ свои собственныя мысли, хотя, съ другой стороны, нашелъ не мало и такого, съ чѣмъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы согласиться. Это разъ, а во-вторыхъ, мнѣ показалось особенно важнымъ и то, что авторъ книги сталъ въ весьма опредѣленное отношеніе къ одному теоретическому вопросу, въ настоящее время играющему довольно-таки видную роль въ попыткахъ уясненія сущности историческаго процесса; я имѣю въ виду споры о роли экономическаго элемента въ историческомъ процессѣ, а на него Лакомбъ какъ-разъ и обращаетъ въ своей теоріи особенное вниманіе, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ процесса. Я думаю даже, съ особенною обстоятельностью, остановиться какъ-разъ на воззрѣніяхъ автора, касающихся этого пункта, будучи самъ въ настоящее время занятъ преимущественно вопросомъ о роли экономическаго элемента въ исторіи [1]). Наконецъ, я слышалъ, что книга Лакомба переводится по-русски,—лишній резонъ для того, чтобы ею заняться.

I.

Главный вопросъ, который ставитъ себѣ Лакомбъ, заключается въ томъ, можетъ ли исторія сдѣлаться наукою въ томъ нѣсколько условномъ смыслѣ, какой получаетъ слово наука съ точки зрѣнія естествознанія. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ еще ведутся споры о правѣ исторіи называться наукою, причемъ отвѣты на вопросъ даются разные, смотря по тому, что спорящіе разумѣютъ подъ наукою вообще и какъ понимаютъ задачи самой исторіи. Авторъ различаетъ исторію ученую (érudition) и исторію научную (histoire-science), кромѣ еще исторіи художественной (histoire artistique): задача исторической эрудиціи, по его опредѣленію, состоитъ въ томъ, чтобы устанавлять единичные факты и приводить ихъ въ ту или другую связь между собою, тогда какъ задача исторіи въ научномъ смыслѣ заключается въ томъ, чтобы вырабатывать общія истины объ историческихъ явленіяхъ, приложимыя ко всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ. Въ этомъ различеніи мы узнаемъ то самое, которое Контъ сдѣлалъ между науками конкретными и абстрактными или, какъ мы предпочитаемъ обозначать ихъ, науками феноменологическими и номологическими.

---

[1]) См. статью мою „Экономическій матеріализмъ въ исторіи“, помѣщенную въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1894 г. и перепечатанную въ моихъ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“ (Спб. 1896).

Digitized by Google

То, что Лакомбъ разумѣетъ подъ именемъ исторіи, какъ науки, или научной исторіи, мы назвали бы теоріей исторіи, какъ бы ни рѣшался вопросъ о томъ, можно ли исторію въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова признавать за науку или нѣтъ.

Но обратимся къ самому автору и посмотримъ, какъ онъ самъ объ этомъ разсуждаетъ.

„Наукою,—говоритъ Лакомбъ,—называютъ совокупность истинъ, т.-е. предложеній, указывающихъ на то, что существуетъ постоянное сходство между такими-то и такими-то явленіями". Но, замѣчаетъ онъ нѣсколько ниже,—установленіе извѣстныхъ сходствъ не есть еще конечная цѣль науки: Нужно, кромѣ того, открывать связи, существующія между данной истиной и болѣе общимъ явленіемъ. Напримѣръ, существуетъ сходство между всѣми случаями паденія тѣлъ, а во всемірномъ тяготѣніи наукъ усматриваемъ и общую причину отдѣльныхъ паденій. Съ этой точки зрѣнія Лакомбъ исключаетъ изъ области науки громадное количество вещей, которыя обыкновенно принимаютъ за исторію, а именно — всѣ единичныя событія, какой бы характеръ они ни имѣли (стр. 2).

Исторія, по мнѣнію автора, можетъ быть наукой лишь постольку, поскольку можно находить извѣстныя сходства въ поведеніи людей,— сходства, могущія сдѣлаться предметомъ какихъ-либо общихъ положеній (стр. 3). Эти сходства объясняются тѣмъ, что въ своей основѣ человѣческая природа одинакова (стр. 5).

Отсюда понятно, что Лакомбъ не считаетъ за настоящій предметъ исторической науки такіе факты, которые имѣли мѣсто лишь одинъ разъ и, наоборотъ, признаетъ научное значеніе только за такими фактами, въ которыхъ много разъ повторяется извѣстное отношеніе. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ различіе, по его опредѣленію, касается не существа дѣла, а только точки зрѣнія. „Для ясности и удобства, говоритъ Лакомбъ,—я нахожу полезнымъ обозначать впредь различнымъ образомъ актъ, разсматриваемый, какъ единичный, и тотъ же самый актъ, разсматриваемый въ его сходствѣ съ другими. Первое мы будемъ называть событіемъ, второе — учрежденіемъ. То, продолжаетъ онъ,—что называютъ учрежденіемъ, въ дѣйствительности устанавливается человѣческими актами. Напримѣръ, орденъ св. Венедикта вполнѣ заслуживаетъ названія учрежденія; но въ чемъ же онъ заключается? Онъ состоитъ изъ монаховъ, которые исполняютъ одинаковыя обязанности, а это въ концѣ-концовъ сводится на сходство поведенія... Читайте историковъ,—я имѣю въ виду обыкновенную исторію, т.-е. повѣствовательную,—и вы увидите, что въ исторіи, повидимому, нѣтъ ничего, кромѣ событій; читайте соціологовъ, и вамъ покажется, что они имѣютъ дѣло только съ учрежденіями. Однако

Digitized by Google

ткань исторіи повсюду представляетъ событія и учрежденія тѣсно между собою скрещенными и переплетенными; только нашъ умъ отдѣляетъ ихъ одни отъ другихъ (стр. 9). Далѣе взаимныя отношенія учрежденій и событій Лакомбъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что всякое учрежденіе начинается съ какого-либо человѣка, обнаружившаго извѣстную новизну, которой другіе затѣмъ подражаютъ. „Это, говоритъ онъ, есть процессъ, засвидѣтельствованный исторіей, а внѣ исторіи указываемый психологіей, какъ совершенно неизбѣжной. Совершенно невозможно, чтобы извѣстное число людей, даже самое незначительное, въ одинъ и тотъ же моментъ, пришло къ одной и той же идеѣ и къ одному и тому же желанію. Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ учрежденіе, начинающее образовываться, представляется намъ, какъ индивидуальный фактъ, т.-е. какъ событіе. Поэтому можно сказать: учрежденіе есть событіе, которое имѣло успѣхъ". Затѣмъ Лакомбъ указываетъ на то, что событія и учрежденія не только между собою переплетаются, но и находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи (toujours actifs à l'égard les uns des autres). Изъ этого разсужденія выводъ дѣлается такой: „событіе, т.-е. историческій фактъ, разсматриваемый со стороны своей единичности, не поддается наукѣ (est réfractaire à la science), такъ какъ послѣдняя заключается прежде всего въ констатированіи сходныхъ вещей, но за то, наоборотъ, исходнымъ пунктомъ каждаго учрежденія бываетъ событіе, хотя и не всѣ событія могутъ имѣть эту честь. Событіе, которое породило учрежденіе, именно въ силу этого имѣетъ очевидное право быть включеннымъ въ исторію" (стр. 10). Отсюда предметомъ исторіи, какъ науки, Лакомбъ объявляетъ, во-первыхъ, учрежденія, составляющія главный ея предметъ, а во-вторыхъ, событія въ той мѣрѣ, въ какой они произвели какое-либо новое учрежденіе и въ той мѣрѣ еще, въ какой выразились въ событіяхъ господствующія учрежденія. Лакомбъ думаетъ даже, что философія исторіи потерпѣла неудачу главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что не поняла внѣнаучный характеръ событія и пожелала объяснить его на томъ же основаніи, какъ и учрежденія (стр. 11).

Я нарочно съ большою подробностью и часто даже подлинными словами автора передалъ эти разсужденія Лакомба. Въ нихъ заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующіе пункты.

Во-первыхъ, указанное уже противоположеніе между конкретными историческими фактами (феноменологія) и абстрактными историческими истинами (номологія).

Во-вторыхъ, различеніе, какое Лакомбъ дѣлаетъ между событіями и учрежденіями. Въ этомъ различеніи мы узнали то различеніе, которое сдѣлали сами (главнымъ образомъ въ книгѣ „Сущность исто-

Digitized by Google

рическаго процесса и роль личности въ исторіи") между фактами прагматическими, сводящимися въ послѣднемъ анализѣ къ отдѣльнымъ человѣческимъ поступкамъ, и фактами культурными, подъ коими мы обобщаемъ, впрочемъ, не только учрежденія въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и всѣ другія явленія въ быту отдѣльныхъ обществъ. Оговариваемся, однако, что слову „учрежденіе" Лакомбъ придаетъ весьма широкій смыслъ, включая сюда и всѣ явленія культуры духовной.

Въ-третьихъ, указаніе на то, что событія и учрежденія, употребляя терминологію автора, находятся во взаимодѣйствіи. Мы сами понимаемъ (см. также только-что упомянутую нашу книгу) историческій процессъ, какъ взаимодѣйствіе между прагматическими и культурными фактами.

До сихъ поръ мы въ общемъ съ авторомъ соглашаемся, но далѣе идетъ у насъ разногласіе. Для насъ и событія, и учрежденія, т.-е. и прагматическіе, и культурные факты суть одинаково историческія явленія, которыя могутъ быть изучаемы и въ своей конкретности, и въ общей своей природѣ, т.-е. абстрактно, тогда какъ Лакомбъ смѣшиваетъ два разряда историческихъ фактовъ съ двумя точками зрѣнія, съ коихъ можно смотрѣть на оба эти разряда одинаково. И учрежденія суть отдѣльные факты, могущіе стать предметомъ „эрудиціи", и событія, наоборотъ, могутъ разсматриваться „научно" даже въ условномъ значеніи слова, поскольку событія складываются изъ человѣческихъ поступковъ, какъ актовъ воли, а это есть несомнѣннѣйшій предметъ психологіи. И такъ, мы думаемъ, что „учрежденія" не имѣютъ какого-то особаго преимущества сравнительно съ „событіями", чтобы сдѣлаться чуть не исключительно предметомъ „исторіи, какъ науки", ибо и тѣ и другіе могутъ изучаться и въ своей индивидуальности и конкретности, т.-е. феноменологически (въ исторіи) и въ общей своей природѣ, абстрактно, т.-е. номологически (въ психологіи, въ соціологіи и въ теоріи исторіи). Замѣтимъ еще, что къ тому же и самъ Лакомбъ прекрасно понимаетъ, что и событія, и учрежденія въ концѣ-концовъ сводятся къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ людей, изучаемымъ такою несомнѣнною въ смыслѣ автора наукою, какъ психологія.

Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію мыслей автора о томъ, въ какихъ отношеніяхъ должны между собою находиться исторія и психологія.

Digitized by Google

II.

„Воспитанные въ духѣ естественныхъ наукъ, говоритъ Лакомбъ, соціологи поняли, что единообразіе еще не законъ, а есть лишь то, что называется въ естествознаніи эмпирическимъ обобщеніемъ, и поняли, что послѣднее дѣлается закономъ лишь подъ условіемъ обоснованія его на высшей истинѣ, какъ слѣдствія на его причинѣ... Соціологи поэтому спросили себя, къ какимъ высшимъ явленіямъ необходимо сводить единообразія, устанавливаемыя соціологіей. Они знали, что высшія явленія должны находиться въ другой наукѣ, болѣе общей... Поэтому весь вопросъ сводился для нихъ къ слѣдующему: въ какой наукѣ нужно искать объясненія соціологическихъ явленій?“, (стр. 29). Лакомбъ самымъ рѣшительнымъ образомъ становится на ту точку зрѣнія, что основа соціологіи заключается въ психологіи. Даже физическія нужды дѣйствуютъ въ исторіи не въ качествѣ силъ біологически реальныхъ, а въ качествѣ почувствованныхъ потребностей. „Для человѣческаго поведенія всякая нужда, которая не ощущается, все равно, что не существуетъ. Отсюда заключаетъ Лакомбъ, необходимо вытекаетъ слѣдующая основная истина: на людскомъ поведеніи отражаются черты не біологической, а психологической потребности... Явленія, составляющія предметъ исторіи, какъ науки, говоритъ онъ еще, безъ сомнѣнія обусловливаются посредственно и издалека явленіями физики, химіи и біологіи. Безъ этихъ явленій и тѣхъ (т.-е. явленій историческихъ) не существовало бы; но когда хотятъ объяснять историческія явленія самымъ обязательнымъ образомъ, нужно это дѣлать при посредствѣ психологіи“, (стр. 33).

Мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ присоединяемся къ этимъ заявленіямъ, что постоянно сами (въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ и въ разныхъ статьяхъ) указывали на то, что непосредственною научною основою исторіи и соціологіи должна быть психологія, ничуть не отрицая, что на историческую жизнь оказываютъ вліяніе и явленія, изучаемыя науками о природѣ, т.-е. о физической природѣ самого человѣка и о той физической средѣ, въ которой человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ.

Психологія имѣетъ дѣло съ человѣкомъ отвлеченнымъ, съ человѣкомъ вообще, и между прочимъ, изучая его дѣятельность тоже отвлеченно и вообще, она можетъ тѣмъ самымъ вырабатывать принципы для „научнаго“ пониманія и „событій“, состоящихъ изъ отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ, и „учрежденій“, существованіе коихъ зависитъ въ послѣднемъ анализѣ опять-таки отъ человѣческой же

Digitized by Google

дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія Лакомбъ даетъ въ своей книгѣ немало очень вѣрныхъ соображеній.

Особаго вниманія заслуживаетъ анализъ тѣхъ потребностей человѣка, которыя, чувствуясь людьми, ложатся въ основу ихъ дѣятельности и, слѣдовательно, въ основу всей исторіи. Здѣсь Лакомбъ указываетъ на особую важность экономическихъ отношеній, коими, какъ мы еще увидимъ, онъ стремится объяснить весьма и весьма многое въ историческомъ процессѣ.

Прежде всего, приступая къ этому анализу, Лакомбъ считаетъ нужнымъ опредѣлить съ нѣкоторою точностью, въ чемъ заключается тотъ человѣкъ вообще (homme général), котораго исторіи доставляетъ психологія. Всякая цѣль человѣческой дѣятельности, говоритъ онъ, всякое стремленіе имѣетъ причину: это есть извѣстное психическое состояніе внутри человѣка, называемое нами потребностью (besoin). Все то, что заставляетъ человѣка извнутри дѣйствовать вовнѣ, будетъ для насъ, такимъ образомъ, потребностью (стр. 35). Указавъ на тѣлесныя потребности, Лакомбъ отмѣчаетъ тотъ общій фактъ, что человѣкъ удовлетворяетъ ихъ посредствомъ безконечно разнообразныхъ актовъ, которые могутъ быть обобщены подъ понятіемъ промышленности (стр. 36). Онъ находитъ даже полезнымъ соединить подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ, съ одной стороны, потребности, вытекающія изъ тѣлесныхъ нуждъ, съ другой соотвѣтственную промышленную дѣятельность: это общее названіе—экономика. Рядомъ съ экономикой авторъ ставитъ половую потребность (le génésique), коей въ исторіи, впрочемъ, не приписываетъ важнаго значенія. Отмѣтивъ, далѣе, существованіе у человѣка стаднаго чувства, онъ высказываетъ ту мысль, что въ основѣ человѣческой общественности лежитъ далеко не одна потребность промышленной кооперації. „Человѣкъ, говоритъ онъ, имѣетъ нужду не только въ помощи своего ближняго, онъ имѣетъ нужду въ его присутствіи, какъ предмета привязанности. Человѣкъ любитъ любить; онъ желаетъ, чтобы его личныя чувствованія раздѣлялись вокругъ него другими людьми, онъ хочетъ участвовать въ чувствованіяхъ другихъ. Активное и пассивное пользованіе способностью, столь хорошо извѣстной подъ именемъ симпатіи, ему положительно необходимо. Но онъ любитъ также ненавидѣть и до извѣстной степени ощущаетъ нужду въ томъ, чтобы быть предметомъ антипатіи и вражды“ (стр. 37). Отъ этой категоріи потребностей Лакомбъ отличаетъ стремленіе человѣка къ уваженію со стороны другихъ, соединенное съ боязнью быть предметомъ презрѣнія. По мнѣнію Лакомба властолюбіе, принимаемое нѣкоторыми за спеціальный двигатель, состоитъ изъ экономическаго интереса, любви къ почету и симпатической потребности въ пропорціяхъ, которыя измѣ-

Digitized by Google

няются смотря по человѣку (стр. 38). Далѣе Лакомбъ признаетъ еще самостоятельное существованіе художественной потребности. „Человѣкъ такъ любитъ чувствовать себя живущимъ, до такой степени жаждетъ эмоцій, что одной дѣйствительной жизни ему мало. Такъ какъ этотъ источникъ для него слишкомъ бѣденъ, онъ создаетъ себѣ еще воображаемое существованіе, или вѣрнѣе онъ возобновляетъ посредствомъ фикцій свою реальную жизнь и т. д.“ (стр. 40). Наконецъ, Лакомбъ указываетъ на научную потребность, которая вначалѣ была очень слаба, но постоянно усиливается (стр. 41).

Таковъ, по Лакомбу, человѣкъ вообще, котораго исторія, такъ сказать, получаетъ изъ рукъ психологіи. Всѣ эти потребности направляютъ человѣческую дѣятельность къ извѣстнымъ цѣлямъ, которыя должны присутствовать въ сознаніи человѣка для того, чтобы потребность, дѣйствительно, опредѣляла собою дѣятельность человѣка. То же самое можно сказать и о тѣхъ условіяхъ физической и соціальной среды, которыя являются на помощь или въ видѣ помѣхи для человѣческихъ стремленій: для того, чтобы толкнуть человѣка на тотъ или другой путь или отвратить его, наоборотъ, отъ того или другого поведенія, эти внѣшнія обстоятельства благопріятнаго или неблагопріятнаго свойства должны сдѣлаться предметомъ сознанія, т.-е. подѣйствовать на человѣческій умъ (стр. 42).

На этомъ, конечно, не можетъ еще остановиться общее изслѣдованіе потребностей въ качествѣ первичныхъ силъ исторіи, какъ ихъ называетъ самъ Лакомбъ. „Пути, говоритъ онъ, на которые они насъ толкаютъ, необходимымъ образомъ расходятся въ разныя стороны и вслѣдствіе этого часто перекрещиваются. Иначе говоря, уже по одному тому, что потребности не сходны въ своихъ предметахъ, онѣ стремятся одна другой противорѣчить. Поэтому весьма важно знать, равны ли эти силы, или же между ними существуетъ естественное неравенство по ихъ надъ нами власти“ (стр. 45). Лакомбъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ, выдвигая на первый планъ понятіе настоятельной необходимости (urgence). Самыми главными и основными потребностями являются, конечно, тѣлесныя нужды, для удовлетворенія коихъ существуетъ промышленность. „Въ силу физическаго устройства у индивидуальнаго человѣка экономика предшествуетъ всѣмъ другимъ дѣятельностямъ; она надъ ними господствуетъ и притомъ не въ ту или другую пору жизни, но всегда и повседневно.

Лишь послѣ того, какъ экономика сдѣлала свое дѣло, развиваются другія желанія и смотря потому съ большими или меньшими усиліями достигаются цѣли, болѣе или менѣе остается времени и охоты для другихъ вещей“. Рядомъ съ этимъ Лакомбъ признаетъ

Digitized by Google

громадную силу за желаніемъ уваженія и боязнью презрѣнія, хотя и оговаривается, что въ этой сферѣ существуетъ большое разнообразіе, смотря по человѣку (стр. 48). Симпатію Лакомбъ считаетъ, наоборотъ, чѣмъ-то въ высшей степени непостояннымъ и неустойчивымъ, тѣмъ болѣе, что противъ нея весьма успѣшно борятся экономическій интересъ и честолюбіе, такъ что для проявленія симпатіи прежде всего нужно, чтобы другія силы оставались нейтральными (стр. 49). Самыми слабыми въ сравненіи съ предъидущими потребностями Лакомбъ, замѣтимъ кстати, считаетъ потребности художественную и особенно научную.

Подводя итоги подъ этимъ психологическимъ анализомъ человѣка вообще, мы ограничимся указаніемъ лишь на два главные результата.

Во-первыхъ, въ основѣ общежитія Лакомбъ полагаетъ не одну потребность въ промышленной кооперації. И мы думаемъ, какъ это и высказали въ статьѣ „Экономическій матеріализмъ въ исторіи", что между людьми въ обществѣ существуетъ не только матеріальное взаимодѣйствіе, заставляющее искать другъ у друга помощи (или другъ друга эксплуатировать), но и взаимодѣйствіе психическое, создающее весьма разнообразныя чувства, къ числу коихъ и нужно отнести указанныя выше симпатію и честолюбіе. Кромѣ того, и на почвѣ чисто индивидуальнаго психическаго бытія возникаютъ такія явленія, какъ эстетическія и умственныя эмоціи.

Во-вторыхъ, по словамъ самого Лакомба, и экономическія потребности оказываются дѣйствующими въ исторіи не въ качествѣ чисто біологическихъ, физическихъ, матеріальныхъ потребностей, а въ качествѣ сознаваемыхъ ощущеній, т.-е. факторовъ, имѣющихъ чисто психическую природу (стр. 33).

Отсюда дѣлаемъ тотъ выводъ, что Лакомба никоимъ образомъ нельзя причислить къ экономическимъ матеріалистамъ, которые, въ противность основной мысли Лакомба, ищутъ объясненія исторіи, какъ сами они выражаются, „не въ головахъ людей". А между тѣмъ Лакомбъ какъ-разъ и придаетъ особую важность экономикѣ.

III.

Въ книгѣ Лакомба вообще можно отмѣтить великое множество мѣстъ, которыя могли бы быть истолкованы въ духѣ экономическаго матеріализма, если бы въ то же самое время авторъ не дѣлалъ постоянныхъ оговорокъ и разъясненій, дающихъ понять, что экономическому интересу онъ отводитъ первое мѣсто, но не исключительное значеніе. Мы и займемся теперь разсмотрѣніемъ этой категоріи взглядовъ автора.

Digitized by Google

Ставъ на ту точку зрѣнія, что различныя потребности имѣютъ не одинаковое значеніе въ жизни индивидуума и общества, Лакомбъ дѣлаетъ попытку опредѣлить сравнительную силу этихъ различныхъ стремленій, подчиненія которымъ, прибавляетъ онъ, не можетъ избѣжать ни одинъ человѣкъ. На первое мѣсто онъ ставитъ, какъ было уже указано, экономическую сферу: экономическая потребность имѣетъ наиболѣе настоятельный характеръ, „и если, говоритъ авторъ, человѣкъ прежде всего стремится удовлетворить свои физическія нужды, это первенство ихъ должно имѣть свое проявленіе, такъ сказать, свой переводъ и въ историческихъ проявленіяхъ“ (стр. 54). Быть можетъ укажутъ на существованіе въ каждомъ народѣ такого класса, который вовсе не заботится объ удовлетвореніи своихъ экономическихъ потребностей, но это не есть возраженіе. Для того, чтобы могли существовать классы, свободные отъ физическаго труда, необходимо существованіе другихъ классовъ, которые были бы въ состояніи удовлетворять свои собственныя экономическія потребности и потребности праздныхъ классовъ (стр. 55). Поэтому образованіе послѣднихъ и занятія ихъ между прочимъ религіознымъ, философскимъ или научнымъ умозрѣніемъ возможно лишь подъ условіемъ достиженія обществомъ извѣстной степени національнаго благосостоянія; „иначе говоря, созданіе богатства, доведеннаго до извѣстной высоты, необходимо предшествуетъ какой бы то ни было умственной культурѣ. Эту необходимость можно было бы назвать закономъ экономической антецеденціи“ (antécédence économique, стр. 56). Это совершенно вѣрно: извѣстное экономическое развитіе должно предшествовать процессу цивилизаціи, но отнюдь не является единственнымъ ея источникомъ. Исходя изъ идей о преимущественной важности экономическихъ фактовъ, Лакомбъ выражаетъ мысль, что, если не постоянно, то почти всегда человѣкъ, подъ вліяніемъ экономической новизны, измѣняетъ не-экономическое учрежденіе, никогда не отказываясь отъ этой экономической новизны. „Наоборотъ, говоритъ онъ, предположимъ, что въ какомъ-нибудь не-экономическомъ учрежденіи возникаетъ новая форма, и что эта форма несовмѣстима съ экономическими привычками эпохи,—и вотъ я думаю, что не-экономическое нововведеніе будетъ принято лишь съ ограниченіями, которыя сдѣлали бы его примѣнимымъ къ даннымъ экономическимъ отношеніямъ“ (стр. 57). „Между тѣмъ, продолжаетъ Лакомбъ, многіе расположены думать, что у экономики есть соперница, которая, по ихъ мнѣнію, даже превосходитъ ее своею силою: въ такомъ смыслѣ указываютъ именно на религію“ (стр. 58). Лакомбъ опровергаетъ это мнѣніе, ссылаясь на то, что въ первичномъ и наиболѣе распространенномъ культѣ предковъ послѣднимъ вовсе не даютъ ежедневныхъ яствъ и въ такомъ количествѣ, въ какомъ они

Digitized by Google

получали пищу при своей жизни. Признавая вообще, что общество должно прежде достигнуть извѣстной ступени благосостоянія, чтобы въ немъ сдѣлалось возможнымъ нѣкоторое умственное развитіе, и что „экономическіе успѣхи властнымъ образомъ измѣняютъ остальные стороны общественнаго состоянія", тогда какъ „не-экономическіе успѣхи упрочиваются лишь въ мѣрѣ своего согласія съ экономическими интересами", Лакомбъ оговаривается, однако, что онъ вовсе не думаетъ выставлять эти гипотезы, какъ вполнѣ уже доказанныя истины (стр. 59).

Въ другомъ мѣстѣ своей книги, дѣлая общій обзоръ учрежденій съ цѣлью указанія на ихъ связь съ тою или другою психическою силою, авторъ опять ставитъ во главѣ всѣхъ учрежденій тѣ, которыя имѣютъ чисто экономическое значеніе. „На землѣ, говоритъ онъ, нѣтъ мѣста, какъ не было въ исторіи времени, когда бы человѣку не нужно было работать. Онъ удовлетворяетъ свои тѣлесныя потребности лишь подъ этимъ условіемъ. Трудъ, промышленность, созданіе полезныхъ вещей или, какъ выражаются экономисты, производство богатствъ, суть явленія безусловно всеобщаго значенія. Поэтому экономическія учрежденія имѣютъ неоспоримое право занять первое мѣсто". Съ другой стороны, Лакомбъ указываетъ на относительную простоту экономическихъ учрежденій, разъ ихъ изучаютъ съ цѣлью открыть ихъ психическія причины (стр. 68). Наконецъ, онъ стремится обнаружить присутствіе экономическаго интереса и въ другихъ учрежденіяхъ. Въ основѣ семьи, по его опредѣленію, лежатъ экономическій интересъ и половой инстинктъ, причемъ одинъ послѣдній безъ перваго ничего не могъ бы произвести (стр. 69). Къ этой основѣ присоединилась потомъ симпатія, а позднѣе всего религія освятила брачныя узы, которыя образовались на указанной почвѣ (стр. 70). Говоря о классовыхъ учрежденіяхъ, Лакомбъ въ основу ихъ кладетъ экономическія отношенія, „но, прибавляетъ онъ, сюда привходятъ еще явленія, коихъ не производитъ экономика, но которыя становятся настоящимъ цементомъ учрежденія" (стр. 103). Образованіе классовъ онъ сравниваетъ съ возникновеніемъ сектъ и партій—религіозныхъ, философскихъ, политическихъ, литературныхъ, художественныхъ, научныхъ, ибо ихъ возникновеніе указываетъ на существованіе въ человѣчествѣ нѣкотораго стремленія къ обособленію группъ, пользующагося каждымъ предлогомъ для того, чтобы образовать классъ, секту, партію. Конечно, большое количество группъ обязано своимъ происхожденіемъ интересу въ собственномъ смыслѣ, т.-е. интересу экономическому, но другія группы возникаютъ на почвѣ, во-первыхъ, самолюбія, а во-вторыхъ—симпатіи. „Въ своемъ стремленіи къ отличіямъ человѣкъ не всегда бываетъ въ состояніи достигнуть этой цѣли

Digitized by Google

своими личными средствами и добивается отличій въ сообществѣ съ другими. Равнымъ образомъ у него есть потребность въ любви и ненависти—любви къ людямъ, думающимъ и чувствующимъ такъ же, какъ онъ самъ, ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ иначе. Партія, секта, даютъ ему удовлетвореніе въ обоихъ отношеніяхъ. Вотъ почему мы видимъ, что въ продолженіе всей исторіи люди группируются въ партіи и секты подъ предлогами вѣрованій, политическихъ, религіозныхъ, литературныхъ несогласій и т. п." (стр. 104). Въ каждой такой группѣ господствуютъ извѣстныя воззрѣнія (opinion), коимъ личность тѣмъ болѣе подчинена, чѣмъ малочисленнѣе группа (стр. 105). Самое существованіе такой тѣсной среды Лакомбъ объясняетъ желаніемъ испытывать по возможности въ самой высокой степени различныя эмоціи—сочувствіе, съ одной стороны, отвращеніе, съ другой, чувство гордости во внѣшнихъ отношеніяхъ, коллективное тщеславіе внутри группы, сознаніе взаимной помощи и защиты. „Все это, говоритъ Лакомбъ, образуетъ совокупность весьма сильныхъ мотивовъ, заставляющихъ насъ поддерживать эту тѣсную среду" (стр. 106). Съ такой же точки зрѣнія смотритъ Лакомбъ, на то, что онъ называетъ „свѣтскими учрежденіями", т.-е. на собранія людей съ цѣлью развлеченія: и они имѣютъ отношеніе къ соперничеству самолюбій, къ проявленіямъ симпатіи или антипатіи (стр. 108). Равнымъ образомъ и политическія учрежденія, по мнѣнію автора, возникаютъ не на одной только экономической почвѣ. Видя происхожденіе власти въ стремленіи группы отстоять себя извнѣ или добиться какого-нибудь внѣшняго успѣха, для чего требуется отказъ всѣхъ отъ собственной мысли и воли въ пользу одного лица, Лакомбъ рядомъ съ этимъ интересомъ управляемаго указываетъ еще на интересъ управляющаго. „Было бы, говоритъ онъ, совершенно излишнимъ доказывать, что у человѣка существуетъ интересъ управлять—интересъ гордости и интересъ въ прямомъ смыслѣ. До извѣстной степени управляющій и управляемый поэтому сходятся въ своихъ стремленіяхъ, одинъ—имѣть вождя, другой—быть вождемъ (стр. 109)... Смотря на дѣло съ точки зрѣнія управляющаго, это учрежденіе покоится одновременно на экономикѣ и честолюбіи, а съ точки зрѣнія управляемаго оно все держится на экономикѣ исключительно на первыхъ порахъ, да и всегда впослѣдствіи это—самый важный факторъ учрежденія". Таковы, по мнѣнію Лакомба, первоначальныя силы, создающія политическія учрежденія; но онъ тутъ же заявляетъ, что весьма рано къ этимъ основамъ присоединяются новыя психическія силы (стр. 110). Далѣе, то, что Лакомбъ называетъ учрежденіями художественными и литературными, т.-е., говоря просто, искусство и литературу онъ основываетъ на симпатіи, ибо посредствомъ художественныхъ и литературныхъ

Digitized by Google

произведеній человѣкъ прежде всего стремится возбудить въ слушателяхъ тѣ или другія эмоціи (стр. 112). Что касается до науки, то ея возникновенію задолго предшествуетъ простое, несистематизированное знаніе. Потребность въ знаніи, говоритъ Лакомбъ, возникаетъ на экономической почвѣ. „Человѣкъ наблюдаетъ и узнаетъ сначала, чтобы дѣйствовать на вещи и ими овладѣвать. Въ началѣ безкорыстнаго знанія не существуетъ. Это одинаково вѣрно какъ относительно знанія реальнаго, такъ и относительно знанія воображаемаго... Теорія практики возникаетъ позднѣе безъ всякой преднамѣренности и притомъ еще подъ сильнымъ вліяніемъ экономическаго интереса. Теоріей занимаются только для того, чтобы болѣе вѣрнымъ образомъ успѣвать въ практикѣ". Лишь постепенно начинаетъ развиваться интересъ къ чистому знанію, который, такимъ образомъ, получаетъ самостоятельное значеніе сравнительно поздно. „На первыхъ порахъ научное стремленіе весьма слабо и очень рѣдко. Безъ сомнѣнія оно и впредь оставалось бы въ томъ же положеніи, если бы не входило въ соединенія съ другими, болѣе сильными, двигателями. Всякое открытіе новаго предмета, всякое узнаваніе новыхъ вещей никогда не обходится безъ того, чтобы человѣкъ не почувствовалъ довольство самимъ собою. Это—удача, это—успѣхъ. Успѣхъ, даже безполезный съ экономической точки зрѣнія, такъ или иначе, всегда льстенъ человѣку въ силу хотя бы темнаго сознанія объ увеличеніи его власти". Всякій, кто только что-либо знаетъ, или признается за знающаго другими, пользуется почетомъ со стороны другихъ, которые думаютъ, что онъ можетъ осуществить ихъ желанія или сдѣлать вещи, наводящія на нихъ страхъ. Вездѣ знаніе, истинное или ложное,—и особенно на первыхъ порахъ знаніе ложное,—доставляетъ тому, кто имъ обладаетъ, прежде всего положительное вознагражденіе, а затѣмъ почетъ разныхъ степеней и разныхъ оттѣнковъ, начиная съ удивленія и кончая чувствомъ ужаса (стр. 115). Конечно, продолжаетъ Лакомбъ, такое знаніе изъ-за матеріальныхъ или почетныхъ наградъ не влечетъ за собою безкорыстнаго интереса къ наукѣ, но разъ изъ общества, взятаго въ его цѣломъ, выдѣляется ученая каста, въ этой тѣсной средѣ рождается особое уваженіе къ знанію безъ всякаго отношенія къ его полезности, просто въ силу того, что оно даетъ умственное превосходство.

„Такимъ образомъ, предъ нами теперь новый возбудитель, которому соотвѣтствуетъ новый двигатель: это—желаніе получить почетъ среди людей своей касты или своей профессіи. Этотъ-то самый возбудитель, соединяясь съ любопытствомъ, съ чувствомъ умственной мощи и повелъ къ образованію особой движущей силы, которая вообще дѣйствуетъ менѣе энергично, нежели экономическій интересъ, но тѣмъ

Digitized by Google

не менѣе, при извѣстныхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, оказывается весьма дѣйствительнымъ" (стр. 116). Наконецъ Лакомбъ анализируетъ такимъ же образомъ и религіозныя учрежденія въ ихъ происхожденіи. Въ послѣднихъ онъ различаетъ: 1) вѣрованія или догматъ, какъ интеллектуальную часть явленія, взятаго въ цѣломъ; 2) чувство, вызываемое догматомъ; 3) дѣйствія, которыя вытекаютъ изъ этихъ вѣрованій и чувствъ, т.-е. культъ; 4) посредничество между вѣрующимъ и его божествомъ въ лицѣ другого человѣка, жреца, волхва или колдуна. Догматическую сторону религіи Лакомбъ сводитъ къ анимизму (стр. 117). Что касается до основного чувства, возбуждаемаго этимъ вѣрованіемъ и приводящаго къ культу, то оно имѣетъ чисто корыстный характеръ, ибо божеству поклоняются въ расчетѣ получить отъ него то или другое благо, если не въ земномъ, то въ загробномъ существованіи (стр. 123). Первоначальный видъ, представляемый религіознымъ чувствомъ, и сохраняемый имъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ и позднѣе, есть чисто корыстное чувство. А такъ какъ обыкновенно молятся о здоровьѣ, о власти, о богатствѣ, о жизни, однимъ словомъ, объ удовлетвореніи той или другой изъ нашихъ физическихъ потребностей, то религія, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, должна быть логически отнесена къ экономикѣ: это воображаемая экономика" (стр. 120). Лишь на высшихъ ступеняхъ развитія религіознаго чувства, говоритъ Лакомбъ, Божество дѣлается для высшихъ исключительныхъ натуръ предметомъ уваженія и любви. „Для честолюбія вѣрующаго Богъ становится предметомъ высшаго удивленія, т.-е. обожанія и въ то же самое время свидѣтелемъ, со стороны котораго болѣе всего боятся порицанія и съ самымъ живымъ рвеніемъ ждутъ, наоборотъ, похвалу. Для потребности въ симпатіи Богъ является предметомъ любви или, по крайней мѣрѣ, усилія любить. Въ то же самое время вѣрующій желаетъ и надѣется стать для Бога предметомъ своего рода отеческой привязанности, безконечно великой заботливости, которая заразъ и ободряетъ, и смущаетъ. Такимъ образомъ, прибавляетъ Лакомбъ, мы видимъ, что по отношенію къ Божеству вся нравственная сторона человѣка способна сильно возбуждаться или, по крайней мѣрѣ, стремиться къ такому возбужденію. Интересъ, самолюбіе, симпатія, все приходитъ въ дѣйствіе въ религіи" (стр. 125). Во всякомъ случаѣ, однако, у Лакомба интересъ и въ области религіи выдвигается на первый планъ. Называя эту область воображаемой экономикой, онъ указываетъ на то, что во всей исторіи человѣкъ пользуется двумя экономиками, особенно прибѣгая къ экономикѣ воображаемой тамъ, гдѣ экономика реальная не доставляетъ ему необходимыхъ средствъ. „Такъ какъ, говоритъ онъ, экономика истинная и экономика воображаемая взаимно другъ друга дополняютъ, то между

Digitized by Google

ними происходитъ постоянное колебаніе: когда одна опускается, другая подымается. Экономическое благосостояніе цѣлаго ли народа или какого-нибудь класса, или отдѣльнаго лица уменьшаетъ предположительно обращеніе къ религіи (стр. 126). Историкъ, который захотѣлъ бы провѣрить это предположеніе, не долженъ сравнивать разные народы; онъ вѣрнѣе будетъ разсуждать, сравнивая два различныя состоянія одного и того же народа, когда онъ былъ бѣденъ и когда сдѣлался богатъ. При этомъ нужно еще помнить, что богатство безсильно противъ извѣстныхъ бѣдствій. Оно не только отъ нихъ предохраняетъ, но даже дѣлаетъ ихъ болѣе чувствительными. Можно быть богатымъ и въ то же время подвергнуться чумѣ, холерѣ, войнѣ, революціи. Времена бѣдствій должны быть поэтому временами оживленія религіозности. Многіе историки, продолжаетъ Лакомбъ, уже высказывали это наблюденіе. Съ своей стороны, я прошу обратить вниманіе на обратное предложеніе: разъ религіозность усиливается во время общественныхъ бѣдствій, это лишь подтверждаетъ, что ея главный корень заключается въ интересѣ. Наука усиливаетъ экономическую власть человѣка. Съ этой точки зрѣнія наука дѣйствуетъ, какъ сила, косвеннымъ образомъ уменьшающая религію. Весьма часто уже указывали на противорѣчіе между наукою и догматами. Это самая очевидная форма ихъ конфликта. Но религія испытываетъ на себѣ вліяніе гораздо меньшее со стороны теоретическаго противорѣчія науки, нежели со стороны ея экономическихъ результатовъ; по крайней мѣрѣ, прибавляетъ Лакомбъ, мы логически должны составить такое предположеніе". Авторъ находитъ, что историки дѣлаютъ большую ошибку, когда разсматриваютъ религію единственно въ ея высшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе рѣдкихъ ея проявленіяхъ: когда они создаютъ свои общія формулы на основаніи такихъ проявленій, они только приписываютъ всѣмъ то, что можно сказать лишь о лучшихъ людяхъ (стр. 127). „Въ настоящее время, говоритъ Лакомбъ, послѣ долгой эволюціи, религія, разсматриваемая съ извѣстной точки зрѣнія, представляется, какъ своего рода наука, которая дополняетъ и завершаетъ настоящую науку, отвѣчая на вопросы, которыхъ наука не разрѣшаетъ. Что такое бытіе, что такое міръ? Откуда оно и къ чему существуетъ? Наконецъ, зачѣмъ мы, люди, существуемъ? Эти вопросы придаютъ интересъ религіи не только въ глазахъ вѣрующихъ, но даже и среди большого числа людей, которые въ нее не вѣруютъ. Между послѣдними многіе воображаютъ, будто религія возникла именно на почвѣ потребности разрѣшить задачу міра и загадку человѣческой судьбы. Такимъ образомъ, религія получаетъ съ самаго начала возвышенный характеръ, который ставитъ ее высоко даже въ глазахъ невѣрующаго. Это представленіе объ общемъ происхожденіи догматовъ

Digitized by Google

лестно для человѣческой природы, но оно невѣрно. Справьтесь у тѣхъ, которые лучше всего знаютъ первобытнаго человѣка,—у Леббока, у Спенсера, у Тэйлора, у Летурно, читайте путешественниковъ и вы увидите, что у дикаря совершенно нѣтъ умозрительной любознательности, міръ его совсѣмъ не удивляетъ; то, что его удивляетъ, это наши вопросы на этотъ счетъ" (стр. 128).

Въ изложенныхъ разсужденіяхъ автора обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли.

Во-первыхъ, Лакомбъ указываетъ на то, что лишь при извѣстномъ матеріальномъ благосостояніи является досугъ для развитія духовныхъ потребностей и возникаетъ классъ людей, въ которомъ начинаетъ прогрессировать умственная жизнь. Никто, однако, никогда этой совершенно вѣрной мысли не оспаривалъ, но все дѣло здѣсь сводится къ тому, что духовная культура можетъ развиваться лишь при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ, но это суть именно лишь *условія*, никакъ не *причина*, не *источникъ*.

Во-вторыхъ, предположеніе о томъ, что не-экономическія измѣненія зависятъ отъ экономическихъ условій въ гораздо большей мѣрѣ, нежели экономическія измѣненія отъ условій иныхъ категорій, и довольно ново, и очень важно, но оно требуетъ гораздо большаго теоретическаго обоснованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и фактической провѣрки, коихъ авторъ не даетъ. Лакомба можно только похвалить за то, что онъ не скрываетъ всей гипотетичности своего тезиса и не выдаетъ его за вполнѣ доказанную истину.

Въ-третьихъ, заслуживаетъ сочувствія стремленіе Лакомба не сводить отдѣльныя учрежденія къ одному экономическому началу: вездѣ рядомъ съ экономическимъ интересомъ, по его мнѣнію, дѣйствуютъ и другіе мотивы. Особенно важно это по отношенію къ соціальнымъ классамъ, которые, по теоріи экономическаго матеріализма, возникаютъ исключительно на почвѣ экономическихъ интересовъ и къ борьбѣ между коими на той же почвѣ будто бы сводится вся исторія. Объясняя возникновеніе науки на той же самой почвѣ, Лакомбъ опять-таки показываетъ, какія еще силы принимаютъ участіе въ ея возникновеніи и развитіи помимо экономики.

Вообще, наконецъ, Лакомбъ говоритъ и прямо еще о томъ, что нельзя сводить къ экономикѣ всѣ элементы культуры. Заявленія, какія онъ дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ, особенно знаменательны со стороны человѣка, старающагося доказывать сильное участіе экономическаго интереса во всѣхъ сторонахъ культурной и соціальной жизни. Такія заявленія заслуживаютъ быть отмѣченными. „Человѣкъ, говоритъ онъ, напр., никогда не былъ чистымъ утилитаристомъ. Вслѣдствіе этого едва ли можно выводить всю мораль изъ экономическаго

Digitized by Google

интереса... Уже стадное животное проявляетъ самолюбіе. Первобытный человѣкъ, если только онъ совершенно не доведенъ до скотскаго состоянія нищетой, обнаруживаетъ весьма живое желаніе почета... Человѣкъ не живетъ въ одиночку. Онъ живетъ въ концентрическихъ группахъ, все болѣе и болѣе широкихъ, въ семьѣ, въ племени, въ кастѣ, въ сословіи, въ націи и т. п. Группы, части коихъ онъ составляетъ, являются въ его глазахъ какъ-бы продолженіями его собственнаго существа. Совершенно такъ же, какъ человѣкъ ревниво относится къ своему личному достоинству, относится онъ ревниво и къ достоинству концентрическихъ группъ, въ коихъ онъ находится" (стр. 79). Значительная часть морали зависитъ поэтому отъ стремленія къ почету. „Характерная черта дѣйствій, навязываемыхъ самолюбіемъ, заключается въ ихъ тягостности и трудности. Можетъ случиться, что нѣкоторые изъ этихъ дѣйствій полезны, благодѣтельны. Это значитъ, что они одновременно предписываются и общественнымъ интересомъ, и самолюбіемъ. Но большая ихъ часть тягостна и трудна, не принося никому выгоды или причиняя дѣйствующему лицу страданіе несоразмѣрно большое сравнительно съ благодѣтельнымъ результатомъ для другихъ. Такимъ дѣйствіямъ можно дать общее имя аскетизма. Аскетизмъ, прибавляетъ Лакомбъ, играетъ важную роль въ исторіи. Онъ безконечно милѣе человѣческому сердцу и сильнѣе въ немъ держится, чѣмъ это обыкновенно воображаютъ (стр. 81). Вообще, по его представленію, человѣкъ „изобрѣтаетъ нравственность" почти всѣмъ своимъ существомъ, интересомъ, самолюбіемъ, симпатіей (стр. 84). Лакомбъ думаетъ даже, что человѣкъ бываетъ утилитаристомъ лишь въ чисто личныхъ отношеніяхъ своихъ къ другимъ людямъ, требуя съ ихъ стороны полезныхъ или пріятныхъ для него дѣйствій. „Но, продолжаетъ онъ, когда человѣкъ предъявляетъ какое-либо требованіе вмѣстѣ съ своей группой, онъ обнаруживаетъ стремленіе пренебрегать экономическимъ интересомъ и то, чего онъ особенно требуетъ, заключается въ трудномъ или приличномъ дѣйствіи. Чѣмъ больше группа, тѣмъ аскетичнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе забываетъ онъ интересъ въ прямомъ смыслѣ во имя интересовъ самолюбія. Это уже въ единичномъ человѣкѣ установляетъ два расположенія, два общихъ стремленія, вліяющихъ на него въ противоположныхъ направленіяхъ" (стр. 85). Это противорѣчіе требованій Лакомбъ объясняетъ именно тѣмъ, что „мораль имѣетъ разные источники, изъ коихъ у каждаго свой цвѣтъ, неспособный слиться съ цвѣтомъ сосѣдняго источника" (стр. 86).

Въ другомъ мѣстѣ Лакомбъ выражается еще такимъ образомъ: „конечно, быть можетъ, исторію немного, пожалуй, и слишкомъ упростили бы, но ее совсѣмъ не исказили бы, сказавъ, что она есть не-

Digitized by Google

прерывная борьба между экономическимъ интересомъ и потребностью въ уваженіи. Какъ бы силенъ ни былъ первый, второй съ нимъ борется и часто его побѣждаетъ" (стр. 101). Этой потребности, замѣтимъ кстати, онъ приписываетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ симпатіи и совѣсти (стр. 101—102).

IV.

Намъ кажется, что на основаніи вышеизложеннаго мы можемъ опредѣлить историческую теорію Лакомба, какъ примиреніе психологизма съ экономизмомъ, потому что онъ одинаково принимаетъ въ расчетъ и матеріальную сторону человѣческой природы, на основѣ коей возникаетъ вся экономика, и сторону духовную, являющуюся главнымъ источникомъ не-экономическихъ элементовъ человѣческой культуры. Въ его теоріи агентами исторической жизни являются люди, отдѣльныя личности съ своими матеріальными и духовными потребностями, а не отвлеченныя понятія, играющія во многихъ историческихъ теоріяхъ роль настоящихъ живыхъ силъ. И тутъ намъ неразъ приходится соглашаться съ Лакомбомъ, такъ какъ его мысли на этотъ счетъ являются для насъ какъ бы повтореніемъ тѣхъ взглядовъ, которые высказывались нами постоянно по вопросу о томъ, какую роль играетъ личность въ историческомъ процессѣ и въ чемъ состоитъ этотъ процессъ.

Мы теперь и перейдемъ къ изложенію того, что по этому вопросу находимъ въ книгѣ Лакомба, выдвинувъ на первый планъ лишь тѣ его воззрѣнія, въ коихъ онъ проявляетъ большую или меньшую оригинальность. Здѣсь, впрочемъ, мы не во всемъ можемъ быть согласны съ авторомъ — именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ возвращается къ своей мысли о томъ, что индивидуальныя движенія не могутъ быть предметомъ научнаго пониманія.

„Реальные агенты исторіи, говоритъ нашъ авторъ, суть, конечно, отдѣльныя лица; въ основѣ исторіи лежатъ только одни индивидуальныя дѣйствія. Великія фиктивныя существа, которыя мы называемъ народами, націями, арміями, корпораціями, въ послѣднемъ анализѣ состоятъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, и сама ихъ дѣятельность разрѣшается въ индивидуальные акты, болѣе или менѣе объединенные или сходные". Но Лакомбъ различаетъ въ каждомъ индивидуумѣ человѣка вообще (l'homme général), человѣка извѣстнаго времени (l'homme temporaire) и человѣка индивидуальнаго (стр. 12). Настоящія причины историческихъ явленій, по мнѣнію Лакомба, заключаются въ тѣхъ сторонахъ отдѣльнаго лица, которыя у него общи

Digitized by Google

со всѣми людьми вообще и въ частности съ людьми данной эпохи. Но, прибавляетъ онъ, такъ какъ люди всегда дѣйствуютъ именно въ тройномъ смыслѣ, то и происшествія, вытекающія изъ индивидуальнаго принципа, оказываются постоянно примѣшанными къ причинамъ исторіи въ „научномъ" (т.-е. лакомбовскомъ) смыслѣ слова. Выдвигая на первый планъ то, что является сходнымъ въ дѣятельности многихъ лицъ, Лакомбъ за строго индивидуальными актами не признаетъ никакого значенія (стр. 13).

Это не мѣшаетъ однако Лакомбу признавать значеніе отдѣльныхъ историческихъ лицъ. „Историческіе дѣятели, говоритъ онъ, отчасти дѣйствуютъ, какъ представители извѣстной среды, это понятно; я скажу даже, что они дѣйствуютъ также въ качествѣ людей вообще; но утверждать, что въ роль, которую они играютъ, не входитъ ничего особеннаго, имъ однимъ только принадлежащаго, значитъ противорѣчить очевидности" (стр. 22). Лакомбъ упрекаетъ многихъ историковъ за то, что они пытались дѣлать съ событіями то, что можно съ успѣхомъ примѣнять только къ учрежденіямъ, т.-е. онъ порицаетъ стремленіе объяснять все однѣми крупными причинами и не видѣть дѣйствія причинъ мелкихъ. Соображенія Лакомба, имѣющія отношенія къ этому вопросу, заслуживаютъ особаго вниманія.

„Исторія,—говоритъ Лакомбъ,—заключается единственно въ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ индивидуумами". Выставивъ такое положеніе, онъ указываетъ на необходимость дѣлать различіе между индивидуальнымъ человѣкомъ и индивидуумомъ. „Настоящими дѣятелями исторіи,—говоритъ онъ,—являются, повторяю, индивидуумы; но каждый изъ этихъ дѣятелей поступаетъ одновременно, какъ человѣкъ вообще, какъ человѣкъ извѣстнаго времени и какъ чисто личный характеръ. То, что я называю индивидуальнымъ человѣкомъ, есть историческій индивидуумъ, разсматриваемый со стороны дѣйствій, которыя имѣютъ начало въ личномъ характерѣ, а не въ психической основѣ, общей у него съ людьми его времени и всѣхъ временъ. Весьма легко,—продолжаетъ Лакомбъ,—увидѣть, что реальными дѣятелями исторіи являются всегда индивидуумы; но гораздо труднѣе убѣдиться въ томъ, что индивидуумы не дѣйствуютъ единственно своей индивидуальной стороной. Слишкомъ положительные умы ошибаются въ этомъ отношеніи. Вотъ почему столь многіе люди объявляютъ, что исторія не можетъ быть наукой. Они были бы безусловно правы, если бы индивидуумы и индивидуальность были одно и то же, т.-е. если бы индивидуумъ не заключалъ въ себѣ всегда элементовъ, которые дѣлаютъ его сходнымъ или равнозначущимъ съ другими индивидуумами. Другіе умы чувствуютъ нѣкоторое неодолимое отвращеніе ко всякой случайности. Они выключаютъ ее изъ своей теоріи и повсюду ставятъ необходи-

Digitized by Google

мость. Эти два рода умовъ находятся въ постоянномъ противорѣчіи и другъ друга поддерживаютъ, сообщая другъ другу видъ правоты своими преувеличеніями". Лакомбъ занимаетъ положеніе нейтральное между обоими мнѣніями, ближе, однако, къ послѣднему. Что касается до случайности (contingence), то Лакомбъ опредѣляетъ ее, какъ нѣчто такое, чего нельзя предвидѣть ранѣе его наступленія, и что́ послѣ наступленія не можетъ подлежать полному объясненію (стр. 249). Впрочемъ, между необходимымъ и случайнымъ Лакомбъ полагаетъ разницу только въ степени (стр. 250), указывая на великую трудность приложенія къ исторіи обоихъ понятій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. „Между тѣмъ,—оговаривается онъ,—весьма полезно знать, хотя бы приблизительно, было ли то или другое явленіе необходимо въ высокой степени или необходимо въ меньшей степени. Если философствующій историкъ вродѣ Монтескье убѣжденъ, что счастливая или несчастная судьба какого-либо государства необходима въ самой большой степени, онъ, естественно, будетъ выбирать для объясненія такой судьбы широкія и постоянныя причины, каковы вѣковыя учрежденія или характеръ, духъ народа, но онъ ошибется. Кто, наоборотъ, допускаетъ извѣстную случайность, тотъ станетъ искать причину въ послѣдовательныхъ, временныхъ обстоятельствахъ, совокупно дѣйствовавшихъ въ большомъ числѣ" (стр. 253). Отдѣльныя личности съ тѣмъ, что онѣ вносятъ своего, оригинальнаго, въ исторію, и являются въ ней такими случайностями.

Лакомбъ занимается и вопросомъ о возникновеніи индивидуальныхъ характеровъ, которые онъ ставитъ въ зависимость отъ причинъ двухъ категорій. Къ первой онъ относитъ все то, что́ врождено человѣку, ко второй—всѣ вліянія, которымъ онъ подвергается послѣ своего рожденія. „Каждое событіе, говоритъ авторъ,—оставляетъ на немъ свой слѣдъ; а событія, которымъ онъ подвергается, образуютъ въ своей послѣдовательности и связи біографію, непохожую ни на какую другую (стр. 258). Мы склоняемся, говоритъ еще Лакомбъ, потому что это просто и удобно, представлять себѣ индивидуумъ, какъ тождественный во всѣ моменты его существованія, или, по крайней мѣрѣ, въ моменты, наиболѣе между собою близкіе; но въ дѣйствительности его внутренняя сущность вовсе не такъ постоянна, какъ мы воображаемъ. Это—вѣчное кипѣніе: одна волна воспоминаній всплываетъ на поверхность въ данный моментъ; другая волна погружается въ самую глубину... Если я возьму человѣка въ извѣстный данный моментъ, я, конечно, могу составить себѣ понятіе объ его личномъ характерѣ, но идею очень неопредѣленную и только приблизительную. Ничто такъ не спорно, какъ изображеніе характера. Даже языкъ, которымъ мы для этого располагаемъ, отличается странною

Digitized by Google

неточностью". Поэтому Лакомбъ считаетъ въ высшей степени труднымъ опредѣленіе причинъ, образовавшихъ тотъ или другой характеръ (стр. 259).

Возвращаясь къ различенію между человѣкомъ извѣстной эпохи и человѣкомъ индивидуальнымъ, мы укажемъ на то, что общія черты людей одной и той же эпохи объясняются, конечно, во-первыхъ, воспитаніемъ ихъ въ общей культурно-соціальной средѣ, а во-вторыхъ, психическимъ между ними взаимодѣйствіемъ. Такъ на дѣло смотритъ и Лакомбъ. Въ основѣ историческаго процесса онъ видитъ именно, съ одной стороны, традицію, съ другой—подражаніе, причемъ подражаніе бываетъ добровольнымъ, когда слѣдуютъ извѣстному примѣру, и принудительнымъ, когда дѣйствуютъ подъ тѣмъ или другимъ давленіемъ (со стороны воспитанія, со стороны общественнаго мнѣнія, со стороны правительства). Лакомбъ даже опредѣляетъ общество, какъ группу людей, въ которой происходитъ взаимное принужденіе и подражаніе (стр. 235). Не останавливаясь на всѣхъ мысляхъ, какія по этому поводу высказываетъ авторъ, мы отмѣтимъ его соображенія относительно того, какую роль отдѣльная личность можетъ играть въ исторіи при существованіи принудительнаго подражанія. „Такія учрежденія, какъ правительство, администрація, армія, духовенство, судейское сословіе, монашескій орденъ, ремесленная гильдія,—суть своего рода машины, которыя захватываютъ большое количество людей и приводятъ ихъ въ движеніе на подобіе колесъ. По мѣрѣ того, какъ общество цивилизуется, учрежденія умножаются и дѣйствіе каждаго становится болѣе правильнымъ, болѣе все себѣ подчиняющимъ. Тогда дѣлаются возможными особыя положенія, при которыхъ одинъ человѣкъ распоряжается коллективными силами и можетъ оказывать вліяніе на судьбу цѣлаго народа" (стр. 245). Въ этомъ смыслѣ Лакомбъ дѣлаетъ не мало вѣрныхъ замѣчаній. Между прочимъ, онъ упрекаетъ историковъ, которые, разсуждая о политическихъ событіяхъ, склонны не признавать громаднаго значенія общественнаго механизма, управляемаго отдѣльными лицами. „Они—говоритъ онъ, не хотятъ допустить, чтобы цѣлая нація могла дѣйствовать по принужденію со стороны одного человѣка и приписываютъ духу этого народа, его особеннымъ недостаткамъ и слабостямъ то, что принадлежитъ индивидуальной волѣ, дѣйствующей при помощи своего рода непреодолимой машины" (стр. 246).

Но въ исторіи, по Лакомбу, дѣйствуетъ не одно подражаніе, добровольное или принудительное, но и инноваторская способность личности. Въ этомъ отношеніи нашъ взглядъ вполнѣ совпадаетъ по существу съ тѣмъ, какой мы находимъ въ разсматриваемой книгѣ. Признавая, что подражающія массы являются въ исторіи силой консер-

Digitized by Google

вативной, нашъ авторъ, наоборотъ, видитъ въ индивидуальности, совершающей нововведеніе или дѣлающей изобрѣтеніе, силу прогрессивную (стр. 260). „Всякое изобрѣтеніе зависитъ отъ случайности той или другой индивидуальной судьбы; но разъ нововведеніе сдѣлано индивидуумомъ, на сцену необходимо является масса: ея роль заключается въ томъ, чтобы принять или отвергнуть нововведеніе, подражать или не подражать, отвѣчать на событіе такими-то интеллектуальными и моральными впечатлѣніями или другими. Дѣйствіе, которое добровольно совершено большимъ количествомъ людей, даже когда оно совершено по примѣру, поданному однимъ индивидуумомъ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой общей почвѣ, на которой дѣйствіе возникаетъ. Въ немъ всегда проявляется нѣкоторымъ образомъ человѣкъ вообще и человѣкъ данной эпохи, общая потребность, общая польза, общее представленіе о средствахъ, и соотвѣтственно съ этимъ характеромъ своимъ актъ представляется какъ совершенно необходимый по отношенію къ дѣятелямъ и весьма понятнымъ для историка. Другими словами, существуетъ гораздо болѣе необходимости въ принятіи того или другого массой, чѣмъ въ изобрѣтеніи индивидуумомъ. Распространеніе новой идеи происходитъ всегда такъ, что каждый новый шагъ является болѣе необходимымъ, чѣмъ предыдущій. Первый сторонникъ новой религіи, новаго учрежденія бываетъ всегда до-нельзя случаенъ въ сравненіи со сторонникомъ, который приходитъ уже сто тысячнымъ. Эта градація устанавливается общечеловѣческимъ свойствомъ, по которому тѣмъ большій вѣсъ получаетъ традиція, чѣмъ болѣе насчитываетъ она звеньевъ въ своемъ прошломъ (стр. 263). Замѣтимъ кстати, что понятіе нововведенія Лакомбъ ставитъ въ соотношеніе съ понятіемъ событій, а понятіе подражанія—въ отношеніе съ понятіемъ учрежденій (стр. 264), что на этотъ разъ мы считаемъ удачнымъ, поскольку и сами высказывали раньше точно такой же взглядъ.

V.

Большую важность въ теоріи историческаго процесса имѣетъ вопросъ объ источникахъ и результатахъ историческихъ перемѣнъ. Не мало страницъ своего труда Лакомбъ посвящаетъ и этому вопросу.

„Учрежденія измѣняются, говоритъ онъ, или потому, что одна изъ психическихъ потребностей, которая содѣйствовала его образованію, стала возбуждаться иначе, благодаря какому-нибудь внѣшнему обстоятельству, или потому, что въ человѣческомъ умѣ возникло какое-нибудь новое представленіе относительно средствъ, могущихъ

Digitized by Google

удовлетворить эту потребность" (стр. 327). Но, замѣчаетъ самъ Лакомбъ, этихъ соображеній недостаточно, чтобы разрѣшать вопросы обо всѣхъ частныхъ случаяхъ. Исходя изъ той идеи, что въ исторіи мы всегда имѣемъ дѣло съ отдѣльными случайностями и необходимостями въ разныхъ пропорціяхъ и комбинаціяхъ, онъ приходитъ къ тому заключенію, что каждое историческое явленіе опредѣляется необходимыми причинами, но такими, которыя дѣйствуютъ на короткомъ разстояніи одна отъ другой и притомъ въ различныхъ направленіяхъ. „Для наблюдателя,—говоритъ Лакомбъ,—каждый разъ это составляетъ новую задачу, и тому, кто хотѣлъ бы объяснить извѣстное теченіе его истока до его устья, пришлось бы рѣшать множество послѣдовательныхъ задачъ, а не одну только задачу, разрѣшаемую указаніемъ на нѣсколько простыхъ причинъ, каковы, напримѣръ, свойства первоначальнаго источника" (стр. 328).

Одну изъ задачъ исторіи, какъ науки, Лакомбъ видитъ въ изслѣдованіи причинъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Говоря вообще, причина заключается въ человѣкѣ извѣстной эпохи и извѣстнаго мѣста, т.-е. въ человѣкѣ историческомъ, а этотъ послѣдній есть въ сущности не что иное, какъ человѣкъ вообще, находящійся подъ вліяніемъ особенной совокупности обстоятельствъ или спеціальной среды. Прежде всего авторъ рекомендуетъ изучать внѣшнія обстоятельства, прослѣживая, насколько возможно дальше, ихъ вліяніе, ибо только такія вліянія уловимы. „Мы обязаны,—говоритъ Лакомбъ,—разсуждать сначала такимъ образомъ, какъ если бы люди разныхъ временъ подвергали въ сущности одни и тѣ же внутреннія свойства вліянію различныхъ средъ" (стр. 131). Внѣшняя среда не прямо дѣйствуетъ на человѣческую дѣятельность: прежде всего она измѣняетъ нравственное или умственное состояніе человѣка, и учрежденія мѣняютъ форму лишь тогда, когда люди приходятъ къ мысли, что для удовлетворенія ихъ основныхъ потребностей могутъ существовать лучшія средства, т.-е. когда мѣняютъ свои вѣрованія. Съ другой стороны Лакомбъ указываетъ, что измѣненія учрежденій бываютъ выгодны или вредны, улучшаютъ или ухудшаютъ наше положеніе. „Съ этой точки зрѣнія, продолжаетъ онъ, историческій человѣкъ является для насъ человѣкомъ, находящимся въ лучшемъ или худшемъ положеніи сравнительно съ человѣкомъ другого времени и другой страны (стр. 134). Но общее положеніе на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ большого числа частныхъ условій. Весьма трудно рѣшить, было ли извѣстное время въ концѣ-концовъ болѣе выгоднымъ и болѣе счастливымъ, нежели другое... Во всякомъ случаѣ, можно приблизиться къ рѣшенію такого вопроса лишь подъ условіемъ анализа, который

Digitized by Google

разложилъ бы общее положеніе на его главные элементы, чтобы сдѣлать каждый изъ нихъ предметомъ особаго изслѣдованія. Всѣ блага, которыхъ ищетъ человѣкъ, какъ бы ни различались они между собой по формѣ, могутъ быть классицифированы и обозначены немногими терминами. Они относятся или къ благосостоянію, или къ нравственности, или къ умственному развитію... Человѣкъ извѣстной эпохи съ этой точки зрѣнія есть человѣкъ, разсматриваемый, какъ человѣкъ болѣе богатый или менѣе богатый, болѣе нравственный или менѣе нравственный, болѣе интеллигентный или менѣе интеллигентный по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ онъ является намъ въ другое время или въ другой странѣ... Можно,—говорить еще Лакомбъ,—пользоваться однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ весьма различными способами, и эти способы, удивительнымъ образомъ измѣняющіе результатъ, зависятъ прежде всего отъ степени, какой достигло развитіе богатства, нравственности и ума" (стр. 135).

Переходя къ разсмотрѣнію разныхъ степеней цивилизаціи съ указанныхъ трехъ точекъ зрѣнія, Лакомбъ прежде всего указываетъ на то, что общее понятіе богатства, какъ мы находимъ у экономистовъ, будучи достаточно для политической экономіи, науки общей и отвлеченной, должно быть измѣнено для потребности исторической науки. „Экономистъ,—говоритъ авторъ,—объявляетъ, что богатство извѣстнаго общества заключается въ суммѣ полезностей, коими обладаетъ это общество, и онъ въ данномъ случаѣ правъ, поскольку предметъ его науки заключается въ простомъ богатствѣ, въ явленіи внѣшнемъ и матеріальномъ. Но для насъ въ исторіи предметомъ является живой и способный чувствовать человѣкъ. Для насъ важно не богатство само по себѣ въ своемъ матеріальномъ существованіи, для насъ важно психическое дѣйствіе, которое отъ него возникаетъ. Мы, напримѣръ, рѣшаемъ вопросъ, въ какой мѣрѣ въ данную эпоху люди пользовались тою долею счастья, которую мы называемъ благосостояніемъ" (стр. 137). Узнать степень общественнаго благосостоянія въ смыслѣ экономистовъ можно только при помощи хорошей статистики, которую историки думали замѣнять для прошлыхъ временъ косвенными указаніями въ родѣ цифры народонаселенія, цѣны извѣстныхъ жизненныхъ припасовъ или распространенія извѣстныхъ предметовъ въ низшихъ классахъ общества (стр. 138).

Эти способы Лакомбъ считаетъ неподходящими и думаетъ основать свои заключенія на соображеніяхъ иного рода. „Есть, говоритъ онъ, вещи, которыхъ не можетъ дѣлать человѣкъ извѣстной эпохи, но которыя можетъ дѣлать въ другую эпоху. Есть вещи, которыя человѣкъ можетъ дѣлать съ трудомъ въ одну эпоху и которыя человѣкъ другой эпохи дѣлаетъ съ относительною легкостью". Этой

Digitized by Google

возможности или невозможности, этой легкости или трудности дѣйствій, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе нашихъ потребностей, Лакомбъ и придаетъ рѣшающее значеніе. Напр., въ прошломъ столѣтіи для путешествія изъ Парижа въ Марсель требовалось 8 сутокъ, а теперь только двадцать часовъ, а потому теперешній человѣкъ богаче человѣка прошлаго столѣтія на все сбереженное время, на все уменьшеніе издержекъ и въ смыслѣ большихъ удобствъ въ путешествіи (стр. 141). Самое указаніе на возможности и легкости, существующія въ одну эпоху и не существующія въ другую, дѣло очень нетрудное, по крайней мѣрѣ, для огульныхъ и относительныхъ сужденій. Съ другой стороны, всякая новая возможность, всякое новое облегченіе увеличиваетъ количество продуктовъ, т.-е. богатство въ смыслѣ экономистовъ (стр. 142). Изъ этого разсужденія дѣлается авторомъ такой выводъ: „понимаемое въ историческомъ смыслѣ богатство представляетъ нѣкоторыя черты, которыхъ не имѣетъ богатство въ смыслѣ экономистовъ и которыя заслуживаютъ быть отмѣченными. Богатство экономистовъ, какъ сумма полезныхъ предметовъ въ данный моментъ, зависитъ, въ послѣднемъ своемъ результатѣ, т.-е. въ возможности удовлетворенія потребностей, отъ роста народонаселенія. Разъ число людей увеличивается, сумма предметовъ, пожалуй, и останется та же самая, но удовлетвореніе уменьшится. Понимаемое въ нашемъ смыслѣ, въ смыслѣ возможности и легкости совершать полезныя дѣйствія, богатство менѣе зависитъ отъ роста народонаселенія. Пусть дана возможность доѣхать по желѣзной дорогѣ отъ Парижа до Марселя въ 20 часовъ: народонаселеніе можетъ увеличиваться, не нанося ущерба этой возможности. Полезные предметы, продолжаетъ Лакомбъ, постоянно уничтожаются, одни раньше, другіе позже. Богатство въ смыслѣ экономистовъ представляется поэтому, какъ колеблющаяся масса безпрестанно поглощаемая, преобразовываемая, измѣнчивая въ своихъ очертаніяхъ. Богатство, понимаемое въ историческомъ смыслѣ, заключается въ концѣ-концовъ въ нѣкоторыхъ умственныхъ типахъ, въ идеяхъ машинъ, доставляющихъ возможность дѣлать то или другое. Конечно, не невозможно, но весьма рѣдко случается, чтобы эти идеи исчезали (стр. 143). Обыкновенно онѣ передаются отъ одного поколѣнія къ другому безъ малѣйшей утраты и хотя это наслѣдство имѣетъ чисто интеллектуальное, чисто идеальное значеніе, оно является самымъ прочнымъ наслѣдствомъ“ (стр. 144). Наибольшую опредѣленность могутъ представлять, наоборотъ, факты умственнаго прогресса, что, впрочемъ, понятно само собою, такъ какъ здѣсь приложима наиболѣе опредѣленная мѣрка.

Съ той точки зрѣнія, съ которой мы наиболѣе интересуемся книгой Лакомба, весьма важно то, что имъ ставится вопросъ о взаим-

Digitized by Google

ныхъ отношеніяхъ экономическаго, моральнаго и интеллектуальнаго прогресса. Авторъ находитъ невозможнымъ, чтобы благосостояніе, нравственность и просвѣщеніе развивались совершенно равномѣрно. Одинъ изъ трехъ видовъ прогресса долженъ имѣть первенствующее положеніе, но какой? „То, говоритъ Лакомбъ, что мы знаемъ о законѣ настоятельной необходимости, заставляетъ насъ думать, что благосостояніе играло первую роль. Оно должно было предшествовать и въ весьма широкой мѣрѣ вызывать два другія явленія, чтобы впослѣдствіи испытать на себѣ и вліяніе съ ихъ стороны. Прежде всего общій ходъ исторіи доставляетъ въ пользу нашей гипотезы такія данныя, которыя имѣютъ большой вѣсъ. Первобытный человѣкъ добивается путемъ ли своей промышленности или путемъ войны только одной изъ трехъ цѣлей — благосостоянія. Онъ вовсе не хлопочетъ о томъ, чтобы развить свой умъ, и еще менѣе заботится о своей нравственности. Въ этомъ смыслѣ первобытное состояніе продолжается у дикарей, у варваровъ и даже на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи (стр. 151). И тѣмъ не менѣе несмотря на всеобщее пренебреженіе къ своему нравственному и умственному прогрессу, этотъ прогрессъ совершился, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земного шара, и совершился въ степени удивительной, я сказалъ бы даже, парадоксальной, принимая въ расчетъ то, что было сказано выше. Нужно было, чтобы человѣкъ, стремясь къ благосостоянію, достигъ, вовсе о томъ не думая, результатовъ моральнаго и интеллектуальнаго характера, потому ли что послѣдніе были связаны, какъ естественныя послѣдствія, съ достигнутымъ благосостояніемъ, или потому, что средства, необходимыя для полученія богатства, были приспособлены и для полученія другихъ результатовъ безъ прямого на то желанія со стороны человѣка. Тяжелое бремя, которое экономическія нужды налагаетъ на первобытнаго человѣка, кажется, должно было бы вѣчно держать его на одной и той же ступени. Однако, этотъ человѣкъ поднялся надъ своимъ первоначальнымъ состояніемъ, и тутъ есть чему удивляться. Невольно приходишь къ мысли, что необходимость достигнуть благосостоянія, будучи бременемъ въ одномъ отношеніи, могло быть хорошею подмогою въ другомъ". На основаніи этого разсужденія Лакомбъ пытается въ дальнѣйшемъ изобразить въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ извѣстная степень благосостоянія содѣйствуетъ развитію нравственности и просвѣщенія. „Тотъ видъ безнравственности, который заключается въ покушеніи на чужое добро, безнравственность экономическая, составляющая самую большую долю человѣческихъ злодѣяній, находится въ очевидной зависимости отъ нужды. Нищета, т.-е. нужда, доведенная до извѣстной степени настоятельности, играетъ роль страшной силы, дѣйствующей напе-

Digitized by Google

рекоръ нравственнымъ мотивамъ, симпатіи, благоразумію, уваженію къ самому себѣ. Послѣднія могутъ бороться противъ силы нужды и ее побѣждать, но они ея не уничтожаютъ (стр. 152). Одно благосостояніе можетъ устранить отчасти силу нужды и чрезъ это устранить самый конфликтъ между нуждою и моральными мотивами". Отсюда Лакомбъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что развитіе благосостоянія должно было уменьшать сумму экономической безнравственности, облегчая для бо̀льшаго числа людей тяжесть нужды. Но и этотъ выводъ онъ дѣлаетъ не безъ оговорокъ (стр. 153). Далѣе, благосостояніе доставляетъ досугъ. „Нужно имѣть досугъ и, слѣдовательно, благосостояніе, чтобы имѣть возможность учиться" (стр. 154); лишь на извѣстной ступени умственнаго развитія, создаваемаго досугомъ, возможна предусмотрительность, вытекающая изъ симпатіи къ другимъ и изъ благоразумія. „Совсѣмъ не доказано,—соглашается Лакомбъ,—чтобы прямымъ слѣдствіемъ благосостоянія былъ ростъ способности сочувствовать, но нищета человѣка, сосредоточивая всѣ интересы на немъ самомъ, конечно, является условіемъ неблагопріятнымъ. Благосостояніе, устраняющее это условіе, возвращаетъ дѣйствію симпатіи своего рода свободу" (стр. 155). И тутъ авторъ, слѣдовательно, изъ благосостоянія не дѣлаетъ источникъ нравственнаго и умственнаго развитія: благосостояніе имѣетъ значеніе лишь благопріятнаго обстоятельства.

Кромѣ того, Лакомбъ изслѣдуетъ условія образованія богатства, слѣдствія которыхъ тоже могутъ отражаться въ областяхъ нравственности и просвѣщенія. Напр., трудъ, который человѣкъ беретъ на себя ради достиженія чисто матеріальныхъ цѣлей, оказываетъ вліяніе на развитіе ума, воли и воображенія (стр. 160). Дѣло въ томъ, что преслѣдуя извѣстныя цѣли, человѣкъ достигаетъ результатовъ, которыхъ онъ первоначально вовсе не имѣлъ въ виду. Это можно сказать не только о трудѣ, но и о разныхъ изобрѣтеніяхъ, къ которымъ человѣкъ прибѣгаетъ первоначально исключительно для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ нуждъ. Съ этой точки зрѣнія Лакомбъ разсматриваетъ цѣлый рядъ изобрѣтеній, имѣвшихъ разнородныя слѣдствія въ дѣлѣ развитія нравственности и просвѣщенія. Но особенно интересны его соображенія о томъ, какъ возникла и развилась наука, умственная дѣятельность, стремящаяся безкорыстно къ знанію.

Въ вопросѣ объ исторіи науки, по его мнѣнію, существуютъ именно два вопроса: во-первыхъ, кто доставлялъ ученымъ средства къ существованію, а во-вторыхъ, какимъ образомъ возникала спеціальная среда, необходимая для того, чтобы однимъ изъ стимуловъ къ знанію служилъ тотъ почетъ, которымъ можетъ пользоваться ученый среди своихъ собратьевъ? Дѣло въ томъ, что каждый ученый теоретикъ всегда долженъ былъ имѣть какое-либо занятіе, которое

Digitized by Google

давало бы ему средства къ существованію. Каждая наука связана съ тою или другою спеціальною профессіей двоякимъ образомъ. Эта профессія порождала практику, на основаніи которой вырабатывалась впослѣдствіи теорія, и она же, эта профессія, прокармливала ученаго. Само собою разумѣется, что существованіе вышеуказанной спеціальной среды всегда зависитъ отъ болѣе широкой среды, въ которую она заключена (стр. 353), и задача объясненія состоитъ въ томъ, чтобы найти, каковы именно тѣ обстоятельства общей среды, которыя и породили среду спеціальную. Авторъ не хочетъ искать объясненій того, почему у одного народа наука существуетъ, а у другого — нѣтъ, въ какой-нибудь единой и абстрактной причинѣ вродѣ способности или неспособности народа (стр. 354). По его мнѣнію, научное развитіе при слабости своихъ положительныхъ причинъ, особенно на первыхъ порахъ, при своей непрочности во времени и своей ограниченности въ пространствѣ было подвержено наибольшему количеству случайностей (стр. 359). Только въ новѣйшія времена создались условія, которыя дѣлаютъ научную дѣятельность менѣе зависимою отъ случайностей. Во-первыхъ, замѣтили, что чистая теорія иногда приводитъ къ приложеніямъ, которыхъ первоначально и не предвидѣли и потому надежда на извлеченіе пользы всегда примѣшивается къ безкорыстному знанію. Такимъ образомъ, по мнѣнію Лакомба, въ дѣлѣ научнаго развитія сталъ играть выдающуюся роль экономическій интересъ. Онъ утверждаетъ даже, что участіе экономическаго интереса въ движеніи является однимъ изъ крупныхъ фактовъ новой исторіи и даже, быть можетъ, самымъ важнымъ фактомъ всей исторіи. Тѣмъ не менѣе, во-вторыхъ, Лакомбъ признаетъ, что для многихъ людей въ настоящее время получила особую силу потребность въ чисто научной эмоціи по мѣрѣ того, именно, какъ эта потребность все болѣе и болѣе удовлетворялась (стр. 360). Объясняя такимъ образомъ происхожденіе науки, Лакомбъ не соглашается съ мнѣніемъ, по которому первое стремленіе къ научной дѣятельности зародилось въ религіозной сферѣ. Онъ предлагаетъ строго различать религію и жречество. Въ жрецѣ нужно отличать жреца, какъ представителя извѣстной религіозной системы, отъ человѣка, имѣющаго достаточный досугъ для умозрѣнія и изслѣдованія, и если первые ученые появились въ жреческомъ сословіи, то ученые эти, какъ таковые, ничего не получили отъ своихъ религій. „Человѣческая культура, говоритъ Лакомбъ, въ своемъ наиболѣе высокомъ проявленіи, въ проявленіи научномъ, вышла непосредственно изъ практики производствъ, изъ экономической сферы, изъ созданія богатствъ. Если такъ можно выразиться, здѣсь можно искать отца науки, и отъ этого отца наука получаетъ всѣ средства, благодаря коимъ она занимаетъ теперешнее положеніе (стр. 365),

Digitized by Google

первыя точныя познанія о мірѣ, первыя орудія измѣренія, наконецъ, первыя методическія привычки — наблюденіе, обращеніе къ опыту. Что касается до матери науки, то ею, если хотите, будетъ возбужденіе, производимое желаніемъ почета и уваженія, не общественнаго почета, ибо общество въ цѣломъ очень мало заботится о подобныхъ изслѣдованіяхъ, а почета со стороны спеціальной группы, въ которой живетъ ученый. Наука родилась отъ соединенія экономическаго интереса съ стремленіемъ къ почету. Я не вижу, чтобы въ какой-либо религіи божество предписывало наблюдать, дѣлать опыты, устанавливать порядокъ и послѣдовательность явленій" (стр. 366).

VI.

Лакомбъ посвящаетъ нѣсколько главъ своего труда (XV—XVII) также вопросу о прогрессѣ. Вопросъ о прогрессѣ въ его представленіи связанъ съ разрѣшеніемъ такого рода проблеммъ. Во-первыхъ, спрашиваетъ онъ, существуетъ ли между нашими нескодными одна съ другою цѣлями высшая цѣль, къ которой мы стремимся въ послѣднемъ результатѣ, а во-вторыхъ, если эта цѣль существуетъ, есть ли она та цѣль, къ которой дѣйствительно нужно стремиться? „Наблюденіе показываетъ, говоритъ Лакомбъ, что человѣкъ вездѣ и всегда ставитъ своею цѣлью пріятное ощущеніе. Правда, многіе моралисты (послѣдователи Канта, напр.) думаютъ, что цѣлью жизни является исполненіе долга, но если долгъ заключается въ содѣйствіи чужому счастью, то и въ этомъ случаѣ счастье остается цѣлью". Лакомбъ не соглашается съ такою постановкой вопроса, при которой стремленіе къ собственному счастью признается незаконнымъ, и наоборотъ, предписывается стремленіе къ счастью другихъ (стр. 268). Единственно научной формулой онъ считаетъ стремленіе къ счастью подъ условіемъ долга (стр. 269). Ставъ на эту точку зрѣнія, онъ смотритъ не только на индивидуальную жизнь, но и на всю исторію, какъ на исканіе пріятныхъ ощущеній, какъ на развитіе практическаго искусства, ведущаго къ этой цѣли, вслѣдствіе чего онъ рѣшительно не соглашается со взглядомъ Спенсера, по которому исторія есть чисто органическое развитіе. „Если,—говоритъ онъ далѣе,—мы называемъ богатствомъ всѣ предметы, способные намъ доставлять пріятное ощущеніе, и притомъ такіе предметы, которые нужно добывать у природы, значительная доля исторіи можетъ быть опредѣлена такимъ образомъ: она есть результатъ добыванія богатства при помощи разнообразныхъ средствъ, сводящихся, однако, къ двумъ основнымъ—къ труду и къ знанію! Прибавимъ еще слѣдующее: исторія есть резуль-

Digitized by Google

татъ соблюденія, всегда несовершеннаго, этихъ двухъ условій". Далѣе, указавъ на то, что человѣкъ всегда имѣетъ предъ собою другого человѣка, доставляющаго ему ощущенія не только пріятныя, но часто и непріятныя, авторъ продолжаетъ: „Дѣло заключается вовсе не въ томъ, чтобы одержать окончательную побѣду; безвозвратное торжество надъ ближнимъ было бы въ сущности пораженіемъ для побѣдителя. Очевидно,—здѣсь нужна сдѣлка, нужно соглашеніе. Это условіе мы можемъ выразить въ одномъ словѣ: это—справедливость. Человѣкъ ищетъ здѣсь пріятнаго ощущенія подъ условіемъ справедливости, и исторія въ значительной своей части есть результатъ искусства быть справедливымъ и всегда несовершеннаго пользованія имъ". Наконецъ, существуетъ еще и болѣе глубокій конфликтъ. Природа можетъ быть побѣждена, между людьми можетъ быть установлено всеобщее согласіе, и все-таки исторія будетъ еще результатомъ борьбы между цѣлями, къ которымъ стремится одна и та же человѣческая воля (стр. 270). Два стремленія въ одной и той же душѣ являются двумя антагонистами, такъ какъ имъ приходится дѣлить между собою господство надъ одною и тою же волей. Внутренняя борьба проявляется, кромѣ того, и во внѣшнихъ отношеніяхъ, когда, напр., то, чего съ трудомъ добивались для удовлетворенія одной потребности, становится препятствіемъ для удовлетворенія другихъ потребностей. Лакомбъ ставитъ вопросъ, можно ли предвидѣть конецъ такого внутренняго конфликта, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Человѣку никогда не удастся истребить въ себѣ животную сторону своей природы и потому остается только думать о томъ, чтобы сократить дѣйствіе животныхъ инстинктовъ въ пользу другихъ, болѣе высокихъ (стр. 271). Иными словами, нужно стремиться къ извѣстному нравственному равновѣсію. Съ этой послѣдней точки зрѣнія Лакомбъ видитъ въ исторіи результатъ исканія счастія подъ условіемъ нахожденія равновѣсія между разными сторонами человѣческаго бытія; конечно, и въ этомъ случаѣ она есть результатъ безконечно несовершеннаго соблюденія этого условія.

Установивъ эти три стороны исторіи, Лакомбъ указываетъ далѣе, что только первая сторона, т.-е. борьба съ природой, предоставляется относительно простою въ томъ смыслѣ, что человѣкъ можетъ здѣсь итти впередъ все въ одномъ и томъ же направленіи, нигдѣ не останавливаясь, всегда прибавляя нѣчто новое къ сдѣланному уже безъ какого бы то ни было неудобства или опасенія за будущее. Совсѣмъ другое дѣло съ двумя другими сторонами, гдѣ нужно устанавлять равновѣсіе между противоположными стремленіями: тамъ уже нельзя итти все дальше и дальше впередъ въ одномъ и томъ же направленіи, ибо это привело бы только къ вредной односторонности. Поэтому

Digitized by Google

Лакомбъ считаетъ неудобнымъ примѣнять къ этимъ двумъ сторонамъ исторіи понятія процесса или прогресса: тутъ рѣчь можетъ итти скорѣе о колебательномъ движеніи съ остановками въ разныхъ мѣстахъ въ разное время, и смотря по тому, куда движеніе склоняется, его результатъ въ смыслѣ общечеловѣческаго счастья бываетъ благопріятный или неблагопріятный. Напр., экономическій интересъ требуетъ наибольшаго раздѣленія труда, которое въ экономическомъ отношеніи даетъ превосходные плоды, но часто низводитъ человѣка на степень машины, на степень существа съ пониженными умственными способностями (стр. 272). Въ этомъ случаѣ духовныя способности человѣка принижаются тѣмъ самымъ, что возвышаетъ его способность экономическую. Что же остается дѣлать, какъ не искать извѣстнаго равновѣсія, извѣстнаго примиренія между разными потребностями жизни?

„Конфликтъ, конкурренція, борьба за существованіе,—называйте, какъ хотите,—говоритъ Лакомбъ,—это обстоятельство имѣетъ всеобщее значеніе въ своей тройной формѣ. И это есть единственное совершенно всеобщее обстоятельство, какое мы только знаемъ въ исторіи". Ему Лакомбъ придаетъ значеніе закона, дѣйствіе котораго распространяется на всю исторію, тогда какъ процессъ, изъ котораго тоже хотятъ сдѣлать законъ, не имѣетъ этихъ свойствъ, ни всеобщности, ни постоянства (стр. 273). Сообразно съ вышесказаннымъ Лакомбъ признаетъ существованіе двухъ различныхъ формъ прогресса. Первую простую форму прогресса онъ видитъ въ накопленіи, съ одной стороны, богатства, съ другой—знанія. Другая же форма состоитъ въ установленіи болѣе искуснаго равновѣсія, болѣе успѣшнаго примиренія (стр. 276). Съ вопросомъ о прогрессѣ тѣсно связанъ вопросъ объ увеличеніи человѣческаго счастья. „Историкъ, говоритъ Лакомбъ, который хочетъ узнать, счастливѣе ли человѣкъ одной эпохи сравнительно съ человѣкомъ другой эпохи, опирается на внѣшніе признаки, но эти признаки не могутъ быть точными признаками счастья: это только простыя вѣроятности. Внутреннее чувство человѣка можетъ стать съ ними въ разрѣзъ. Слѣдовало бы схватить именно это чувство, но оно какъ-разъ намъ и не поддается. Посмотрите богатство (стр. 277). Привычка весьма скоро дѣлаетъ насъ нечувствительными къ его возрастанію. Удовлетвореніе сложныхъ экономическихъ потребностей скоро перестаетъ доставлять болѣе счастья, нежели удовлетвореніе потребностей болѣе простыхъ. Во всякомъ случаѣ оно заставляетъ насъ чувствовать гораздо большее количество желаній, обыкновенно налагаетъ на насъ болѣе труда и гораздо чаще приводитъ насъ въ столкновеніе съ нашими ближними, а это весьма важная оборотная сторона медали. Въ дѣлѣ счастья простота вкусовъ,

Digitized by Google

первоначальная умѣренность безусловно равноцѣнны съ увеличеніемъ богатства. Средній достатокъ, довольный самъ собою, рядомъ съ изобиліемъ, чувствующимъ неудовлетворенныя потребности, встрѣчается не особенно рѣдко. Прогрессъ нравственности,—продолжаетъ Лакомбъ,—уменьшаетъ случаи конфликта съ нашими ближними, и въ этомъ смыслѣ является, какъ нѣкоторый прогрессъ счастья. Но сама нравственность существеннымъ образомъ состоитъ въ добровольномъ самоограниченіи, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ давать пріятнаго ощущенія. Самое большее, на что можно надѣяться, это то, что она сведется къ непріятному ощущенію, весьма слабому и почти безразличному... Самъ умственный прогрессъ,—говоритъ еще Лакомбъ,—никогда не совершается безъ извѣстной утраты. Беззаботность, непредусмотрительность имѣютъ хорошую сторону. Отдаленное предвидѣніе заставляетъ насъ заранѣе предвкушать и добро, и зло; оно усиливаетъ какъ непріятныя, такъ и пріятныя чувства" (стр. 278). На этомъ для Лакомба не останавливаются трудности расчета. Въ одну и ту же эпоху историку приходится имѣть дѣло съ людьми, находящимися на весьма различныхъ ступеняхъ развитія. Умственное и нравственное развитіе, которое можно изобразить въ общихъ чертахъ и отвлеченно въ историко-философскомъ сочиненіи, въ дѣйствительности осуществилось только въ немногихъ, весьма рѣдкихъ экземплярахъ человѣческаго рода. Когда говорятъ объ общемъ прогрессѣ, необходимо различать судьбу массъ и судьбу меньшинства, и именно массы должны быть особенно приниманы въ расчетъ. „Счастливѣе ли,—спрашиваетъ Лакомбъ,—теперешнія массы сравнительно съ массами прежнихъ временъ? Многіе безъ малѣйшаго колебанія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Я не говорю, чтобы они ошибались: я говорю только, что они слишкомъ увѣрены и что ихъ доказательства не такъ уже убѣдительны, какъ они воображаютъ". Правда, мы пользуемся бо́льшимъ накопленіемъ богатствъ, чѣмъ въ прежнее время, но весь вопросъ не въ этомъ, а нужно еще различать въ человѣкѣ потребителя и производителя. Въ качествѣ перваго современный человѣкъ, повидимому, имѣетъ нѣкоторыя преимущества. Въ настоящее время за франкъ можно получить гораздо болѣе того, что́ давалъ франкъ въ былыя времена, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тотъ же самый франкъ стоитъ дешевле, чѣмъ, напр., въ средніе вѣка (стр. 279). Во всякомъ случаѣ, теперешнее превосходство не безусловно и, конечно, является пропорціональнымъ достатку каждаго. Но улучшилось ли положеніе человѣка, какъ производителя? Мы видимъ, что рабство уступило мѣсто крѣпостничеству, а послѣднее замѣнилось свободнымъ наемничествомъ: въ этомъ заключается прогрессъ независимости и, слѣдовательно, моральнаго достоинства; но прогрессъ дѣйствительнаго счастья подвергался часто спору и

Digitized by Google

на самомъ дѣлѣ представляется спорнымъ. „Свободный работникъ,— говоритъ Лакомбъ,—утомляетъ свои руки, какъ все на это указываетъ, совершенно инымъ образомъ, нежели рабъ, по крайней мѣрѣ, въ общемъ. Въ особенности же онъ знакомъ со многими иными заботами. Безпокойство за будущее, за себя, за своихъ, тѣмъ большее безпокойство въ каждомъ рабочемъ, чѣмъ выше онъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, представляетъ изъ себя довольно тяжелое бремя. Чтобы уравновѣсить эти невыгоды, нужно вообразить достаточно суровое рабское положеніе. То, что наиболѣе важно въ дѣйствительности, это—чувство, съ какимъ относятся къ своей судьбѣ. Больше ли или меньше ощущаетъ современный рабочій, чего у него недостаетъ и что онъ видитъ у другихъ, если мы сравнимъ его съ работникомъ, находившимся въ рабскомъ состояніи? Слишкомъ смѣлъ былъ бы тотъ умъ, который вполнѣ увѣренно отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ" (стр. 280).

Такимъ образомъ, по мнѣнію Лакомба, привычка и возростаніе потребности уменьшаютъ значеніе накопленія богатствъ, какъ необходимаго условія счастья, а прогрессъ нравственности есть въ сущности усиленіе самоограниченія, которое въ лучшемъ только случаѣ приводитъ къ безразличнымъ ощущеніямъ, а этого достаточно, дабы понять, что природа вовсе не служитъ нашимъ желаніямъ, не направляетъ насъ благосклонно къ счастью. Но съ другой стороны, трудъ, какъ необходимое условіе богатства, усиліе, какъ необходимое условіе нравственности, тяжелая работа, лишь бы она не переходила извѣстныхъ границъ, производятъ умственный прогрессъ. Поэтому то, что является наиболѣе необходимымъ въ жизни обществъ, заключается въ умственномъ развитіи. Если бы можно было допустить, что природа ради насъ стремится къ какой-либо цѣли, то этою цѣлью слѣдовало бы признать только усиленіе человѣческаго ума.

Изъ этого общаго положенія Лакомбъ дѣлаетъ нѣкоторые интересные выводы: сравнивая умственныя наслажденія съ чувственными удовольствіями и съ удовольствіями нашего нравственнаго существа, онъ находитъ именно, что первыя вообще отличаются меньшею живостью, но зато имѣютъ другія, важныя преимущества. Продолжительность и частое повтореніе ихъ не ослабляютъ; слабое и спокойное счастье, которое они доставляютъ, можетъ быть непрерывнымъ и наполнять почти всѣ моменты существованія. Особыя же преимущества умственныхъ наслажденій заключаются въ томъ, что главнымъ источникомъ пріятныхъ эмоцій является здѣсь тотъ самый трудъ, который, какъ средство для достиженія удовольствій другого рода, уменьшаетъ силу этихъ удовольствій. Далѣе, умственныя наслажденія сообщаются другимъ безъ всякаго для кого бы то ни было ущерба, что вполнѣ

Digitized by Google

устраняетъ конфликтъ между индивидуумами и группами. Что касается до внутренняго конфликта, то онъ, конечно, остается, но сводится къ самому возможному минимуму. Стремленіе къ счастью такого рода, дѣлаясь преобладающимъ, можетъ вредить только другому стремленію, именно къ богатству, и уничтожаетъ только наслажденіе извѣстною роскошью (стр. 281). Наоборотъ, стремленіе къ наживѣ въ случаѣ преобладанія вообще мѣшаетъ наслажденіямъ ума и даже чувства вслѣдствіе того, что увеличиваетъ трудъ, заботы и борьбу. Отсюда Лакомбъ выводитъ даже практическій совѣтъ, какъ главное правило, искусство жить или искусство быть счастливымъ: поболѣе заботиться объ интеллектуальныхъ эмоціяхъ. Конечно, это правило не можетъ имѣть безусловнаго значенія. На томъ же положеніи строитъ авторъ и выводъ историко-философскій. „Общество,—говоритъ онъ,—или даже все человѣчество, состоящее въ концѣ-концовъ изъ индивидуумовъ, не могутъ имѣть другого правила жизни, какъ то, которое существуетъ для индивидуума. Для каждой группы людей, будетъ ли она большая или маленькая, равновѣсіе, благопріятствующее прогрессу счастья, есть то равновѣсіе, которое отводитъ значительное мѣсто стремленію къ интеллектуальной эмоціи (стр. 282). По очевидному слѣдствію изъ этого положенія у историка, занимающагося измѣреніемъ разстояній между отдѣльными обществами на пути прогресса, не можетъ быть болѣе вѣрной мѣрки, какъ участіе каждаго изъ этихъ обществъ въ интеллектуальныхъ эмоціяхъ, въ искусствѣ и въ наукѣ". Между прочимъ, тутъ же Лакомбъ дѣлаетъ одно въ высшей степени важное замѣчаніе. „Читатель,—говоритъ онъ,—долженъ обратить вниманіе на то, что, если мы въ этой книгѣ констатируемъ наибольшую важность экономическаго развитія, какъ чисто опытную истину, критеріемъ для оцѣнки относительной высоты цивилизаціи служитъ намъ какъ-разъ не-экономическая область". Конечно, Лакомбу при этомъ не трудно было доказать, что экономическое благосостояніе общества зависитъ отъ успѣховъ въ знаніяхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ природу, и что въ вопросахъ общественныхъ самыя лучшія намѣренія не могутъ приводить къ желаннымъ результатамъ безъ знанія настоящей природы людей (стр. 283). Поэтому на первый планъ онъ и выдвигаетъ прогрессъ умственный и потомъ уже придаетъ значеніе, какъ мѣркѣ цивилизаціи, успѣхамъ въ искусствѣ и въ литературѣ (стр. 288).

Все это въ высшей степени любопытно. Какъ ни старается нашъ авторъ вездѣ, гдѣ только на самомъ дѣлѣ можно, видѣть дѣйствіе экономическаго фактора, въ концѣ-концовъ главною прогрессивною силою онъ считаетъ развитіе человѣческаго ума, стремленія къ знанію, научной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи онъ далекъ отъ

Digitized by Google

экономическаго матеріализма, представители котораго,—безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, впрочемъ,—утверждаютъ, что экономическая эволюція сама по себѣ прогрессивна.

VII.

Лакомбъ подымаетъ въ своей книгѣ и вопросъ объ историческомъ предвидѣніи. Глава, посвященная этому вопросу, одна изъ болѣе слабыхъ, хотя отдѣльныя ея мѣста должны быть все-таки отмѣченными.

Авторъ исходитъ здѣсь изъ той мысли, что каждая наука должна стремиться къ предвидѣнію будущаго и что исторія въ этомъ отношеніи не должна составлять исключенія. Такъ какъ, однако, исторія есть наука наиболѣе сложная, то предвидѣніе въ ней возможно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: вѣдь, впрочемъ, и установленіе необходимости въ прошломъ возможно въ ней лишь въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, поскольку мы постоянно имѣемъ въ ней дѣло съ разными случайностями. Если мы хорошо знаемъ настоящее и къ пониманію его прилагаемъ научные методы, то мы можемъ лишь утверждать, что готовы совершиться въ самой, конечно, прочной и абстрактной формѣ такія-то и такія-то событія, не утверждая, что эти событія непремѣнно совершатся (стр. 369). Многимъ такія малоопредѣленныя показанія могутъ показаться недостаточными, но они все-таки важны для нашего поведенія. Но и говоря о предсказаніи будущаго, Лакомбъ исходитъ изъ своей основной идеи о первенствѣ экономическаго элемента. „Экономика,—говоритъ онъ,—съ великою силою оказывала вліяніе на все остальное, и весь историческій опытъ показываетъ, что эволюція въ значительной мѣрѣ происходила подъ могучимъ дѣйствіемъ экономическаго интереса. Отсюда весьма послѣдовательно думать, что главныя сѣмена будущаго заложены въ явленіяхъ экономическаго порядка. Кто хочетъ предвидѣть будущее, долженъ прежде всего изслѣдовать экономическое состояніе современныхъ обществъ. Экономическая область, говоритъ онъ далѣе, раздѣляется на двѣ части: созданіе и распредѣленіе богатствъ. Для того, чтобы понять прошлое въ его прогрессивномъ шествіи, мы должны были почти исключительно заниматься первымъ. Въ заботѣ о будущемъ и, слѣдовательно, о прочности общества намъ скорѣе нужно заняться здѣсь распредѣленіемъ. Именно нужно узнать, происходитъ ли раздѣлъ добытыхъ богатствъ такимъ образомъ, чтобы удовлетворять массы и заинтересовывать въ сохраненіи общества тѣхъ, которые его поддерживаютъ. Производство богатствъ, читаемъ мы еще, приводитъ людей къ борьбѣ съ природою, но вызываетъ отношенія

Digitized by Google

взаимной помощи и содѣйствія между самими людьми. Распредѣленіе неизбѣжно влечетъ за собою борьбу между людьми, ибо всякій избытокъ одного есть лишеніе для другихъ" (стр. 370). Отъ сколькихъ бы условій ни зависѣло распредѣленіе, въ концѣ-концовъ оно подчиняется одному общему закону: каждый получаетъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе онъ зависитъ отъ настоятельныхъ экономическихъ потребностей. Та самая настоятельная потребность, которая влечетъ за собою произведеніе богатствъ имѣетъ такимъ образомъ своимъ окончательнымъ слѣдствіемъ въ дѣлѣ распредѣленія почти безграничную зависимость слабаго. Но эта экономическая сила не всегда свободно дѣйствуетъ, благодаря ограниченіямъ со стороны религіи, обычнаго права и законодательства (стр. 372), хотя, съ другой стороны, богатые классы, которые были въ то же время правящими классами, очень часто также прибѣгали къ закону для защиты своихъ экономическихъ интересовъ (стр. 373). Тутъ Лакомбъ высказываетъ даже такой взглядъ, что въ общемъ и цѣломъ исторіи правительственная сила всегда побѣждалась экономическою силою (стр. 374). Отказываясь отъ политики государственнаго невмѣшательства съ ея безнравственными и антисоціальными слѣдствіями нашъ авторъ, однако, не только далекъ отъ соціализма, но и вступаетъ съ нимъ въ полемику, упрекая теоретиковъ соціализма, главнымъ образомъ, въ томъ, что они не принимаютъ въ расчетъ увеличенія народонаселенія и вѣрятъ въ особый провиденціализмъ, заключенный, по ихъ мнѣнію, въ естественныхъ законахъ экономической эволюціи. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ этой его полемикѣ и отмѣчаемъ только, что въ его книгѣ соединяется пониманіе исторіи, напоминающее экономическій матеріализмъ, съ нерасположеніемъ къ соціализму. Мало того, Лакомбъ, съ тревогой, съ опасеніемъ за будущее смотритъ на современное соціальное броженіе. Между тѣмъ для многихъ экономическое пониманіе исторіи и соціалистическій взглядъ на будущее тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою, взаимно другъ друга обусловливая. Въ другомъ мѣстѣ мы старались доказать, что принципіальной связи тутъ никакой нѣтъ, и книга Лакомба можетъ служить лишнимъ доказательствомъ этой мысли.

Digitized by Google

Обзоръ литературы по русской исторіи за 1891 г.

А. И. Браудо и В. А. Мякотина *).

Обзоръ исторической литературы за 1891 годъ значительно запоздалъ своимъ появленіемъ на свѣтъ. Главной причиной такого запозданія явилась сложность самой работы, требующей большого времени для своего выполненія, времени, какое далеко не всегда находилось въ распоряженіи составителей. Уже съ самаго начала этой работы на страницахъ „Историческаго Обозрѣнія“ существовала мысль о необходимости распредѣленія ея между нѣсколькими сотрудниками и въ настоящее время есть надежда, что мысль эта можетъ быть приведена въ исполненіе. Въ появляющемся теперь обзорѣ выдѣлена въ особый отдѣлъ исторія Малороссіи, къ составленію слѣдующаго авторы надѣятся привлечь новыя силы. Выпуская въ свѣтъ настоящій обзоръ, составители не скрываютъ отъ себя, что въ немъ несомнѣнно найдутся значительные пропуски и пробѣлы. Не снимая съ себя отвѣтственности за нихъ, составители считаютъ однако нужнымъ предупредить, что ихъ цѣлью не было достиженіе библіографической полноты.

А. Браудо и В. Мякотинъ.

I. Сочиненія общаго содержанія **).

Сочиненія общаго содержанія въ обозрѣваемомъ году, какъ и въ предъидущихъ, почти совершенно отсутствуютъ. Изъ имѣвшихся прежде

*) Обзоръ за 1890 г. помѣщенъ въ III томѣ „Историческаго Обозрѣнія“, обзоръ за 1888 и 1889 г. во II томѣ.

**) Большинство пропусковъ и недосмотровъ, которые встрѣтятся въ выпускаемомъ обзорѣ, придется, безъ сомнѣнія, на ту часть его, которую составлялъ нижеподписавшійся; авторъ не скрываетъ отъ себя, что кромѣ упомянутыхъ недостатковъ, составленная имъ часть Обзора страдаетъ и еще однимъ, не менѣе важнымъ, а именно неравномѣрностью обработки, выразив-

Digitized by Google

всего необходимо отмѣтить II-й томъ обширнаго труда Пыпина [1]), относительно котораго въ литературѣ было указано на то, что заглавіе его не вполнѣ соотвѣтствуетъ его дѣйствительному содержанію. Авторъ изслѣдуетъ не только ходъ научнаго „изученія народности", но также и развитіе „общаго интереса къ изученію народности, насколько оно выражается въ литературѣ и публицистикѣ", поэтому въ трудѣ его мы знакомимся и съ разными эпизодами изъ исторіи общественныхъ настроеній, насколько послѣднія отражались во взглядахъ русскаго образованнаго общества на народъ. Цѣлью автора было ознакомить читателя съ тѣмъ, что сдѣлано русской литературой, наукой и публицистикой для рѣшенія вопроса о соціальной, политической и культурной роли русскаго народа въ русскомъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Почти половина второго тома занята исторіей изученія древней народной словесности и вѣрованій, т.-е. исторіи литературы. Второе мѣсто занимаетъ развитіе русской исторической науки. Славянофильскому взгляду на исторію посвящена VII-я глава, въ которой авторъ излагаетъ главнымъ образомъ взгляды Аксакова и полемизируетъ противъ славянофильскихъ воззрѣній на реформу Петра Великаго; двѣ главы посвящены отношенію къ народу беллетристики и публицистики—критикѣ народническихъ теорій.

Довольно рѣзкій отзывъ этотъ томъ вызвалъ со стороны В. Ламанскаго [2]), который обвиняетъ автора въ „журнализмѣ тона и сужденій", въ односторонности и преувеличеніяхъ, въ невѣрномъ изложеніи славянофильскихъ взглядовъ на Петра Великаго и Петербургскій періодъ и т. п.; — останавливаясь на характеристикѣ С. М. Соловьева, Ламанскій на основаніи личныхъ воспоминаній утверждаетъ, что Соловьевъ по своимъ философско-религіознымъ взглядамъ никогда не принадлежалъ къ западникамъ, какъ по своимъ взглядамъ на отношенія наши къ Старой Польшѣ, къ польской и славянской народностямъ, по своимъ взглядамъ на нѣмцевъ въ Россіи и даже на Петербургскую Академію Наукъ. Книга Пыпина, заключаетъ авторъ, послѣ краткой характеристики выдающихся славянофиловъ, значительно выиграла бы въ достоинствѣ, еслибы онъ не держался

шейся въ томъ, что болѣе важнымъ трудамъ удѣлялось часто слишкомъ мало мѣста въ сравненіи съ другими второстепенными; и этого недостатка, вызваннаго невозможностью посвятить этому труду требуемое имъ время, можно будетъ избѣгнуть только при предполагаемомъ привлеченіи нѣсколькихъ сотрудниковъ. *А. Браудо.*

[1]) А. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. С.-Петербургъ, 1891 г., стр. 428.

[2]) Ламанскій, В. Живая Старина. Вып. 2. (Рецензія о книгѣ Пыпина, вышедшей въ 1891 г., появилась въ Живой Старинѣ, за 1890 г.).

Digitized by Google

взглядовъ Герье на такъ называемое славянофильство и не повторялъ старыхъ заѣзженныхъ фразъ.

Въ защиту славянофильства-же написана статья Завитневича [3—4]), представляющая превознесенія сочиненія Данилевскаго и его теоріи культурно-историческихъ типовъ. Авторъ даетъ критику Петровскихъ реформъ, которыя онъ, по его словамъ, признаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаетъ послѣдовавшее затѣмъ европейничанье и очень склоненъ все-таки къ идеализаціи Московской Руси. „Сословныя реформы Екатерины II, говоритъ авторъ, были основаны на принципѣ дѣленія людей на подлыхъ и благородныхъ,— принципѣ, которымъ именно попиралось человѣческое достоинство и котораго не знала до-Петровская Русь"; это не значитъ, что до-реформенная Россія была выше пореформенной, но первая имѣла хоть нѣкоторое право гордиться, потому что она гордилась тѣмъ, что добыто было ея собственнымъ тяжкимъ трудомъ, а у „Руси XVIII-го вѣка, почти все, что превозносилось, было взято на прокатъ у сосѣдей". Далѣе авторъ характеризуетъ дѣятельность славянофиловъ (Хомякова, Аксакова и др.), которыхъ совершенно напрасно считаютъ изувѣрами—патріотами. Между прочимъ, авторъ утверждаетъ, что А. Герценъ впослѣдствіи самъ разочаровался въ своихъ западническихъ теоріяхъ.

Новый взглядъ на значеніе Московскаго и Петербургскаго періодовъ старается установить Шмурло [5]); не являясь (какъ онъ самъ объ этомъ заявляетъ) противникомъ Петровской реформы, авторъ признаетъ вліяніе татарскаго ига на нравы до-петровскаго періода,— признаетъ, что формы Московскаго Государства и быта не выражали собою исконныхъ національныхъ чертъ русскаго народа, что разрывъ между высшими и низшими классами произошелъ гораздо раньше Петра; но дѣло по мнѣнію автора въ томъ, что реформа Петра не помогла этому злу. Авторъ находитъ ложнымъ представленіе, „будто эпоха Петровская есть какая-то грань, какой-то рѣзкій рубежъ между старой и новой Россіей. Поэтому нельзя изображать XVII и XVIII вв., какъ два обособленныхъ міра. Весь вопросъ сводится къ разницѣ не качественной, а только количественной". Эту грань между старой и новой Россіей Шмурло отодвигаетъ гораздо дальше—къ началу XVI вѣка. Онъ опровергаетъ взглядъ Соловьева „будто до-Петровская

---

[3]) Завитневичъ, А. Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности. Тр. Кіевск. Духовн. Акад. № 11, стр. 353—397. (Актовая рѣчь).

[4]) Соловьевъ, В. Національный вопросъ въ Россіи. Спб. Вып. I, изд. 3, 1891 г., стр. 206, ц. 1 р. Вып. II, стр. 343, ц. 2 р. 50 к.

[5]) Шмурло, Е. XVI-й вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи. С.-Петербургъ, 1891 г. Изъ годоваго отчета училища св. Анны за 1891 г.

Digitized by Google

Русь аналогична съ средними вѣками Западной Европы" и говоритъ, что у насъ средніе вѣка кончились одновременно съ Западной Европой, т.-е. въ концѣ XV и къ началу XVI вв. Начало новой Россіи, доказываетъ авторъ, нужно искать тамъ, гдѣ начинается международная жизнь нашего отечества, а именно на рубежѣ XV и XVI вв.

Средніе вѣка были періодомъ подготовительнымъ къ международной политической жизни, и въ этомъ то отношеніи русская исторія совершенно аналогична съ западно-европейской. Авторъ идетъ, однако, дальше и доказываетъ, что не только „въ сферѣ международной жизни наше государство съ самаго конца XV или начала XVII вв. идетъ на ряду съ Западной Европой, но и „гражданская зрѣлость съ ея юридическою правоспособностью наступила въ одно и то же время для всѣхъ". Онъ находитъ, что „уже XVI столѣтіе всецѣло наметило ту международную программу, которую послѣдующимъ вѣкамъ оставалось только развивать и неуклонно ей слѣдовать — программу, ставшую источникомъ, первымъ побудительнымъ толчкомъ и самаго преобразовательнаго движенія". Эта теорія вызвала возраженіе: было указываемо на то, что историческое движеніе представляется такимъ образомъ Шмурло въ чисто внѣшнемъ государственномъ развитіи; въ дѣйствительности-же то обстоятельство, что внѣшнія политическія задачи, исполненныя Россіей XVIII и XIX вѣковъ были указаны и поняты въ XV и XVI вв., имѣетъ лишь весьма второстепенное значеніе.

Тутъ же укажемъ на нѣкоторыя замѣтки и труды, имѣющіе отношеніе до исторіи нашей исторіографіи, а также нѣкоторые библіографическіе труды. Переметевскій [6]), вмѣстѣ съ другими сослуживцами по архиву, даетъ обзоръ научныхъ занятій, которыя совершались въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи (съ начала 40-хъ годовъ до самаго послѣдняго времени) частными лицами и обзоръ различныхъ изданій, основанныхъ на документахъ Архива.

Въ обозрѣваемомъ году можно далѣе отмѣтить нѣсколько замѣтокъ о Костомаровѣ [7—9]), въ одной изъ которыхъ, между прочимъ доказывается, что какъ общественный дѣятель, а еще болѣе, какъ ученый, Костомаровъ былъ большимъ мечтателемъ и фантазеромъ, неспособнымъ къ критическому и зрѣлому изученію и обсужденію историческихъ фактовъ. Въ исторіи нашей исторіографіи не можетъ

---

[6]) Переметевскій, В. и другіе. Исторія Архива Министерства Юстиціи. Опис. док. и бум., т. VIII, стр. 1—92.

[7]) Ремезовъ. Николай Ивановичъ Костомаровъ. Р. С., 1891 г., 2.

[8]) Полевой, П. Историкъ идеалистъ. И. В., 1891 г., 2.

[9]) Извлеченія изъ автобіографіи Костомарова, и статья А. Руссова по поводу ихъ. Харьковскій Сборникъ. Вып. V.

Digitized by Google

не быть отмѣчена полемика, вызванная 3-мъ томомъ труда Иловайскаго, всѣ рецензенты котораго „съ рѣдкимъ въ научныхъ спорахъ единомыслiемъ" отвергали научное его значеніе, а нѣкоторые и значеніе его, какъ серьезнаго и полезнаго компилятивнаго труда; Иловайскій-же неблагопріятные о его трудѣ отзывы объяснилъ главнымъ образомъ антинаціональнымъ направленіемъ своихъ рецензентовъ [10—14]).

Изъ библіографическихъ трудовъ на первомъ планѣ необходимо, конечно, поставить трудъ Иконникова [15]), который имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ простая библіографія. Первыя 3 главы посвящены общимъ вопросамъ исторіографіи: предметъ исторіи, положеніе ея въ ряду другихъ наукъ, историческая критика и т. д. Затѣмъ излагается исторія книжнаго дѣла на Руси, положеніе архивнаго дѣла, дается описаніе русскихъ библіотекъ, архивовъ и музеевъ, въ которомъ собрано поразительное количество данныхъ. Относительно труда Загоскина [16]) было не разъ указываемо на небрежность, съ которою онъ составлялся, и на массу пропусковъ. Въ добавленіяхъ Губерти [17]) къ 1-му и 2-му выпускамъ его Матеріаловъ описаны 181 рѣдкое изданіе за время отъ 1725 до 1800 г., причемъ сообщено очень много историко-литературныхъ данныхъ. Тутъ же можно указать и на трудъ Дамаскина [18]), имѣющій свою исторію; нѣсколько листовъ его были отпечатаны Ундольскимъ еще въ 1848, но не были помѣщены въ Чтеніяхъ, вслѣдствіе разгрома, постигшаго Общество Исторіи и Древностей. Въ 1891 г. Общество издало эти напечатанные листы, продолживъ однако, изданіе только до № 449 (1713 г.), тогда какъ трудъ Дамаскина доходитъ до 1785 г.

Въ I и II-мъ т. Сибирской библіографіи Межова [19]) вошли перечень источниковъ и матеріаловъ для библіографіи Сибири, а затѣмъ обзоръ литературы по исторіи, географіи, этнографіи и статистикѣ Сибири. Дополненіемъ къ этому тому могутъ служить работы Иванов-

---

[10]) Сторожевъ, Н. В. Е. 1891 г., 2.

[11]) Платоновъ, С., Ж. М. Н. П. 1891 г., 3.

[12]) Безобразовъ, П., Р. О. 1891 г., 2.

[13]) А. К. Сѣв. Вѣстн. 1891 г., 3.

[14]) Иловайскій, Р. А. 1891 г., 5.

[15]) Иконниковъ, Опытъ русской этнографіи, т. I. Кіевъ, 1891—2 г. 184 + CCCLXX.

[16]) Загоскинъ, Н. Наука Исторіи Русскаго Права. Казань, 1891 г., стр. XXVIII+530, ц. 3 р. Ж. М. Н. П. 1891 г., 11. К. С. 1891 г., 12.

[17]) Губерти, Н. Матеріалы для русской библіографіи. Москва, 1891 г., стр. 888.

[18]) Дамаскинъ, Еп. Библіотека Россійская. Изд. Ундольскаго. Ч. М. О. И. Д., 1891 г., 1.

[19]) Межовъ, В. Сибирская Библіографія, т. I, II. С.-Петербургъ, 1891 г., стр. 470+485, ц. 6 р.

Digitized by Google

скаго [20]) и Кузнецова [21]); изъ 300 указаній на литературу о Ермакѣ, которыя приведены въ послѣднемъ трудѣ, мы въ Библіографіи Межова имѣемъ только 83.

Наконецъ укажемъ на „Опытъ Словаря псевдонимовъ русскихъ писателей" составленный Карцовымъ и Мазаевымъ [22]), и на дополненія къ нему въ Этногр. Обозрѣніи (1891 г., 4).

Лацинскій [23]) составилъ хронологическій указатель всѣхъ сраженій и дѣлъ въ которыхъ участвовали русскія войска со времени Петра В.

Въ вступительной лекціи [24]) Чечулинъ, доказывая цѣнность мемуаровъ, какъ историческаго источника, пытается развить и раньше уже высказанное имъ мнѣніе, что мы должны характеризовать эпоху не отзывами о рѣдкихъ выдающихся явленіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ мемуарахъ, а общимъ тономъ.

Важнымъ пособіемъ для палеографовъ является трудъ Н. Лихачева [25]); благодаря собраннымъ имъ бывшимъ въ употребленіи водянымъ знакамъ, является возможнымъ опредѣлять хронологію недатированныхъ руконисей; кромѣ того авторъ даетъ исторію бывшей у насъ въ употребленіи бумаги, причемъ устанавливаетъ, что въ 14 стол. употреблялась бумага итальянская, въ 15 и 16 французская (отчасти нѣм. и польская), въ 17 франц. и голландская, а къ концу этого столѣтія послѣдняя вытѣснила первую. Попытку дѣлать у насъ свою бумагу относили къ 17-му стол., но Лихачевъ нашелъ данныя о существованіи въ 1560 г. бумажной мельницы около Москвы; и эта, и послѣдовавшія за нею попытки остались, однако, безуспѣшны, и правильное бумажное производство началось у насъ только при Петрѣ.

II. Время до XVI вѣка.

Изъ работъ, относящихся къ древнѣйшему періоду нашей исторіи, укажемъ на весьма цѣнную работу преждевременно скончавшагося

---

[20]) А. Ивановскій. Этногр. Обозр, 1892 г., 1. Очень много дополненій исключительно по отдѣлу Этнографіи.

[21]) Кузнецовъ, Е. Библіографія Ермака, Тобольскъ, 1891 г., стр. 32.

[22]) СПб. 1891 г.

[23]) Лацинскій, А. Хронологія русской военной исторіи. СПб. 1891 г., стр. 289, ц. 1 р. 50 к.

[24]) Чечулинъ, Н. Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ. Библіографъ, 1891 г., 7, 8, стр. 89—102.

[25]) Лихачевъ, Н. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. С.-Петербургъ, 1891 г., ц. 4 р. Ж. М. Н. П. 1891 г., 8. И. В. 1891, 12. (Напечатано въ Зап. Имп. Русскаго Арх. Общ. Вып. IV. стр. 234—329).

Digitized by Google

Финнолога Веске [26]), которая проливаетъ—главнымъ образомъ на основаніи стилистическихъ данныхъ—свѣтъ на вопросъ, какъ шло поглощеніе финскихъ этнологическихъ элементовъ славянскими, и отодвигаетъ эпоху, съ которой можно начать изученіе отношеній финскаго міра къ славянскому, на нѣсколько столѣтій раньше возникновенія нашей первоначальной лѣтописи; всѣ доказательства авторъ основываетъ на формахъ заимствованныхъ словъ; такимъ путемъ онъ устанавливаетъ сильное культурное вліяніе славяно-руссовъ на финновъ. Разцвѣтъ этого вліянія онъ относитъ къ первымъ столѣтіямъ нашей исторіи и показываетъ, что слѣдовъ его не успѣли вытравить изъ западно-финскихъ нарѣчій цѣлые вѣка позднѣйшаго Германскаго вліянія. Наибольшее количество заимствованій приходится на область общественныхъ и семейныхъ отношеній.

Съ вопросомъ о призваніи князей Русской исторіографіи, надо полагать, еще долго придется считаться, хотя вопросъ по существу давно уже пересталъ заслуживать такого исключительнаго вниманія.

Указаніе на то, что призваніе помѣчено опредѣленнымъ годомъ и записано въ числѣ достовѣрныхъ извѣстій нашей начальной лѣтописи, не заслуживаетъ, какъ доказываетъ Малининъ [27]), вниманія, ибо 862 есть годъ произвольный и случайный. Основной хронологической датой лѣтописи является 852 г.; первое извѣстіе, которое завѣрено этой датой, есть слѣдующее: „Наченьшю Михаилу царствовати, начася прозывати Русская Земля, о семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ царе приходиша Русь на Царьградъ". Являющійся при этомъ вопросъ къ какому именно событію относится 852 г. — къ началу царствованія Михаила или къ походу Руси — авторъ разрѣшаетъ въ послѣднемъ смыслѣ.—Но тогда, разсуждаетъ онъ, является непонятнымъ, почему самый походъ описанъ далѣе подъ 866 г., каковое обстоятельство и наводитъ его на мысль, что передаваемое подъ 852 г. и 866 г. составляло первоначально одинъ цѣльный разсказъ, который былъ разорванъ сводчикомъ лѣтописи; послѣдній имѣлъ подъ руками Повѣсть временныхъ лѣтъ въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. сборникъ сказаній безъ годовъ и Начальную Кіевскую лѣтопись, въ которую и вошло извѣстіе о походѣ на Царь-Градъ. Это-то извѣстіе въ сводѣ оказалось разорваннымъ: часть его поставлена передъ призваніемъ, часть же пріурочена къ словамъ: „Иде Асколь и Диръ на Греки и пріидоша въ 14 Михаила Цесаря". Лицо, разставлявшее годы, поняло 862 г. какъ начало цар-

[26]) Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка, Казань. 1891 г., стр. 1—303 (Изв. Общ. Археол. Исторіи при Каз. Унив. VIII.—1 вып.).

[27]) Малининъ, А. Ѳ. Разборъ лѣтописнаго сказанія о призваніи Варяговъ. Ч. М. О. И. Д. 1891 г., 1. (9—13).

Digitized by Google

ствованія Михаила, прибавило 14 и получило 866. Промежутокъ же между 852 и 866 оно должно было заполнить годами совершенно произвольно, причемъ на разсказъ о призваніи пришелся 862 г., между тѣмъ, какъ это извѣстіе попало въ сводъ изъ Повѣсти, гдѣ оно года не имѣло. Все это, по мнѣнію автора, подтверждаетъ мысль о легендарномъ характерѣ призванія. Тутъ же авторъ указываетъ и на другой случай, гдѣ также замѣчается какъ бы разрывъ одного извѣстія другимъ.

Совершенно съ другой точки зрѣнія подходитъ къ тому же вопросу Бестужевъ-Рюминъ [28—29]). Не касаясь этнографически-филологической стороны вопроса, онъ обращается „къ уясненію характера учрежденій, господствовавшихъ на основаніи несомнѣнныхъ памятниковъ въ первую пору государственной жизни русскаго народа" и доказываетъ, что характеръ управленія князей русскихъ во многомъ сходенъ съ характеромъ управленія другихъ народовъ, поставленныхъ въ подобное же положеніе. Сходство это обусловливается переходомъ цѣлою массой изъ племеннаго быта въ государственный, отъ раздѣльности къ соединенію; способъ перехода долженъ былъ быть одинаковъ: личная дѣятельность князя, временная передача имъ полной своей власти другому лицу, что соединяется съ замѣною племенныхъ князей служилыми людьми и т. п. „Слѣдственно, говоритъ авторъ, нѣтъ нужды признавать въ этой творящей дѣятельности государства какое-нибудь чужое вліяніе; но едва-ли необходимо непремѣнное признаніе туземнаго происхожденія самой династіи. Въ этомъ случаѣ останавливаетъ кромѣ соображеній филологическихъ еще одно важное обстоятельство: отсутствіе легенды не только о божественномъ происхожденіи, но даже и объ особенномъ божественномъ освященіи этой династіи, въ родѣ, напр., посѣщенія странникомъ Пяста и т. п.

Соболевскій [30—32]) сдѣлалъ попытку критическаго разбора раз-

---

[28]) Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. О характерѣ власти Варяжскихъ князей. Труды IV Археолог. Съѣзда, т. 2, стр. 3—9.

[29]) Томсенъ, В. Начало Русскаго Государства. Ч. М. О. И. Д. 1891 г., 1, стр. 1 — 136. Съ просмотрѣнной авторомъ нѣмецкой переработкой д-ра Л. Вернеманна, переводъ Н. Аммона.

[30]) Соболевскій, А. Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи. Чт. въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891.

[31]) Ѳирсовъ, Н. Содержаніе и характеристика галицко-волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку. Казань, 1891, стр. 14.

[32]) П. Голубовскій. Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ. Кіевская Старина, 1891 г., № 10, стр. 58—81.

Digitized by Google

ныхъ варіантовъ рукописи Начальной Лѣтописи; для примѣра приведемъ одно изъ замѣчаній: Соболевскій читаетъ не „Рѣша Русь, Чудь: земля наша велика и обильна", а Руси, т.-е. дательный, а не имен. ед., что конечно, совершенно мѣняетъ смыслъ. Авторъ, по его словамъ, основывается на тѣхъ правилахъ, которыя выработала на Западѣ такъ называемая критика текста. Тѣмъ не менѣе было указываемо на то, что въ основу этихъ толкованій положены только собственныя, часто произвольныя измышленія автора (К. С. 1891, 10, стр. 144).

Продолжаютъ также занимать ученыхъ и вопросы о крещеніи Руси. Савва [33]) останавливаясь подробно на разборѣ мнѣній его предшественниковъ по вопросу о времени и мѣстѣ крещенія Ольги, приходитъ къ заключенію, что великая княгиня крестилась въ Кіевѣ въ 955 г., а въ 957 г. ѣздила въ Царьградъ съ цѣлью паломничества. 955 г. русскій лѣтописецъ нашелъ въ записи, а мѣсто крещенія отнесъ къ Царьграду, на основаніи преданія, неоправдываемаго, по мнѣнію автора, критикой.

По вопросу о крещеніи Владиміра укажемъ на изданную Регелемъ [34]) полную копію такъ называемаго Бандуріева „сказанія объ обращеніи Руссовъ въ христіанство". Признавая вмѣстѣ съ Голубинскимъ, что источникомъ сказанія послужило житіе блаженнаго Владиміра, Регель указываетъ, что авторомъ житія былъ русскій, а не грекъ и строитъ гипотезу о взаимномъ отношеніи трехъ источниковъ: Житія, Лѣтописной Повѣсти и Бандуріева сказанія: онъ предполагаетъ существованіе утерянной первоначальной русской редакціи сказанія о крещеніи Владиміра; эта редакція въ распространенномъ видѣ явилась въ Лѣтописи, а въ болѣе сокращенномъ въ Житіи, она же послужила источникомъ и Бандуріева сказанія. Тутъ же укажемъ на докладъ А. Гаркави [35]), въ которомъ сдѣлана сводка извѣстій о Крымѣ у арабскихъ писателей, причемъ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о сношеніяхъ древнихъ руссовъ съ таврическимъ полуостровомъ и толкуетъ неясныя или непонятныя намъ названія.

Далѣе, что касается времени до XVI столѣтія, то мы имѣемъ очень немного работъ историческаго содержанія.

Грушевскій [36]) изслѣдуетъ взаимныя отношенія южно-русскихъ

---

[33]) Савва, В. О времени и мѣстѣ крещенія русской княгини Ольги. Сборникъ Харьковск. Историко-Филолог. Общества, т. III. Харьковъ, 1891.

[34]) Regel, W. Analecta Byzantino-Russica, Petropoli 1891. См. Сообщеніе А. Дмитревскаго о книжкахъ Zαχχαλιων'а въ Труд. Кіевск. Дух. Акад. 1891, 6.

[35]) Гаркави, А. Тр. IV. Арх. Съѣзда. II т., стр. 239—248.

[36]) М. С. Грушевскій. Волынскій вопросъ 1097—1102 г. Кіевская Старина, 1891, № 4 и 5.

Digitized by Google

князей конца XI-го и начала XII-го в., такъ какъ многое въ исторіи этихъ отношеній до сихъ поръ еще невыяснено. Взаимныя, напримѣръ, цѣлованія князей въ Любечѣ и послѣдовавшее ослѣпленіе Василька; единодушный взрывъ негодованія при вѣсти объ этомъ преступленіи и затѣмъ — передача Волыни Святополку и намѣреніе „братьи" лишить волости самого пострадавшаго Василька; первенствующая роль Мономаха въ началѣ этихъ событій и странное, пассивное положеніе его въ дальнѣйшемъ теченіи вопроса — эти факты, какъ они передаются въ источникахъ, являются неожиданными, непонятными. Обозрѣвая источники, авторъ утверждаетъ, что главный изъ нихъ, сказаніе Василія, включенное въ начальную лѣтопись, не безукоризненъ, ибо слишкомъ выставляетъ впередъ Мономаха. Изслѣдуя источники, авторъ указываетъ, что изображеніе Мономаха, какъ блюстителя интересовъ братій и Русской земли—невѣрно. Сближеніе Мономаха съ Святославичами и выступленіе противъ Давыда и Святополка было вызвано вовсе не желаніемъ отомстить за вѣроломное ослѣпленіе Василька: Мономахъ просто желалъ разстроить союзъ Святополка съ Давыдомъ и подчинить его снова своему вліянію. Такими же политическими соображеніями объясняются и другія его дѣйствія. Что же касается несправедливыхъ постановленій увѣтичскаго съѣзда, то Мономахъ не былъ въ данномъ случаѣ такимъ активнымъ лицомъ, какимъ его изображаютъ; тутъ онъ дѣйствовалъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, въ угоду господствующей партіи. „Въ общемъ весь эпизодъ производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе: въ политикѣ, въ княжескихъ отношеніяхъ господствуютъ корыстные разсчеты, эгоизмъ, который кажется тѣмъ противнѣе, что въ нашихъ источникахъ по временамъ одѣвается въ личину благочестія, патріотизма; выгода заставляетъ примириться со всякими злодѣяніями". Мономахъ представляется автору не столько братолюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за русскую землю, сколько политикомъ, осторожнымъ, благоразумнымъ, лавирующимъ среди современныхъ политическихъ отношеній и уступающимъ тамъ, гдѣ онъ чуялъ серьезныя препятствія, серьезную борьбу.

Тому же автору [37]) принадлежитъ опытъ исторіи Кіевской земли до конца 14-го вѣка; въ первой части его сообщаются историко-географическія и частью этнографическія данныя, во второй—обзоръ внѣшнихъ событій исторіи Кіевской земли до монгольскаго нашествія, въ третьей излагается общественное устройство и бытъ въ до-монгольскій періодъ и въ послѣдней описывается состояніе Кіевской земли послѣ нашествія и подъ властію Литовскихъ князей до конца 14-го вѣка. —

---

[37]) М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ, 1891, стр. 520. Ц. 2 р. 75 к.

Digitized by Google

Что касается вопроса о значеніи и вліяніи монгольскаго ига, относительно котораго нѣкоторые полагаютъ, что послѣ разрушенія Кіева страна была совершенно лишена населенія и что малорусское населеніе явилось лишь позже (въ 14 и 15 стол.) изъ Галиціи и съ Карпатовъ, то авторъ держится противоположнаго мнѣнія.

Въ очеркѣ Довнаръ-Запольскаго [38]) опредѣляется положеніе всѣхъ упоминаемыхъ въ лѣтописи и уставной грамотѣ Ростислава Мстиславича (1157 г.) городовъ Кривичской земли и границъ ея и дается затѣмъ сводка лѣтописныхъ данныхъ, причемъ въ основаніе положена Ипатьевская лѣтопись.

Экземплярскій [39]) даетъ намъ во второмъ томѣ своего труда біографіи князей Владимірскихъ, Московскихъ, Суздальско-Нижегородскихъ, Тверскихъ и Рязанскихъ удѣловъ. Кромѣ чисто біографическихъ свѣдѣній, авторъ даетъ историко-географическіе очерки той мѣстности и тѣхъ городовъ, которые находились во владѣніи князей; полезнымъ пособіемъ является параллельно-синхронистическая таблица, въ которой князья расположены по волостямъ. Въ этомъ томѣ авторъ продолжаетъ свою полемику съ Соловьевымъ относительно происхожденія князей Шуйскихъ; отвергая показаніе Никоновской лѣтописи, что Шуйскіе происходятъ отъ Александра Невскаго, онъ доказываетъ ихъ происхожденіе отъ Андрея Ярославича.

Въ берлинской диссертаціи *Бука* [40]), которая, по заявленію автора является лишь началомъ большой работы, доказывается, что начало нѣмецкихъ торговыхъ экспедицій въ Новгородъ должно быть отнесено не ко второй половинѣ 12-го столѣтія, а къ его началу, и затѣмъ авторъ старается установить пути, по которымъ направлялись эти экспедиціи.

Въ упомянутомъ уже нами изданіи *Регеля* [41]) помѣщенъ отрывокъ изъ письма египетскаго султана Нассира къ императору Андронику III, относимый издателемъ къ 1340—1341 г. и представляющій интересъ для русской исторіографіи въ томъ отношеніи, что султанъ даетъ императору между прочимъ титулъ ανθέντης τῆς Ῥωσίας. Регель полагаетъ, что основаніемъ для такого титула послужилъ фактъ принадлежности Византіи нѣкоторыхъ пунктовъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Тутъ же изданы письма іеромонаха Иси-

---

[38]) Довнаръ-Запольскій. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол. Кіевъ, 1891.

[39]) Экземплярскій, А. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г., т. 2-й Спб. 1891. И. В. 1891, 7. Ж. М. Н. П. 1891, 5.

[40]) Buck. Der deutsche Kaufmann in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Jahrunderts. Berlin 1891.

[41]) Analecta.

Digitized by Google

дора, занимавшаго митрополичью каѳедру въ 1437—1442 г. *Регель* [42]) считаетъ несправедливой и односторонней ту характеристику митрополита, которая установилась въ нашей церковно-исторической литературѣ. Въ письмахъ своихъ Исидоръ является, какъ говоритъ авторъ, типичнымъ представителемъ итальянскаго гуманизма. Въ этомъ отношеніи важны 2 письма его къ итальянскому гуманисту Гварино. Понятно, что жизнь митрополита въ Москвѣ и положеніе его, при тогдашнемъ культурномъ уровнѣ общества, должны были казаться ему ужасно тяжелыми.

Въ статьѣ *Дьяконова* [43]) мы имѣемъ очеркъ исторіи политическихъ отношеній между представителями духовной власти и княжескими правительствами до раздѣленія единой митрополіи всея Руси и до начала автокефальности Московской митрополіи. Прежде всего авторъ напоминаетъ о первыхъ попыткахъ церковнаго обособленія со стороны князей, борьбу между князьями изъ-за вопроса о мѣстѣ резиденціи митрополита, борьбу изъ-за митрополита между Москвою и Тверью, между Москвою и Литвой и характеризуетъ затѣмъ „стремленіе княжескихъ правительствъ обезпечить за собою поддержку со стороны митрополита въ борьбѣ за преобладаніе, стремленіе, которое поставило ихъ въ необходимость принять самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ о поставленіи митрополитовъ и энергично отстаивать своихъ отдѣльныхъ кандидатовъ". Политика Константинопольскаго патріархата въ значительной мѣрѣ споспѣшествовала упроченію такой практики. Хотя патріархи и желали сохранить единство митрополіи всея Руси въ видахъ болѣе прочнаго подчиненія себѣ русской церкви, однако, исполняли всѣ настойчивыя требованія о поставленіи особыхъ митрополитовъ; они не останавливались и передъ раздробленіемъ митрополіи, лишь бы не утратить изъ сферы своего вліянія всѣ ея части. Но мало-по-малу это вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла о поставленіи митрополитовъ начинаетъ вызывать протесты и изъ Константинополя и изъ среды даже мѣстнаго духовенства; это вмѣшательство не только возбуждало принципіальный вопросъ объ отношеніи властей, но затрогивало также серьезную тему о подчиненіи русской церкви константинопольскому патріарху, права котораго нарушались энергической политикой Димитрія Донскаго и литовскихъ князей. Изъ среды русской духовной іерархіи мы имѣемъ цѣлый рядъ попытокъ отстоять свою самостоятельность подъ прикрытіемъ исключительной зависимости отъ Константинополя. Проповѣдь этой послѣдней

---

[42]) Analecta.

[43]) Дьяконовъ, М. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. „Историческое Обозрѣніе", т. III, стр. 72—91.

Digitized by Google

идеи не осталась безъ вліянія и содѣйствовала подъему авторитета константиноградскихъ властей, что особенно ясно видно въ дѣлѣ о поставленіи Іоны соборомъ епископовъ по повелѣнію великаго князя; многіе выдающіеся русскіе іерархи не хотѣли признать Іону и московское правительство старалось оправдаться цѣлымъ рядомъ окружныхъ грамотъ и посланій, а затѣмъ попыталось даже добиться санкціи изъ Константинополя, но безуспѣшно. Дьяконовъ старается подтвердить непользующееся еще правомъ гражданства въ нашей литературѣ мнѣніе, что этотъ фактъ повелъ къ фактическому разрыву между Москвой и Константинополемъ и сближенію съ отдаленнымъ Іерусалимомъ. Слѣдующій за Іоной митрополитъ Ѳеодосій былъ уже по желанію князя избранъ и благословленъ самимъ митрополитомъ; о патріархѣ цареградскомъ при этомъ не было и рѣчи, какъ говоритъ потому, что въ Россіи существовала уже тогда патріаршая грамота, которой представлялось русскимъ митрополитамъ ставиться у себя дома безъ сношеній съ Цареградомъ; это послѣднее мнѣніе не выдерживаетъ однако критики; въ данномъ случаѣ, какъ полагаетъ Дьяконовъ, просто не желали обращаться въ Константинополь; Іерусалимскій же патріархатъ дѣйствуя всецѣло въ интересахъ Москвы, предоставилъ даже русскимъ митрополитамъ самимъ поставлять другихъ митрополитовъ; лучшаго же подтвержденія автокефальности русской церкви нельзя было желать московскому правительству. Итакъ, заканчиваетъ авторъ свой очеркъ, русская церковь, вопреки волѣ константинопольскаго патріархата, получила автокефальность политическими мѣрами московскаго правительства. Эта крупная церковная реформа имѣла важное значеніе и въ исторіи отношеній церкви къ государству. Съ устраненіемъ правъ константинопольскаго патріархата отпало одно изъ важныхъ средствъ огражденія церковной іерархіи отъ посягательствъ свѣтской власти и преобладаніе государственнаго авторитета надъ церковнымъ съ этихъ поръ было упрочено.

Изслѣдованіе А. Павлова [44]) есть опроверженіе взглядовъ А. Суворова, высказанныхъ имъ въ изслѣдованіи: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права". Въ этомъ изслѣдованіи Суворовъ, какъ извѣстно, подмѣтивъ черты поразительнаго сходства между однимъ средневѣковымъ латинскимъ пенитенціаломъ и небольшимъ славянскимъ эпитимейникомъ, носящимъ въ рукописи глухое надписаніе: „Заповѣдь св. Отецъ", сталъ

[44]) Павловъ, А. Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права. Чт. въ Общ. Любит. Духовной Письменности. 1891 г., № 11/12, стр. 693—741.

Digitized by Google

искать слѣдовъ католическаго вліянія и нашелъ возможнымъ установить его 1) въ такъ-называемомъ „законѣ судномъ людямъ"; 2) въ разныхъ древне-славянскихъ и русскихъ эпитимейникахъ и 3) въ извѣстныхъ церковныхъ уставахъ, приписываемыхъ св. Владиміру и Ярославу. Въ первой главѣ своего изслѣдованія, напечатанной въ обозрѣваемомъ году, Павловъ прежде всего совершенно иначе объясняетъ сходство между латинскимъ пенитенціаломъ и славянскимъ эпитимейникомъ; а именно тѣмъ, что „оба эти разноязычные памятники произошли изъ одного общаго греческаго источника", каковую мысль онъ очень подробно доказываетъ. Авторы латинскихъ пенитенціаловъ, даже древнѣйшихъ, говоритъ онъ, пользовались уже готовыми греческими образцами.

Изергинъ [45]) нашелъ еще въ 1886 г. новый списокъ давно уже извѣстнаго Предсловія покаянію, о которомъ онъ и читалъ докладъ въ „Обществѣ Любителей Древней Письменности". Настоящая статья есть изслѣдованіе памятника; вновь найденный текстъ — болѣе краткій, болѣе близокъ, какъ доказываетъ авторъ къ древнему оригиналу; но и этотъ краткій переводъ есть уже извращеніе первоначальнаго; въ болѣе полномъ и исправленномъ видѣ онъ послужилъ для дальнѣйшихъ передѣлокъ. Тутъ же авторъ доказываетъ, что Срезневскій въ своихъ „Свѣдѣніяхъ" напечаталъ списокъ Предсловія съ другимъ окончаніемъ. Что касается времени памятника, то Софійскій списокъ его относится, какъ доказываетъ авторъ, по крайней мѣрѣ къ XII вѣку. Слѣдовательно, въ своемъ первоначальномъ видѣ, онъ долженъ быть отнесенъ къ самымъ первымъ временамъ нашей письменности. Изслѣдуя источники памятника, который составленъ былъ на основаніи номоканона Іоанна Постника, авторъ доказываетъ тѣмъ не менѣе чисто русское происхожденіе Предсловія, которое обнаруживаетъ тѣсную связь съ древне-русскою жизнью, имѣло очень важное значеніе и пользовалось въ древней Руси глубокимъ уваженіемъ; далѣе авторъ доказываетъ вліяніе Предсловія на разные другіе памятники. „Предсловіе, говоритъ онъ, есть первый самостоятельный опытъ опредѣленія тѣхъ особенныхъ мѣстныхъ условій, при которыхъ должно было слагаться новое христіанское общество. Здѣсь опредѣлены съ точностью главные общественные недостатки, которыми страдалъ новый народъ. Предсловіемъ открывается цѣлый рядъ церковныхъ поученій и частныхъ наставленій, съ которыми древне-русская церковь вышла на защиту слабыхъ, обиженныхъ и угнетенныхъ людей противъ сильныхъ и богатыхъ".

Поставивъ себѣ задачей изслѣдовать тѣ произведенія древне-

---

[45]) Изергинъ, Б. Предсловіе покаянію. Ж. М. Н. П. 1891 г. 1(143—184).

Digitized by Google

русской духовной литературы, которыя или прямо надписаны именемъ св. Константина или св. Кирилла, или же по тѣмъ или другимъ основаніямъ, обыкновенно усвоиваются кому-либо изъ святителей, носящихъ одно изъ этихъ именъ, Барацъ [46]) приходитъ къ смѣлому заключенію, что между этими произведеніями нѣкоторыя представляются цѣликомъ заимствованными изъ еврейской религіозной письменности и лишь мѣстами перелицованными, такъ сказать, въ духѣ христіанскаго ученія, другія же оказываются съ значительными вставками изъ той же письменности. Такъ прежде всего онъ доказываетъ, что пересказанное въ сборникахъ, приписываемыхъ св. Кириллу (или Кириллу Туровскому), „Слово душеполезно о хромцѣ и слѣпцѣ", составляющее только амплификацію извѣстной „Притчи о тѣлѣ человѣчествѣ и доуши", прототипомъ своимъ имѣетъ легенду, встрѣчаемую въ Талмудѣ. Изслѣдуя Солунскую легенду (слово Кирилла Словенца Солунскаго, философа Вулгарскаго), многія мѣста которой до сихъ поръ остаются непонятыми, Барацъ доказываетъ, что въ этихъ непонятныхъ мѣстахъ идетъ рѣчь, ни болѣе, ни менѣе, какъ о двухъ ритуальныхъ еврейскихъ обрядахъ; вся эта легенда возникла на почвѣ еврейской духовной письменности; масса непонятныхъ словъ объясняется помощью еврейскаго языка; во всей легендѣ, утверждаетъ авторъ, нѣтъ ни одного слова, которое не отражало-бы явственно слѣдовъ вліянія еврейской письменности. Изслѣдуя далѣе „судебникъ святаго правовѣрнаго Василія, самодержца царя Константина Греческаго" или „законъ судный людемъ", авторъ прежде всего утверждаетъ, что „законъ" написанъ Кирилломъ совмѣстно съ Меѳодіемъ. Не ограничиваясь, затѣмъ, указаніемъ на нахожденіе въ законѣ судномъ ряда статей буквально извлеченныхъ изъ Пятикнижія Моисеева, авторъ доказываетъ, что въ этомъ памятникѣ содержится немало и такихъ статей юридическаго характера, относительно коихъ изслѣдователи не сомнѣваются нисколько, что онѣ почерпнуты изъ византійскихъ сборниковъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ имѣютъ своимъ источникомъ опять-таки Ветхій Завѣтъ, отчасти-же Талмудъ и вообще еврейскую духовную письменность. Изслѣдуя подробно этотъ памятникъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что родиной его была по всей вѣроятности, Хазарія. Здѣсь, въ Хозаріи, дѣйствовали право Евангельское, христіанско-церковное и еврейское. Эти юридическія нормы, которыя задолго до всенароднаго крещенія Руссовъ и Болгаръ проникнуты были и въ области свѣтскаго законодательства высшими

---

[46]) Барацъ, Г. Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1891 г., 6, 8. (Продолженіе замѣтокъ по поводу соч. П. И. Малышевскаго „Св. Кириллъ и Меѳодій)".

Digitized by Google

принципами Вожьей правды, и далеко не совпадали въ этой области ни съ нормами византійскаго права, пропитаннаго началами „варварскихъ законовъ", ни съ этими самыми законами, и послужили, доказываетъ авторъ, главнымъ источникомъ нашего „закона судныхъ людемъ". Этотъ законъ въ первоначальномъ своемъ видѣ представлялъ изъ себя полный сводъ дѣйствовавшихъ въ Хазаріи церковно-гражданскихъ узаконеній, составленный для простаго народа.

Трудъ Вс. Миллера [47]) является первымъ опытомъ обобщенія всего извѣстнаго относительно восточныхъ элементовъ состава былинъ, причемъ авторъ попытался выяснить пути проникновенія этихъ элементовъ. Въ то время какъ по теоріи В. Стасова было совершенно непонятно, какъ эти азіатскія сказанія могли ни съ того ни съ сего перескочить на русскую почву, Миллеръ старается найти реальное основаніе для каждой своей параллели. Богатырь былины, по гипотезѣ Миллера, не былъ чисто литературно и отвлеченно скопированъ съ азіатскаго наѣздника богатыря; это былъ живой типъ чистой русской жизни, но на эту бытовую основу налегли дѣйствительные отголоски восточныхъ сказаній. Естественнымъ проводникомъ этихъ восточныхъ мотивовъ были раннія отношенія русскихъ съ сѣверно-кавказскими народностями и особенно тюркскими кочевниками. Само сходство съ азіатскими типами и сказаніями заключалось въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ томъ, что вслѣдствіе вѣковой борьбы южной Руси съ кочевыми тюркскими ордами въ ней самой развилось богатырство— позднѣйшее казачество, съ чертами, представляющими тѣснѣйшую аналогію съ самимъ восточнымъ богатырствомъ. Такимъ образомъ изображеніе богатыря въ древне-русской былинѣ было вовсе не рабской копіей съ восточныхъ оригиналовъ, какъ это казалось В. Стасову, а напротивъ, реальнымъ изображеніемъ дѣйствительныхъ русскихъ типовъ и отношеній. Во-вторыхъ, сходство получилось отъ того, что на эту бытовую основу налегли дѣйствительно отголоски восточныхъ сказаній: это были именно сказанія Иранскія, прошедшія черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ они достигли русской почвы.

Сюда же относится и другой трудъ того же ученаго [48]), въ которомъ онъ старается установить, въ какихъ спеціальныхъ мотивахъ сѣверно-кавказскія (партскія) эпическія сказанія роднятся съ нашимъ эпосомъ. Параллели съ кавказскимъ эпосомъ онъ находитъ въ нашихъ сказаніяхъ о Святогорѣ, объ Ильѣ и о Добрынѣ. Въ заключеніе авторъ

---

[47]) Миллеръ, В. Экскурсы въ область русскаго эпоса. Р. М. 1891, 1, 3—4, 6, 8, 10—12.

[48]) Миллеръ, В. Кавказско-русскія параллели. Этнографическое обозрѣніе. 1891, 3, 4.

Digitized by Google

ставитъ слѣдующій вопросъ: находя одни и тѣ же сюжеты на Кавказѣ и на Руси должны ли мы считать Кавказъ ихъ родиной, откуда они проникли на сѣверъ и на западъ, или-же болѣе вѣроятно, что одни и тѣ-же сюжеты могли быть въ извѣстный періодъ заносимы и въ Кавказскія горы и въ южно русскія степи. Послѣднее, по мнѣнію автора, вѣроятнѣе. Съ юга могли приходить сюда сюжеты изъ Иранскаго эпоса и переходить по ту сторону хребта на сѣверную плоскость; съ сѣвера заходили сюда въ горы сказанія степныхъ кочевниковъ тюрковъ (болгаръ, хозаръ, китаковъ, половцевъ, ногайцевъ и т. п.), занимавшихъ сѣверо-кавказскія равнины въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Именно степныя кочевыя тюркскія народности играли значительную роль при распространеніи однихъ и тѣхъ же сказочныхъ сюжетовъ на Кавказѣ и въ юго-восточной Руси, были посредниками между русскими славянами и сѣверно-кавказскими народностями. Какъ на этой равнинѣ (въ степяхъ), постоянной сценѣ борьбы азіатскихъ насельниковъ, все вновь прибывавшихъ съ востока, съ ранѣе осѣвшими здѣсь кавказскими и другими народностями, должны были выработаться типы богатырей и сказанія о нихъ получать обильную пищу, такъ при подобныхъ же условіяхъ являлись богатырскіе типы и складывались сказанія далѣе на сѣверо-западѣ, въ тѣхъ окраинныхъ русскихъ областяхъ (Кіевской, Черниговской, Переяславско-Сѣверской), которыя представляли форпосты въ упорной борьбѣ осѣдлой Руси съ азіатскими кочевниками. И эти кочевники, заключаетъ авторъ, приносившіе восточные сказочные мотивы изъ Азіи, гдѣ нѣкоторые изъ тюркскихъ племенъ могли усвоить себѣ и мотивы богатаго иранскаго эпоса, представляются намъ естественнымъ звеномъ, связывающимъ оба богатырскіе эпоса, южный— кавказскій и сѣверный—русскій.

Цѣлымъ рядомъ этюдовъ на эту же тему мы обязаны Потанину[49-52]). Въ одномъ этюдѣ онъ доказываетъ аналогичность восточныхъ сказаній о змѣѣ-мачехѣ, о женщинѣ, обращенной въ рысь или птицу, и о матери, брошенной вмѣстѣ съ сыномъ въ море, съ нѣкоторыми русскими сказаніями; въ другомъ этюдѣ объ имени Пилигримъ и его версіяхъ, который, собственно говоря, есть продолженіе перваго, авторъ, по его собственнымъ словамъ, желалъ набросать легкій очеркъ усмотрѣнныхъ

[49]) Потанинъ, Г. Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ. Этнографическое Обозрѣніе. 1891,1 (137—167).

[50]) Потанинъ, Г. Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ. Этнографическое Обозрѣніе. 1891,2 (74—109).

[51]) Потанинъ, Г. Богдо-Гэсэръ и Славянская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ. Этнографическоо Обозрѣніе. 1891.4 (44—106).

[52]) Потанинъ, Г. Ставръ Годиновичъ и Гэсэръ. Этнографическое Обозрѣніе 1891,3 (40—50).

Digitized by Google

отношеній между русскимъ и степнымъ (ордынскимъ) эпосами. Далѣе, сообщая восточные и западные варіанты легенды о Ставрѣ Годиновичѣ и Гэсэрѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что по числу параллелей русская былина ближе всего къ тюрко-бурятской сказкѣ. Тутъ же укажемъ на работы Тихонравова и Майкова, сообщающихъ нѣкоторые новые варіанты былинъ по рукописямъ XVIII вѣка. Тихонравовъ [53]) описываетъ принадлежащій Буслаеву сборникъ, изъ котораго извлечены имъ и изданы варіанты трехъ былинъ: о Ставрѣ Годиновичѣ, Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. Попутно авторъ перечисляетъ различные сборники народныхъ пѣсенъ, былинъ и историческихъ пѣсенъ, которыя встрѣчаются въ въ различныхъ сборникахъ и указываетъ на научную важность рукописей XVIII вѣка, которыя своимъ составомъ характеризуютъ литературные вкусы грамотныхъ людей средняго и высшаго класса общества и нерѣдко хранятъ въ себѣ версіи народныхъ былинъ, которыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ. Кромѣ упомянутыхъ, авторъ издалъ 3 былины изъ собственнаго сборника. Майковъ [54—55]) сообщилъ новый текстъ повѣсти о Михаилѣ Потокѣ изъ рукописи XVII вѣка, изъ сборника, переданнаго Ѳ. Истоминымъ въ Библіотеку Географическаго Общества; рукопись эта замѣчательна, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ нашего былеваго творчества. Далѣе повѣсть интересна тѣмъ, что, какъ кажется, она не скопирована, а записана либо по памяти, либо съ „пословесной передачи былины". Писецъ, судя по говору, былъ родомъ москвичъ или рязанецъ, а такъ какъ болѣе вѣроятно, что онъ писалъ не съ чужой передачи, а по своей памяти, т.-е. самъ умѣя сказывать былину, то слѣдуетъ допустить, что въ концѣ 17-го вѣка былина о Михаилѣ Потокѣ еще была извѣстна въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ. Въ тѣхъ-же „Матеріалахъ" Л. Майковъ на основаніи разныхъ списковъ (XVIII вѣка) „Повѣсти о Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ" старается по возможности возстановить эту повѣсть въ томъ видѣ, въ какомъ она впервые положена на бумагу въ XVII вѣкѣ. Въ приложеніи авторъ сообщилъ текстъ повѣсти по рукописямъ Забѣлина и Публичной Библіотеки [56—57]).

---

[53]) Тихонравовъ, Н. 5 былинъ по рукописямъ XVIII вѣка. Этнографическое Обозрѣніе. 1891, 1 (1—49).

[54]) Майковъ, Л. Отрывокъ былины въ Сибирской лѣтописи. Живая Старина. 1891, 3 (129—132).

[55]) Майковъ, Л. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ II и III. Спб. 1891. 1—57 стр.

[56]) Соболевскій, А. О собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ Живая Старина, № 2.

[57]) Халанскій. Къ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ. Русск. Филолог. Вѣстн. 1891, 4 (стр. 165—173).

Digitized by Google

Красносельцевъ, Н. [57a]), на основаніи двухъ найденныхъ имъ въ Аѳинскихъ библіотекахъ греческихъ статей, доказываетъ, что извѣстная „Бесѣда Трехъ Святителей" въ формѣ краткихъ Вопросо-Отвѣтовъ явилась сначала въ Византіи, а затѣмъ уже была переведена на славянскій, причемъ сдѣлалась достояніемъ сначала югославянской литературы, не позже конца XIII вѣка, а потомъ и древнерусской, не позднѣе начала XV вѣка.

Изъ болѣе мелкихъ работъ отмѣтимъ слѣдующія: Л. Майковъ [58]) далъ группировку сообщеній, поступившихъ на IV археолог. съѣздъ въ отвѣтъ на вопросъ „Какія могутъ быть сдѣланы указанія о рукописяхъ, писанныхъ не позже XVIII вѣка и содержащихъ въ себѣ народныя былины, пѣсни и собранія народныхъ пословицъ". А. Бычковъ [59]) сообщилъ описаніе четырехъ сборниковъ (три сборника Соболевскаго и одинъ гр. Ѳ. А. Толстого) народныхъ пѣсенъ— историческихъ, солдатскихъ, эротическихъ, причемъ изъ каждаго списка приведены двѣ начальныя строфы, для возможности сравненія съ другими сборниками. Рузскому [60]) мы обязаны подробнѣйшимъ описаніемъ рукописей хожденія Даніила, какъ напечатанныхъ, такъ и вновь открытыхъ авторомъ—изъ послѣднихъ одна принадлежитъ концу XV вѣка. Ланской [61]) доказываетъ, что Остромирово Евангеліе было выписано въ Петербургъ изъ Воскресенской дворцовой церкви „для составленія исторіи". Оно было затѣмъ, по всей вѣроятности, разыскано въ Сенатѣ или въ бумагахъ кабинета Петра Великаго, графомъ А. П. Мусинымъ-Пушкинымъ, и могло быть затѣмъ доставлено Екатеринѣ II, какъ матеріалъ для Русской Исторіи.

III) XVI и XVII вв.

Переходя къ XVI вѣку мы можемъ начать обзоръ съ весьма цѣнной, но трудно поддающейся пересказу работы Жданова [62]).

[57a]) Красносельцевъ, Н. Къ вопросу о греческихъ источникахъ „Бесѣды Трехъ Святителей". Зап. Новорос. Унив. Одесса 1891 г., т. 55, стр. 421—463.

[58]) Майковъ, Л. О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и „пѣсенъ". Труды IV Археолог. Съѣзда т. 2. (159—163).

[59]) Бычковъ. А. Ѳ. Свѣдѣнія о рукописяхъ Имп. Публ. Библіотеки, содержащихъ въ себѣ между прочимъ народныя пѣсни. Труды IV Археолог. Съѣзда, т. 2. (164—192).

[60]) Рузскій, Н. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ Святую землю Русскаго игумена Даніила въ началѣ XII вѣка. Ч. М. О. И. Д. 1891, 3(1—169)

[61]) Ланской, Н. С., графъ. Къ исторіи Остромирова Евангелія. Р. С. 1891,1. (209—213). Тутъ-же укажемъ на „Отчетъ Имп. Публичн. Библ. за 1888 г., въ которомъ описано очень много рукописей.

[62]) Ждановъ, И., Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князѣхъ Владимірскихъ". Ж. М. Н. Пр. 1891, 8, 9, 10.

Digitized by Google

Въ первой части авторъ анализируетъ сказанія о добываніи царскаго вѣнца изъ Вавилона царемъ Иваномъ Васильевичимъ (сказка о Борисѣ Ярыжкѣ) и, касаясь вопроса о такъ называемыхъ мономаховыхъ регаліяхъ, указываетъ на анахронизмъ въ сопоставленіи именъ Константина и Владиміра Мономаха, ибо первый умеръ, когда Владиміру было всего два года. Изслѣдуя далѣе „Сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ", авторъ старается выяснить значеніе этихъ памятниковъ старо-московской публицистики, въ которыхъ на разные лады повторялось, что Москва—третій Римъ, что Московскій князь—наслѣдникъ власти Римскихъ императоровъ (сказаніе объ Августѣ и Прусѣ, о Византійскомъ вѣнцѣ и т. п.); значеніе это, говоритъ авторъ, становится совершенно яснымъ, если мы припомнимъ то значеніе, которое получаетъ Московскій князь при Иванѣ III и Васильѣ Ивановичѣ.— Московскій князь поднимался на какую то невѣдомую высоту, нарождалось въ Москвѣ что то небывалое:—книжные люди позаботились дать этому новому и небывалому опредѣленную форму, стиль которой отвѣчалъ историческому кругозору и литературному вкусу ихъ времени; но придавать этой формѣ самостоятельное значеніе, видѣть въ этихъ сказаніяхъ о Прусѣ и о третьемъ Римѣ указаніе на византійское начало, вносившееся въ русскую государственную жизнь, утверждать, что Московскій князь дѣйствительно преобразовывался въ „католическаго царя", значило бы придавать слишкомъ мало цѣны русскимъ историческимъ преданіямъ, государственнымъ и церковнымъ. Наблюденіе надъ умираніемъ Византіи не могло вызвать увлеченія византійскими идеалами и мы дѣйствительно видимъ, что именно въ это время наша государственная и общественная жизнь медленно, но безповоротно вступаетъ на тотъ новый путь, который привелъ къ реформѣ Петра. Иванъ IV изъ всей повѣсти придавалъ значеніе одной только подробности происхожденія Рюрика отъ Пруса, въ смыслѣ указанія на древнѣйшія связи Руси съ западомъ.

Вопросъ о мономаховыхъ регаліяхъ разсматривается также и Регелемъ [63]), переиздавшимъ изданную еще въ 1850 г. кн. Оболенскимъ грамоту константинопольскаго патріархата отъ 1561 г., утверждающую за Ив. Грознымъ царскій титулъ. Регель доказываетъ, что всѣ подписи ея, кромѣ патріарха Іоасафа и митрополита Эврипскаго Іоасафа, подложны и что грамота составлена отъ имени собора греческаго духовенства патріархомъ Іоасафомъ, благодаря вліянію Московскаго золота. Далѣе Регель, какъ и всѣ почти ученые, отвергаетъ разсказъ грамоты о присылкѣ великому князю Владиміру Мономаху Императоромъ Константиномъ IX Мономахомъ золотого вѣнца и

[63]) Regel, Analecta.

Digitized by Google

баринъ, но дѣлаетъ попытку связать этотъ разсказъ съ именемъ Владиміра Святого.—Возстановляя выскобленныя строки грамоты, въ которыхъ говорится о братѣ царевны Анны, имп. Василіи и о Константинѣ Мономахѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что первоначально вмѣсто Константина IX Мономаха упоминалось о Константинѣ VIII, братѣ Василія II и царевны Анны. Опираясь на это новое чтеніе, авторъ признаетъ историческимъ фактомъ полученіе вѣнца и другихъ царскихъ инсигній вел. княземъ Владиміромъ Святымъ отъ императоровъ Василія и Константина послѣ крещенія его и брака съ ихъ сестрой Анной. Эта гипотеза о коронованіи Владиміра царемъ встрѣтила, между прочимъ, возраженія въ замѣткѣ С. Р—ского [64]), который возвращается къ догадкѣ Прозоровскаго, подтвержденной въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи Жданова, а именно, что въ преданіи брачное вѣнчаніе Владиміра съ греческой царевной, во время котораго онъ могъ явиться въ византійскомъ нарядѣ, было замѣнено вѣнчаніемъ царскимъ.

Корженевскій издалъ найденный имъ въ Ватиканскомъ архивѣ разсказъ извѣстнаго польскаго историка Ваповскаго о войнѣ Сигизмунда I съ Москвой (1508 г.).

Бѣловъ [65]), послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній о несправедливомъ отношеніи нашей исторической литературы къ Грозному, приступаетъ къ изслѣдованію сказаній Курбскаго и Кирилловскихъ синодиковъ, причемъ первое изслѣдованіе онъ ведетъ, опровергая выводы, къ которымъ пришелъ въ своей послѣдней работѣ Ясинскій. Курбскій, доказываетъ авторъ, явился къ польскому королю не какъ бѣглецъ, преслѣдуемый страхомъ наказанія за проигранное сраженіе; напротивъ, онъ весьма обдуманно велъ переговоры и лишь тогда рѣшилъ измѣнить царю, когда плату за измѣну нашелъ выгодной. Разбирая подробно 2-ую главу сочиненія Курбскаго, Бѣловъ видитъ въ ней лишь одну цѣль, одно желаніе — умалить личную заслугу Ивана IV въ дѣлѣ взятія Казани и защитить бояръ; онъ доказываетъ чрезмѣрное самовосхваленіе Курбскаго по поводу борьбы съ крымскимъ ханомъ подъ Тулой и неосновательность обвиненія царя въ трусости. Сочиненіе Курбскаго имѣетъ, по мнѣнію Бѣлова, значеніе лишь какъ памятникъ страстнаго протеста боярской партіи. „Весь интересъ Курбскаго сосредоточенъ на княжескихъ „остаточныхъ отечествахъ“ т.-е. ихъ вотчинахъ, которыя были у нихъ взяты Іоанномъ III и его сыномъ и которыя они самовольно присвоили себѣ въ малолѣтствѣ Ивана Грознаго; вопросы государственные, касающіеся народа, его

---

[65]) Бѣловъ, Е. Предварительныя замѣчанія къ исторіи царя Іоанна Васильевича Грознаго. Ж. М. Н. Пр. 1891,2 (343—378).

Digitized by Google

нисколько не интересуютъ". Что касается второго источника — Кирилловскихъ синодиковъ, то Вѣловъ доказываетъ ихъ подложность, исходя главнымъ, образомъ, изъ того соображенія, что непонятно, зачѣмъ царь посылалъ свои вклады и поминанія въ завѣдомо враждебный ему монастырь. Общій взглядъ В. сводится къ слѣдующему: не отрицая ужасовъ Іоаннова царствованія, онъ требуетъ, какъ говоритъ, лишь правдиваго ихъ объясненія; въ борьбѣ Грознаго съ боярами В. видитъ борьбу дома Калиты съ прочими отраслями дома св. Владиміра: послѣднюю усобицу въ потомствѣ просвѣтителя русской земли;— самую личность Іоанна В. ставитъ при этомъ очень высоко. Требованія со стороны царя отъ монаховъ энергичной дѣятельности на пользу просвѣщенія, на пользу народа, и отвѣтъ его кичившемуся родословіемъ Курбскому въ томъ смыслѣ, что важны не родословныя, а дѣла, показываютъ, какъ рѣзко отличались взгляды Іоанна отъ взглядовъ двухъ могущественныхъ тогда сословій — монашества и боярства [66]).

Весьма многихъ вопросовъ русской исторіи XVII вѣка касается изслѣдованіе Середонина [67]), о Флетчерѣ, такъ какъ авторъ провѣряетъ сообщенія англійскаго путешественника, подраздѣливъ ихъ на 1) историческія и географическія, 2) извѣстія о населеніи, о соціальномъ и экономическомъ бытѣ, 3) о власти, государѣ, думѣ 4) объ управленіи. Такого рода планъ соч. вызвалъ нареканія, такъ какъ благодаря ему, автору приходится повторяться, и кромѣ того онъ ни одного изъ отдѣльныхъ своихъ изысканій не могъ довести до конца; было указываемо и на „невполнѣ устойчивое и нерѣдко несправедливо строгое" отношеніе автора къ Флетчеру и на стремленіе его возвысить русское общество того времени, опровергая всячески способами сообщенія Флетчера о дурныхъ сторонахъ этого общества, о боязни знакомиться съ европейцами, о самомнѣніи, невѣжествѣ и т. п. Шмурло [68]) издалъ переводъ описанія путешествія Д. Тедальди, итальянскаго купца, который за время съ 1551 и 1565 г. много разъ посѣтилъ Московію и съ которымъ, между прочимъ, Антоній Поссевинъ въ 1581 г., пріѣхавъ къ Стефану Баторію, имѣлъ разговоры о Московіи. Шмурло снабдилъ сообщеніе Тедальди, которое было записано Поссевиномъ и напечатано въ его трудѣ „Une nonce du pape en Moscovie", предисловіемъ и объяснительными примѣчаніями. Не

---

[66]) Seraphim, Ernst. Ivan der Schreckliche. Balt. Monatsschrift. Bd. 38 1891 (710—737). Рецензія соч. Schieman'a „Russland, Polen und Livland.

[67]) Середонинъ, С. Сочиненія Д. Флетчера „of the Russe common wealth" какъ историческій источникъ. Записки Историко-Филолог. Факультета Спб. Университ. т. 27. 1891. 399 стр. Вышло и отдѣльно.

[68]) Шмурло, Е; Извѣстія Джіованни Тедальди о Россіи времени Іоанна Грознаго. Ж. М. Н. Пр. 1891,5 (121—146).

Digitized by Google

представляя чего-либо выдающагося, разсказъ Тедальди сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній, благопріятныхъ для личности Ивана IV. Изслѣдованіе Чумикова [69]) относится къ исторіи Ливонской политики Ивана; авторъ характеризуетъ политику герцога Магнуса въ Ливоніи, описываетъ сближеніе его съ царемъ, дѣятельность извѣстныхъ авантюристовъ Таубе и Крузе, и излагаетъ исторію первой осады Ревеля и дальнѣйшую судьбу Магнуса. Авторъ воспользовался документами Ревельскаго городскаго архива и напечаталъ въ приложеніи нѣсколько грамотъ Магнуса Ревельскому магистрату съ убѣжденіемъ сдаться. Ганзенъ [70]) въ небольшой замѣткѣ, составленной на основаніи актовъ того же архива, разсказываетъ любопытныя приключенія нѣкоего Rosenеck'a, одного изъ иностранцевъ, которые были приглашены извѣстнымъ Шлитте на службу къ Ивану IV. Отправившись въ 1548 г. черезъ Лифляндію въ Россію, Rosenеck былъ задержанъ въ Гольдингенѣ и, несмотря на всѣ ходатайства со стороны имперскаго правительства, просидѣлъ въ заключеніи здѣсь, а затѣмъ на островѣ Эзелѣ, болѣе 4 лѣтъ; такъ велика представлялась даже для нѣмцевъ Прибалтійскаго края опасность пріобщенія Московскаго государства къ европейской культурѣ. Замѣтка Маркевича [71]), часть которой вошла уже въ его соч. „Русская исторіографія въ отношеніи къ мѣстничеству", посвящена спеціальному вопросу о случаяхъ мѣстничества въ походахъ подъ Казань съ 1506 по 1552 г.

Изданный Лашковымъ [72]) статейный списокъ Суханова, который въ 1587—1588 г. былъ отправленъ въ Крымъ для заключенія мирнаго договора и возбужденія Крыма противъ Польши, содержитъ много интересныхъ свѣдѣній для характеристики сношеній Крыма съ Москвой, отношеній его къ Польшѣ, а также для внѣшней и внутренней исторіи ханства, исторіи междоусобій среди членовъ Гирейской фамиліи. Во второй главѣ (стр. 77—177) своего большаго труда о пермякахъ, Смирновъ [73]) излагаетъ исторію Пермскаго края, причемъ отождествляетъ Пермь и Чудь и опровергаетъ мнѣніе о высокой куль-

---

[69]) Чумиковъ, А., Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ, королемъ Ливонскимъ. Ч. М. О. И. Д. 1891, 2 (1—59).

[70]) Hanssen, G. v. Des pfälzischen Kanzlers L. von Rosenеck Gefangenschaft in Livland. Balt. Monatsschrift. Bd. 38. 1891 (760—769).

[71]) Маркевичъ, А. И. Къ исторіи войнъ Московскаго государства съ Казанью. Труды IV Археолог. Съѣзда т. 2. (43—55).

[72]) Лашковъ, Ѳ. Статейный списокъ Московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—88. Изв. Таврич. Арх. Комм. № 14 (43—80).

[73]) Смирновъ, И. Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ. Изв. Каз. Общ. Арх. и Ист. т. IX, вып. 2. 1891 г., стр. 289, цѣна 1 р. 75 к. Трудъ посвященъ М. Веске. Въ остальныхъ главахъ авторъ разсматриваетъ внѣшній бытъ, семейныя и общественныя отношенія, духовное творчество.

Digitized by Google

турѣ древняго Пермскаго края, изслѣдуетъ процессъ ассимиляціи края съ Россіей, колонизацію его и закрѣпощеніе русскими помѣщиками (Строгоновы).

Садковскій [74]) составилъ біографическій очеркъ Артемія, одного изъ представителей духовенства въ XVI стол., который въ 1551 былъ игуменомъ Троицкаго монастыря. Вопросъ о личности Артемія до сихъ поръ вопросъ спорный: одни считаютъ его еретикомъ, другіе ревнителемъ православія и полагаютъ, что онъ на соборѣ былъ осужденъ безвинно. Это послѣднее мнѣніе о строгомъ православіи Артемія, по мнѣнію Садковскаго, слишкомъ поспѣшно. Прежде же всего авторъ даетъ краткій очеркъ религіознаго состоянія русскаго народа въ XV и XVI вв. и останавливается особенно на ересяхъ жидовствующихъ, Матвѣя Башкина и Ѳеодосія Косаго. Характеризуя сущность ереси жидовствующихъ, какъ постепеннаго развитія іудаизма въ связи съ рускимъ вольномысліемъ, имѣвшимъ мѣсто особенно въ Новгородскомъ краѣ передъ прибытіемъ въ него жидовъ, авторъ указываетъ на то, что послѣ собора 1504 г.. когда ересь перестала существовать открыто, она стала вольнодумствомъ, которое распространилось преимущественно среди иноковъ заволжскихъ монастырей; изъ этого вольнодумства выродилась въ серединѣ XVI вѣка новая ересь М. Башкина и Ѳеодосія Косаго. Авторъ возстаетъ противъ мнѣнія, что всѣ эти ереси должны быть объяснены иноземными вліяніями, въ дѣйствительности всѣ онѣ выросли на русской почвѣ. Далѣе авторъ подробнѣе говоритъ о положеніи монашества: о партіи Іосифлянъ и о партіи Нила Сорскаго, т.-е. партіи Заволжскихъ старцевъ, которая была противъ монастырскихъ вотчинъ и противъ строгаго отношенія къ еретикамъ. Эти заволжскіе старцы стали въ оппозицію къ Іосифлянамъ и вошли въ довольно близкое соприкосновеніе съ тѣми вольнодумцами, которые появились у насъ послѣ ереси жидовствующихъ. Собирая затѣмъ біографическія данныя объ Артеміи, авторъ, на основаніи тѣхъ его посланій, которыя писаны въ Москвѣ, доказываетъ, что Артемій былъ сторонникомъ заволжскихъ старцевъ, по всѣмъ своимъ истинно христіанскимъ убѣжденіямъ. Излагая и анализируя подробно исторію соборнаго суда 1554 г. надъ Артеміемъ, который былъ привлеченъ къ дѣлу Башкина, и содержаніе соборной грамоты, авторъ доказываетъ, что осужденіе Артемія не можетъ считаться, какъ это многіе полагаютъ, несправедливымъ, т.-е., что онъ дѣйствительно могъ быть обвиненъ въ неправославіи. Его никакъ нельзя считать представителемъ строгаго православія и объяснять его осужденіе исключительно враждой Іосифлянъ. Во второй части

[74]) Садковскій. С. Артемій, игуменъ Троицкій. Ч. М. О. И. Д. 1891, 4 (стр. 1—144).

Digitized by Google

своего изслѣдованія Садковскій описываетъ жизнь и дѣятельность Артемія,—послѣ бѣгства его изъ Соловецкаго монастыря, куда онъ былъ сосланъ,—на Литвѣ, давъ предварительно очеркъ религіознаго состоянія русско-литовскаго общества за это время. Доказывая, что здѣсь Артемій является строго православнымъ человѣкомъ, обличителемъ еретиковъ и протестантовъ и защитникомъ отъ ихъ нападокъ ученія и постановленій православной церкви, авторъ старается выяснить причины такой перемѣны образа мыслей: Артемій нашелъ, говоритъ онъ, что ученіе заволжскихъ старцевъ, будучи правильнымъ само по себѣ, сказалось бы здѣсь, при большемъ наплывѣ сюда разнаго рода неправославныхъ ученій, однимъ изъ самыхъ лучшихъ проводниковъ этихъ ученій въ среду православныхъ.

Здѣсь же укажемъ на очеркъ Германа [75—76]) по исторіи медицины въ Россіи. Авторъ дѣлитъ исторію предмета на три періода: до 1480 г., когда всѣ наши медицинскія познанія заносятся главнымъ образомъ духовенствомъ изъ Византіи и когда врачебное дѣло находится исключительно въ его рукахъ, до 1620 (учрежденіе аптекарскаго приказа), когда въ Московскую Русь начинаютъ проникать западно-европейскіе врачи, которые, однако, суть только предметъ роскоши царскаго двора, и до Петра В., когда врачебное дѣло обособляется совершенно и переходитъ въ вѣдѣніе особаго административнаго учрежденія.—1-й выпускъ доведенъ до времени Бориса Годунова. Относительно до-христіанскаго періода авторъ указываетъ на то, что медицина была дѣломъ старшихъ въ родѣ; такъ какъ въ нашемъ язычествѣ не было жрецовъ, и не образовалось, такимъ образомъ, касты, то въ тайны леченія были посвящены всѣ и этимъ будто бы объясняется то, что нашъ народъ такъ долго держался и держится многихъ лечебныхъ средствъ старины. Далѣе авторъ считаетъ доказаннымъ, что многое было заимствовано народомъ отъ Финновъ, многое кабалистическое занесено изъ Византіи при первыхъ еще нашихъ сношеніяхъ съ царьградомъ. По введеніи христіанства, изъ Византіи же были занесены первыя сѣмена медицинскихъ познаній. Эти культурныя сѣмена были заглушены татарскимъ игомъ, и медицинскія познанія остаются только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Далѣе авторъ собираетъ изъ лѣтописей и другихъ источниковъ извѣстія о болѣзняхъ и случаяхъ леченія съ того времени, какъ началось приглашеніе иностранныхъ врачей.

---

[75]) Германъ, Ф., Врачебный бытъ до Петровской Руси. (Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи). Вып. I. Харьковъ, 1891 годъ стран. 119. В. Е. 1891, 10.

[76]) Загоскинъ, Н. Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Казань, 1891 годъ, стр. 72, цѣна 50 к. Публичныя лекціи въ пользу, общ. взаимн. вспомощ. учителямъ и учительницамъ Каз. губ.

Digitized by Google

Въ весьма интересномъ изслѣдованіи В. Ключевскаго [77]), авторъ продолжаетъ изученіе нашего соборнаго представительства въ связи его съ устройствомъ общественныхъ классовъ. Въ то время какъ соборъ 1566 г. былъ ничѣмъ инымъ, какъ совѣщаніемъ правительства съ его собственными агентами, на соборѣ 1598, которому посвящено настоящее изслѣдованіе, мы видимъ въ составѣ представителей присутствіе новаго элемента—выборныхъ представителей городского дворянства. Что же касается торгово-промышленнаго класса, то теперь еще съ большей рѣзкостью обнаружился основной принципъ представительства по должностному правительственному положенію. На соборѣ 1598 г., помимо всѣхъ московскихъ гостей, присутствовали лишь старосты гостинной и суконной сотенъ, да сотскіе черныхъ сотенъ и ихъ подраздѣленій. Составъ представительства на соборѣ 1598 г. сталъ сложнѣе, дробнѣе сравнительно съ соборомъ 1566. Эта сложность стояла въ зависимости отъ тѣхъ перемѣнъ, какія произошли къ концу XVI вѣка въ организаціи общественныхъ классовъ.

В. Сторожевъ [78]), въ небольшой замѣткѣ по поводу статьи Ключевскаго, не считаетъ безусловно доказанной мысль о полномъ отсутствіи выборныхъ представителей отъ мѣстныхъ дворянскихъ корпорацій на соборѣ 1566 г. и сомнѣвается въ возможности отрицать совершенно вліяніе, которое цѣль созванія собора оказывало на его составъ.

Цѣлый рядъ статей посвященъ извѣстному уже намъ вопросу о значеніи десятни.

Оглоблинъ [79]), въ замѣткѣ, носящей отчасти полемическій характеръ, разбираетъ извѣстное уже намъ опредѣленіе Сторожева и замѣняетъ его слѣдующимъ: „десятни суть списки уѣздныхъ служилыхъ людей, составлявшіеся въ военно-финансовыхъ интересахъ государства при разборѣ, верстаніи и раздачѣ денежнаго жалованья. Десятня это есть непонятное заглавіе совершенно простого документа и поэтому надъ нимъ нечего особенно мудрить". Далѣе Оглоблинъ указываетъ еще разъ на отношеніе десятни къ другимъ документамъ разряднаго приказа, какъ-то: книгамъ разборнымъ, раздаточнымъ, верстальнымъ, которыя почти ничѣмъ не отличаются отъ десятенъ. Это все названія документовъ одного типа, и архивистъ, выдѣлившій почему-то десятни въ одну группу, ввелъ изслѣдователя въ заблужденіе. Вопросъ о десятняхъ вызвалъ полемику между Зерцаловымъ и

---

[77]) Ключевскій, В. Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси. Р. М. 1891, 1 (134—147).

[78]) Сторожевъ, В. Н, Ю. В. 1891, 4/6.

[79]) Оглоблинъ, Н., Что такое „десятни"? Ж. М. Н. Пр. 1891,11 (40—64).

Digitized by Google

Сторожевымъ. Зерцаловъ [80]) указываетъ на то, что отъ Сторожева ускользнули извѣстныя уже въ печати данныя, доказывающія, что часто побудительной причиной, по которой правительство брало на себя трудъ составленія десятенъ, были челобитныя, подававшіяся выборными дворянами и дѣтьми боярскими — на земскихъ соборахъ о разборѣ ихъ. Затѣмъ авторъ даетъ въ дополненіе къ описи Сторожева списокъ десятенъ, найденныхъ имъ въ архивѣ Министерства Юстиціи, и указываетъ на то, что десятни существовали еще въ началѣ 18 вѣка и что значеніе этого вида документовъ продолжало сказываться и позже, когда они были замѣнены другими. Сторожевъ [81]), въ отвѣтъ на эту замѣтку, доказываетъ, что говорить о челобитныхъ можно только, какъ о ближайшемъ поводѣ составленія одной какой-нибудь десятни, а отнюдь не какъ о факторѣ, создавшемъ документъ. Далѣе Зерцаловъ, повидимому, совершенно не понялъ, что между разборными десятнями 20-хъ годовъ и обычными десятнями денежной раздачи—громадная разница, что ближайшія причины составленія тѣхъ и другихъ совершенно различны. Челобитныя въ томъ случаѣ, о которомъ говоритъ Зерцаловъ, были простымъ движеніемъ на встрѣчу мѣропріятіямъ Московскаго правительства, диктовавшаго выборнымъ свои желанія. Тотъ же авторъ [82]) издалъ 10 десятенъ XVI вѣка, съ примѣчаніями. Помимо текста десятенъ, въ поясненіе къ одной изъ нихъ; напечатанъ алфавитъ къ такъ называемой „Тысячной книгѣ", въ поясненіе къ Коломенской десятнѣ сдѣланы нынѣ сопоставленія ея съ Коломенской писцовой книгой: это первый шагъ къ изученію исторіи помѣстно — служилаго класса совмѣстно по десятнямъ и писцовымъ, какъ документамъ, рисующимъ полно и отчетливо органическую связь между военной системой и поземельнымъ владѣніемъ въ Московскомъ Государствѣ. Тутъ же даны и таблицы сборныхъ пунктовъ XVII в. для разбора и раздачи денежнаго жалованья. Сторожеву же [83—84]), наконецъ, принадлежитъ изданіе и обработка десятенъ, характеризующихъ составъ Зубковскаго и Ржевскаго дворянства XVII вѣка. Разборная десятня 1622 г. въ особенности хорошо знакомитъ насъ съ

---

[80]) Зерцаловъ, А., Къ вопросу о десятняхъ. Ч. М. О. И. Д. 1891, 1, (13—22).

[81]) Сторожевъ, В., Еще къ вопросу о десятняхъ. Ю. В. 1891,7,8.

[82]) Сторожевъ, Н. Десятни XVI вѣка. Опис. док. и бум. Арх. Мин. Юстиціи т. VIII. (1—459).

[83]) Сторожевъ, Н, Тверское дворянство XVII вѣка· Вып. I. Тверь, 1891 г. 116 стр.

[84]) Сторожевъ, В. И. Составъ Рязанскаго дворянства по десятнямъ XVII в. Рязань 1891 года, цѣна 50 к.

Digitized by Google

составомъ и боевою готовностью Зубковскаго дворянства, показываетъ зависимость этой годности отъ экономическаго положенія служилаго дворянства и значеніе смутнаго времени въ дѣлѣ ея пониженія.

Спеціальное изслѣдованіе Лаппо-Данилевскаго [85]) посвящено выясненію значенія одной малоизслѣдованной до сихъ поръ формы землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в., а именно, выслуженныхъ вотчинъ, которыя авторъ опредѣляетъ, какъ служебное отличіе ея владѣльцевъ, дававшееся за осадныя сидѣнья и походы, причемъ съ теченіемъ времени это отличіе стало выдаваться всѣмъ участникамъ походовъ; далѣе авторъ перечисляетъ различные способы этого пожалованія и опредѣляетъ земли, изъ которыхъ онѣ производились: часто выслуженныя вотчины выдавались въ видѣ опредѣленнаго % помѣстнаго оклада, позднѣе же для вознагражденія каждаго изъ высшихъ разрядовъ служилаго люда существовали особыя нормы; — затѣмъ авторъ говоритъ о страшной медленности дѣлопроизводства по выдачѣ этихъ вотчинъ и разсказываетъ объ ограниченіяхъ, которыя послѣдовали съ теченіемъ времени въ правахъ выслужившихся вотчинниковъ: съ теченіемъ времени уничтожено было право вотчинника завѣщать свою выслуженную вотчину женѣ, что было сдѣлано въ интересахъ церкви и государства, такъ какъ послѣднее требовало обязательно наслѣдственной службы; далѣе послѣдовало запрещеніе вотчиннику отказывать свою выслуженную вотчину въ монастырь по душѣ, а затѣмъ и право завѣщанія чужеродцамъ. Помѣщики переводили въ вотчины лучшую часть помѣстнаго оклада и переводили на эти земли наибольшее число своихъ холоповъ, крестьянъ и бобылей; это было неожиданностью для правительства, которое не имѣло въ виду развивать этотъ типъ во вредъ помѣстной системѣ, которая тѣснѣе выслуженныхъ вотчинъ связана была съ государственной службой; но вредныя вліянія, которыя могла бы имѣть эта форма землевладѣнія, устранены были уравненіемъ вотчинъ съ помѣстьями въ служебномъ отношеніи. Пожалованіе выслуженныхъ вотчинъ, имѣвшее въ XVII стол. характеръ государственной награды и дававшееся всѣмъ служилымъ людямъ, въ XVIII становится государевой милостью лицамъ, стоявшимъ ближе другихъ къ престолу *).

Къ царствованію Годунова относится данное Бремеромъ [86]) описаніе посольства Ганзейскихъ городовъ, съ Любекомъ во главѣ, въ

---

[85]) Лаппо-Данилевскій, А. Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в. Истор. Обозр., т. III, стр. 109—133.

*) См. № 336.

[86]) Brehmer, W. Die Hansische Gesandtschaft nach Moskau im. J. 1603. Hansische Geschichtsblätter. Jahrgang 1889. Leipzig 1891 г., стр. 29—55.

Digitized by Google

Москву; описаніе это составлено на основаніи донесеній и дневниковъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ этого посольства, и заключаетъ въ себѣ помимо описанія самаго путешествія въ Москву (черезъ Литву), и пребыванія тамъ, исторію переговоровъ, которые велись по поводу разныхъ вопросовъ, касавшихся торговыхъ сношеній Московіи съ Ганзейскими городами; тутъ мы находимъ много данныхъ для исторіи этихъ сношеній.

Любопытный указъ Годунова [87]) отъ 1601 г. касается мѣръ противъ спекуляціи хлѣбомъ во время свирѣпствовавшаго въ Сольвычегодской и Усольской землѣ голода. Царь „оберегая въ своихъ государствахъ благоплеменный крестьянскій народъ во всемъ", устанавливаетъ цѣну на хлѣбъ и воспрещаетъ массовую скупку его, подъ угрозой сильнѣйшихъ наказаній;—кромѣ того совѣтуется сокращеніе винокуренія.

Что касается исторіи смутнаго времени, то вопросы о личности Лжедимитрія, отъ занятій которыми при наличномъ матеріалѣ врядъ-ли можно ожидать особенно новыхъ результатовъ, продолжаютъ тѣмъ не менѣе занимать историковъ. Б—скій [88]) разобравъ литературу вопроса и источники, отвергаетъ какъ самоубійство царевича, такъ и убійство его Годуновымъ и доказываетъ, что убійство произведено было по наущенію и подъ руководствомъ Василія Шуйскаго. Шуйскій, какъ доказываетъ авторъ, стоялъ во главѣ родовитыхъ бояръ, которые видѣли въ Димитріѣ второго Грознаго и въ лицѣ его желали устранить старую династію; выборъ же въ будущемъ Бориса Годунова имъ не представлялся даже возможнымъ. Иловайскій [89]), изложивъ существующія въ литературѣ мнѣнія о личности Лжедимитрія, доказываетъ, что это было лицо, выдвинутое нѣкоторыми польско-русскими панами. Самозванство висѣло, такъ сказать, въ воздухѣ, но Левъ Сапѣга далъ толчекъ этой идеѣ; отправляясь съ посольствомъ въ Москву, онъ, по всей вѣроятности, взялъ съ собой одного изъ мелкихъ шляхтичей, служившихъ у Мнишекъ, человѣка способнаго и даровитаго; іезуиты были привлечены къ планамъ польскихъ пановъ лишь позже, о участіи же московскихъ бояръ въ этомъ дѣлѣ намъ, какъ доказываетъ Иловайскій, ничего неизвѣстно. Важнѣйшіе изъ литературныхъ памятниковъ по исторіи событій смутнаго времени, разработанныхъ Платоновымъ [90]) въ изслѣдованіи „Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка", изданы подъ его же редакціей Археографической

---

[87]) Указъ царя Бориса Годунова о мѣрахъ противъ голода, 3 ноября 1601 г., Р. С. 1891 г. № 11, стр. 499—504.

[88]) Б—скій, В. Кто убилъ царевича Димитрія? И. В. 1891 г., 5 (308—373).

[89]) Иловайскій Д., Первый Лжедимитрій. И. Вѣст. 1891, 12 (636—667).

[90]) Русская Историческая Библіотека, т. 13. Спб., 1891, стр. XXXII+982.

Digitized by Google

Комиссіей.—Въ это первое систематическое изданіе этого матеріала вошли 19 различныхъ сказаній, изъ которыхъ иныя появились въ печати впервые, другія же въ болѣе исправленномъ видѣ [91—92]). Спорный и небезъинтересный вопросъ о формѣ, въ которой происходило избраніе Михаила Ѳедоровича, впервые подробно изслѣдованный Маркевичемъ [93]), остается тѣмъ не менѣе, какъ намъ кажется, не вполнѣ выясненнымъ.—Авторъ начинаетъ изслѣдованіемъ дѣятельности собора. Провѣряя сообщенія Страленберга, онъ перечисляетъ всѣхъ кандидатовъ на избраніе, излагаетъ первоначальные разговоры объ избраніи царя въ Ярославлѣ, а затѣмъ и дѣятельность Московскаго собора.—Кандидатура Михаила была выставлена еще въ 1610 г.; выборъ его Маркевичъ объясняетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что ни онъ, ни его родъ не добивались избранія. Второй причиной было то, что „выборы были результатомъ извѣстной работы лицъ, которыя овладѣли національнымъ движеніемъ 1612 г. и имъ важно было имѣть такого государя, за котораго они могли бы управлять и который былъ бы въ то же время пріятенъ зажиточному классу, участвовавшему въ движеніи 1612 г.". Выборъ былъ исключительно въ интересахъ бояръ, желавшихъ управлять государствомъ: Михаилъ же былъ удобенъ по своей молодости и неопытности. Во второй части своей работы авторъ изслѣдуетъ вопросъ о записи, данной будто бы Михаиломъ, и, разобравъ всѣ источники и мнѣнія, которыя существуютъ по этому вопросу въ литературѣ, приходитъ къ выводу, что во время выборовъ дѣйствительно „составлены были условія, которыя Михаилу были сообщены, по всей вѣроятности, въ видѣ записи, имѣвшей исключительно канцелярское значеніе". Но эти условія не заключали въ себѣ ничего новаго, чего бы не было въ прежнихъ обычаяхъ и никоимъ образомъ не могутъ быть поняты какъ желаніе ограничить власть царя. Онъ обѣщалъ, вѣроятно, исполнить то, о чемъ его просили, но записи не подписывалъ и креста не цѣловалъ; исполненіе обѣщаннаго было вполнѣ дѣломъ доброй воли царя, и это понимали бояре, выставившіе условія. Въ дѣйствительности Михаилъ исполнялъ обѣщанное, но, когда считалъ нужнымъ, отступалъ отъ него, поэтому искать опредѣленнаго момента прекращенія дѣйствій его обѣщаній, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ, нельзя.—Значеніе „канцелярской записи" остается тѣмъ не менѣе, какъ намъ кажется, не вполнѣ понятнымъ.

---

[91]) Жалованная грамота Кузьмѣ Минину. Дѣйств. Нижег. Арх. К. Вып. 11, стр. 523—524.

[92]) Корсаковъ, Д. А. Матеріалы о Мининыхъ. Дѣйств. Ниж. Арх. К. Вып. 11, стр. 525—526.

[93]) Маркевичъ, А. И. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Ж. М. Н. Пр. 1891 г., 9, 10.

Digitized by Google

Изъ работъ по исторіи политическихъ и другихъ сношеній Россіи съ Западомъ укажемъ прежде всего на изслѣдованіе Форстена [94]), который описываетъ посольство, явившееся въ 1633 году въ Швецію отъ Михаила Ѳедоровича съ просьбой о помощи противъ Польши. Швеція должна была отказать, ссылаясь на тяжелую Германскую войну. Затѣмъ излагается исторія отвѣтнаго шведскаго посольства, которое требовало, въ свою очередь, чтобы Россія продолжала войну съ Польшей до истеченія перемирія между ней и Швеціей и обѣщало въ такомъ случаѣ заключить съ Россіей союзъ противъ Польши; оно просило далѣе 15000 ежегодной субсидіи для войны въ Германіи, свободнаго проѣзда шведскимъ купцамъ въ Персію и т. д. Эти требованія были отклонены, а съ Польшей заключенъ Поляновскій миръ, чѣмъ шведы были очень недовольны. Далѣе Форстенъ разсказываетъ о посольствѣ Крузебьерна (осенью 1734 г.), который долженъ былъ хлопотать о допущеніи въ Москву постояннаго шведскаго агента. Въ донесеніяхъ Крузебьерна мы находимъ разныя свѣдѣнія о внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ Московскаго государства. Интересно, что Крузебьернъ долженъ былъ обѣщать содѣйствіе своего правительства къ перенесенію торговой конторы изъ Архангельска въ устье Невы, еслибы этого пожелалъ царь.—Столкновеніе Швеціи съ Даніей въ 1644—1645 г. снова заставило Оксеншерну обратиться къ Москвѣ, сближеніе которой съ Даніей и въ особенности сватовство Вальдемара, очень безпокоили Швецію.—О сватовствѣ этомъ находимъ интересныя свѣдѣнія у Крузебьерна, который въ 1645 г. сдѣлался резидентомъ въ Москвѣ; Крузебьернъ разсказываетъ много интереснаго о смерти Михаила, о вступленіи на престолъ Алексѣя, о томъ, какъ отпущенъ былъ Вальдемаръ, о времяпрепровожденіи молодого царя, объ отставкѣ Шереметева и возвышеніи Морозова, о политикѣ русскаго правительства, объ отношеніи его къ англійскимъ и голландскимъ посламъ.— Въ 1646 г. въ Стокгольмъ отправились русскіе послы, чтобы добиться подтвержденія Столбовскаго договора; въ Стокгольмѣ отмѣтили ихъ высокое образованіе, „если принять во вниманіе, что они явились изъ Москвы“. —Наконецъ много любопытнаго находимъ въ донесеніяхъ новаго резидента Поммеринга (1647—1651), много подробностей о культурной жизни, между прочимъ и о бунтѣ 1648 г. Къ этому-же времени относится любопытная статья Pribram'a [94a]). Въ статьяхъ

---

[94]) Форстенъ, Г. Сношенія Швеціи съ Россіей въ царствованіе Христины. Ж. М. Н. Пр. 1891,6 (348—375): Окончаніе статей Г. Форстена „Политика Швеціи въ смутное время“ (Ж. М. Н. Пр. 1889 г.).

[94a]) Pribram, Oesterreichische Vermittellungspolitik im Polnisch-russischen Kriege. 1664—1660 Arch. f. Oester. Gesch. Bd. 75 (1891).

Digitized by Google

Мартенса [95]) представляющихъ очеркъ англо-русскихъ отношеній въ XVI и XVII вв., проводится мысль, что сношенія эти и начались и поддерживались исключительно ради торговыхъ оборотовъ, при полномъ отсутствіи за все это время какихъ-либо общихъ политическихъ интересовъ [96—96a]). Интересный очеркъ русско-шведскихъ торговыхъ сношеній отъ Столбовскаго мира до сѣверной войны находимъ въ соч. Бенсдорфа [97]), въ которой сообщаются, напр., списки товаровъ, привозившихся на ярмарку въ Нiэнъ въ 1650 г., а также списки товаровъ, которые разрѣшено было провозить черезъ Нiэнъ въ Россію. Трудъ Уленбека знакомитъ насъ съ матеріалами для исторіи русско-голландскихъ отношеній (до самаго конца XVIII стол.), хранящимися въ русскихъ архивахъ. Въ приложеніи къ этому труду помѣщено составленное г. Кордтомъ обозрѣніе литературы о русско-голландскихъ отношеніяхъ [97a]). Ивакинъ [98]) перевелъ съ латинскаго составленное Таннеромъ описаніе польскаго посольства въ Москву 1678 г. Въ приложеніи сообщено описаніе города Москвы, извлеченное Ивакинымъ изъ записокъ всѣхъ иноземцевъ, бывшихъ здѣсь, и нѣсколько документовъ изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящихся къ пребыванію въ Москвѣ названнаго посольства. Лашковъ [99]) продолжаетъ сообщать документы къ исторіи крыско-русскихъ отношеній и на этотъ разъ даетъ цѣлый рядъ шертныхъ грамотъ крымскихъ хановъ а также грамоты русскихъ царей за время отъ 1640 до 1692 г. Исторію сношеній Москвы съ Крымомъ излагаетъ, по поводу плана Крижанича о завоеваніи полуострова, Бережковъ [100]). Авторъ характеризуетъ отношенія между Москвой и Менги-Гиреемъ въ эпоху Ивана III,

---

[95]) Мартенсъ, Ф. Россія и Англія въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ. Р. М. 1891, 1,2.

[96—96a]) М—ѣевъ, П. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ XVII вѣкѣ. И. В. 1891,4 (143—171). (Изложеніе матеріаловъ изъ изданія Рамбо „Recueil des instructions". Изложеніе тѣхъ-же матеріаловъ съ привлеченіемъ и другихъ, глав. обр. изъ Сб. Русскаго Истор. Общ., мы находимъ въ статьяхъ Безобразова „Россія и Франція" въ Р. Об. 1891 года).

[97]) Bonsdorf, C., Nyen och Nyenskans. Helsingfors 1891, 4°. Ж. М. Н. П. 1892, 5.

[97a]) Uhlenbeck, C. Verslag aangaande een onderzoek in de Archieven van Rusland ten bate der Nederlandsche geschiedenis. S. gravenhage, 1891, 279 стр. (А. Браудо. Ж. М. Н. П. 1891, 7).

[98]) Таннеръ, Бернгардъ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву. Ч. М. Н. О. И. Д. 1891, 1. (1—202).

[99]) Лашковъ, О. Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московск. государствомъ въ XVI, XVII вв. Изв. Тавр. Арх. Комм. №№ 11, 12.

[100]) Бережковъ М. Планъ завоеванія Крыма, составленный Юріемъ Крижаничемъ. Ж. М. Н. Пр. 1891, 10, 11.

Digitized by Google

который съумѣлъ сдѣлать эти отношенія дружественными, указавъ на общихъ враговъ—Золотую Орду и Польшу. По смерти Ивана III картина мѣняется: Крымъ подпадаетъ вліянію Польши. Бережковъ описываетъ борьбу Ивана IV съ крымцами и вполнѣ одобряетъ, что Иванъ не находилъ возможнымъ предпринять большой походъ противъ Крыма.—Излагая затѣмъ исторію крымско-русскихъ отношеній въ эпоху отъ Бориса Годунова до Алексѣя Михаиловича авторъ указываетъ, между прочимъ, на громадныя затраты правительства въ этомъ направленіи и исчисляетъ ихъ. Затѣмъ слѣдуетъ біографическій очеркъ Крижанича, въ которомъ доказывается, что онъ никогда не сталъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ и не переродился на новой своей родинѣ, какъ думаютъ нѣкоторые. Въ заключеніе авторъ сообщаетъ переводъ съ сербско-хорватскаго 51 и 52 главъ „Политики“ Крижанича, въ которыхъ настаивается на необходимости завоеванія Крыма и излагается планъ этого завоеванія [101]). Небольшая замѣтка Рождественскаго [102]), содержитъ систематическій указатель сообщеніямъ о Россіи въ извѣстномъ сборникѣ (XVII и начала XVIII вѣка) Theatrum Europaeum, которыя заключались, главнымъ образомъ въ извѣстіяхъ о сношеніяхъ Московскаго государства съ западно-европейскими, а также и о нѣкоторыхъ внутреннихъ событіяхъ въ Россіи. Тутъ же укажемъ на переводъ 1-й, доходящей до 1601 г., части дневника Гордона [102 а]).

Много интереснаго находимъ въ изданныхъ Забѣлинымъ [103]) Матеріалахъ, первое мѣсто между которыми принадлежитъ строельной книгѣ церковныхъ земель, составленной въ 1657 г. и сохранившейся въ выписи, произведенной въ 1689 г.; это есть подробное описаніе земельнаго и строительнаго переустройства церковныхъ кладбищъ, которыя, по случаю моровой язвы 1654 г., оказались тѣсными. Эта книга, какъ общая выпись изъ книгъ и дѣлъ Земскаго приказа, являлась, такимъ образомъ, важнѣйшимъ крѣпостнымъ актомъ для церковнаго землевладѣнія и послужила источникомъ права въ дальнѣйшихъ перемѣнахъ земельныхъ отношеній. Такими же крѣпостными актами являются и дополнительныя писцовыя книги церковныхъ земель, составленныя въ 1679 — 1686 гг. Изданная дальше Ружная книга 1681 г. обнимаетъ и составъ причта каждаго храма, и количество его содержанія, денежнаго и отсыпнаго хлѣбнаго, составлявъ-

---

[101]) Дѣло о присылкѣ шахомъ Аббасомъ ризы Господней царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1625 г. Москва. 1891. 48 стр.

[102]) Рождественскій, С. Извѣстія о Россіи въ Историческомъ Сборникѣ „Theatrum Europaeum“. Ж. М. Н. Пр. 1891, 5 (51—77).

[102а]) Переводъ М. Салтыковой. Ч. М. И. Д. 1891, 4.

[103]) Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, собранные и изданные И. Забѣлинымъ. Часть 2-я. Москва. 1891. 1608 стр.

Digitized by Google

шаго годовую ругу; книга составлена была для того, чтобы провѣрить выдачу ружныхъ окладовъ и уменьшить цифру руги, гдѣ это было возможно. Уже въ это время замѣчается, такимъ образомъ, стремленіе дворцоваго хозяйства сократить ружные расходы. Въ этомъ отношеніи очень интересна, относящаяся, впрочемъ, уже къ царствованію Петра В. Ружная размѣтная книга (1699—1700), составленная по повелѣнію Петра для полной и подробной ревизіи всего ружнаго оклада. (Размѣтной книга названа по случаю сдѣланныхъ въ ней размѣтокъ или отмѣтъ относительно каждой статьи ружничьяго расхода). Съ 27000 Петръ сократилъ этотъ расходъ до 13000. 2-й отдѣлъ состоитъ изъ Актовъ, съ 1576 по 1782 г., которые охватываютъ, такимъ образомъ, цѣлыхъ два столѣтія и заключаетъ въ себѣ данные, купчіе, заемные, закладные и т. п. документы на церковныя земли. Мы имѣемъ тутъ матеріалы для исторіи и статистики городскихъ рядовъ, торговыхъ и промысловыхъ мѣстъ: Книга объ устройствѣ городскихъ рядовъ 1626 года, выписка о старомъ денежномъ и купецкомъ дворахъ 1638 г., Роспись всѣхъ кузницъ 1641 г., книга Доимочная Земскаго приказа 1701 и 1702 г. по сбору мостовыхъ денегъ, перепись торговыхъ мѣстъ Москвы за 1700 г., составленная, какъ и размѣтная книга, по общему распоряженію Петра о полномъ отчетѣ и счетѣ доходовъ и расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ; вѣдомости окладной оброчной книги, перепись всѣхъ торговыхъ мѣстъ и др.

Цѣлый рядъ изслѣдованій или прямо посвященъ, или касается въ большей своей части разныхъ вопросовъ изъ исторіи духовнаго просвѣщенія Россіи, главнымъ образомъ XVII вѣка. Изъ такихъ изслѣдованій необходимо прежде всего отмѣтить обширный, основанный на богатомъ рукописномъ матеріалѣ, но какъ весьма многіе, мало разработанный трудъ Голубцова [104]), который знакомитъ насъ съ религіозными диспутами, имѣвшими мѣсто въ Москвѣ по поводу неудачнаго сватовства царевича Вальдемара. Въ большомъ вступленіи авторъ говоритъ о національной и религіозной розни между православной Русью и латинскимъ западомъ, о стремленіи тѣмъ не менѣе великихъ князей и царей вступать въ бракъ съ иноземными владѣтельными князьями и излагаетъ затѣмъ подробно исторію переговоровъ, которые велись съ Даніей по поводу сватовства Датскаго царевича (посольство Патрикѣева, Марселиса и др.); онъ разсказываетъ объ интригахъ противъ этого брака, закончившихся тѣмъ, что Вальдемару совершенно неожиданно предложено было перемѣнить вѣру,

---

[104]) Голубцовъ, П. Пренія о вѣрѣ, вызванныя сватовствомъ королевича Вальдемара за царевну Ирину. Чт. въ Общ. Любит. Духовн. Просвѣщенія. 1891, 1—9.

Digitized by Google

послѣ чего цѣлыхъ 1½ года шли споры. Авторъ останавливается только на церковной сторонѣ этого спора, очень любопытной и важной для характеристики духовнаго просвѣщенія на Руси въ половинѣ XVII вѣка. Предварительно же онъ подробно знакомитъ читателя съ литературно-духовнымъ движеніемъ, вызваннымъ событіями смутнаго времени, описываетъ дѣятельность Ивана Насѣдки и устанавливаетъ значеніе его сочиненія „Изложеніе на Лютеры". Насѣдку авторъ относитъ къ числу первыхъ на Москвѣ знатоковъ протестантизма.—Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе письменной полемики патріарха Іосифа съ датскимъ придворнымъ проповѣдникомъ Фельгаберомъ, которая замѣнена была, по настоянію датчанъ, устнымъ диспутомъ. Голубцовъ описываетъ первые два неудачныхъ диспута, послѣ которыхъ Михаилъ Ѳедоровичъ распорядился, чтобы собрались всѣ иносвященники и міряне, знающіе греческій языкъ, священное писаніе, церковные чины и божественные догматы, которые должны были „изыскать къ супротивнымъ еретикамъ о святомъ крещеніи отвѣчати"; далѣе слѣдуютъ детальнѣйшія изложенія диспутовъ, которыя опять-таки оказались совершенно безплодными и разсказъ о положеніи несчастнаго Вальдемара, который пытался даже бѣжать, о вмѣшательствѣ польскаго пана Стеинковскаго сначала противъ, а затѣмъ за Вальдемауа, о смерти Михаила и отпускѣ Царевича. Хотя многое въ трудѣ Г. и имѣетъ интересъ болѣе всего для историка русской церкви, но въ немъ заключается много матеріала для характеристики культурнаго уровня нашихъ предковъ вообще и ихъ отношеній къ иноземному міру. Интересенъ, между прочимъ, эпизодъ съ княземъ Шаховскимъ, который сталъ отчасти на сторону Вальдемара и доказывалъ возможность и плодотворность смѣшанныхъ браковъ, за что и былъ посланъ боярами на далекое воеводство въ Усть-Колу. Въ заключительной главѣ авторъ останавливается на вопросѣ о значеніи всего этого эпизода. Прежде всего, благодаря, главнымъ образомъ, безобразному поведенію датчанъ, какъ доказываетъ Голубцовъ, враждебное отношеніе русскихъ къ иновѣрцамъ еще болѣе усилилось; между народомъ и датчанами происходили безпрестанныя столкновенія. Но на лучшихъ и передовыхъ людей событія этихъ 1½ лѣтъ произвели и иное впечатлѣніе. Сравненіе доморощенной великорусской учености-начитанности съ настоящей школьной западноевропейской наукой было далеко не въ пользу первой. Московскіе богословы оказались ниже не только придворнаго проповѣдника, но даже ниже грековъ и особенно кіевлянъ по своимъ познаніямъ; по всей вѣроятности, именно подъ вліяніемъ событій недавняго прошлаго—неудачныхъ преній съ датчанами и обвиненій послѣднихъ русскихъ въ незнаніи языковъ и свободныхъ наукъ, въ литературѣ (въ преди-

Digitized by Google

словіи къ грамматикѣ 1648 г.). возбуждается вопросъ о введеніи на Москвѣ настоящаго образованія.

Еще болѣе обширное изслѣдованіе Бѣлокурова [105]) посвящено извѣстной личности Арсенія Суханова. Послѣ хронологическаго обозрѣнія литературы и источниковъ, авторъ подробнѣйшимъ образомъ излагаетъ событія жизни Суханова до 1679 г., т.-е. до путешествія на востокъ и изслѣдуетъ затѣмъ причины, которыя побудили Московское правительство возложить на Суханова эту миссію, а также и задачи, которыя были ему при этомъ поставлены. Побужденіемъ къ отправкѣ Суханова Б. считаетъ то обстоятельство, что въ Москвѣ измѣнили взглядъ на грековъ, оставивъ прежнее противъ нихъ предубѣжденіе, причемъ приписываетъ эту перемѣну во взглядахъ вліянію „Книги о вѣрѣ", въ которой доказывалась неповрежденность у грековъ православія. Описавъ второе путешествіе Суханова на востокъ, авторъ излагаетъ содержаніе отчета, представленнаго имъ по возвращеніи въ Москву („Проскинитарія"), и разсказавъ о поѣздкѣ С—ва на Аѳонъ за рукописями, даетъ и полный ихъ списокъ. Третью поѣздку Суханова на востокъ, за моделью Іерусалимскаго храма, Бѣлокуровъ отрицаетъ; отсюда же мы узнаемъ, что Сухановъ былъ начальникомъ Печатнаго двора. Было указываемо на то, что авторъ даетъ намъ главнымъ образомъ внѣшнюю біографію Суханова; личность-же, внутреннюю ея жизнь, оставляетъ мало разъясненною и вообще слишкомъ много мѣста удѣляетъ мелочамъ. Тѣмъ не менѣе трудъ этотъ сообщаетъ намъ много частныхъ исправленій и дополненій въ кругѣ нашихъ свѣдѣній о русской церковной исторіи XVII вѣка; много замѣчаній о разныхъ сторонахъ древне-русской жизни. Тутъ же укажемъ на статью Петрова [106]), который доказываетъ, что сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонѣ составлено между 1650—1658 г. Арсеніемъ Грекомъ и значеніе этого сказанія видитъ въ томъ, что оно, во-первыхъ, уясняетъ судьбу и личность Арсенія Грека и его дѣятельность на Руси, а затѣмъ проливаетъ свѣтъ на причины появленія раскола и на полемическую литературу съ православными.

Богатый архивный матеріалъ для исторіи отношеній русскаго правительства къ православному востоку разработанъ Каптеревымъ [107—107а])

---

[105]) Бѣлокуровъ, С. Арсеній Сухановъ. Ч. М. О. И. Д. 1891, 1 и 2. 440 + CLX стр. И. В. 1892, 4.

[106]) Петровъ, И. Н. Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонѣ. Труды IV Археолог. Съѣзда. 2-й т., стр. 196—205.

[107]) Каптеревъ. Пріѣздъ въ Москву Іерус. патріарха Паисія въ 1649 г. Прибавленіе къ Твореніямъ святыхъ отцевъ. Кн. I. Москва. 1891.

[107а]) Каптеревъ, Н. Пріѣздъ въ Москву за милостынею сербскихъ іерарховъ разныхъ каѳедръ и настоят. разн. монастырей въ 16, 17 и нач. 18 стол. Прибав. къ Твор. св. отцевъ. Кн. 4. Москва. 1891.

Digitized by Google

въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій. Такъ онъ очень обстоятельно описываетъ пріѣздъ Іерусалимскаго патріарха Паисія въ Москву въ 1649 г., приготовленія къ его встрѣчѣ, пріемъ его царемъ и т. п. Главной цѣлью Паисія было посредничество между Хмельницкимъ и Москвой, т. к. отъ этого сближенія христіанскій востокъ ждалъ весьма многаго для себя. Паисій заявлялъ, что Хмельницкій и все войско казацкое уполномочили его просить царя оказать помощь въ борьбѣ съ поляками и принять ихъ подъ свою высокую руку, — но московское правительство не желало изъ-за казаковъ доводить дѣло до разрыва съ Польшей. Успѣшнѣе было другое ходатайство Паисія о милостынѣ на искупленіе св. храма; онъ вывезъ изъ Москвы болѣе 500.000 на наши деньги. Паисій не покинулъ своего плана и, проживая затѣмъ долгое время въ Валахіи, склонилъ ее къ союзу съ Хмельницкимъ и убѣждалъ также и Московское правительство въ необходимости этого шага. Посѣщеніе Паисія имѣло также вліяніе на исторію вопроса о разности нѣкоторыхъ русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ греческими. Паисій бесѣдовалъ по этому поводу съ Никономъ, на котораго и оказалъ нѣкоторое вліяніе. Далѣе авторъ разсказываетъ о миссіи, которую Паисій возложилъ на митрополита Гавріила, пославъ его въ 1652 г. въ Москву, чтобы побудить русскихъ исправить свой обрядъ согласно съ греческимъ; бесѣды его съ Никономъ, о которыхъ мы однако ничего не знаемъ, рѣшающимъ образомъ, какъ предполагаетъ авторъ, повліяли на Никона, такъ что съ пріѣздомъ Гавріила можно связывать начало дѣятельности Никона, направленной на исправленіе русскаго церковнаго чина и обряда *).

Многія черты духовной жизни Московской Руси выясняются въ изслѣдованіи Каптерева [108—108а]) о патріархѣ Досиѳеѣ, дѣятельность котораго главнымъ образомъ состояла въ томъ, что онъ прилагалъ всѣ усилія къ охраненію всей вообще русской жизни отъ всякихъ иновѣрныхъ вліяній, которыя проникнувъ въ томъ или иномъ видѣ на Русь, могли бы заглушить въ ней чистоту православія. Досиѳей старался, поэтому, воспрепятствовать юго-западнымъ русскимъ выходцамъ занимать въ Москвѣ какія-либо видныя и вліятельныя церковныя должности и даже желалъ вовсе воспретить имъ доступъ въ Москву: настаивая на томъ, чтобы школы, открываемыя въ Москвѣ, были исключительно греческія, а никакъ не латинскія, онъ принималъ горячее

*) См. № 334.

[108]) Каптеревъ, Н. Сношенія Іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ (1669—1707). Чтенія въ Общ. Любителей Духовнаго Просвѣщенія. 1891, 1/2, 3/4, 5/6, 7. Начало см. декабрь 1890.

[108а]) Каптеревъ, Н. Іерусалимскій патріархъ Досиѳей въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. Ч. М. В. Д. 1891, 2.

Digitized by Google

участіе въ борьбѣ между сторонниками „греческаго“ и „латинскаго“ ученія. Авторъ доказываетъ, что дѣйствительно Досиѳеемъ были присланы на Москву братья Лихуды, описываетъ затѣмъ ссору Досиѳея съ Лихудами и защищаетъ послѣднихъ отъ его несправедливыхъ обвиненій; онъ описываетъ далѣе, какъ Досиѳей повліялъ различными интригами на удаленіе Лихудовъ и такимъ образомъ самъ-же содѣйствовалъ торжеству у насъ латинскаго и вообще западнаго направленія надъ греческимъ. Досиѳей былъ вообще противъ всякаго сближенія Россіи съ зловреднымъ Западомъ и поэтому, напр., его весьма смутило путешествіе Петра за границу и слухъ о посылкѣ царевича Алексѣя за границу. Авторъ подробно разсказываетъ о ревностномъ стремленіи Досиѳея устранить изъ русской церковной жизни все, что ему казалось въ ней несогласнымъ съ нормами строго православной церковной жизни.

Сапожниковъ [109]) поставилъ себѣ цѣлью, въ виду невыясненности вопроса о причинахъ самосожженія, собрать объ этомъ явленіи возможно болѣе свѣдѣній; собравъ все извѣстное въ печати и обработавъ кое-какой матеріалъ изъ Архива Мин. Юстиціи, авторъ слѣдитъ за случаями самосожженія даже въ XIX в. и доводитъ изложеніе до 1888 г., хотя самъ говоритъ, что эти новѣйшіе случаи ничего общаго съ прежними не имѣютъ. Авторъ доказываетъ, что самосожженіе встрѣчалось исключительно у безпоповцевъ и оспариваетъ мнѣніе историковъ, объясняющихъ это явленіе преслѣдованіями правительства; въ дѣйствительности явленіе это объясняется сущностью самого ученія вождей безпоповщины, ученіемъ Аввакума, что „насильственная смерть за вѣру вождѣленна“. Въ заключеніе авторъ даетъ списокъ случаевъ самосожженія и вождей этого движенія [110]).

Соколовъ [111—113]) даетъ сначала біографическій очеркъ жизни Крижанича, привлекая нѣкоторые, оставшіеся до сихъ поръ незамѣченными матеріалы и пытается затѣмъ выяснить, какіе моменты направляли, главнымъ образомъ, дѣятельность Крижанича — политико-національные, какъ славянина-патріота, или же религіозные, какъ

---

[109]) Сапожниковъ, Д. Самосожженіе въ Русскомъ расколѣ (со второй половины XVII вѣка до конца XVIII). Ч. М. О. И. Д. 1891, 3 (1—170).

[110]) Быковъ, А. Патріархъ Никонъ, его жизнь и общественная дѣятельность. Спб. 1891. 90 стр.

[111]) Соколовъ, М. Новооткрытое сочиненіе Крижанича о соединеніи церквей Ж. М. Н. Пр. 1891, 4, 5.

[112]) Соколовъ М. Матеріалы и замѣтки по старинной русской литературѣ. Вып. 2-й. С.-Петербургъ. 1891, ц. 60 к.

[113]) Крижаничъ, Ю. Собраніе Сочиненій. Вып. 2-ой. Москва. 1891, ц. 75 к. (Помѣщено также въ Ч. М. О. И. Д. 1891, 2).

Digitized by Google

ревностнаго католика; въ то время, какъ всѣ почти писавшіе о Крижаничѣ склоняются къ первому мнѣнію, авторъ доказываетъ, что единственною конечною цѣлью Крижанича было—убѣдить русскихъ въ вредности такого отдѣленія отъ Римской церкви и постараться возстановить какимъ-нибудь способомъ согласіе; онъ показываетъ, что именно этой идеей проникнуты всѣ сочиненія Крижанича даже чисто политическаго содержанія. Въ Имп. Публичной Библ. автору удалось открыть неизвѣстное доселѣ сочиненіе Крижанича „Пророчествія на осмый вѣкъ отъ различныхъ книгъ и писателей и о антихристѣ", въ которомъ также проводится мысль о необходимости уніи между русской и римской церковью. Эта мысль занимала его съ самыхъ юныхъ лѣтъ и неправы тѣ, какъ доказываетъ Соколовъ, которые полагаютъ, что Крижаничъ съ пріѣздомъ въ Россію совершенно переродился и сталъ исключительно славянскимъ патріотомъ. Брюкнеръ [114]) изложилъ финансовые и политико-экономическіе взгляды Крижанича: его взглядъ на задачи государственнаго хозяйства, на налоги и тяжесть разнообразныхъ поборовъ, его разсужденія о продажности чиновниковъ, о монетномъ дѣлѣ и т. д.

Очень богатый матеріалъ для характеристики быта Сѣверо-Западнаго края мы находимъ въ актахъ о копныхъ судахъ (448 документовъ за время отъ 1552 до 1707 года; въ предисловіи издатель Спрогисъ объясняетъ значеніе копы, которая по его мнѣнію очень родственна съ древнимъ вѣчемъ и сохранила свое значеніе будто-бы потому, что съумѣла своевременно отстраниться отъ политическихъ тенденцій вѣча; тутъ-же подробно излагается судопроизводство копы 114[а]).

Уже многіе изъ упомянутыхъ нами выше сочиненій затрогивали эпоху переходную отъ московской къ пореформенной Россіи. Къ этой-же переходной эпохѣ относится и сочиненіе Д. Шляпкина [115]): авторъ, на основаніи рукописнаго матеріала, разсказываетъ жизнь Димитрія Ростовскаго до 1688 г. и даетъ затѣмъ очеркъ западнаго вліянія въ Московской и Юго-Западной Руси; при этомъ онъ старается характеризовать время и среду, состояніе духовенства и народной массы; онъ ищетъ слѣдовъ западнаго вліянія въ понятіяхъ, нравахъ, бытѣ и литературныхъ явленіяхъ Малороссіи и Московской

---

[114]) Brückner. Ein Finanzpolitiker in Russland im XVII Jahr. Russische Revue. 1891 (292—332).

[114]а) Акты издаваемые Вил. Археогр. Ком., т. XVIII, Вильна 1891 г. LXI+577.

[115]) Шляпкинъ, И. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). С.-Петербургъ. 1891. Ж. М. Н. Пр. 1891, 5. В. Е. 1891, 7.

Digitized by Google

Руси, и ставитъ очень высоко просвѣтительное значеніе допетровскаго западнаго вліянія, приносившагося къ намъ схоластическими сочиненіями. Раздѣляя дѣятельность Димитрія на два періода: мало- и великорусскій, авторъ историческое его значеніе опредѣляетъ тѣмъ, что примыкая къ малорусскимъ духовнымъ лицамъ, которыя въ концѣ XVII вѣка были дѣятелями просвѣщенія и предшественниками реформы, онъ „въ суровую эпоху петровскихъ новшествъ явился хранителемъ стараго достоянія русскаго люда—живой, дѣйствующей черезъ любовь православной вѣры.... Это одно изъ лицъ, представляющихъ изъ себя идеальнаго общественнаго дѣятеля, въ духѣ сліянія западнаго образованія съ старыми русскими церковными взглядами". Относительно этого изслѣдованія было въ литературѣ указываемо на то, что въ немъ нѣтъ изображенія ни св. Димитрія, ни его времени; на анализѣ сочиненій Димитрія авторъ, напримѣръ, совсѣмъ не останавливается; изслѣдованіе является скорѣе матеріаломъ; авторъ часто приводитъ очень цѣнныя извѣстія, никакого отношенія къ Димитрію не имѣющія и въ то же время уклоняется отъ обсужденія всѣхъ наиболѣе важныхъ, но трудно разрѣшимыхъ вопросовъ *). Тутъ же отмѣтимъ новый переводъ разсказа Невиля, важнаго источника для времени Софіи Алексѣевны [115a]).

И въ текущемъ году мы можемъ указать на цѣлый рядъ работъ, относящихся до исторіи Сибири. Возникновенію въ Сибири въ XVI в. русской колонизаціи предшествовалъ цѣлый рядъ вѣковыхъ усилій русскаго народа проникнуть за Уралъ; одной изъ такихъ попытокъ посвящена статья Оксенова [116]), который прежде всего даетъ обзоръ сношеній Великаго Новгорода съ Югорской землей. Уже во второй половинѣ XIII столѣтія Новгородцы считали Югру своей волостью, хотя никакого Новгородскаго управленія въ ней не было, а Новгородцы только являлись въ эту землю для сбора дани. Въ концѣ XV вѣка „право походовъ на Югорскую землю" перешло къ Московскимъ князьямъ. Походы 1483 и особенно 1499 гг. подробно описываются авторомъ. Политика московскихъ князей по отношенію къ югорскимъ была таже, что и новгородцевъ: не будучи въ состояніи жить съ ними въ мирномъ сосѣдствѣ, они предпринимали походы и заставляли платить дань, не только не отнимая у нихъ княжества, но напротивъ утверждая за ними ихъ земельныя владѣнія. Такое полуподданство было, конечно, очень неустойчиво и вызывало безпрестанныя столкновенія.

*) № 336.

[115a]) Neuville, Relat. curieuse et nouvelle de Moscovie. Переводъ А. Браудо. Р. С. 1891, 9, 10,

[116]) Оксеновъ, Н. Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ (1455—1499). Ж. М. Н. Пр. 1891,2 (245—272).

Digitized by Google

Къ XVII вѣку относится замѣтка Оглоблина и работа Буцинскаго, наиболѣе интересная изъ всѣхъ относящихъ до Сибири. Оглоблинъ [117]), сообщаетъ изъ столбцовъ Сибирскаго приказа статейные списки сибирскихъ служилыхъ людей, употреблявшихся часто московскими правительствомъ въ качествѣ дипломатовъ; онъ описываетъ посольство тобольскаго боярскаго сына Ремезова (1640—1641) къ калмыцкому контайшѣ, которое интересно характерными чертами, посольство Тобольскаго толмача къ мунгальскому Цысану-Хану въ 1649—51 г. Въ заключеніи Оглоблинъ сообщаетъ разсказъ Енисейскаго казачьяго десятника Москвитина, который будучи посланъ „для провѣдыванія серебряной руды“ попалъ случайно къ мунгальскому царю Чигину, и взялъ на себя добровольно роль дипломата. Разсказу Москвитина предшествуетъ интересная роспись пути въ Мунгальскую землю 1047 г.). Работа Буцинскаго [118]), основана также на матеріалахъ Архива Министерства Юстиціи. (Сибирскій приказъ). — Буцинскій печатаетъ цѣликомъ наказъ Макарію, второму Сибирскому архіепископу, какъ единственный дошедшей до насъ наказъ Сибирскимъ архіепископамъ. Въ отпискахъ Макарія мы находимъ массу интересныхъ данныхъ для исторіи Сибирской жизни, въ особенности жизни въ монастыряхъ, которые наполнялись ссыльными монахами, людьми совершенно испорченными, благодаря чему монастыри являлись средоточіемъ всевозможныхъ пороковъ; тутъ же находимъ данныя для исторіи распространенія христіанства. Если Макарій былъ не особенно хорошимъ хозяиномъ, то слѣдующій за нимъ (съ 1636—1640) Нектарій былъ черезъ-чуръ хорошій и занимался больше хозяйственными дѣлами, чѣмъ архіерейскими. Буцинскій опровергаетъ прекрасный отзывъ П. Абрамова о Нектаріѣ, говоритъ, что всѣ его ненавидѣли и разсказываетъ о цѣломъ рядѣ доносовъ на него. Въ 1640 г. онъ былъ по прошенію уволенъ. Изъ времени третьяго архіепископа Герасима, авторъ сообщаетъ изъ переписныхъ книгъ интересныя данныя объ архіерейскомъ хозяйствѣ, которое въ это время особенно процвѣло. Авторъ отмѣчаетъ постоянное стремленіе архіерейскаго дома къ наживѣ и захвату земель безъ всякой даже надобности, такъ что правительство должно было бороться противъ этой страсти, хотя въ общемъ безуспѣшно.—Благодаря однако этой страсти, доказываетъ авторъ, за архіерейскимъ домомъ необходимо признать большое колонизаціонное значеніе, такъ какъ онъ привлекалъ крестьянъ. Герасимъ, относившійся къ архіерейскимъ дѣламъ небрежно, навезъ съ

---

[117]) Оглоблинъ, Н. Сибирскіе дипломаты XVII в. И. В. 1891, 10 (156—171).
[118]) Буцинскій, Сибирскіе архіереи: Макарій, Нектарій, Герасимъ 1625—1650. Вѣра и Разумъ, 1891, 7—10.

Digitized by Google

собой много жадныхъ родственниковъ, которымъ онъ потворствовалъ и которые подавали поводъ къ безпрестаннымъ ссорамъ съ воеводами. И въ отпискахъ Герасима мы находимъ много интереснаго о нравахъ тогдашней Сибири.

Оглоблинъ [119]) сообщаетъ изъ Арх. Мин. Юст. о найденныхъ имъ источникахъ чертежной книги Сибири: одинъ изъ сотенъ составлявшихся въ Сибири въ XVIII в. чертежей, а именно чертежъ рѣки Амура и его системы. Что касается многочисленныхъ рукописей, содержавшихъ геотрафическое описаніе Сибири, то неизвѣстно, насколько Ремезовъ ими пользовался, но онъ пользовался несомнѣнно описаніемъ общаго Сибирскаго чертежа. 17 в., „Роспись противъ чертежу", описаніе которой Оглоблинъ даетъ и которая, хотя и съ нѣкоторыми отступленіями, была уже впрочемъ, какъ сообщаетъ Оглоблинъ въ концѣ замѣтки, напечатана въ изданіи „Сибирь въ XVII вѣкѣ". Третьимъ главнымъ источникомъ Ремезова были „скаски" свѣдущихъ людей. Оглоблинъ говоритъ, что Ремезовъ пользовался между прочимъ и свѣдѣніями извѣстнаго Владиміра Атласова, что видно изъ отписки Тобольскаго воеводы въ Сибирскій приказъ. Замысловскій [120]) по поводу только что упомянутаго изданія „Сибирь въ XVII вѣка" даетъ обозрѣніе картографіи Сибири съ самаго ея возникновенія: (иностранной и русской). Тутъ-же укажемъ на замѣтку, о которой Оглоблинъ [121—122]) устанавливаетъ годъ и мѣсто смерти Дежнева (1673 г. въ Москвѣ) и на изданную тѣмъ же авторомъ подлинную „скаску" Атласова о первомъ Камчатскомъ походѣ, записанную съ его словъ въ 1700 г., въ Якутской приказной избѣ и присланную въ Сибирскій приказъ Якутскимъ воеводою. Вторая „скаска", снятая съ Атласова въ Сибирскомъ приказѣ въ 1701 г., есть то описаніе Камчатки, которое фигурируетъ въ Сибирскихъ лѣтописяхъ, какъ разсказъ Атласова; но тамъ это описаніе искажено. Пыпинъ [123—126])

---

[119]) Оглоблинъ, Н. Источники „Чертежной книги Сибири„ Семена Ремезова, Библіографъ, 1891 г., № 1. (2—11).

[120]) Замысловскій, Е. Чертежи сибирскихъ земель XVI — XVII вѣка. Ж. М. Н. Пр. 1891 г., 6 (334—347).

[121]) Оглоблинъ, Н. Смерть Дежнева въ Москвѣ въ 1673 г. Библіографъ. 1891 г., 3—4 (60—62).

[122]) Оглоблинъ, Н. Двѣ „скаски" Вл. Атласова объ открытіи Камчатки. Ч. М. О. И. Д. 1891, 3 (1—18).

[123]) Пыпинъ, А: Первыя извѣстія о Сибири и русское ея заселеніе. В. Е. 1891, 8.

[124]) Томскій сынъ боярскій Ѳедоръ Протопоповъ, (матеріалы для исторіи Сибири). Издалъ Кузнецовъ-Красноярскій. Томскъ, 1891 г., стр. XI+42, 75 к.

[125]) Оглоблинъ, Н. Остяцкіе князья XVII в. Р. С. 1891, 8 (395—410).

[126]) Путинцевъ, Н. Хронологическій перечень событій изъ исторіи сибирскаго казачьяго войска. Омскъ, 1894 г., 256 стр.

Digitized by Google

даетъ обозрѣніе результатовъ работъ Анучина, Оксенова, Тыжнова, Замысловскаго и Буцинскаго.

Кромѣ этихъ, относящихся спеціально къ Сибири работъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ, сообщеній большею частью мелкихъ, для мѣстной и бытовой исторіи.

Христофоровъ [127]) излагаетъ содержаніе сборниковъ и актовъ Симбирской библіотеки, которые представляютъ богатый матеріалъ для исторіи колонизаціи русскими въ 17 и началѣ 18 вѣка средняго поволжья. Онъ отмѣчаетъ пути колонизаціи, моменты ея начала въ разныхъ мѣстностяхъ и отношеніе пришельцевъ къ туземцамъ, которыхъ они страшно притѣсняли и грабили; первыми колонизаторами были казаки и бѣглые люди, за которыми явились уже разные служилые люди; правительство боролось противъ грабежей и захватовъ, вслѣдствіе чего образовался цѣлый рядъ межевыхъ дѣлъ. Большая часть грамотъ библіотечнаго архива живо очерчиваетъ, какъ говоритъ авторъ, частную жизнь и общественную дѣятельность русскихъ дворянъ и и помѣщиковъ въ XVII стол. Поэтому ихъ слѣдовало-бы издать Главные же документы, „книги поземельныхъ актовъ Алатырской приказной избы" и др. найдены авторомъ въ архивѣ Симбирской удѣльной конторы. Кое-какіе матеріалы изъ архива мѣстной архивной коммисіи использовалъ Дубасовъ [128—131]). Авторъ доказываетъ, что Тамбовскій край былъ населенъ русскими людьми гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ и разсказываетъ какъ быстро пришельцы ассимилировали себѣ инородцевъ, даже самихъ татаръ. Тутъ же авторъ рисуетъ картину ужаснаго положенія населенія, особенно во время смутъ, и описываетъ жизнь и бытъ многочисленныхъ монастырей, которые въ дѣлѣ колонизаціи играли большую роль, — онъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ быта служилыхъ людей, описываетъ невѣроятный судебно-административный произволъ, разбои и набѣги татаръ и калмыковъ и т. д. Въ общемъ работа представляется безсистемнымъ подборомъ интересныхъ и неинтересныхъ свѣдѣній. Воспользовавшись писцовой кни-

---

[127]) Христофоровъ, И. Я. О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карамзинской Библіотекѣ. Труды IV Археолог. съѣзда, т. 2. (27—42),

[128]) Дубасовъ, И. Черты окраинно-русскаго быта XVII и XVIII в. Русск. Обоз. 1891,9 (182—209).

[129]) Дубасовъ, И. Бытовыя черты Шацкаго края по писцовымъ книгамъ вотчинъ Великой Иноки. Изв. Тамб. Арх. Ком. Вып. 33. (20—24).

[130]) Дубасовъ, И. Изъ Тамбовской бытовой исторіи XVI—XVII вѣковъ. И. В. В. 1891,9 (697—708).

[131]) Дубасовъ, И. Тамбовскія религіозныя движенія. Наблюдатель. 1891,5 (38—55).

Digitized by Google

гой первой четверти XVII стол. авторъ разсказываетъ намъ о промыслахъ населенія Шацкаго края и характеризуетъ этнографическій составъ его.

Интересныя бытовыя черты для характеристики помѣщичьяго землевладѣнія и положенія земледѣльческаго населенія жизни Нижегородскаго края сообщаетъ Снѣжневскій [132]) по дѣламъ межеваго департамента сената; такъ интересно спорное дѣло между Нижегородскимъ Благовѣщенскимъ монастыремъ съ одной и княземъ Черкаскимъ съ другой стороны, а также спорныя дѣла между монастыремъ и другими помѣщиками (отъ 1634 г.), разные случаи споровъ изъ за совмѣстнаго пользованія землей разныхъ владѣльцевъ, случаи грубаго захвата земель. Въ актахъ изданныхъ Титовымъ [133]) находимъ также любопытныя черты изъ жизни Рязанскаго края приблизительно отъ того же времени: такъ къ 1632 г. относится дѣло чернеца Сергіева монастыря въ томъ, что онъ, будучи посланъ въ Рязань для покупки хлѣба, былъ ограбленъ въ извѣстномъ Солотчинскомъ монастырѣ „архимандритомъ Макаріемъ съ братіей на 186 р.". Заимствованная Холмогоровымъ [134—135]) изъ Моск. арх. мин. юстиціи переписная книга по городу Касимову есть первая опись, въ которой даются обстоятельныя свѣдѣнія о составѣ и татарскаго населенія города, о его владѣтельныхъ правахъ и объ отношеніяхъ его къ русскому населенію. Имъ же изданы „книга Тамбовскимъ земляным и деревяннымъ крѣпостямъ и нѣкоторыя матеріалы для исторіи г. Козлова". Матеріалами для исторіи топографіи обоихъ городовъ мы обязаны Дубасову [136]).

Изданный А. Титовымъ [137]) трудъ Діева, „Матеріалы для исторіи русской церкви относится спеціально къ Суздалю; изъ двухъ частей его: „Суздальская іерархія" и „Суздальскіе архіереи", вторая доходитъ до начала XVI в., первая же до конца 1798 г., когда Суз-

---

[132]) Снѣжневскій, В. И. Генеральное межеваніе земель и нѣсколько свѣдѣній о характерѣ землевладѣнія въ Нижегородскомъ краѣ въ 17 и 18 стол. Дѣйствія Ниж. Арх. Комм. Вып. 10. (446+455).

[133]) Титовъ, А. Древніе акты Рязанскаго края. Тр. Ряз. Арх. оКи. т. VI. (91—95).

[134]) Холмогоровъ, И. Матеріалы для исторіи города Тамбова. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 33. (109—118).

[135]) Холмогоровъ, И. Матеріалы для исторіи города Козлова. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 33. (59—106).

[136]) Дубасовъ, И. Строеніе валовыхъ и деревянныхъ Тамбовскихъ и Козловскихъ крѣпостей. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 33. (17—19).

[137]) Діевъ. Матеріалы для исторіи русской церкви. Чт. въ Общ. Любителей Дух. Просвѣщенія. 1891,9,10,11,12.

Digitized by Google

дальская епископальная каѳедра была окончательно переведена въ Владиміръ.

Далѣе можно указать на цѣлый рядъ грамотъ и актовъ, такъ Селивановъ [138]) издалъ древніе акты и грамоты, челобитныя, указы, отписи за 1402 — 1643 г., Корсаковъ [139])—Списокъ нижегородскихъ воеводъ съ 1392 по 1702 г., составленный на основаніи печатныхъ актовъ, и мелкіе матеріалы о Мининыхъ. Въ актахъ изъ архива Васильчиковыхъ [140]) встрѣчаемъ нѣкоторые наказы 80-хъ годахъ XVII вѣка, въ которыхъ издатель видитъ увеличеніе воеводской правительственной власти въ ущербъ выборной.

Двѣ мелкія замѣтки къ исторіи просвѣщенія въ XVII в., сообщили Эйнгорнъ [141]) и Брайловскій [142]). Первый нашелъ въ Арх. Мин. Юст. два акта, изъ которыхъ видно, что стремленіе ѣхать въ Кіевъ доучиваться проявлялось не въ одной только Москвѣ: въ Тобольскѣ нашелся любитель просвѣщенія, Андрей Незгоровскій, который „собою“ по своей доброй волѣ предпринялъ трудное и небезопасное путешествіе въ Кіевъ книжнаго ради ученія. Брайловскій описалъ два эпизода, имѣвшія мѣсто уже въ самомъ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія, а именно: столкновеніе студентовъ греко-слав. академіи съ дворовыми людьми кн. Одоевскаго, который самъ принималъ участіе въ этомъ избіеніи (изд. арх. моск. синод. типографіи) и о безчинствахъ, творимыхъ студентами Кіевской академіи, которые вынуждены были красть дрова и всякіе запасы для своего пропитанія. Тотъ же авторъ [143—145]) далъ двѣ замѣтки къ біографіи Каріона Истомина. Во второй изъ нихъ, возражая Ровинскому, онъ доказываетъ справедливость указанія Сопикова на то, что букварь Каріона Истомина былъ изданъ два раза и что оба изданія вышли въ 1694 г.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ такихъ мелкихъ изслѣдованій,

---

[138]) Селивановъ, А. Дополнительныя о Рязанской епархіи свѣдѣнія архимандрита Іеронима. Рязань, 1891, ц. 1 руб.

[139]) Корсаковъ, В. Д. Намѣстники и воеводы Нижняго-Новгорода. Дѣйств. Нижг. Арх. Комм. Вып. 11. (526—528).

[140]) Васильчиковъ, А. Акты изъ семейнаго архива гг. Васильчиковыхъ. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып, 1, 2. (9—35; 12—16).

[141]) Эйнгорнъ, В. Къ исторіи просвѣщенія на Руси въ XVIII в. Ч. М. О. И. Д. 1891, 1.

[142]) Брайловскій, С. Изъ быта студентовъ Московскихъ и Кіевскихъ. Библіографъ 1891, № 2. 1891 (39—42).

[143]) Брайловскій, С. Къ біографіи Каріона Истомина. Ж. М. Н. Пр. 1891,8 (434—437).

[144]) Брайловскій, С. Ровинскій, букварь. Ж. М. Н. Пр. 1891,8 (453—457).

[145]) Ровинскій, Д. Букварь, изготовленный монахомъ Каріономъ Истоминымъ для обученія царевича Алексѣя Петровича въ 1692 г., гравированный Леонтіемъ Буниннымъ. Спб. 1891 г.

Digitized by Google

на которыхъ мы не можемъ останавливаться и изъ которыхъ мы только нѣкоторыя назовемъ [146—163]).

---

[146]) Шахматовъ, А.. Историческіе очерки города Саратова и его округа. Вып. I. Саратовъ, 1891 г., стр. 205, цѣна 1 р. 25 к.

[147]) Шишкинъ, Н. Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ. Изд. 2-е. Рязань, 1891 г., цѣна 1 р. 25 к.

[148]) Пясецкій, Г. М. Списокъ населенныхъ мѣстъ Ливенскаго уѣзда по переписи Григорія Ильича Шишкина до подъячаго Ивана Расьина 1678 г. Труды Орловск. Арх. Комиссіи. Вып. 2, стр. 23—28.

[149]) Пясецкій, Г. М. Городъ Сѣвскъ по переписной книгѣ 1646 г. Городъ Волховъ и его уѣздъ по переписной книгѣ 1646 г. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып. 2, стр. 29—30, 30—35.

[150]) Пясецкій. Орловскій уѣздъ по переписнымъ книгамъ 1647 г. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып. 2, стр. 17—23.

[151]) Пясецкій, Г. М. и Блохинъ. Сѣвскій уѣздъ по переписнымъ книгамъ 1705, 1707 и 1709 гг. Переписка Сѣвскихъ: гарнизона, половъ и подъячихъ въ 1711 г. Количество церквей въ Сѣвскѣ и на посадѣ 1711 г. Сѣвскіе монастыри 1711 г. Перепись священно-церковно-служителей въ 1711 г. Перепись г. Сѣвска 1711. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып. 2 (стр. 35—67); вып. 3 (1—65). Орелъ, 1891 г.

[152]) Дьяконовъ, П. Опись Козловско-Троицкаго монастыря 1706 г. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31, стр. 75—93.

[153]) Добролюбовъ, І. Историко-статистическое описаніе церквей и монастырей Рязанской епархіи, т. 4. Рязань, 1891 г., 453 стр.

[154]) Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе писцовые книги, т. 2-й. Воронежъ, 1891 г., стр. 296.

[154а]) Списокъ именъ замѣчательныхъ дѣятелей и уроженцевъ Рязанскаго края. Труды Ряз. Арх. Комм., т. VI. Буква Га—10.

[155]) Описи древнимъ грамотамъ и другимъ документамъ, хранящимся въ архивѣ первокласснаго Троицкаго Калязина монастыря. Тверь, 1891 г., 36, стр. цѣна 25 к. (Читано въ засѣданіи Тверской Арх. Комиссіи).

[156]) Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Новочеркаскъ, 1891 г., 91 стр. цѣна 35.

[157]) Мартыновъ, В. Донское дворянство и заселеніе ихъ земель крестьянами. Спб., 1891 г., 15 стр.

[158]) Переяславль-Залѣсскій. Матеріалы для исторіи Даніилова монастыря и населенія города XVIII стол. Москва, 1891 г., стр. 110, 4 д.

[158а]) Затѣйщиковъ-Второй, Н. Погостъ Медово. Спб., 1891 г., стр. 28.

[159]) Опочининъ. Опальный воевода. Р. В., 1891 г., 1.

[160]) Маркевичъ, А. И. О намѣревавшемся бѣжать за границу Давыдовѣ человѣкѣ Иванѣ Григорьевѣ и наказаніи за побѣгъ. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып. 1, стр. 7, 8.

[161]) Соколовъ, А. Русскія имена и прозвища въ XVII в. Казань, 1891 г., 16 стр.

[162]) Чечулинъ, Н. Добавленіе къ списку именъ XVI в. Библіографъ, 1. Стр. 11—12.

[163]) Эйнгорнъ, В. О. Дѣло о выкупѣ изъ турецкаго плѣна нижегородца, торговаго человѣка Ларіона Молчанова въ 1645 г. Дѣйств. Ниж. Арх. Комм. Вып. 11.

Digitized by Google

XVIII вѣкъ.

Эпоху Петра В., главнымъ образомъ первые подготовительные годы, захватываютъ, какъ мы уже сказали, многія изъ названныхъ уже нами изслѣдованій. Такъ работа Каптерева [164]) большею своею частью относится къ царствованію Петра I. Такъ авторъ разсказываетъ какъ Досиѳей, будучи врагомъ всякаго сближенія Россіи съ зловреднымъ западомъ былъ смущенъ путешествіемъ царя за границу и слухомъ о посылкѣ туда же царевича Алексѣя, разсказываетъ о ревностныхъ, но безуспѣшныхъ стремленіяхъ его устранить Ст. Яворскаго. Особенно подробно авторъ останавливается на политической сторонѣ дѣятельности Досиѳея, который былъ какъ бы тайнымъ политическимъ агентомъ русскаго правительства въ Константинополѣ и давалъ ему разнообразные совѣты; онъ сообщалъ самыя разнообразныя и важныя свѣдѣнія русскимъ посламъ (Украинцову, Голицыну и Толстому), отчасти даже надзиралъ за ихъ дѣятельностью, такъ какъ, давалъ о ней отчетъ царю; Петръ, какъ указываетъ Каптеревъ, чрезвычайно высоко цѣнилъ эту дѣятельность Досиѳея; между прочимъ Досиѳей подавалъ часто совѣты относительно Азова, совѣтовалъ сдѣлать изъ него сильную крѣпость (порто-франко) и соединить хорошей дорогой съ Москвой. Въ заключеніе авторъ описываетъ борьбу, которую Досиѳей велъ изъ-за обладанія грековъ св. мѣстами и старанія его добиться помощи у русскаго правительства. Часть матеріаловъ, а именно матеріалы, относящіеся до политической дѣятельности Досиѳея изданы Каптеревымъ отдѣльно; сюда вошли разныя грамоты Досифея къ государямъ Петру и Іоанну Алексѣевичамъ, къ Петру I, къ патріархамъ Іоакиму и Адріану.

Наиболѣе обширной изъ относящихся къ Петровской эпохѣ, является уже отчасти извѣстная намъ работа Филиппова [165]). Въ первой части авторъ даетъ очеркъ основныхъ началъ Петровскаго законодательства въ области государственнаго права, гражданскихъ отношеній, быта и нравовъ общества, — причемъ отношеніе автора къ реформамъ Петра довольно отрицательное. Вторая часть трактуетъ о наказаніи по сепаратнымъ указамъ, третья — по воинскому уставу, такъ какъ въ первыхъ развивались начала своего права, въ

---

[164]) Каптеревъ, см. №№ 108 и 108а.

[165]) Филипповъ, А. О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою. Москва, 1891, X+457. Ц. 3 р. Р. М. 1891, 10; И. В. 1891 г., 9.

Digitized by Google

другомъ проведены были начала иноземныя. Общій выводъ автора тотъ: законодательство о наказаніи не запечатлѣно преобразовательнымъ характеромъ и имѣетъ въ виду скорѣе требованія обще-государственной политики, чѣмъ интересы правосудія. „Въ то время, доказываетъ авторъ, какъ по уложенію преступленіе представляетъ соединеніе двухъ сторонъ—грѣховности и ослушанія, по петровскимъ указамъ основными его элементами являются ослушаніе и вредъ: понятіе же грѣховности совершенно неприложимо ко многимъ дѣяніямъ, объявленнымъ закономъ преступными". Начала воинскаго устава, какъ доказываетъ Филипповъ, какъ по общему духу жестокости, отличающему всѣ виды наказанія, такъ и по формѣ ихъ выполненія, являются шагомъ назадъ сравнительно съ русскимъ законодательствомъ. Авторомъ подчеркивается необходимость предпочтенія русскихъ началъ наказанія передъ иноземными.

Весьма интереснымъ является изданіе проповѣдей Ѳедора Салтыкова [166]), одного изъ 60 мальчиковъ отправленныхъ въ 1697 г. Петромъ для науки за границу. Салтыковъ былъ затѣмъ еще нѣсколько разъ заграницей; въ 1712 г. онъ былъ посланъ для покупки судовъ и умеръ въ Лондонѣ въ 1715 г. въ опалѣ. Проповѣди, написанныя имъ въ 1712 г. въ Лондонѣ и пересланныя въ 1713 г. Петру, весьма интересны для характеристики передовыхъ личностей того времени и вліянія, которое на нихъ оказывала европейская жизнь. Салтыковъ увлекся сословно-аристократическимъ строемъ европейскаго государства: онъ проектируетъ обособленіе дворянскаго земле-владѣльческаго класса отъ торгово-промышленнаго, учрежденіе маіората и введеніе аристократическихъ титуловъ, устройство цеховъ, введеніе подоходнаго налога и подушной подати, генеральнаго межеванія и указываетъ на необходимость широкаго распространенія образованія; въ видахъ послѣдняго онъ предлагаетъ учредить въ каждой изъ 7-ми губерній по 2 академіи и въ каждую изъ нихъ набрать по 2000 студентовъ.

Относительно преобразовательной дѣятельности Петра въ области церковнаго управленія Громовъ [167]) развиваетъ мысль, что дѣятельность эта могла быть и была не только результатомъ исторической жизни Россіи и характера ея преобразованія, но и науки и жизни запада. Онъ характеризуетъ сотрудниковъ Петра и прежде всего Ѳеофана Прокоповича, который дѣйствительно, какъ онъ доказываетъ, знакомъ былъ съ наукой.

---

[166]) Проповѣди Ѳедора Салтыкова (Приложеніе V къ отчетамъ о засѣданіяхъ Общ. Любителей Древней Письменности) Р. В. 1891,4.

[167]) Громовъ, П. Преобразовательная дѣятельность Петра Великаго по церковному управленію въ Россіи. Вѣра и Разумъ. 1891, 1,2.

Digitized by Google

и жизнью запада. Авторъ доказываетъ сходство воззрѣній Петра и его реформы со многими воззрѣніями протестантскихъ церковно-юристовъ. Вся реформа была произведена только въ видахъ политическихъ, а поэтому, если и было что-либо усвоено имъ изъ церковной стороны теоретическихъ воззрѣній, существующихъ на западѣ въ протестантствѣ, что не мирится съ православіемъ, то лишь какъ неизбѣжная для него ошибка, какъ случайное, временное, и можетъ быть поэтому вычеркнуто. Петровскимъ-же реформамъ въ области церковнаго управленія посвящены двѣ полемическія замѣтки, помѣщенныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Авторъ первой изъ нихъ доказываетъ мысль, что петровская реформа въ этой области была „совершеннымъ, по разуму русскаго народа, выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей", и что поэтому и „уничтоженіе у насъ патріаршества встрѣчено было народомъ сдержанно-спокойно" 167a—167b).

Во второмъ томѣ Куракинскаго архива 168) напечатанъ цѣлый рядъ грамотъ Петра I къ различнымъ владѣтельнымъ особамъ, при которыхъ Куракинъ былъ аккредитованъ и особенно интересныя „протокольныя записки", которыя князь велъ постоянно, и которыя живо передаютъ ту обстановку, въ которой этимъ новымъ дѣятелямъ приходилось жить и дѣйствовать. Частная переписка Куракина также любопытна для характеристики эпохи. Тутъ же укажемъ на очень неблагопріятные отзывы о I томѣ того же изданія 168a—168b).

Въ описаніи дѣлъ архива Морского Министерства 169) находимъ въ дѣлахъ Адмиралтействъ-Коллегіи за 1718 — 1724 гг. цѣлый рядъ интересныхъ данныхъ для исторіи развитія нашего морскаго дѣла и неутомимой дѣятельности Петра въ этомъ направленіи. Тутъ мы находимъ массу копій съ указовъ и резолюцій Петра, а также подлинные указы, касающіеся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, слѣдственные документы о хищеніяхъ и т. п.

Майковъ 170) впервые изслѣдовалъ любопытные разсказы Нартова и доказалъ, что, во-первыхъ, не всѣ разсказы записаны очевид-

---

167a) Z. О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи. Р. В. 1891 г., 4.

167b) Возраженіе на статью г. Z. Въ Р. В. 1891 г., 11. См. также ст. Дьяконова, № 43.

168) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Кн. II. Спб. 1891. XXVIII+451. Цѣна 3 р. И. В. 1892, 1,

168a) Брикнеръ, Архивъ князя Куракина. В. Е. 1891, 9.

168b) Шмурло, Е. Новый свидѣтель эпохи преобразованій Ж. М. Н. Пр. 1891,1 (187—223).

169) Описаніе дѣлъ архива Морского Министерства за время съ половины XVIII до начала XIX стол. т. VI. Спб. 1891 г., стр. 978.

170) Майковъ, Л. Н. Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Спб. 1891 г., XX+138. Цѣна 1 р. Приложеніе къ 67 т. Зап. Имп. Ак. Наукъ.

Digitized by Google

цемъ, а только около 1/3, до 50 разсказовъ записаны лишь со словъ очевидцевъ, а около 40 чисто книжнаго происхожденія. Далѣе, такъ какъ А. Нартовъ—токарь Петра Великаго—умеръ еще въ 1756 г., а мы имѣемъ разсказы, заимствованные изъ сочиненій, вышедшихъ позже, то очевидно, что часть разсказовъ кто-то прибавилъ, что видно и по слогу. Майковъ считаетъ вторымъ авторомъ А. А. Нартова, сына предыдущаго.

Главнымъ образомъ на основаніи писемъ и бумагъ Петра В., изданныхъ Бычковымъ, Бобровскій [171]) подробно излагаетъ событія Сѣверной войны непосредственно послѣ Нарвскаго пораженія, описываетъ неприглядное состояніе русской арміи, неурядицы, полнѣйшій недостатокъ въ русскихъ людяхъ, что̀ вызвало необходимость обратиться опять къ призыву иноземцевъ и на этотъ разъ въ очень широкихъ размѣрахъ; онъ разсказываетъ, какъ Петръ, несмотря на полнѣйшій недостатокъ въ солдатахъ, массовое бѣгство рекрутъ, съумѣлъ воспользоваться тѣмъ, что Карлъ XII ушелъ въ Курляндію, завоевалъ Ингрію и подготовилъ испытанное войско. Авторъ описываетъ дѣйствія Шереметьева и Апраксина на берегахъ Невы. Съ почти неизвѣстнымъ до сихъ поръ эпизодомъ изъ исторіи сѣверной войны знакомитъ насъ Оглоблинъ [172]); эпизодъ этотъ описанъ въ журналѣ воеводы С. Неплюева, который вмѣстѣ съ Даніиломъ Апостоломъ былъ разбитъ на голову шведами у мѣстечка Клецка въ 1706 г. Неплюевъ сваливаетъ вину то на Мазепу, который далъ ему знать, что на пути находится только небольшой шведскій отрядъ, то на Даніила Апостола. Разсматривая обстоятельства дѣла, Оглоблинъ приходитъ къ убѣжденію въ полной несостоятельности русскихъ стратеговъ. Интересно письмо Петра [173]), въ которомъ онъ извѣщаетъ польскаго коронаго гетмана Сенявскаго о Полтавской побѣдѣ. Письмо писано въ самый день битвы.

Изъ другихъ работъ укажемъ на попытку Ѳирсова [174]) дать характеристику отношеній Московскаго правительства до Петра и самого Петра къ торгово-промышленному классу, причемъ авторъ приходитъ къ заключенію, что дѣятельность Петра по этому вопросу показываетъ тѣ же черты, что и дѣятельность его предшественниковъ; какъ и они, Петръ разобщалъ привилегіями верхній слой

---

[171]) Бобровскій, П. О. Завоеваніе Ингріи Петромъ Великимъ, 1701—1703. Военный Сборникъ. 1891, 2 (201—229).

[172]) Оглоблинъ, Н. Бой со шведами у мѣстечка Клецка. Р. С. 1891,10 (25—32).

[173]) Письмо Петра. К. С. 1891, 1.

[174]) Ѳирсовъ, Н. Правительство Московской Россіи и Петръ Великій въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу. Казань. 1891 (17).

Digitized by Google

торгово-промышленнаго класса отъ низшаго; разницу Өирсовъ видитъ лишь въ томъ, что Петръ дѣлалъ все исключительно ради пользы государственной. Содержаніе большинства писемъ къ Мусину-Пушкину [175]) (отъ Алексѣя Петровича, А. Меньшикова, Г. Головкина, Шаховского, Брюса и др), ограничивается кругомъ вѣдомства монастырскаго приказа и тѣми сборами и повинностями, которые такъ или иначе касались до него; кромѣ церковныхъ дѣлъ нѣкоторыя касаются сборовъ на военное дѣло (о сборѣ драгунскихъ лошадей съ монастырей и духовенства), другія касаются столкновенія Мусина-Пушкина съ Стефаномъ Яворскимъ изъ-за назначенія государева духовника Благовѣщенскимъ протопопомъ. Яхонтовъ [176]) сообщилъ, отчасти уже впрочемъ извѣстные, матеріалы для біографіи Ст. Яворскаго,—а именно завѣщаніе, въ которомъ Яворскій жертвуетъ свою библіотеку Благовѣщенскому монастырю въ Нѣжинѣ и элегію, написанную имъ при прощаніи съ книгами. Оглоблинъ [177]) разсказываетъ по дѣламъ Сибирскаго приказа о японцѣ Денбеѣ, котораго въ 1697 — 98 гг. нашелъ на Камчаткѣ В. Атласовъ и доставилъ въ 1701 г. въ Москву. Петръ приказалъ обучить его русскому языку, а затѣмъ дать ему въ ученіе „русскихъ ребятъ“ человѣка 3 или 4. Скворцовъ [178]) издалъ нѣсколько рукописей, собранныхъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и предпослалъ имъ очеркъ дѣятельности Лопатинскаго по борьбѣ съ расколомъ. Между рукописями особенно интересны керженскіе отвѣты, произведеніе раскольничьяго дѣятеля Андрея Денисова; списокъ найденный Скворцовымъ, есть одинъ изъ самыхъ первыхъ и самыхъ точныхъ списковъ этой рѣдкой рукописи; далѣе интересно сочиненіе (отъ 1713 г.) неизвѣстнаго автора противъ раскола и др. *) [178a—178d]).

О богатомъ матеріалѣ, вошедшемъ въ VIII т. описанія документовъ Св. Синода и касающемся времени непосредственно послѣ

---

[175]) Гоздаво-Голомбевскій, А. Письма современниковъ къ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину. Опис. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. VIII. (149—177).

[176]) Яхонтовъ, С. Два духовныхъ завѣщанія Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго. Труды Ряз. Арх. Комиссіи, т. VI. (81—87).

[177]) Оглоблинъ, Н. Первый японецъ въ Россіи. Р. С. 1891, 10 (11—24).

[178]) Скворцовъ, Д. Замѣчательныя рукописи архіеп. Ѳеофилакта Лопатинскаго въ Тверской семинарской библіотекѣ. Тверь. 1891. Цѣна 30.

[178a]) Неимировъ, Г. А. Опытъ исторіи С.-Петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга, какъ торговаго порта. Вып. VII. Спб. 1891 (129—174).

[178b]) Симсонъ, П. Замѣтка о монетахъ Петровскаго времени. Ж. М. Н. Пр. 1891, 1 (229—231).

[178c]) Князь Ромадоновскій и Меньшиковъ 1709 г. Р. С. 1891, 1 (126).

[178d]) Оглоблинъ, Н. Тревога о „государевомъ шествіи“ въ Сибири въ 1704. Р. С. 1891, 9 (609—616).

*) См. №№ 337—343.

Digitized by Google

Петра, мы имѣемъ сообщеніе Варсова [179]), который отмѣчаетъ наиболѣе интересныя свѣдѣнія. Таковыми являются прежде всего данныя объ отношеніи правительства къ церкви, которыя указываютъ на то, что „синодальное правительство" не разъ имѣло поводъ жаловаться, что оно въ „уничиженіи быть значится"; правительство продолжало видѣть въ Синодѣ только органъ и орудіе государственной власти, и интересовалось въ дѣятельности церкви преимущественно ея сборами и доходами. Интересны данныя о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и его вліяніи, объ архіепископѣ Новгородскомъ Ѳеодосіи и его дѣлѣ, объ отобраніи имъ изъ церквей и монастырей всѣхъ драгоцѣнностей, о Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ; о спорѣ изъ-за монастырскихъ земель Ягужинскаго, о положеніи монастырскихъ крестьянъ, находившихся во владѣніи помѣщиковъ и т. п. цѣлый рядъ данныхъ характеризуетъ отношенія помѣщиковъ къ священникамъ, которые находились въ самомъ унизительномъ положеніи, бывали биты и оскорбляемы безпрестанно. Далѣе авторъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ свѣдѣній о дѣятеляхъ литературы и науки: о послѣднихъ годахъ жизни Софронія Лихуды, о другихъ грекахъ—Скіадѣ и Кондоиди, о дѣятеляхъ просвѣщенія въ южной Руси: Іоакимѣ Богомоловскомъ, о Іеронимѣ Колпецкомъ, о знаменитомъ чудовскомъ архимандритѣ Ѳеофанѣ Кроникѣ, одномъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, о типографіяхъ и книжномъ дѣлѣ того времени. Въ томъ же томѣ находимъ новыя данныя о царицѣ Евдокіи, которую Меньшиковъ долженъ былъ освободить, но при этомъ постарался подчинить ее своему вліянію, черезъ ея новаго духовника, іеромонаха Новгородова, который былъ будто бы креатурой Меньшикова; о царевичѣ Алексѣѣ и двухъ близкихъ къ нему лицахъ—іеромонахѣ Антоніѣ и духовникѣ Либеріѣ, о Елизаветѣ Петровнѣ, о смерти Натальи Алексѣевны и Анны Петровны, о княгинѣ Волконской, врагѣ Меньшикова, которую въ 1728 г. заточили въ монастырь. Интересны данныя о громадномъ количествѣ земельныхъ владѣній, принадлежавшихъ Меньшикову, которыя были отобраны въ его пользу отъ монастырей. Тутъ же находимъ подтвержденіе того, что вступленіе на престолъ Петра II и возвращеніе Евдокіи возбудило движеніе въ средѣ общества и народа въ смыслѣ ожиданія возвращенія къ допетровской старинѣ. Тутъ-же укажемъ довольно поверхностно составленную Kleinschmidt'омъ [179b]) біографію Меньшикова.

---

[179]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Синода т. VIII (1728). Спб. 1891 VII + 704 + CLXIV. P. C. 1891, 7.

[179a]) Варсовъ, Н. Черты русской исторіи и быта эпохи императора Петра II. И. В. 1891, 11, 12.

[179b]) Kleinschmidt. A. Fürst. A. D. Menschikow. Historisch. Taschenbuch. 1891 г.

Digitized by Google

Въ протоколахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта за первое полугодіе 1728 г. [180]) мы находимъ разные документы по дѣлу Меньшикова, о конфискаціи его имущества, нѣкоторыя распоряженія относительно реабилитаціи Евдокіи Ѳедоровны, цѣлый рядъ дѣлъ по поводу мѣръ противъ заразной болѣзни, приближающейся отъ Астрахани, разныя коммерческія дѣла, проектъ о средствахъ къ возвышенію вексельнаго курса и т. п. 1727—1730 годы обнимаютъ донесенія Маньяна, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, который будучи хорошимъ наблюдателемъ сообщаетъ много интересныхъ данныхъ, какъ для исторіи политическихъ отношеній, такъ и для характеристики разныхъ личностей тогдашняго общества; между прочимъ и для исторіи воцаренія Анны Іоановны [180a]). Брикнеръ [181]) излагаетъ донесенія Уорда и Рондо (изд. въ 66 томѣ, Сб. Русск. Истор. Общ.) которыя важны особенно для исторіи царствованія Петра II и первыхъ годовъ Анны Іоанновны; интересны разсказы Рондо о страшномъ застоѣ и упадкѣ всего послѣ Петра, о томъ, какъ старо-русская партія стремилась создать новую столицу въ Москвѣ. Англійскій резидентъ очень всему этому радовался. Тутъ же находимъ данныя о переговорахъ по поводу торговыхъ сношеній и др., въ общемъ очень много интереснаго для характеристики внутренняго разлада въ Россіи. Въ донесеніяхъ лорда Форбеса Гарриигтону и Рондо за 1733—1736 гг. [182]) мы находимъ много данныхъ для исторіи политическихъ отношеній къ Европейскимъ государствамъ, главнымъ образомъ англорусскихъ отношеній и польскихъ дѣлъ; для исторіи переговоровъ между Англіей и Россіей по поводу заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза и торговаго трактата. Тутъ же находимъ и характеристику разныхъ дѣятелей, какъ напр. Остермана и др.

Ардашевъ [183]) во второй части своей работы, выяснивъ, что для помѣстнаго приказа всѣ приговоры по „спорнымъ дѣламъ" записаны въ книги подлинникомъ, разбираетъ затѣмъ всѣ виды приказныхъ помѣтъ и анализируетъ содержаніе приговоровъ; притомъ раскрывается много любопытныхъ и цѣнныхъ фактовъ относительно устройства и дѣятельности помѣстнаго приказа и много любопытнаго для изученія помѣстно-вотчиннаго права вообще; дѣлопроизводство приказа выясняется довольно ясно. Авторъ указываетъ, что приказъ

---

[180]) Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 79. Спб. 1891 XX + 603. Цѣна 3 р.

[180a]) Сб. Русск. Ист. Общ., т. 75.

[181]) Брикнеръ, А. Русскій дворъ въ 1728—1733 гг. И. В. 1891, 10 (36—63).

[182]) Сб. Имп. Русск. Импер. Общ., т. 76. Спб. 1891 г., стр. 591.

[183]) Ардашевъ, Н. Книги записныя приговорамъ бывшаго Вотчиннаго Архива. Описаніе док. и бум. т. VIII. (39—77).

Digitized by Google

былъ не только административнымъ, но и судебнымъ мѣстомъ и даетъ обильный матеріалъ для характеристики приказнаго строя.

Сенатскія опредѣленія [184]), только за 4 м. 1741 г., составляющія болѣе 700 стр., касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ внутренней жизни государства.

Нельзя не упомянуть о изданномъ Д. Корсаковымъ [185]) сборникѣ его статей: изъ нихъ почти всѣ были уже раньше напечатаны, но новое ихъ изданіе вызвало въ литературѣ нѣсколько замѣтокъ. Всѣ почти статьи относятся ко времени отъ Петра I до Екатерины II, а большая часть ихъ посвящена процессамъ верховниковъ и ихъ противниковъ. Бѣловъ [186]) въ рефератѣ по поводу книги Корсакова, противопоставляя боярщину-аристократію дворянству, характеризуетъ затѣмъ верховниковъ, какъ „послѣдній отголосокъ боярщины, уже перерождавшейся въ вельможество". Поставивъ далѣе вопросъ, что̀ заставило верховниковъ избрать Анну, Бѣловъ отвѣчаетъ: одна ненависть къ реформамъ Петра и изъ-за нихъ къ его семейству. По поводу замѣчанія Корсакова о нѣмцахъ, о возмутительныхъ дѣяніяхъ нѣмецкаго тріумвирата Пыпинъ [187]) замѣчаетъ, что это есть недоразумѣніе: дѣло было вовсе не въ нѣмцахъ, а въ общихъ условіяхъ жизни. Жестокіе нравы и безправіе, которые сдѣлали возможнымъ возмутительный судъ надъ Д. Голицынымъ, были налицо раньше, чѣмъ явились нѣмцы; едва-ли можно говорить, что Русь была унижена владычествомъ нѣмцевъ. Далѣе Пыпинъ указываетъ на то, что Голицына нельзя считать представителемъ національной точки зрѣнія; это была точка зрѣнія только „родословная". Авторъ черезчуръ подчеркиваетъ въ положительномъ смыслѣ такіе факты, какъ борьбу Московской знати съ иноземцами, гдѣ будто-бы проявилось наше національное сознаніе; на самомъ дѣлѣ эта борьба была чисто мѣстною и въ ней русскіе и нѣмцы одинаково съѣдали другъ-друга. Волынскому, котораго въ послѣднее время стали все больше идеализировать, Корсаковъ, по мнѣнію Пыпина, также придаетъ слишкомъ большое значеніе. Характерно то, что реформаторы Д. Голицынъ и Волынскій не находятъ другого средства къ достиженію желанной цѣли, — добиться представительства, какъ перенесеніе къ намъ готовыхъ чужихъ проектовъ, ими увлекается даже Голицынъ, котораго изображаютъ, какъ охранителя Московской старины.

---

[184]) Сенатскій Архивъ, т. IV. Спб. 1891 715 + 60.

[185]) Корсаковъ, Д. Изъ жизни Русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Казань, 1891 г., стр. 4с8, цѣна 3 р. (Ж. М. Н. Пр., 1891 г., 12).

[186]) Бѣловъ, Е. Верховники. Историч. Обозрѣніе, т. III.

[187]) Пыпинъ, А. Эпизоды изъ исторіи XVIII вѣка. В. Е., 1891 г., 9. (О книгѣ Д. Корсакова).

Digitized by Google

Интересъ новыхъ данныхъ для біографіи Кантеміра, которыя издалъ Шимко [188]), сосредоточивается главнымъ образомъ на личной, интимной жизни самого князя и его сестры. Шимко знакомитъ насъ сначала съ содержаніемъ найденнаго имъ архива Кантеміровъ, въ которомъ находятся свѣдѣнія о разныхъ имущественныхъ дѣлахъ, о состояніи хозяйства за нѣсколько десятилѣтій XVIII в., такъ что онъ представляетъ интересъ и для изслѣдователей помѣщичьяго и крестьянскаго быта вообще, и затѣмъ сообщаетъ о найденной имъ перепискѣ Кантеміра съ сестрой. Во второй главѣ авторъ на основаніи переписки, обнимающей все время пребыванія Антіоха за границей, (1732—1744 г.) характеризуетъ личность его сестры, любимѣйшаго его друга, богато одаренной личности. Переписка представляетъ главнымъ образомъ частный интересъ.

Юргенсонъ [189]) въ обстоятельномъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ изданіи „Русск. Старины", Россія и Русскій дворъ, доказываетъ, что авторомъ замѣчаній на записки Манштейна былъ гр. Э. Минихъ. Чечулинъ-же [190]) въ замѣткѣ относительно изданія разсказовъ Нартова говоритъ, не обосновывая, однако, своего мнѣнія, что съ такимъ-же правомъ, какъ на Миниха, можно было-бы указать и на извѣстнаго Бюшинга.

Цѣлымъ рядомъ изслѣдованій по исторіи военнаго искусства въ Россіи мы обязаны Масловскому [191—193]). Въ изданныхъ имъ матеріалахъ авторъ изслѣдуетъ уставъ фельдмаршала Миниха о строевой пѣхотной службѣ, такъ-называемую „экзерцицію пѣшу", которая у современниковъ извѣстна была подъ названіемъ „прусской экзерциціи; въ немъ изиѣпялось основное направленіе въ обученіи войскъ, указанное Петромъ I. Въ то время, какъ Петръ предписывалъ офицерамъ лично показывать на дѣлѣ нижнимъ чинамъ какъ удобнѣе исполнять ружейные пріемы, Минихъ замѣнилъ это общее замѣчаніе письменнымъ указаніемъ, какъ при каждомъ темпѣ держать ружье; всѣ эти предписанья до нельзя мелочны и послужили историческимъ началомъ убійственно-сложной мунштровки; но все это вовсе

---

[188]) Шимко, И. Новыя данныя къ біографіи кн. Антіоха Кантеміра и его ближайшихъ родственниковъ. Ж. М. Н. Пр., 1891 г., 4, 5. (И. В., 1892 г., 1).

[189]) Минихъ, Э. Россія и Русскій Дворъ въ первой половинѣ XVIII в. Спб., 1891 г., стр. 328. Изд. „Русской Старины".

[190]) Чечулинъ, Н. Библіографъ, 1891 г.

[191]) Масловскій, Д. Гольцынъ-Пальцигскій, маршъ-маневръ графа П. С. Салтыкова. Военный Сборникъ, 1891 г., № 1, стр. 1—31.

[192]) Масловскій, Д. Ѳ. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. 3-й. Ч. М. О. И. Д., 1891 г., 4, стр. 1—147.

[193]) Масловскій, Д. Русское военное дѣло при фельдмаршалѣ, графѣ Минихѣ. Военный Сборникъ, 1891 г., 7, 8.

Digitized by Google

не есть заимствованіе изъ Пруссіи. Въ этомъ-же изданіи напечатанъ журналъ военныхъ дѣйствій гребной флотиліи Ласси (во время Финляндской войны 1743 г.), которымъ авторъ придаетъ очень большое значеніе. Изложивъ затѣмъ въ своихъ запискахъ въ общихъ чертахъ военно-административную и уставную реформу Миниха, исторію аттаки Гданска и Ставучанской кампаніи, авторъ приходитъ къ тому выводу, что Минихъ не проявилъ выдающагося таланта какъ полководецъ; какъ военный инженеръ онъ также не оставилъ слѣда въ русскомъ военномъ искусствѣ. Особенностью и стратегическихъ и тактическихъ распоряженій Миниха было стремленіе достигнуть рѣшительныхъ результатовъ маршами-маневрами и демонстраціями. Время Миниха есть періодъ упадка въ русскомъ военномъ искусствѣ. Миниху не удалось развить Петровскихъ началъ. Но огромная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ сразу съумѣлъ оцѣнить значеніе могущественнаго нравственнаго элемента русскаго войска и высоко поддерживалъ въ Россіи традиціонное боевое достоинство русскаго войска. Въ другомъ изслѣдованіи Масловскій описываетъ дѣйствія Салтыкова (во время 7-лѣтней войны), который разбилъ прусскаго генерала Везеля и признаетъ ихъ очень поучительными; обходное движеніе его есть одинъ изъ образцовъ въ духѣ Петровскаго времени и образецъ-предвѣстникъ Суворовской стратегіи и тактики. Тутъ, можно сказать, впервые видоизмѣняется та склонность къ пассивнымъ дѣйствіямъ русской арміи, къ которымъ ее пріучилъ Минихъ. Подробно анализируя дѣйствія Салтыкова и Везеля, Масловскій отмѣчаетъ въ реляціи Салтыкова о побѣдѣ прекрасные отзывы его о человѣколюбіи русскихъ солдатъ, которые вмѣстѣ согласуются съ отзывами П. Панина въ письмѣ къ брату о той-же битвѣ. Далѣе авторъ указываетъ на коварную политику Австрійскаго двора, который всегда стремился заставить русскую армію подойти къ австрійской и подводилъ ее подъ первый огонь, какъ это и сдѣлалъ Даунъ по отношенію къ Салтыкову; послѣдній, дѣйствуя исключительно согласно требованіямъ стратегіи, дѣйствовалъ смѣло и рискованно, принимая все на свою личную отвѣтственность.

Статья Schmidt'a [193a]) посвящена посольству Фридриха II въ Петербургъ въ 1760 г.

Статья Воскресенскаго [194]) сообщаетъ больше данныхъ для

[193a]) Schmidt, R. Die Sendung des Herrn Pechlin nach Petersburg m. 1760. Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft кн. VI, 1891.

[194]) Воскресенскій. Ломоносовъ и Московская Славяно-Греко-Латинская Академія. Прибавленія къ изд. Твореній св. Отцовъ (1891 г.), ч. 47. (Академическая рѣчь).

[194a]) Альфонскій, В. А., Д. В. Ломоносовъ. Р. С., 1891 г., 1, стр. 218—220.

Digitized by Google

характеристики академическаго преподаванія въ прошломъ вѣкѣ, чѣмъ для характеристики личности Ломоносова. Желая отвѣтить на вопросъ, какъ отразилось на Ломоносовѣ 5-лѣтнее его пребываніе въ Академіи, авторъ самымъ подробнымъ образомъ описываетъ преподаваніе и учебникъ піитики и риторики). Чтеніе и углубленіе въ смыслъ Св. Писанія и литературы твореній, которыми Ломоносовъ съ любовью занимался въ Академіи и были, какъ доказываетъ авторъ, тѣми „сѣменами духовнаго воспитанія, которыя принесли впослѣдствіи свои плоды въ дѣятельности Ломоносова, какъ натуралиста. Это вліяніе академіи особенно ясно сказалось на взглядахъ Ломоносова объ отношеніи религіи къ наукѣ, каковые взгляды подробно излагаются авторомъ: цѣль и науки и религіи—удостовѣреніе въ бытіе Бога, раскрытіе его всемогущества; всѣ противорѣчія могутъ быть примирены, чему довольно показали примѣровъ отцы и учители Церкви. Любопытныя данныя о театральныхъ увеселеніяхъ старой Москвы сообщаются въ статьѣ Забѣлина 1946), который о томъ же самомъ предметѣ писалъ уже въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. (Опыты изученія русскихъ древностей, т. II). Авторъ указываетъ на то, что распространеніе театральныхъ зрѣлищъ было дѣломъ особаго рода интеллигенціи, состоявшей по преимуществу, почти исключительно изъ разночинцевъ, это была среда не дворянская; это были грамотные люди больше всего изъ отставныхъ или не окончившихъ курса школьниковъ славяно-греко-латинской Академіи, это были канцеляристы, копіисты, стряпчіе и даже дворовые люди—всѣ они съ великимъ усердіемъ занимались лицедѣйствомъ. Интересны свѣдѣнія о томъ, какъ устраивались эти лицедѣйства, какъ относилась къ исполненію публика, свѣдѣнія о репертуарѣ, который сводился къ общимъ источникамъ и сюжетамъ переводныхъ романовъ того времени *).

Изъ литературы, относящейся спеціально къ Екатерининской эпохѣ прежде всего укажемъ на любопытную статью Бильбасова 195) объ отношеніяхъ Никиты Панина къ Мерсье де-Ла-Ривіеру, извѣстному экономисту того времени, автору соч. „Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“. Де-Ла-Ривіеръ былъ рекомендованъ Панину нашимъ посломъ въ Испаніи Штакельбергомъ, какъ человѣкъ, который можетъ быть очень полезенъ „относительно коммерческихъ установленій и всего касающагося политико-экономической области“. Панину понравилась эта мысль, за нее ухватилась и Екатерина, ко-

---

194б) Забѣлинъ, И. Изъ хроники общественной жизни въ Москвѣ въ XVIII стол. Сборникъ Общ. Любит. Россійской Словесности. 1891 г.

*) См. №№ 344—347.

195) Бильбасовъ, В. А., Никита Панинъ и Мерсье де-Ла-Ривіеръ. Р. С., 1891 г., 11, 12.

Digitized by Google

торая разсчитывала на помощь извѣстнаго ученаго при составленіи уложенія. Характеризуя далѣе Панина, какъ дѣятеля, который съ восторгомъ относился къ мысли объ участіи народа въ законодательствѣ, Вильбасовъ дѣлаетъ предположеніе, что онъ, какъ только прочиталъ упомянутое сочиненіе, тотчасъ-же понялъ, что авторъ, который оказался ярымъ монархистомъ и абсолютистомъ и доказывалъ, что народъ не можетъ быть законодателемъ, ему совсѣмъ не ко двору. Въ виду этого-то, доказываетъ Вильбасовъ, Панинъ и рѣшилъ заставить Ла-Ривіера уѣхать обратно, Л.-Р. пріѣхалъ въ Петербургъ въ октябрѣ, когда Екатерина и Панинъ были въ Москвѣ, гдѣ начались засѣданія большой коммиссіи; въ то время, какъ Л.-Р. думалъ ѣхать въ Москву, чтобы помогать тамъ императрицѣ своими совѣтами, онъ получилъ отъ Панина письмо, что ему разрѣшается оставаться въ Петербургѣ до возвращенія туда императрицы. Л.-Р. пораженный этимъ письмомъ, былъ кромѣ того обиженъ тѣмъ, что ему со всѣми его секретарями предложено было 100 р. квартирныхъ и 200 столовыхъ въ мѣсяцъ. Все это было, какъ утверждаетъ Вильбасовъ, дѣломъ рукъ Панина, въ доказательство чего онъ и печатаетъ переписку Н. Панина съ Ла-Ривіеромъ. Недоразумѣніе произошло по объясненію Панина оттого, что онъ полагалъ, что Ла-Ривіеръ, будучи недоволенъ французскимъ правительствомъ, вынужденъ былъ навсегда покинуть Францію, что̀ самъ Л.-Р. безусловно отрицалъ. Далѣе Л.-Р. утверждалъ, что его пригласили именно для подачи помощи императрицѣ во время работъ по коммиссіи и что Панинъ виноватъ въ томъ, что Штакельбергъ и Голицынъ въ Парижѣ именно такъ поняли приглашеніе. Дѣло кончилось тѣмъ, что уже въ февралѣ 1768 г. Ла-Ривіеръ возвратился въ Парижъ. Вильбасовъ доказываетъ, что еще раньше пріѣзда Ла-Ривіера Екатерина была уже предубѣждена противъ него, такъ какъ Панинъ представилъ его ей, какъ человѣка надменнаго, смотрящаго на русскихъ, какъ на звѣрей. Разсказъ Екатерины о томъ, что Ла-Ривіеръ по пріѣздѣ въ Петербургъ прежде всего устроилъ залы для различныхъ департаментовъ своего будущаго вѣдомства съ соотвѣтствующими вывѣсками, есть ложь; эту ложь выдумалъ, говоритъ Вильбасовъ, опять-таки Панинъ.

Отношеніе Екатерины къ пыткѣ характеризуется Иконниковымъ [196]), который прежде всего пытается установить вліяніе Беккаріи и Блэкстона по отношенію къ этому вопросу. Помимо X-й главы Наказа правительство считало необходимымъ постоянно напоминать

---

[196]) В. С. Иконниковъ. Страница изъ исторіи Екатерининскаго Наказа (объ отмѣнѣ пытки въ Россіи). Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 11—35.

Digitized by Google

подчиненнымъ о нечиненіи пытокъ, каковыя инструкціи, однако, весьма часто нарушались мѣстной администраціей; въ 1774 г. послѣдовала инструкція съ безусловнымъ запрещеніемъ пытокъ; въ 1782 г. пытки запрещены были и въ военномъ вѣдомствѣ; что отступленія продолжались и позже, видно изъ указа 27 сентября 1801 г., несмотря на который примѣненіе пытки имѣло мѣсто и въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія XIX-го столѣтія.

Въ рефератѣ Ѳирсова [197]) разбираются свѣдѣнія, которыя можно извлечь изъ депутатскихъ наказовъ относительно бѣглыхъ, и разсматриваются мѣры, которыя предлагались въ коммиссіи противъ этого зла. Авторъ приходитъ къ заключенію, что голоса относительно бѣглыхъ и разбойниковъ раздавались исключительно изъ среды дворянства; представители другихъ сословій къ этому вопросу относились довольно равнодушно. Дворянство очень и очень глухо сознавало, что главная причина побѣговъ было крѣпостное право, и видѣло эту причину въ своеволіи и безпричинной злости крестьянъ съ одной стороны, и слабости правительственныхъ мѣръ съ другой.

Шереметевскій [198]) описываетъ дѣятельность Каменнаго приказа, задачей котораго было заботиться о благоустройствѣ Москвы и наблюдать за постройками, производящимися въ ней. Особенно любопытны свѣдѣнія объ архитектурномъ классѣ и школѣ, существовавшихъ при приказѣ, о наблюденіи приказа за разными кирпичными заводами. 3-я глава „наблюденія за благоустройствомъ Москвы и производствами въ ней построекъ" имѣетъ значеніе для исторіи Москвы въ послѣдней четверти прошлаго вѣка. По учрежденіи въ 1783 г. губерній, дѣла приказа были переданы въ Московскую казенную палату и управу благочинія.

Витевскимъ [199]) сообщено преданіе о Пугачевѣ, найденное въ бумагахъ извѣстнаго изслѣдователя быта уральцевъ Н. Желѣзнова, записавшаго его въ 50-хъ годахъ отъ одной монахини, которой во времена Пугачева было 10 лѣтъ. Между Петромъ III и Екатериной II, разсказываетъ преданіе, былъ разладъ; въ это время пріѣзжаетъ какая-то иностранная принцесса и увлекаетъ Петра. Тогда Екатерина прогнала мужа, который не могъ получить помощи ни у одного государя, такъ какъ всѣ боялись

---

[197]) Ѳирсовъ, Н. Н. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ, поднятый въ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія (1767). Изв. Общ. при Каз. унив., т. IX, Вып. I, стр. 1—18.

[198]) Шереметевскій, В. Каменный приказъ и его дѣла (1775—1783). Оп. док. и бум., т. VIII, стр. 78—148.

[199]) Витевскій, В. Н. Преданіе о Пугачевѣ среди Уральскихъ казаковъ. Труды IV Археолог. Съѣзда, т. 2, стр. 56—67.

Digitized by Google

Екатерины; только по совѣту турскаго султана Петръ обратился къ Яицкимъ казакамъ. Пугачевъ, разсказываетъ преданіе, испортилъ все дѣло, женившись на Устиньѣ, такъ какъ онъ явился двоеженцемъ; казненный же атаманъ былъ вовсе не онъ, а какой-то колодникъ.

Исторію Пугачевскаго бунта въ Шацкой провинціи (1774 г.) находимъ въ очеркахъ Дьяконова [200]), авторъ разсказываетъ о полнѣйшемъ безсиліи мѣстныхъ командъ справиться съ бунтовщиками и объ организаціи генераломъ Смирновымъ Шацкаго ополченія.

Весьма обстоятельное изслѣдованіе,— какого мы не имѣемъ и въ русской литературѣ — русской политики, главнымъ же образомъ взглядовъ Н. Панина на направленіе русской политики, за первые годы царствованія Екатерины, мы находимъ въ статьѣ Arnheim'a [201]). Авторъ описываетъ дѣятельную агитацію Россіи главнымъ образомъ въ лицѣ Н. И. Панина въ пользу „Сѣвернаго Аккорда", имѣвшую прежде всего цѣлью сломить нежеланіе Прусскаго короля заключить союзъ съ Англіей.

Первый томъ изданія „памятниковъ сношеній нашихъ съ Грузіей" [202]), въ которое войдутъ документы съ конца 17-го вѣка по 1800 г., заключаетъ въ себѣ документы за 1768—74 г., эпоху перваго совмѣстнаго дѣйствія со стороны Закавказья Грузинскихъ и Русскихъ войскъ противъ Турціи. Мы находимъ здѣсь документы по исторіи сношеній Россіи съ Грузіей по поводу этой помощи, о дѣятельности извѣстнаго гр. Тотлебена, который былъ посланъ въ Грузію съ русскимъ войскомъ, о ссорахъ его съ Грузинскими царями, переписку Н. Панина съ Грузинскими царями, ихъ же съ Тотлебеномъ, письма Панина къ Тотлебену, документы о миѣніи капитана Зыкова, который долженъ былъ изслѣдовать положеніе дѣла. Въ донесеніяхъ его къ Панину описывается жадность Тотлебена, склонность его къ грабежамъ и общая противъ него ненависть. Далѣе слѣдуетъ переписка объ отозваніи русскаго корпуса, о мирѣ съ турками и по поводу предложенія со стороны Грузіи договорнаго союза, которое было отклонено.

---

[200]) Дьяконовъ, П. Бѣдствія Шацкой провинціи въ 1774 г. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 33., стр. 25—44.

[201]) Arnheim. Beiträge zur Geschichte der Nordischen Frage Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1891, Bd. 2.

[202]) Цагарели, А. Грамоты и другіе историческіе документы XVIII вѣка, относящіеся къ Грузіи, т. I, съ 1768—1774. Спб., 1891 г., стр. ŁXXV+518.

Digitized by Google

Матеріалы Лашкова [203]) сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности Потемкина во время первой турецкой войны. Сомнѣваясь въ благонадежности туземнаго населенія Крыма, Потемкинъ распорядился отобрать у него лошадей, и обезоруживъ, вооружить вмѣсто нихъ русскихъ казенныхъ поселянъ, живущихъ вдоль морского берега; кромѣ того онъ приказалъ перевести присутственныя мѣста изъ Симферополя въ Перекопъ. Авторъ думаетъ, что татарское населеніе Крыма не заслужило такого къ себѣ отношенія и что результатомъ такого отношенія было усиленіе эмиграціи татаръ изъ Крыма.

Исторіи путешествія Екатерины въ Крымъ посчастливилось, можно сказать, больше, нежели событіе по значенію своему этого заслуживаетъ. Самое путешествіе продолжаетъ съ необыкновенною подробностью описывать Есиповъ [204]); въ текущемъ году описываются приготовленія къ отъѣзду, прибытіе въ Кіевъ и жизнь тамъ; отъѣздъ изъ Кіева, путешествіе по Днѣпру до Канева, гдѣ назначено было свиданіе съ королемъ Польскимъ; пребываніе въ Каневѣ, путешествіе въ Херсонъ и отсюда въ Крымъ, вмѣстѣ съ Іосифомъ; путешествіе по Крыму—изъ Бахчисарая въ Севастополь.

Съ приготовленіями къ встрѣчѣ императрицы въ Крыму, которыя дѣлались по распоряженію Потемкина, знакомитъ насъ работа Маркевича [205]), который сообщаетъ черновики донесеній къ Потемкину В. В. Каховскаго и оффиціальную переписку послѣдняго съ мѣстными административными учрежденіями и лицами, каковой матеріалъ отчасти былъ уже разработанъ въ статьѣ Журьери въ Тавр. Губ. Вѣд. за 1885 г. Чрезвычайно подробно описываются хлопоты о постройкѣ дворцовъ, исправленіи дорогъ, разведеніи садовъ и т. п.; для работъ этихъ мастеровые присылались даже изъ Кіева; интересенъ приказъ, чтобы отступя десять саженей по обѣ стороны большой дороги, назначенной для высочайшаго шествія, всѣ удобныя мѣста къ посѣянію хлѣба были вспаханы и засѣяны; для проѣзда императрицы въ Крымъ поставлено было болѣе 24600 лошадей.

---

[203]) Лашковъ, Ѳ. Матеріалы для исторіи второй Турецкой войны 1787—1791 г. Изв. Тавр. Арх. Комис., № 12.

[203а]) Кирѣенко, Г. Ордера князя Потемкина правителю Таврической области. Изв. Тавр. Арх. Комм., №№ 11, 12.

[203б]) Лашковъ, Ѳ. Реестръ дѣламъ Крымскаго двора въ 1474—1779 г., учиненный Н. Бантышъ-Каменскимъ въ 1808 г. Изв. Тавр. Арх. Комм., № 14, стр. 1—43.

[204]) Есиповъ, Г. В. Путешествіе имп. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г., Кіевская Старина, 1891 г., № 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 12.

[205]) Маркевичъ, А. Матеріалы архива канцеляріи Таврическаго губернатора, относящіеся къ путешествію Екатерины II въ Крымъ въ 1787 г. Изв. Тавр. Арх. Комм., № 11 (76—144).

Digitized by Google

Въ заключеніе авторъ разсказываетъ, какъ послѣ отъѣзда Екатерины начался подсчетъ издержекъ; была назначена новая комиссія, которая и насчитала 322800 р. Вскорѣ послѣ отъѣзда Екатерины всѣ вышеописанныя затѣи пришли въ разрушеніе. Путешествію этому Маркевичъ придаетъ очень большое значеніе для Крыма и говоритъ, что изданный имъ матеріалъ рисуетъ кипучую дѣятельность Потемкина, которому все нужно было создавать вновь и стремиться къ тому, чтобы созданное не имѣло одного лишь случайнаго значенія, а служило прочнымъ основаніемъ развитія благосостоянія края въ будущемъ.

Столѣтняя годовщина смерти Потемкина не вызвала ни одной болѣе или менѣе интересной работы. Изданная Брикнеромъ [206]) біографія князя была уже въ 1887 г. напечатана въ „Нови“ и въ настоящемъ изданіи сдѣланы лишь нѣкоторыя дополненія.

Шубинскій [207]) разсказываетъ, какъ по приказанію императора Павла, питавшаго, какъ извѣстно, особое нерасположеніе къ Потемкину, задѣланъ былъ склепъ съ гробомъ его въ Херсонѣ и уничтоженъ его надгробный памятникъ.

Есиповъ [208]) сообщаетъ изъ Архива Мин. Императорск. Двора подробную опись оставшагося послѣ Потемкина имущества, которое по просьбѣ наслѣдниковъ было куплено казной.

Брикнеръ [209]) посвятилъ особую статью мало извѣстной до сихъ поръ въ нашей литературѣ, но впрочемъ и мало интересной, личности доктора Вейкарда, и его отношеніямъ къ Екатеринѣ. Въ разсказахъ Вейкарда пріѣхавшаго въ Россію съ спеціальною цѣлью нажиться и прожившаго здѣсь съ 1787 до осени 1789 г., встрѣчаются нѣкоторыя интересныя подробности и замѣчанія о придворныхъ, о врачахъ и т. п.

Эпоха царствованія имп. Павла I небогата изслѣдованіями. Въ V-мъ томѣ Матеріаловъ, издаваемыхъ Брикнеромъ [210]), сообщается масса новыхъ документовъ изъ Арх. Иностр. Дѣлъ, Семейнаго арх. Панинныхъ и частью изъ Стокгольмскаго, для исторіи русской дипломатіи 1799—1801 гг., т.-е. времени вице-канцлерства

---

[206]) Брикнеръ, А., Потемкинъ. Спб., 1891 г., стр. 276, цѣна 2 р. 50 к. В. Е. 1891, 12.

[207]) Шубинскій, С. Столѣтіе кончины Потемкина. И. В., 1891 года, 9 (617—627).

[208]) Есиповъ, Г. Описи долговъ и движимаго имущества князя Потемкина-Таврическаго. Ч. М. О. И. Д., 1891 г., 4 (1—47).

[208a]) Ширяевъ, Н. Потемкинскій городъ. И. В., 1891 г., 9 (628—635). (Основаніе и устроеніе Николаева).

[209]) Брикнеръ, А., Екатерина II и докторъ Вейкардъ. Р. С., 1891 года, 12 (531—564).

[210]) Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія гр. Никиты Петровича Панина. Т. V. Спб. 1891. 674 стр. 5 р. И. В. 1891, 7, И. В. 1892, 1.

Digitized by Google

Панина. Plus royaliste que le roi Панинъ ненавидѣлъ Бонапарта, какъ исчадіе революціи, и боролся противъ союза съ нимъ въ то время, какъ Павелъ понималъ необходимость его. Документы V тома разъясняютъ причину опалы Панина, заключавшуюся въ томъ, что было перехвачено письмо Прусскаго посланника, свидѣтельствовавшее о недовольствѣ Панина внѣшней политикой императора. Тутъ же разоблачается поступокъ Растопчина, который сочинилъ небывалое письмо, чтобы показать его легковѣрному царю и тѣмъ погубить своего соперника.

Не представляющія по существу ничего новаго, статьи Соколова [211]) ставятъ себѣ цѣлью раскрытіе процесса, посредствомъ котораго реакція противъ революціи приняла направленіе, благопріятное для возникновенія и развитія пропаганды католичества въ Россіи. Авторъ характеризуетъ личныя свойства императора и старается показать, какъ его стремленіе искоренить свободомысліе и возстановить поколебленные престолы послужило средствомъ проникновенія въ Россію римско-католическихъ пропагандистовъ, какъ его противо-революціонная дѣятельность имѣла благопріятныя для католиковъ послѣдствія. Далѣе авторъ характеризуетъ отношеніе русскихъ правительствъ (и Екатерининскаго) къ іезуитамъ, и старается показать, что оторванность русскаго общества отъ русской національной почвы имѣла слѣдствіемъ сильное развитіе и вліяніе католицизма.

Въ извѣстномъ уже намъ VI томѣ [212]) описанія дѣлъ Арх. Морскаго Министерства мы находимъ въ дѣлахъ адмирала гр. Кушелева (1797—1801) рапорты на Высочайшее имя, доклады, письма къ Кушелеву русскаго посла въ Лондонѣ гр. Воронцова, масса документовъ для исторіи флота; тутъ же упоминаемъ и объ относящихся уже къ царствованію Александра I дѣлахъ канцеляріи Морскаго Министерства (1801—1802), военной по флоту канцеляріи (1802—1804) и др.

Въ статьѣ Бородина [213]) характеризуется направленіе разныхъ журналовъ въ царствованіе Павла, причемъ авторъ доказываетъ, что въ это время русская журналистика является уже не такимъ сподручнымъ орудіемъ правительства, какимъ она была прежде; она по прежнему осмѣиваетъ общественные недостатки, но уже не воспѣваетъ правительственныхъ дѣяній; авторъ указываетъ на рѣзкіе протесты печати противъ запрещенія ѣздить за границу, противъ запретитель-

---

[211]) Соколовъ, М. Католическая пропаганда въ Россіи въ царствованіе Имп. Павла I. Православное Обозрѣніе, 1891 (9, 10, 11, 12).

[212]) Описаніе дѣлъ Архива Морскаго Министерства, т. VI.

[213]) Бородинъ, С. Русская журналистика въ концѣ прошлаго столѣтія. Наблюдатель, 1891, 3. (61—102).

Digitized by Google

ной таможенной пошлины и говоритъ, что эти протесты еще болѣе усиливали недовольство положеніемъ вещей.

Изъ мемуаровъ того времени укажемъ на курьезныя по тону записки Второва [214]), провинціала пріѣхавшаго въ 1801 г. изъ Казани въ Москву и описывающаго столичныя впечатлѣнія. Интересенъ разсказъ о слухахъ о кончинѣ Павла I. Немедленно же назначенный вмѣсто Эртеля оберъ-полиціймейстеръ Каверинъ требовалъ отъ Эртеля денежнаго отчета, который этотъ далъ только по настоянію главнокомандующаго: въ отчетѣ написаны были лица самыя знатныя и почтенныя изъ московскихъ дамъ, которыя получали большія суммы за ихъ шпіонство.

Въ запискахъ Печерина [215]) (1737 — 1836), который служилъ въ межевой канцеляріи въ Москвѣ, а затѣмъ губернскимъ землемѣромъ въ Тамбовѣ и занимался переводами, интересно описаніе пребыванія автора въ Московскихъ пансіонахъ въ послѣднее 10-лѣтіе XVIII в.

Дмитріевъ-Мамоновъ [216]) разсказываетъ подробно по дѣламъ Тоб. Губернскаго Архива объ открытіи въ Сибири въ 1789 г. первой типографіи и объ исторіи перваго и единственнаго провинціальнаго журнала „Иртышъ превращающійся въ Ипокрену“; авторъ подробно излагаетъ содержаніе журнала, говоритъ о его значеніи и о томъ, какъ распредѣлялись подписчики; любопытно то, что еще въ 1811—1812 гг. Тобольскій приказъ общественнаго призрѣнія взыскивалъ деньги съ подписчиковъ.

Укажемъ и на нѣсколько болѣе мелкихъ замѣтокъ къ бытовой и мѣстной исторіи второй половины XVIII вѣка, которыя частью захватываютъ также и XIX в.

Такъ любопытна статья Дьяконова [217—218]), по поводу дѣла о корчемствѣ въ имѣніи помѣщика Свищова (1750 г.), производство по которому изобилуетъ характерными для времени чертами.

Въ обозрѣваемомъ году издана уцѣлѣвшая часть межевыхъ книгъ г. Москвы [219]), составленныхъ въ XVIII стол. (1756, 61 и

---

[214]) Второвъ, И. А. Записки (Москва и Казань въ началѣ XIX вѣка). Р. С. 1891, 4, (1—22).

[215]) Печеринъ, Ѳ. Записка. Р. С. 1891, 12 (587—618).

[216]) Дмитріевъ-Мамоновъ, А. Начало печати въ Сибири. Печать въ Тобольскомъ намѣстничествѣ въ XVIII в. (Изданіе Акмолинскаго области. статист. Комитета). Омскъ, 1891. 82 стр.

[217]) Дьяконовъ, П. Бытовыя картинки по архивнымъ дѣламъ. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31 (16—19).

[218]) Дьяконовъ, П. Бытовыя картинки по архивнымъ дѣламъ. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 32 (24—31).

[219]) Межевыя книги города Москвы въ XVIII стол. Москва, 1891, 404 стр.

Digitized by Google

66 гг.); при нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены переписи отдѣльныхъ владѣній, пополняющія отчасти недостатки въ переписныхъ книгахъ 1740-хъ годовъ.

Въ составленной Староградскимъ [220]) и Пискаревымъ [221]) описи дѣлъ, поступившихъ въ Архивъ Тобольской Коммиссіи (съ 1745 — 1816 г.) встрѣчаются также указанія на богатый бытовой матеріалъ, и разныя челобитныя по поводу ссоръ крестьянъ между собой и съ помѣщиками вслѣдствіе разныхъ самоуправствъ.

Самые разнообразные документы вошли въ опись Снѣжневскаго [222]), какъ напр., вѣдомости о числѣ мѣщанъ, окладныя книги, контракты цеховыхъ мастеровыхъ, свѣдѣнія о купцахъ и купеческихъ оборотахъ, о сборахъ податей, дѣла судебныя, по взысканіямъ и весьма интересныя описи имуществъ.

Въ документахъ [223]) изъ дѣлъ межеваго департамента (1791—1810) интересны спорныя дѣла, возникшія по поводу генеральнаго межеванія, и главнымъ образомъ, споры крестьянъ по поводу неправильнаго размежеванья ихъ съ владѣльцами. Интересные документы, главнымъ образомъ, для характеристики положенія крестьянъ, находимъ въ составленной Снѣжневскимъ [224]) описи дѣлъ Нижегородскаго Уѣзднаго Суда (1776—1868).

Тотъ же авторъ [225]), на основаніи документовъ изъ архива извѣстныхъ въ свое время „Балахонскихъ соляныхъ промысловъ промышленниковъ Лопухиныхъ", даетъ исторію Балахны и Балахнинскихъ варницъ, существованіе которыхъ онъ констатируетъ уже въ концѣ XIV столѣтія.

Тутъ же укажемъ на изданные Дубасовымъ [226—228]) и Писка-

---

[220]) Староградскій, Пл. Опись дѣламъ, поступившимъ для храненія въ Тамб. Историческій Архивъ. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31.

[221]) Пискаревъ, П. Описаніе Тамбовскаго Вознесенскаго женскаго монастыря до изданія Духовныхъ штатовъ въ 1764. Изв. Тамбовск. Арх. Комм. Вып. 31 (55—72).

[222]) Снѣжневскій, В. П. Опись дѣламъ Нижегородскаго уѣзднаго суда. 1765—1845. Дѣйствія Нижегородской Арх. Комм. Вып. 10. (477—496).

[223]) Снѣжневскій. В. П. Опись дѣламъ межев. департ. Сената по Нижегородской губ. 1791—1811. Дѣйствія Нижегородской Арх. Коммиссіи. Вып. 10. (456—476).

[224]) Снѣжневскій. Дѣйствія Нижегор. Арх. Комм. Вып. 10, 11.

[225]) Снѣжневскій. Дѣйствія Нижег. Арх. Комм. Вып. 11 (591—608).

[226]) Дубасовъ, И. Гор. Тамбовъ по Росписному Списку. 1745 г. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 32. (17—21).

[227]) Дубасовъ, И. Историческая записка о Тамбовскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, составленная по поводу его 200-лѣтія. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31. (7—12).

[228]) Дубасовъ, И. Богородично-Казанскій монастырь. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31. (12—15).

Digitized by Google

ревымъ [229]), матеріалы для исторіи Тамбова въ XVIII столѣтіи и отмѣтимъ слѣдующія замѣтки и статьи [230—249]).

XIX стол.

Литература по исторіи первой четверти или вѣрнѣе первой половины текущаго столѣтія посвящена главнымъ образомъ политическимъ отношеніямъ Россіи къ Западно-Европейскимъ государствамъ.

---

[229]) Пискаревъ, П. Опись Казанскаго монастыря въ г. Тамбовѣ. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31. (97—119).

[230]) Переписныя книги гор. Москвы. 1737—1745. Т. VII, Москва, 1891. 334 стр.

[231]) Кузнецовъ, Е. Тревога въ Сургутѣ въ 1745 г. Тобольскъ, 1891. 10 стр.

[232]) Кузнецовъ, Е. О хлѣбной торговлѣ Тобольска въ 1744 г. Тобольскъ. 1891. 8 стр.

[233]) Арсеньевъ, Ф. А. Устьсысольская Старина. Р. С. 1891, 1 (Разбойники на Печерѣ въ половинѣ XVIII стол.).

[234]) Новиковскія книги. Р. А. 1891, 3 (425—429).

[235]) Можаровскій, К. Ф. Письмо Петербуржца къ другу въ провинцію отъ 27 мая 1790, Дѣйствія Нижн. Арх. Комм. Вып. 10. (442—445),

[236]) Орловъ, Н. Штурмъ Измаила 11 дек. 1790. С.-Петербургъ, 1891. И. В. 1891, 2.

[237]) Пыляевъ, М. Отецъ Суворова. И. В. 1891, 7 (72—78).

[238]) Ганъ. Н. Леонт. Неклюдовъ (сподвижникъ Суворова). Р. С. 1891, 1. (223—225).

[239]) Janssen, Joh., Russland und Polen vor Hundert Jahren, Frankf. a/M. 1891. 133 s.

[240]) Roeppel, R. Zur Genesis der Verfassung Polens vom 3 Mai 1791. Historische Zeitschreft. Bd. 66. 1891.

[241]) Кузнецовъ, Е. О распоряжкахъ Чичерина въ Тобольскѣ. Тобольскъ. 1891. 25 стр.

[242]) Кузнецовъ Е. Письма Екатерины къ Чичерину. Р. А. 1891, 5.

[243]) Іеронимъ (іеромонахъ), заточникъ въ Соловецкомъ монастырѣ (1766—1847). Р. С. 1891, 7 (183—194).

[244]) Княгиня Е. И. Голицына. Р. А. 1891, 1.

[245]) Соколовъ, П. Татаринова въ Калининскомъ женскомъ монастырѣ. Тверь. 1891, 34 стр.

[246]) Сементковскій, Р. Итальянскій походъ 1799 г. и Кронштадтская встрѣча 1891 г. И. В. 1891, 11 (388—408).

[247]) Милорадовичъ, Г. Письма Василія Ив. Туманскаго и неизданныя его стихотворенія. Черниговъ. 1891. 149 стр. (Издано въ 100 экземплярахъ).

[248]) Дѣло о воровской порубкѣ лѣса въ лѣсныхъ дачахъ Саратовской пустыни въ 1770 г. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31. (20—22).

[249]) Спицынъ, А. Исторія Вятскаго главнаго народнаго училища 1786—1811. (Изъ Календаря Вятской губ.). Вятка. 1891. 79 стр. *).

---

*) См. №№ 348—362.

Digitized by Google

Второй томъ издаваемыхъ Трачевскимъ [250]) матеріаловъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей обнимаетъ событія 1803 и 1804 гг.; изданные матеріалы характеризуютъ дѣятельность Моркова и, по удаленію его, Убри, братьевъ Александра и Семена Воронцовыхъ вмѣстѣ съ Морковымъ въ пользу Англіи и противъ Наполеона, и вліяніе ихъ въ этомъ смыслѣ на Александра. Въ этомъ же томѣ напечатаны документы по дѣлу о разстрѣлянии герцога Энгіенскаго. Всѣ эти матеріалы знакомятъ насъ съ событіями, подготовившими, такъ сказать, Аустерлицъ.

Событіямъ послѣдующихъ лѣтъ посвящены два труда: французскаго ученаго Вандаля [251]) и С. Татищева [252]), которые въ русской литературѣ вызвали нѣсколько статей. Оба труда построены на основаніи документовъ русскаго и французскаго государственныхъ архивовъ, изъ каковыхъ документовъ наиболѣе интересна личная переписка между Александромъ I и Наполеономъ I, открытая Татищевымъ въ нашемъ государственномъ архивѣ (56 писемъ Александра) и донесенія приближенныхъ Наполеона—Коленкура, Савари и Лористона, разработанныя Вандалемъ. Въ то время, какъ трудъ Татищева представляется намъ простымъ изданіемъ матеріаловъ (съ небольшими лишь комментаріями издателя), Вандаль даетъ ученое изслѣдованіе, причемъ оба автора стараются дознаться, почему русско-французскій союзъ не удался при Наполеонѣ.

Трачевскій [253]) отвергаетъ защищаемое Вандалемъ мнѣніе, который идею франко-русскаго союза приписываетъ Наполеону, служившему въ дѣйствительности только безсознательно требованіямъ времени. Вандаль описываетъ стремленіе французовъ къ союзу съ Россіей и личный характеръ политики Александра; характеризуетъ взгляды Наполеона на восточный вопросъ, его мечты о преобразованіи быта всей жизни востока на началахъ цивилизаціи. Нѣкоторое время раздѣлъ Турціи представлялся ему опасной игрой, но затѣмъ опасаясь Англіи, онъ рѣшился предложить Россіи раздѣлъ. Интересна характеристика настроенія русскаго общества при отъѣздѣ императора въ Эрфуртъ, куда его провожали со слезами; весь Петербургъ говорилъ что ему не возвратиться; любопытно описаніе посѣщенія Александра I въ Эрфуртѣ, который былъ здѣсь уже иной, чѣмъ въ Тильзитѣ и не довѣ-

---

[250]) Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи въ эпоху Наполеона I. Т. II. 1803—1804. Сборникъ Русскаго Историч. Общества. Т. 77. С.-Петербургъ. 1891. XIII—773 стр.

[251]) Vandal. Napoléon et Alexandre I. Paris. 1891. 527 p.

[252]) Татищевъ, С. Міровой раздѣлъ. Р. В. 1891. 2 и слѣд.

[253]) Трачевскій, А. Франко-Русскій союзъ въ эпоху Наполеона I. И. В. 1891, 6.

Digitized by Google

рялъ Наполеону. Хотя Александръ и добился согласія Наполеона, а Наполеонъ помощи Россіи въ случаѣ нападенія Австріи, но тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности Эрфуртъ *) былъ, какъ доказываетъ Вандаль, подготовкой Бородина; онъ ускорилъ кровавую развязку между Австріей и Франціей, которая, чѣмъ бы она ни кончилась, приближала разрывъ между Парижемъ и Петербургомъ. Побѣди Австрія—и Александръ былъ бы увлеченъ общимъ потокомъ національной ненависти противъ Наполеона; побѣди Наполеонъ—они стали бы другъ противъ друга, какъ единственные соперники, причемъ наочереди стояли два вопроса: раздѣлъ Турціи и отмѣна другаго важнаго раздѣла—Польши.

Въ статьѣ Слонимскаго [254]), доказывается безсмысленность утвержденія, что въ союзѣ съ Наполеономъ, который выразился Тильзитскимъ актомъ, необходимо видѣть „національную и традиціонную политику“ и здравое пониманіе нуждъ имперіи. Наоборотъ, Тильзитскій союзъ устанавливалъ полное подчиненіе Россіи политической системѣ Наполеона, безъ всякихъ для нея выгодъ. Необъяснимый же поворотъ къ борьбѣ противъ вчерашняго союзника объясняется „преобладаніемъ чисто личнаго элемента въ сферѣ первостепенныхъ государственныхъ интересовъ — элемента, не сдерживаемаго и не контролируемаго твердымъ сознаніемъ политическаго долга и живымъ общественнымъ чувствомъ и мнѣніемъ“. Интересно, что французъ Вандаль, поклонникъ Наполеона, признаетъ что Тильзитскій союзъ былъ дѣломъ сознательнаго и мастерскаго обольщенія, что русская война противъ Англіи была „насиліемъ надъ чувствами и матеріальными интересами народа“. Русское правительство не могло выполнить взятыхъ имъ на себя обязательствъ противъ Англіи и это привело къ войнѣ 1812 г. Эта гроза миновала бы Россію, если бы русская политика была не личною и случайною, а дѣятельно-національною, государственной“.

Тутъ же укажемъ на другую статью Слонимскаго [255]), въ которой онъ, характеризуя дѣятельность Поццо-ди-Борго, опровергаетъ утвержденіе Татищева, что во всѣхъ нашихъ дипломатическихъ нуждахъ виноваты наши дипломаты-инородцы. За одного такого инородца, говоритъ Слонимскій, какъ Поццо-ди-Борго, который проповѣдывалъ франко-русскій союзъ, никто бы не усумнился отдать десятокъ такихъ чисто-русскихъ дѣятелей, какъ Колычевъ, Морковъ и гр. Толстой, по-

---

*) См. № 370.

[254]) Слонимскій, Л. Франко-русскія отношенія при Наполеонѣ I. В. Е. 1891, 3. 4.

[255]) Слонимскій, Л. Франко-русская политика въ началѣ XIX столѣтія. В. Е. 1891, 2.

Digitized by Google

тому что ихъ то патріотизмъ, связанный съ бездарностью и самомнѣніемъ, и нанесъ Россіи страшный вредъ.

Писанныя на франц. яз. и переведенныя Л. Майковымъ записки Хомутовой [256]), даютъ интересную живую характеристику тогдашняго свѣтскаго общества Москвы, въ лицѣ всѣхъ его болѣе или менѣе выдающихся представителей и представительницъ; настроеніе этого общества въ моментъ перехода французовъ черезъ Нѣманъ. Авторъ безпристрастно отмѣчаетъ легкомысліе, обнаруженное тогда многими москвичами.

Походъ великой арміи отъ Вильны (іюль 1812 г.) описанъ Дела-Флизомъ [257]), который былъ помощникомъ главнаго доктора Наполеоновской гвардіи и, взятый въ плѣнъ при Красномъ, попалъ въ домъ графа Гудовича, женился на его племянницѣ и остался въ Россіи. Авторъ описываетъ осаду Смоленска и пребываніе въ немъ, путь до Бородина, Бородинскую битву и занятіе Москвы; онъ говоритъ, что ошибки Наполеона въ эту кампанію были многочисленны и неисправимы: онъ недостаточно внимательно относился къ нуждамъ [войска; выказывая въ Египтѣ почтеніе къ магометанству, онъ здѣсь врядъ-ли признавалъ русскихъ христіанами и позволялъ себѣ оскорблять ихъ святыни *).

Въ напечатанныхъ Шильдеромъ отрывкахъ изъ записокъ Михайловскаго-Данилевскаго [258—263]), разсказывается о его годахъ ученія въ Геттингенѣ. Данилевскій, который думалъ и мечталъ только о наукѣ и занимался политической экономіей, получилъ черезъ Балугьянскаго, который былъ пораженъ его знаніями, мѣсто у министра финансовъ Гурьева. Далѣе Данилевскій описываетъ походъ въ Германію, смерть Кутузова, сраженія при Бауценѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ.

---

[256]) Хомутова, А. Г. Воспоминаніе о Москвѣ, 1812. Р. А. 1891, 11 (309—328).

[257]) Де-ла-Флизъ. Записки. (Походъ великой арміи въ Россію въ 1812 г.). Р. С. 1891, 9, 10, 12.

*) См. №№ 371—374.

[258]) Шильдеръ, Н. К. А. И. Михайловскій-Данилевскій. Къ столѣтней годовщинѣ со дня его рожденія. Р. С. 1891, 9.

[259]) Н. В. Стороженко. Малороссійское ополченіе 1812 г. Чтеніе въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ. 1891. (103—112).

[260]) Изъ дневника Стендаля. Р. А. 1891, 7 (490—495). Изъ Сборника писемъ Стендаля, вышедшаго въ 1885 г.—Стендаль былъ завѣдующимъ продовольственною частью французской арміи.

[261]) Redlich Otto. Tagebuch des Lieutenant Anton Vossen, vornehmlich über den Krieg in Russland. 1812. Düsseldorff. 1891, 20 s.

[262]) О. Левицкій. Тревожные годы. Очеркъ изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—12 г.г. Кіевск. Старина, 1891. 10, 11.

Digitized by Google

Продолженіе труда Надлера [264]), относится ко времени, слѣдовавшему за событіями 1812—14 гг., причемъ авторъ всѣми силами старается доказать, что событія 1815 года и направленіе политики имп. Александра I-го были слѣдствіемъ самостоятельно выработавшагося въ немъ убѣжденія. Относясь весьма неблагопріятно къ г-жѣ Крюденеръ, авторъ доказываетъ между прочимъ, что вліяніе ея на Александра могло возникнуть лишь въ самомъ началѣ 1815 года, такъ что о болѣе раннемъ личномъ знакомствѣ ея съ императоромъ и о вліяніи ея на великія событія первой половины 1814 г. не можетъ быть и рѣчи; далѣе Надлеръ старается опровергнуть разсказъ Мюленбека о томъ заговорѣ мистиковъ и хиліатовъ, который былъ будто бы составленъ съ цѣлью подчинить Императора во время его пребыванія въ маркграфствѣ Баденскомъ ихъ вліянію и о роли, которую при этомъ играла madame Крюденеръ. Излагая затѣмъ уже извѣстную въ подробностяхъ исторію Вѣнскаго конгресса Надлеръ пытается защитить имп. Александра, котораго всѣ признавали слабымъ и колеблющимся. Къ 1812 году только Штейнъ будто бы, говоритъ Надлеръ, удержалъ его на краю пропасти; въ Парижѣ онъ подъ вліяніемъ Талейрана далъ согласіе на реставрацію Бурбоновъ, которую самъ же осуждалъ. Въ Германіи онъ попалъ подъ вліяніе мистиковъ, въ Пулавахъ—подъ вліяніе польской интриги; въ Вѣнѣ онъ былъ наконецъ подъ вліяніемъ Чарторижскаго, но спасенъ былъ вліяніемъ Бадера и Крюденеръ, дѣйствовавшей черезъ Роксану Стурдза. Надлеръ старается опровергнуть все это и доказать, что вся дѣятельность Александра I-го была естественнымъ проявленіемъ тѣхъ религіозно-нравственныхъ началъ, которыя возникли въ немъ помимо всякихъ посторонникъ вліяній, подъ воздѣйствіемъ тѣхъ великихъ и грозныхъ событій, которыми испытывало его Провидѣніе. Надлеръ опровергаетъ далѣе разсказы объ увлеченіяхъ Александра въ Вѣнѣ и о томъ, что укоры совѣсти и сознаніе грѣховности слѣдовали у него будто бы именно за упоеніемъ страстью. Въ немъ, утверждаетъ Надлеръ, былъ крѣпокъ идеалъ христіанскаго единенія между державами, чѣмъ и объясняются всѣ его уступки. Онъ пришелъ къ этимъ идеямъ совершенно самостоятельно; Крюденеръ и Бадеръ могли только укрѣпить его въ нихъ.

Чтобы покончить съ политической дѣятельностью Александра I-го, укажемъ на Лейпцигскую диссертацію Pantschow'a [265]), который излагаетъ исторію греческаго возстанія и затѣмъ доказываетъ, что

---

[264]) Надлеръ. Александръ I и идея Священнаго союза. Вѣра и Разумъ. 1891, 17—20, 22, 24.

[265]) Pantschoff. Der Kaiser Alexandre I und der Aufstand Ypsilantis, 1821. Leipzig, 1891, 69 s.

Digitized by Google

Александръ I не давалъ Ипсиланти никакихъ прямыхъ обѣщаній; ему было пріятно такое возстаніе, т. к. оно могло быть ему полезнымъ въ войнѣ съ Турціей и поэтому онъ не предпринималъ ничего, чтобы подавить его, когда оно было еще въ зародышѣ. Вполнѣ правы однако тѣ, кто ставитъ Императору въ вину, что, благодаря такому двойственному его поведенію, онъ является виновникомъ того, что возстаніе такъ сильно разрослось.

Что касается внутренняго быта, то изъ матеріаловъ, спеціально относящихся къ царствованію Александра, можно указать прежде всего на II часть журн. Комитета министровъ [266]), которая заключаетъ въ себѣ дѣла, касающіяся организаціи или порядка дѣятельности государственныхъ и губернскихъ установленій, дѣла судебныя, дѣла финансовыя, дѣла народнаго продовольствія и хлѣбной торговли и т. п. Къ 1812 году относятся дѣла по изысканію финансовыхъ средствъ относительно различныхъ военныхъ предпріятій и мѣръ, предпринимавшихся послѣ войны. Въ IV вып. Сборн. историч. матеріаловъ [267]) помѣщены Высочайшіе рескрипты и указы по военнымъ и гражданскимъ дѣламъ, Высочайшія повелѣнія, объявленныя графомъ Аракчеевымъ и исходящіе журналы графа. Интересный рескриптъ Паскевичу отъ 1816 года, проливающій свѣтъ на крестьянскіе бунты того времени; во второмъ отдѣлѣ интересны матеріалы для исторіи раскрѣпощенія крестьянъ Эстляндской и Курляндской, губерній и записки по этому же вопросу Николая Тургенева и Гагарина; оба, ужасаясь положеніемъ крестьянъ, полагаютъ, однакожъ, что невозможно сразу „приступить къ уничтоженію онаго состоянія и предлагаютъ разныя реформы, какъ напр., уничтоженіе класса дворовыхъ людей."

Очень интересно для характеристики общественной жизни первой четверти этого столѣтія соч. Булича [268]), которое даетъ рядъ біографій профессоровъ Казанскаго университета, характеризуетъ положеніе университетскихъ дѣлъ, устройство преподаванія, управленіе училищами и студенческіе нравы до 20-ыхъ годовъ. Интересенъ разсказъ автора о знаменитой ревизіи Казанск. университета, произведенной Магницкимъ, о которой онъ говоритъ, что она была вызвана сплетнями, которыми воспользовался Магницкій, чтобы создать себѣ карьеру. Назначеніе Магницкаго было „подтянуть" университетъ; этотъ тер-

---

[266]) Въ предисловіи статья А. Ермолова, Комитетъ министровъ въ царствованіе имп. Александра 2. И. В. 1892, 5.

[267]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Имп. Величества Канцеляріи. Вып. IV. С.-Петербургъ, 1891. И. В. 1891, 11. Ж. М. Н. Пр. 1891, 9. Р. В. 1891, 10.

[268]) Буличъ, Н. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета (1805—1819). Ч. 1-я. Казань, 1891, 799 стр. 4 р. В. Е. 1893, 5.

Digitized by Google

минъ изъ военной дисциплины, говоритъ авторъ, долженъ быть хорошо знакомъ тому, кто слѣдитъ за исторіей русскаго духовнаго развитія. Тутъ же укажемъ на біографію В. Н. Каразина и нѣкоторые новые къ ней матеріалы [269—271]) статью Яковлева [272]) объ аббатѣ Николь—другѣ Ришелье и директорѣ лицея, которая, будучи составлена отчасти по рукописнымъ матеріаламъ, касается любопытной страницы изъ исторіи просвѣщенія Россіи вообще и Новороссійскаго края въ частности, изданныя Мартыновымъ [273]) данныя къ исторіи Нижегородской и Казанской гимназіи въ первыхъ годахъ XIX стол. Для исторіи раскола интересны нѣсколько изданныхъ Мельниковымъ [274]) дѣлъ Семеновскаго уѣзднаго суда. Авторъ извлекаетъ дѣла, касающіяся не вожаковъ движенія, а массы населенія и утверждаетъ на основаніи ихъ, что представленіе о жизни раскольниковъ у насъ ложное. Это вовсе не есть вѣчное исканіе чего-то, какой-то истины. Новые толки возникаютъ часто (по крайней мѣрѣ въ наше время) совершенно случайно: это есть дѣло разныхъ вожаковъ—выскочекъ изъ грамотѣевъ-начетчиковъ, а часто также слѣдствіе неосторожнаго дѣйствія со стороны представителей власти. Масса раскольничьяго населенія вовсе не думаетъ о вопросахъ своей вѣры.

Изъ менѣе важныхъ сообщеній и замѣтокъ укажемъ на статью П. Морозова [275—276]) о Черногорскихъ и Сербскихъ эмигрантахъ въ Россіи, исторію которыхъ онъ изслѣдуетъ до царствованія Николая I и рядъ другихъ менѣе важныхъ статей [277—283]).

---

[269]) Абрамовъ, Я. В. В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность. СПб. 1891, 96 стр. См. также статью В. И. Семевскаго В. Е. 1893, 2.

[270]) Д. И. Багалѣй. Къ біографіи В. Н. Каразина. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. III. Харьковъ, 1891, 307—311.

[271]) Н. Ѳ. Сумцовъ. Три письма В. Н. Каразина. Сборникъ Харьковск. Истор.-филол. Общества. Т. III. Харьковъ, 1891. (338—341).

[272]) Яковлевъ. Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго Лицея. Новороссійскій Календарь. 1891.

[273]) Мартыновъ, А. Ф. Изъ Архива Нижегородской классической гимназіи. Дѣйствія Нижег. Губернск. Арх. Комм. Вып. 10. (435—442).

[274]) Мельниковъ, А. П. Къ характеристикѣ быта раскольничьихъ общинъ начала XIX в. Дѣйствія Нижегор. Арх. Комм. Вып. 10. (496—510).

[275]) Морозовъ, П. О. Черногорскіе переселенцы въ Россіи. 1803—1838. Матеріалы изъ Арх. Мин. Госуд. Имуществъ. Вып. I. (54—107).

[276]) Морозовъ, П. О. Кара-Георгій и сербскіе эмигранты въ Россіи 1814—1830. Матер. изъ Арх. Мин. Госуд. Имущ. (108—136).

[277]) Шафрановъ, П. О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 г. Мат. изъ Арх. Мин. Госуд. Имущ. (208—237).

[278]) Вешняковъ, В. И. Высочайше учрежденный комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи. Тамъ-же (1—54).

[279]) Жихаревъ, С. Записки. 1805—1807. Москва, 1891.

Digitized by Google

Въ 37 т. архива кн. Воронцова [284]) напечатаны матеріалы для біографіи гр. Михаила Семеновича: неинтересная, сухая автобіографія его, переписка, изъ которой интересны лишь письма Закревскаго къ Воронцову, рѣзкія своими отзывами относительно общаго положенія дѣлъ и всевозможныхъ злоупотребленій. Особенно рѣзки отзывы объ Аракчеевѣ. Закревскій возмущается страстью къ шагистикѣ, военными поселеніями и т. д., и не удивляется, что, министры часто пользѣ государственной мѣшали, ибо „Когда они сего и не дѣлали?“ „Интересные отзывы о кампаніи 1812 года, о безтолковщинѣ и о безпутствѣ, самохвальствѣ, лжи нашихъ военноначальниковъ, комиссаріата и провіантской части.“

Въ изданныхъ подъ редакціей Н. Дубровина [285]) бумагахъ Закревскаго находимъ переписку его съ Киселевымъ, Булгаковымъ и А. С. Меньшиковымъ, обнимающую время отъ 1814 до 1840 г. Интересны документы, относящіеся къ столкновенію Закревскаго съ финляндскимъ сенатомъ, въ бытность его финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Сенатъ дѣлалъ Государю донесеніе по поводу рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ помимо финляндскаго Комитета въ Петербургѣ и говорилъ, что генералъ-губернаторъ не въ правѣ объявлять самъ собой Высочайшей воли и даже имѣть доступъ къ Государю по дѣламъ Финляндіи, такъ какъ это есть дѣло статсъ-секретаря; на это Закревскій разъяснилъ, что упорство финляндскаго сената клонится къ тому, чтобы сдѣлать генералъ-губернатора безгласнымъ и ничтожнымъ, поставивъ его въ зависимость „отъ составленной изъ нихъ-же соотчичей комиссіи финляндскихъ дѣлъ“.

Характеристику нѣкоторыхъ „русскихъ“ дѣятелей первой половины XIX вѣка (см. 37 т. Архива Воронцова и 73 т. Сб. Русскаго Историч. Общ.) находимъ въ статьяхъ В. К. П. [286]), который разсказываетъ карьеру Закревскаго, М. С. Воронцова и П. М. Волконскаго и останавливается на перепискѣ послѣдняго съ Закревскимъ.

---

[280]) Пупаревъ, А, Ревизія сенатора Мясоѣдова и ея послѣдствія. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып. I. 1891. (44—48).

[281]) Чоглоковъ, А. Изъ переписки гр. П. П. Сухтелена и его военно-ученыя замѣтки. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 33. (121—139).

[282]) Письма князя М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленскаго къ его дочери П. М. Толстой. Р. А. 1891, 2 (302—303).

[283]) Юдинъ, П. Имп. Александръ I, въ Оренбургскомъ краѣ въ 1824 г. И. В. 1891, 9 (709—719). Изъ дѣлъ Оренбургскаго центральнаго архива *).

[284]) Архивъ князя Воронцова. Кн. 37-я. Москва, 1891. И. В. 1891, 3.

[285]) Сборн. Русск. Историч. Общ. Т. 78. СПб., 1891. XVI + 556. Частью этихъ матеріаловъ уже пользовался А. И. Заблоцкій въ его извѣстной біографіи Киселева.

[286]) В. К. П. Историческіе силуэты. И. В. 1891, 5, 6.

---

*) См. №№ 367—369, 375.

Digitized by Google

Авторъ отмѣчаетъ всеобщую ненависть къ нѣмцамъ и къ Аракчееву и приходитъ къ выводу, что все это были замѣчательные по своимъ талантамъ русскіе люди; всѣ они были того мнѣнія, что въ шагистикѣ и въ формальной красотѣ строя вовсе не заключается сила арміи, какъ это полагали нѣмцы, и съ ихъ голоса Николай I, горько заплатившій за эту роковую ошибку противъ народнаго духа въ 1855 г. „Но въ томъ то и бѣда, что ничто русское, ничто дѣйствительно образованное, честное и преданное монарху не можетъ имѣть голоса во время нѣмецкаго порабощенія Россіи".

Тутъ же нужно указать на воспоминанія Дибича [287]), въ которыхъ также находимъ характеристики разныхъ дѣятелей: Ермолова (о порученіи смѣнить Ермолова на Кавказѣ), М. С. Воронцова, Кочубея, Орлова, Волконскаго и др. Тутъ же находимъ рѣзкіе отзывы о декабристахъ. Дибичъ разсказываетъ, что уже въ Таганрогѣ, тотчасъ по смерти Государя, онъ, узнавъ по найденнымъ имъ бумагамъ о преступномъ замыслѣ, приступилъ къ истребленію его, не зная и не предвидя еще 14-го дек. Любопытно замѣчаніе генерала, что „книгопечатаніе—губительный деспотъ нашего времени; это—деспотъ разврата". Интересенъ также отзывъ объ Аракчеевѣ: „это рѣдкое и необычайное явленіе нашего вѣка можно было бы назвать великимъ мужемъ, если бы поступки его были всегда столь же справедливы и безкорыстны, какъ та вѣрность, съ которой онъ твердо исполняетъ волю и намѣреніе своего государя; онъ былъ государству болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ" [288]). Эти, сообщенныя Н. К. Шильдеромъ записки, были первопачально записаны на нѣмецкомъ языкѣ со словъ Дибича, бар. Тизенгаузеномъ, а затѣмъ переведены имъ на русскій языкъ и предназначались, какъ кажется, для Императора Николая I.

Интересныя данныя о настроеніи Петербургскаго общества и двора въ первые годы царствованія Николая мы находимъ въ воспоминаніяхъ генерала Герлаха, съ содержаніемъ которыхъ русскій читатель можетъ ознакомиться по изложенію Брикнера [289]). Генералъ-адъютантъ Герлахъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ Фридриху Вильгельму IV и къ принцу Вильгельму. Первый томъ его воспоминаній обнимаетъ время отъ 1825 до 1852 года; сопровождая принца Вильгельма онъ былъ 4 раза въ Петербургѣ: въ 1826, 28, 32 и 34 гг., причемъ о послѣдней поѣздкѣ не имѣется данныхъ. Гер-

---

[287]) Тизенгаузенъ. Графъ И. И. Дибичъ-Забалканскій въ его разсказахъ. Р. С. 1891, 3, 4, 5.

[288]) Письма графа Аракчеева къ Ивану Антоновичу Пукалову. Р. А. 1891. 1 (130—144).

[289]) Брикнеръ, А. Русскій дворъ въ 1826—32 годахъ. И. В. 1891, 12 (783—795).

Digitized by Google

лахъ даетъ характеристики императоровъ Александра I и Николая I, и сообщаетъ кое-какія интересныя данныя о декабристахъ, слѣдствіе о которыхъ производилось какъ разъ во время перваго пребыванія Герлаха въ Петербургѣ: дворъ, какъ разсказываетъ онъ, былъ страшно возбужденъ и озабоченъ. Настроеніе Россіи представляется Герлаху очень неудовлетворительнымъ и онъ говоритъ, что „борьба, предстоящая внутри Россіи, опаснѣе войны въ долинахъ Балканскихъ горъ"; далѣе говорится о военныхъ поселеніяхъ, которыя Герлахъ видѣлъ и нашелъ отвратительными, объ Аракчеевѣ; много разсужденій встрѣчается о вліяніи и значеніи иностранцевъ для Россіи.

О русскомъ же дворѣ мы имѣемъ переводы двухъ, не новыхъ уже, правда, сообщеній иностранцевъ, относящихся къ 1839 г.: Де-Кюстина и Гагерна.

Де-Кюстинъ [290]) начинаетъ описаніемъ личности наслѣдника, котораго встрѣтилъ въ Эмсѣ, описываетъ затѣмъ поѣздку въ Петербургъ моремъ, самый Петербургъ, личность Николая Павловича. Мы встрѣчаемъ у него много интересныхъ замѣчаній. „У русскихъ, говоритъ онъ, есть названіе всего, но нѣтъ самихъ вещей: они богаты лишь рекламами, у нихъ есть только этикетки, но нѣтъ докторовъ". Интересно замѣчаніе, что „между Франціей и Россіей стоитъ Китайская стѣна: славянскій языкъ и характеръ. Вопреки всѣмъ притязаніямъ русскихъ, порожденнымъ Петромъ Великимъ, Сибирь начинается отъ Вислы... Я предпочитаю Азію: тамъ больше гармоніи". При этомъ авторъ восхищается величественною личностью Николая I. Интересно также разсужденіе автора о крѣпостномъ правѣ.

Гагернъ [291]) также сообщаетъ много интересныхъ слуховъ. Онъ даетъ рядъ характеристикъ (Ермолова, Меньшикова), описываетъ пребываніе въ Москвѣ, характеризуетъ русское войско, разсказываетъ о неожиданномъ отъѣздѣ Николая изъ Москвы, вслѣдствіе происшествія въ корпусѣ Гейсмара, или болѣзни императрицы. „Прощай Петербургъ и Россія, пишетъ Гагернъ по отъѣздѣ въ Варшаву, я не чувствую ни малѣйшаго желанія увидѣть васъ вновь". Много разсужденій мы встрѣчаемъ объ отношеніяхъ къ Польшѣ и о Кавказскихъ дѣлахъ. Въ концѣ слѣдуетъ описаніе пребыванія въ Варшавѣ, маневровъ, характеристики Паскевича и Горчакова, характеристики педантизма вахтъ-парадовъ и военной выправки.

---

[290]) Кюстинъ. Россія и Русскій дворъ въ 1839 г. (La Russie en 1839. Paris, 1844). Р. С. 1891, 1, 2. См. замѣтку о Кюстинѣ. (Н. К. Шильдера) въ Р. С. 1886, т. 51, стр. 21—22.

[291]) Гагернъ. Россія и Русскій Дворъ въ 1839 г. Р. С. 1891, 1. 1—38. Начало Р. С. 1886 г., т. 51, стр. 21—54, 1890 г., т. LXV, стр. 321—339.

Digitized by Google

Изъ событій Николаевскаго царствованія много матеріаловъ имѣется для исторіи войны на Кавказѣ въ 1827 и слѣд. годахъ.

Въ IV-мъ томѣ сочиненія князя Щербатова [292]) описываются событія Персидской войны отъ октября 1827 г. до конца 1831 года, послѣдствія паденія Эривани, занятіе Тавриды, Туркестантскій договоръ. Авторъ описываетъ положеніе Паскевича, разсказываетъ о перлюстраціи писемъ изъ кавказской арміи и о доносахъ на Паскевича; при дружбѣ Государя къ Паскевичу, любопытны эти „донесенія извѣстныхъ довѣренныхъ лицъ о Паскевичѣ", которыя доводились до свѣдѣнія Государя черезъ Московскій почтамтъ. Далѣе описываются событія Турецкой войны, военныя дѣйствія на Кавказѣ, взятіе Эрзерума, дѣйствія противъ непокорныхъ горскихъ народовъ, гражданское управленіе и заботы графа о краѣ, причемъ отмѣчается его внимательное отношеніе къ нуждамъ населенія. Тутъ же авторъ отмѣчаетъ хорошее отношеніе Паскевича къ сосланнымъ на Кавказъ декабристамъ; нѣкоторымъ изъ нихъ графъ давалъ порученія и имѣлъ по этому поводу разныя непріятности. Тутъ же находимъ, наконецъ, нѣкоторыя новыя свѣдѣнія по дѣлу объ убійствѣ въ Тегеранѣ Грибоѣдова. Матеріалы, между которыми мы находимъ много депешъ Паскевича и писемъ имп. Николая, были извлечены авторомъ изъ военно-ученаго архива, архива азіатскаго департамента и сем. арх. Паскевича.

Записки Муравьева-Карскаго [293—294]) также касаются событій Персидской войны за вторую половину 1827 года. Въ нихъ мы имѣемъ наоборотъ очень рѣзкую критику дѣйствій Паскевича. Авторъ описываетъ взятіе Тавриды, во время котораго онъ былъ начальникомъ штаба у кн. Эристова.

Въ продолженіи записокъ Мохнацкаго [295]) описывается борьба между аристократической умѣренной партіей, „которая хотѣла Польши, установленной дипломатическимъ протоколомъ", хотѣла, чтобы Николай Павловичъ конституціонный царь Польши, воевалъ съ Николаемъ Павловичемъ, царемъ самодержавнымъ всея Россіи", которая хотѣла съ соизволенія русскаго правительства управлять возстаніемъ противъ Россіи, которая хотѣла наконецъ только конституціоннаго царства, съ управленіемъ болѣе независимымъ, чѣмъ прежде, и партіей революціонной, къ которой принадлежалъ Мохнацкій. Авторъ характеризуетъ

---

[292]) Щербатовъ, князь. Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность, т. III, Октябрь, 1827—Май 1831. СПб., 1891, 335 + 170. Р. В. 1891, 12.

[293]) Муравьевъ-Карскій. Р. А. 1891, 9, 10.

[294]) Николаи, Салтинскій походъ. Р. А. 1891, 6 (133—153).

[295]) Мохнацкій. Записки. (Польское возстаніе въ 1830—31 гг.). Р. С. 1891, 2, 3. См. Р. С., т. XLIII (1884), LXV (1890).

Digitized by Google

дѣятельность администраціоннаго совѣта, который началъ вооружать Польшу, чтобы оказаніемъ готовности къ защитѣ, придать вѣса тому, что онъ постановилъ выторговать для Надвислянской Польши въ Петербургѣ. Эта партія стояла за защиту народныхъ вольностей, а не за защиту давнихъ границъ. Авторъ описываетъ диктатуру Хлопицкаго и даетъ рѣзкую критику дѣятельности администраціоннаго совѣта.

Между цѣлымъ рядомъ сочиненій по исторіи быта и воспоминаній выдающагося можно отмѣтить очень мало.

Прежде всего необходимо указать на IV т. сочиненія Барсукова [296]) о Погодинѣ. Въ этомъ томѣ описаны событія отъ 1832 до начала 1837 г. т.-е. времени очень интереснаго въ исторіи русскаго просвѣщенія. Изъ новыхъ матеріаловъ особенно интересны характерныя письма Гоголя къ Погодину; много характернаго для Погодина, къ которому авторъ относится не совсѣмъ безпристрастно; тутъ же находимъ разныя выходки противъ Бѣлинскаго, много данныхъ встрѣчается для характеристики Уварова, Строганова, цензуры того времени; Барсуковъ между прочимъ описываетъ поѣздку Погодина заграницу, сношенія его съ славянскими учеными и отношенія къ Венелину, причемъ Погодинъ оправдывается противъ обвиненія въ эксплоататорствѣ.

Въ воспоминаніяхъ Берга [297]) описывается тамбовская и московская первыя гимназіи, затѣмъ характеризуется кружокъ славянофиловъ (Аксаковъ, Самаринъ, Кирѣевскій и др.), къ которымъ Бергъ примкнулъ. хотя даже „самыя одежды славянофиловъ были ему не по нутру“ и отъ которыхъ сердце его было далеко; затѣмъ разсказывается о кружкѣ Глинки, вечерахъ Вельтмана, Растопчиной, о Соболевскомъ, Щербинѣ, Вигелѣ, о кружкѣ Н. Д. Павлова, причемъ передается исторія высылки его Закревскимъ изъ Москвы; довольна обширна замѣтка о Погодинѣ, котораго Бергъ защищаетъ противъ многочисленныхъ, разнообразныхъ нападокъ. Далѣе Бергъ разсказываетъ объ отъѣздѣ своемъ въ армію, въ Кишиневъ, о возвращеніи своемъ послѣ участія въ фр.-итал. кампаніи, о поѣздкѣ своей въ качествѣ корреспондента газеты „Наше Время“ на Востокъ, жизнь въ Бейрутѣ, Іерусалимѣ и т. д.

Въ разсказахъ Колмакова [298]) интересно то, что относится къ характеристикѣ времени послѣ 1829: авторъ описываетъ батальонъ военныхъ кантонистовъ и характеризуетъ Петербургскій университетъ

---

[296]) Барсуковъ, Н. Жизнь и труды Погодина. Кн. IV. И. В. 1891, 7.

[297]) Бергъ, Н. В. Записки. Р. С. 1891, 2, 3. См. Р. С. LXV (1890).

[298]) Колмаковъ, И. М. Очерки и воспоминанія съ 1816 г. Р. С., 1891 4, 5, 6, 7.

Digitized by Google

конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ, разсказываетъ о профессорахъ университета и даетъ рядъ мелкихъ замѣтокъ о Пушкинѣ, Крыловѣ и анекдоты объ императорѣ Николаѣ I.

Для исторіи университета же любопытны воспоминанія Вешнякова [299]), который былъ репетиторомъ въ Дворянскомъ полку и вольнослушателемъ Петербургскаго университета. Авторъ даетъ характеристики Норова, Мусина-Пушкина, Куторги, Калмыкова, Горлова, Никитенки и другихъ профессоровъ. У Миклашевскаго находимъ интересную характеристику системы воспитанія въ Дворянскомъ полку [300—301]), которое основывалось на тѣлесномъ наказаніи; тутъ же находимъ нѣсколько теплыхъ словъ о Киневичѣ и Ир. Ир. Введенскомъ.

Интересными чертами провинціальной жизни изобилуютъ разсказы Діева [302]), о борьбѣ его съ духовной администраціей (съ владыкой Владиміромъ), о доносахъ, клеветахъ, которымъ ему приходилось подвергаться. Интересны замѣтки объ Уваровѣ, Строгановѣ, Евг. Волховитиновѣ, Жуковскомъ, Муравьевѣ, которые такъ или иначе защищали Діева; авторъ разсказываетъ также о сношеніяхъ своихъ съ Павломъ Свиньинымъ и Погодинымъ. Воспоминанія изданы А. Титовымъ, который предпослалъ имъ небольшую біографію этого провинціальнаго дѣятеля, ученаго, сдѣлавшаго много для исторіи Костромской Старины.

Нѣкоторыя интересныя данныя находимъ въ напечатанныхъ выдержкахъ изъ дневника Бодянскаго [303—306]) (отъ апрѣля 1852 до апрѣля 1856); нѣкоторыя подробности объ исторіи съ книгой

---

[299]) Вешняковъ, М. И. Воспоминанія (1852—1854 г.г.). Р. С. 1891, 1. Начало напечатано въ Р. С. 1886 г., т. 51, стр. 81—104.

[300]) Миклашевскій, А. М. Дворянскій полкъ въ 1840 гг. Р. С. 1891, 1 (111—125).

[301]) Н. П. Дворянскій полкъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его воспитанниковъ. 2 сентября 1848 г. Р. С. 1891, 3.

[302]) Діевъ, М. Благодѣтели мои и моего рода (воспоминанія). 1794—1866). Р. А. 1891, 5 (61—89).

[303]) Бодянскій, О. Дневникъ. Сборникъ Общ. Любителей Россійской Словесности. 1891 г.

[304]) Письма П. И. Прейсса къ М. С. Куторгѣ, Срезневскому, К. Шафарику и друг. (1836—1846 г.г.). Живая Старина. 1891. Вып. 3/8.

[305]) Письма епископа Полоцкаго Смарагда къ И. О. Глушкову. (1834—35). Р. А. 1891, 3 (373—384).

[306]) Голицынъ. Бородино, Москва въ 1839. Р. С. 1891, 1 (104—110). (Описаніе открытія Бородинскаго памятника).

[307]) Шильдеръ, Н. Записка графа М. Н. Муравьева объ Австріи 1839—40). Р. В. 1891, 10, 12,

[308]) Панютинъ, О. С. Р. А. 1891, 5 (118—132).

Digitized by Google

Флетчера, разговоры по этому дѣлу графа С. Г. Строганова съ Николаемъ Павловичемъ, данныя о настроеніи общества въ годы Крымской войны, разсказъ о смерти и похоронахъ Грановскаго, которому Бодянскій не былъ другомъ, но котораго высоко цѣнилъ *).

Что касается послѣднихъ годовъ царствованія Николая I и первыхъ царствованія Александра II, то этому времени ежегодно посвящается рядъ работъ, воспоминаній, трактующихъ главнымъ образомъ объ исторіи разрыва нашего съ Европой и его послѣдствіяхъ.

Спеціально политикѣ имп. Николая [309]) въ восточномъ вопросѣ посвященъ отрывокъ изъ большой историко-политической записки, которая принадлежитъ будто бы человѣку, находившемуся всегда вблизи дипломатіи и которая, какъ говоритъ издатель отрывка, быть можетъ, будетъ напечатана цѣликомъ. Въ этомъ же отрывкѣ слѣдующимъ образомъ характеризуется политика Николая I: такъ какъ Европа желала неприкосновенности Турецкой имперіи, то Николай хотѣлъ согласовать интересы Россіи и Европы, взявъ охраненіе Турціи на себя, лишь бы Европа не вмѣшивалась въ его расчеты съ нею; но это было противорѣчіе, ибо, призывая одною рукою Европу къ соглашенію, онъ другою отстранилъ ее. Если Европа имѣла въ виду охраненіе Турціи, то именно противъ Россіи. Въ ожиданіи давленія и на Турцію, чтобы она признала опеку Россіи, и на Европу, была предпринята война 1828—29 гг., отъ которой Николай ждалъ гораздо большаго и навязана Турціи помощь противъ возставшаго Египта. И тутъ въ отношеніи къ Египетскому вопросу замѣтно противорѣчіе, такъ какъ Николай не желалъ вступать по существу въ разборъ отношеній султана къ пашѣ. Вмѣшательство Николая вызвало взрывъ негодованія въ Европѣ и Николай, понявъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать одинъ, рѣшилъ сблизиться сначала съ Австріей, а затѣмъ съ Англіей, на которую даже разсчитывалъ непосредственно передъ войной.

Выводъ изъ всего этого, что собственной инициативой Россія въ Турціи ничего сдѣлать не можетъ; это мы забыли въ 1877 г., за что и поплатились.

На основаніи частной переписки французскихъ дипломатовъ Тувенель [310]) разсказываетъ о переговорахъ, которые велись въ Петербургѣ и Константинополѣ съ 1852 по 1854 г. и закончились Крымской кампаніей, переговорахъ главнымъ образомъ по поводу вопроса объ обладаніи Палестинскими святынями.—Въ перепискѣ этой

---

*) См. №№ 376—398.

[309]) В. Ф. Восточная политика императора Николая I. И. В. 1891, 11 (346–358).

[310]) Thouvenel, Nicolas I et Napoleon III. Paris 1891.

Digitized by Google

мы находимъ также много замѣтокъ о личности и характерѣ имп. Николая I, о его политикѣ. Французскій посолъ въ Петербургѣ Кастельбажакъ отрицалъ, какъ извѣстно, воинственные замыслы императора. „Вѣрьте мнѣ, писалъ онъ между прочимъ, что въ этой обширной имперіи хватитъ работы на 3-хъ монарховъ, прежде, чѣмъ ей можно будетъ расширить свои предѣлы“ Тотъ же Кастельбажакъ считалъ Россію восточной страной, которую трудно отвлечь отъ Европы.

Самой борьбы съ Европой касаются замѣтки Васильчикова [311]), и Обнинскаго. Васильчиковъ былъ начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона и въ воспоминаніяхъ своихъ, писанныхъ въ Москвѣ въ 1875—77 гг., даетъ очень рѣзкую критику нашихъ дѣйствій. Вся неудача, доказываетъ онъ, произошла, оттого, что силы наши были разбросаны, каждый боялся за себя и эгоистическій Петербургъ, который видѣлъ одного себя и забылъ о Россіи, сосредоточилъ по побережьямъ Балтійскаго моря сотни тысячъ солдатъ. Главнымъ же виновникомъ всѣхъ неудачъ былъ Паскевичъ, который боясь австрійцевъ и опасаясь постоянно за свое положеніе въ царствѣ Польскомъ, противился всякому усиленію крымской арміи и замедлялъ движеніе войскъ, предназначенныхъ къ отправкѣ въ Крымъ. Походъ въ дунайскія княжества не имѣлъ никакого смысла. Интересна критика дѣятельности Тотлебена.—Причина дальнѣйшихъ неудачъ нашихъ лежитъ въ личности Меньшикова, а главнымъ образомъ въ полнѣйшемъ отсутствіи плана и незнакомствѣ съ мѣстностью.—Интересно, что планъ мѣстности, у Инкерманскихъ высотъ, на которыхъ происходило сраженіе, былъ полученъ Меньшиковымъ на другой день послѣ сраженія; тутъ же авторъ описываетъ ссоры и дрязги между различными начальниками.

Обнинскій [312]), избранный въ 1855 г. начальникомъ Калужскаго ополченія, разсказываетъ о составленіи ополченій, во многихъ изъ которыхъ проявлялись возмущенія; авторъ сообщаетъ много интересныхъ данныхъ о военныхъ порядкахъ того и времени, поденно описываетъ весь походъ до Крыма, характеризуетъ отношеніе населенія къ ополченію и жизнь въ Бельбекскомъ лагерѣ. И тутъ мы находимъ страшно рѣзкіе отзывы о начальствующихъ лицахъ, которыя на вопросъ: „что новаго въ Севастополѣ“? отвѣчали: „ничего! а какія устрицы я тамъ ѣлъ“ [313]).

На основаніи дѣлъ Главнаго Арх. Мин. Ин. Дѣлъ — Письма

---

[311]) Васильчиковъ. Записки. Р. А. 1891, 6 (166—256).

[312]) Обнинскій, Н. Походныя записки 1855—56. Р. А. 1891, 11 (329—412)

[313]) Петровъ, А. Н. Русскіе дипломаты на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. И. В. 1891, 1, 2, 3.

Digitized by Google

и донесенія русскихъ представителей Бруннова и князя Орлова—Петровъ [313]) излагаетъ ходъ переговоровъ на Парижскихъ конференціяхъ гораздо подробнѣе, чѣмъ они изложены въ протоколахъ конференціи; очень интересны донесенія Орлова о его разговорахъ съ Наполеономъ, очень желавшимъ мира, главнымъ противникомъ котораго явилась Англія. Авторъ описываетъ ожесточенные споры изъ-за уступки Карса и измѣненіи границъ Бессарабіи; въ послѣднемъ вопросѣ, который чуть было не повелъ къ разрыву, Наполеонъ сталъ на сторону русскихъ уполномоченныхъ. Только благодаря Наполеону, Парижскій трактатъ не былъ тѣмъ, чѣмъ хотѣли его сдѣлать Англія и Австрія.

Изъ другихъ трудовъ отмѣтимъ нѣкоторые по Исторіи освобожденія крестьянъ и прежде всего 1-ю часть III тома труда Н. Семенова [314]), въ которую вошли матеріалы для исторіи третьяго періода занятій редакціонныхъ коммиссій, для исторіи окончанія разработки положенія—съ 8 апрѣля до начала іюня 1860 года.

Семеновъ же [315]) напечаталъ проектъ Манифеста 19 февраля, принадлежащій Ю. Ѳ. Самарину. Этотъ манифестъ, составленный при содѣйствіи Милютина, былъ уже набранъ, но отвергнутъ графомъ Панинымъ, который составленіе его поручилъ митрополиту Филарету, чего посланъ былъ въ Москву директоръ департамента Топильскій. Изъ писемъ послѣдняго мы узнаемъ, какъ отрицательно отнесся Филаретъ къ дѣлу освобожденія.

Тутъ же укажемъ на записку рязанскаго дѣятеля князя С. Волконскаго [316]), написанную тотчасъ же послѣ первыхъ рескриптовъ. Запиской этой намѣченъ разборъ двухъ положеній: окончательнаго и переходнаго, но авторъ останавливается на изложеніи только окончательнаго положенія.

Въ статьяхъ Велицына [317]) очень тенденціозныхъ, дѣятели освободительной реформы упрекаются въ пристрастіи, въ томъ, что они, ничего не понимая въ крестьянскомъ дѣлѣ, взялись за него.

Пономаревъ—мировой посредникъ [318]) 1861—1863 гг. разсказываетъ о цѣломъ рядѣ недоразумѣній въ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ, о притѣсненіяхъ со стороны помѣщиковъ; онъ утверждаетъ,

---

[314]) Семеновъ, Н. „Освобожденіе Крестьянъ". Т. III. Часть 1. Спб. 1891.

[315]) Семеновъ, Н. П. „Проекты манифеста 19 февраля 1861 г. „Русскій Вѣстникъ". 1891, 6.

[316]) Волконскій, С. „Нѣкоторыя замѣчанія относительно улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ". „Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи", томъ VI. 1891.

[317]) „Коммиссіи по освобожденію крестьянъ". „Русскій Вѣстникъ" 1891, 3, 9.

[318]) Пономаревъ, Н. К. „Воспоминанія посредника перваго призыва 1861—1863 гг.). Р. С. 1891, 2. 303—328.

Digitized by Google

что случаи гуманнаго отношенія къ крестьянамъ—нѣкоторые изъ нихъ онъ приводитъ—были „крайне рѣдки". Мировой посредникъ былъ постоянно заподозрѣваемъ въ желаніи возстановить крестьянъ противъ помѣщиковъ. „Какъ ни былъ глубокъ и могучъ потокъ гуманныхъ идей", говоритъ Пономаревъ, „поддерживавшихъ возвышенное настроеніе трогательнаго великодушія, въ лучшей части тогдашняго общества и въ массѣ населенія еще живо было воспоминаніе о потерянномъ раѣ... міросозерцаніе крѣпостничества уживалось рядомъ съ истинною образованностью". Авторъ кончаетъ интереснымъ разсказомъ о столкновеніи своемъ съ губернскимъ присутствіемъ (харьковской губерніи), которое упразднило его участокъ; онъ указываетъ на то, что долженъ былъ уйти, какъ только столкнулся съ интересами крупнаго землевладѣнія. Эта характеристика „недостойной и утомительной" борьбы, которую приходилось выносить посредникамъ, очень любопытна.

Менѣе интересенъ разсказъ Дубельта [319]) о томъ, какъ ему приходилось возстановлять порядокъ и повиновеніе въ 14-ти имѣніяхъ ярославской губерніи; въ этихъ довольно безсодержательныхъ воспоминаніяхъ интересно утвержденіе автора, что ему ни разу не пришлось никого наказывать, что наказывать приходилось только тому, кто требовалъ безпрекословнаго повиновенія.

Заканчивая обзоръ литературы, мы, въ виду невозможности налагать цѣлый рядъ воспоминаній и большею частью мелкихъ работъ по исторіи XIX стол., должны ограничиться перечнемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ [363—448]). Въ этотъ перечень вошли и заглавія нѣкоторыхъ сочиненій и статей, которыя по случайному недосмотру не были упомянуты раньше [320—363 и 449—460]).

[319]) Дубельтъ, М. Л. „Изъ эпохи освобожденія крестьянъ". Р. С. 1891, 2, 3 (469—474).

[320]) Халанскій, М. Къ былинѣ про Дюка Степановича. Русск. Фил. Вѣстникъ. 1891, 4 (165—172).

[321]) Карнѣевъ, А. Вѣроятный источникъ „Слова о средѣ и пяткѣ". Ж. М. Н. Пр. 1891, 9 (160—175).

[322]) Будде, Е. Ѳ. Изъ занятій по языку Лаврентьевскаго списка начальной лѣтописи. Филологическія Записки. Вып. III. 1891.

[323]) Чечулинъ, Н. Къ вопросу о населенности посадскаго двора въ XVII в. Ж. М. Н. Пр. 1891, 9 (18—29).

[324]) Николаевскій, Павелъ. Московскій печатный дворъ при патріархѣ Никонѣ. Христіанское Чтеніе. 1891, 7/8.

[325]) Неизданное Слово Святителя Димитрія Ростовскаго въ третью недѣлю по Св. Духѣ. Странникъ. 1891, 6/7 (210—216).

[326]) Стасовъ, В. В. Петръ Великій въ костюмѣ голландскаго рабочаго, въ августѣ 1697 г. Р. С. 1891, 10 (209—211).

[327]) Борисовъ, Л. Б. Къ исторіи Петровскихъ полковъ (по неизданнымъ документамъ). Р. В. 1891, 11 (251—263).

Digitized by Google

[339]) Три письма къ царю Петру отъ бывшаго учителя Н. М. Зотова (1709). Р. А. 1891, 7 (293—294).

[340]) Письма Тихона, митрополита Казанскаго къ царю Петру Алексѣевичу (1718). Р. А. 1891, 7 (295—296).

[341]) Шаталовъ, Ив. Письмо гетмана Мазепы Александру Даниловичу Меншикову 1704. Р. С. 1891, 5.

[342]) Струковъ, Д. П. Первый японецъ въ Россіи, въ 1701—1710 г. Р. С. 1891, 11.

[343]) Царица-инокиня Евдокія Лопухина (1716). Сообщ. В. А. Тихонравовъ. Р. С. 1891, 8 (402—403).

[344]) Гоздавъ-Голомбіевскій, А. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ архіепископѣ Патриміѣ (1736—1738). Дѣйств. Ниж. Арх. Комм. Вып. II.

[345]) Оглоблинъ, К. Голодъ въ Нижегородской губ. въ 1754—1755 г. И. В. 1891, 12 (847—851).

[346]) Струкгофъ, Д. Мих. Вас. Ломоносовъ 1746. Р. С. 1891, 9 (617—620).

[347]) Струковъ, Д. П. Придворные маскарады въ 1751 г. Р. С. 1891, 10 (220—221).

[348]) Екатерина Великая о единоторжіи. Р. А. 1891, 12.

[349]) Жизнь Ефима Петровича Чемесова 1735—1801. Записка для памяти. Сообщилъ С. А. Панчулидзевъ. Р. С. 1891, 10 (1—10).

[350]) Челобитная крестьянина Говорухина геп.-губернатору Беклешову (между 1701—1796). Съ предисл. П. Симсона. Р. А. 1891, 7 (298—302).

[351]) Князь Мих. Мих. Щербатовъ. Письма его къ Я. Я. и П. Я. Штелинымъ 1775—1785 гг. Р. С. 1891, 11. (465—469).

[353]) Матвѣевъ, А. А. Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ его хозяйствѣ 1779. Р. А. 1891, 10. (258—264).

[354]) Письма и указы Екатерины Великой къ Сибирскому губернатору Д. И. Чичерину. Р. А. 1891, 5. (6—13).

[355]) Правительственные пріемы Имп. Екатерины Великой. (Изъ письма В. С. Попова къ Имп. Александру Павловичу). Р. А. 1891, 4. 5.

[356]) Изъ промеморіи Голштинскаго принца Георга. (Писано вскорѣ по воцареніи Екатерины Великой). Р. А. 1891, 7.

[357]) Леонтьевъ, К. П. Разсказъ моей матери объ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Русскій Вѣстникъ. 1891, 4 (77—104).

[358]) Письма архіепископа Георгія Конисскаго къ архим. Платону. Сообщ. гр. Мих. Толстой. Душеполезное Чтеніе, № 10.

[359]) Письмо Платона, митрополита Московскаго къ Георгію Конисскому. Сообщ. гр. Мих. Толстой. Душеполезное Чтеніе, № 10 (191—192).

[360]) Анучинъ, Д. Столѣтіе „Писемъ Русскаго Путешественника". Р. М. 1891, 7, 8.

[361]) Шумигорскій, Е. Имп. Марія Ѳеодоровна. Р. А. 1891. (Содержаніе этого труда было изложено въ Обзорѣ Литературы за 1892 г., когда онъ вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ.

[363]) Письмо Имп. Маріи Ѳеодоровны и Имп. Александра Павловича къ мин. Иностранныхъ Дѣлъ барону Будбергу о неприкосновенности приданаго Россійскихъ великихъ княженъ. Р. А. 1891, 12 (578—582).

[364]) Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ въ 1796—1797 гг. Сообщ. А. И. Макшеевъ. Р. С. 1891, 8. (404—407).

Digitized by Google

[365]) Струковъ, Д. П. Письмо гр. А. А. Аракчеева ген.-маіору Ив. Терентьевичу Спазину 1803. Р. С. 1891, 10.

[366]) Письмо графини Р. С. Эдлингъ къ графу И. А. Каподистріи. Р. А. 1891, 11. (419—423).

[367]) Судъ и сдѣлка въ началѣ XIX вѣка. Рукописная Сатира 1807 г. Сообщилъ Н. С. Тихонравовъ. Р. С. 1891, 8. (406—410).

[368]) Образчики археологическихъ поисковъ канцлера графа Румянцова. (Два его письма къ Н. М. Зиновьеву). Русскій Архивъ. 1891, I.

[369]а) Полетаевъ, Н. Дополненія къ изслѣдованію: „Труды митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова по Исторіи Русской церкви". Православный Собесѣдникъ. 1891, № 9. (84—100).

[369]) Н. В. Шугуровъ. Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Кіевская Старина. 1891, № 8, 9 и 10.

[370]) Шильдеръ, Н. К. Письма шажа Наполеона I объ Эрфуртскомъ свиданіи. Р. В. 1891, 9. (315—322).

[371]) Тимофѣевъ, С. М. Описаніе, что происходило во время нашествія непріятеля въ Донскомъ монастырѣ 1812 г. Р. С. 1891, 10. (265—269).

[372]) Наполеонъ о пожарѣ Москвы 1812 г. Р. А. 1891, 2. 301.

[374]) Beer, A. Die deutsche Politik des Fürsten Schwarzenberg bis zu den Dresdener Konferenzen. Historisches Taschenbuch. 1891.

[375]) Шильдеръ, Н. К. Изъ переписки Цесаревича Константина Павловича и ген.-адъют. Сипягина. Русскій Вѣстникъ. 1891, XII. (355—363).

[376]) Къ біографіи фельдмаршала князя Паскевича. Р. А. 1891, 10. (270—274).

[377]) В. К. Кюхельбекеръ. Дневникъ 1837—1845. (Продолженіе). Р. С. 1891, 10. (61—122).

[378]) Россійское купечество на обѣдѣ у Имп. Николая Павловича 1833. Р. А. 1891, 12.

[379]) Захарьинъ, И. Н. Зимній походъ въ Хиву 1839 г. Р. А. 1891, 4. (513—598).

[380]) Елисеевъ, Г. Изъ далекаго прошлаго двухъ академій. По поводу смерти проф. каз. дух. акад. И. Я. Порфирьева. В. Е. 1891, I. (282—312).

[381]) Резолюція Моск. митрополита Филарета. Душеполезн. Чтеніе. 2, 3, 4, 8, 11. (488—497).

[382]) Письма Московскаго митрополита Филарета. Душеполезн. Чтеніе. 2, 3, 4, 8, 11.

[383]) Письма митрополита Филарета къ Ѳ. Я. Репнинскому. 1828—1842. Р. А. 1891, 2. (285—288).

[384]) Письма митрополита Московскаго Филарета, хранящіяся въ Импер. Публ. Библіотекѣ. С.-Петербургъ, 1891. 77 стр.

[385]) Корсунскій, И. Московскій періодъ (1821—1867) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета. Вѣра и Разумъ. 1891, № 13, 14.

[386]) Григорій, Архим. Къ воспоминаніямъ о Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ. Душеполезное Чтеніе. 1891, 12. (603—604).

[387]) Лащенковъ. Воспоминаніе о Филаретѣ. Харьковскій Сборникъ. Вып. V.

[388]) Галаховъ, А. Д. О М. П. Погодинѣ. Р. В. 1891, 4, 5. (По поводу труда Барсукова).

[389]) Изъ переписки недавнихъ дѣятелей. Матеріалы для Исторіи русскаго общества. Русская Мысль. 1891, 68.

Digitized by Google

[390]) Неизданныя письма В. Г. Бѣлинскаго къ А. И. Герцену Р. М. 1891, 1. (1—25).

[391]) Вохинъ, Н. В., ген.-маіоръ. Записки (1790 + 1853). Р. С. 1891, 8. (547—565).

[392]) Евреиновъ, М. М. Памятныя записки съ біографическимъ о немъ воспоминаніемъ графа М. В. Толстого. Р. А. 1891, 8. (405—426).

[393]) Терлецкій, Влад. Архим. Записки. 1808—1858. Р. С. 1891, 11.

[394]) Филевичъ, И. Вопросъ о возсоединеніи западно-русскихъ уніатовъ къ его новѣйшей постановкѣ. Варш. Унив. Изв. 1891, 7. (1—31). Критика труда П. Бобровскаго.

[395]) Письма епископа Полоцкаго Смарагда къ князю П. П. Хованскому. (1833—35). Р. А. 1891, 8. (427—440).

[396]) Щербачевъ, Г. Воспоминанія. Р. А. 1891, 1, 2.

[397]) Здекауеръ, Н. Ѳ. Имп. медико-хирургическая академія въ 1833—1863 гг. Р. С. 1891, 4, 5.

[398]) Іорданъ, Ѳ. И. Записки 1880—1883. Р. С. 1891, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

[399]) Никитенко, А. Дневникъ. (Продолженіе съ 1862 г.). Р. С. 1891, ч. необозн.

[400]) Валуевъ, Н. А., графъ. Дневникъ. Р. С. 1891, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11.

[401]) Изъ писемъ графа П. А. Валуева къ А. В. Головнину (1878—1886). Сообщ. графъ Н. П. Валуевъ. Р. В. 1891, 12. (368—381).

[402]) Ст—къ, Я. Валуевская коммиссія. Р. М. 1891, 3, 4.

[403]) Шестаковъ, П. Д. Воспоминанія (Гр. Д. А. Толстой, какъ министръ Нар. Просвѣщенія). Р. С. 1891, 2. (387—405).

[404]) Фадѣевъ, А. Записки. Р. А. 1891, 2, 3.

[405]) Любарскій, И. Воспоминанія о Харьковскомъ университетѣ. П. В. 1891, 8. (373—393).

[406]) Буслаевъ, Ѳ. Мои воспоминанія. В. Е. 1891, 4.

[407]) П. А. Плетневъ и А. И. Никитенко (переписка 1856—1857 гг.). Р. С. 1891, 2. 431—448.

[408]) Зиссерманъ, А. Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Р. А. 1891, 1, 2, 3.

[409]) Дубровинъ, Н. Изъ исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Военный Сборникъ. 1891, 3, 4, 5, 6.

[410]) Воспоминаніе о бомбардированіи Одессы въ 1854 г. княжны И. П. Репниной. Р. А. 1891, 11. (413—418).

[411]) Абакумовъ, Ф. И. Взятіе парохода „Тигръ“ 30 апрѣля 1854. Р. С. 1891, 11. (485—488).

[412]) Мильгофъ, Ѳ. Эпизодъ изъ исторіи Крымской войны. [Р. А. 1891, 8. (496—500).

[413]) Le Saint. Les récits du capitaine. Crimée et Italie. Limoges. 1891. 240s.

[414]) Hamley, Ed. The war in the Crimea. London. 1891. 307s.

[415]) Коховскій, В. П. Дѣло 22 мая 1857 г. подъ Силистріей. Р. С. 1891, 3. 698—700. Исправленіе нѣкоторыхъ неточностей къ статьѣ Стренга „Русскіе на Дунаѣ и подъ Силистріей“. Р. С. 1890, 12.

Digitized by Google

[416]) Александренко, В. Изъ переписки княгини Ливенъ съ графомъ Греемъ. Варш. Унив. Изв. 1891, 4. (1—27).

[417]) Робушъ, М. Одинъ изъ русскихъ піонеровъ на далекомъ востокѣ. И. В. 1891, 12. (692—712).

[418]) Барсуковъ, И. Графъ Николай Ник. Муравьевъ-Амурскій. т. 1, 2. Москва. 1891. 5 р. 50 к. (Изложеніе труда Барсукова мы имѣемъ въ Ж. М. Н. Пр. (1891, 11), въ статьѣ Оксенова, и въ Р. Об. (1891. 6, 7), въ статьѣ Безобразова.

[419]) Барановъ, А. Е. На рѣкѣ Амурѣ въ 1854—55 гг. Воспоминаніе офицера изъ отряда Н. Н. Муравьева. Р. С. 1891, 8. (327—354).

[420]) Матвѣевъ, П. Записка князя В. А. Черкаскаго о Болгаріи. Русскій Вѣстникъ. 1891. 12. (301—315).

[421]) Къ исторіи освобожденія крестьянъ 1857—1861 гг. Р. С. 1891, 2. (491—500).

[422]) Листовскій, И. С. Къ исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. Р. А. 1891, 4. (509—512).

[423]) Колюпановъ, Н. Административное и судебное устройство Царства Польскаго отъ конституціи 1815 г. до реформы 1864 г. Ю. В. 1891, 8.

[424]) Гольцевъ, В. Судъ и печать. Законы о печати въ первую четверть существованія судебныхъ уставовъ 1864 года. Ю. В. 1891, 11. (317—325).

[425]) Сарковскій, Гиларій. Воспоминаніе офицера о туркестанскихъ походахъ 1864—65 гг. Военный Сборникъ. 1891, 2, 3.

[426]) Середа, Н. Изъ исторіи волненій въ Оренбургскомъ краѣ. Р. М. 1891, 7, 8, 10.

[427]) Старковъ, Ф. Историческій очеркъ присоединенія къ Россіи Оренбургскаго края и участія въ этомъ мѣстн. казачества. Оренбургъ, 1891. 76 стр.

[428]) Елисѣевъ, А. Южно-Уссурійскій край и его русская колонизація. Р. В. 1891, 6, 8, 10.

[429]) Свирскій, Н. Русскій языкъ въ Финляндіи (1809—1890 г.). Р. Р. 1891, 9. (45—95).

[430]) Еленевъ, Ѳ. Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ. Спб., 1891. 225 стр. 2 р.

[431]) Финляндская окраина Россіи. Сборникъ статей, и т. д. Вып. I, издалъ О. Петровскій. Москва, 1891, XXII + 635. 3.

[432]) М. Х. Вступленіе Грузіи въ составъ Россійской имперіи. Ю. В. 1891, 7, 8. (316—361).

[433]) Жудра, П. Казанскіе пожары 1863 г. (Отрывокъ изъ воспоминаній). И. В. 1891, 2. (414—434).

[434]) Жудра, И. Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ II. Истор. Вѣстникъ, 1891. I, (204—209).

[435]) Остроглазовъ, И. Отроческое сочиненіе имп. Александра Николаевича. Р. А. 1891, 12. (613—614).

[437]) Брандтъ, П. Польскій мятежъ 1863 г. Вильна, 1892. 263 стр. 1 р. 50 к.

[438]) Зиссерманъ, А. По дѣлу о Сибирскихъ пожарахъ 1864 г. Р. А. 1891, 9. (165—176).

[439]) Епанчинъ, Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генералъ-адъютанта Гурко. Военный Сборникъ. 1891, 9, 10, 11, 12.

[440]) Нагловскій, Д. Передовой отрядъ. Въ послѣднюю турецкую войну. Р. В. 1891, 3.

Digitized by Google

[441]) Колюбакинъ, Н. Эриванскій отрядъ въ кампанію 1877 — 1878 гг. (статья десятая). Военный Сборникъ. 1891, 12.

[442]) Колокольцевъ, Д. Г., ген.-лейт. Воспоминанія бывшаго офицера Преображ. полка. Р. С. 1891, 3.

[443]) Пфейлитцеръ—Франкъ, баронъ. Дѣло у селенія Аравартана. 3-го іюня 1877 г. Военный Сборникъ, 1891, 5 (184—196).

[444]) Бестужевъ Рюминъ, К. Н. Влад. Павловичъ Титовъ (Некрологъ). Ж. М. Н. Пр. 1891, 12 (123—126).

[445]) Корсаковъ, Д. Архим. Леонидъ (Кавелинъ). Некрологъ. Ж. М. Н. Пр. 1891, 12. (126—146).

[446]) Бершадскій, С. М. О. Колловичъ (Некрологъ). Ж. М. Н. Пр. 1891. 10.

[447]) Кирѣевъ, А. Россія и Славяне. Второй отвѣтъ Spectator'у. Р. О. 1891, 3 (214—227).

[448]) Милюковъ, П. Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ (20 сент. 1791 и 20 сент. 1891 г.). Р. М. 1891, 9 (89—106).

[449]) Селивановъ, А. Къ вопросу объ основаніи города Переяславля-Рязанскаго, т. е. Рязани. Труды Ряз. Архивн. Коммиссіи т. VI.

[450]) Микулинъ, И. Описи дѣлъ Рязанскаго историческаго Архива. Вып. III. Рязань, 1891. 1.

[451]) Сказаніе о родѣ князей Трубецкихъ. Москва, 1891. 372 стр.

[452]) Сукачевъ, В. П. Иркутскъ. Москва. 1891. Ж. М. Н. П. № 10.

[453]) Воробьевъ, О. Къ статьѣ о двухсотлѣтіи комедійнаго дѣла въ Россіи. Р. А. 1891, 12. 570/71.

[454]) Филевичъ, И. Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. Ж. М. Н. Пр. 1891, 12 (318—342).

[455]) Барбашевъ, А. Очерки литовско-русской исторіи XV в. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія 1410—1430. Спб., 1891. 340 стр. 3 р.

[456]) Липиниченко, И. Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси. Ж. М. Н. Пр. 1891, 5, 6, 7.

[457]) Иконниковъ, В. Губернскія ученыя архивныя Коммиссіи. (1884—1890). Кіевск. Унив. Изв. 1891, 12 (101—136).

[458]) Труворовъ, А. Отчетъ о дѣятельности ученыхъ архивныхъ коммиссій въ 1890 г. Р. А. 1891, 12 (583—606).

[459]) Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь (Бабаджано—Бензенгръ), т. II. Спб. 1891. 422 стр.

[460]) Энциклопедическій Словарь, т. V—IX (Банки—Вальтеръ). Спб. 1891.

Digitized by Google

Исторія Малороссіи.

Историографическія работы.—Исторія южной Руси въ XIII—XVII вв.—Правобережная Малороссія XVII — XVIII вв. — Лѣвобережная Малороссія или гетманщина.—Запорожье.—Слободская Украйна.

Отмѣтить важнѣйшія явленія русской исторической литературы за 1891 годъ въ области изученія прошлаго Малороссіи—такова цѣль нижеслѣдующихъ строчекъ. Прежде чѣмъ приступить къ выполненію своей задачи, мы хотѣли бы, однако, сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя помогли бы и намъ, и случайному читателю нашихъ библіографическихъ очерковъ разобраться въ тѣхъ частныхъ явленіяхъ этой литературы, о какихъ придется вести рѣчь. За послѣднія десятилѣтія кругъ задачъ историческаго изученія Малороссіи замѣтно расширился: не только къ цѣлямъ изслѣдованія привлечено большое количество свѣжихъ источниковъ, частью вновь и открытыхъ, но на основаніи ихъ поставленъ и частью рѣшенъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, свидѣтельствующихъ о перемѣнѣ направленія исторической литературы. Отъ изслѣдованія фактовъ внѣшней исторіи она уходитъ все далѣе въ сторону изученія формъ народной жизни и ихъ постепенныхъ видоизмѣненій, раздвигая такимъ путемъ рамки своего матеріала и измѣняя характеръ своего содержанія. Мы не рѣшились бы однако сказать, чтобы въ этомъ направленіи нельзя было пожелать болѣе быстрыхъ успѣховъ. Несмотря на большое число вновь открытыхъ и отчасти эксплуатированныхъ отдѣльными изслѣдователями источниковъ, лишь немногіе изъ послѣднихъ появились еще въ печати, для другихъ же не имѣется даже сносныхъ описаній, не говорю уже, полнаго ихъ обзора. Мало того: возбужденный, повидимому, интересъ къ изученію внутренней жизни общества не мѣшаетъ по временамъ появляться въ печати извѣстіямъ о гибели то того, то дру-

Digitized by Google

гого провинціальнаго архива, расхищеннаго ли любителями, проданнаго на пуды въ мелочныя лавки или просто сгнившаго, наконецъ, отъ небрежнаго храненія. Причина подобныхъ явленій понятна: въ нашемъ обществѣ кругъ спеціалистовъ еще слишкомъ слабъ и немногочисленъ, чтобы имѣть возможность удовлетворять всѣмъ предъявляемымъ къ нему развитіемъ науки требованіямъ. Но это же обстоятельство весьма замѣтно отражается и на характерѣ литературы, посвященной разработкѣ вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія малорусской исторіографіи. Между работами отдѣльныхъ ученыхъ существуетъ здѣсь очень мало связи. Хотя въ предѣлахъ старой Малороссіи и существуетъ въ настоящее время три историческихъ общества (два въ Кіевѣ: коммисія для изданія древнихъ памятниковъ и общество Нестора лѣтописца и одно—историкофилологическое общество—въ Харьковѣ), отдающихъ свои силы по преимуществу на изученіе родной старины, но и ихъ дѣятельность выражается почти исключительно въ обсужденіи результатовъ изысканій отдѣльныхъ членовъ, входящихъ въ ихъ составъ, и въ изданіи памятниковъ отдѣльными же членами; коллективныя предпріятія, если и задумывались въ этихъ обществахъ, терпѣли постоянную неудачу и врядъ ли въ этомъ можно видѣть простую случайность или результатъ однихъ внѣшнихъ условій *). Сколько намъ извѣстно, ни кіевское общество Нестора, ни харьковское историко-филологическое общество, объединяющія въ себѣ университетскія силы этихъ городовъ, не задавались мыслью о выработкѣ плана систематическаго описанія или изданія памятниковъ за тотъ или иной періодъ историческаго существованія Малороссіи, хотя такое описаніе представляется положительно необходимымъ въ виду разбросанности источниковъ и по той же причинѣ врядъ ли можетъ быть выполнено единичными силами какого-нибудь работника; тѣмъ менѣе могло итти рѣчи объ общемъ планѣ работъ по малорусской исторіи. При такихъ условіяхъ литература этой исторіи, взятая за небольшой промежутокъ времени, какъ въ данномъ случаѣ—за годъ, способна поразить наблюдателя своею пестротой и эпизодичностью. Не говоря уже о томъ, довольно естественномъ явленіи, что большинство работъ носитъ узко-спеціальный характеръ, представляя изъ себя изслѣдованіе отдѣльныхъ фактовъ, и лишь изрѣдка выходятъ труды, авторы которыхъ ставятъ себѣ задачу

*) См. рецензію Н. В. на V т. Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца (Кіев. Старина, 1891, № 10) и статью Л. Нестроева (Историч. Обозр., т. II). Послѣднее время въ печать проникли свѣдѣнія о работахъ, ведущихся кіевскимъ кружкомъ молодыхъ ученыхъ подъ руководствомъ проф. Лучицкаго надъ хранящеюся въ мѣстномъ университетѣ Румянцовскою описью. Надо надѣяться, что эта попытка увѣнчается полнымъ успѣхомъ.

Digitized by Google

подвести итоги своихъ или чужихъ работъ подъ цѣлыми рядами крупныхъ вопросовъ, разрозненныя усилія отдѣльныхъ изслѣдователей направлены, повидимому, на самые различные предметы, лишены всякой связи между собою, и только пристальное наблюденіе позволяетъ открыть эту связь въ видѣ общаго направленія исторической мысли, но никакъ не въ видѣ общаго плана, который бы объединялъ сколько-нибудь значительную группу работниковъ.

Само собою разумѣется, что такое состояніе литературы не позволяетъ мечтать о слишкомъ широкихъ построеніяхъ. Она не выходитъ за предѣлы монографическихъ изслѣдованій, не даетъ цѣльныхъ картинъ жизни. Слѣдя за этою литературой, мы присутствуемъ при подготовительныхъ работахъ по постройкѣ зданія малорусской исторіи. Для однѣхъ частей его производятся еще только черновыя работы, подготовляются матеріалы, другія подвинуты далеко впередъ, но отношеніе различныхъ частей будущаго зданія еще не вполнѣ выяснено, даже общій планъ его постигается болѣе путемъ догадокъ и завершеніе его врядъ-ли намъ придется скоро увидѣть. Въ слѣдующихъ строкахъ мы и отмѣтимъ работы, подвинувшія эту постройку впередъ втеченіе 1891 года, причемъ, впрочемъ, не стѣсняясь строго хронологическими рамками, позволимъ себѣ напомнить и нѣкоторые труды, относящіеся къ 1890 году, но случайно не попавшіе въ составленный г. Браудо обзоръ литературы этого года.

Начиная свой обзоръ съ работъ по исторіографіи Малороссіи, мы должны прежде всего упомянуть книгу А. Н. Пыпина.[1]). Статьи, составившія этотъ трудъ, печатались авторомъ сперва въ „Вѣстникѣ Европы“, но въ книгу онѣ вошли съ значительными дополненіями. Размѣры нашихъ замѣтокъ не позволяютъ намъ ни останавливаться сколько-нибудь подробно на оцѣнкѣ этого замѣчательнаго явленія нашей литературы, ни даже передать главнѣйшее его содержаніе и мы вынуждены ограничиться однимъ общимъ отзывомъ объ немъ. Поставивъ своею цѣлью исторію изученія малорусской этнографіи, авторъ начинаетъ свое изложеніе кн. Цертелевымъ, издавшимъ сборникъ малорусскихъ пѣсенъ въ 1819 г., и заканчиваетъ трудами нашихъ дней; работы галицко-русскихъ и польскихъ этнографовъ, посвящавшихъ свои силы этой темѣ, равнымъ образомъ нашли себѣ мѣсто въ его книгѣ (гл. IV, VIII и IX). При этомъ авторъ не только слѣдитъ

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. III. Этнографія малорусская. Спб. 1891 г., стр. VIII+425. „Ист. Вѣстн.“, 1891, № 12, стр. 825—27, С. (короткій пересказъ общихъ положеній II.).

Digitized by Google

за постепеннымъ развитіемъ собственно этнографическихъ изслѣдованій, но, въ широкихъ размѣрахъ вводя въ свою книгу элементъ біографическій, отмѣчаетъ общія условія окружавшей ихъ атмосферы, научныя и общественныя понятія эпохи, равно какъ выясняетъ вліяніе роста этнографическаго изученія на историческіе, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, труды. Благодаря такой постановкѣ вопроса, книга его не только даетъ общую картину развитія науки, но и представляетъ рядъ любопытныхъ очерковъ изъ исторіи общественнаго сознанія. Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что авторъ не счелъ удобнымъ вводить въ настоящій свой трудъ вопросъ объ украинофильствѣ, хотя мотивы такого рѣшенія и вполнѣ понятны. Мы считали бы также возможнымъ нѣсколько раздвинуть хронологическія рамки труда г. Пыпина: въ малорусскомъ обществѣ конца XVIII в. было не мало людей, обладавшихъ горячею любовью къ своей народности и вытекавшимъ отсюда сознаніемъ ея особенностей; хотя научныя стремленія этихъ людей обращались по преимуществу на исторію, но въ ихъ историческихъ трудахъ были черты, прямо роднившія ихъ съ позднѣйшими этнографическими изысканіями,' и было бы небезъинтересно подробнѣе выяснить это родство. Менѣе другихъ частей работы способна удовлетворить читателя послѣдняя глава книги, посвященная литературѣ послѣднихъ десятилѣтій, глава, въ которой авторъ, какъ бы подавленный обиліемъ литературы, даетъ болѣе библіографическихъ указаній, расположенныхъ при именахъ авторовъ, нежели характеристики ихъ направленія и оцѣнки значенія ихъ трудовъ.

Помимо этой книги, мы имѣемъ за 1891 годъ въ области малорусской исторіографіи лишь нѣсколько мелкихъ работъ. Въ замѣткѣ Н. В. [2]) передается содержаніе любопытной рукописи библіотеки А. М. Лазаревскаго п. з. „Героични стихи о славнихъ военнихъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ", написанной въ 1784 г., посвященной неизвѣстнымъ авторомъ кошу и носящей на себѣ явные слѣды польскаго литературнаго вліянія. Болѣе собственно историческаго интереса представляетъ статья А. М. Лазаревскаго [3]). На основаніи остатковъ бумагъ Гр. А. Полетики, пріобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ, авторъ возстановляетъ родословную Полетикъ, а затѣмъ собираетъ данныя о Гр. А. Полетикѣ и его библіотекѣ, сообщая при этомъ нѣсколько писемъ къ послѣднему отъ разныхъ лицъ. Центромъ статьи, къ ко-

---

[2]) Н. В. Памятникъ украинской литературы конца XVIII вѣка. Кіевская Старина, 1891 г., № 1, стр. 154—161.

[3]) А. М. Лазаревскій. Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ. Кіевская Старина, 1891 г., № 4, стр. 97—116.

Digitized by Google

торому направлены всѣ эти данныя, служитъ доказательство, что Гр. А. Полетика былъ настоящимъ составителемъ приписанной Конисскому „Исторіи Руссовъ“ и что этотъ трудъ продолжалъ потомъ сынъ его, Василій, выводъ, къ какому авторъ приходитъ путемъ разбора данныхъ біографіи Полетики и анализа самого труда. Полетика писалъ именно, по свидѣтельству его сына, исторію Малороссіи, которая однако не сохранилась; съ другой стороны, въ „Исторіи Руссовъ“, вопреки всѣмъ историческимъ даннымъ, обѣляется память гетмана Многогрѣшнаго, родственника Полетики въ восходящей линіи. Не считая своего положенія вполнѣ доказаннымъ, авторъ видитъ въ немъ лишь весьма вѣроятную догадку. Мы позволимъ себѣ здѣсь выйти изъ хронологическихъ рамокъ своего обзора, чтобы отмѣтить вызванные этой статьею другіе труды. Почти два года спустя г. Горленко [4]), издавая переписку нѣкоторыхъ малорусскихъ дѣятелей начала XIX вѣка, попытался на основаніи свидѣтельствъ Вас. Гр. Полетики о занятіяхъ его малорусской исторіей перенести на него и все авторство „Исторіи Руссовъ“; предположеніе это остается однако мало доказаннымъ и главный интересъ статьи г. Горленка заключается въ собранныхъ имъ данныхъ по литературной исторіи знаменитаго памфлета. Г. Майковъ [5]), пересказывая содержаніе двухъ предъидущихъ статей, дѣлаетъ нѣкоторыя мелкія дополненія къ этой литературной исторіи.

Остальные моменты малорусской исторіографіи въ литературѣ 1891 года представлены лишь нѣкоторыми матеріалами. Таково напечатанное г. Багалѣемъ письмо Ходаковскаго къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа Карнѣеву отъ 18 іюня 1819 г. [6]), представляющее программу вопросовъ, на которые желалъ получить отвѣтъ Ходаковскій въ интересахъ своихъ ученыхъ розысканій; таково письмо Н. И. Костомарова (отъ 23 сентября 1877 г.) къ А. М. Лазаревскому [7]), ясно свидѣтельствующее о живомъ интересѣ покойнаго историка къ внутренней исторіи Малороссіи и о сознаніи имъ недостаточности въ этомъ смыслѣ имѣвшихся у него подъ рукой источниковъ. Таковы, наконецъ, мало содержательныя, впрочемъ, воспоминанія о Костома-

---

[4]) В. Горленко. Къ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка. (Письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полетики и замѣтки къ нимъ). Кіевская Старина, 1893 г., № 1, стр. 41—76, и отд.

[5]) Л. Майковъ. Къ вопросу объ „Исторіи Руссовъ“. Журн. М. Н. Пр., 1893 г., № 5 и отд., Спб., 1893, стр. 21.

[6]) Д. И. Багалѣй. Письмо Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣеву отъ 18 іюня 1819 г. Кіевская Старина, 1891 г., № 6, стр. 469—475.

[7]) Письмо Н. И. Костомарова къ А. М. Лазаревскому. Кіевская Старина, 1891 г., № 9, стр. 478—9.

Digitized by Google

ровѣ Д. К. М. [8]), въ которыхъ представляетъ бо́льшій интересъ только разсказъ о встрѣчѣ Костомарова съ Н. И. Гулакомъ въ Тифлисѣ во время происходившаго тамъ археологическаго съѣзда. Статья г. Русова [9]) даетъ изложеніе главныхъ событій жизни Костомарова и общую характеристику его работъ, служа введеніемъ къ помѣщенному въ томъ же сборникѣ отрывку изъ автобіографіи Костомарова о пребываніи его въ Харьковѣ. Если прибавить еще написанный г Науменкомъ некрологъ Ал. Ал. Корсуна [10]), извѣстнаго издателя альманаха „Снипъ“ и одного изъ первыхъ малорусскихъ этнографовъ эпохи украинскаго возрожденія, то мы и исчерпаемъ всю относящуюся сюда литературу.

Политическая исторія южной Руси съ момента перехода ея подъ польское владычество и за время существованія послѣдняго не была представлена въ 1891 г. какими-либо крупными трудами. Полемическая статья г. Филевича [11]) и критическія замѣтки г. Линниченка [12]) —вотъ и все, что вышло въ этой области. Статьи г. Линниченка, въ которыхъ онъ разбираетъ труды Лонгинова, частью Режабека, Горжицкаго, Брейтера и Губе, касаясь какъ политическихъ событій Галицкой Руси, такъ и ея судебныхъ и административныхъ, а частью и общественныхъ ея порядковъ, имѣютъ свою цѣну, но вмѣстѣ онѣ слишкомъ дробны, чтобы мы могли остановиться здѣсь на передачѣ ихъ содержанія. Пятнадцатому и шестнадцатому вѣкамъ въ исторіи Малороссіи посвящено обширное изслѣдованіе проф. Владимірскаго-Буданова [13]), являющееся продолженіемъ его же работы, вышедшей въ 1886 г. (Архивъ юго-зап. Россіи, ч. 7, т. I), и сопровождаемое изданіемъ большого количества цѣнныхъ по своему содержанію актовъ. Послѣдніе, охватывая собою время съ конца XV вѣка по 1664 г.,

---

[8]) Д. К. М. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Кіевская Старина, 1891 г., № 7, стр. 75—84.

[9]) А. Русовъ. Костомаровъ въ Харьковѣ (по поводу автобіографіи Н. И. Костомарова). Харьковскій Сборникъ, вып. 5, 1891 г., стр. 1—20.

[10]) В. Науменко. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ. Кіевская Старина. 1891 г., № 12, стр. 450—461.

[11]) И. Филевичъ. Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы — Руси за галицко-владимірское наслѣдіе. Ж. М. Н. Пр., 1891 г., № 12, стр. 318—342.

[12]) И. Линниченко. Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси. Ж. М. Н. Пр., 1891 г., №№ 5, 6 и 7.

[13]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Населеніе юго-западной Россіи отъ второй половины XV вѣка до Люблинской уніи. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. II, Акты о заселеніи юго-зап. Россіи. Кіевъ, 1890 г., стр. II+210+644. Кіевская Старина, 1892 г., № 10, стр. 131—156. В. М.

Digitized by Google

состоятъ изъ люстрацій и тарифовъ украинскихъ воеводствъ и инвентарей отдѣльныхъ имѣній; встрѣчаются также среди нихъ межевые акты, жалованныя грамоты и судебныя слѣдствія и рѣшенія. Взятые всѣ вмѣстѣ, эти акты даютъ много свѣдѣній по исторіи землевладѣнія и сословныхъ отношеній въ странѣ; въ частности по нимъ хорошо выясняется распространеніе козачества и исторія крестьянскихъ повинностей за этотъ періодъ времени. Издатель актовъ въ своемъ изслѣдованіи, служащемъ предисловіемъ къ нимъ, особенно воспользовался статистическими данными ихъ, которыя однако составляютъ едва-ли не самый слабый ихъ пунктъ, благодаря чему и выводы изслѣдователя оказались обставленными не особенно прочно. Въ первой главѣ своей работы авторъ разсматриваетъ политическія условія, сопровождавшія заселеніе южной Руси въ XV—XVI вв., и приходитъ къ выводу о полной безполезности для успѣховъ этого заселенія союза Литвы съ Польшей; во второй — характеризуетъ свои источники и собираетъ изъ нихъ свѣдѣнія о количествѣ населенія страны и степени успѣховъ колонизаціи, весьма, по его мнѣнію, низкой, если даже не фиктивной; въ третьей главѣ авторъ оцѣниваетъ практиковавшіеся польскимъ и литовскимъ правительствомъ способы колонизаціи, доказывая, что эти способы приводили къ ослабленію собственно правительственныхъ силъ, равно какъ ослабленію городскихъ общинъ, на пользу искусственно развивавшагося землевладѣльческаго класса; отъ правительственныхъ мѣръ авторъ переходитъ къ вольной или козацкой колонизаціи, даетъ характеристику, не особенно впрочемъ яспую, козачества и отношенія къ нему государства. Въ четвертой и послѣдней главѣ г. Будановъ опредѣляетъ направленіе колонизаціи и этнографическій составъ населенія южной Руси, которое по его наблюденіямъ оказывается почти сплошь русскимъ. Многіе пріемы автора способны однако возбудить сильное сомнѣніе насчетъ ихъ правильности. Сколько-нибудь подробная оцѣнка работы проф. Буданова далеко вывела бы насъ за рамки нашего очерка и потому мы только укажемъ на помѣщенную въ „Кіев. Старинѣ“ рецензію, дающую такую оцѣнку, и позволимъ себѣ выписать изъ нея общій отзывъ: „въ настоящемъ своемъ трудѣ г. Будановъ не столько слѣдитъ за происхожденіемъ и развитіемъ того или другого явленія, не столько задается вопросомъ о его причинахъ, сколько критикуетъ самое явленіе съ точки зрѣнія собственныхъ принциповъ и желаній. Такой пріемъ открываетъ широкую дорогу субъективизму, даетъ возможность переходить съ одной точки зрѣнія на другую и вводить въ изложеніе морализирующій элементъ, причемъ автору не удается уже сохранить и безпристрастіе, о которомъ онъ довольно часто упоминаетъ. Въ дальнѣйшемъ этотъ пріемъ обусловилъ собою и отношеніе автора

Digitized by Google

къ его источникамъ: исходя изъ заранѣе опредѣленныхъ требованій, онъ и источникамъ ставитъ не тѣ вопросы, какіе вытекаютъ изъ ихъ содержанія, а тѣ, какіе желательны ему въ его напередъ составленномъ построеніи. Благодаря этому, получилось то явленіе, что главные выводы автора пріурочены къ наиболѣе слабымъ пунктамъ источниковъ". Отмѣтимъ еще, что въ послѣднее время по одному изъ вопросовъ, возбужденныхъ изслѣдованіемъ проф. Буданова, именно о различіи между слугами и служками, высказался г. Линниченко. (Черты изъ исторіи сословій юго-зап. Руси XIV—XV вв., М. 1894 г. с. 67, прим.), признавъ защищаемое первымъ ученымъ мнѣніе о существованіи такого различія, хотя приводимые тутъ же самимъ г. Линниченкомъ тексты скорѣе, кажется, опровергаютъ это мнѣніе.

Немногимъ богаче представлена и бытовая исторія правобережной Малороссіи XVII — XVIII вв. Статья г. Левицкаго [14]) рисуетъ яркую картину одного изъ шляхетскихъ „наѣздовъ", совершеннаго въ 1648 г. епископомъ аргивенскимъ и суффраганомъ луцкимъ Николаемъ Красицкимъ; разсказъ, веденный въ полубеллетристической формѣ, часто употребляемой талантливымъ авторомъ, составленъ на основаніи актовыхъ книгъ Кіевск. Центр. Архива и богатъ бытовыми подробностями. Другая статья того же автора [15]) посвящена вопросу о воззрѣніяхъ малорусскаго народа на самоубійство и ихъ генезисѣ. Констатируя тотъ фактъ, что „въ малорусскомъ народѣ по настоящее время упорно удерживается крайне суровый взглядъ на самоубійство и сознаніе необходимости нѣкоторыхъ исключительныхъ обрядовъ погребенія самоубійцъ", авторъ склоненъ значительную долю этихъ воззрѣній приписать вліянію магдебургскаго права. Конечный свой выводъ онъ формулируетъ такими словами: „опредѣлить, сколько въ этихъ повѣрьяхъ своего, самобытно-народнаго, и сколько заимствованнаго — очень трудно; кажется, однако, что чужого здѣсь едва-ли не больше, чѣмъ своего". Иной области народной жизни, именно семейной, посвящена статья г. Е. С. [16]). Авторъ на основаніи декретовъ каменецкой уніатской консисторіи за 1737 — 1754 гг., хранящихся въ архивѣ Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго

---

[14]) Ор. И. Левицкій. Очерки стариннаго быта Волыни и Украйны. 3. Превелебный сватъ. Кіевская Старина, 1891 г., № 1, стр. 19—39, и № 2, стр. 269—280, и вошелъ въ отд. изданіе п. з. „Очерки стариннаго быта Волыни и Украйны", Кіевъ, 1891.

[15]) О. Левицкій. Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголосокъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ Южной Руси. Кіевская Старина, 1891 г., № 12, стр. 345—60.

[16]) Е. С. Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Кіевская Старина, 1891 г., № 4, стр. 56—67.

Digitized by Google

комитета, констатируетъ фактъ частыхъ незаконныхъ или лишь гражданскихъ браковъ среди населенія Подоліи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Причины этого явленія онъ находитъ въ традиціи обычнаго права и въ особенностяхъ внѣшняго положенія страны, обусловливавшихъ безпорядокъ ея внутреннихъ отношеній. Работа г. Шульгина [17]) отводитъ насъ въ иную сферу общественныхъ отношеній, трактуя о школѣ, существовавшей въ правобережной Украйнѣ XVIII в., и ея вліяніи на созданіе общественныхъ дѣятелей. Пытаясь опредѣлить, „какого рода вліяніе оказывали школы на своихъ питомцевъ", авторъ ищетъ слѣдовъ этого вліянія въ фактахъ біографій нѣсколькихъ лицъ, переданныхъ въ такъ наз. Кодненской книгѣ. Такъ какъ однако и факты эти довольно скудны, и связь ихъ съ школой ничѣмъ не установлена, то выводы автора являются произвольными, чтобъ не сказать насильственными, и главная цѣль его, на нашъ взглядъ, остается совершенно недостигнутой. Наконецъ отмѣтимъ еще имѣющій значеніе для исторіи административныхъ отношеній юго-зап. края въ нашемъ столѣтіи, живой и интересный, богатый комическими эпизодами, разсказъ О. Левицкаго [18]) о пожарахъ въ Кіевѣ и др. городахъ юго-зап. края въ 1811 — 12 гг. и о розыскахъ мнимыхъ поджигателей въ Кіевской губерніи; въ основаніе этого разсказа легли архивныя дѣла кіевск. губ. правленія и канцеляріи военнаго губернатора.

Упомянемъ еще о двухъ изданныхъ въ 1891 г. крупныхъ источникахъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ жизни правобережной Малороссіи и имѣющихъ совершенно различную цѣнность и значеніе. Изданное проф. Дашкевичемъ описаніе путешествія итальянца Эмилія д'Асколи въ 1634 г. [19]) даетъ между прочимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о современныхъ путешественнику козакахъ и ихъ морскихъ походахъ. Въ другомъ кіевскомъ историческомъ органѣ печатались записки одного изъ небезъизвѣстныхъ польскихъ дѣятелей, Мих. Чайковскаго или Садыкъ-паши [20]). Помѣщенная за 1891 г. часть мемуаровъ заключаетъ въ себѣ разсказъ о дѣтствѣ и юности автора, объ общественной жизни поляковъ на Волыни и Подоліи въ 20-хъ годахъ

---

[17]) Я. Шульгинъ. Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украйнѣ въ половинѣ XVIII в. Кіевская Старина, 1891 г., № 7, стр. 97—118.

[18]) О. Левицкій. Тревожные годы. I. Пожарныя тревоги. Кіевская Старина. 1891 г., № 10, стр. 1—21 и № 11, стр. 169—194.

[19]) Н. П. Дашкевичъ. Описаніе Черноморья, составленное Эмиліемъ д'Асколи въ 1634 г. Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора лѣтописца. Кіевъ, 1891 г., т. V, стр. 172—182 и 3—46.

[20]) Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши). Кіевская Старина, 1891 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12.

Digitized by Google

нашего вѣка и о возстаніи здѣсь въ 1831 г. Все это представляетъ источникъ весьма мутный, что зависитъ и отъ чрезвычайно запутанныхъ и неясныхъ взглядовъ автора, свободно отожествляющаго, напр., шляхту съ козачествомъ, и отъ его ничѣмъ не обуздываемаго стремленія выставить себя въ почетной роли. Въ концѣ концовъ эти „записки", которыя сама редакція „К. Ст." не нашла возможнымъ печатать въ полномъ видѣ, даютъ болѣе матеріала для изученія нѣкоторыхъ патологическихъ явленій въ исторіи польской интеллигенціи XIX столѣтія, чѣмъ для чего бы то ни было иного.

Едва ли не болѣе, чѣмъ исторіи общественнаго быта правобережной Малороссіи, посчастливилось въ литературѣ 1891 г. исторіи мѣстной церкви. Г. Рыбинскій [21]) въ своей статьѣ изложилъ внѣшніе факты судебъ кіевской митрополіи за XIII—XVI вв., воспользовавшись существующей литературой и печатными источниками. Факты эти расположены у него по четыремъ рубрикамъ: 1) посѣщенія Кіева митрополитами и ихъ намѣстники здѣсь, 2) судьба Кіево-Софійскаго собора, 3) земельныя владѣнія кіевской каѳедры и 4) границы митрополичьей епархіи. Новаго эта работа не внесла съ собою въ литературу предмета, если не считать мало обоснованныхъ гипотезъ, которыми особенно богато изложеніе первой и второй части. Въ третьей сильно чувствуется недостатокъ рукописнаго матеріала, который помогъ бы автору освѣжить свое изложеніе. Къ вопросамъ, затрогиваемымъ въ этомъ трудѣ, имѣетъ отношеніе шестая глава книги г. Барбашева [22]), трактующая между прочимъ о поставленіи въ митрополиты Григорія Цамблака, но не дающая ничего новаго по этому вопросу. Болѣе важны напечатанные пр. Голубевымъ „Матеріалы для исторіи западно-русской церкви" [23]), рядъ актовъ 1541—1639 гг., въ примѣчаніяхъ къ которымъ издатель возстановляетъ списокъ зап.-русскихъ іерарховъ и опредѣляетъ время проникновенія уніи въ Кіевъ, принимая за такое время 1596 г. Иначе, и съ меньшею, повидимому, вѣроятностью, рѣшаетъ тотъ же вопросъ О. Левицкій [24]), считая моментомъ водворенія уніи въ Кіевѣ 1604 г. По исторіи уніатской церкви въ XVII в. любопытную работу далъ г.

---

[21]) В. Рыбинскій. Кіевская митрополичья каѳедра съ половины XIII до конца XVI вѣка. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1891 г., № 1, стр. 104—155, № 4, стр. 697—709 и № 5, стр. 11—40.

[22]) Барбашевъ, А. Очерки литовско-русской исторіи XV в. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія 1410—1430. Спб. 1891 г., стр. III+340.

[23]) С. Т. Голубевъ. Матеріалы для исторіи западно-русской церкви. Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 145—227.

[24]) О. И. Левицкій. Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи. Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 137—144.

Digitized by Google

Миронъ [25]). Положивъ въ основу своей статьи трудъ польскаго ученаго Лисевича (Walka o biskupstwo, epizod z dziejów kościoła wschodniego, Lwów, 1888). Миронъ дополнилъ ее самостоятельно, особенно въ той части, гдѣ идетъ рѣчь о сочиненіяхъ Шумлянскаго. Статья его не даетъ полнаго свода всѣхъ фактовъ жизни и дѣятельности Шумлянскаго; авторъ беретъ только важнѣйшіе изъ этихъ фактовъ и на основаніи ихъ создаетъ яркую характеристику своего героя, видя въ немъ типичнаго представителя духовенства той поры. Характеристика эта полна отрицательными чертами. „Несокрушимая энергія въ преслѣдованіи своей цѣли, шаткая нравственность, не пренебрегающая никакими средствами, ведущими къ назначенной цѣли, смѣсь рыцарской отваги, варварской жестокости и іезуитскаго лицемѣрія—вотъ самыя выдающіяся черты его (Шумлянскаго) характера", говоритъ авторъ. „Религіозные вопросы, продолжаетъ онъ, были для него только частью политики, а политика его была нескончаемымъ рядомъ обмановъ, лицемѣрія, хитростей и предательствъ. Его миролюбивыя клятвы обыкновенно опаснѣе, чѣмъ его наѣзды; даже самыя, повидимому, искреннія свои убѣжденія онъ готовъ былъ въ данный моментъ втоптать въ грязь, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли". Однако авторъ отмѣчаетъ въ немъ и положительную черту—стремленіе поднять русскую уніатскую іерархію въ глазахъ польскаго правительства. Вторая часть статьи посвящена разбору произведеній Шумлянскаго и особенно его „Метрики", для которой авторъ даетъ подробное описаніе и изложеніе ея содержанія. Это произведеніе, по его словамъ, „указываетъ намъ коренную перемѣну понятій и направленій, какая втеченіе столѣтія произошла въ средѣ южно-русской интеллигенціи": „аскетическая простота, продолжаемъ словами г. Мирона, и презрѣніе ко всему мірскому смѣнились желаніемъ во что бы то ни стало сравняться съ панами и занять мѣсто въ ряду польскихъ привилегированныхъ классовъ". Но рядомъ съ этимъ „Метрика" имѣетъ „несравненно болѣе жизненности, теплоты и даже литературныхъ достоинствъ", чѣмъ подобныя ей галицко-русскія произведенія XIX вѣка, почему ей „должно быть отведено свое, хотя бы и скромное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка". Не создавая такимъ образомъ новыхъ построеній, данная статья представляетъ вставленный въ рамки опредѣленной общей идеи пересказъ частныхъ фактовъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ весь интересъ новизны. Исторіи отношеній между уніатами и православ-

---

[25]) Миронъ. Іосифъ Шумлянскій, послѣдній православный епископъ львовскій и его „Метрика". Кіевская Старина. 1891 г., № 6, стр. 337—62 и № 7, стр. 1—21.

Digitized by Google

ными въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, когда совершалось возсоединеніе уніатовъ, касается статья г. Храневича [26]), представляющая разсказъ о борьбѣ крестьянской паствы и православныхъ священниковъ съ священниками уніатскими и помѣщичьей властью изъ-за церкви м. Славечни (Овручскаго уѣзда). Статья эта даетъ вмѣстѣ недурную, хотя очень частную, иллюстрацію отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ на почвѣ религіознаго вопроса въ указанное время.

Въ заключеніе этого отдѣла нашего обзора укажемъ еще двѣ статьи, относящіяся къ мѣстной археологіи. Г. Завитневичъ [27]) описалъ раскопки, произведенныя имъ въ 1890 г. на мѣстѣ лѣтописнаго городца подъ Кіевомъ и не давшія никакихъ существенныхъ результатовъ. Въ статьѣ г. О. Левицкаго [28]) сдѣлано описаніе современнаго, довольно печальнаго положенія архитектурныхъ древностей г. Луцка, причемъ авторъ касается и ихъ исторіи.

Гораздо богаче по содержанію и разнообразнѣе по темамъ литература, относящаяся къ исторіи лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв. На-ряду съ узко-спеціальными работами мы находимъ здѣсь и рядъ попытокъ охватить болѣе сложный матеріалъ, дать рѣшеніе весьма широкимъ вопросамъ.

Отмѣтимъ прежде всего старѣйшую изъ такихъ попытокъ въ видѣ статьи г. Сребницкаго [29]), случайно лишь попавшей въ литературу 1891 года. Эта статья, заключающая въ себѣ описаніе порядковъ церковныхъ братствъ и цеховъ лѣвобережной Малороссіи, теперь совершенно почти устарѣла (она была представлена въ качествѣ реферата на Казанскій археологическій съѣздъ въ 1877 г.), какъ по проводимой въ ней теоріи, такъ и по незначительному сравнительно съ извѣстнымъ въ настоящее время количеству фактовъ, положен-

---

[26]) В. Храневичъ. Обращеніе русской церкви въ латинскій костелъ (Эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія). Кіевская Старина. 1891 г., № 12, стр. 391—412.

[27]) В. Завитневичъ. Замокъ кн. Семена Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. Чтенія въ Ист. Общ. Нестора лѣтописца, кн. V, Кіевъ, 1891 г., стр. 134—141.

[28]) О. И. Левицкій. Луцкая старина. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 54—90.

[29]) И. А. Сребницкій. Слѣды церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи. Труды 4-го археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Томъ II. Казань, 1891 г., стр. 10—26. К. Стар., 1891, № 11, стр. 334—8, И. Каманина. Ж. М. Н. Пр., 1891, № 9, стр. 220—21.

Digitized by Google

ныхъ въ ея основу. Серьезнымъ недостаткомъ труда г. Сребницкаго является притомъ та его особенность, что, описывая сохранившіяся сельскія и городскія братства лѣвобережной Малороссіи, онъ не называетъ тѣхъ мѣстностей, о порядкахъ которыхъ идетъ у него рѣчь.

Появившаяся еще въ 1890 г, статья И. В. Лучицкаго [30]) о формахъ заимочнаго владѣнія въ Малороссіи случайно не попала въ помѣщенный въ Ист. Обозрѣніи г. Браудо обзоръ литературы за этотъ годъ. Между тѣмъ она, представляя изъ себя одно изъ наиболѣе оригинальныхъ и цѣнныхъ изслѣдованій въ области малорусской исторіи за послѣдніе годы, имѣетъ весьма серьезное значеніе и потому мы рѣшаемся восполнить здѣсь этотъ пробѣлъ, передавъ важнѣйшее ея содержаніе. Еще въ 1882 г. названный ученый впервые указывалъ на сохраняющіеся въ лѣвобережной Малороссіи явные слѣды существовавшаго здѣсь нѣкогда общиннаго землевладѣнія и пытался, на основаніи не особенно впрочемъ многочисленныхъ матеріаловъ, воспроизвести нѣкоторыя существенныя черты его исторіи. („Устои", № 7; „От. Записки", № 11). Продолжая свои занятія въ этомъ направленіи, онъ уже въ 1884 г. издалъ цѣлый сборникъ документовъ, касающихся общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв. и извлеченныхъ изъ хранящейся въ библіотекѣ кіевскаго университета Румянцовской описи, а въ 1889 г. напечаталъ изслѣдованіе объ особомъ видѣ семейной общины въ Черниговщинѣ въ видѣ сябровъ и сябриннаго землевладѣнія („Сѣв. Вѣстникъ", №№ 1 и 2). Знакомство съ дѣлами бывшаго архива кіев. губ. правленія, переданными въ центр. кіев. архивъ, дало ему новый матеріалъ для наблюденій надъ исторіей общиннаго землевладѣнія въ XVII и XVIII вв. на югѣ лѣвобережной Малороссіи, въ Полтавщинѣ, и результаты своихъ изслѣдованій онъ изложилъ въ небольшой по объему, но крайне важной по содержанію и выводамъ статьѣ. Указавъ въ началѣ ея, что значительная часть поселеній лѣваго берега Днѣпра, и именно южной ихъ части, возникла вслѣдствіе колонизаціи, шедшей съ праваго берега, проф. Лучицкій различаетъ два вида этой послѣдней: владѣльческую и вольную или козацкую. Первая была основана на принципѣ личнаго землевладѣнія, вторая, производившаяся самимъ народомъ, объединеннымъ на правомъ берегу въ общинные союзы не только судебно-административнаго характера, какъ это было показано уже предъидущими изслѣдователями, но и поземельнаго, какъ доказываетъ нашъ авторъ, вносила съ собою начало общиннаго землевладѣнія. Это начало на правомъ берегу выражалось въ формѣ семейно-

[30]) И. Лучицкій. Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи, Юридическій Вѣстникъ. 1890 годъ, № 3, стр. 391—424.

Digitized by Google

общиннаго союза или сябринства, приводившаго къ долевому владѣнію соучастниковъ, или же чистой общины, „спулки", основанной на равномъ участіи всѣхъ ея членовъ въ общихъ угодіяхъ. Благодаря этому и заимка земель на лѣвомъ берегу „производилась либо общиною, либо сложною семьею, присвоивавшими себѣ въ полную и исключительную собственность иногда громадныя пространства пустопорожнихъ степныхъ и лѣсныхъ земель, въ собственность не того или другого члена общины, а всей общины или группы безраздѣльно", причемъ „право заимки опредѣлялось фактическимъ пользованіемъ ею для цѣлей пастьбы и самыя границы заимки совпадали съ тѣмъ, куда ходилъ на пастьбу скотъ всей общины"—положенія, доказанныя авторомъ путемъ сопоставленія цѣлаго ряда фактовъ. Характеризуя далѣе права общины на землю, находившуюся въ предѣлахъ ея заимки, права, выражавшіяся въ продажѣ земли, отводѣ ея посторонним лицамъ и членамъ общины, дозволеніи послѣднимъ совершать отдѣльныя заимки, авторъ указываетъ на существованіе рядомъ съ богатыми землей общинами значительнаго разряда лицъ безземельныхъ, пришлыхъ, которые могли получить землю только путемъ покупки или принятія ихъ вобщинный союзъ. Это обстоятельство вмѣстѣ съ никогда не исчезавшимъ началомъ личнаго землевладѣнія, должно было оказать разрушающее вліяніе на самыя общины. Въ послѣдней части своей статьи авторъ характеризуетъ правила, регулировавшія въ общинахъ пользованія землею и довольно разнообразныя. Онъ сводитъ ихъ къ тремъ формамъ: право пользованія трехлѣтняго, наслѣдственнаго, подъ условіемъ постояннаго пользованія, и права пользованія втеченіе одного лѣта, одной жатвы или косьбы, извѣстнаго еще подъ именемъ захватнаго и, несмотря на всю свою видимую неопредѣленность, подчинявшагося, однако опредѣленнымъ правиламъ. Новизна конструкціи, богатство фактическаго содержанія и широта взгляда автора, обусловленная возможностью аналогій съ формами землевладѣнія въ другихъ странахъ—таковы достоинства этой замѣчательной статьи, выведшей изъ мрака забвенія любопытные порядки малорусской земельной общины, самое существованіе которой еще недавно вполнѣ отрицалось.

Широкою темой отличается и статья г-жи Ефименко [31]), разбирающая судьбы малорусскаго дворянства отъ образованія независимой Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ до сліянія малороссійскаго шляхетства съ общерусскимъ дворянскимъ сословіемъ. Живо написанная, статья эта представляетъ изъ себя не результаты само-

[31]) А. Ефименко. Малорусское дворянство и его судьба. Вѣстникъ Европы, 1891 г., № 8, стр. 515—69.

Digitized by Google

стоятельныхъ изысканій автора, а компиляцію, составленную почти исключительно по работамъ Лазаревскаго, причемъ составительница порою преувеличила отдѣльныя положенія этого ученаго. Въ образованіи малорусскаго шляхетства г-жа Ефименко отрицаетъ всякую роль и всякое вліяніе старой шляхты; это образованіе совершалось подъ вліяніемъ двухъ факторовъ, давленія соціальныхъ идей и культуры Польши и политическаго союза съ Москвой, зерномъ же новаго сословія послужилъ классъ войсковыхъ урядниковъ или старшины. Эта послѣдняя мысль, въ общемъ своемъ видѣ вѣрная, но не новая, выражена авторомъ въ крайне односторонней формѣ; знакомство съ нѣкоторыми изъ генеральныхъ слѣдствій о маетностяхъ (мы должны, впрочемъ, оговориться, что тогда эти слѣдствія еще не были напечатаны) могло бы показать г. Ефименко истинные размѣры уцѣлѣвшихъ въ гетманской Малороссіи шляхетскихъ владѣній и смягчить односторонность ея построенія. Далѣе авторъ разбираетъ ростъ земельныхъ богатствъ старшины, закрѣпощеніе ею крестьянства, ея стремленія къ пріобрѣтенію правъ русскаго дворянства и ея культурное отчужденіе отъ народной массы, во всѣхъ этихъ частяхъ своей работы почти не выходя изъ круга сообщенныхъ г. Лазаревскимъ фактовъ и вмѣстѣ допуская по временамъ болѣе или менѣе серьезныя ошибки.

Цѣнныя данныя по исторіи землевладѣнія и сословій даетъ еще книга пр. Багалѣя [82]), написанная по порученію Академіи Наукъ въ видѣ рецензіи на первый томъ „Описанія старой Малороссіи“ Лазаревскаго. Не касаясь оцѣнки послѣдняго труда, производимой г. Багалѣемъ, мы отмѣтимъ здѣсь лишь важнѣйшія самостоятельныя части его работы. Свѣдѣнія о козацкомъ землевладѣніи въ Стародубовщинѣ въ началѣ XVII вѣка, основанныя на найденномъ авторомъ привилеѣ, кор. Сигизмунда 1625 г., о судьбахъ магистратскаго управленія въ XVII в. въ Стародубѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ, причемъ для перваго изъ этихъ городовъ авторъ открылъ неизвѣстную раньше жалованную грамоту кор. Сигизмунда 1625 г., любопытное описаніе г. Погара въ 1767 г., исторія повинностей посполитыхъ Почепской волости за время владѣнія ею Меньшикова, описанія Шептаковской и Бакланской волостей въ разные моменты XVIII вѣка, описаніе свободныхъ войсковыхъ и ранговыхъ имѣній Стародубовскаго полка въ 1740 г., еще болѣе цѣнное описаніе ранговыхъ имѣній этого же полка и повинностей и землевладѣнія жившихъ въ нихъ посполитыхъ въ 1760—65 г.— таковы важнѣйшія данныя, извлеченныя авторомъ этого труда изъ архивовъ, и къ нимъ можно прибавить еще свѣдѣнія о раскольни-

---

[82]) Багалѣй, Д. И. Новый историкъ Малороссіи. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи“. Спб. 1891 г., стр. 148.

Digitized by Google

чьихъ слободахъ въ Стародубовщинѣ, во многомъ дополняющія исторію этихъ поселеній. Полная характеристика этихъ данныхъ не можетъ войти въ нашъ бѣглый очеркъ, тѣмъ болѣе, что самъ г. Багалѣй не подводитъ конечныхъ итоговъ подъ своими матеріалами, разсматривая ихъ по преимуществу, какъ дополненіе къ труду г. Лазаревскаго.

Переходя къ болѣе мелкимъ трудамъ, посвященнымъ тѣмъ же темамъ по исторіи землевладѣнія, сословныхъ отношеній и управленія гетманской Малороссіи, мы на первый планъ въ ряду ихъ должны поставить двѣ статьи А. М. Лазаревскаго. Первая изъ нихъ [33]) представляетъ чрезвычайно любопытный разсказъ о смѣнѣ полтавскихъ полковниковъ въ второй половинѣ XVII вѣка, основанный, помимо печатныхъ лѣтописей и актовъ на рукописныхъ протоколахъ полтавскаго полковаго суда XVII столѣтія. Сдѣлавъ въ началѣ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о заселеніи Полтавщины въ этомъ вѣкѣ, авторъ характеризуетъ особенности управленія Полтавскаго полка, заключавшіяся въ бо́льшей независимости здѣшняго населенія отъ полковничьей власти, и пересказываетъ исторію смѣны мѣстныхъ полковниковъ, получающую въ такомъ освѣщеніи общій интересъ. Окончательные выводы автора таковы: „при свободномъ выборѣ полтавскіе полковники мѣняются очень часто, но персоналъ ихъ ограничивается всего 5—6 лицами изъ мѣстныхъ богачей и послѣдніе, интригуя изъ-за полковничьяго пернача другъ противъ друга, превращаютъ полчанъ-выборщиковъ въ послушное свое орудіе. Исторія частой смѣны полтавскихъ полковниковъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для заключенія, что выборное начало въ старой Малороссіи при неограниченномъ участіи въ выборахъ „черни“ не могло долго держаться и должно было съ развитіемъ гетманской власти прекратиться“. Въ другой изъ упомянутыхъ статей [34]) авторъ рисуетъ рядъ картинъ изъ исторіи землевладѣнія и сословій лѣвобережной Малороссіи за XVIII вѣкъ, особенно подробно останавливаясь на двухъ темахъ: захватѣ маетностей старшиною и отношеніи владѣльцевъ къ посполитымъ въ имѣніяхъ. Всѣ эти очерки относятся къ Полтавщинѣ и построены главнымъ образомъ на рукописномъ матеріалѣ библіотеки автора. По характеру матеріала и способу его передачи они близко примыкаютъ къ его же „Описанію старой Малороссіи“, а по дѣлаемымъ имъ здѣсь выводамъ къ „Малорусскимъ посполитымъ крестьянамъ“. Въ статьѣ г. Сторо-

---

[33]) Ал. М. Лазаревскій. Полтавщина въ XVII вѣкѣ, Кіевская Старина. 1891 г., № 9, стр. 357—74.

[34]) Ал. М. Лазаревскій. Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. Кіевская Старина. 1891 г., № 1, стр. 1—18 и № 11, стр. 216—231.

Digitized by Google

женка [35]), являющейся, повидимому, лишь началомъ большой работы, мы находимъ общій историко-географическій очеркъ мѣстности нын. Переяславскаго уѣзда съ объясненіемъ названій рѣкъ и селъ. Г-нъ Моравскій [36]) далъ интересный очеркъ дѣятельности знаменитаго протопопа-сотника Лисовскаго, составленный на основаніи документовъ Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ и дающій много новаго сравнительно съ прежней статьей о немъ г. Лазаревскаго. Этотъ очеркъ является яркимъ и характернымъ эпизодомъ изъ исторіи административныхъ отношеній края въ началѣ XVIII вѣка. Общая точка зрѣнія автора выясняется изъ слѣдующаго мѣста его работы: „Лисовскій былъ вполнѣ сыномъ своего времени. Постоянная коллизія, въ которой находились, съ одной стороны, то, что можно было бы назвать нормальнымъ политическимъ строемъ Малороссіи, и съ другой — фактическая сила, дѣйствовавшая на каждомъ шагу наперекоръ этому строю и во всякомъ случаѣ преслѣдовавшая цѣли, которыя стояли внѣ тѣснаго круга интересовъ присоединенной страны,—эта постоянная коллизія должна была дѣйствовать деморализующимъ образомъ на политическіе и общественные нравы старшины, создавая чрезвычайно удобную почву для дѣятельности людей, подобныхъ Лисовскому". Не отрицая существованія и серьезнаго значенія той коллизіи, о которой говоритъ авторъ, мы думаемъ однако, что онъ нѣсколько преувеличилъ ея важность въ ущербъ другимъ факторамъ. Если отбросить нѣкоторыя специфическія особенности біографіи Лисовскаго, въ родѣ его двоеженства, то похожихъ на него людей можно найти и въ XVII вѣкѣ, когда столь рѣзкаго антагонизма между властью московскаго царя и интересами малорусскаго поспольства еще не обнаруживалось. Стоитъ хотя бы сопоставить выводы упомянутой выше статьи Лазаревскаго о полтавскихъ полковникахъ съ только что приведеннымъ мѣстомъ, чтобы увидѣть его односторонность. Дѣло въ томъ, что политическіе и общественные нравы старшины въ гораздо большей степени, нежели дѣятельностью московскаго правительства, обусловливались ея собственнымъ соціально-экономическимъ положеніемъ, создавшимся независимо отъ этой дѣятельности. Передавая факты біографіи Лисовскаго, г. Моравскій дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о самыхъ порядкахъ управленія, напр. объ общинномъ характерѣ куничнаго сбора, соотвѣтствующаго англійскому merchetum. Подобный этюдъ

---

[35]) А. Стороженко. Очерки Переяславщины. Кіевская Старина. 1891 г., № 11, стр. 195—215.

[36]) С. П. Моравскій. Ѳедоръ Лисовскій. 1709—1722. (Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-ой пол. XVIII стол.). Кіевская Старина. 1891 г., № 9, стр 427—54 и № 10, стр. 22—57, и отд.

Digitized by Google

изъ исторіи козацкой старшины и ея землевладѣнія въ концѣ XVII—началѣ XVIII вѣка представляетъ написанный Н. Стороженкомъ [37]) біографическій очеркъ сотника пирятинскаго Семена Вакуленка. Авторъ его затрогиваетъ весьма важный вопросъ о происхожденіи экономическаго могущества старшины на почвѣ сельскаго хозяйства, именно мельницъ, но болѣе затрогиваетъ, нежели рѣшаетъ его, не располагая для послѣдняго достаточнымъ матеріаломъ, который далъ бы ему возможность точно обрисовать хотя бы выгоду, приносившуюся старшинѣ „млинами"; въ приложеніи къ этой статьѣ, болѣе важной по своему замыслу, чѣмъ по исполненію, напечатано нѣсколько документовъ. Г-жа Радакова [38]) пересказала одно дѣло Харьковскаго архива о поселеніи гети. Апостоломъ слободы въ мглинской сотнѣ стародубовскаго полка, за р. Ипутью. Ничего новаго и характернаго нѣтъ однако въ сообщаемыхъ авторомъ частныхъ фактахъ. Общія точки зрѣнія на значеніе слободъ заимствованы ею у Лазаревскаго; выходя же за рамки своего непосредственнаго фактическаго матеріала, она впадаетъ въ весьма грубыя ошибки, утверждая, напр., что подсусѣдки не отбывали никакихъ повинностей въ пользу владѣльца. Для исторіи крестьянства подъ конецъ XVIII столѣтія важна статья г-жи Ефименко [39]), дающая основанный на матеріалахъ харьковскаго архива разсказъ объ убійствѣ крестьянами с. Турбаевъ своихъ помѣщиковъ Базилевскихъ въ 1789 г. Статья эта вызвала нѣсколько, не особенно существенныхъ, впрочемъ, дополненій, указанія на которыя мы помѣщаемъ здѣсь же. Въ моей статьѣ [40]) сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о хранящихся въ кіев. центр. архивѣ дѣлахъ по исторіи крестьянства за XVIII вѣкъ. Работа г. Плохинскаго [41]), посвященная обрисовкѣ бобровничьихъ и стрѣлецкихъ общинъ, представляетъ изъ

---

[37]) Н. В. Стороженко. Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій (1696—1720). Кіевская Старина. 1891 г., № 1, стр. 119—153.

[38]) Е. П. Радакова. Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора. Кіевская Старина. 1891 г., № 6, стр. 458—68.

[39]) А. Я. Ефименко. Турбаевская катастрофа. Кіевская Старина. 1891 г., № 3, стр. 373—401. Добавленія къ этой статьѣ: А. Е. (того-же автора): Къ Турбаевской катастрофѣ, К. Стар., 1891, № 3, с. 155—160. Стараго Прилучанина: Къ турбаевской катастрофѣ, К. Стар., 1891, № 5, с. 312—13 и Арк. Л—нко: Разсказъ о турбаевской катастрофѣ, ibid, № 9, с. 493—94.

[40]) В. А. Мякотинъ. Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. Кіевская Старина. 1891 г., № 2 стр. 300—14.

[41]) М. Плохинскій. Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины. Бобровники. Стрѣльцы (съ приложеніемъ документовъ). Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. III. Харьковъ, 1891 г., стр. 29—155 и отдѣльно.

Digitized by Google

себя нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и изданіемъ документовъ. Главную часть ея составляютъ извлеченные изъ Харьк. архива матеріалы, въ изданіи которыхъ можно бы пожелать нѣсколько болѣе тщательности. Въ введеніи къ нимъ авторъ добросовѣстно собралъ важнѣйшія свидѣтельства своихъ документовъ (далеко, замѣтимъ однако, не исчерпывающихъ существующаго по данному вопросу матеріала) о порядкахъ жизни бобровницкихъ и стрѣлецкихъ общинъ, отношеніи ихъ къ властямъ страны и значеніи ихъ промысловъ, но при этомъ общія его положенія страдаютъ большою неясностью, мѣшающей отчетливому представленію о рисуемыхъ имъ частныхъ порядкахъ. Такъ, говоря въ одномъ мѣстѣ своей работы о „слабости гетманской власти при Скоропадскомъ" сравнительно съ „мѣстнымъ правленіемъ", т.-е. полковой и сотенной старшиной, онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ уже объ „усиленіи гетманской власти и деморализаціи полковничьей" при томъ же Скоропадскомъ и такимъ путемъ власть, бывшая для бобровниковъ слабой, для стрѣльцовъ оказывается сильной.

Отмѣтимъ еще важнѣйшіе матеріалы, служащіе къ уясненію исторіи землевладѣнія и сословныхъ отношеній. А. М. Лазаревскій [42]) напечаталъ принадлежащіе его библіотекѣ и весьма важные по содержанію документы, касающіеся монастырей Батуринскаго Крупецкаго, женскаго Новомлинскаго, Спасскаго Новгородъ-Сѣверскаго, Братскаго и Кіево-Печерской Лавры, ярко обрисовывающіе способы пріобрѣтенія монастырями земельной собственности и столкновенія ихъ на этой почвѣ съ другими сословіями и между собою. Довольно обстоятельный пересказъ ихъ и оцѣнка сдѣланы въ рецензіи на данный томъ „Чтеній общества Нестора" Н. В. (Кіевская Старина, 1891, № 10). Пр. Лучицкимъ [43]) изданъ, равнымъ образомъ изъ актовъ его библіотеки, любопытный документъ начала XVIII столѣтія, свидѣтельствующій о сильной задолженности козаковъ въ эту пору. Особый типъ посполитыхъ выводится въ изданныхъ г. Лазаревскимъ [44]) трехъ универсалахъ изъ числа 28-ми, найденныхъ имъ въ архивѣ Гр. П. Галагана, прилуцкаго полковника Иг. Галагана (два изъ нихъ 1716 г., одинъ 1719 г.), данныхъ разнымъ лицамъ, по догадкѣ издателя посполитымъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ общенародныхъ повинностей

---

[42]) А. М. Лазаревскій. Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи (1636—1730 гг.). Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 49—92.

[43]) И. Лучицкій. Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. Кіевская Старина. 1891 г., № 3, стр. 506—8.

[44]) А. Л. Полковничьи чиншевики. Кіевская Старина. 1891 г., № 4, стр. 161—3.

Digitized by Google

за чиншъ полковнику. Издатель ставитъ вопросъ, былъ ли это общій фактъ или спеціальное изобрѣтеніе полк. Горленка. Мы можемъ сказать, что упоминаніе о полковничьихъ чиншевикахъ имѣется и въ слѣдствіи, производившемся въ 1719 г. по жалобамъ прилуцкихъ полчанъ на притѣсненія полковника Иг. Галагана, причемъ полчане ставили въ вину послѣднему увеличеніе числа такихъ чиншевиковъ, какъ это видно изъ сохранившагося въ М. А. М. Ю. акта розыска. Тѣмъ же ученымъ напечатанъ [45]) любопытный по достовѣрности своихъ данныхъ списокъ находившихся во владѣніи старшины посполитскихъ дворовъ и млиновыхъ колъ для расположенія на нихъ 1000 р., поднесенныхъ оберъ-каморъ-фурьеру Полтавцеву 5 августа 1744 г. Для исторіи землевладѣнія имѣетъ значеніе по интереснымъ подробностямъ о способахъ владѣнія опись рыболовныхъ озеръ, находившихся въ гетманскихъ маетностяхъ при Разумовскомъ, напечатанная г. Плохинскимъ [46]). Наконецъ укажемъ еще здѣсь напечатанную г. А. Л. [47]) распредѣлительную запись имѣній гр. К. Разумовскаго между его сыновьями—два акта 1800 г., содержащіе въ себѣ перечисленіе всѣхъ малорусскихъ имѣній бывшаго гетмана.

Въ 1891 г. была окончена печатаніемъ въ К. Старинѣ и затѣмъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ работа г. Теличенка [48]), посвященная изображенію жизни и желаній малорусскихъ сословій въ эпоху екатерининской коммиссіи. Такъ какъ о другихъ частяхъ ея упоминалось уже въ предъидущемъ обзорѣ, то здѣсь мы скажемъ только о тѣхъ отдѣлахъ, которые появились въ К. Старинѣ въ 1891 г. и заняты изложеніемъ положенія мѣщанства и козаковъ. Здѣсь мы находимъ тотъ же, что и въ другихъ частяхъ этого труда, узкій матеріалъ, сводящійся къ простой передачѣ наказовъ, причемъ дается рядъ частныхъ поправокъ къ мнѣніямъ прежнихъ изслѣдователей, особенно Авсѣенка и Латкина, и ту-же шаткость общихъ выводовъ, въ которыхъ авторъ въ концѣ-концовъ возвращается къ мнѣніямъ Костомарова, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ его матеріалъ и сужденія шире. Отмѣтимъ частныя его положенія. Неблагоустройство городовъ, вторженіе въ

---

[45]) А. Л. Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII вѣка. Кіевская Старина. 1891 г., № 8, стр. 284—98.

[46]) М. Плохинскій. О гетманскихъ рыболовныхъ озерахъ. Сборникъ Харьк. Истор.-Фил. Общества. Харьковъ, 1891 г., стр. 328—31.

[47]) А. Л. Распредѣлительная запись имѣній гр. Кир. Гр. Разумовскаго между его сыновьями. Кіевская Старина. 1891 г., № 8, стр. 317—325.

[48]) Ив. В. Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи, IV и V. Кіевская Старина. 1891 г., №№ 1 и 2, и отд. Кіевъ, 1891 г.

Digitized by Google

нихъ козацкой администраціи и права, нѣсколько преувеличенное авторомъ, тяжелыя повинности—вотъ намѣчаемыя имъ причины бѣдственнаго положенія городского сословія. Равенство обложенія, возстановленіе городского самоуправленія и торговыя и ремесленныя монополіи—таковы желанія мѣщанъ. Что касается положенія козацкаго сословія, которое авторъ изображаетъ какъ среднее между шляхетствомъ и посполствомъ въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, то въ качествѣ причинъ обнищанія козаковъ онъ выдвигаетъ давленіе старшинъ, постойную, подводную и рабочую повинности и рублевый окладъ. Вліяніе всѣхъ этихъ условій на козацкое хозяйство остается у него однако невыясненнымъ и самый характеръ перечисленныхъ повинностей рисуется лишь въ очень общихъ чертахъ. Отмѣчая выраженное козаками въ наказахъ желаніе устраненія названныхъ порядковъ, авторъ въ число желаній сословія ставитъ еще свободу торговли и подтвержденіе вольнаго самоуправленія, оттѣняя видное мѣсто, занимаемое въ этой программѣ экономическими пожеланіями, сравнительно съ политическими и соціальными. Наконецъ онъ изображаетъ желанія Запорожья, выразившіяся въ требованіяхъ возвращенія кошу его границъ и вывода русскихъ войскъ съ его территоріи. Общій выводъ изъ своей работы г. Теличенко формулируетъ въ слѣд. словахъ: „Малороссія заявляла себя (въ наказахъ) не только какъ совокупность отдѣльныхъ сословій, но и какъ особый край, какъ особая часть Россійской имперіи. Нужды и желанія малороссіянъ были, помимо сословныхъ, еще и краевыя, съ политическимъ оттѣнкомъ". Происхожденіе и значеніе послѣдовавшихъ затѣмъ реформъ Екатерины, равно какъ отношеніе къ нимъ малорусскаго общества, онъ оцѣниваетъ извѣстными словами Костомарова изъ „Мазепы и мазепинцевъ".

По исторіи городовъ, кромѣ этого труда г. Теличенка и упомянутой раньше книги пр. Багалѣя, 1891 годъ далъ лишь нѣсколько мелкихъ статей и замѣтокъ. Статья г. Эйнгорна [49]) рисуетъ одинъ частный эпизодъ изъ исторіи городовъ въ XVII в., болѣе даже имѣя отношенія къ характеристикѣ московскихъ воеводъ, чѣмъ къ собственно малорусскимъ городскимъ порядкамъ. Авторъ разсказываетъ именно по документамъ М. А. М. Ю. столкновеніе Шереметьева съ нѣжинскимъ магистратомъ, настаивая на корыстолюбіи и подкупности даннаго воеводы. Болѣе интереса представляетъ статья А. А. Андріевскаго [50]). Дополняя статью того же автора: „Кіевскія смуты прош-

---

[49]) В. Эйнгорнъ. Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 гг.). Кіевская Старина. 1891 г., № 11, стр. 246—58.

[50]) А. А. Андріевскій. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ (1754—

Digitized by Google

лаго столѣтія" (К. Ст. 1886, № 12), она даетъ очеркъ любопытнаго въ исторіи Кіева времени, когда мѣстный магистратъ съ одной стороны отстаивалъ свою независимость отъ гетманскаго управленія, а съ другой—вступилъ въ борьбу съ назначеннымъ въ Кіевъ войтомъ—Сычевскимъ. Попутно авторъ сообщаетъ небезъинтересныя данныя о веденіи городского хозяйства. Къ сожалѣнію, статья слишкомъ мозаична и переполнена далеко не всегда характерными мелочами. Г. Николайчикъ въ своей книгѣ [51]) даетъ исторію г. Кременчуга. Добросовѣстный трудъ этотъ въ первыхъ своихъ частяхъ представляетъ мало интереса въ виду скудости источниковъ и вмѣстѣ малаго значенія Кременчуга въ старые періоды малорусской исторіи. Болѣе интересны послѣднія главы книги, посвященныя новѣйшей исторіи города. Въ приложеніяхъ авторъ зачѣмъ-то перепечаталъ статьи о Кременчугѣ изъ разныхъ справочныхъ изданій, энциклопедическихъ и географическихъ словарей, начиная Арандаренкомъ и Щекатовымъ и кончая Słownikiem Geograficznym. Упомянемъ еще объ одной книжкѣ, которая заглавіемъ своимъ можетъ ввести кого-нибудь въ заблужденіе [52]). Въ первой части своей она даетъ два-три сомнительныхъ анекдота, во второй—грубую и малограмотную защиту стараго суда, не имѣя по существу отношенія ни къ исторіи, ни къ Кременчугу. Если мы прибавимъ заимѣтку г. А. А. [53]), изображающую нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ контрабаднаго провоза табаку за польскую границу кіевскими мѣщанами въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка, то получимъ и всю, довольно-таки скудную, литературу этого года, касающуюся городовъ и городского сословія.

Особой группѣ населенія лѣвобережной Малороссіи посвящена статья И. М. Каманина [54]), въ которой авторъ попытался опредѣлить отношеніе польскаго и русскаго правительствъ къ евреямъ въ лѣвобережной Малороссіи. При этомъ авторъ не позаботился провѣрить достовѣрность своихъ нѣсколько сомнительныхъ источниковъ: онъ свободно ссылается на напечатанную нѣкогда въ К. Старинѣ (1883 г. № 1)

1766). Кіевская Старина, 1891 г., № 4, стр. 1—31, № 5, стр. 210—43 и № 6, стр. 384—422.

[51]) Ѳ. Д. Николайчикъ. Городъ Кременчукъ. Историческій очеркъ. Спб. 1891 г., стр. 217, К. Стар. 1891, №, 11, с. 333—4. Н. В.

[52]) Подгородній старожилъ (подпись, но на обложкѣ нѣтъ). Часть 1-я, Историческое описаніе гор. Кременчуга съ его уѣздомъ. Часть 2-я. Сравненіе прежняго судопроизводства съ современнымъ. Кременчугъ, 1891 г., стр. 40.

[53]) А. А. Табачная контрабанда среди кіевскихъ мѣщанъ. Кіевская Старина. 1891 г., № 11, стр. 257—66.

[54]) И. М. Каманинъ. Евреи въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII в. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 36—53.

Digitized by Google

фонъ-Носомъ грамоту королевича Владислава отъ 8 февр. 1623 г., возбуждающую сильное подозрѣніе своимъ необычнымъ титуломъ и временемъ ея изданія; равнымъ образомъ онъ принимаетъ вполнѣ на вѣру данныя оффиціальныхъ переписей еврейскаго населенія, предпринятыхъ въ моментъ и съ цѣлью изгнанія послѣдняго. Къ этому надо еще прибавить, что авторъ допустилъ ошибки въ пользованіи своими источниками, принявъ данныя переписи евреевъ въ кіевскомъ намѣстничествѣ въ 1792 г. за данныя всей лѣвобережной Малороссіи, и опустилъ важныя показанія ихъ—о занятіи евреевъ ремеслами,—противорѣчащія его выводамъ. Самый комментарій автора къ показаніямъ источниковъ отличается по временамъ значительной произвольностью и неясностью. Позволимъ себѣ въ качествѣ примѣра привести одно мѣсто. „Само собою разумѣется, говоритъ авторъ, что въ числѣ помѣщиковъ, пользовавшихся услугами евреевъ, въ процентномъ отношеніи должны были преобладать (почему?) иноземные землевладѣльцы, а за ними великорусскіе надъ малорусскими, если принять во вниманіе отношеніе помѣщиковъ той и другой народности, принимавшихъ къ себѣ евреевъ, къ общему числу владѣльцевъ той же народности". Въ виду всѣхъ этихъ особенностей статьи, попытку ея автора приходится, кажется, признать неудачной.

Послѣдніе годы XVIII столѣтія, занятые реформами Екатерины, вызвали нѣсколько частныхъ работъ. Важные акты, касающіеся управленія Малороссіей Румянцевымъ въ 1767 г. (изъ сборника распоряженій Румянцева въ архивѣ Кіев. археогр. комиссіи) и распоряженіе гети. Разумовскаго о преобразованіи генеральнаго суда въ 1760 г. (документъ, сообщенный И. В. Лучицкимъ) напечатаны проф. М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ [55]). Нѣкоторые изъ этихъ документовъ были изданы уже ранѣе: „Записка" Румянцева въ приложеніяхъ къ книгѣ Авсѣенко „Малороссія въ 1767 г.", распоряженія генералъ-губернатора Малороссіи объ отмѣнѣ полковыхъ депутатовъ въ генеральномъ судѣ, объ адвокатахъ и о раздѣленіи Малороссіи на комиссарства—въ „Чтеніяхъ М. О. И. и Др." 1861 г., кн. I; другіе являются въ печати впервые и даютъ цѣнный матеріалъ для характеристики Румянцева и его административныхъ пріемовъ, равно какъ нѣкоторыхъ сторонъ болѣе ранней малорусской администраціи и жизни мѣстнаго общества. Документамъ издатель предпослалъ небольшое введеніе, не особенно однако удачное. Вполнѣ довѣрившись авторитету Румянцева, г. Будановъ изображаетъ жизнь малорусскаго общества и порядки

---

[55]) М. Ф. Владимирскій-Будановъ. Акты по управленію Малороссіею гр. П. А. Румянцева за 1767 г. Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г. стр. 93—136.

Digitized by Google

мѣстной администраціи исключительно по его „Запискѣ о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ", повторяя самыя страшныя выходки и ошибки послѣдней. Достаточно сказать, что, приводя то мѣсто „Записки", гдѣ говорится о лѣности и пьянствѣ народа, какъ причинахъ развитія класса подсусѣдковъ, издатель безъ всякихъ оговорокъ „признаетъ, что эта мрачная картина вѣрна дѣйствительности". Не будемъ говорить о значеніи подобнаго рода объясненія, а спросимъ только, какъ оно можетъ быть примирено съ тѣмъ фактомъ, что на югѣ Малороссіи подсусѣдковъ было значительно менѣе, нежели въ сѣверной ея части. Климатъ этихъ частей страны, кажется, не различается настолько, чтобы содѣйствовать или препятствовать развитію пьянства. Болѣе удаченъ пересказъ изданныхъ г. Будановымъ документовъ, сдѣланный г. Н. В. въ его рецензіи на V т. „Чтеній Общества Несторъ" (К. Ст., 1891, № 10), пересказъ, въ которомъ отмѣчены важнѣйшія новыя свѣдѣнія, сообщаемыя ими, и дана характеристика Румянцева. Н. Стороженко въ двухъ статьяхъ [56]) разсказываетъ по документамъ семейнаго (Рѣпниныхъ) яготинскаго архива военную реформу и учрежденіе карабинерныхъ полковъ въ Малороссіи и устройство почтовыхъ сообщеній и уничтоженіе таможенъ, произведенныя гр. Румянцевымъ. Довольно подробная замѣтка А. Андріевскаго [57]) посвящена дѣятельности кіевскаго совѣстнаго суда въ первый годъ его существованія (1782). А. Ивановъ въ своей маленькой статьѣ [58]) далъ не лишенный интереса разсказъ о переселеніи въ 1789 г. сверхштатныхъ церковниковъ изъ трехъ малороссійскихъ губерній въ Новороссію, способа ихъ отправленія, сопровождавшагося многочисленными злоупотребленіями, ихъ поселенія въ Богоявленскѣ и другихъ мѣстахъ по распоряженію Потемкина для работъ адмиралтейства и ихъ крѣпостныхъ отношеній къ Николаевскому адмиралтейству.

Въ заключеніе упомянемъ опять о работѣ археологическаго содержанія, именно статьѣ В. И. Василенка [59]), описавшаго архитектурные памятники г. Гадяча (замокъ и крѣпостные валы) и ихъ судьбы.

---

[56]) Н. В. Стороженко. Реформы въ Малороссіи при графѣ Румянцевѣ. Кіевская Старина. 1891 г., № 3, стр. 478—93 и № 9, с. 455—65.

[57]) А. Андріевскій. Дѣятельность кіевскаго совѣстнаго суда въ первый годъ его существованія (1782). Кіевская Старина, 1891 г., № 7, стр. 119—129.

[58]) А. Ивановъ. Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новороссію при Екатеринѣ II. Кіевская Старина. 1891 г., № 5, стр. 288—97.

[59]) В. И. Василенко. Гадяцкая Старина. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. V. Кіевъ. 1891 г., стр. 91—102.

Digitized by Google

Исторія собственно Запорожской Сѣчи за 1891 г. не обогатилась какими-либо крупными трудами. Къ ней относятся лишь нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Таковы напечатанный В. Щербиной недатированный документъ, свидѣтельствующій о существованіи въ Сѣчи школы [60]), извлеченныя этимъ же изслѣдователемъ изъ документовъ Кіев. центр. архива мелкія свѣдѣнія о двухъ запорожскихъ ватажкахъ, Саввѣ Чаленкѣ и Игнатѣ Голомъ [61]), и замѣтка А. Скальковскаго о посѣщеніи Сѣчи астрономомъ Эйлеромъ въ 1770 г. [62]), вошедшая въ третье изданіе его „Исторіи Сѣчи Запорожской".

Болѣе посчастливилось исторіи позднѣйшихъ странствованій сѣчевиковъ. Въ статьѣ П. Иванова [63]), основанной на одномъ изъ дѣлъ николаевскаго портоваго архива, впервые разсказываются подробности переселенія запорожцевъ на Тамань въ 1792 г. Изслѣдованіе П. А. Шафранова [64]), въ основу котораго положены дѣла архива министерства государственныхъ имуществъ, даетъ пересказъ исторіи образованія Азовскаго войска, заключающій въ себѣ много новыхъ подробностей, и очень краткій очеркъ позднѣйшихъ его судебъ, выселенія части войска на Кавказъ и послѣдовавшаго затѣмъ упраздненія остальной части. Авторъ напрасно только чрезмѣрно довѣряетъ показаніямъ біографіи О. М. Гладкаго, подвергнутымъ уже критикѣ въ другихъ работахъ о Задунайской Сѣчи. Послѣдняя часть труда г. Шафранова, трактующая о выселеніи азовцевъ на Кавказъ, прекрасно дополняется статьей П. П. Короленка [65]). Послѣдній, кромѣ печатныхъ матеріаловъ пользовался дѣлами кубанскаго войскового архива и разсказами бывшихъ турецкихъ запорожцевъ и старыхъ черноморцевъ. Первая часть его разсказа—о задунайской Сѣчи, Гладкомъ и объ образованіи азовскаго войска—не даетъ, впрочемъ, ничего новаго, и главный интересъ заключается во второй части—въ повѣствованіи о проектахъ переселенія азовцевъ на Кубань и особенно объ осуществленіи этого переселенія, исторія котораго полна была для коза-

---

[60]) В. Щербина. Сѣчевая школа. Кіев. Старина. 1891 г. № 9, стр. 491—2.

[61]) В. Щербина. Савва Чаленко и Игнатъ Голый. Кіев. Старина. 1891 г. № 10, стр. 119—122.

[62]) А. Скальковскій. Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г. Кіевская Старина. 1891 г., № 10, стр. 117—119.

[63]) П. Ивановъ. Переселеніе запорожцевъ на Тамань. Кіев. Старина. 1891 г., № 7, стр. 133—141.

[64]) П. А. Шафрановъ. О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 г. Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществъ. Вып. 1. СПб., 1891 г., стр. 207—37. 1) Ист. Вѣстн. 1891, № 8, стр. 491. В. Б. 2) Русская Старина. 1891 г., № 5.

[65]) П. П. Короленко. Азовцы. Кіевская Старина. 1891 г. № 7 и 8.

Digitized by Google

ковъ тяжелыхъ ударовъ и разочарованій, такъ какъ администрація Кавказа, въ лицѣ главнымъ образомъ гр. Евдокимова, относилась къ нимъ едва не враждебно.

Исторія Слободской Украйны также не богато представлена въ исторической литературѣ 1891 года. Отмѣтимъ здѣсь издаваемый проф. Багалѣемъ критико-библіографическій указатель сочиненій, относящихся къ исторіи этой мѣстности [66]). За этотъ годъ мы имѣемъ только одну работу по исторіи ея, именно статью г. А. Ш. [67]). Она представляетъ пересказъ одного темнаго кляузнаго дѣла 1746—51 гг., заключающагося въ разборѣ доносовъ писца полковой ахтырской канцеляріи Яготинца на мѣстную полковую старшину, затѣмъ на бѣлгородскаго губернатора Салтыкова въ интересахъ вице-губернатора Пассека, затѣмъ на послѣдняго. Дѣло это содержитъ въ себѣ массу мелкихъ недоразумѣній, не разъясненныхъ авторомъ пересказа, который не объясняетъ и самаго содержанія доносовъ Яготинца, благодаря чему статья является совершенно темной и неинтересной. Изъ матеріаловъ проф. Багалѣемъ была напечатана челобитная Острогожскихъ старшинъ Екатеринѣ II [68]), по вѣроятной датировкѣ издателя относящаяся къ 1763—64 г. Старшины каются въ своихъ злоупотребленіяхъ, открытыхъ ревизовавшимъ ихъ дѣйствія Щербининымъ, объясняя ихъ своею простотою, и просятъ „о переформированіи сихъ полковъ совсѣмъ въ иной родъ службы и порядка“; любопытнаго вопроса, явилась ли эта челобитная результатомъ свободнаго дѣйствія старшинъ или была внушена имъ правительственными агентами, издатель не касается, не имѣя, повидимому, и матеріаловъ для его рѣшенія. Съ примѣчаніями проф. Багалѣя изданъ еще переводъ той части дневника акад. Гильденштедта [69]), въ которой разсказывается о путешествіи его чрезъ Слободскую губернію; переводчица, г-жа Сал-

---

[66]) Д. И. Багалѣй. Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской Украйны (критико-библіографическій очеркъ). Выпускъ 2-й, 1885—1890 годы. Часть 1: обзоръ источниковъ. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. III. Харьковъ. 1891 г., стр. 279—298 и отдѣльно.

[67]) А. Ш. Дѣятели слободской Украйны прошлаго вѣка. Кіевская Старина. 1891 г., № 6, стр. 424—45.

[68]) Д. И. Багалѣй. Челобитная Острогожскихъ старшинъ имп. Екатеринѣ II. Сборн. Харьк. Истор.-фил. Общества, т. III. Харьковъ. 1891 г., стр. 312—16.

[69]) Дневникъ путешествія по Слободско-Украинской губерніи академика СПб. Ак. Наукъ Гильденштедта въ августѣ и сентябрѣ 1774 года. Харьковскій Сборникъ, вып. 5. Харьковъ. 1891 г., стр. 71—158.

Digitized by Google

типова, снабдила изданіе предисловіемъ, въ которомъ выяснила значеніе сообщаемыхъ Гильденштедтомъ свѣдѣній.

Въ исторіи церкви въ предѣлахъ Слободской Малороссіи начата была въ 1891 г. довольно интересная работа В. Демидова[70]). Въ ней авторъ, пользуясь дѣлами архива харьковской духовной консисторіи, свѣдетъ главнымъ образомъ за существованіемъ въ XVIII в. разныхъ видовъ незаконныхъ браковъ и борьбой съ ними церковныхъ властей. Наблюдаемые имъ факты имѣютъ много общаго съ подобными же фактами, рисуемыми для Подоліи въ указанной нами выше статьѣ г. К. С.

---

[70]) В. Демидовъ. Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Бѣлгородской епархіи. (1721—1799 г.). Харьковскій Сборникъ, вып. 5. Харьковъ. 1891 г., стр. 53—92.

Digitized by Google

Историческая хроника.

Историческіе университетскіе курсы въ 1894/5 ак. г. — Историческая наука въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1893/94 гг.—Историческая наука въ Московскомъ университетѣ въ 1893/94 гг. — Извлеченія изъ отчета Харьковскаго университета за 1892 г. — Харьковское Историко-филологическое Общество.— Вступительныя лекціи.—Диспуты.—Отчетъ о занятіяхъ исторической комиссіи Учебнаго Отдѣла при Московскомъ Обществѣ Распространенія Техническихъ Знаній.—Разныя извѣстія.

Историческіе курсы въ русскихъ университетахъ въ 1894—95 учебномъ году.

С.-Петербургскій университетъ. Осенній семестръ. Всеобщая исторія. Историческая энциклопедія (для желающихъ) проф. Н. И. Карѣева (1 ч.). Древняя исторія: общій курсъ исторіи Греціи и Рима до конца IV стол. до Р. Х. проф. Ѳ. Ѳ. Соколова (4 ч.); спеціальный курсъ по исторіи Греціи въ III стол. до Р. Х. его же (2 ч.) и чтеніе греческихъ надписей его же; обзоръ источниковъ по исторіи эллинскаго Востока послѣ Александра В. до включенія Греціи, Македоніи и восточныхъ царствъ въ составъ Римской имперіи пр.-д. А. Н. Щукарева (1 ч.) и курсъ по исторіи греческаго искусства, начиная съ эпохи Фидія его же (2 ч.). Средняя исторія: общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ пр. Н. И. Карѣева (2 ч.); обозрѣніе трудовъ и источниковъ по Византійской исторіи, какъ вступленіе въ практическія занятія студентовъ по той же спеціальности (4 ч.) пр. В. Г. Васильевскаго; спеціальный курсъ по исторіи крестовыхъ походовъ пр.-д. Р. Э. Регеля (2 ч.); курсъ по исторіи славянскихъ народовъ въ средніе вѣка, до второй половины XV в. пр. В. И. Ламанскаго (3 ч.). Новая исторія. Общій курсъ исторіи новаго времени съ историографическимъ введеніемъ пр. Н. И. Карѣева (4 ч.); спеціальный курсъ по исторіи реформаціи въ Германіи пр.-д. Г. В. Форстена

Digitized by Google

(2 ч.) и по исторіи нѣмецкихъ университетовъ въ XV и XVI стол. его же (1 ч.). Русская исторія: общій курсъ проф. С. Ѳ. Платонова (4 ч.), съ семинаріемъ по чтенію и разбору источниковъ для исторіи Московской Руси его же (2 ч.); методы изученія источниковъ и явленій русской исторіи пр.-д. А. С. Лаппо-Данилевскаго (2 ч.); курсъ исторіи Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II пр.-д. Н. Д. Чечулина (2 ч.); спец. курсъ по исторіи Южной и Западной Руси въ XIII — XVII вв. пр.-д. С. М. Середонина (2 ч.); разборъ источниковъ для исторіи старинно-русскаго земства пр.-д. Сенигова (2 ч.). Исторія церкви: исторія древней церкви до раздѣленія церквей (2 ч.); исторія русской церкви до учрежденія патріаршества (2 ч.) и практическія занятія по изученію древней церковной исторіи (2 ч.) пр. И. Е. Троицкаго.

Весенній семестръ. Всеобщая исторія. Историческая энциклопедія пр. Н. И. Карѣева (для желающихъ, 1 ч.). Древняя исторія: общій курсъ по исторіи Греціи и Рима съ начала III стол. до Р. Х. проф. Ѳ. Ѳ. Соколова (4 ч.); чтеніе греческихъ надписей его же; спец. курсъ по исторіи Греціи во II стол. до Р. Х. его же (2 ч.); курсъ пр.-д. А. Н. Щукарева, тотъ же. Средняя исторія: обозрѣніе Византійской исторіи пр. В. Г. Васильевскаго (2 ч.) съ семинаріемъ по средневѣковой западной исторіи его же (2 ч.). У пр. Н. И. Карѣева, пр.-д. В. Э. Регеля, пр. В. И. Ламанскаго и пр.-д. Г. В. Форстена курсы тѣ же. Новая исторія: тѣ же курсы. Русская исторія: тѣ же курсы. Исторія церкви: исторія восточной церкви (2 ч.), исторія западной церкви до реформаціи (2 ч.) и спец. курсъ по разбору источниковъ исторіи восточной церкви въ византійскій періодъ (2 ч.) проф. И. Е. Троицкаго.

Московскій университетъ. Исторія др. Востока: общій курсъ проф. М. С. Корелина (2 ч.). Древняя исторія: общій курсъ по исторіи Греціи пр. П. Г. Виноградова (2 ч.); курсъ по исторіи Востока и Греціи пр.-д. В. М. Михайловскаго (1 ч.); курсъ римскихъ древностей э.-о. пр. В. А. Шеффера (3 ч.). Средняя исторія: спеціальный курсъ по исторіи Византіи и южныхъ славянъ пр.-д. П. В. Безобразова (2 ч.) и по исторіи Византіи въ эпоху Комниновъ его же (1 ч. для желающихъ); по исторіи зап. славянъ пр.-д. И. А. Линниченка (2 ч.); по исторіи начала и развитія феодализма пр.-д. В. М. Михайловскаго (2 ч. для желающихъ). Новая исторія: общій курсъ по исторіи XVI и XVII вв. пр. В. И. Герье (2 ч.); по исторіи XIX в. пр. М. С. Корелина (2 ч.); спец. курсъ по исторіи Франціи въ XIX в. пр.-д. С. Ѳ. Фортунатова (1 ч. для желающихъ); общій курсъ по культурной исторіи XVIII в. пр.-д. И. И. Иванова (2 ч.). Русская исторія:

Digitized by Google

общій курсъ пр. В. О. Ключевскаго (4 ч.) и обзоръ главныхъ видовъ источ. р. ист.; спец. курсъ по исторіи древнерусскихъ княжествъ въ удѣльный періодъ пр.-д. И. А. Линниченка (1 ч. для желающихъ) и рус. историографія его же (1 ч. для желающихъ); введеніе въ курсъ р. исторіи пр.-д. П. Н. Милюкова (2 ч. для желающихъ). Исторія церкви: обозрѣніе ист. др. церкви отъ начала христіанства до раздѣленія церкви на Восточную и Западную пр. А. М. Иванцова-Платонова; курсъ по исторіи русской церкви пр.-д. А. Н. Доброклонскаго (2 ч. для желающихъ).

Весенній семестръ. Общій курсъ по исторіи др. Востока пр. М. С. Корелина (1 ч.). Древняя исторія: спец. курсъ по исторіи Италіи и Римской Имперіи пр.-д. В. М. Михайловскаго (1 ч.). Остальные курсы тѣ же и, кромѣ того, спец. курсъ по исторіи развитія церков. историографіи пр. А. М. Иванцова-Платонова (2 ч.) и др.-церк. историч. памятниковъ его же (2 ч.).

Харьковскій университетъ. Осенній семестръ. Исторія Востока: общій курсъ пр.-д. В. В. Лапина (2 ч.) съ семинаріемъ (2 ч.). Древняя исторія: общій курсъ греческой исторіи пр. В. П. Бузескула (4 ч.); курсъ древ. географіи пр.-д. В. В. Лапина. Новая исторія: общ. курсъ по ист. XVII ст. пр. В. П. Бузескула (2 ч.). Русская исторія: общій курсъ русской ист. до Петра Великаго пр. Д. И. Багалѣя (5 ч.); спец. курсъ о русскихъ лѣтописяхъ его же (1 ч.); спец. курсъ по исторіи царствованія Александра I и Николая I пр. П. Н. Буцинскаго (6 ч.).

Весенній семестръ. Древняя исторія: общій курсъ Римской исторіи пр.-д. В. В. Лапина (4 ч.) и спец. курсъ по ист. римской имперіи его же съ семинаріемъ (1 ч.) и семинарій по греческой ист. пр. В. П. Бузескула (2 ч.). Новая исторія: общій курсъ по ист. XVIII в. пр. В. П. Бузескула (4 ч.). Русская исторія: общій курсъ новой русской исторіи пр. П. Н. Буцинскаго (4 ч.) съ семинаріемъ по истор. матеріаламъ, относящимся къ Б. Екатер. комиссіи его же (2 ч.); спец. курсъ по русской историографіи пр. Д. И. Багалѣя (2 ч.), русская историч. географія его же (2 ч.) съ семинаріемъ (2 ч.).

Университетъ св. Владимира. Исторія Востока: общій курсъ по ист. Востока пр.-д. Грена (2 ч.); спец. курсъ по ист. Кавказа его же (1 ч.) и по исторіи цивилизаціи Финикіи и Карѳагена его же (1 ч.) Древняя исторія: общій курсъ по ист. Греціи пр. Н. М. Бубнова (3 ч.); введеніе въ политич. исторію классическихъ народовъ его же (1 ч.) съ семинаріемъ (2 ч.). Средняя исторія: общій курсъ по исторіи славянъ пр. Т. Д. Флоринскаго (3 ч.); по исторіи среднихъ вѣковъ до половины XI в. пр. Ѳ. Я. Фортинскаго (4 ч.) съ семина-

Digitized by Google

ріемъ (2 ч.). Новая исторія: общій курсъ по исторіи Зап. Европы въ XIV—XVIII вв. пр. И. В. Лучицкаго (4 ч.); спец. курсъ по исторіи экономическихъ отношеній во Франціи въ XVIII в. его же (1 ч.) и разборъ франц. документовъ и мемуаровъ XVIII в. его же (1 ч.); спец. курсъ по исторіи реформаціи въ Германіи пр.-д. В. П. Клячина (2 ч.) и курсъ изъ эпохи Возрожденія пр.-д. В. К. Пискорскаго (2 ч.). Русская исторія: спец. курсъ по исторіи времени Александра I пр. В. С. Иконникова (3 ч.); лѣтописи и историч. сказанія его же (2 ч.) и чтеніе памятниковъ и рефератовъ по отдѣлу о русскихъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ его же (1 ч.); спец. курсъ по ист. Россіи до прекращенія удѣловъ пр. В. Б. Антоновича (2 ч.); о русскихъ древностяхъ его же (2 ч.) и чтеніе и разборъ лѣтописей его же (2 ч.); общій курсъ по рус. исторіи (московскаго періода) пр.-д. П. В. Голубовскаго (3 ч.). Исторія церкви: общій курсъ по исторіи христіанской церкви до середины XI в. пр. С. Т. Голубева (2 ч.); спец. курсъ о раціоналистическихъ сектахъ въ Россіи его же (2 ч.) и курсъ полемики православныхъ южно-русскихъ съ протестантами его же (1 ч.).

Весенній семестръ. Исторія Востока: курсы тѣ же. Древняя исторія: курсы тѣ же (но семинарій не 2 ч., а 3 ч.). Средняя исторія: курсы тѣ же. Новая исторія: спец. курсъ по исторіи крестьянской реформы въ Зап. Европѣ XVIII—XIX вв. пр. И. В. Лучицкаго (2 ч.); кромѣ того, общій курсъ пр. И. В. Лучицкаго и спец. к. пр.-д. В. П. Клячина и пр.-д. В. К. Пискорскаго тѣ же. Русская исторія: курсы пр. В. Б. Антоновича тѣ же; общій курсъ по новой р. исторіи пр.-д. П. В. Голубовскаго (3 ч.); спец. курсъ по исторіи времени Екатерины II пр. В. С. Иконникова (3 ч.) и о запискахъ рус. людей его же (2 ч.) съ семинаріемъ (1 ч.). Исторія церкви: общій курсъ тотъ же; спец. курсъ о мистическихъ сектахъ въ Россіи э.-о. пр. С. Т. Голубева (2 ч.) и курсъ полемики православн. южно-руссовъ съ латино-уніатами его же (1 ч.).

Юрьевскій университетъ. Осенній семестръ. Древняя исторія: курсъ римскихъ древностей пр. А. Мендельсона (4 ч.). Средняя исторія: общій курсъ по исторіи средн. вв. пр. Р. Гаусмана (4 ч.) и объясненія средневѣковыхъ источниковъ его же (2 ч.). Новая исторія: общій курсъ по ист. Европы пр. О. Вальтца (4 ч.) съ семинаріемъ (2 ч.). Русская исторія: общій курсъ ист. Россіи пр. Е. Шмурло (4 ч.); спец. курсъ церковной уніи въ XVI—XVII ст. его же (1 ч.) съ семинаріемъ (1 ч.).

Весенній семестръ. Курсы тѣ же.

Казанскій университетъ. Осенній семестръ. Древняя исторія: общій курсъ по римской исторіи пр. Н. А. Осокина (2 ч.) съ семи-

Digitized by Google

наріемъ (1 ч.); курсъ по греческой исторіи пр. И. Н. Смирнова (2 ч.). Средняя исторія: спеціальн. курсъ по ист. Англіи пр. И. Н. Смирнова (2 ч.). Новая исторія: спец. курсъ по исторіи первой французской революціи пр. Н. А. Осокина (3 ч.). Русская исторія: общій курсъ по др. русской ист. пр. Н. А. Өирсова (2 ч.) съ семинаріемъ (3 ч.); общій курсъ по новой рус. ист. пр. Д. А. Корсакова (4 ч.); спец. курсъ по рус. ист. съ 40 гг. XIX в. до нашего времени его же (2 ч.) съ семинаріемъ (1 ч.); спец. курсъ по ист. Поволжья и Прикамья пр.-д. Н. Н. Өирсова (1 ч.). Исторія церкви: общій курсъ древней исторіи церкви пр. Ѳ. А. Курганова (4 ч.).

Весенній семестръ. Древняя исторія: курсъ пр. И. Н. Смирнова тотъ же. Средняя исторія: общій курсъ исторіи образованія средневѣковыхъ государствъ пр. Н. А. Осокина (2 ч.) и тотъ же курсъ пр. И. Н. Смирнова. Новая исторія: курсъ исторіи первой Наполеоновской имперіи и эпохи конгрессовъ пр. Н. А. Осокина (3 ч.). Русская исторія: курсы тѣ же. Исторія церкви: общ. курсъ средневѣковой и новой общей исторіи церкви пр. Ѳ. А. Курганова (4 ч.).

Варшавскій университетъ. Осенній семестръ. Древняя исторія: общій курсъ римской исторіи пр. А. И. Павинскаго (2 ч.). Средняя исторія: курсъ исторіографіи среднихъ вѣковъ пр. А. И. Павинскаго (1 ч.) и практическія занятія его же (1 ч.). Новая исторія: общій курсъ исторіи новыхъ вѣковъ пр. Н. Н. Любовича (2 ч.); спец. курсъ исторіи Европы въ XIV и XV вв. его же (2 ч.). Русская исторія: общій курсъ новой русской исторіи пр. Д. В. Цвѣтаева (2 ч.); спец. курсъ исторіи царствованія императрицы Екатерины II его же (2 ч.); курсъ исторіи Руси съ древнѣйшихъ временъ до смерти Ивана III пр. И. П. Филевича (2 ч.) и очеркъ русской этнографіи его же (2 ч.).

Весенній семестръ. Курсы тѣ же.

Новороссійскій университетъ. Осенній семестръ. Древняя исторія: общій курсъ греческой исторіи пр. Ѳ. И. Успенскаго (2 ч.); курсъ греч. исторіи пр. Р. Ю. Виппера (2 ч.); спец. курсъ греческихъ древностей пр. А. Н. Деревицкаго (1 ч.). Средняя исторія: общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ пр. Ѳ. И. Успенскаго (3 ч.) съ семинаріемъ изъ Меровингской эпохи (1 ч.). Новая исторія: общій курсъ исторіи зап. Европы въ XIX вѣкъ, пр.-д. Г. Е. Аѳанасьева (2 ч.); курсъ исторіи реформаціи пр. Р. Ю. Виппера (2 ч.) и семинарій по новой исторіи его же (2 ч.). Русская исторія: общій курсъ древней русской исторіи до 1613 г. пр. Е. И. Перетятковича (3 ч.); обзоръ главнѣйшихъ источниковъ и пособій по русской исторіи его же (2 ч.) и семинарій по др. р. ист. его же (1 ч.); общій курсъ исторіи Россіи съ 1613 г. до настоящаго времени пр. А. И. Маркевича (3 ч.); спец. курсъ исторіи внутренняго быта Московскаго Государства въ XVII и

Digitized by Google

XVIII вв. его же (2 ч.) съ семинаріемъ (1 ч.); спец. курсъ исторіи царствованія Іоанна Грознаго пр.-д. А. Е. Вѣлюгова (2 ч.). Исторія церкви: общій курсъ исторіи христіанской церкви пр. Н. Ѳ. Красносельцева (4 ч.) и обзоръ и критика источниковъ древней церковной исторіи его же (2 ч.).

Весенній семестръ. Курсы тѣ же.

Историческая наука въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1893—94 гг.

I. (1893 г.).

Въ прошломъ году „Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1893 г." (составленный пр. Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ) вышелъ въ свѣтъ къ годичному акту 8-го февраля. Приводимъ изъ него главныя свѣдѣнія, могущія спеціально интересовать читателей „Историческаго Обозрѣнія".

Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1893 году было—96. Изъ нихъ при историко-филологическомъ факультетѣ состояло. — 27. *Состоялн при немъ со стипендіями на счетъ штатной суммы*: Александръ Васильевъ, Николай Павловъ и Сергѣй Рункевичъ.

Состоялн при университетѣ безъ стипендій:

По историко-филологическому факультету: Борисъ Александровъ, Евгеній Аничковъ, Михаилъ Быстровъ, Павелъ Вознесенскій, Эрвинъ Гриммъ, Сергѣй Жебелевъ, Вильгельмъ Каттерфельдъ (по 1 октября), Алексѣй Кедровъ (по 20 марта), Николай Колоколовъ (съ 15 мая), Михаилъ Крыжановскій (по 15 октября), Иванъ Лаппо, Иванъ Лапшинъ (съ 1 ноября), Александръ Липовскій (по 1 Декабря), Борисъ Меліорапскій, Николай Павловъ-Сильванскій, Владиміръ Перетцъ (съ 1 ноября), Александръ Пресняковъ (съ 1 ноября), Сергѣй Рождественскій, Михаилъ Ростовцевъ, Яковъ Смирновъ, Николай Тупиковъ, Николай Усовъ (съ 1 декабря), Григорій Церетели (съ 1 ноября), Петръ Шефферъ.

Въ 1893 г. степень доктора по историко-филологическому факультету получилъ Владиміръ Алексѣевичъ Яковлевъ—степень доктора русской словесности, по защищеніи диссертаціи „Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Изнарагда."

На историко-филологическомъ факультетѣ происходили слѣдующія практическія занятія со студентами, имѣющія отношеніе къ исторіи: проф. Н. И. Карѣевъ велъ со студентами практическія занятія по исторіографіи Франціи XVIII вѣка; проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій

Digitized by Google

занимался со студентами весною 1893 г. чтеніемъ Петропія и объясненіемъ его, какъ источника частнаго быта древнихъ римлянъ.

Въ рубрикѣ „Научно-литературные труды профессоровъ и другихъ преподавателей университета" между прочими отмѣчены слѣдующія работы: проф. Н. И. Карѣевъ издалъ: 1) II и III томы „Исторіи Западной Европы въ новое время", 2) книгу п. загл. „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени" и 3) брошюру п. загл. „Causes de la chute de la Pologne"; кромѣ того напечаталъ статьи: 4) „Ранній итальянскій гуманизмъ" (Вѣстн. Евр.); 5) „Энциклопедія права и общее образованіе" (Сборн. правовѣд. и обществ. наукъ), 6) „Обзоръ историческихъ сочиненій для самообразованія" (Міръ Божій). Редактировалъ „Историческое Обозрѣніе", издаваемое Историческимъ обществомъ при С.-Петерб. унив. и историческій отдѣлъ русскаго энциклоп. словаря, въ коемъ помѣстилъ нѣсколько историческихъ статей. Читалъ публичныя лекціи въ Соляномъ городкѣ въ ноябрѣ 1893 г. о теоретическомъ отношеніи къ исторіи; всѣхъ лекцій (двухчасовыхъ) было три, и каждая собирала ок. 200 слушателей; сборъ поступилъ въ кассу Общества для пособія нуждающимся студентамъ университета. Проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій сдѣлалъ сообщеніе въ Историческомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ унив. о Т. Моммзенѣ по поводу его 50-лѣтняго докторскаго юбилея. Проф. С. Ѳ. Платоновъ напечаталъ статью п. загл. „Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 года" (Чтенія въ Имп. Моск. общ. ист. и древн. россійскихъ), составилъ (совмѣстно съ проф. Н. В. Покровскимъ) предисловіе къ изданію Имп. Общ. любит. древн. письм. съ загл. „Лицевой лѣтописецъ XVII вѣка" и помѣстилъ нѣсколько отзывовъ о новыхъ книгахъ въ Журн. М. Нар. Пр. Прив.-доц. П. А. Сырку сдѣлалъ сообщеніе въ Общ. люб. др. письм.: о сказаніи о сербахъ XVII в., написанномъ въ Россіи и посвящ. царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, и о житіи южнославянскаго святого Романа. Прив.-доц. Э. А. Вольтеръ напечаталъ: 1) статью подъ загл. Alexander Potebnja и нѣсколько рецензій, разборовъ и сообщеній по діалектологіи, этнографіи, статистикѣ и археологіи Литвы въ журн. Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft; 2) нѣсколько статей по литовскому фолклору и исторіи народнаго просвѣщенія сѣв. зап. Россіи и Литвы въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ; 3) нѣсколько статей въ латышскомъ фолклористскомъ журналѣ; 4) первый томъ литовской (жмудской) исторіи С. Довконта. Прив.-доц. Г. В. Форстенъ напечаталъ: 2-й выпускъ актовъ и писемъ къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ; 2) изслѣдованіе: Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, ч. I; 3) рядъ статей въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ. Прив.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскій напечаталъ изслѣдованіе п.

Digitized by Google

загл. „Древности кургана Карагодеушахъ, какъ матеріалы для бытовой исторіи прикубанскаго края въ IV—III в. до Р. Х.“ (въ Матеріалахъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Имп. археологической коммиссіей) и сдѣлалъ сообщеніе въ Историческомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ ун. п. загл. „Новая теорія развитія семейныхъ отношеній въ первобытномъ обществѣ“. Прив.-доц. А. Н. Щукаревъ напечаталъ рецензію на „Историческія чтенія Масперо“ въ „Русской школѣ“, велъ археологическую хронику эллинскаго востока въ журн. „Филологическое обозрѣніе“, помѣстилъ рядъ статей въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ, прочиталъ въ Имп. археологическомъ обществѣ рефератъ о надписяхъ, найденныхъ на еракійскомъ побережьи г. Лишинымъ. Прив.-доц. С. М. Середонинъ читалъ въ Имп. археологическомъ обществѣ докладъ „къ вопросу о прародинѣ славянъ“. Прив.-доц. Л. В. Рутковскій напечаталъ свою вступительную лекцію п. загл. „Общая характеристика англійской философіи; готовитъ къ печати книгу подъ загл. „Исторія англійской психологіи“. Проф. В. И. Сергѣевичъ напечаталъ: 1) 1-й выпускъ II-го тома „Русскихъ юридическихъ древностей“; 2) VIII томъ матеріаловъ екатерининской законодательной коммиссіи. Проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ готовитъ къ печати одиннадцатый томъ издаваемаго имъ „Собранія трактатовъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“. Проф. П. И. Георгіевскій напечаталъ „Историческій очеркъ развитія путей сообщенія въ XIX в.“. В. Н. Латкинъ напечаталъ нѣсколько рецензій на вновь вышедшія книги въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и приготовилъ къ печати „курсъ исторіи русскаго права періода имперіи“ (XVIII и XIX стол.). Проф. И. И. Кауфманъ напечаталъ: „Государственный долгъ Англіи съ 1688 по 1890 г. Опытъ историко-статистической монографіи кредитныхъ операцій, производившихся въ Англіи въ связи съ экстраординарными финансами“. Проф. баронъ В. Р. Розенъ напечаталъ VII томъ редактируемыхъ имъ „Записокъ Восточнаго отдѣленія И. Р. Археологическаго общества“ и началъ печатать VIII. Проф. Д. А. Хвольсонъ напечаталъ: 1) статью подъ заглавіемъ Ueber das Datum im Evang. Matth. XXVI 17 τῇ δὲ πρώτῃ τῶν ἀζύμων, 2) три статьи въ русск. энциклопедическомъ словарѣ о еврейской исторіи (отъ выхода изъ Египта до нашего времени), объ исторіи еврейской литературы и объ еврейскомъ языкѣ. Приготовилъ къ печати разборъ около 300 сиронесторіанскихъ надгробныхъ надписей, найденныхъ въ Семирѣчьи. Проф. Н. И. Веселовскій напечаталъ киргизскій текстъ исторіи завоеваній русскихъ въ Средней Азіи и сдѣлалъ на археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ докладъ о татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніалъ до Петра Великаго. Прив.-доц. Н. А. Мѣд-

Digitized by Google

никовъ продолжаетъ печатать изданіе Православнаго Палестинскаго общества: „Исторія Палестины по арабскимъ источникамъ".

Къ отчету приложена обширная (стр. 119—192) записка о наградахъ студентовъ С.-Петербургскаго университета медалями въ 1893 г. и о вновь предложенныхъ темахъ для соисканія наградъ медалями въ 1895 г.

По историко-филологическому факультету. На тему по *русской исторіи*: „Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ, какъ историкъ (Критическій обзоръ его трудовъ)" представлено одно сочиненіе (№ 19) съ девизомъ: Est cujusvis hominis errare, nullius vero nisi insipientis in errore perseverare. „Оно состоитъ, говоритъ записка, во-первыхъ, изъ біографическаго очерка, во-вторыхъ, изъ критическаго обзора различныхъ трудовъ И. Д. Бѣляева и, въ третьихъ, изъ „приложеній", въ которыхъ авторъ помѣстилъ подробнѣйшій библіографическій указатель напечатанныхъ работъ И. Д. Бѣляева, перечень его трудовъ, сохранившихся въ рукописяхъ, и разнаго рода матеріалы для его біографіи. Въ общемъ сочиненіе достигаетъ очень большого объема и свидѣтельствуетъ объ исключительномъ трудолюбіи и о широкой начитанности автора. Особенное вниманіе къ біографическимъ и библіографическимъ подробностямъ помѣшало автору съ одинаковымъ успѣхомъ разрѣшить другую часть поставленной имъ себѣ задачи—дать критическую оцѣнку отдѣльныхъ трудовъ И. Д. Бѣляева. Такая детальная оцѣнка однако и не требовалась темою. Нашъ же изслѣдователь, не разъ оцѣнивая въ біографическомъ очеркѣ разныя стороны дѣятельности своего героя, сверхъ того пожелалъ разобрать, со стороны метода и ученыхъ результатовъ, всѣ сколько-нибудь замѣтныя статьи И. Д. Бѣляева порознь—и, понятно, не успѣлъ довести это дѣло до конца, оставивъ въ своей работѣ большіе пробѣлы, которые самъ же и оговорилъ съ полною прямотою". Но, во всякомъ случаѣ, въ этомъ трудѣ „можно найти много доказательствъ того, что авторъ обладаетъ незаурядными знаніемъ исторической литературы и зрѣлыми критическими пріемами". Въ виду сказаннаго авторъ его, студентъ VIII семестра, Сергѣй Гадзяцкій, награжденъ золотою медалью.

На другую тему по *русской исторіи*: „Екатерининская коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія (ея организація и дѣятельность)", представлено пять сочиненій. „Сочиненіе № 11, подъ девизомъ „Безъ девиза" представляетъ очень почтенную по объему и выдающуюся по хорошимъ качествамъ работу. Авторъ начинаетъ съ краткаго разсужденія о причинахъ, сдѣлавшихъ къ концу XVIII в. необходимымъ новое уложеніе, говоритъ о попыткахъ Петра Великаго и его преемниковъ составить его, затѣмъ обращается къ коммиссіи 1767 г. и указываетъ особенности ея организаціи сравнительно съ

Digitized by Google

прежними комиссіями. Затѣмъ авторъ описываетъ избраніе депутатовъ. Здѣсь онъ внимательно останавливается на разъясненіи того, въ какой мѣрѣ установленный порядокъ избранія депутатовъ обезпечивалъ правильное и равномѣрное представительство въ комиссіи разныхъ группъ населенія, и характеризуетъ затѣмъ, какъ сложилось это представительство въ комиссіи. Его разсужденія и замѣчанія являются вполнѣ правильными; а насколько внимательно разбиралъ онъ этотъ вопросъ о представительствѣ, доказывается между прочимъ и тѣмъ, что ему удалось указать ошибку въ опредѣленіи общаго числа избранныхъ депутатовъ, до сихъ поръ никѣмъ не замѣченную; правда, она очень незначительна, но тѣмъ большее вниманіе требовалось, чтобы ее замѣтить. Организація комиссіи изложена достаточно подробно и вполнѣ самостоятельно. Наибольшая и вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшая часть работы посвящена вопросу о дѣятельности комиссіи, гдѣ авторъ изложенію работъ комиссіи по каждому отдѣльному вопросу предпосылаетъ обзоръ законодательства, которымъ ко времени комиссіи эти вопросы опредѣлялись. Эти очерки законодательства носятъ на себѣ слѣды самостоятельной работы. Такое разсмотрѣніе дѣятельности комиссіи 1767 г. должно быть признано наиболѣе правильнымъ и повести къ вѣрной оцѣнкѣ значенія ея въ исторіи русскаго законодательства. Очень хорошо ведетъ авторъ и самое изложеніе занятій комиссіи, гдѣ онъ даетъ самостоятельную оцѣнку всего, что говорилось въ Большомъ Собраніи. Въ заключеніе авторъ представляетъ очень цѣнный очеркъ дѣятельности частныхъ комиссій; документы ихъ дѣятельности еще не изданы, но авторъ, путемъ тщательнѣйшаго изученія дневныхъ записокъ Большого Собранія, изъ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ и изъ другихъ, часто, повидимому, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣятельности комиссіи источниковъ, собралъ о дѣятельности частныхъ комиссій много очень любопытныхъ фактовъ, доселѣ оставшихся совершенно незамѣченными. Такимъ образомъ авторъ широко поставилъ свою задачу, очень тщательно изучилъ свой матеріалъ, обнаружилъ большую начитанность и полное умѣнье самостоятельно разбираться въ изучаемыхъ вопросахъ. Автору этого сочиненія студенту VIII семестра Михаилу Поліевктову присуждена золотая медаль".

„Авторъ сочиненія подъ девизомъ: „Созданіе нашей общественности справедливо приписывается Екатеринѣ II (№ 18), „обратилъ наибольшее вниманіе на организацію комиссіи и этой сторонѣ вопроса посвятилъ двѣ трети своего сочиненія. При описаніи выборовъ депутатовъ авторъ останавливается на эпизодахъ дѣйствительно характерныхъ и важныхъ, а все частное, мелкое не вводитъ въ свое изложеніе; очевидно, что онъ вполнѣ овладѣлъ изу-

Digitized by Google

чаемыми фактами и внимательно ихъ обдумалъ; наблюденія его обыкновенно интересны, заключенія и обобщенія правильны. По вопросу объ организаціи коммиссіи онъ съумѣлъ сдѣлать нѣсколько самостоятельныхъ наблюденій и выводовъ. Сравнительно съ описаніемъ организаціи коммиссіи, главная часть труда, изложеніе дѣятельности коммиссіи, вышла у автора значительно блѣднѣе; онъ вѣрно характеризуетъ опредѣлившіяся въ Большомъ Собраніи группы, правильно передаетъ ходъ преній и этимъ доказываетъ, что основательно изучилъ и тѣ матеріалы, которые касаются занятій коммиссіи; но, очевидно, онъ болѣе интересовался подробностями ея организаціи и не оставилъ себѣ времени для изложенія дѣятельности Большого Собранія. Но вообще вся работа свидѣтельствуетъ, что авторъ вполнѣ способенъ къ самостоятельному изученію историческихъ источниковъ: матеріаломъ, который подлежалъ разработкѣ, онъ овладѣлъ вполнѣ, при томъ обнаружилъ вполнѣ достаточную начитанность не въ одной только сферѣ трудовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ коммиссіи 1767 г. Языкъ его сочиненія выработанный, правильный, изложеніе стройное". На основаніи сказаннаго, авторъ, студентъ VIII семестра Василій Разумовскій, удостоенъ награжденія серебряною медалью.

„Сочиненіе № 9 подъ девизомъ:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная
Матушка Русь!

Некрасовъ.

самое обширное изъ всѣхъ представленныхъ на тему о коммиссіи 1767 г.. Оно начинается съ довольно подробнаго обзора коммиссій, собранныхъ въ теченіе XVIII в. для составленія новаго уложенія; затѣмъ авторъ даетъ довольно обстоятельный обзоръ Наказа и излагаетъ съ большими подробностями выборъ депутатовъ и открытіе засѣданій коммиссіи. Все это занимаетъ до 13 листовъ. Далѣе, 45 листовъ посвящено изложенію занятій коммиссіи. Это изложеніе сдѣлано очень подробно. Послѣдніе семь листовъ авторъ посвятилъ обзору частныхъ коммиссій, съ большимъ стараніемъ собирая о нихъ свѣдѣнія. Внимательное изученіе всѣхъ данныхъ о дѣятельности коммиссіи и заготовленныхъ проектовъ и обстоятельный ихъ пересказъ составляютъ положительную сторону работы, вполнѣ заслуживающей награды. Довольно существеннымъ недостаткомъ ея является тяжеловатый языкъ, а особенно отсутствіе всякихъ подраздѣленій, отсутствіе ссылокъ и неумѣнье опредѣлить, что должно быть внесено въ текстъ

Digitized by Google

и что можетъ найти себѣ мѣсто только въ примѣчаніяхъ". Автору этого сочиненія, студенту VI семестра Михаилу Измайлову, присуждена серебряная медаль.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Попытка не пытка" (№ 20) начинается съ обозрѣнія литературы предмета. Далѣе авторъ разсматриваетъ Наказъ и довольно удачно отмѣчаетъ, какими именно сторонами своими Наказъ долженъ былъ всего сильнѣе повліять на работы комиссіи. Затѣмъ довольно обстоятельно изложенъ выборъ депутатовъ и вкратцѣ обрисованъ составъ представительства въ комиссіи. Дѣятельность Вольшого Собранія изложена очень подробно; авторъ передаетъ факты ея въ хронологическомъ порядкѣ, дѣлая отъ него отступленіе только однажды, именно присоединивъ сюда вопросъ о сохраненіи привилегій остзейскаго дворянства. Авторъ изучилъ для своей работы и протоколы Общаго Собранія и подлинныя мнѣнія депутатовъ, напечатанныя въ видѣ приложенія къ протоколамъ. Относительно вопроса о причинахъ неуспѣха комиссіи авторъ проявляетъ нѣкоторую долю самостоятельности. Вообще, авторъ хорошо овладѣлъ матеріаломъ поллежащимъ его изученію, и результаты своего изученія онъ изложилъ правильно и ясно. Поэтому автора, студента Алексѣя Левшина, положено удостоить наградой серебряною медалью.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Комиссія объ уложеніи, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно (Екатерина)" (№ 21), представляетъ собою изложеніе документовъ, имѣющихъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ комиссіи; авторъ настолько послѣдовательно не выходилъ за предѣлы этого изданія, что даже Наказъ оставленъ имъ безъ изученія; равнымъ образомъ и изъ ученой литературы авторъ воспользовался лишь статьями, посвященными исключительно комиссіи. При такомъ ограниченіи своихъ источниковъ и пособій авторъ, естественно, не пришелъ ни къ какимъ самостоятельнымъ выводамъ. Работа автора не что иное, какъ отчетливо сдѣланный пересказъ источника и доказываетъ во всякомъ случаѣ, что авторъ внимательно прочелъ документы о дѣятельности комиссіи, а равно и ознакомился съ литературою предмета. И это былъ трудъ не малый, заслуживающій безспорно поощренія, почему авторъ его, студентъ VIII семестра юридическаго факультета Викторъ Денисовъ, удостоенъ почетнаго отзыва.

На тему „Политическія сочиненія Фридриха II Прусскаго" подано три работы (№№ 4, 17 и 36). Самою обширною изъ нихъ является работа подъ № 36 (около 8 печатныхъ листовъ въ 35 т. буквъ), за нею слѣдуетъ нѣсколько меньшая подъ № 4 (около 7 листовъ), а самая малая сравнительно (около 5 листовъ), это—работа подъ № 17.

„Ближе всего подошелъ къ разрѣшенію своей задачи авторъ

Digitized by Google

сочиненія № 4, избравшій своимъ эпиграфомъ изреченіе: „Arduum est res gestas scribere". Въ основу своего труда онъ положилъ тщательное изученіе сочиненій Фридриха II, разсмотрѣвши, между прочимъ, и тѣ части его переписки (въ Oeuvres Complétes), которыя не были указываемы при заданіи темы. Число пособій, какими онъ пользовался, доходитъ до 23. Излагая взгляды Фридриха II на различные предметы, авторъ по возможности пользуется собственными его словами, давая ихъ въ удовлетворительномъ по своей точности переводѣ, что, конечно, можетъ быть поставлено въ заслугу автору, но, къ сожалѣнію, онъ злоупотребляетъ черезчуръ длинными выписками, хотя нужно замѣтить, что такія выдержки подобраны весьма умѣло и въ громадномъ большинствѣ случаевъ по содержанію своему являются вполнѣ умѣстными. Ясное и толковое изложеніе при нѣкоторыхъ, впрочемъ, частныхъ погрѣшностяхъ можетъ быть поставлено въ число достоинствъ работы. Но общее построеніе работы № 4 вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія".

Вслѣдствіе невыдержанности плана въ работѣ его замѣчается повтореніе одного и того же, а также и отсутствіе полноты и цѣльности. Кромѣ того авторъ видимо „недостаточно хорошо понялъ, что Фридриха II нужно было разсматривать преимущественно, какъ *писателя*, какъ *теоретика*, лишь тогда обращаясь къ его практической дѣятельности, когда это было нужно для выясненія его взглядовъ или для рѣшенія вопроса, насколько самъ Фридрихъ проводилъ ихъ въ жизнь, и притомъ его нужно было разсматривать, какъ теоретика *политическаго*. Между тѣмъ авторъ нерѣдко беретъ Фридриха II, какъ дѣятеля; отсюда многое въ сочиненіи нашего автора написано прямо не на тему. Точно также изъ взглядовъ Фридриха II на разные предметы не всегда строго выдѣлено то, что имѣетъ прямо политическій интересъ или какое-либо отношеніе къ политикѣ. Если бы авторъ лучше понялъ, что главное въ темѣ — политическія воззрѣнія Фридриха II, а все остальное можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе, онъ, конечно, многое сократилъ бы въ своемъ изложеніи, многое совсѣмъ бы изъ него выкинулъ, а это дало бы ему возможность съ большимъ вниманіемъ остановиться на *отдѣльныхъ сочиненіяхъ* Фридриха II, чего именно авторъ и не дѣлаетъ съ достаточною полнотою". Отмѣтивъ еще нѣкоторые незначительные недостатки работы, рецензентъ говоритъ, однако, что „общій взглядъ на Фридриха II и его политическую теорію, проведенный въ сочиненіи, нужно признать правильнымъ, и авторъ съумѣлъ избѣжать пристрастнаго отношенія къ королю-философу и въ смыслѣ панегирическомъ, и, такъ сказать, въ смыслѣ инвективномъ, что тоже нужно поставить ему въ заслугу".

Принимая во вниманіе основательное изученіе авторомъ сочиненій

Digitized by Google

Фридриха II и литературы предмета и вполнѣ научное отношеніе къ предмету, несмотря на отмѣченные выше недостатки, автору этой работы, студенту IV семестра Павлу Митрофанову, была присуждена серебряная медаль.

Вторымъ по достоинству (и притомъ по объему значительно уступающимъ первому) сочиненіемъ на тему о политическихъ воззрѣніяхъ Фридриха II слѣдуетъ признать работу подъ № 17 и съ скромнымъ девизомъ: „Feci quod potui".

„Авторъ этой работы тоже по всей видимости внимательно вчитывался въ сочиненія Фридриха II, дѣлалъ изъ нихъ надлежащія выписки и въ общемъ вѣрно ихъ понималъ и переводилъ. Начитанность автора въ соотвѣтственной литературѣ тоже весьма значительная. Вмѣсто вступленія, авторъ разсматриваемой работы ограничился нѣсколькими строками, не давъ никакого общаго вывода въ концѣ. Во вступительныхъ строкахъ сказано, что такъ какъ взгляды Фридриха II сложились подъ вліяніемъ прусской государственной традиціи и просвѣтительныхъ идей Вольтера (почему *одного* Вольтера, не объяснено), то и нужно прежде всего познакомиться съ этими традиціями и этими идеями. Этому-то авторъ и посвящаетъ первыя три главы своей работы.

Указанныя главы являются совершенно почти лишними въ сочиненіи, которое и безъ того не особенно велико. Въ первой главѣ авторъ излагаетъ (пользуясь отчасти Дройзеномъ) всю исторію Пруссіи до Фридриха II, безъ чего въ сочиненіи на спеціальную тему прямо можно обойтись, и то же слѣдуетъ сказать о главѣ II, гдѣ довольно подробно разсказывается исторія воспитанія Фридриха II. Въ слѣдующей (III) главѣ авторъ ближе подходитъ къ темѣ, посвящая эту главу вліянію Вольтера на Фридриха II, но и тутъ слишкомъ много отведено мѣста изложенію идей Вольтера. Только съ IV главы авторъ переходитъ прямо къ темѣ, начавъ съ характеристики философскаго и моральнаго міросозерцанія Фридриха II. Это міросозерцаніе, дѣйствительно, заслуживаетъ весьма внимательнаго къ себѣ отношенія и съ точки зрѣнія темы, но авторъ счелъ нужнымъ лишь „коснуться" этого предмета „хоть вкратцѣ", потерявъ время на общее изложеніе прусской исторіи. Четвертая глава работы вышла поэтому и очень короткой, и довольно поверхностной. Изъ этого видно, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ, въ чемъ должна была состоять его главная задача. По названію, данному V главѣ, слѣдовало ожидать подробнаго разбора сдѣланнаго Фридрихомъ II опроверженія макіавеллева „Государя", но на самомъ дѣлѣ этого въ обозначенной главѣ мы не находимъ. Въ общемъ хотя изъ „Опроверженія Макіавелли" приведено довольно много выдержекъ, интересныхъ самихъ по себѣ, но онѣ перемѣшаны съ выписками изъ другихъ сочиненій Фридриха II и не сдѣ-

Digitized by Google

лано анализа собственно самихъ возраженій Фридриха II противъ „Государя“ Макіавелли. Поэтому авторъ не выясняетъ намъ съ достаточною полностью, какъ же относился Фридрихъ II къ Макіавелли. Глава VI уже не вызываетъ такихъ замѣчаній, хотя и въ ней нерѣдки чисто внѣшніе переходы отъ одного предмета къ другому. Глава VII посвящена культурнымъ идеямъ Фридриха II. Если кое-что здѣсь и имѣетъ прямое отношеніе къ политическимъ идеямъ, то содержаніе значительной части главы удобнѣе было перенести въ главу IV: отъ этого выиграла бы послѣдняя и была бы въ выигрышѣ систематичность всей работы. Кромѣ того, и тутъ встрѣчаются мѣста, которыя были бы умѣстнѣе въ другой связи. Особенно неудобнымъ оказывается то, что моральныя идеи Фридриха II излагаются послѣ идей политическихъ. Глава IX, въ коей авторъ на основаніи сочиненій самого Фридриха говоритъ о его взглядахъ на его предшественниковъ и на прусскіе порядки, была бы умѣстнѣе въ началѣ сочиненія и должна была бы замѣнять ненужный пересказъ прусской исторіи и біографіи Фридриха II до 1740 г.

Въ сущности достоинства и недостатки работы № 17 тѣ же, что и работы № 4, съ тѣмъ лишь различіемъ, что несистематичность второй выступаетъ гораздо рельефнѣе. За то авторъ второй работы не дѣлаетъ безпрестанно выписокъ изъ чужихъ сочиненій и такъ или иначе высказываетъ собственные взгляды. Принимая въ расчетъ начитанность автора и общую правильность его сужденій, и его работу можно признать въ виду потраченнаго труда и добросовѣстнаго отношенія къ предмету достойною не только почетнаго отзыва, но даже и серебряной медали“, которая и присуждена автору, студенту VI семестра Ричарду Геппенеру.

Третье сочиненіе (№ 36) съ девизами: „Dum docent, discunt“ и „On ne juge pas les hommes sur leur parole; ce serait le moyen de se tromper toujours; mais on compare leurs actions ensemble et puis leurs actions et leurs discours“—награды не удостоено.

На тему по *средней исторіи* „Anecdota Прокопія, вопросъ о подлинности и достовѣрности“ представлено одно сочиненіе № 16 съ девизомъ „Rudimentum“.

„Задача изслѣдованія, говоритъ записка, долженствовавшаго служить отвѣтомъ на заданную тему, а также и путь, которому оно должно было слѣдовать, прекрасно изложены въ предисловіи автора, написанномъ, очевидно, послѣ заключенія всей рабаты.

Изслѣдованіе распадается на два отдѣла. Вопросъ о подлинности, то есть, о принадлежности Тайной Исторіи Прокопію, автору сочиненій „О войнахъ“ и „О постройкахъ“ Юстиніана, разбирается въ первой главѣ. Здѣсь приходилось имѣть въ виду обширную ученую ли-

Digitized by Google

тературу. Чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что сдѣлано, можно было поступить двоякимъ образомъ: или прослѣдить съ начала все развитіе вопроса въ хронологическомъ порядкѣ, сопровождая каждое отдѣльное сочиненіе своею оцѣнкою и замѣчаніями, или же сдѣлать сводъ доселѣ высказывавшихся аргументовъ за и противъ и опредѣлить свое къ нимъ отношеніе. Авторъ изслѣдованія сразу обнаружилъ свою большую наклонность къ логичности и систематичности тѣмъ, что выбралъ послѣдній путь, избѣжавъ благодаря такому способу многихъ неудобствъ и все-таки не теряя изъ виду литературно-исторической послѣдовательности. При разборѣ прежнихъ изслѣдователей нашъ авторъ, казалось бы, рѣшительно склоняется въ пользу подлинности, но нѣтъ—онъ хочетъ быть осторожнымъ и безпристрастнымъ. Переходя къ положительнымъ аргументамъ въ пользу принадлежности Тайной Исторіи Прокопію, онъ дѣлаетъ *свои* весьма цѣнныя замѣчанія, которыя обращаются и въ ту, и въ другую сторону. Первый изъ трехъ аргументовъ подлинности—внѣшнія свидѣтельства, знакомство съ Тайною Исторіею другихъ византійскихъ писателей — признанъ неубѣдительнымъ. Второй аргументъ—ссылки внутри Тайной Исторіи на другія несомнѣнно подлинныя сочиненія Прокопія или внѣшнее соотвѣтствіе содержанія Тайной Исторіи и Войнъ (не въ полномъ объемѣ) тоже не считается рѣшительнымъ. Правда, ссылки дѣлаются съ прямыми и настойчивыми указаніями на тождественность своего *я* здѣсь и тамъ, правда, что онѣ обнаруживаютъ такое знакомство съ содержаніемъ Войнъ до послѣдняго факта, что это едва ли было возможно для фальсификатора; однако, въ глазахъ автора диссертаціи такая возможность не совсѣмъ исключается".

Указавъ затѣмъ на незначительные пробѣлы, происшедшіе отъ того, что авторъ сочиненія предполагалъ въ читателѣ знакомство съ прежними изслѣдователями, рецензентъ продолжаетъ: „какъ бы то ни было, авторъ дѣлаетъ свое заключеніе въ пользу подлинности съ полнымъ и твердымъ убѣжденіемъ, которое онъ пріобрѣлъ всесторонними изученіемъ литературы вопроса и самостоятельнымъ глубокимъ изученіемъ самаго источника. Есть у него новыя соображенія, впервые прилагаемыя къ рѣшенію старой проблемы. Онъ усвоилъ гипотезу Гори (Haury) о времени написанія Тайной Исторіи въ 550 вмѣсто 559 и усвоилъ не слѣпо, а постаравшись не только ее провѣрить, но и возвести на степень доказанной истины; точно также онъ не безъ основанія настаиваетъ на постепенномъ написаніи книгъ о Войнахъ, указывая на сохранившіеся слѣды первоначальной редакціи въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Наконецъ, онъ сдѣлалъ интересныя замѣчанія о планѣ самой Тайной Исторіи и, кажется, вѣрно уловилъ нить въ изложеніи, которое послѣ первыхъ одиннадцати главъ пред-

Digitized by Google

ставлялось всѣмъ безпорядочнымъ и запутаннымъ. Все это вмѣстѣ дало возможность автору устранить нѣкоторыя изъ весьма важныхъ затрудненій, стоявшихъ на пути положительнаго рѣшенія основного вопроса".

„Вопросу о достовѣрности Тайной Исторіи, говоритъ далѣе записка, —или же о цѣнности ея фактическихъ сообщеній посвящены двѣ главы. Авторъ опять избралъ прекрасный методъ и планъ для своего изслѣдованія. При этомъ обнаруживается глубокое и самостоятельное знакомство автора съ источниками, причемъ привлечены къ дѣлу и такіе источники, которые были неизвѣстны или недоступны прежнимъ корифеямъ. При систематической провѣркѣ, въ первый разъ сдѣланной въ такой полнотѣ и съ такой основательностью, извѣстія Тайной Исторіи оказываются чисто недостовѣрными источниками, преувеличенными; но изслѣдователь, какъ и подобало, не ограничивается такимъ внѣшнимъ результатомъ, напротивъ, онъ старается раскрыть, какіе факты дѣйствительности скрываются подъ маловѣроятными объясненіями, а съ другой стороны—онъ сводитъ отдѣльныя показанія къ болѣе общимъ представленіямъ, характеризующимъ міросозерцаніе, политическіе и соціальные взгляды автора, пытается опредѣлить—въ какихъ кругахъ и на какой почвѣ могли они возникнуть. Изъ трехъ приложеній одно посвящено дальнѣйшей разработкѣ гипотезы Гори о времени написанія Тайной Исторіи и болѣе подробному ея обоснованію. Нашъ авторъ имѣлъ столь хорошій запасъ детальнаго изученія сочиненій Прокопія, что ему не представляло трудности прибавить отъ себя не меньше, чѣмъ онъ нашелъ у своего предшественника. Два другія приложенія касаются терминологіи и порядковъ римско-византійской податной системы. Это—совсѣмъ свое и новое. Рѣчь идетъ о происхожденіи и первоначальной компетенціи *логоѳетовъ*, играющихъ выдающуюся роль въ позднѣйшей византійской администраціи, о descriptiones, о подати называемой у Прокопія *аерикономъ* (воздушной или вѣтряной). Вѣрно ли предлагаемое рѣшеніе загадочныхъ пунктовъ, рецензентъ не можетъ съ рѣшительностью высказаться, но онъ отдаетъ полную честь остроумію и кажущейся основательности соображеній.

Вообще нужно сказать, что свою задачу авторъ диссертаціи разрѣшилъ совершенно удовлетворительно, а во второмъ отдѣлѣ—по вопросу о достовѣрности—превосходно. Факультетъ можетъ привѣтствовать въ немъ выступающую многообѣщающую ученую силу, большой талантъ историка и изслѣдователя". Автору этого сочиненія, студенту Борису Панченко, присуждена золотая медаль.

На заданную тему по китайской словесности: „Царствованіе Ханьскаго Императора У-ди" представлено одно сочиненіе съ девизомъ:

Digitized by Google

„Въ книгѣ не скажешь всѣхъ словъ,
„Словами не скажешь всѣхъ мыслей".

Китайская поговорка.

„Авторъ, желая строго выполнить требованіе темы, дать очеркъ всего долголѣтняго и знаменательнаго царствованія У-ди, выработалъ планъ сочиненія, который дозволилъ ему въ сжатомъ очеркѣ достичь цѣли и изложить всѣ важнѣйшія стороны этого царствованія. Онъ систематически излагаетъ вступленіе У-ди на престолъ, возрожденіе конфуціанства, борьбу конфуціанства съ даосизмомъ, объединеніе Китая, борьбу съ хуннами, путешествія императора и послѣдніе годы его царствованія. Изъ большаго числа точныхъ указаній на источники видно, что авторъ внимательно изучилъ труды русскихъ и европейскихъ синологовъ, относящіеся до трактуемаго предмета, а также до извѣстной степени китайскія лѣтописи, пользуясь коими далъ китайскую транскрипцію всѣхъ собственныхъ именъ. — Можно бы желать болѣе непосредственнаго изученія авторомъ китайскихъ источниковъ и въ другомъ отношеніи; но нельзя не принять во вниманіе трудность такого изученія для начинающаго синолога, въ особенности въ предѣлахъ того времени, которымъ студентъ можетъ располагать для сочиненія на заданную тему.

Несомнѣнными достоинствами разбираемаго сочиненія надо признать: хорошій языкъ, ясность изложенія и основательность оцѣнки нѣкоторыхъ событій и дѣйствующихъ лицъ. — Фактическую сторону завоеваній У-ди и положеніе Китая въ концѣ этого царствованія авторъ наглядно представилъ на картѣ, составленной имъ отъ руки. Внѣшній видъ сочиненія и его объемъ свидѣтельствуютъ также о большомъ трудолюбіи автора. Это хорошій студенческій трудъ", и потому авторъ его, студентъ Дмитрій Янчевецкій, награжденъ золотою медалью.

Диссертація № 14 съ девизомъ: „Feci quod potui", представленная на тему по персидской словесности: „Личность шаха персидскаго Насиръ-эддина по его дневникамъ" имѣетъ большое достоинство; она основана исключительно на непосредственномъ знакомствѣ автора съ пятью собственными дневниками шаха изъ шести извѣстныхъ и напечатанныхъ; ихъ авторъ изучилъ довольно тщательно, хотя и не всѣ въ одинаковой степени. Но они, какъ матеріалъ для обрисовки личности персидскаго государя, могли бы быть исчерпаны авторомъ диссертаціи съ болѣе желательною полнотою: нѣкоторыя черты характера Насиръэддина остались не отмѣченными. Работа въ значительной степени выиграла бы, если бы въ ней было отведено мѣсто литературѣ дневниковъ на востокѣ и западѣ, переводамъ ихъ на иностранные языки,

Digitized by Google

общей ихъ оцѣнкѣ и выясненію значенія ихъ среди литературныхъ памятниковъ современной Персіи. Авторъ диссертаціи могъ бы съ большею осторожностью подбирать выдержки изъ дневниковъ для подкрѣпленія своихъ выводовъ и положеній, и избѣжать нѣкоторыхъ недосмотровъ и промаховъ при переводѣ текста. Указанные недочеты не уничтожаютъ положительныхъ сторонъ работы, написанной съ большимъ интересомъ и любовью, и не мѣшаютъ автору ея, студенту Константину Карасеву, быть награжденнымъ серебряною медалью.

Для соисканія наградъ медалями въ 1895 году были предложены студентамъ и слушателямъ университета между прочимъ слѣдующія темы:

По историко-филологическому факультету: I. По *римской словесности*: Жизнь и политическая дѣятельность Куріона Младшаго.

II. По *древней исторіи*: 1) Исторія Греціи въ царствованіе Филиппа сына Димитрія и 2) Законы Солона: исторія законодательства и возстановленіе текста законовъ.

III. По *новой исторіи*: Экономическія требованія буржуазіи въ наказахъ 1789 г. (по изданію „Archives parlementaires“ подъ редакціей Лорана и Мавидаля).

По факультету восточныхъ языковъ: I. По *исторіи Востока*: Походы Чингисъ-хана.

II. (1894 г.).

Сдѣлаемъ выдержки и изъ отчета за 1894 г., вышедшаго къ 8-му февраля сего 1895 г. и составленнаго проф. В. В. Ефимовымъ.

Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1894 году было—89.

Изъ нихъ при историко-филологическомъ факультетѣ состояло 26, при чемъ *со стипендіями состояли*: а) на счетъ штатной суммы: Александръ Васильевъ, Иванъ Лапшинъ и Сергѣй Рункевичъ (по 1 декабря); б) изъ суммы въ 18000 р., ассигнованной С.-Петербургскому университету на стипендіи и пособія: Михаилъ Ростовцевъ (по 1 іюля).

Безъ стипендій: Борисъ Александровъ, Евгеній Аничковъ, Михаилъ Быстровъ (по 1 сентября), Георгій Гинкенъ, Владиміръ Голованъ (съ 1 ноября), Эрвинъ Гриммъ (по 11 мая), Сергѣй Жебелевъ (по 1 декабря), Николай Колоколовъ, Иванъ Лаппо, Робертъ Леперъ, Борисъ Меліоранскій, Владиміръ Нечаевъ (съ 1 октября), Николай Павловъ-Сильванскій (по 1 ноября), Борисъ Панченко (съ 1 октября), Владиміръ Перетцъ, Дмитрій Петровъ (съ 1 ноября), Ириархъ По-

Digitized by Google

ловинкинъ (съ 1 апрѣля), Александръ Погодинъ (съ 1 октября), Михаилъ Поліевктовъ (съ 1 октября), Александръ Пресняковъ, Сергѣй Рождественскій (по 1 сентября), Михаилъ Ростовцевъ (съ 1 іюля по 1 декабря), Сергѣй Рункевичъ (съ 1 декабря), Василій Сиповскій (съ 1 октября), Николай Тупиковъ, Николай Усовъ, Григорій Церетели, Петръ Шефферъ (по 1 сентября).

Въ отчетномъ году по историко-филологическому факультету возведены въ ученыя степени 2 лица: 1) Николай Августовичъ Гельвихъ—степень магистра римской словесности, по защищеніи диссертаціи „Наблюденія надъ именами прилагательными у Плавта", и 2) Георгій Васильевичъ Форстенъ—степень доктора всеобщей исторіи, по защищеніи диссертаціи „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ".

На историко-филологическомъ факультетѣ происходили слѣдующія практическія занятія съ студентами, имѣющія отношеніе къ исторіи: проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ руководилъ разъ въ недѣлю занятіями студентовъ по чтенію греческихъ надписей; проф. Н. И. Карѣевъ велъ въ весеннемъ семестрѣ 1894 г. практическія занятія со студентами старшихъ семестровъ по исторіографіи французской революціи.

На юридическомъ факультетѣ приватъ-доцентъ М. И. Свѣшниковъ велъ практическія занятія со студентами, посвященныя обзору законодательныхъ и административныхъ памятниковъ русскихъ и иностранныхъ. Всѣ темы (за исключеніемъ одной: объ іерусалимскихъ ассизахъ) были предлагаемы съ цѣлью, чтобы студенты ознакомились со Сводомъ Законовъ Россійской имперіи. Онѣ касались слѣдующимъ томовъ Свода: I (сенатъ, комитетъ министровъ), II (должность губернатора, городовое положеніе), III (о службѣ гражданской), IX (о дворянствѣ) и особаго приложенія къ IX тому (общія положенія о крестьянахъ).

Въ рубрикѣ „Научно-литературные труды профессоровъ и другихъ преподавателей университета отмѣчены между прочимъ слѣдующія работы: проф. В. Г. Рождественскій окончилъ печатаніе изслѣдованія: новооткрытый отрывокъ апокрифическаго Евангелія ап. Петра (въ журналѣ „Христіанское чтеніе"). Проф. Н. И. Карѣевъ напечаталъ: а) книги: 1) исторія Западной Европы въ новое время, т. IV; 2) Историко-философскіе и соціологическіе этюды; 3) Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи (вышли двумя изданіями); б) статьи: 4) Экономическій матеріализмъ въ исторіи („Вѣстникъ Европы"); 5) Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи („Русское Богатство"); 6) Открытое письмо къ учащейся молодежи („Русская Жизнь"); 7) Объ общемъ значеніи историческаго образованія („Историческое Обозрѣніе"); редактировалъ „Историческое Обозрѣніе" и историческій

Digitized by Google

отдѣлъ въ русскомъ „Энциклопедическомъ словарѣ", гдѣ помѣстилъ нѣсколько статей, участвовалъ въ редактированіи словаря профессоровъ Спб. университета. Въ Историческомъ обществѣ состоитъ предсѣдателемъ и сдѣлалъ въ немъ докладъ: „Новая историческая теорія съ экономическимъ оттѣнкомъ". Читалъ публичную лекцію въ Москвѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета. Темой лекціи было „Личное начало въ исторіи" (число посѣтителей было около 500). Проф. С. Ѳ. Платоновъ напечаталъ входящіе въ XV томъ „Русской Исторической Библіотеки", издаваемой археографической коммиссіей, тексты Новгородскихъ кабальныхъ книгъ 1597, 1599 и 1600 гг.; помѣщалъ отзывы о книгахъ по русской исторіи въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія. Весною былъ избранъ на должность управляющаго отдѣленіемъ славянской и русской археологіи Импер. русскаго археологическаго общества. Осенью былъ избранъ въ число членовъ археографической коммиссіи Министерства Нар. Просвѣщенія. Пр.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскій напечаталъ статью: Кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг. Читалъ сообщенія: 1) дворянское землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка—въ Археологическомъ обществѣ; 2) Научное значеніе трудовъ доктора Ингвальда Ундсета—въ Историческомъ Обществѣ при Спб. университетѣ. Занимался въ московскихъ архивахъ по исторіи XVIII вѣка. Пр.-доц. Н. Д. Чечулинъ: 1) окончилъ печатаніе предисловія и указателя къ „Писцовымъ книгамъ XVI в.", изданнымъ Импер. Русскимъ Географическимъ Общ.; 2) напечаталъ біографическій очеркъ „Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь всея Руси"—въ словарѣ Импер. Русскаго Историческаго Общества; 2) въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ. статью: „Проектъ Императорскаго Совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II. Пр.-доц. А. Н. Щукаревъ напечаталъ: 1) Археологическую хронику Эллинскаго Востока въ „Филологическомъ Обозрѣніи"; 2) редактировалъ 6-е изданіе учебника Исторіи Греціи и Рима Гуревича, 3) помѣстилъ рядъ статей въ Энциклопедическомъ Словарѣ. Проф. В. И. Сергѣевичъ напечаталъ въ Журналѣ министерства юстиціи, за ноябрь 1894, статью: „Новыя направленія въ наукѣ государственнаго права". Въ началѣ года издалъ въ видѣ руководства студентамъ: „лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права". Проф. Н. И. Веселовскій напечаталъ: 1) киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ; 2) Орхонскія открытія (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія). Пр.-доц. Н. А. Мѣдниковъ печатаетъ изданіе Православнаго Палестинскаго Общества: „исторіи Палестины по арабскимъ источникамъ". Напечатаны извлеченія изъ сочиненій арабскихъ историковъ и географовъ.

И на этотъ разъ къ отчету приложена довольно большая записка

Digitized by Google

(стр. 129 — 160) о наградахъ студентовъ С.-Петербургскаго университета медалями въ 1895 г. и о вновь предложенныхъ темахъ для соисканія наградъ медалями въ 1896 г. Мы дѣлаемъ нѣсколько выдержекъ.

На тему: „Исторія Греціи въ царствованіе Филиппа сына Димитріи" представлены два сочиненія.

Въ сочиненіи № 24, съ 2 девизами: „ὁρᾷς τὸ δῖον οὗ βέλος διήκτατο" и

„Близъ солнца, на одной изъ маленькихъ планетъ,
Живетъ двуногій звѣрь, не крупнаго сложенія,
И думаетъ, что онъ—вѣнецъ творенья",—

„видно стараніе автора воспользоваться всѣми относящимися къ исторіи Филиппа сына Димитрія источниками и пособіями: упомянуты и менѣе важные изъ древнихъ авторовъ, разсмотрѣны почти всѣ надписи. Подвергнутъ разбору порядокъ отрывковъ Полибія, установленный въ послѣднихъ изданіяхъ, и предложено нѣсколько перестановокъ, изъ которыхъ можно согласиться съ одной, а именно: IX книги, 40 параграфъ, отрывокъ 4-й долженъ быть поставленъ раньше параграфовъ 28 — 39. Затѣмъ важнѣе всего въ сочиненіи — исправленіе имени главнаго города Ѳракійскаго народа мэдовъ въ 25 главѣ XXVI книги Тита Ливія: Jamphorina (Jamphorynna). Къ сожалѣнію, авторъ недостаточно уяснилъ себѣ политическія отношенія Эллады и Македоніи описываемаго имъ времени, устройство этолійской и ахейской симполитій, и впадаетъ во многія ошибки при изложеніи событій".

Авторъ этого сочиненія, студентъ VI семестра Владиміръ Завадскій-Краснопольскій, удостоенъ почетнаго отзыва.

На тему: „Жизнь и политическая дѣятельность Куріона младшаго" представлено одно сочиненіе подъ № 5, съ девизомъ: „Дѣла людей переживаютъ ихъ".

„Краткая, но богатая содержаніемъ жизнь Куріона младшаго, главнаго помощника Цезаря въ дѣлѣ его разрыва съ сенатомъ, изложена авторомъ въ VI главахъ, которымъ предпослано введеніе о римскомъ юношествѣ послѣднихъ временъ республики, написанное живо и увлекательно, но грѣшащее односторонностью. Изъ шести главъ біографіи 1-я имѣетъ содержаніемъ молодость Куріона (гл. обр. его дружбу съ Клодіемъ), 2-я—его оппозицію Цезарю во время консулата этого послѣдняго, 3-я—его жизнь между удаленіемъ Цезаря въ Галлію и его собственнымъ, Куріона, трибунатомъ, 4-я и самая пространная — трибунатъ Куріона, 5—его службу Цезарю во время италійскаго похода, 6—его самостоятельныя дѣйствія въ Сициліи и Африкѣ, завершившіяся его

Digitized by Google

смертью въ битвѣ въ Баградѣ. Авторъ вполнѣ добросовѣстно изучилъ источники описываемыхъ имъ событій, главнымъ образомъ, какъ это и слѣдовало ожидать, переписку Цицерона; въ великихъ хронологическихъ вопросахъ, которые неизбѣжно ставитъ эта переписка, онъ постарался разобраться самостоятельно, нерѣдко съ успѣхомъ полемизируя со своими предшественниками, главнымъ образомъ Ниссеномъ и О. Э. Шмидтомъ. При разработкѣ матеріаловъ авторъ стремился къ разумному прагматизму, постепенно разсматривая дѣятельность Куріона въ связи съ исторіей его эпохи, вникая въ причину и смыслъ его дѣйствій. Что касается изложенія, то авторъ видимо стремился дать въ своей работѣ художественное цѣлое со строго обдуманной диспозиціей, и его намѣреніе можно бы было признать удавшимся, если бы не нѣкоторыя длинноты и повторенія. Нельзя, наконецъ, не отозваться съ похвалой о языкѣ автора, живомъ, энергическомъ и разнообразномъ, благодаря которому его работа читается не только съ интересомъ, но и съ удовольствіемъ".

Въ виду всего сказаннаго авторъ этого сочиненія, студентъ VI семестра Павелъ Митрофановъ, награжденъ золотою медалью.

На тему по исторіи Востока „О походахъ Чингисъ-хана" представлено двѣ диссертаціи. „Первая подъ дивизомъ: „Les grands noms se font à l'Orient (за № 23) представляетъ очень обширный трудъ, въ которомъ походы Чингисъ-хана изложены въ такой полнотѣ, какая только возможна по имѣющимся источникамъ объ этомъ предметѣ. Если бы авторъ диссертаціи № 23 разработалъ критически приводимыя имъ извѣстія, онъ могъ бы представить очень цѣнную работу по заданной темѣ; но онъ этого не сдѣлалъ. Вѣроятно, по недостатку времени ему не удалось основательно изучить свои источники. Авторъ не разобрался въ противорѣчіяхъ и даже не сдѣлалъ попытокъ къ тому. Онъ слишкомъ увлекается Чингисъ-ханомъ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ видитъ хорошо обдуманный планъ, не допускаетъ никакихъ случайностей. Видно, однако, что авторъ вдумывался въ свою задачу. Съ большинствомъ предположеній и взглядовъ автора согласиться нельзя, и въ своемъ изложеніи онъ обнаружилъ недостаточное знакомство съ исторіей; но попытка его все-таки заслуживаетъ вниманія, потому что авторъ старается пріобрѣсти свой взглядъ на историческія событія".

Въ виду этихъ достоинствъ диссертаціи за № 23 авторъ ея, студентъ Николай Яновскій, награжденъ серебряною медалью.

Вторая диссертація, за № 21, подъ девизомъ: „Fac et spera", „уступаетъ первой. Хотя авторъ ея очень старательно изложилъ походы Чингисъ-хана и въ достаточной полнотѣ, но онъ не останавливается надъ вопросами, которые невольно должны возникать при подобной работѣ. Онъ почти нигдѣ не дѣлаетъ попытокъ освѣтить дѣло,

Digitized by Google

почти нигдѣ не высказываетъ своихъ взглядовъ, къ тому же онъ не обнаружилъ въ достаточной мѣрѣ умѣнья пользоваться источниками.

Но все-таки авторъ приложилъ не мало труда для своей работы и даже составилъ подробную карту походовъ Чингисъ-хана". Поэтому авторъ этой работы, студентъ Алексѣй Губарь, удостоенъ былъ почетнаго отзыва.

Для соисканія наградъ медалями въ будущемъ году предлагаются студентамъ университета слѣдующія темы:

По историко-филологическому факультету: I. По *русской исторіи*: Составъ, служебное устройство и хозяйственное обезпеченіе гарнизонныхъ и полевыхъ войскъ въ южныхъ городахъ Московскаго государства въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка.

II. По *славянской филологіи*: Представить разборъ документовъ, изданныхъ въ 1883 г. Сакелліономъ (письма Романа Лекапина, Льва Магистра и др.), и Слова, изданнаго въ 1894 г. проф. Ѳ. И. Успенскимъ „Ἐπὶ τῇ τῶν Βουλγάρων συμβάσει", какъ источниковъ исторіи Болгаріи Симеона.

III. По *новой исторіи*. Экономическія требованія буржуазіи въ наказахъ 1789 г. (по изданію „Archives parlementaires" подъ редакціей Лорана и Мавидаля).

По юридическому факультету: I. По *исторіи римскаго права*: Письменныя обязательства римлянъ.

II. По *исторіи русскаго права*: Сенатъ въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I.

По факультету восточныхъ языковъ: I. По *китайской словесности*: Судьба Минской династіи на югѣ Китая послѣ 1644 года.

II. По *арабской словесности*: Изложить исторію Мухтара-ибн-Аби-Убейда на основаніи Табари, Ибн-ал-Асира и Дина-вери. При этомъ долженъ быть приложенъ полный переводъ показаній Табари.

Историческая наука въ Московскомъ университетѣ въ 1893—94 г.

I. 1893 г.г.

Пользуясь данными отчета московскаго университета, читаннаго на годичномъ актѣ 12 янв. 1894 г., мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя интересующія насъ свѣдѣнія. Между учеными трудами членовъ университета отмѣтимъ слѣдующіе:

По историко-филологическому факультету: Заслуженные профессоры: Герье напечаталъ: статью о научной дѣятельности Тэна и нѣсколько статей въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ. Коршъ по-

Digitized by Google

мѣстилъ въ журналѣ „Филологическое Обозрѣніе“ „Универсалы Петра Великаго къ буджацкимъ и крымскимъ Татарамъ“. Ординарные профессоры: Гротъ напечаталъ статьи: „Нравственный идеалъ нашего времени“ и „Основные моменты въ развитіи новой философіи“—въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“. Виноградовъ напечаталъ Учебникъ Всеобщей Исторіи, часть I (Древній Міръ); въ „Русской Мысли“—„Т. Н. Грановскій“, „Новыя работы по исторіи Греціи“. Экстраординарные профессоры: Лопатинъ напечаталъ: „Къ вопросу о міросозерцаніи бл. Августина“ (Н. А. Звѣревъ и Л. М. Лопатинъ, Вопр. фил. и псих., кн. XIII). Корелинъ читалъ публичную лекцію для учащихся о египетской религіи и напечаталъ ее отдѣльнымъ изданіемъ: „Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія“. Москва, 1893; напечаталъ статью—„Casa giojosa. Эпизодъ изъ исторіи новой школы“, въ сборникѣ „Въ пользу воскресныхъ школъ“, нѣсколько статей въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ и нѣсколько рецензій въ журналѣ „Русская Мысль“. Безобразовъ напечаталъ отдѣльнымъ изданіемъ „Историческія статьи“. Приватъ-доценты: Линниченко оканчиваетъ печатаніе диссертаціи „Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной Руси“ XIV—XV вв. Доброклонскій напечаталъ: „Руководство по Исторіи русской церкви“, вып. IV, Синодальный періодъ. Москва, 1893 г., и статьи: „Иноземныя вліянія, самодѣятельность и прогрессъ въ исторіи русской церкви“ (Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщ.), „Религіозность въ древней и новой Россіи“ (начато печатаніемъ въ „Душеп. Чтеніи“).

По юридическому факультету: Ординарные профессоры: Янжулъ напечаталъ собраніе журнальныхъ статей по соціальному вопросу подъ заглавіемъ „Въ поискахъ лучшаго будущаго. Соціальные этюды“, помѣстилъ статью объ англійской переселенческой политикѣ въ сборникѣ „Путь-дорога“, изд. въ Петербургѣ въ 1893 г., и совершилъ рядъ экономическихъ изслѣдованій въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Чупровъ приготовилъ для комиссіи на присужденіе преміи имени Ю. Ѳ. Самарина разборъ книги В. В. „Крестьянская община“, который и напечаталъ въ 9-й кн. „Русской Мысли“. Гр. Комаровскій прочелъ съ благотворительною цѣлью двѣ публичныя лекціи: „Россія и Европа“ („Русская Мысль“) и „Идея мира и милитаризмъ“ (Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній, Т. I), и сдѣлалъ сообщеніе въ Юридическомъ Обществѣ: „Федеративныя формы современнаго государства“. (Тотъ же сборникъ, Т. II). Приватъ-доценты: Уляницкій напечаталъ: „О междукняжескихъ отношеніяхъ во Владимиро-Московскомъ велик. княженіи XIII—XV вв.“ въ „Чтеніяхъ въ Импер. Москов. Общ. исторіи и древностей“; нѣсколько рефера-

Digitized by Google

товъ, критическ. статей и замѣтокъ въ „Трудахъ Моск. Нумизматическаго Общества", начало изслѣдованія „Историческое развитіе русскихъ консульствъ за границею" въ 5 вып. „Сборника Моск. главн. Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ".

Занятія студентовъ въ семинаріяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ отчета между прочимъ читаемъ: по всеобщей исторіи—з. п. В. И. Герье велъ, для студентовъ V и VI семестра Историческаго отдѣленія, въ весеннее полугодіе семинарій по Римской исторіи, а въ осеннее—по Новой исторіи; у о. пр. П. Г. Виноградова—въ весеннее полугодіе студенты VIII семестра того же отдѣленія разбирали Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля, а въ осенній—студенты VII семестра того-же отдѣленія занимались Германіей Тацита и источниками по исторіи землевладѣнія у Франковъ; э.-о. пр. М. С. Корелинъ, въ осеннее полугодіе, для студентовъ V семестра того же отдѣленія, велъ семинаріи по исторіи реформаціи; по Русской исторіи—у о. пр. В. О. Ключевскаго, въ весеннее полугодіе, студенты обоихъ семестровъ историческаго отдѣленія слушали обзоръ главныхъ видовъ источниковъ Русской исторіи съ семинарскими упражненіями по поводу ихъ; въ осеннее полугодіе подобныя же занятія происходили у пр.-д. П. Н. Милюкова.

Лицъ, оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, въ теченіе 1893 года состояло на историко-филологическомъ факультетѣ 19 человѣкъ; изъ нихъ 6 получали стипендіи.

Въ томъ же отчетѣ помѣщены и слѣдующія свѣдѣнія о состоящихъ при Московскомъ университетѣ ученыхъ обществахъ:

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 12 день января 1893 г. Высочайше соизволилъ предоставить г. Министру Народнаго Просвѣщенія право утвердить въ измѣненномъ видѣ уставъ Общества, удостоенный 21 января 1811 года Высочайшаго одобренія въ Возѣ почившаго Императора Александра I. 19-го того же января 1893 г. означенный новый уставъ Общества былъ утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Вслѣдствіе сего временно исполнявшій обязанности предсѣдателя Общества дѣйст. членъ Ю. Д. Филимоновъ, избранный на сію должность до утвержденія новаго устава, сложилъ съ себя званіе предсѣдателя и предсѣдателемъ Общества въ засѣданіи 21 февраля былъ избранъ дѣйств. членъ проф. В. О. Ключевскій, который 12 марта утвержденъ въ семъ званіи г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Въ виду же отъѣзда В. О. Ключевскаго на Кавказъ временнымъ предсѣдателемъ Общества (до возвращенія въ Москву В. О. Ключевскаго), по силѣ § 27 устава Общества, состоитъ дѣйств. членъ А. А. Майковъ. Такимъ образомъ Общество, вступая въ 90-ую го-

Digitized by Google

дину своего существованія, начало свою дѣятельность при новомъ уставѣ и новомъ предсѣдателѣ. Остальныя должностныя лица Общества въ 1893 г. были тѣ же, что и въ минувшемъ году: секретаремъ —Е. В. Барсовъ, казначеемъ—С. А. Бѣлокуровъ, библіотекаремъ— Ю. Д. Филимоновъ и помощникомъ библіотекаря—Е. И. Соколовъ.

Въ настоящее время въ Обществѣ состоитъ: 18 почетныхъ членовъ, 99 дѣйствительныхъ членовъ и 37 членовъ-соревнователей.

Общество имѣло одно годичное засѣданіе, 6 обыкновенныхъ и 4 чрезвычайныхъ. На каждомъ обыкновенномъ и годичномъ засѣданіяхъ Общества были дѣлаемы отъ 1 до 3 научныя сообщенія. Такъ были прочитаны рефераты дѣйствит. членами: С. А. Бѣлокуровымъ— „О новыхъ найденныхъ имъ документахъ, касающихся Юрія Крижанича"; Е. В. Барсовымъ—„Петръ Первый въ его отношеніи къ Поморскому расколу" и „Что значитъ у Константина Багрянороднаго русское названіе Днѣпровскаго порога ἀειφάρ"; В. А. Уляницкимъ— „Междукняжескія отношенія въ Владимиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV вв." (къ вопросу о двуименныхъ или „союзныхъ" деньгахъ); б) членами-соревнователями: Н. И. Аммономъ— „Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вв."; А. В. Башкировымъ—„О краткомъ созерцаніи 7190— 7192 лѣтъ, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ", составленномъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ и М. Н. Сперанскимъ—„Объ итальянскомъ сборникѣ изреченій въ Славянскихъ переводахъ" и „Югославянскій хронографъ по сравненію съ первой редакціей русскаго".

Въ текущемъ году Обществомъ были изданы 4 тома его „Чтеній": 164, 165, 166 и 167, книги 1, 2, 3 и 4 за 1893 годъ. Въ нихъ были напечатаны: I. Изслѣдованія: а) еп. Сергія Соколова—„Московскій Благовѣщенскій свящ. Сильвестръ, какъ государственный дѣятель"; б) проф. А. М. Никитскаго—„Исторія экономическаго быта великаго Новгорода"; в) В. О. Эйнгорна—„О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича"; г) М. К. Любавскаго—„Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени изданія 1-го Литовскаго статута"; д) В. А. Уляницкаго—„Междукняжескія отношенія во Владимиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV— XV вв.". II. Матеріалы историческіе: а) „Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ 1326—1690 гг.". Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ; б) „Московскій Китай городъ въ XVII в." Сообщилъ А. М. Зерцаловъ; в) „Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г." (Къ исторіи государств. росписей XVIII в.). Сообщилъ онъ же; и г) „Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи". Съ предисловіемъ А. С. Ха-

Digitized by Google

хапова. III. Матеріалы иностранные: а) „Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 г." („Краткое и правдивое описаніе опаснаго мятежа, происшедшаго средн простого народа въ городѣ Москвѣ 9 іюня 1648 г."). Съ предисловіемъ С. Ѳ. Платонова; и б) 6 документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даніи въ 1816 г., извлеченныхъ изъ Копенгагенскихъ архивовъ Ю. Н. Щербачевымъ. И кромѣ того въ V отдѣлѣ сиѣси помѣщено было 15 статей меньшаго размѣра историческаго содержанія.

Общество Любителей Россійской Словесности. Въ истекшемъ 1893 году Общество собиралось въ 3 закрытыя засѣданія для обсужденія текущихъ дѣлъ и 3 раза въ публичныя, изъ которыхъ одно было всецѣло посвящено чествованію памяти И. С. Тургенева. Въ публичныхъ засѣданіяхъ принимали участіе: предсѣдатель Общества (нынѣ покойный), заслуж. проф. и орд. акад. Н. С. Тихонравовъ, гг. члены: Л. Ф. Маклакова, П. Д. Боборыкинъ, М. П. Садовскій, кн. А. И. Сумбатовъ, И. И. Ивановъ, И. Л. Леонтьевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. И. Янжулъ и И. Н. Потапенко.—Составъ должностныхъ лицъ Общества и подготовительнаго Комитета оставался тотъ же, что и въ прошломъ году. Въ отчетномъ году Общество потеряло заслуж. проф. и орд. акад. Н. С. Тихонравова, скончавшагося въ полномъ расцвѣтѣ ученой дѣятельности, 27 ноября. До конца срока выборовъ, его должность, согласно уставу, исправлялъ временный предсѣдатель проф. Н. И. Стороженко.

Психологическое Общество. Предсѣдателемъ Общества за истекшій годъ состоялъ проф. Н. Я. Гротъ, товарищемъ предсѣдателя—проф. Л. М. Лопатинъ, кандидатомъ товарища предсѣдателя приватъ-доцентъ кн. С. Н. Трубецкой, за отъѣздомъ за границу временнаго секретаря Общества—Ю. П. Бартенева—обязанности секретаря исполнялъ В. Н. Ивановскій; (съ 9-го октября 1893 г.), временнымъ товарищемъ секретаря былъ Н. М. Горбовъ, библіотекаремъ и редакторомъ „Трудовъ" Общества—В. П. Преображенскій, казначеемъ—Н. А. Абрикосовъ, товарищемъ казначея проф. С. С. Корсаковъ. Въ настоящее время Общество состоитъ изъ 14 почетныхъ членовъ, 12 членовъ учредителей, 140 членовъ дѣйствительныхъ, 39 членовъ соревнователей и 4 членовъ корреспондентовъ.

Дѣятельность Общества, какъ и въ прошлые года, выражалась въ чтеніи, выслушиваніи и обсужденіи докладовъ гг. членовъ, въ печатаніи „Трудовъ" и „Изданій" Общества и въ участіи въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи". Въ теченіе отчетнаго года Общество имѣло 14 засѣданій, въ которыхъ были доложены и обсуждены слѣдующія сообщенія:

П. Е. Астафьева, Разборъ положеній проф. А. Введенскаго, вы-

Digitized by Google

сказанныхъ въ статьѣ „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія". Л. М. Лопатина—о томъ же. Н. Я. Грота, Возраженія на ту же статью проф. Введенскаго—въ видѣ 11 положеній. Д. П. Конисси, Китайскій философъ Лаоси. В. П. Сербскаго, Психологическія воззрѣнія Теодора Мейнерта. Н. А. Иванцова, Ученіе Милля о четырехъ методахъ индуктивнаго изслѣдованія (прочитано В. Н. Ивановскимъ). В. А. Гольцева, О знаніи, снѣ и творчествѣ. П. А. Каленова, Вѣра и знаніе. В. Ѳ. Долгинцева, О значеніи арабской философіи. С. С. Корсакова, Къ психологіи микроцефаловъ. Л. М. Лопатина, О подвижныхъ ассоціаціяхъ представленій. Ш. Д. Боборыкина, Формулы и термины въ области прекраснаго. В. Р. Буцке, Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціяхъ идей.

Журналъ „Вопросы философіи и психологіи" съ 1-го ноября 1893 г. переданъ прежнимъ его издателемъ, А. А. Абрикосовымъ, въ собственность Психологическаго Общества со всѣмъ книжнымъ матеріаломъ, находящимся въ конторѣ журнала, и ея обстановкой, за что Общество постановило выразить А. А. Абрикосову свою искреннюю признательность и поднести ему адресъ.

Въ отчетномъ году Общество приступило къ изданіямъ, въ русскихъ переводахъ, трудовъ Паульсена „Введеніе въ философію" и Куно-Фишера „Артуръ Шопенгауэръ", а также выпустило вторымъ изданіемъ 2-й выпускъ своихъ „Трудовъ", содержащій „Пролегомены" Канта въ переводѣ почетнаго члена Общества—В. С. Соловьева, и подготовляло дальнѣйшіе выпуски „Трудовъ".

Московское Юридическое Общество. Въ 1893 г. бюро Общества состояло: изъ предсѣдателя С. А. Муромцева, товарищей предсѣдателя: гр. Л. А. Комаровскаго, Г. Л. Вербловскаго, секретаря Н. И. Ржондковскаго, товарищей секретаря: М. Н. Соболева, А. Н. Маркова, казначея В. В. Сиротинина и библіотекаря А. Ф. Акулова.

Въ 1893 году Общество издавало труды своихъ членовъ подъ заглавіемъ „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній".

Въ теченіе года были доложены въ Юридическомъ Обществѣ слѣдующіе рефераты: М. Я. Герценштейномъ, „О меліоративномъ кредитѣ". М. Н. Соболевымъ, „Уголовное преслѣдованіе ростовщичества". Графомъ Л. А. Камаровскимъ, а) „О федеративныхъ формахъ современнаго государства", б) „Карлосъ Кальво" (некрологъ). С. А. Муромцевымъ, „Соображенія цѣлесообразности въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената". Г. Л. Вербловскимъ, „Процессъ исполненія судебныхъ рѣшеній по новому закону". И. Я. Гурляндомъ, „Дѣйствующій уставъ предупрежденія и пресѣченія преступленій". В. А. Гольцевымъ, „О книгѣ Лоріа: Les bases économiques de la constitution sociale". Н. С. Капустинымъ, „Статистиче-

Digitized by Google

скія данныя о судѣ присяжныхъ". И. А. Базановымъ, а) „Гражданско-правовая сторона мѣръ, необходимыхъ для улучшенія естественныхъ условій Европейской Россіи", б) „Водное право, его основныя начала въ иностранныхъ и русскомъ законодательствахъ". С. П. Швецовымъ, „Формы общиннаго владѣнія на Алтаѣ". В. Э. Грабаремъ, „Василій Андреевичъ Незабитовскій, какъ представитель науки международнаго права".

Бюро статистическаго отдѣленія Юридическаго Общества состояло изъ предсѣдателя А. И. Чупрова, товарища предсѣдателя Н. А. Каблукова, секретаря В. А. Косинскаго и товарища секретаря Л. Н. Маресса.

Въ отдѣленіи были доложены слѣдующіе рефераты: А. И. Чупровымъ, „Памяти Ю. Э. Янсона". А. А. Корниловымъ, „Объ измѣненіяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ Моршанскаго уѣзда подъ вліяніемъ неурожая въ 1891 году". Л. Н. Марессомъ (въ двухъ засѣданіяхъ), „Потребленіе пищи въ Россіи и за границей". А. А. Новиковымъ, „Крестьянское земледѣліе въ Вятской губерніи и мѣры земства къ его улучшенію". И. И. Янжуломъ, „Переселенческое движеніе въ Англіи и мѣры помощи переселенцамъ, предпринимаемыя правительствомъ, обществомъ и частными лицами". К. А. Вернеромъ, „Осѣдлое и кочевое населеніе Семирѣченской области". П. А. Викуловымъ, „Рабочій скотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ". И. Х. Озеровымъ, „Нѣкоторые выводы относительно вліянія пола на преступность по даннымъ уголовной статистики Министерства Юстиціи".

II. 1894 г.

Пользуемся данными отчета Московскаго Университета, читаннаго на годичномъ актѣ 12 янв. 1895 г.

Ученые труды членовъ Университета въ 1894 году:

По историко-филологическому факультету. Заслуженный профессоръ Герье печаталъ критическій разборъ изслѣдованій Тэна о якобинцахъ (Вѣстн. Евр., сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь). Ординарные профессоры: Виноградовъ напечаталъ, „Учебникъ всеобщей исторіи", часть II (Средніе вѣка), 1-е и 2-е изданія, часть I (Древній міръ), 2-е изданіе; „Кальвинъ и Женева" въ „Русской Мысли", а также нѣсколько критическихъ статей въ томъ же журналѣ. Кореллинъ 1) читалъ публичную лекцію „Первая гуманистка" въ пользу Комитета грамотности и напечаталъ ее въ журналѣ „Русская Мысль" (1894, іюль); 2) читалъ публичную лекцію отъ Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній и издалъ ее подъ за-

Digitized by Google

главіемъ: „Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи". Вып. II. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Москва, 1894; 3) читалъ рефератъ на I съѣздѣ художниковъ и любителей художествъ и напечаталъ его въ журналѣ „Русская Мысль" (1894, іюнь), подъ заглавіемъ: „Л. Б. Альберти и его отношеніе къ наукѣ и искусству"; 4) написалъ нѣсколько статей для Русскаго Энциклопедическаго словаря. Приватъ-доценты: Безобразовъ напечаталъ: „Наполеонъ и Жозефина" (Наблюдатель, № 1). Князь Трубецкой помѣстилъ небольшія статьи въ Русскомъ Энциклопедическомъ словарѣ о „Вопросахъ Философіи" и статью „Противорѣчія нашей культуры" въ „Вѣстникѣ Европы". Линниченко напечаталъ: 1) „Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв.", въ 20 томѣ Записокъ Московскаго Университета и отдѣльно; 2) „Исторія Львовскихъ Армянъ" (на армянскомъ языкѣ), Москва, 1894; 3) „Новооткрытое свидѣтельство времени в. князя Изяслава Ярославича" (Археологическія извѣстія, изд. Императорскимъ Моск. Археологическ. Общест., 1894, № 11). Ивановъ въ журналѣ „Русская Мысль" напечаталъ статью: 1) „Демократическая публика въ эпоху просвѣщенія", 2) „Реформа общественныхъ отношеній во французской драмѣ", 3) „Люди и факты недалекаго прошлаго", въ журналѣ „Міръ Божій", „Прогрессъ и реакція", въ журналѣ „Артистъ": 1) „Вопросъ о театрѣ въ XVIII вѣкѣ", 2) Происхожденіе новой драмы", 3) „Сатирическая комедія во Франціи", 4) „Два міросозерцанія", 5) „Историко-Натуралистъ" (Тэнъ), и въ октябрѣ выпустилъ диссертацію подъ заглавіемъ: „Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка". Любавскій помѣстилъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за августъ мѣсяцъ критическую статью: „Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ" и издалъ ее отдѣльною брошюрою.

По юридическому факультету: Ординарные профессоры: графъ Комаровскій прочелъ публичную лекцію, „Новые союзы въ современной Европѣ" (Сѣв. Вѣстн. 1894 г., янв.). Тарасовъ напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" рядъ статей о вотчинномъ уставѣ и вотчинныхъ установленіяхъ. Приватъ-доценты: Уляницкій въ „Чтеніяхъ" Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ напечаталъ рефераты: „О междукняжескихъ отношеніяхъ въ Московскомъ великомъ княжествѣ XIII—XV вв."; по порученію Импер. Русск. Истор. Общества печаталъ 5-й т. „Политической переписки Екатерины II". Миклашевскій напечаталъ изслѣдованіе „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго Государства, ч. 1-я. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка".

Digitized by Google

Занятія студентовъ въ семинаріяхъ.

На историко-филологическомъ факультетѣ въ 1894 г. семинарскія занятія происходили: по Всеобщей исторіи, у з. п. В. И. Герье, причемъ занятія состояли въ анализѣ источниковъ для II и III книги Тита Ливія; у о. п. П. Г. Виноградова въ осеннее полугодіе—въ разборѣ памятниковъ каролингскаго періода, а въ осеннее —въ разборѣ Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля и у э.-о. п. М. С. Корелина—въ практическихъ упражненіяхъ по исторіи эпохи Возрожденія; по Русской исторіи, въ весеннее полугодіе у п. д. П. Н. Милюкова, а въ осеннее у о. п. В. О. Ключевскаго разбирались главнѣйшіе источники Русской исторіи.

Темы для сочиненій на соисканіе медалей.

Въ истекшемъ академическомъ году для сочиненій на соисканіе студентами медалей, между прочимъ, были заданы слѣдующія темы: на историко-филологическомъ факультетѣ: „Бытовая сторона русскаго эпоса“ и „Общественный строй Іерусалимскаго королевства“.

Испытанія на ученыя степени и званія.

Въ виду особенныхъ научныхъ достоинствъ представленной на степень магистра диссертаціи, „Церковь и государство въ Женевѣ XV в. въ эпоху Кальвина“, кандидатъ Виппперъ возведенъ прямо въ степень доктора. Кромѣ того, кандидатъ Любавскій по представленіи диссертаціи „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута“ получилъ степень магистра.

Приводимъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ обществахъ, состоящихъ при Московскомъ Университетѣ:

Императорское Общество Исторіи Древностей Россійскихъ.

Должностными лицами общества въ 1894 г. состояли тѣ же члены, что и въ минувшемъ году (см. стр. 226).

Общество имѣло одно чрезвычайное засѣданіе для объявленія о второмъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова, одно годичное и 7 обык-

Digitized by Google

новенныхъ засѣданій, на коихъ были дѣлаемы членами Общества научныя сообщенія. Такъ были прочитаны рефераты: а) Е. В. Барсовымъ: Два новыхъ документа по крѣпостному хозяйству; б) С. А. Бѣлокуровымъ: О найденномъ имъ подлинномъ дѣяніи Московскаго церковнаго собора 1649 г.; в) А. А. Голубевымъ—Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ; г) Н. Ѳ. Каптеревымъ: Объ участіи грековъ въ дѣлѣ осужденія патріарха Никона; д) В. А. Уляницкимъ—О положеніи русскихъ верховскихъ князей и въ частности князей Мосальскихъ въ Литовскомъ государствѣ въ XV вѣкѣ. Кромѣ того, предсѣдателемъ В. О. Ключевскимъ было сдѣлано сообщеніе объ ученой дѣятельности умершаго въ текущемъ году дѣйствительнаго члена Д. Ѳ. Масловскаго.

Общество Любителей Россійской Словесности.

Прошедшій 1894 годъ открылся выборами должностныхъ лицъ. На мѣсто покойнаго профессора-академика Н. С.Тихонравова († 27 ноября 1893 года), предсѣдателемъ Общества единогласно избранъ и затѣмъ утвержденъ въ должности г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія (3-го февраля 1894 года) ординарный профессоръ московскаго университета Николай Ильичъ Стороженко, состоявшій въ теченіе многихъ лѣтъ временнымъ предсѣдателемъ Общества. Мѣсто временнаго предсѣдателя, по избранію, занялъ профессоръ Лазаревскаго Института Алексѣй Николаевичъ Веселовскій, а на должность секретаря Общества избранъ магистрантъ московскаго университета, преподаватель Александровскаго и Екатерининскаго институтовъ Дмитрій Дмитріевичъ Языковъ. Въ остальныхъ должностяхъ состояли: членами Приготовительнаго Комитета—В. А. Гольцевъ и Л. И. Поливановъ, казначеемъ А. Е. Носъ и временнымъ секретаремъ В. И. Шенрокъ.

Въ теченіе года Общество имѣло:

1) Одиннадцать очередныхъ засѣданій, въ которыхъ разсматривались текущія дѣла, читались и обсуждались рефераты.

2) Три публичныя засѣданія.

Изъ дѣятельности Общества слѣдуетъ также отмѣтить:

а) изданіе сборника статей, подъ заглавіемъ: „Памяти Н. С. Тихонравова“ (М. 1894 г., 159 стр.);

б) участіе въ съѣздѣ русскихъ художниковъ;

в) поднесеніе привѣтственнаго адреса предсѣдателю Общества Н. И. Стороженко, по случаю исполнившагося тридцатипятилѣтія его учено-литературной дѣятельности;

г) поднесеніе жетона казначею Общества А. Е. Носу, по поводу его десятилѣтней службы Обществу.

Digitized by Google

Психологическое общество.

Личный составъ. Къ 1-му декабря 1894 года Общество состояло изъ 17 почетныхъ членовъ, 11 членовъ-учредителей, 139 дѣйствительныхъ членовъ, 41 члена-соревнователя и 7 членовъ-корреспондентовъ,—всего изъ 215 лицъ. 24 января 1894 г. были избраны на должности—предсѣдателя—проф. Н. Я. Гротъ, товарища предсѣдателя—проф. Л. М. Лопатинъ, кандидата товарища предсѣдателя — проф. С. С. Корсаковъ, секретаря — прив.-доц. А. С. Вѣлкинъ, казначея — Н. А. Абрикосовъ, библіотекаря—др. А. Г. Петровскій, и временнаго редактора „Трудовъ" Общества—В. П. Преображенскій.

Въ теченіе отчетнаго года (съ 1-го декабря 1893 г. по 1-ое декабря 1894 г.). Общество имѣло 14 засѣданій: 1 годичное распорядительное и 13 очередныхъ. Въ 10 изъ послѣднихъ были доложены и обсуждены слѣдующія 10 сообщеній:

Н. Я. Грота. О значеніи идеи параллелизма въ психологіи.—П. А. Каленова. Споръ разсудка съ вѣрою.—Кн. Д. Н. Цертелева. Пространство и время — какъ формы явленій.—А. А. Токарскаго. Къ вопросу объ ассоціаціи идей.—В. А. Гольцева. О трактатѣ Фуллье „Психологія идей—силъ".—А. А. Токарскаго. Роль воли въ психическомъ процессѣ. —Н. Я. Грота. О времени (два сообщенія).—В. Р. Вуцке. Анализъ условій числа при ассоціаціяхъ идей.—П. Д. Боборыкина. Природа красоты.

„Труды" и „Изданія" Общества. Въ отчетномъ году Общество издало: Куно-Фишера, „Артуръ Шопенгауэръ", 1-й выпускъ, въ перев. С. Н. Грумъ-Гржимайло и Фр. Паульсена — „Введеніе въ философію", въ пер. Н. Титовскаго. Кромѣ того, общество приступило къ изданію перевода сочиненій Шеллинга „О свободѣ воли" и „Бруно" и продолжаетъ изданіе перевода соч. Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ.

Московское Юридическое Общество.

Бюро Общества въ 1894 году составляли: предсѣдатель С. А. Муромцевъ, товарищи предсѣдателя графъ Л. А. Камаровскій и Г. Л. Вербловскій, секретарь М. Н. Соболевъ, товарищи секретаря В. В. Пржевальскій и П. М. Богаевскій, казначей В. В. Сиротининъ, библіотекарь А. Ф. Акуловъ.

Общество состояло изъ 26 почетныхъ членовъ и 296 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ 1894 году были доложены слѣдующіе рефераты:

1) „Международный третейскій судъ въ Парижѣ 1893 г.", графа Л. А. Камаровскаго.

Digitized by Google

2) „Объединеніе уголовнаго законодательства въ Швейцаріи", В. В. Пржевальскаго.

3) „Къ вопросу о современномъ состояніи науки исторіи русскаго права", В. Н. Сторожева.

4) „Къ ученію объ юридической природѣ государства и государственной власти (по поводу книги г. Коркунова: Указъ и законъ"), А. С. Алексѣева.

5) „Вотчинный уставъ и вотчинныя учрежденія по новымъ проектамъ", И. Т. Тарасова.

6) „Замѣчанія на проектъ вотчиннаго устава", А. А. Орлова.

7) „Къ вопросу о переработкѣ правилъ объ окончаніи предварительнаго слѣдствія", В. С. Малченко.

8) „Преступленіе по Русской Правдѣ", А. Д. Солодовникова.

9) „Вопросъ о положеніи судебной медицины въ Россіи на V съѣздѣ русскихъ врачей въ Петербургѣ", А. В. Погожева.

10) „Уѣздный врачъ, какъ судебно-полицейскій врачъ", Г. М. Баранцевича.

11) „Предѣлы наказуемаго", Д. А. Дриля.

12) „Опытъ кодификаціи частнаго международнаго права. Конференція въ Гагѣ 1893 г.", графа Л. А. Камаровскаго.

13) „О съѣздѣ Института международнаго права въ Парижѣ въ 1894 г.", графа Л. А. Камаровскаго.

Общество продолжало издавать свои труды подъ названіемъ: „Сборникъ Правовѣдѣнія и Общественныхъ Знаній". За истекшій годъ вышли 2-й и 3-й томы.

Статистическое отдѣленіе Московскаго Юридическаго Общества.

Бюро отдѣленія состояло изъ предсѣдателя А. И. Чупрова, товарища предсѣдателя Н. А. Каблукова, секретаря В. А. Косинскаго и товарища секретаря Л. Н. Маресса.

Въ 1894 году были доложены слѣдующіе рефераты:

1) Л. Н. Маресса: „Монографическій способъ изслѣдованія въ примѣненіи къ продовольственному дѣлу".

2) А. С. Бориневича: „Объ однодневной переписи въ Одессѣ".

3) Ю. А. Бунина: „Объ организаціи текущей земской статистики".

4) А. А. Кауфмана: „Организація и главнѣйшіе выводы хозяйственно-статистическаго изслѣдованія Иркутской и Енисейской губерній".

5) Г. Олѣховскаго: „О почвѣ въ примѣненіи къ статистическимъ изслѣдованіямъ".

6) С. М. Блеклова и В. Н. Григорьева о нѣкоторыхъ новыхъ статистическихъ изданіяхъ.

Digitized by Google

7) А. М. Беркенгейма: „Развитіе колонизаціи и устройство земледѣльческихъ поселеній въ Аргентинѣ".

8) А. И. Чупрова: „О монографическомъ методѣ, какъ способѣ пополненія и обновленія данныхъ основного статистическаго изслѣдованія",

Въ текущемъ году Обществомъ были изданы 4 тома его „Чтеній"— 168, 169, 170 и 171 (книги 1, 2, 3 и 4 за 1894 годъ). Въ нихъ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія работы:

I. Въ отдѣлѣ „Матеріаловъ историческихъ": 1) Тверской уѣздъ въ XVI столѣтіи. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. Сообщилъ И. И. Лаппо, 2) Къ біографіи Владимира Атласова. Дѣйствительнаго члена Н. Н. Оглоблина, 3) Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. Съ предисловіемъ члена соревнователя А. А. Голубева.

II. Въ отдѣлѣ „Изслѣдованій": 1) Александрія русскихъ хронографовъ. Изслѣдованія В. М. Истрина, 2) Св. князь Всеволодъ-Гавріилъ и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Пскова. Е. Лебедева, 3) О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изслѣдованіе В. О. Эйнгорна, 4) Дѣяніе Московскаго церковнаго собора 1649 г. (съ 3 фототипіями).

III. Въ „Смѣси": 1) Акты 1531 — 1566 гг., сообщенные В. И. Холмогоровымъ, 2) О походѣ шведовъ къ Бѣлому морю въ 1590—1591 гг. Сообщилъ А. Чумиковъ, 3) Роспись чертежамъ разныхъ государствъ, бывшимъ въ Посольскомъ приказѣ въ 1614 г. Сообщилъ С. А. Бѣлокуровъ, 4) Акты 1621—1624 гг., сообщенные А. П. Зерцаловымъ, 5) Изъ документовъ Немировскаго конгресса, сообщилъ дѣйствительный членъ В. А. Улиницкій, 6) Польскіе лазутчики на Руси въ 1633—1634 гг., 7) Сыскъ про „грамотку" Прохора Колбецкаго къ отцу о томъ, что въ Москвѣ хотятъ бояръ побить, объ осадѣ Азова турками „накрѣпко" и пр., 8) О возмущеніи противъ турокъ, бывшихъ въ плѣну на каторгѣ, и возвращеніи ихъ въ Москву чрезъ Мессину, Римъ, Венецію, Вѣну и Варшаву въ 1643 году, 9) О большомъ сыскѣ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ въ началѣ XVII вѣка (1622 г.), сообщилъ дѣйствительный членъ А. Н. Зерцаловъ.

Извлеченіе изъ отчета Харьковскаго университета.

Въ 1892 году на соисканіе медалей по *всеобщей исторіи* была предложена тема: „Отношенія Франціи къ Россіи при Людовикѣ XV". Представлено было одно сочиненіе, авторъ котораго студентъ VII семестра, Котовъ, удостоенъ *серебряной* медали. По отзыву рецензента,

Digitized by Google

пр. Бузескула, обширное сочиненіе это производитъ впечатлѣніе работы добросовѣстной, основанной на важнѣйшихъ источникахъ и пособіяхъ, съ значительнымъ фактическимъ матеріаломъ: въ числѣ достоинствъ слѣдуетъ отмѣтить также прекрасное изложеніе, отличающееся плавностью и простотою, отсутствіемъ многословія и риторики. Главный недостатокъ—отсутствіе самостоятельнаго и надлежащаго освѣщенія фактовъ. Затѣмъ, несоотвѣтствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ содержанія темѣ (центръ тяжести въ изложеніи падаетъ на Россію, а не на Францію).

Въ текущемъ году для соисканія медалей дана тема *по русской исторіи*: „Умственное движеніе въ русскомъ обществѣ XVI в.".

Харьковское Историко-филологическое Общество.

При Харьковскомъ „Историко-филологическомъ Обществѣ" съ осени 1892 года возникъ „Педагогическій отдѣлъ", предсѣдателемъ коего состоитъ проф. Н. Ѳ. Сумцевъ, а секретаремъ В. И. Харціевъ. Изъ сообщеній, читанныхъ въ „Отдѣлѣ", нѣкоторыя касались исторіи. Таковы сообщенія В. П. Бузескула объ учебникѣ проф. П. Г. Виноградова (по древней исторіи), руководствѣ г. Иванова (по средней исторіи), о французскомъ учебникѣ (по исторіи цивилизаціи Франціи) Дюкудрэ; сообщеніе Д. И. Багалѣя о недавно вышедшемъ русскомъ переводѣ книги Фримана: „Методы изученія исторіи".

Изъ рефератовъ и сообщеній, читанныхъ въ „Историко-филологическомъ Обществѣ" въ теченіе прошлаго академическаго года, исторіи касались: рефератъ А. С. Вязигина о вліяніи великаго голода 1030-хъ годовъ на церковную реформу на западѣ и о тысячномъ годѣ (причемъ референтъ отвергаетъ ходячее мнѣніе о вліяніи ожиданія тысячнаго года); А. Н. Деревицкаго—о Тэнѣ, какъ эстетикѣ; Л. Ю. Шепелевича — о Тэнѣ; В. П. Бузескула.—Сравненіе „Αθην. Πολ." и „Политики" Аристотеля (преимущественно въ отношеніи политическихъ взглядовъ) и о новомъ изданіи „Αθ. Πολ.", принадлежащемъ Sandis'y; А. С. Лебедева—объ одномъ изъ бѣлгородскихъ архіереевъ прошлаго вѣка (по архивнымъ даннымъ) и нѣк. др.

Вступительная лекція.

30 сент. 1892 года магистрантъ Кіевскаго университета В. П. Клячинъ прочелъ вступительную лекцію, темой которой онъ избралъ: „Значеніе дореволюціоннаго періода исторіи Франціи въ XVIII в.".

Лекція распадается на 2 части. Въ первой лекторъ выясняетъ

Digitized by Google

значеніе дореволюціоннаго періода въ исторіи Франціи, во второй — значеніе этого періода въ исторіи общеевропейской; первая часть въ виду большого количества данныхъ, при болѣе спеціальномъ ихъ характерѣ, развита полнѣе, чѣмъ вторая. Указывая на значеніе дореволюціоннаго періода въ исторіи Франціи, лекторъ обращаетъ преимущественное вниманіе на развитіе оппозиціоннаго настроенія во французскомъ обществѣ, какъ на главный центральный пунктъ, на которомъ сосредоточивается интересъ этого времени. По мнѣнію лектора, ходъ и направленіе Французской Революціи не могутъ быть удовлетворительно объяснены безъ основательнаго изученія того революціоннаго настроенія во французскомъ обществѣ, которое развилось и обострилось задолго до самой Революціи. Хотя главныя основныя причины французской революціи кроются гораздо глубже и коренятся въ условіяхъ развитія французскаго общества болѣе ранняго времени, въ XVII в. и даже раньше, тѣмъ не менѣе, по замѣчанію лектора, особыя историческія обстоятельства, имѣвшія мѣсто лишь въ XVIII в., способствуя ускоренію революціоннаго взрыва, повліяли и на бурный характеръ его развитія, и на ожесточенность борьбы политическихъ партій и на широкое распространеніе тѣхъ политическихъ идей, выработка которыхъ относится еще къ дореволюціонному періоду.

Оппозиціонное настроеніе во французскомъ обществѣ развивается по двумъ главнымъ направленіямъ: на почвѣ борьбы религіозныхъ партій (янсенистской и ультрамонтанской или іезуитской) и на почвѣ протеста по вопросамъ государственнымъ (административнымъ и финансовымъ). Борьба религіозныхъ партій, выйдя изъ предѣловъ разногласій и пререканій чисто религіознаго характера, начинаетъ постепенно принимать политическую окраску; возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ объ отношеніяхъ церкви къ государству, объ отношеніи правительства къ религіознымъ расколамъ, принципіальные вопросы вѣротерпимости, свободы мысли, совѣсти и пр. Вмѣстѣ съ этимъ, въ виду суровыхъ преслѣдованій французскимъ правительствомъ янсенистовъ появляются оппозиціонныя литературныя произведенія, направленныя противъ деспотизма ни чѣмъ не регулируемой королевской власти. Въ этомъ фазисѣ борьбы общество съ живымъ интересомъ слѣдитъ за ея ходомъ и съ сочувствіемъ относится къ янсенистскому движенію.

Къ 40-мъ годамъ XVIII в. религіозная сторона броженія уже отступаетъ на второй планъ, благодаря развитію въ обществѣ скептицизма, явившагося отчасти результатомъ пріемовъ самой религіозной борьбы, отчасти результатомъ вліянія философско-критической литературы XVIII в. (Вольтера, энциклопедистовъ, матеріалистической школы и др.).

Переходя къ развитію оппозиціоннаго настроенія общества на

Digitized by Google

чисто политической почвѣ, лекторъ останавливается преимущественно на пагубной финансовой политикѣ французскаго правительства. Постоянныя измѣненія цѣнности монеты, финансовые кризисы, „Система" Law въ періодъ регентства, угнетеніе народной массы налогами въ министерство герцога Бургундскаго, въ министерство Флери и особенно въ періодъ самостоятельнаго правленія Людовика XV даютъ обильный матеріалъ для оппозиціи на политической почвѣ. Оппозиціонное настроеніе по всѣмъ этимъ вопросамъ выражается главнымъ образомъ въ широкомъ распространеніи оппозиціонныхъ литературныхъ произведеній, касающихся внутренняго управленія, брошюръ, памфлетовъ, сатирическихъ листковъ и проч., на которые лекторъ обращаетъ особое вниманіе. Видную роль въ этомъ оппозиціонномъ движеніи лекторъ приписываетъ французскимъ парламентамъ, особенно Парижскому, который былъ неоднократно изгоняемъ изъ Парижа, то за протестъ по религіозному вопросу, то за оппозицію противъ финансовыхъ и административныхъ мѣропріятій правительства.

Переходя ко второй задачѣ своей лекціи,—показать значеніе дореволюціоннаго періода въ исторіи общеевропейской,—лекторъ останавливаетъ свое вниманіе на такъ назыв. „просвѣтительной" литературѣ XVIII в. Въ ея развитіи онъ отмѣчаетъ 3 отдѣльныхъ теченія или направленія: 1-е, во главѣ котораго стоитъ Вольтеръ и Монтескье, характеризуется заимствованнымъ изъ Англіи деизмомъ и поклоненіемъ англійскимъ политическимъ учрежденіямъ; 2-е—матеріалистическое, проводится энциклопедистами съ Дидро во главѣ; 3-е, имѣющее своимъ вождемъ Ж. Ж. Руссо, является реакціоннымъ по отношенію къ религіи и радикальнымъ въ вопросахъ политики. Лекторъ переходитъ затѣмъ къ характеристикѣ „просвѣтительныхъ идей", какъ онѣ выражены были представителями 3-хъ указанныхъ направленій—Вольтеромъ, Монтескье, Дидро и Руссо. Характеристикой политическихъ идей Руссо лекторъ заканчиваетъ свою лекцію.

Диспуты.

29-го ноября 1892 г. въ часъ дня, въ залѣ торжественныхъ собраній Университета св. Владимира состоялась публичная защита г. Павлуцкимъ диссертаціи „Коринѳскій архитектурный орденъ", представленной для полученія степени магистра исторіи и теоріи искусствъ. Оффиціальными оппонентами назначены были профессора Праховъ, Сонни и Кулаковскій. Свѣдѣнія о диспутѣ заимствуемъ изъ отчета, напечатаннаго въ № 333 „Кіевлянина".

Въ своей вступительной рѣчи диспутантъ указалъ на то, что

Digitized by Google

онъ не считаетъ Каллимаха, которому преданіе въ лицѣ Витрувія приписываетъ изобрѣтеніе коринѳской капители, родоначальникомъ коринѳскаго стиля. Преданія нельзя считать непреложнымъ историческимъ извѣстіемъ. Это не больше, какъ легенда, которую слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Каллимахъ, какъ искусный чеканщикъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, произвелъ смѣлую реформу въ коринѳскомъ стилѣ, зародыши котораго надо искать въ Египтѣ, откуда онъ проникъ въ Грецію черезъ посредство финикіянъ. По мнѣнію диспутанта, финикійскій цвѣточный букетъ, орнаментъ семитическаго происхожденія, есть первоначальный мотивъ, изъ котораго образовалась коринѳская капитель второго, болѣе сложнаго типа. Далѣе коринѳскій орденъ усвоилъ строительные члены, начало которыхъ лежало въ іоническихъ постройкахъ. Къ элементамъ, унаслѣдованнымъ отъ іонической архитектуры, присоединялись вновь созданные мотивы, не находящіе себѣ аналогіи въ другихъ орденахъ греческаго зодчества. Первый дошедшій до насъ образецъ коринѳской капители въ храмѣ Аполлона Эпикурія въ Вассахъ представляетъ собою простую и робкую технику и принадлежитъ къ древнѣйшимъ, архаическимъ памятникамъ. Капители Эпидавра, храма Аполлона близъ Милета, Филиппейона въ Олимпіи и памятника Лизикрата въ Аѳинахъ являютъ собою дальнѣйшія послѣдовательныя ступени въ развитіи коринѳскаго зодчества. Греко-коринѳская капитель достигаетъ своей полной зрѣлости въ храмѣ Зевса въ Аѳинахъ. Коринѳскіе памятники Греціи, относящіеся къ римскому времени, въ своихъ капителяхъ представляютъ дальнѣйшее усовершенствованіе типа, принадлежащаго капители храма Зевса въ Аѳинахъ. Коринѳскій орденъ достигъ наивысшаго блеска и наибольшей художественной полноты въ Римѣ, но въ послѣднее время римской имперіи стремленіе къ декоративности пагубно повліяло на благородный характеръ и красоту формъ коринѳскаго зодчества. Изъ Рима коринѳскій стиль распространился по всей Европѣ и оказалъ громадное вліяніе на развитіе искусства. Кромѣ изложеннаго, диспутантъ указалъ на то, что изслѣдованію постепеннаго развитія коринѳскаго стиля до сихъ поръ не было посвящено ни одного спеціальнаго труда. О коринѳскомъ стилѣ говорили въ связи съ другими стилями. Г. Павлуцкій, посвятивъ свою работу исторіи коринѳскаго стиля, видитъ въ этомъ особый ея интересъ.

Первымъ возражалъ диспутанту проф. Праховъ. Въ началѣ оппонентъ указалъ на то, что книга г. Павлуцкаго, при крайней несистематичности изложенія, производитъ впечатлѣніе далеко незаконченной научной работы. Невозможно класть предѣлъ развитію коринѳскаго стиля въ памятникахъ римскаго зодчества, такъ какъ коринѳскій стиль оказалъ громадное вліяніе на позднѣйшее развитіе искусства,

Digitized by Google

на что вполнѣ правильно указалъ диспутантъ въ своей рѣчи, но не коснулся этого въ своей книгѣ. Затѣмъ проф. Праховъ высказалъ такое положеніе: человѣкъ, ищущій ученой степени, долженъ обнаружить полную научную зрѣлость. Въ чемъ состоитъ научная зрѣлость? А въ томъ,—говоритъ проф. Праховъ,—что человѣкъ, претендующій на нее, обязанъ обнаружить всестороннее знакомство со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано другими изслѣдователями по интересующему его научному вопросу, долженъ обладать способностью дѣлать логическіе выводы изъ научныхъ фактовъ, добытыхъ другими, и, наконецъ, долженъ обладать творческою способностью, которая дала бы ему возможность сказать новое слово въ изслѣдуемой имъ научной области. По мнѣнію проф. Прахова, работа Павлуцкаго совершенно не удовлетворяетъ такимъ требованіямъ научной зрѣлости. Г. Павлуцкій, по мнѣнію оппонента, незнакомъ съ нѣкоторыми трудами по избранному имъ вопросу и написалъ свою диссертацію по общеизвѣстнымъ учебникамъ. Проф. Праховъ излагаетъ содержаніе второй главы „Коринѳскаго архитектурнаго ордена" и спрашиваетъ диспутанта: „Что вамъ принадлежитъ здѣсь?"—и самъ отвѣчаетъ: „Вамъ ничего не принадлежитъ здѣсь. Все, что здѣсь изложено, есть пересказъ содержанія брошюры Зибеля". Далѣе проф. Праховъ утверждаетъ, что основное положеніе диссертаціи г. Павлуцкаго, доказывающаго, что Каллимаха не слѣдуетъ считать родоначальникомъ коринѳскаго стиля, принадлежитъ не ему, а другимъ изслѣдователямъ. Хотя г. Павлуцкій ставитъ себѣ въ заслугу то обстоятельство, что онъ выдѣлилъ коринѳскій стиль и независимо отъ другихъ греческихъ орденовъ занялся изслѣдованіемъ исторіи его развитія, но оппонентъ видитъ въ этомъ не заслугу, а крупный промахъ, такъ какъ выяснить всѣ особенности коринѳскаго стиля невозможно безъ ясной параллели со стилями іоническимъ и дорическимъ. Отъ этихъ общихъ замѣчаній проф. А. В. Праховъ перешелъ къ указаніямъ на промахи диспутанта въ частностяхъ. Здѣсь онъ, между прочимъ, остановился на томъ, что диспутантъ часто не пользуется приводимыми въ книгѣ цитатами, которыя, такимъ образомъ, являются излишнимъ бременемъ. Языкъ книги туманенъ и неясенъ, изобилуетъ множествомъ неточностей, которыя, по замѣчанію оппонента, можно объяснить только такъ: „lapsus linguae". Несмотря на то, что диспутантъ по своей спеціальности классикъ, онъ часто обнаруживаетъ непростительныя неточности въ переводахъ съ греческаго. Такихъ неточностей особенно много въ переводѣ приведеннаго въ книгѣ отрывка греческой надписи, введенію котораго въ текстъ книги диспутантъ придаетъ особенно важное значеніе. Диспутъ длился уже больше двухъ часовъ, а А. В. Праховъ все еще не обнаруживалъ намѣренія направить его къ концу, а напротивъ того, потребовалъ

Digitized by Google

зажечь свѣчи и нѣсколько разъ оговорился, что онъ только въ началѣ своихъ возраженій и что главная сущность ихъ впереди. Деканъ историко-филологическаго факультета раза два подходилъ къ оппоненту и просилъ сократить возраженія, но проф. Праховъ отвѣчалъ, что онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать и готовъ просить о назначеніи второго засѣданія. Наконецъ, деканъ еще разъ обратился къ оппоненту съ той же просьбой, и проф. Праховъ согласился высказать свои окончательные выводы о книгѣ г. Павлуцкаго, заявивъ при этомъ, что онъ будетъ еще говорить о ней въ подробной статьѣ. Въ заключительномъ резюме проф. Праховъ замѣтилъ, что книга г. Павлуцкаго представляетъ собою слабую компиляцію общеизвѣстныхъ работъ, принадлежащихъ далеко не авторитетнымъ авторамъ.

Возражая проф. Прахову, г. Павлуцкій говорилъ, что онъ по возможности воспользовался всѣмъ литературнымъ матеріаломъ, находившимся въ его распоряженіи, и что проф. Праховъ ссылается на нѣкоторыя работы, которыя появились послѣ выхода въ свѣтъ его диссертаціи.

Вторымъ возражалъ проф. Сонни. Второй оппонентъ находитъ, что работа г. Павлуцкаго, по своей темѣ, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Проф. Сонни признаетъ, что вопросъ о происхожденіи коринѳскаго ордена разработанъ диспутантомъ самостоятельно, и въ виду этого работа его имѣетъ серьезное значеніе. Въ то же время оппонентъ находитъ, что книга страдаетъ длиннотами, и авторъ ея слишкомъ часто грѣшитъ неточностями въ переводахъ съ греческаго.

Третій оппонентъ, проф. Кулаковскій, за позднимъ временемъ, ограничился немногими замѣчаніями. Проф. Кулаковскій не согласенъ съ той постановкой вопроса о научной зрѣлости, какую сдѣлалъ проф. Праховъ, и признаетъ, что къ молодому ученому никакъ нельзя примѣнять требованій полной научной эрудиціи. Если къ работѣ г. Павлуцкаго не прилагать такихъ строгихъ требованій, а отнестись къ ней съ большей снисходительностью, какъ къ работѣ молодого ученаго, въ ней можно найти не мало положительныхъ достоинствъ. Проф. Кулаковскій, подобно двумъ первымъ оппонентамъ, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія, касавшіяся погрѣшностей метода въ пользованіи матеріаломъ.

Защита диссертаціи признана была факультетомъ удовлетворительной, и г. Павлуцкій большинствомъ голосовъ былъ удостоенъ искомой степени.

— Въ воскресенье 20-го марта 1894 года, въ актовомъ залѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, въ 1 часъ дня, прив.-доц. Г. В. Форстенъ публично защищалъ диссертацію, представленную имъ для соисканія степени доктора всеобщей исторіи.

Digitized by Google

Степень магистра Г. В. Форстенъ получилъ въ 1894 г. за сочиненіе „Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ". Изслѣдованіе, по поводу котораго происходилъ диспутъ, состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ и озаглавлено: „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ". Въ первомъ томѣ (XV + 717 стр.) содержатся „Борьба изъ-за Ливоніи", во второмъ (IX + 630 стр.) —„Борьба Швеціи съ Польшей и Габсбургскимъ домомъ". (30-ти-лѣтняя война). Публикѣ, которой собралось очень много, были предложены 19 „положеній" диссертаціи. Оффиціальными оппонентами были: проф. Н. И. Карѣевъ и проф. С. Ѳ. Платоновъ. Послѣ прочтенія секретаремъ факультета традиціоннаго „curriculum vitae", котораго здѣсь не помѣщаемъ, такъ какъ Г. В. Форстенъ уже не впервые выступаетъ съ защитой диссертаціи, докторантъ обратился къ публикѣ съ слѣдующей рѣчью, которую, по возможности, передаемъ вполнѣ точно.

Мм. Гг.! Трудъ мой, который я—быть можетъ, съ излишнею смѣлостью—рѣшился представить для соисканія степени доктора всеобщей исторіи, трактуетъ, какъ показываетъ само заглавіе, о вопросѣ, который можетъ быть разсматриваемъ двояко — или со стороны экономической важности его, или со стороны политико-дипломатической. Я остановился исключительно только на второмъ моментѣ. Мой трудъ, такимъ образомъ, является строго-фактическимъ трудомъ и продуктомъ политической, дипломатической исторіи, а не культурной. Между тѣмъ, тема могла бы дать массу матеріала и для второй. Кто не знаетъ мотивовъ, заставившихъ меня выдвинуть исключительно только политико-дипломатическую сторону интереснаго вопроса, подумаетъ, пожалуй, что я стою на одностороннѣй точкѣ зрѣнія, прежде господствовавшей въ Германіи, что культурная исторія не заслуживаетъ вниманія историка, что raison d'être только за политической исторіей. Но я далекъ отъ этого: если я оставилъ безъ вниманія культурную сторону балтійскаго вопроса, т.-е. соціальную и экономическую, то только потому, что я съ нею мало знакомъ. Я позволю себѣ въ двухъ-трехъ словахъ высказаться объ исторіи и культурной исторіи въ виду того, что въ настоящее время и у насъ, и на западѣ—а въ особенности во Франціи—исключительно увлекаются второй, какъ четверть вѣка тому назадъ увлекались лишь первой; теперь даже пренебрегаютъ политической исторіей; дѣлаютъ это, конечно, по преимуществу молодые историки, которымъ въ ихъ юношескомъ увлеченіи ничего не стоитъ кинуть пренебрежительное слово даже по адресу великаго Ранке; но дѣлаютъ это и историки съ именами; дѣлаютъ это издатели всемірныхъ историческихъ очерковъ, знающіе господствующіе вкусы и надѣющіеся поймать легковѣрныхъ на такую удочку. Кто не знаетъ такъ назы-

Digitized by Google

ваемыхъ „проспектовъ", къ какимъ прибѣгаютъ коллективные авторы всемірной исторіи?! Прочтите хоть вступительное слово новаго предпріятія такого рода—Lavisse et Rambaud—которые обѣщаютъ читателямъ больше, чѣмъ презрительное histoire-bataille...

Исторія и культурная исторія — вотъ два слова, опредѣленіе и отношеніе которыхъ другъ къ другу въ настоящее время вызываютъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія. Съ перваго раза казалось бы, что исторія—общее понятіе, а культурная исторія—только особая вѣтвь или форма исторіи; но названія той или другой изъ наукъ не всегда вполнѣ точны, не всегда они исчерпываютъ все содержаніе ихъ; названія многихъ наукъ даны имъ въ такой періодъ ихъ существованія, когда онѣ еще не достигли совершеннаго своего развитія. Въ виду древности исторической науки опредѣленіе ея не должно бы вызывать споровъ; культурная же исторія—наука новая, и въ опредѣленіи ея существуетъ большая неясность: и исторія и культурная исторія имѣютъ своихъ сторонниковъ, полемизирующихъ между собой и впадающихъ въ крайность. Не мало такихъ культуръ-историковъ, которые совершенно игнорируютъ политическую жизнь народовъ и говорятъ, что войны и мирные трактаты не имѣютъ никакого значенія на духовное развитіе народовъ, что народы часто переживали лучшія времена въ управленіе самыхъ недостойныхъ монарховъ. Представители противнаго лагеря разсуждаютъ такъ: писать культурныя исторіи стало модою; вмѣсто исторіи государствъ, ухватились за исторіи народовъ, цѣлью которыхъ (т.-е. исторій) показать, какъ въ различныя эпохи текла домашняя жизнь народовъ. Присоедините, говорятъ они, къ такого рода исторіи еще нѣсколько фразъ о народѣ, о необходимости любить этотъ народъ, такъ чего добраго удастся убѣдить массы въ совершенной безполезности исторіи законодательствъ, различныхъ учрежденій, войнъ, мирныхъ трактатовъ и т. д.; все это, какъ лишній балластъ, будетъ откинуто.

Культурной исторіи отводится мѣсто ancillae historiae, второстепенной части ея. Но это совершенно ненаучно. Культурная исторія должна быть такой же самостоятельной наукой, какъ и государственная, политическая исторія. „Культурная исторія нашего времени, говоритъ Видерманъ, есть результатъ потребности въ болѣе широкомъ и свободномъ пониманіи всего даннаго матеріала". Слово „исторія"—понятіе слишкомъ широкое; первоначально это греческое слово означало разсказъ вообще; въ эллинскую эпоху ему уже приписывали значеніе разсказа о важнѣйшихъ событіяхъ государственной жизни народовъ. Ограниченіе значенія исторіи пошло еще дальше, и подъ ἱστορία стали разумѣть исключительно лишь политическую исторію, разсказъ о го-

Digitized by Google

сударственныхъ людяхъ, войнахъ и т. д. Христіанство породило рядомъ съ политическою и церковную исторію.

Новое время во всеоружіи исторической критики пошло дальше; глубокое изученіе исторіи, какъ науки, раскрыло человѣчеству иного новыхъ сторонъ; разносторонность нашей науки стала еще болѣе очевидной, развилось нѣсколько спеціальныхъ отраслей ея, стоящихъ въ самой тѣсной связи съ государственной жизнью народовъ.

Усиленное развитіе философскихъ наукъ и естествознанія, замѣчаемое въ новѣйшее время, всего болѣе выдвинуло наружу значеніе культурной исторіи. Знаменитый германскій ученый Зибель въ своемъ изслѣдованіи „Ueber den Stand der neueren deutschen Geschichtsschreibung" говоритъ: „самое характерное явленіе въ исторіографіи нашего времени—это культурная исторія. До новѣйшаго времени вниманіе историковъ было исключительно обращено на придворную исторію, на исторію войнъ и государей; исторіей права и церкви занимались только съ практическими цѣлями. Въ наше время стали впервые обращать вниманіе на культурное состояніе того или другого народа вообще. Исторія экономическихъ сношеній отдѣльныхъ государствъ между собой становится столь же важной, какъ и исторія дипломатическихъ сношеній. Исторія языка и литературы пріобрѣтаетъ такой же интересъ, какъ и исторія военно-политическая; исторія церкви и права, какъ результаты одной національной жизни, вводится въ одну общую раму. Вниманіе юридической школы—Савиньи, Эйхгорна и др.—обращено было на уничтоженіе исключительности въ исторіи; братья Гриммъ создали исторію языка, филологію; Ранке съ ему одному свойственнымъ мастерствомъ показалъ, что борьбу религіозныхъ началъ можно сдѣлать средоточіемъ національной исторіи. Изолировать политическую исторію отъ остальной исторіи—значитъ впасть въ крайность". Культурная исторія должна имѣть свой raison d'être, какъ и другія науки, возникшія сравнительно въ недавнее время. Изъ этихъ наукъ на первомъ планѣ стоитъ антропологія,—наука о человѣкѣ,—языкознаніе, богословіе, исторія литературы, искусствъ, этнографія, этнологія и сравнительная археологія. Послѣдняя занимается исключительно матеріальной культурой народовъ. Какова же задача культурной исторіи? Она должна знакомить насъ не только съ тѣмъ, какъ люди жили, одѣвались, ѣли, какъ они проводили день, но и показать намъ всю человѣческую жизнь во всей ея совокупности, во всѣхъ ея проявленіяхъ, самихъ по себѣ незначительныхъ, но взятыхъ вмѣстѣ — въ высшей степени характерныхъ. Культурная исторія не можетъ оставить безъ вниманія и политическую сторону, государственныя системы и учрежденія, такъ какъ государственное развитіе народа—самый характерный представитель культуры того или другого народа. Культуръ-историкъ

Digitized by Google

беретъ изъ политической исторіи уже готовые результаты изслѣдованій, то же дѣлаетъ онъ съ антропологіей, этнологіей и др. вѣтвями историческаго развитія народа. Такъ точно и историкъ долженъ постоянно обращаться къ результатамъ, добытымъ культуръ-историками.

Такимъ образомъ смотрѣть на исторію и культурную исторію, какъ на соперницъ, выдвигать одну передъ другой, давать которой-нибудь изъ нихъ исключительное преимущество, свидѣтельствуетъ о совершенной ненаучности. Та и другая преслѣдуютъ свои высокія задачи, въ одинаковой степени необходимыя для исторіи человѣчества; у каждой свой запасъ матеріаловъ, у каждой свой методъ изслѣдованія. Соединить въ себѣ культуръ-историка и политическаго историка невозможно одному человѣку; поэтому, повторяю, мы должны примкнуть къ одному изъ двухъ лагерей, но безъ малѣйшей злобы и пристрастія. Ничего нѣтъ хуже, какъ когда политическій историкъ считаетъ нужнымъ въ видѣ гарнира вставить въ свой трудъ кое-что и изъ культуры, когда факты культурной исторіи вплетаются въ политическую исторію, какъ элементъ второстепенный. Каждая наука должна итти рядомъ съ другой, по своему пути, вліяя на другую.

Я остановился на политической и дипломатической сторонѣ балтійскаго вопроса. Онъ представляетъ для насъ, русскихъ, особенный интересъ, такъ какъ съ его исторіей связаны наиболѣе любопытные моменты нашей исторіи въ 16 — 18 столѣтіяхъ; имъ опредѣлялись наши отношенія къ сосѣднимъ государствамъ — Скандинавскимъ, Польшѣ и Германіи. Настоящій трудъ мой занятъ тѣмъ періодомъ развитія балтійскаго вопроса, когда характеръ его становится универсальнымъ, почему и изученіе его сопряжено съ громаднымъ трудомъ. Приходится заглядывать въ исторію всѣхъ государствъ, постоянно имѣть въ виду ходъ европейской исторіи. Тема, однимъ словомъ, самая подходящая для доктора всеобщей исторіи. И говорить нечего, что отъ изслѣдователя такого широкаго вопроса нельзя требовать равномѣрности въ частяхъ: одни моменты разработаны по необходимости подробнѣе и всесторонней другихъ. Спеціалистъ по исторіи Запада не можетъ избѣжать и пробѣловъ по исторіи Россіи и Польши, имѣющихъ своихъ спеціальныхъ изслѣдователей. Для выполненія такой широкой задачи, какъ наша, необходима предварительная работа цѣлой арміи историковъ. Когда весь матеріалъ будетъ разобранъ ими, возможна станетъ общая философская оцѣнка всего вопроса.

Главное вниманіе настоящаго труда сосредоточено на Швеціи, Даніи и Германіи. Исторія послѣдней за разбираемый періодъ времени представляетъ именно то, что сказалъ о ней одинъ нѣмецкій критикъ: она представляетъ непереплетенную, истрепанную книгу, которую трудно и непріятно читать; постоянно приходится отыскивать

Digitized by Google

перепутанныя страницы; связь въ головѣ читателя прерывается, и заголовокъ съ оглавленіемъ часто лежитъ въ серединѣ книги. Бо́льшую стройность представляетъ каждое изъ скандинавскихъ государствъ, отдѣльно взятыхъ. Но взаимныя ихъ отношенія, запутываемыя все болѣе и болѣе вмѣшательствомъ новыхъ факторовъ балтійской борьбы, опять-таки требуютъ серьезнаго и спокойнаго изученія. Тутъ мудрено становиться à vol de l'oiseau; здѣсь необходимо ближе подойти къ фактамъ, глубже проанализировать ихъ, стать лицомъ къ лицу съ дѣятелями эпохи, стать въ самый центръ жизненнаго водоворота.

Историку не приходится ни хвалить, ни хулить, а только показывать факты въ ихъ настоящемъ видѣ, безъ прикрасъ и тенденціи; исторія не имѣетъ въ виду ни обращать своихъ слушателей на путь добродѣтели, ни поучать ихъ. „Не ея дѣло, говоритъ одинъ изслѣдователь, возбуждать любовь или ненависть, исправлять сердца или просвѣщать умы. Хороши ли, дурны ли факты — историку нѣтъ до того дѣла; онъ не призванъ спасать души людей; у него нѣтъ иного долга, иного желанія, какъ уничтожить разстояніе времени, поставить читателя лицомъ къ лицу съ самими явленіями, сдѣлать его согражданиномъ описываемыхъ имъ лицъ и современникомъ событій, о которыхъ онъ повѣствуетъ. Пусть вслѣдъ за нимъ приходятъ моралисты и разсуждаютъ о выставленныхъ передъ ними картинахъ; его задача окончена, онъ уступаетъ имъ мѣсто и удаляется". Приведенныя слова принадлежатъ Тэну. Объективность — conditio sine qua non историческаго изслѣдованія. Она должна выражаться у историка въ отсутствіи искаженій, передѣловъ и личнаго интереса къ описываемымъ дѣламъ. Объ абсолютной объективности не можетъ быть и рѣчи; совершенное устраненіе личности писателя немыслимо. Субъективизмъ выражается въ соединеніи и освѣщеніи фактовъ. „Объективность отрицаетъ партійность", она требуетъ справедливаго сужденія, исключаетъ всякую тенденцію, какъ политическую, такъ и религіозную. Разсказъ историка не долженъ быть ни въ какомъ случаѣ отраженіемъ какой-либо заинтересованной партіи.

Нельзя къ явленіямъ прошлаго примѣнять современныхъ масштабовъ. Историческій дѣятель долженъ оцѣниваться въ связи съ его временемъ, понятіями и общественными условіями. Изслѣдователь, однако, не можетъ быть чуждъ извѣстныхъ философскихъ, религіозныхъ и политическихъ мнѣній. Историкъ не можетъ быть нейтральнымъ, ибо историческіе факты и вопросы—не нейтральны, жизнь—не нейтральна, а разнообразна и многообразна: жизнь свидѣтельствуетъ о доктринахъ. Есть вопросы, которые не могутъ быть окончательно и разъ навсегда установлены. Каждая теорія имѣетъ своихъ страстныхъ адвокатовъ и страстныхъ предвозвѣстниковъ. Самъ Ранке

Digitized by Google

указывалъ, какое громадное вліяніе производятъ на него современныя событія. Характеръ эпохи и національныя стремленія непремѣнно отражаются на историческихъ трудахъ. Историкъ не можетъ уйти изъ своего времени; даже становясь, повидимому, выше его, онъ только раздѣляетъ передовые идеалы своей же эпохи. Участіе и симпатіи въ историкѣ не противорѣчатъ любви къ истинѣ; и отъ истинной объективности до пассивнаго равнодушія очень далеко; спокойствіе, равнодушіе создаетъ только такія вещи, которыя оставляютъ и смотрящихъ на нихъ равнодушными. „Если, сказалъ однажды въ своей лекціи одинъ изъ моихъ университетскихъ профессоровъ, человѣкъ выкачаетъ изъ себя все, что въ немъ есть живого, все, что въ немъ составляетъ плоть и кровь, то онъ дѣлается уже совсѣмъ не способнымъ къ наукѣ, бездарнымъ и неумѣющимъ видѣть того, что видитъ обыкновенный человѣкъ". Посему безъ симпатій, безъ историческихъ предразсудковъ нѣтъ ученаго человѣка. Тутъ ограниченность и сила. Покойный Мауренбрехеръ мѣтко характеризовалъ корифея объективной исторической науки — Ранке, — сказавши о немъ: „Ranke ist unparteiisch, doch nicht parteilos". Всякое настоящее есть невольный наслѣдникъ прошедшаго. Настоящее не можетъ ни отказаться отъ наслѣдства, ни принять его только sub beneficio inventarii. Оно должно принять его безусловно и цѣликомъ, со всѣми его долгами. Примѣнять къ прошедшимъ временамъ современную нравственную мѣрку—значитъ впасть въ самыя грубыя ошибки. Характеризовать дѣятеля, вырвавши его изъ эпохи, въ какую онъ жилъ, — лучшій пріемъ искаженія историческихъ дѣятелей; изолировать историческихъ дѣятелей и разсматривать ихъ такъ, какъ это дѣлаетъ натуралистъ съ насѣкомыми—вовсе не историческій пріемъ".

Ни одна наука не склонна такъ легко впадать въ дилеттантизмъ, какъ исторія; благодаря своей общедоступности, исторія то и дѣло становится предметомъ всевозможныхъ экспериментовъ со стороны представителей разныхъ наукъ и даже любителей. За примѣрами итти не далеко: кто не знаетъ „Іоанна Грознаго", Ковалевскаго, „Крушенія монархіи во Франціи", Любимова или „Карла V", Юрьева?

Что мой трудъ полонъ недостатковъ — не подлежитъ сомнѣнію. Авторъ всегда самъ чувствуетъ ихъ; мнѣ приходятъ на память слова одного нѣмецкаго историка: „niemand kann gewiss von meinen Mängeln mehr überzeugt sein als ich selbst". Они глубоко вѣрны. Я желалъ бы только, чтобы меня не упрекнули въ тенденціозности и недобросовѣстности. Принося глубокую благодарность факультету за ту матеріальную и духовную поддержку, которой онъ меня окружалъ съ самой студенческой скамьи и съ особеннымъ удовольствіемъ предвкушая возраженія—какъ въ мою пользу, если таковыя будутъ, такъ

Digitized by Google

и противъ меня — моихъ глубокоуважаемыхъ оппонентовъ, я найду себѣ нѣкоторое утѣшеніе въ слѣдующихъ словахъ: „il est si difficile de produire une chose même médiocre, il est facile de sentir la médiocrité".—По окончаніи рѣчи начались пренія.

Первый оффиціальный оппонентъ, проф. Н. И. Карѣевъ, началъ съ указанія на солидную величину труда, представленнаго диспутантомъ. Г. В. Форстенъ работалъ надъ нимъ въ теченіе 9 лѣтъ; въ основаніе труда положено огромное количество архивнаго матеріала и большая историческая литература. Состоя изъ 2-хъ томовъ (около 1300 стран.), изслѣдованіе Г. В. Форстена содержитъ въ себѣ много примѣчаній. Автору пришлось разсматривать не одну страну, а исторію нѣсколькихъ государствъ (Скандинавскія государства, Польша и Москва), приходилось распутывать общеевропейскую политику, что значительно усложнило его работу. Наконецъ, задачу своего изслѣдованія авторъ намѣтилъ широко, такъ какъ поставилъ вопросъ на всемірно-историческую точку зрѣнія, коснувшись не только политическихъ и религіозныхъ вопросовъ, но и торговыхъ, коммерческихъ. Всѣ указанныя качества книги даютъ автору право на полученіе искомой докторской степени.

Переходя къ возраженіямъ, проф. Н. И. Карѣевъ замѣтилъ, что самъ диссертантъ, повидимому, ожидаетъ упрековъ со стороны польскихъ и русскихъ историковъ. Одинъ изъ существенныхъ недостатковъ книги Г. В. Форстена и заключается, по мнѣнію оппонента, въ пробѣлахъ со стороны польской исторіи. Исторія Скандинавскихъ государствъ выдвинута, дѣйствительно, на первый планъ, но за то польская исторія отодвинута на второстепенный планъ. Впрочемъ, самъ авторъ говоритъ, что ему не удалось изучить польскихъ источниковъ (т. I, стр. 40), а кромѣ того, онъ незнакомъ и съ громадной литературой о XVI вѣкѣ. Оппонентъ, при этомъ, назвалъ нѣсколько извѣстныхъ польскихъ трудовъ, которыми г. Форстенъ совсѣмъ не воспользовался [1]). Не справившись съ источниками на польскомъ языкѣ, диспутантъ, однако, не обратилъ должнаго вниманія и на тѣ польскіе

---

[1]) Romanowski, Jan. Wojna Zygmunta Augusta z Zakonem inflanckim r. 1557. Rocznik Tow. przyjaciół nauk poznańskiego 1860.

Krasiński Władysław. Przyczynek do historyi dyplomacyi w Polsce. Krakow. 1872.

Szujski Jozef. Stosunki dyplomatyczne Zygmunta Augusta z Austryą.

Karwowski Stanislaw. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski. 1858—61. Poznán 1873.

Pawiński Adolf. Stefan Batory pod Gdańskiem w. z. 1576—79. Zrodła dziejowe.

Kamieński, B. Negocyacye ze Szwecyją o pokoj 1556—706.

Sokolowski August. Polityka polska za Zygmunta III. 1878 и др.

Digitized by Google

источники, которые существуютъ на латинскомъ языкѣ. Отсюда у автора многое не выяснено, а это онъ могъ бы сдѣлать. Разсказывая объ отношеніяхъ Сигизмунда II къ Максимильяну, г. Форстенъ говоритъ, что Сигизмундъ ради *нарвскаго плаванія* рѣшился отправить къ императору посла (Красинскаго), котораго снабдилъ тремя инструкціями. Объ этихъ-то инструкціяхъ автору мало извѣстно, такъ какъ онъ не пользовался извѣстной „Библіотекой ординаціи" Красинскаго, гдѣ онѣ напечатаны [1]). Затѣмъ, Сигизмундъ вовсе не ради нарвскаго плаванія отправилъ пословъ: были и другія соображенія, о которыхъ диспутантъ не упомянулъ. Вопросъ объ отношеніяхъ Сигизмунда къ Данцигу авторъ раскрываетъ на основаніи документовъ данцигскаго архива, но отношенія эти вполнѣ могутъ быть уяснены только и при помощи польскихъ источниковъ, отсутствіе которыхъ въ изслѣдованіи Г. В. Форстена рѣзко замѣтно. По словамъ автора, отношеніе Сигизмунда къ Данцигу было строгое и неумолимое (I, 38; ср. I, 317, 409). По мнѣнію оппонента—оно было дипломатическимъ: когда жители Данцига сожгли въ 1569 г. крейсерскую флотилію, то Сигизмундъ вмѣсто того, чтобы наказать эту измѣну и поддержать авторитетъ королевской власти, уладилъ дѣло чрезъ своихъ коммиссаровъ (Объ этомъ см. Бобржинскій II, 122). Послѣ небольшихъ преній по этому вопросу, оппонентъ продолжалъ свои возраженія, указавъ на ложность, по его мнѣнію, взгляда г. Форстена на значеніе сандомірскаго соглашенія. Послѣднее было скорѣе союзомъ политическимъ, явилось актомъ самообороны начавшейся реакціи, что давно установлено историками польской реформаціи, а книги о послѣдней вѣдь существуютъ и на русскомъ языкѣ (труды проф. Любовича и Жуковича и книжка самого оппонента). По словамъ автора, „послѣ сандомірскаго соглашенія пробилъ послѣдній часъ романизму и только іезуиты спасли православіе въ Польшѣ" (I, 39). Если бы диспутантъ воспользовался послѣднимъ трудомъ Любовича (Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ), то едва-ли высказалъ бы такую мысль: іезуиты въ эту пору не играли главной роли, здѣсь можно отмѣтить, вѣрнѣе, слабость протестантизма. Точно также, авторъ не воспользовался работой проф. Любовича „Альбрехтъ, герцогъ Прусскій, и реформація въ Польшѣ", говоря о поддержкѣ Альбрехтомъ антикатолическаго движенія въ Пруссіи. Изданіе извѣстнаго эдикта въ 1557 г. Сигизмундомъ II г. Форстенъ объясняетъ тѣмъ, что Сигизмундъ боялся усиленія протестантизма въ Польшѣ, съ присоединеніемъ Ливоніи (I, 77). При этомъ, авторъ ссылается на соч. проф. Любовича „Исторія ре-

[1]) Красинскій. Biblioteka Ordynacyi Krasinskich (Akta polskie: korrespondencye Fr. Krasinskiego).

Digitized by Google

формаціи въ Польшѣ" (стр. 190—191), но ссылка не подтверждаетъ взгляда автора. Если бы диспутантъ познакомился съ этимъ эдиктомъ, то увидѣлъ бы, что эдиктъ этотъ былъ изданъ не изъ боязни Сигизмунда, а вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ епископовъ и вслѣдствіе уступчивости Сигизмунда по отношенію къ протестантамъ. Далѣе, проф. Н. И. Карѣевъ высказалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній, сводившихся къ тому, что авторъ недостаточно внимательно отнесся въ своей книгѣ къ фактамъ изъ польской исторіи. Между прочимъ, г. Форстенъ обнаружилъ полное незнакомство съ внутреннимъ бытомъ Польши и съ его терминологіей (называя, напр., сеймики ландтагами и т. п.).

Отношеніе Польши къ Ливонскому вопросу у докторанта не выяснено съ достаточной полнотой, именно благодаря отсутствію польскихъ источниковъ. По мнѣнію автора, „главной цѣлью своей внѣшней политики Сигизмундъ II Августъ поставилъ утвержденіе въ Ливоніи" (I, 241), но на 246 стр. оказывается, что данцигскіе послы называютъ Сигизмунда равнодушнымъ къ Ливонскимъ событіямъ (I, 246), что снова опровергается уже самимъ авторомъ на 247 стр. Причину замедленія Ливонской войны авторъ объясняетъ несочувствіемъ шляхты къ внѣшней политикѣ Сигизмунда (I, 250), но на 331 стр. говоритъ, что „у Польши не было никакихъ средствъ для успѣшнаго веденія войны", что Польшѣ надлежало рѣшать много *внутреннихъ* вопросовъ, прежде чѣмъ думать о войнѣ. Мѣсто это скопировано у автора, и онъ умалчиваетъ объ этихъ „внутреннихъ" вопросахъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ оппонентъ подчеркнулъ, что г. Форстенъ пользовался донесеніями данцигскихъ пословъ, которые и останавливались на нерѣшительности Сигизмунда, но автору совсѣмъ осталось неизвѣстнымъ, что говорилось *поляками* на сеймахъ (I, 246). Точно также, говоря о Петроковскомъ сеймѣ 1562 г., авторъ (I, 318—319) пользуется данцигскими архивами, а между тѣмъ, для этого времени есть превосходный источникъ — дневникъ этого сейма [1]), имѣющій громадное значеніе, такъ какъ въ немъ полно изображена внѣшняя политика того времени. Не зная подобныхъ дневниковъ, авторъ и не могъ дать отвѣта, какихъ мнѣній держались поляки на этомъ сеймѣ: свои соображенія ему приходилось дѣлать на основаніи данцигскихъ архивовъ, да и то съ оговорками—„если вѣрить донесеніямъ данцигскихъ пословъ" (I, 322, 328).

Скандинавская исторія интересуетъ, видимо, изслѣдователя болѣе всего. Но и здѣсь можно найти неясности и неточности. На 1-й

---

[1]) Działyński Źrodłopisma do dziejow unii k. polskiej w. k. Litewskiego. Poznań. 1856.

Digitized by Google

же стран. I-го т. авторъ говоритъ: „съ этихъ поръ", т. е. послѣ штейерскаго мира 1544 г., начинается внутреннее развитіе скандинавскихъ государствъ, какъ будто бы до этого времени развитія ихъ не было. Внутренней исторіей страны, однако, авторъ совсѣмъ не интересуется. Такъ, говоря о шведскомъ королѣ Эрихѣ XIV, изслѣдователь (намѣренно) не касается его внутреннихъ преобразованій (I, 38). Въ смыслѣ изложенія авторъ часто допускаетъ странности: шведскихъ королей онъ называетъ самодержавными (I, 25, 29, 30, 31, 34 и др.), не поясняя, въ какомъ смыслѣ ихъ можно называть такъ; смѣшиваетъ областную и ленную реформы, злоупотребляя терминомъ „централизація" (I, 25, 51, 52—53), чѣмъ обнаруживаетъ малое знакомство и съ внутреннимъ бытомъ скандинавскихъ государствъ, и съ общими понятіями, каковы феодализмъ, централизація и т. п. Дань, которую платилъ Дерптъ Іоанну Грозному, авторъ называетъ десятиной истинной вѣры (I, 86), переводя, такимъ образомъ, слово „zins"; между тѣмъ, слово это означаетъ „цензъ", „оброкъ", а не десятую часть. Указавъ на другія неточности въ диссертаціи г. Форстена, проф. Карѣевъ перешелъ отъ частностей къ общему взгляду на его трудъ

Соглашаясь съ авторомъ, что поставленный имъ вопросъ весьма сложенъ (II, стр. VII), что разобраться во всѣхъ этихъ „дрязгахъ" довольно трудно, оппонентъ замѣтилъ, что автору слѣдовало сдѣлать примѣнительно ко всему труду то, что самъ онъ говоритъ о послѣдней части своего сочиненія. „Изслѣдователь теряется въ массѣ матеріала, необходимо выдѣлить изъ всего этого сложнаго политическаго и дипломатическаго періода лишь тѣ моменты, которые освѣщаютъ отношеніе сѣверныхъ державъ къ балтійскому вопросу" (II, 450). То, что авторъ сказалъ объ изслѣдователѣ, можно сказать о читателѣ: послѣдній находится въ положеніи изслѣдователя и теряется въ книгѣ г. Форстена. Объясняется это тѣмъ, что авторъ недостаточно рельефно выдвинулъ главное и существенное на первый планъ. Облегчить положеніе читателя авторъ могъ бы двумя путями, или отбросивъ массу матеріала, которая не идетъ къ дѣлу, или сдѣлавъ введенія въ каждую главу, обобщенія, итоги. По первому пути авторъ не пошелъ: вѣроятно, ему было жаль архивнаго матеріала, который онъ и оставилъ въ сыромъ видѣ. Второго— итоговъ, обобщеній—въ книгѣ, къ сожалѣнію, читатель не находитъ. Читатель не можетъ схватить архитектурныя линіи зданія: онѣ заслонены лѣсами и строительнымъ матеріаломъ; даже модель зданія ускользаетъ отъ ищущаго взора. Между тѣмъ изслѣдователь могъ бы хоть нѣсколько помочь читателю. Разсматривая почти цѣлое столѣтіе (1544—1648), автору нужно было разбить его на части, разсортировать факты по степени ихъ важности,

Digitized by Google

а не по количеству матеріала. Вотъ почему нерѣдко авторъ говоритъ о крупныхъ фактахъ мало, а о мелкихъ подробно только потому, что о нихъ много есть въ его источникахъ. Часто авторъ подробно останавливается на неудавшихся проектахъ и планахъ, на непринятыхъ предложеніяхъ и безрезультатныхъ переговорахъ, ничего не характеризующихъ и имѣющихъ значеніе простого балласта. Существеннымъ недостаткомъ труда г. Форстена является, по мнѣнію оппонента, его *недоработанность*. Приходится сызнова продѣлывать все, что дѣлалъ авторъ, чтобы свести итоги изслѣдованнымъ фактамъ, такъ какъ самъ авторъ не оперировалъ надъ громаднымъ матеріаломъ. Систематизація фактовъ у автора есть, но связь между ними хронологическая: онъ держится послѣдовательности, а не причинности. Самое изложеніе у автора—догматическое; *диссертаціи*, критики, разсужденія—у него нѣтъ; часто даже трудно узнать, что̀ принадлежитъ автору и что̀ сдѣлано другими. Отсутствіе критическаго изслѣдованія и научный аргументаціи иногда просто поражаютъ. Послѣднее возраженіе проф. Карѣева касалось вопроса коммерческихъ или, какъ постоянно выражается авторъ, „коммерсіальныхъ“ интересовъ въ сочиненіи. Авторъ разработалъ исторію политики и отношеній вѣроисповѣдныхъ, но у него оставлены въ сторонѣ интересы коммерческіе: на нихъ онъ ссылается, говоря, что они играли въ эту пору большую роль, но въ сочиненіи это совсѣмъ не доказано. Промышленность, торговля, финансы—не освѣщены въ книгѣ ни съ какой стороны, а между тѣмъ, тѣ же архивы (съ данцигскимъ между прочимъ) даютъ матеріалъ для этой темы. На первомъ планѣ выдвинуты мелкія дипломатическія интриги.

Согласившись во многомъ съ оппонентомъ, диспутантъ замѣтилъ, что онъ—не спеціалистъ по польской исторіи и выразилъ сожалѣніе, что не знаетъ польскаго языка. Что же касается до построенія его сочиненія, до незавиднаго положенія читателя его книги, то это его мало интересуетъ. Напрасно оппонентъ думаетъ, что ему, диспутанту, было жаль выбрасывать архивный матеріалъ: его еще достаточно есть. Всѣ подробности, продолжалъ диспутантъ, одинаково важны для него. Принципъ автора—разсмотрѣть, по возможности, все, изложить Ливонскую войну до мелочей, какъ можно обстоятельнѣе. Если и недосказаны нѣкоторые пункты, то дѣлалось это для того, чтобы избѣжать повторенія уже извѣстнаго. Наконецъ, въ недобросовѣстности ужъ никакъ нельзя упрекнуть автора: у него нѣтъ ни одного чужого слова безъ ссылки. Въ заключеніе, диспутантъ, поблагодаривъ проф. Карѣева за указанія, сдѣланныя имъ, выразилъ надежду и дальше заниматься въ той же области, воспользовавшись его указаніями.

Digitized by Google

Второй оппонентъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, прежде всего вспомнилъ того профессора, подъ вліяніемъ котораго сложились ученые вкусы диспутанта и выработана была самая тема его диссертаціи—именно профессора Василія Васильевича Бауера, памятнаго петербургскимъ студентамъ-филологамъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Какъ преподаватель, В. В. Бауеръ возбуждалъ живой интересъ къ предмету, давалъ опредѣленные взгляды на эпохи, которыя излагалъ, и на задачи, которыя предлежатъ русскому изслѣдователю событій западно-европейскихъ. Лучшія традиціи аудиторіи В. В. Бауера оживаютъ въ его ученикѣ Г. В. Форстенѣ, и потому ученая и преподавательская дѣятельность докторанта особенно понятна и дорога для его университетскихъ сверстниковъ, къ которымъ причисляетъ себя и оппонентъ. Переходя, затѣмъ, къ диссертаціи, оппонентъ указалъ на то, что очень точная ея общая оцѣнка дана была самимъ авторомъ въ только что произнесенной имъ вступительной къ диспуту рѣчи: широта и сложность темы, неравномѣрность въ разработкѣ различныхъ входящихъ въ тему сюжетовъ и различныхъ источниковъ и, наконецъ, стремленіе къ объективности въ отношеніи къ странамъ, фактамъ и лицамъ—вѣрно подмѣченныя авторомъ существенныя черты его труда. Къ чести автора можно сказать, что неравномѣрность въ обработкѣ различныхъ частей его труда никогда не бывала слѣдствіемъ ученаго равнодушія или безсилія. Авторъ былъ въ трудномъ положеніи въ томъ смыслѣ, что не всегда могъ въ своемъ изученіи опираться на монографіи или на печатные сборники документовъ, и часто самъ бывалъ вынужденъ разыскивать и собирать матеріалы; очень естественно, что собиратель въ немъ иногда оттѣснялъ на второй планъ „изслѣдователя“, и изложеніе въ такомъ случаѣ обращалось въ послѣдовательный пересказъ содержанія документовъ. Но къ неменьшей чести Г. В. Форстена должно сказать, что и въ такихъ, наименѣе выработанныхъ частяхъ труда, онъ является строгимъ прагматикомъ, выдерживая единство и цѣльность взгляда на лица и событія. Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ его работы, его объективность „не сводится къ безличію и безъидейности“.

Лучшимъ оправданіемъ такого отзыва могутъ служить тѣ страницы книги, которыя посвящены оцѣнкѣ Грознаго, какъ политика: у Г. В. Форстена на Грознаго очень опредѣленный и выдержанный взглядъ (I, 41, 96, 288 и др.). Однако, было бы несправедливо, по мнѣнію оппонента, утверждать, что диспутантъ всегда торжествовалъ надъ тѣми трудностями, какія представляли ему обширность или необработанность матеріала: особенно часто подавлялъ его именно русскій историческій матеріалъ, и авторъ даже просто отказывался отъ операцій надъ нимъ, допуская небрежности и прямые промахи и

Digitized by Google

въ самомъ изложеніи, и въ передачѣ мелочей, и въ вещахъ болѣе или менѣе существенныхъ. Относительно изложенія оппонентъ сослался на стр. 58 и 63 II-го тома, гдѣ говорится о „наброскѣ инструкціи московскому царю“ (!) отъ газзетага (съ пропускомъ словъ „der gesanten“) и гдѣ митрополитъ московскій называется патріархомъ, хотя цитируемый авторомъ источникъ не ошибается въ санѣ. Относительно невѣрной передачи частностей оппонентъ указалъ, между прочимъ, на то, что русскія имена XVI и XVII вв., легко возстановляемыя по русскимъ документамъ, передаются въ неточныхъ, прямо невѣроятныхъ формахъ [1]). Не говоря о случайныхъ неточностяхъ, въ родѣ той, что имя соловецкаго игумена Антонія передѣлывается въ Антонина (II, 87), у автора находимъ несуществующую фамилію князей Романовыхъ [2]) (I, 292), вмѣсто Ромодановскихъ, и частое извращеніе географическихъ названій—потому только, что авторъ не считалъ нужнымъ дѣлать справки въ русскихъ документахъ. Послѣднее обстоятельство, игнорированіе русскаго матеріала, доводитъ автора до прямыхъ промаховъ. Излагая, напримѣръ, кампанію 1558 года, г. Форстенъ не пользуется русской (Никоновской) лѣтописью, ограничиваясь однимъ упоминаніемъ о ней въ примѣчаніи (I, 88). Говоря о событіяхъ 1559 года, онъ не пользуется „разрядами“, хотя ихъ знаетъ и хотя въ нихъ находятся болѣе точныя данныя по интересующимъ его подробностямъ (I, 104). Разсказъ кн. А. М. Курбскаго о Ливонской войнѣ онъ оставляетъ совсѣмъ въ сторонѣ, а между тѣмъ въ этомъ разсказѣ есть для автора цѣнныя показанія (напр. о Фонъ-Белѣ).

Наконецъ, оппонентъ съ особеннымъ удареніемъ указалъ на то, что докторантъ сдѣлалъ прямую ошибку, не воспользовавшись иностранными (шведскими, датскими, любскими) грамотами въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и вообще русскими архивными матеріалами. На двухъ примѣрахъ—на вопросѣ о городѣ Корелѣ въ 1596 г. и на посольствѣ Матсена и Свене въ 1598 г.—оппонентъ остановился для того, чтобы показать, что русскіе архивы могли дать г. Форстену новыя и точныя свѣдѣнія.

Рѣчь свою оппонентъ закончилъ общимъ замѣчаніемъ о важномъ значеніи для русской исторической литературы труда Г. В. Форстена: большой запасъ новыхъ фактовъ, хорошо сведенныхъ и по большей

---

[1]) То же самое проф. Карѣевымъ было замѣчено и относительно передачи собственныхъ именъ польскихъ.

[2]) На послѣднее замѣчаніе диспутантъ съ живостью возразилъ, что „это, должно быть, какой-нибудь нѣмецъ напуталъ“, которымъ онъ пользовался, какъ источникомъ.

Digitized by Google

части строго провѣренныхъ, указанія на мало извѣстную у насъ скандинавскую историческую литературу, личные выводы и мнѣнія автора—все это составляетъ пріобрѣтеніе для русской историографіи. (Отчетъ о диспутѣ Г. В. Форстена составленъ П. А. К—скимъ).

— Въ воскресенье, 20 ноября 1894 года, профессоръ Варшавскаго университета П. А. Кулаковскій защищалъ въ актовой залѣ С.-Петербургскаго университета диссертацію подъ заглавіемъ: „Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія", представленную имъ для полученія степени доктора славянской филологіи. Оффиціальными оппонентами были профессора: В. И. Ламанскій и А. И. Соболевскій.

Диссертантъ извѣстенъ, какъ въ спеціальной, такъ и въ общей литературѣ своими многочисленными изслѣдованіями по славянской филологіи и статьями, посвященными разработкѣ славянскаго вопроса. Изъ нихъ назовемъ: „Вукъ Караджичъ. Его значеніе въ сербской литературѣ" (магистерская диссертація г. Кулаковскаго защищенная имъ въ Московскомъ университетѣ), „Праздникъ Слава у сербовъ" („Русск. Вѣсти."), „Вопросъ объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ" („Меѳодіевскій Сборникъ") и друг. Ученикъ профессоровъ Бодянскаго и Безсонова, П. А. Кулаковскій, по окончаніи курса въ 1870 г. въ Московскомъ университетѣ, сперва учительствовалъ въ гимназіяхъ, затѣмъ отправился заграницу для спеціальныхъ изслѣдованій славянскихъ нарѣчій. По возвращеніи онъ былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Сербію для занятія въ только-что учрежденной въ 1878 году бѣлградской Великой Школѣ каѳедры русскаго языка и словесности. Послѣ защиты диссертаціи въ 1882 году на степень магистра славянской филологіи, читалъ съ 1884 г. лекціи русскаго языка въ Варшавскомъ университетѣ, съ 1886 г. по октябрь 1892 г. редактировалъ „Варшавскій Дневникъ" и съ 1892 г. занимаетъ каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Варшавскомъ университетѣ.

Передъ началомъ диспута П. А. Кулаковскій обратился къ собравшимся съ рѣчью, сущность которой состояла въ слѣдующемъ. Отмѣтивъ значеніе разработки исторіи возрожденія славянъ, диспутантъ указалъ на все возрастающій интересъ къ славянамъ въ Западной Европѣ и ихъ роль въ отношеніяхъ европейскаго запада къ Россіи. Затѣмъ онъ охарактеризовалъ положеніе славянъ въ началѣ ихъ возрожденія. По его мнѣнію, въ ту пору у славянъ не было не только сознанія ихъ общности, но не было даже сознанія единства въ отдѣльныхъ частяхъ одного и того же племени. Общія имена народности были мало извѣстны въ жизни,—населеніе охотнѣе различало себя или по мѣстности, гдѣ жило, или по вѣроисповѣданію, или

Digitized by Google

по какому-нибудь характерному признаку своего діалекта. Поэтому славянскихъ разновидностей было весьма много, и общее именованіе, предполагающее болѣе ясное національное самосознаніе, лично распространяется только при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Возрожденіе славянъ въ дѣйствительности началось во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Оно сопровождалось быстрымъ развитіемъ государственной жизни Россіи (выступленіемъ ея на поприще общеевропейской политики) и паденіемъ польскаго государства. Другія славянскія народности въ ту пору были лишены всякой политической силы, и почти не было надеждъ на воскрешеніе ихъ значенія. Интересъ къ нимъ былъ только археологическій.—Къ концу XVIII в. падаетъ польское государство, не вынесши своей роли, навязанной ему западной Европою, быть барьеромъ между нею и Россіей, и германскій міръ поспѣшилъ воспользоваться печальнымъ положеніемъ польскаго народа и раздробить по частямъ его территорію, ибо Польша оказалась для него уже ненужною по своей слабости. Одновременно съ этимъ начинается возрожденіе славянъ. Оно носитъ строго народный, демократическій характеръ. Диспутантъ отмѣтилъ два основныхъ типа возрожденія славянъ. Тамъ, гдѣ славяне были угнетены и подчинены только физически и матеріально, они возрождались прежде всего политически и вступали со своими завоевателями въ кровавую борьбу за независимость или сами по себѣ, или при помощи другихъ, отстаивая права своей народности. Но тамъ, гдѣ сила чужого господства опиралась на культурныхъ основахъ, на школѣ и гражданственности, — славяне должны были искать силъ и средствъ для борьбы въ томъ же оружіи, какимъ располагали ихъ завоеватели. Поэтому борьба ихъ за народность приняла въ началѣ видъ борьбы за право языка и его самостоятельное развитіе. Возрожденіе сербовъ и болгаръ, вообще славянъ Балканскаго полуострова, принадлежитъ первому типу. Первые признаки сербскаго возрожденія относятся къ концу XVIII в. Блестящій рядъ плановъ въ началѣ XIX в. отвоевалъ народу свободу въ одной изъ сербскихъ областей, а поддержка и защита Россіи въ извѣстной степени обезпечили свободу и независимость внутренняго развитія части сербскаго племени. Для борьбы съ турками сербы не нуждались въ орудіяхъ культуры, ибо въ культурномъ отношеніи они были выше своихъ завоевателей, и первые вожди сербовъ были люди неграмотные. Возрожденіе болгаръ какъ политическое, такъ и литературное совершилось недавно и при ближайшемъ участіи Россіи. Дѣятельность угрорусса Венелина, путешествовавшаго въ 1830 году по Болгаріи на средства Россійской Академіи, можно сказать, открыла болгаръ не только для другихъ, но и для самихъ болгаръ. Политическое воз-

Digitized by Google

рожденіе болгаръ произошло 16 лѣтъ тому назадъ, благодаря прямому участію Россіи. Иначе совершалось возрожденіе западныхъ и югозападныхъ славянъ, находившихся подъ властью германо-романскаго міра и культуры. У чеховъ въ послѣдней четверти XVIII в. являются первые провозвѣстники народнаго возрожденія, начинавшагося воскрешеніемъ литературы и языка. Является тогда же и интересъ къ изученію другихъ славянъ. Но этотъ интересъ къ народности былъ археологическій. Языкомъ этой ученой литературы былъ языкъ латинскій или нѣмецкій, и первые дѣятели литературнаго чешскаго возрожденія были словаки. Въ 1783 г. въ Пресбургѣ возникла первая газета на чешскомъ языкѣ: Presburske Slovenské noviny, подъ редакціей словака Яна Выскиденскаго, а въ 1785 г. — популярно-научное изданіе: Stare noviny literníhonmeni въ Зволенѣ, подъ редакціей словака Андрея Плахія. Разработка историческаго и литературнаго матеріала, особенно ученая дѣятельность Добровскаго подняла у чеховъ національное самосознаніе. Явилось стремленіе создать особую литературу на чешскомъ языкѣ, для чего нужно было приспособить самый языкъ, изгнанный изъ употребленія въ высшихъ и среднихъ кругахъ, но сохранившійся въ народныхъ массахъ. Отъ литературнаго возрожденія чехи стали стремиться къ политическому и вообще національному. — Возрожденіе словенцевъ въ началѣ носитъ почти исключительно грамматическій и славянскій характеръ,—на излишнее обиліе этихъ работъ указывалъ уже Челяковскій. Возрожденіе словенцевъ впервые отмѣчено Водникомъ, пѣвцомъ „Воскрешенной Иллиріи“, при основаніи Наполеономъ I — особаго управленія для „Иллирскихъ провинцій“. Обыкновенно каждая славянская народность старалась поднять одинъ изъ своихъ главныхъ діалектовъ до литературнаго употребленія. Въ этомъ отношеніи возрожденіе хорватовъ имѣетъ своеобразный характеръ. Оно началось борьбою хорватовъ съ мадьярами за права народности. Борьба эта изъ парламентской нерѣдко грозила перейти на поле кровавыхъ столкновеній, и первая ея стадія завершилась въ битвахъ 1848—49 годовъ. Подъ „правами народности“, изъ-за которыхъ началась эта борьба, сначала понимались лишь права привилегированныхъ классовъ. Воспитанная въ строгой католической школѣ и твердо отстаивавшая привилегію высшаго класса, хорватская интеллигенція вела борьбу съ мадьярами за права латинскаго языка, который считался даже lingua patria. Только въ 1847 г. удалось устранить этотъ языкъ изъ сеймовъ. Хорватское возрожденіе совершилось подъ защитою и прикрытіемъ теоріи Иллиризма, объединявшей всѣхъ юго-славянъ подъ именемъ Иллировъ. Оно охватило Далматію, Славонію и Хорватію, но главная дѣятельность вождей этого возрожденія сосредоточилась въ

Digitized by Google

провинціальной Хорватіи. Они поняли невозможность подъема своего мѣстнаго нарѣчія до степени языка литературы и приняли штокавское, сербско-далматическое, какъ языкъ общей литературы сербохорватской. Это оправдывалось ученіемъ Коллара о четырехъ главныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ и иллирской теоріей, а также и практическимъ расчетомъ выйти за тѣсную область небольшой Хорватіи. Можно было предполагать, что со временемъ произойдетъ полное сліяніе всѣхъ точныхъ и юго-западныхъ славянъ въ одной литературѣ, что проповѣдывалъ иллиризмъ. Провинціальные хорваты, отрекшись отъ обработки своего нарѣчія, создали для себя замѣтное положеніе на славянскомъ юго-западѣ. Иллирское движеніе носитъ характеръ демократическій. Если Иллиризмъ не достигъ всѣхъ своихъ цѣлей (политическихъ, объединенія въ языкѣ Болгаръ и Славянъ съ Сербами и Хорватами), то все же главная цѣль была почти достигнута; выработалось единство литературнаго языка для всѣхъ областей отъ крайнихъ восточныхъ границъ сербскаго племени до побережій Адріатики и западныхъ предѣловъ Хорватіи.

Положенія, извлеченныя изъ диссертаціи, слѣдующія:

1. Возрожденіе Хорватовъ произошло подъ тѣми же воздѣйствіями, при какихъ совершалось и у другихъ Славянъ: оно—въ связи съ общимъ ростомъ идеи національности въ Европѣ, и его сила и быстрота объясняются возвышеніемъ Россіи, какъ славянской державы. Толчокъ ему былъ данъ стремленіемъ Мадьяръ создать сильное мадьярское государство съ мадьярскимъ языкомъ, какъ общимъ для всѣхъ его народностей, для чего было нужно уничтоженіе правъ на національное развитіе всѣхъ другихъ народовъ Венгріи, по преимуществу Славянъ.

2. Въ то время какъ хорватскіе привилегированные классы отстаивали права латинскаго языка, какъ языка общегосударственнаго для всей Венгріи, въ хорватскихъ странахъ явилась мысль о возможности подъема народнаго языка до степени языка школы, учрежденій и литературы.

3. Возвышеніе мѣстнаго нарѣчія провинціальной Хорватіи на такую степень было невозможно по причинѣ малочисленности населенія, имъ пользующагося, а принятіе одинаковаго литературнаго языка со Словенцами не могло бы осуществиться и по причинамъ политическимъ.

4. Литературное возрожденіе Хорватовъ совершилось подъ покровомъ и защитою широкой идеи—объединенія Юго-славянъ въ литературѣ, благодаря иллирской теоріи, считавшей древнихъ Илировъ Славянами и объединявшей въ понятіи *Иллиры* всѣхъ Славянъ

Digitized by Google

рга. Это ученіе было распространене задолго до начала дѣятельности Гая.

5. Необходимость выработать единство правописанія, столь важное для литературнаго объединенія близкихъ по языку и историческимъ судьбамъ народностей, была сознана также раньше Гая, но Гай первый указалъ правильный практическій выходъ изъ этого положенія раздробленности для Юго-славянъ, пишущихъ латиницею.

6. Людевитъ Гай имѣетъ значеніе, какъ практическій дѣятель, иниціаторъ и проповѣдникъ ученій Иллиризма, и первый принялъ штокавское нарѣчіе, какъ языкъ новой словесности, общей для всѣхъ юго-западныхъ Славянъ.

7. Отношеніе Словенцевъ и Сербовъ къ иллирской теоріи было различно. Первые не могли принять въ литературу сербско-далматинско-хорватское нарѣчіе въ виду условій своего національнаго развитія, вторые не могли принять именованія себя *Иллирами* въ виду особенностей своего политическаго положенія.

8. Реформы Гая относительно языка литературы и правописанія у хорватскихъ Славянъ произошли подъ вліяніемъ ученія Коллара о славянской взаимности.

9. На иллирское возрожденіе вліяли ученые труды Шафарика и общеславянскій характеръ литературной дѣятельности Коллара, подъ воздѣйствіемъ которыхъ иллирскіе дѣятели и писатели развивали свои положенія объ единствѣ Юго-славянъ и общности ихъ литературнаго языка. Этимъ объясняется интересъ къ изученію народа, его быта, языка и преданій въ иллирскій періодъ литературы. Такое направленіе содѣйствовало въ Хорватіи демократическому перевороту, послѣдовавшему въ ея строѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

10. Въ періодъ Иллиризма не только создалась и развилась новая хорватская литература, но и произошло культурное возрожденіе Хорватовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Явилось стремленіе къ сближенію съ восточнымъ православнымъ Славянствомъ,—преимущественно съ Сербами.—Гай особенно много сдѣлалъ для этого въ первую половину иллирскаго періода,—отъ начала изданія *Иллирскихъ Новинъ* и *Даницы* до запрещенія употребленія словъ: *Иллиры, иллирскій* (11 января 1843 г.).

11. Сотрудники Гая и современные ему дѣятели литературы создали образцы во всѣхъ главныхъ видахъ словесности. Литературныя произведенія носили патріотическій характеръ съ политическою тенденціею и содѣйствовали общему подъему народнаго самосознанія у Хорватовъ.

12. Главнѣйшій результатъ Иллиризма—объединеніе Сербовъ и Хорватовъ въ языкѣ и литературѣ. Словенцы въ своей литературѣ

Digitized by Google

постепенно сближаются съ этимъ общимъ языкомъ двухъ болѣе сильныхъ народностей Славянскаго юга.

Первый официальный оппонентъ В. И. Ламанскій высказалъ лестную похвалу труду диспутанта, очень цѣнному вкладу въ науку, представляющему несомнѣнно лучшее, что написано объ Иллиризмѣ, отмѣтивъ при этомъ, что самая тема, избранная авторомъ, опредѣляетъ важное значеніе и интересъ его работы, такъ какъ извѣстно, какую выдающуюся роль играли Хорваты въ судьбахъ Австро-Венгріи и въ старину, и въ то время.

Далѣе оппонентъ указалъ на тѣ недостатки и пробѣлы, которые онъ замѣтилъ въ книгѣ г. Кулаковскаго.

Довольно существеннымъ пробѣломъ онъ считаетъ то, что авторъ, приступая къ изложенію своей темы, не познакомилъ читателей съ тогдашнимъ положеніемъ Хорватіи, много отличающимся отъ нынѣшняго. Надо было выяснить что представляла собой тогдашняя собственная Хорватія (провинція)—страна маленькая, съ малочисленнымъ, бѣднымъ, угнетеннымъ въ крѣпостной зависимости и мало культурнымъ населеніемъ. Такое введеніе освѣтило бы значительно въ глазахъ читателя-неспеціалиста вопросъ объ интересномъ движеніи. Съ этимъ замѣчаніемъ согласился и диспутантъ.

Далѣе, по мнѣнію проф. Ламанскаго, въ принятіи Хорватами штокавскаго языка въ литературу въ видахъ литературнаго объединенія юго-западныхъ славянъ нельзя видѣть особеннаго самопожертвованія и самоотреченія, ибо это было дѣло лишь немногихъ представителей ихъ интеллигенціи.

Въ отзывахъ автора о хорватскихъ писателяхъ и литературѣ того времени оппонентъ видитъ иногда слишкомъ преувеличенныя похвалы (напр. о ст. Вразѣ), не совсѣмъ-де умѣстныя въ русскомъ сочиненіи, въ которомъ можно бы ждать болѣе строгаго отношенія и взгляда. Впрочемъ, съ этимъ упрекомъ авторъ не могъ вполнѣ согласиться.

Наконецъ, оппонентъ остановился подробнѣе на личности Л. Гая, этой центральной фигуры въ исторіи иллирскаго движенія, находя, что г. Кулаковскій слишкомъ ее возвеличилъ и идеализировалъ. Оппонентъ указалъ по личнымъ воспоминаніямъ своимъ на рядъ свидѣтельствъ современниковъ, рисующихъ нравственный характеръ и внутреннія побужденія Гая въ очень некрасивомъ свѣтѣ. Онъ сослался, между прочимъ на извѣстные ему частные отзывы такихъ достойныхъ русскихъ людей и славянскихъ дѣятелей (покойныхъ), какъ протоіерей Раевскій, Фрейгангъ и Ѳ. В. Чижовъ, изъ частнаго письма котораго проф. Ламанскій и прочелъ тутъ же выдержку.

Вторымъ официальнымъ оппонентомъ выступаетъ проф. А. И.

Digitized by Google

Соболевскій. Онъ началъ и кончилъ свои возраженія столь же лестнымъ отзывомъ о диссертаціи П. А. Кулаковскаго, этой первой и единственной поучительной и прекрасной книгѣ о такъ называемомъ Иллиризмѣ. Перечисляя замѣченные имъ недочеты въ этомъ трудѣ, онъ нашелъ, что авторъ придалъ этому національному и литературному движенію слишкомъ самостоятельный характеръ (по его происхожденію и развитію), каковой оппонентъ за нимъ отрицалъ, сопоставляя его съ національнымъ возрожденіемъ въ Галиціи, еще болѣе раннимъ въ Чехіи, и усматривая подражаніе въ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ хорватскихъ патріотовъ. Эти дѣйствія представляются ему какъ бы списаннымн, въ нихъ слишкомъ мало своего.

Затѣмъ проф. Соболевскій упрекнулъ диспутанта въ томъ, что онъ, имѣя на первомъ планѣ литературное возрожденіе Хорватовъ, очень подробно разъясняетъ политическую сторону движенія, а литературнымъ явленіямъ не всегда отводитъ достаточно мѣста, не достаточно характеризуетъ и выясняетъ литературное развитіе и особенно тѣ литературныя вліянія, которыя въ ту пору господствовали у Хорватовъ. Ссылки и указанія автора часто слишкомъ общи: говоря, напримѣръ, о переводахъ изъ иностранныхъ литературъ, онъ не отмѣчаетъ съ достаточной полнотой, что̀ именно переводилось, а это между тѣмъ важно для характеристики литературнаго движенія. Наконецъ, оппонентъ отмѣтилъ нѣсколько мелкихъ неточностей въ книгѣ.

Въ заключеніе изъ публики выступило нѣсколько посторонннхъ лицъ съ своими замѣчаніями—хорватъ г. Геруцъ и двое слушателей Спб. университета черногорецъ (г. Томичъ) и албанецъ. Замѣчанія эти состояли, главнымъ образомъ, въ выраженіи искреннихъ похвалъ и признательности (всѣ лица южнаго словянства) автору за обогащеніе славянской науки столь капитальнымъ трудомъ, притомъ написаннымъ вполнѣ объективно и безпристрасно. Впрочемъ замѣчаніе студента-серба касалось и самаго существа вопроса объ иллирскомъ движеніи, въ которомъ онъ старался оттѣнить роль и значеніе собственно сербскаго элемента.

Отчетъ о занятіяхъ исторической коммиссіи учебнаго отдѣла при Московскомъ Обществѣ Распространенія Техническихъ Знаній.

Засѣданіе 10 февраля 1892 г. В. А. Фукс прочелъ свою „Подробную схему по исторіи Востока“, расчитанную на прохожденіе въ 6 уроковъ и приспособленную скорѣе для III класса, чѣмъ для IV.

Е. Н. Щепкинъ предложилъ исключить изъ курса древней исто-

Digitized by Google

ріи Востока—исторію евреевъ, которая гораздо подробнѣе проходится догматически на урокахъ Закона Божія, а здѣсь ограничиться лишь немногими крупными фактами внѣшней и бытовой исторіи ихъ, съ цѣлью освѣтить Библію уже какъ историческій источникъ.

Затѣмъ *Р. Ю. Виппер*ъ прочелъ изложеніе исторіи индусовъ, какъ онъ ее обычно трактуетъ на своихъ урокахъ. Красная нить единственнаго посвящаемаго исторіи Индіи часа—религіозное развитіе индусовъ. Ведійскій періодъ излагается коротко, браминскій же и буддійскій подробнѣе; обращено вниманіе на развитіе кастъ, униженное положеніе низшихъ изъ нихъ, на кастовое неравенство душъ даже въ загробной жизни, на развитіе аскетизма, проповѣдь Сакья-Муни и упорную борьбу брамановъ съ буддизмомъ.

*Е. Н. Щепкин*ъ въ своихъ возраженіяхъ указалъ на то, что исторія индусовъ важна для характеристики ира-арійской культуры—главнымъ образомъ, естественной религіи и родового строя, общаго всѣмъ аріямъ до ихъ разселенія. Поэтому важны въ исторіи Индіи не послѣдніе періоды, а первый, ведійскій, какъ болѣе близкій къ эпохѣ разселенія арійцевъ. Собраніе, по предложенію *Р. Ю. Виппера*, признало оба варіанта урока по исторіи Индіи—имѣющими за себя солидныя основанія и заслуживающими равнаго вниманія.

*Засѣданіе 24 февраля. Е. Н. Щепкин*ъ сдѣлалъ устный докладъ о принятыхъ въ Англіи учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ по исторіи, нѣкоторыя изъ которыхъ и демонстрировалъ собранію.

*Засѣданіе 16 марта Е. Н. Щепкин*ъ доложилъ свою „максимальную" схему по новой исторіи Англіи [1]). Рѣшено обсуждать ее по періодамъ. Относительно эпохи Тюдоровъ—*В. А. Фукс*ъ указалъ, что надо рельефнѣе отмѣтить національное направленіе политики Тюдоровъ и мѣстныя условія, вліянія на выработку отношеній между церковью и государствомъ, а проф. *П. Г. Виноградов*ъ находилъ нужнымъ подробнѣе охарактеризовать англиканизмъ, при Генрихѣ VIII болѣе подчеркнуть секуляризацію церковныхъ имуществъ, благодаря которой создался новый слой дворянства, а образованіе джентри отнести въ исторію Среднихъ Вѣковъ и разсказывать объ этомъ въ связи съ образованіемъ парламента и столѣтней войной.

По эпохѣ Стюартовъ—*А. Ѳ. Гартвиг*ъ предложено охарактеризовать понятія Іакова I о своей власти отрывкомъ какой-либо изъ его рѣчей въ парламентѣ (съ чѣмъ референтъ согласился). *С. Ѳ. Фортунатов*ъ—предложилъ кое-что выпустить для облегченія учащихся; изъ Petition of right привести два требованія—налогахъ и арестахъ; возможно яснѣе обозначить преобладаніе пресвитеріанъ въ парламентѣ,

[1]) Статья эта была помѣщена въ „Историческомъ Обозрѣніи (т. VI).

Digitized by Google

а индепендентовъ въ войскѣ; указать на непарламентскій образъ правленія Кромвеля, облегчившій реставрацію; упомянуть о поднесеніи Кромвелю короны и о Вербонскомъ парламентѣ. *П. Г. Виноградовъ* находилъ нужнымъ говорить подробнѣе о сектантахъ: квэкерахъ и милленаріяхъ. *В. А. Фуксъ* указалъ на главныя положенія, которыя должны быть усвоены учениками объ этомъ періодѣ, это: 1) антинаціональная внутренняя и внѣшняя политика Стюартовъ; 2) религіозный характеръ англійской революціи; 3) важное значеніе личности Кромвеля. Въ изложеніи революціи 1688 г. *С. Ѳ. Фортунатовъ* предложилъ выдвинуть процессъ епископовъ, внесшій разладъ между коренными принципами торизма, преданностью англиканству и королю,—и заставившій торіевъ пожертвовать послѣднимъ во имя перваго и соединиться съ своими врагами—вигами для изгнанія Іакова II.

Въ томъ же засѣданіи *О. П. Герасимовъ* сдѣлалъ устный докладъ о преподаваніи исторіи Греціи въ эпоху греко-персидскихъ войнъ; выборъ фактовъ въ его программѣ мало отличается отъ общепринятаго, но, по его мнѣнію, для общаго освѣщенія эпохи надо выяснить два вопроса: 1) *Какое мѣсто вообще въ учебникѣ должно занимать описаніе войнъ?* По мнѣнію докладчика, войнамъ въ учебникѣ вообще отводится слишкомъ много мѣста, особенно же—въ исторіи грековъ и римлянъ. 2) *Вопросъ о героизмѣ Грековъ.* Героизмъ надо представить явленіемъ мѣстнымъ, связаннымъ съ городскимъ устройствомъ. Надо выяснить дурное состояніе персидскихъ войскъ, недостатокъ у нихъ провіанта, потерю кораблей. О битвахъ Марѳонской и Саламинской надо говорить короче, чѣмъ въ принятыхъ учебникахъ; до Марѳона не упоминать ни одного похода; за то надо выдвинуть періодъ объединенія въ связи съ первоначальной организаціей Делосскаго союза, и дѣятельность Кимона, а превращеніе аѳинскихъ союзниковъ въ подданныхъ отнести къ времени Перикла.

П. Г. Виноградовъ въ преніяхъ указалъ, что объясненіе успѣха войны патріотизмомъ грековъ имѣетъ за себя основанія, такъ какъ подъемъ духа былъ, дѣйствительно, замѣчательный. Хотя панэллинскаго патріотизма еще не было, но сознаніе единства уже существовало. Надо постоянно указывать на зависимость силы войска Персовъ отъ ихъ флота: разбитъ флотъ, гибнетъ и войско. Въ изложеніи греко-персидскихъ войнъ вообще важны культурныя черты: сплоченный строй греческихъ городовыхъ ополченій—и раздробленное, разсыпающееся персидское войско. Въ разсказѣ о войнахъ вообще всегда выдвигается важный историческій законъ: война есть сплачивающій элементъ, что и проявилось въ греческой исторіи.

С. Ѳ. Фортунатовъ предложилъ поставить патріотизмъ Аѳинъ въ

Digitized by Google

связь съ ихъ демократической организаціей и указать, что аристократы сносились съ Персами. Докладчикъ согласился съ этими замѣчаніями.

Засѣданіе 13 апрѣля. В. М. Михайловскій сдѣлалъ сообщеніе объ „Основныхъ началахъ преподаванія исторіи въ американскихъ школахъ". Какъ и въ Англіи, цѣлью преподаванія исторіи въ Америкѣ ставится—объясненіе учащимся прошедшаго и настоящаго родины, подготовленіе изъ нихъ хорошихъ гражданъ и политически-развитыхъ дѣятелей. Въ курсъ исторіи введены слѣдующіе отдѣлы: исторія евреевъ, грековъ, римлянъ, Англіи и Америки; исторія среднихъ вѣковъ вовсе не проходится по причинѣ ея трудности для учащихся. Кромѣ того, существуетъ особый пропедевтическій курсъ, посвященный мѣстной исторіи и имѣющій цѣлью возбудить интересъ къ предмету живымъ изложеніемъ фактовъ. Затѣмъ, докладчикъ остановился на изданномъ Стэнли Холлемъ (Stanley Hall) сборникѣ, въ которомъ различными авторами отмѣчены недостатки въ постановкѣ преподаванія исторіи и указаны мѣры къ подъему уровня этого преподаванія. Къ числу слабыхъ сторонъ дѣла относятся: недостаточная подготовка многихъ преподавателей, обремененіе ихъ уроками, недостатокъ учебнаго времени; механичность метода преподаванія—и въ результатѣ—нелюбовь учениковъ къ предмету. Въ числѣ желательныхъ методическихъ пріемовъ намѣчены: 1) чтеніе руководства всѣмъ классомъ съ помощью учителя; 2) чтеніе отрывковъ изъ историческихъ писателей; 3) изученіе исторической карты; 4) чтеніе поэтической литературы и изученіе стихотвореній съ историческимъ содержаніемъ; 5) самостоятельная работа учениковъ—въ видѣ отысканія параллельныхъ явленій въ древней и новой исторіи; 6) отвѣты на вопросы учителя, составляемые учениками на основаніи чтенія научныхъ сочиненій, и совмѣстное обсужденіе такихъ отвѣтовъ; 7) составленіе учителями конспектовъ, какъ руководствъ при занятіяхъ,—съ указаніемъ на литературу вопросовъ; 8) устройство классныхъ библіотекъ изъ подходящихъ сочиненій; 9) черченіе карты и т. д. Вообще, замѣтно, что составители сборника обращаютъ мало вниманія на учебникъ, а болѣе всего—на самостоятельное чтеніе учениковъ и переработку ими воспринимаемаго матеріала.

Въ томъ же засѣданіи *М. К. Любавскій* прочелъ начало своего „Опыта программы для руководства при преподаваніи русской исторіи". Неудовлетворительные результаты отъ преподаванія исторіи въ средней школѣ зависятъ, по мнѣнію референта, между прочимъ, отъ слѣдующихъ трехъ причинъ: 1) историческія обобщенія и выводы не стоятъ въ связи съ матеріаломъ учебника, а даются отдѣльно и помимо сообщаемыхъ въ учебникѣ фактовъ; 2) ученики сами не участвуютъ въ полученіи этихъ обобщеній и выводовъ; 3) при препода-

Digitized by Google

ваніи нѣтъ строгаго плана и экономіи, такъ что дается много лишняго, за то иногда нѣтъ необходимаго. Для исправленія перваго недостатка въ учебникѣ долженъ быть на лицо весь матеріалъ, необходимый для выводовъ и обобщеній, намѣченныхъ по строго обдуманному плану; при этомъ, конечно, разказъ учителя отнюдь не исключается. Во-вторыхъ, ученики должны *сами* подъ руководствомъ учителя дѣлать эти выводы и обобщенія на основаніи хорошо изученнаго матеріала; причемъ всѣ пункты выводовъ должны быть заранѣе строго расчитаны, такъ чтобы въ концѣ у учениковъ составилось осмысленное представленіе объ историческомъ процессѣ. Третій недостатокъ можно исправить переработкой существующихъ учебниковъ. „Опытъ программы" составляется изъ ряда сгруппированныхъ по отдѣламъ вопросовъ, охватывающихъ собою все содержаніе русской исторіи, и объясненій къ нимъ, въ которыхъ указано, что изъ матеріала, нужнаго для отвѣта на вопросъ, есть въ учебникахъ и какихъ именно,— чего нѣтъ и что, слѣдовательно, должно быть въ нихъ внесено, чтобы сдѣлать ихъ болѣе отвѣчающими цѣли. Всего вопросовъ около 140, раздѣленныхъ на слѣдующія группы:

1) Колонизація, 2) Этнографическій составъ населенія, 3) Политическая исторія, 4) Верховная власть на Руси и ея носители, 5) Управленіе въ Россіи, 6) Сословія въ Россіи, 7) Церковь, значеніе и положеніе духовенства, 8) Матеріальная и духовная культура.

Чтеніе вопросовъ и объясненій отложено за позднимъ временемъ до дальнѣйшихъ засѣданій.

Въ *засѣданіи 27 апрѣля* происходили выборы бюро.

За отказомъ предсѣдателя А. И. Поливанова, товарища предсѣдателя В. Н. Беркута и секретаря Р. Ю. Виппера войти въ составъ бюро на слѣдующій $189^{9}/_{0}$ академическій годъ избраны: предсѣдателемъ—проф. П. Г. Виноградовъ, товарищемъ предсѣдателя М. К. Любавскій, секретарями: О. П. Герасимовъ, С. В. Зенченко и А. А. Кизеветтеръ.

Въ засѣданіи 28 сентября проф. *П. Г. Виноградовъ* прочелъ рефератъ о планѣ „книги для чтенія по всеобщей исторіи". Изъ трехъ задачъ, поставленныхъ себѣ секціею, (составленіе 1) нормальной программы, 2) желательнаго учебника, 3) книги для чтенія, или христоматіи),—по мнѣнію референта, только послѣдняя можетъ быть разрѣшена непосредственно секціею. Къ внутреннимъ побужденіямъ въ этомъ случаѣ присоединяется и внѣшній поводъ—назначеніе Учен. Комит. при Мин. Нар. Просв. преміи за книгу для чтенія по средневѣковой исторіи.

Поэтому референтъ предложилъ секціи организоваться для составленія книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ.

Книга должна состоять изъ ряда болѣе или менѣе живо изложен-

Digitized by Google

ныхъ очерковъ, пріуроченныхъ къ замѣчательнымъ личностямъ, съ библіографическимъ и педагогическимъ указателемъ. Для составленія христоматіи образуется 4 подкомиссіи, соотвѣтственно 4 отдѣламъ программы (см. прилагаемую программу).

Открывшіяся затѣмъ пренія вращались, главнымъ образомъ, около двухъ вопросовъ:

1) Можно ли вводить въ книгу для чтенія отрывки изъ источниковъ, напр., изъ варварскихъ правдъ?

2) Нужны ли указанія библіографическія и педагогическія (примѣрныя темы для сочиненій)?

По первому вопросу было признано неудобнымъ вносить въ книгу слишкомъ большое число отрывковъ изъ источниковъ, потому что это затруднило бы учениковъ и безъ особой нужды увеличило бы цѣну книги. Второй вопросъ рѣшенъ утвердительно. Библіографическій указатель въ концѣ книги признанъ необходимымъ для преподавателей. Примѣрныя темы также всего удобнѣе выбрать самимъ составителемъ книги. Особенно важно имѣть подобныя темы учителямъ русскаго языка, которые часто не знаютъ, какими историческими свѣдѣніями располагаютъ ихъ ученики.

По поводу плана хрестоматіи были сдѣланы возраженія *М. С. Корелинымъ*, который находилъ неудобнымъ включать въ книгу по среднимъ вѣкамъ эпоху возрожденія: средняя исторія должна заканчиваться разрушеніемъ средневѣковаго быта. *П. Г. Виноградовъ* возразилъ на это, что если мы римскую имперію и христіанство, разрушившее античное міровоззрѣніе, вносимъ въ древнюю исторію, съ такимъ же правомъ можетъ быть отнесено къ средневѣковой культурѣ Возрожденіе, которое ее разрушило.

Большинствомъ голосовъ принятъ планъ проф. Виноградова.

Внѣшняя организація дѣла составленія хрестоматіи была установлена слѣдующая: изъ коммиссіи выдѣлились 4 подкоммиссіи, по одной для каждаго отдѣла „хрестоматіи“. Онѣ должны были распредѣлить матеріалъ и по мѣрѣ обработки его дѣлать доклады коммиссіи. Въ засѣданіи 12 октября была организована еще одна подкоммиссія, спеціально для подготовки статей по исторіи славянскихъ народовъ. Въ эти 5 подкоммиссій, засѣданія которыхъ происходили еженедѣльно, вошли почти всѣ члены исторической секціи.

Приложеніе къ протоколу засѣданія 28 сентября 1892 года.

Предложенія П. Г. Виноградова, принятыя секціей:

1) Секція образуется для составленія книги для чтенія по Исторіи Среднихъ Вѣковъ.

Digitized by Google

2) Книга для чтенія должна состоять изъ ряда живоизложенныхъ очерковъ. Кромѣ того, въ нее войдутъ библіографическія и педагогическія указанія (примѣрныя темы для сочиненій).

3) Ближайшее засѣданіе секціи будетъ посвящено составленію пяти комиссій для разработки матеріала по хрестоматіи.

Планъ распредѣленія матеріала. (Раздѣленіе на четыре основныхъ отдѣла принято секціей).

I. Образованіе средневѣковаго міра.
   1. Переселеніе народовъ.
   2. Имперія VI—VIII в.в.
   3. Исламъ.
   4. Каролингская монархія.

II. Феодальная эпоха.
   1. Феодализмъ.
   2. Папство и имперія.
   3. Крестовые походы.
   4. Средневѣковая культура.

III. Новыя государства.
   1. Англія.
   2. Франція.
   3. Пиренейскій полуостровъ.
   4. Италія.
   5. Германія.
   6. Скандинавскія государства.
   7. Славяне.
   8. Византія и мусульманскій міръ.

IV. Возрожденіе.
   1. Церковь.
   2. Литература.
   3. Изобрѣтенія и открытія.

Засѣданіе 12 октября. Обсуждался вопросъ перваго отдѣла хрестоматіи по средневѣковой исторіи (образованіе средневѣковаго міра). Пренія сосредоточивались около вопроса о хронологическихъ рамкахъ книги. Е. Н. Щепкинъ предложилъ начать хрестоматію характеристикой діоклетіано-константиновской монархіи. При этомъ средневѣковая исторія открывалась бы двумя капитальными фактами—утвержденіемъ христіанства и бюрократической реформой. Въ пользу такого распредѣленія матеріала говоритъ и примѣръ новѣйшихъ учебниковъ (французскихъ), которые начинаютъ средніе вѣка имперіей IV вѣка. П. Г. Виноградовъ находилъ болѣе удобнымъ отнести имперію IV вѣка и утвержденіе христіанства къ древней исторіи, какъ ея естественное заключеніе, а средніе вѣка начинать

Digitized by Google

переселеніемъ народовъ. Кромѣ того, при схемѣ Е. Н. Щепкина трудно указать хронологически точно начало среднихъ вѣковъ: будетъ ли исходной точкой правленіе Діоклетіана или никейскій соборъ или, наконецъ, правленіе Ѳеодосія Великаго? Затѣмъ, нужно принимать въ расчетъ и то, что книга для чтенія не должна быть слишкомъ обширна, иначе она будетъ неудобна для школы; поэтому лучше начинать не слишкомъ ранней эпохой. Комиссія согласилась съ мнѣніемъ проф. Виноградова.

По тѣмъ же основаніямъ комиссія отклонила предложеніе С. Н. Моравскаго—помѣстить характеристику имперіи V вѣка.

Остальная часть засѣданія была посвящена организаціоннымъ вопросамъ.

Засѣданіе 2 ноября. М. К. Любавскій приступилъ къ чтенію своего реферата: „Опытъ программы для руководства при преподаваніи русской исторіи". Повторивъ сначала ту часть реферата, которая уже была прочитана въ засѣданіи 13 апрѣля 1892 года, докладчикъ прочелъ рядъ вопросовъ, относившихся къ исторіи управленія, сопровождая ихъ своими объясненіями.

Отложивъ разсмотрѣніе прочитанной части реферата до слѣдующаго засѣданія, собраніе обсудило лишь нѣкоторые вопросы общаго характера, затронутые во введеніи: 1) какой характеръ должно имѣть *изложеніе* учебника, конспективный или распространенный и 2) какого рода *матеріалъ* долженъ быть преимущественно вводимъ въ содержаніе учебника: факты или общіе выводы?

М. К. Любавскій и М. П. Боголѣповъ доказывали необходимость подробнаго изложенія: ходъ событій не будетъ запоминаться безъ детальнаго, конкретнаго разсказа о нихъ. Притомъ же, усвоивая подробное изложеніе, ученикъ пріучается къ связной рѣчи и знакомится съ исторической терминологіей.

О. П. Герасимовъ именно это находилъ нежелательнымъ: ученики должны не усвоивать готовые обороты, а привыкать къ самостоятельному изложенію мыслей. Общіе выводы и фактическій матеріалъ одинаково необходимо входятъ въ содержаніе учебника, но изложеніе выводовъ должно быть подробнѣе изложенія фактовъ, потому что факты легко запоминаются изъ живого класснаго разсказа учителя, а выводы постоянно приходится ученикамъ напоминать. П. Г. Виноградовъ высказался въ пользу изложенія средняго между краткимъ конспектомъ (напримѣръ Гербста) и подробнымъ разсказомъ (новѣйшіе французскіе учебники), причемъ конспективность должна достигаться не отрывочностью изложенія, а строгимъ выборомъ сообщаемыхъ фактовъ.

Въ засѣданіи 16 ноября комиссія перешла къ обсужденію

Digitized by Google

отдѣльныхъ вопросовъ, поставленныхъ въ рефератѣ М. К. Любавскаго. П. Н. Милюковымъ было сдѣлано замѣчаніе общаго характера о необходимости расчленить многіе поставленные референтомъ вопросы на рядъ болѣе подробныхъ, отдѣльныхъ вопросовъ, которые бы ближе указывали на историческій матеріалъ, обусловливающій предполагаемые отвѣты на нихъ учениковъ. Затѣмъ, относительно 3-й части реферата („политическая исторія"), по 9-му вопросу („Какія обстоятельства способствовали собиранію сѣверо-восточной Руси подъ властію Москвы")? А. А. Кизеветтеръ предложилъ подчеркнуть отсутствіе солидарности между удѣльными князьями и удѣльными обществами въ моментъ паденія удѣловъ. По 17-му вопросу, „какія причины породили явленія смутнаго времени въ московскомъ государствѣ?".—П. Н. Милюковъ не согласился съ указаніемъ М. К. Любавскаго на отсутствіе самодѣятельности мѣстныхъ обществъ и господство административной централизаціи, какъ на причину означенныхъ явленій: смутное время какъ-разъ представляетъ примѣры живучести отрицаемой референтомъ самодѣятельности общества.

Обсужденіе доклада М. К. Любавскаго продолжалось и въ засѣданіи *30 ноября*. Обсуждались вопросы по отдѣлу: „Верховная власть на Руси и ея носители". По первому вопросу: „Чѣмъ отличалась власть московскаго государя отъ власти древне-русскихъ князей, и какъ произошло это отличіе?", П. Г. Виноградовъ обратилъ вниманіе на то, что при такомъ противоположеніи московскихъ государей древне-русскимъ князьямъ выпадаетъ переходная форма—типъ князей суздальскихъ и владимирскихъ. Референтъ отвѣтилъ, что онъ, имѣя въ виду схему Сергѣевича, признаетъ необходимымъ рѣзкое противопоставленіе отмѣченныхъ имъ типовъ, самый же вопросъ предлагаетъ формулировать точнѣе, такимъ образомъ; „Чѣмъ отличалась власть южно-русскихъ князей XI—XII в. отъ власти московскаго великаго князя XIV вѣка?".

По 4-му вопросу: „что новаго внесъ въ идею русской самодержавной власти Петръ Великій?",—П. Г. Виноградовъ остановился на томъ, въ какой степени можно связать Петра съ западнымъ теченіемъ, приведшимъ къ просвѣщенному абсолютизму. Е. Н. Щепкинъ возразилъ, что и до знакомства съ западными идеями дѣятельность Петра отличалась тѣмъ же характеромъ, и считалъ общее направленіе его дѣятельности фактомъ его личной психологіи. П. Н. Милюковъ отмѣтилъ возможность вліянія Гордона въ дѣлѣ ознакомленія Петра съ западными идеями. П. Г. Виноградовъ полагалъ, что возможно указать, какъ на результатъ западнаго вліянія, на перемѣщеніе основанія царской власти, выразившееся внѣшнимъ образомъ въ отмѣнѣ придворнаго церемоніала. Сущность власти,—работа на пользу

Digitized by Google

государства,—выдвигается на первое мѣсто, внѣшнія формы отступаютъ на второй планъ.

Изъ слѣдующаго отдѣла вопросовъ („Объ управленіи въ Россіи") пренія возбудилъ вопросъ 1-й: „когда возникли приказы въ древней Россіи, какое учрежденіе замѣнило ихъ въ XVIII и XIX в.в. и какая между ними разница?". Е. Н. Щепкинъ замѣтилъ, что слѣдовало бы упомянуть объ отношеніи приказовъ къ Боярской Думѣ. П. Г. Виноградовъ указалъ на то, что и на западѣ, и у насъ переходъ отъ вотчиннаго управленія къ бюрократіи,—въ данномъ случаѣ отъ приказовъ къ министерствамъ,—стоитъ въ связи съ общимъ развитіемъ государственнаго строя. Коллегія только переходная форма, поэтому нѣтъ надобности подробно на ней останавливаться: слѣдуетъ выдвинуть крайніе моменты развитія,—приказы и министерства. Съ этимъ не согласился П. Н. Милюковъ, который приписывалъ коллегіямъ болѣе самостоятельное значеніе, указывая на связь учрежденія и исторіи коллегій съ реформами областного управленія.

Въ засѣданіи 14 декабря продолжалось обсужденіе отдѣла „Управленіе въ Россіи". Пренія возбудилъ 7-й вопросъ: „что новаго внесли въ мѣстное управленіе реформы Александра II?" Возникли два вопроса: 1) нужно ли говорить о перемѣнахъ, осуществившихся въ царствованіе Александра III? 2) Насколько подробно слѣдуетъ излагать реформы Александра II? Первый вопросъ былъ рѣшенъ всѣми утвердительно, а относительно второго произошло разногласіе: Е. Н. Щепкинъ и В. Н. Беркутъ считали необходимымъ наивозможно краткое изложеніе, причемъ первый указывалъ на трудность этого отдѣла, а второй на то, что подробное изложеніе его отниметъ мѣсто у изложенія болѣе раннихъ періодовъ, что нежелательно, такъ какъ недочетъ въ свѣдѣніяхъ по новѣйшей исторіи пополнится учениками послѣ, а недочетъ въ свѣдѣніяхъ по болѣе раннимъ періодамъ никогда. На это были сдѣланы возраженія П. Г. Виноградовымъ и О. П. Герасимовымъ, которые считали необходимымъ очень подробное изложеніе реформъ Александра II и Александра III въ виду того, что это даетъ ученикамъ полное и ясное представленіе объ учрежденіяхъ, съ которыми имъ придется имѣть дѣло въ жизни; надѣяться же на то, что они познакомятся съ ними сами впослѣдствіи, рискованно.

По поводу 11-го вопроса: „когда въ Россіи издавались собранія законовъ и какъ создавались русскіе законы?"—А. А. Кизеветтеромъ указано было на необходимость упомянуть уставныя грамоты въ связи съ судебниками, а М. Н. Покровскимъ—на необходимость остановиться на весьма характерной псковской грамотѣ.

По окончаніи обсужденія реферата М. К. Любавскаго, С. П. Моравскій доложилъ о дѣятельности 1-й подкомиссіи, изъ числа

Digitized by Google

организованныхъ для составленія книги для чтенія (христоматіи) по среднимъ вѣкамъ. Затѣмъ имъ же былъ прочитанъ планъ статьи „о германцахъ",, составленной имъ для этой христоматіи [1]).

Предметомъ засѣданія *8 февраля 1893* г. были вопросы, стоявшіе въ связи съ составленіемъ книги для чтенія. М. П. Боголѣповъ указывалъ на то, что отдѣльныя статьи не должны быть велики (3—4 страницы формата хрестоматіи Гуревича), чтобы каждую изъ нихъ можно было прочесть въ классѣ. П. Г. Виноградовъ замѣтилъ, что сверхъ класснаго остается еще домашнее, внѣклассное чтеніе, гдѣ размѣръ статьи не имѣетъ рѣшающаго значенія; впрочемъ, по возможности, большія статьи будутъ раздѣляться на ихъ естественныя составныя части. Затѣмъ, Е. Н. Щепкинъ доложилъ о результатахъ работъ второй подкомиссіи („Феодальная эпоха"), а Н. Г. Тарасовъ прочелъ готовый текстъ своей статьи „О романскомъ стилѣ архитектуры".

Засѣданіе 22 февраля. Обсуждался проектъ статьи А. Е. Крымскаго „Магометъ и происхожденіе Ислама", предназначенной для помѣщенія въ „Христоматіи". По прочтеніи авторомъ плана статьи, П. Г. Виноградовъ указалъ на то, что спорные пункты сводятся къ тремъ главнымъ: 1) въ какой степени должна быть дана патологическая характеристика Магомета? 2) Слѣдуетъ ли проводить рѣзкую

---

[1]) Планъ 1-го отдѣла „Книги для чтенія".

гл. 1-я *Германцы.*

1) Бытъ германцевъ по Цезарю и Тациту.
2) Германское язычество и принятіе христіанства. (Язычество, біографія Бонифація, отрывки изъ Эдды).
3) Аларихъ.
4) Меровингское общество.
5) Теодорихъ В.
6) Варварскія правды.

(Таксы за обиды и увѣчья, месть и выкупъ, судопроизводство-ордаліи, судебные поединки, соприсяжничество; рабы, знать, картина судебныхъ засѣданій по Григорію Турскому).

гл. 2-я *Имперія и Папство.*

1) Григорій I; 2) Юстиніанъ; 3) Иконоборство.

гл. 3-я *Исламъ.*

1) Магометъ, 2) Коранъ, 3) Арабская культура, 4) Сцены завоеванія.

гл. 4-я *Каролинги.*

1) Личность и культурная дѣятельность Карла Великаго.
2) Восточная политика Карла (Саксы, Славяне, Авары).
3) Возстановленіе западной Имперіи.
4) Капитулярія.

Digitized by Google

грань между обманомъ и самообманомъ при трудности ихъ разграниченія? 3) Оцѣнка роли Магомета въ развитіи Ислама. Относительно перваго вопроса пришли къ заключенію, что слѣдуетъ, не опредѣляя точно болѣзни Магомета, подчеркнуть нѣкоторыя характерныя черты ея: присутствіе сознанія въ моментъ припадка и наклонность больныхъ такого рода считать дѣйствительностью произведенія своей фантазіи. Пренія по второму вопросу въ сущности сосредоточились на томъ, принимать или не принимать мнѣніе Шпренгера (одного изъ біографовъ Магомета), что основатель Ислама не стѣснялся прибѣгать къ обману. О. П. Виноградовъ и П. Г. Герасимовъ указывали на то, что факты, приводимые Шпренгеромъ, получаютъ совсѣмъ иное освѣщеніе, если принять въ расчетъ болѣзненное состояніе Магомета. Но большинство комиссіи находило, что, даже и съ этой оговоркой, приходится признать мнѣніе Шпренгера достаточно обоснованнымъ. Точно также и по 3-му вопросу, о роли Магомета, какъ основателя Ислама (референтъ, вслѣдъ за нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями, выдвигаетъ на первый планъ личность Омара), комиссія не пришла къ соглашенію. Окончательное обсужденіе этихъ вопросовъ было отложено до представленія г. Крымскимъ статьи о Коранѣ, когда болѣе выяснится значеніе перваго періода въ развитіи магометанства.

Засѣданіе 15 марта. Предметомъ обсужденія были тѣ вопросы изъ доклада М. К. Любавскаго, которые касаются исторіи матеріальной культуры русскаго народа.

По поводу перваго вопроса: „Что препятствовало успѣшному развитію главнаго промысла русскаго народа—земледѣлія?“,—референту было указано (П. Н. Милюковымъ и П. Г. Виноградовымъ) на то, что въ предложенной имъ программѣ чувствуется отсутствіе положительной характеристики развитія экономическаго быта. Факторы, задерживавшіе развитіе, отмѣчены, а самый процессъ остается въ тѣни. Поэтому предложено было въ началѣ обсуждаемаго отдѣла вставить вопросъ: „въ какой послѣдовательности развивались въ Россіи формы экономическаго быта?“, въ отвѣтѣ на который должно быть изображено постепенное распространеніе земельной обработки, причемъ должно быть выяснено, что отсутствіе земледѣльческаго капитала было не причиной, а слѣдствіемъ несовершенства земледѣльческой культуры.

Относительно второго вопроса: „почему туго развивалась въ Россіи обрабатывающая промышленность и какія мѣры принимало русское правительство для ея развитія?“—П. Г. Виноградовъ указалъ, что желательно бо̀льшее выясненіе тѣхъ условій, которыя вытекали изъ органическаго развитія, напр., вліянія всемірной конкурренціи и т. п. П. Н. Милюковъ считалъ желательнымъ указаніе на отно-

Digitized by Google

шеніе различныхъ формъ промышленности къ текущимъ потребностямъ населенія, причемъ, напримѣръ, можно было бы отмѣтить преобладаніе въ древней Руси кустарной промышленности какъ болѣе соотвѣтствующей тогдашнему экономическому быту, а въ новомъ періодѣ—бо́льшее вліяніе правительства (петровскія фабрики). Слѣдовало бы указать и на количественный ростъ фабрикъ.

Въ засѣданіи 26 апрѣля обсуждались вопросы по отдѣлу „Духовная культура". П. Г. Виноградовъ находилъ, что сравнительную миѳологію, референтъ въ началѣ отдѣла поставилъ первобытныя вѣрованія, удобнѣе отнести ко всеобщей исторіи. Кромѣ того, не слѣдуетъ, какъ это сдѣлано въ вопросахъ г. Любавскаго, отдѣлять вѣрованія отъ языка: сравнительная миѳологія и сравнительное языковѣдѣніе слишкомъ тѣсны между собою. На это референтъ отвѣтилъ, что онъ отнесъ сравнительную миѳологію къ курсу русской исторіи потому, что считаетъ необходимымъ проходить ее въ старшихъ классахъ, когда у учениковъ изъ предшествующихъ курсовъ скопится достаточный матеріалъ. В. Н. Ивановскій спросилъ, въ какомъ объемѣ предполагаетъ М. К. Любавскій проходить миѳологію. Референтъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ необходимымъ остановиться только на развитіи миѳологіи природы. Далѣе П. Г. Виноградовъ замѣтилъ, что при выясненіи отсталости Россіи въ культурномъ отношеніи необходимо подчеркнуть, что разнообразіе географическаго устройства Западной Европы являлось крайне важнымъ факторомъ въ ускореніи ея развитія.

Въ преніяхъ, кромѣ того, принимали участіе П. Н. Милюковъ, М. И. Владиславлевъ, В. Н. Сторожевъ и В. О. Эйнгорнъ.

По окончаніи обсужденія доклада М. К. Любавскаго было приступлено къ выбору бюро на слѣдующій 1893—1894 годъ. Единогласно были избраны: предсѣдателемъ П. Г. Виноградовъ, товарищемъ предсѣдателя М. К. Любавскій, секретаремъ С. В. Зенченко. Вмѣсто отказавшихся отъ секретарства О. П. Герасимова и А. А. Кизеветтера, были избраны В. Н. Ивановскій и М. Н. Покровскій.

Первыя два засѣданія послѣ каникулъ 20 сентября и 18 октября были посвящены подробному докладу о ходѣ работъ по составленію „книги для чтенія" (христоматіи) и организаціоннымъ вопросамъ, связаннымъ съ этимъ главнымъ предпріятіемъ коммиссіи въ истекшемъ году. Постороннихъ сообщеній на этихъ засѣданіяхъ дѣлаемо не было, главнымъ образомъ, потому, что всѣ наличные члены секціи работали въ подкоммиссіяхъ, организованныхъ для составленія „христоматіи". Какъ выяснилось изъ доклада, большая часть намѣченныхъ статей уже поступила, и составъ христоматіи окончательно опредѣлился.

Digitized by Google

Книга будетъ готова, въ рукописи, въ теченіе первой половины 1894 года.

Въ засѣданіи *8 ноября 1893 года* П. Г. Виноградовъ сообщилъ коммиссіи о нѣкоторыхъ вновь поступившихъ статьяхъ „книги для чтенія". Затѣмъ, С. П. Моравскій прочелъ подробный планъ своей статьи о бытѣ Германцевъ до переселенія народовъ, въ виду того, что статья эта значительно расширена сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ („Германцы по Цезарю и Тациту") и получила болѣе принципіальный характеръ, вслѣдствіе попутнаго разъясненія формъ первобытной культуры вообще. По поводу плана были сдѣланы замѣчанія П. Г. Виноградовымъ, П. Н. Милюковымъ, А. Ѳ. Гартвигомъ и другими.

Предметомъ засѣданія *13 декабря* были также статьи, предназначенныя для помѣщенія въ „христоматіи". Сначала П. Н. Милюковъ прочелъ составленный имъ очеркъ о „Древнѣйшемъ бытѣ Славянъ", затѣмъ Н. И. Романовъ — планъ своей статьи — „Симонъ де-Монфоръ".

Статья П. Н. Милюкова начинается характеристикой древнѣйшаго быта славянъ на основаніи тѣхъ переживаній, какія мы находимъ въ бытѣ современныхъ представителей славянскаго племени, наименѣе затронутыхъ внѣшними вліяніями; главнымъ источникомъ служило здѣсь обычное право Черногоріи и Сербіи. Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ разложенія этого древнѣйшаго родового быта и образованія государственныхъ отношеній у болѣе развитыхъ славянскихъ народностей. Статья заканчивается общей характеристикой славянства на основаніи даннаго въ предшествующемъ изложеніи матеріала; основная мысль этой характеристики—отсутствіе у славянъ какихъ-либо постоянныхъ общенаціональныхъ свойствъ: племенной характеръ измѣнялся въ зависимости отъ окружающей обстановки.

По поводу перваго отдѣла сдѣлали нѣсколько замѣчаній П. Г. Виноградовъ и С. П. Моравскій. Сущность ихъ сводилась къ тому, что въ ретроспективной характеристикѣ родового быта авторъ ставитъ рядомъ съ архаическими чертами — факты новѣйшаго происхожденія (напримѣръ, назначеніе воеводъ отъ правительства), не выдѣляя ихъ въ особую группу. П. Н. Милюковъ отвѣтилъ, что это сдѣлано имъ съ намѣреніемъ, чтобы оттѣнить постепенное измѣненіе архаическихъ формъ подъ вліяніемъ новыхъ факторовъ. А. Ѳ. Гартвигъ сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія противъ схемы родового быта, предложенной авторомъ. Характеристика славянскаго *города* вызвала замѣчаніе П. Г. Виноградова, который находилъ не вполнѣ удачнымъ выбранный авторомъ примѣръ,—Штеттинъ; авторъ самъ указываетъ, что *торговля* у славянъ была мало развита, между тѣмъ Штеттинъ именно круп-

Digitized by Google

ный *торговый* центръ. С. П. Моравскій возражалъ противъ общаго вывода: нельзя противополагать постоянныя и перемѣнныя свойства народа, потому что безусловно постоянныхъ свойствъ нѣтъ, есть лишь болѣе или менѣе прочныя.

Кромѣ того были предложены нѣкоторыя редакціонныя поправки А. К. Кедровымъ и другими.

Пренія, возникшія по поводу сообщенія Н. И. Романова, — о Симонѣ де Монфорѣ сосредоточивались, главнымъ образомъ, около вопроса: въ какомъ видѣ ввести въ статью текстъ Великой Хартіи. Рѣшено было помѣстить только то, что наиболѣе важно для послѣдующаго развитія, опустивъ все характеризующее лишь направленіе движенія, но не его результаты.

Разныя извѣстія.

Въ Кіевѣ издается ежемѣсячный спеціальный журналъ „Кіевская Старина", посвященный разработкѣ прошлаго южной Россіи и, сверхъ того, не мало статей, даже большихъ сочиненій по исторіи и вспомогательнымъ наукамъ помѣщается въ органахъ двухъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній—университета и духовной академіи.

„Кіевская Старина", основанная въ 1882 году покойнымъ Ѳ. Г. Лебединцевымъ, закончила одиннадцатый годъ своего существованія, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ какія она была поставлена. Хотя „Кіевская Старина" и носитъ названіе историческаго журнала, но она даетъ мѣсто и статьямъ этнографическаго и филологическаго содержанія. Каждая книжка журнала распадается на три отдѣла: *а*) статьи, *б*) документы, извѣстія и замѣтки и *в*) библіографія; въ приложеніи (въ концѣ книжки) печатаются сырые матеріалы; къ книжкамъ прилагаются портреты и рисунки. Мы не будемъ останавливаться на замѣткахъ и библіографіи и укажемъ только на статьи, помѣщенныя въ 12-ти книжкахъ 1892 года.

По мѣстной археологіи въ „Кіевской Старинѣ" напечатаны двѣ статьи г. Н. Бѣлашевскаго—„Раскопки на Княжьей горѣ въ 1891 году" (№ 1) и „Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры" (№ 4); первая представляетъ отчетъ автора о раскопкахъ на Княжьей горѣ, на берегу Днѣпра, въ 8-ми верстахъ отъ гор. Канева, Кіевской губерніи, во второй авторъ указываетъ на тожественность многихъ предметовъ, добытыхъ имъ при этихъ раскопкахъ съ предметами, употребляющимися и теперь въ крестьянскомъ быту. Въ статьѣ „Археологическія раскопки близъ гор. Лубенъ полтавской губ., въ урочищѣ Лысая гора" (№ 11) г. В. Лясковронскій дастъ краткое

Digitized by Google

описаніе добытаго изъ кургановъ Лысой горы археологическаго матеріала. Къ археологіи же относится и статья В. Соколова „Вѣловерское городище на Днѣпрѣ" (№ 8).

Древнему періоду русской исторіи посвящены двѣ статьи по церковной исторіи: П. Л. „Михаилъ, митрополитъ кіевскій XII вѣка" (№ 12) и „По поводу 900-лѣтія черниговской архіерейской каѳедры" (№№ 9 и 10), въ которой разсказана судьба Черниговскихъ Спасскаго собора и монастырей Елецкаго и Ильинскаго-Троицкаго. Къ церковной же исторіи относится и очеркъ г. Ѳ. Кудринскаго „Судьба экзарха Никифора въ Западной Россіи" (№№ 6 и 7). Въ статьѣ г. Эйнгорна „Иванъ Андреевичъ Шмайковскій, протопопъ глуховскій и его сношенія съ московскимъ правительствомъ (1653—1673)" (№ 10), обрисована личность одного изъ сторонниковъ московскаго правительства изъ среды малорусскаго духовенства.

Къ исторіи южно-русскаго духовенства XVIII вѣка относятся три статьи: «Помѣщики и духовенство въ юго-западномъ краѣ въ концѣ прошлаго столѣтія" В. Храневича (№ 9), основанная на документахъ архива волынской духовной консисторіи, „Протоіерей Алексѣй Андріевскій (эпизодъ 1789 года)" В. Б. Антоновича (№ 1), въ которой разсказана печальная судьба одного уніатскаго священника, обратившагося въ православіе, и „Архіепископъ Викторъ Садковскій" протоіерея П. Орловскаго (№ 7), посвященная біографіи этого виднаго дѣятеля конца прошлаго столѣтія.

„Возсоединеніе уніатовъ въ мѣст. Ратномъ въ 1838 году" (№ 3) разсказано Ѳ. Кудринскимъ на основаніи записокъ митрополита Іосифа (Сѣмашки) и черновыхъ бумагъ архимандрита Іероѳея, главнаго дѣятеля при этомъ возсоединеніи. Въ статьѣ г. Клебановскаго „Богуславскій монастырь и его тяжелые дни (1808—1860 г.г.) (№ 8) изложена исторія борьбы монастыря съ графами Браницкими за монастырскія земли". О порядкахъ и ученіи въ нынѣ упраздненномъ уманскомъ базиліанскомъ училищѣ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія сообщаются свѣдѣнія въ небольшомъ отрывкѣ изъ воспоминаній священника Никифора Хмѣлевскаго (№ 8).

Къ исторіи Малороссіи въ XVIII вѣкѣ относятся слѣдующія статьи проф. И. В. Лучицкаго: „Гетманъ Мазепа и остерскія земли" (№ 1), представляющая эпизодъ изъ исторіи борьбы селъ и городовъ за земли; М. Грушевскаго „Барская околичная шляхта до конца XVIII вѣка" (№ 2), гдѣ, на основаніи архивныхъ документовъ, авторъ говоритъ объ этнографическомъ составѣ и нравахъ этой шляхты; Ѳ. Николайчика „Родина Калнишевскаго" (№ 5), Д. Миллера „Голштинскіе наборы въ Малороссіи" (№ 9), Б. Храневича „Присяга на вѣрность императору Павлу въ Западномъ краѣ" (№ 7); въ №№ 2, 3

Digitized by Google

и 5 закончено описаніе „путешествія имп. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году“ Е. В. Есипова. «Бытовая картинка изъ жизни Слободской Украины XVIII вѣка» дана проф. Багалѣемъ въ статьѣ „И. А. Каразинъ и его колоколъ“ (№ 11).

Въ статьѣ Л. Синицкаго „Малороссія по разсказамъ путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія“ (№ 2) извлечены данныя, относящіяся до Малороссіи изъ описаній путешествій Зуева, Шаликова, П. Сумарокова, О. фонъ-Гуна, А. Левшина и А. Глаголева. Безпокойное настроеніе, овладѣвшее администраціею и населеніемъ Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг., описано въ статьѣ Ор. Левицкаго „Тревожные годы“ (№№ 11 и 12).

Изъ статей историко-литературнаго характера отмѣтимъ рядъ статей П. И. Янитецкаго о малорусскихъ думахъ (№№ 1—12) и статью С. Р. „Харьковская журналистика начала настоящаго столѣтія“ (№ 8), авторъ которой пользовался, однако, далеко не всѣми харьковскими журналами того времени.

Современной малорусской этнографіи посвященъ рядъ статей проф. Сумцова (№№1—12), въ которыхъ даются очерки дѣятельности современныхъ малорусскихъ этнографовъ. Очерки эти иногда носятъ характеръ сухихъ библіографическихъ указателей.

Мы перейдемъ теперь къ обозрѣнію воспоминаній и записокъ, напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ за 1892 годъ. Матеріалы этого рода, играющіе главную роль въ прочихъ нашихъ историческихъ журналахъ въ „Кіевской Старинѣ“, стоятъ на второмъ планѣ.

Наиболѣе интереса представляютъ „Отрывки изъ записокъ А. А. Солтановскаго“ (№№ 4, 9, 11 и 12); въ нихъ описанъ кіевскій университетъ 40-хъ годовъ и Ровенская гимназія, гдѣ авторъ былъ учителемъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Въ напечатанныхъ частяхъ записокъ Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши) (№№ 8 и 10) разсказывается о пребываніи его въ Турціи. Въ краткихъ „Запискахъ А. П. Рудыковскаго“ (№ 4) описано пребываніе автора въ кіевской бурсѣ въ началѣ настоящаго столѣтія, его скитанія по выходѣ изъ академіи и военная служба; описано все это сухо и безцвѣтно. Картинка воспитанія въ провинціальныхъ пансіонахъ для дѣвицъ въ эпоху 30-хъ годовъ обрисована въ статейкѣ „Въ двухъ пансіонахъ“ И. М. Кибальчичъ (№ 6). Дѣтскія воспоминанія Б. Цознанскаго „Картины моего прошлаго“ (№№ 2—4) относятся къ 50 мъ годамъ и къ кіевской губерніи.

Въ приложеніяхъ къ „Кіевской Старинѣ“ оконченъ печатаніемъ 1-й выпускъ „Дневника“ генеральнаго подскарбія, Якова Марковича (до 1725 года включительно) (№№ 1—12); „Дневникъ“ издается безъ пропусковъ и съ сохраненіемъ особенностей языка, чѣмъ это изданіе и отличается отъ изданія 1859 года; предисловіе къ „Дневнику“ и

Digitized by Google

примѣчанія принадлежатъ А. М. Лазаревскому. Кромѣ того, въ приложеніяхъ напечатаны „Акты бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699 г.г." съ предисловіемъ А. В. Стороженка.

— Подробныя свѣдѣнія о новомъ Историческомъ Обществѣ при Московскомъ университетѣ будутъ сообщены въ слѣдующемъ томѣ „Историческаго Обозрѣнія" [1]).

[1]) Бо́льшая часть настоящей хроники предназначена была еще въ VII томъ „Историческаго Обозрѣнія", но не попала туда по недостатку мѣста.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ II.

Digitized by Google

Digitized by Google

Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія [1]).

Моей темой будетъ вопросъ объ отношеніи исторіи, *какъ общеобразовательнаго предмета*, къ другимъ наукамъ, *взятымъ съ той же точки зрѣнія*. Я нарочно подчеркиваю и то, что буду разсматривать исторію, какъ общеобразовательный предметъ, и то, что съ той же точки зрѣнія намѣренъ взять и другія науки. Дѣло въ томъ, что вопросъ объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ будетъ представляться намъ различно, смотря по тому, кого мы будемъ имѣть въ виду, разрѣшая этотъ вопросъ; именно, будемъ ли мы имѣть въ виду лицъ, спеціально занимающихся разработкою исторической науки и нуждающихся въ знаніяхъ, которыя добываются учеными другихъ спеціальностей, или будемъ имѣть въ виду людей, стремящихся къ общему образованію и съ этою цѣлью обращающихся вообще къ научному чтенію и въ частности къ чтенію историческому. Интересы и условія общаго образованія, съ одной стороны, и задачи и средства научной работы, съ другой— далеко не одно и то же. Историку и въ своей наукѣ, и въ другихъ наукахъ нужно знать многое такое, безъ чего легко можетъ обойтись простой любитель историческаго чтенія. Отсюда и то, что поставленный нами вопросъ объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ будетъ имѣть одно значеніе для ученаго спеціалиста и другое значеніе для обыкновеннаго читателя. Вотъ именно такого обыкновеннаго читателя историческихъ книгъ я и имѣю въ виду, ставя свой вопросъ. За послѣднее время мнѣ уже не разъ приходилось высказывать свои мысли объ особомъ значеніи историческаго чтенія въ дѣлѣ общаго образованія, *получаемаго путемъ самостоятельнаго ознакомленія съ данными и выводами разныхъ наукъ* [2]). Подчеркиваю и то, что буду говорить не о

[1]) Рефератъ, читанный въ педагогической секціи Историческаго Общества 13 апрѣля 1895 г.

[2]) См. двѣ статьи мои „Объ общемъ значеніи историческаго образованія", помѣщенныя въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ", а также

Digitized by Google

томъ общемъ образованіи, которое дается среднею школою, въ ней начинаясь и въ ней же и кончаясь. Нѣтъ, рѣчь у меня будетъ идти о такъ называемомъ самообразованіи. Если вообще средняя школа не можетъ дать своимъ воспитанникамъ всего того, что нужно знать образованному человѣку, то въ частности было бы особенно печально, если бы все историческое знаніе и пониманіе нашего культурнаго класса, изъ коего выходятъ и наши общественные дѣятели на разныхъ поприщахъ жизни, ограничивалось содержаніемъ и освѣщеніемъ школьныхъ учебниковъ исторіи. Ознакомленіе съ исторіей, взятой въ качествѣ общеобразовательнаго предмета, въ средней школѣ должно только начинаться, чтобы продолжаться потомъ всю жизнь. Кто понимаетъ важность исторіи и кто пріобрѣтетъ вкусъ и привычку къ историческому чтенію, тотъ никогда не будетъ считать свое историческое образованіе вполнѣ законченнымъ. Пять-шесть лѣтъ школьныхъ занятій исторіей по учебнику и кое-какимъ „книжкамъ для чтенія“ должны быть лишь фундаментомъ для дальнѣйшаго самостоятельнаго ознакомленія съ исторіей. Какъ общеобразовательный предметъ, эта наука имѣетъ неизмѣримо большее значеніе внѣ школы, нежели въ школѣ, не такъ, какъ, положимъ, математика или грамматика, которыя внѣ школы могутъ интересовать только спеціалистовъ.—Ставя вопросъ объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ и условій общаго образованія, мы притомъ должны были бы страшно съузить этотъ вопросъ. Въ средней школѣ многія науки не преподаются, да и не могутъ преподаваться. Назовемъ хотя бы философію, психологію, этику, соціологію, политическую экономію, юриспруденцію, политику, т.-е. все такія науки, которыя изучаются въ университетахъ или же ознакомленіе съ которыми можетъ происходить только по окончаніи курса средней школы, путемъ самообразованія. Съ другой стороны, въ средней школѣ всѣ науки, какія ей доступны, подчиняются извѣстнымъ педагогическимъ требованіямъ, благодаря чему являются не столько науками, сколько предметами преподаванія. Понятно, что вопросъ объ отношеніи исторіи, взятой въ качествѣ школьнаго предмета, къ другимъ такимъ же предметамъ не можетъ имѣть того широкаго значенія, какое получаетъ на почвѣ интересовъ и условій самообразованія. Итакъ, я устраняю изъ обсужденія нашего вопроса и точку зрѣнія строго ученую, и точку зрѣнія чисто педагогическую, чтобы держаться главнымъ образомъ точки зрѣнія общеобразовательной, которая, конечно, не должна, однако, противорѣчить ни тому, что составляетъ научную сторону вопроса, ни тому, что можно было бы назвать его педагогическою стороною.

Я могъ бы, конечно, для полноты, какъ говорится, коснуться и того мѣста, какое занимаетъ или должна занимать исторія въ средней школѣ, но

главу VI „Письмъ къ учащейся молодежи о самообразованіи“ и главу VII „Бесѣдъ о выработкѣ міросозерцанія“. Первыя двѣ статьи были первоначально помѣщены въ „Историческомъ Обозрѣніи“, тт. III и VII.

Digitized by Google

это отвлекло бы меня далеко отъ главной темы. Я ограничусь въ этомъ отношеніи лишь сообщеніемъ объ одномъ интересномъ фактѣ, оставшемся мало кому извѣстнымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, московское дворянство, предполагавшее основать новый дѣвичій институтъ, обратилось къ извѣстному ученому Ѳ. И. Буслаеву съ просьбою выработать учебный планъ для этого новаго училища. Въ числѣ лицъ, къ которымъ Ѳ. И. Буслаевъ обратился за содѣйствіемъ по составленію программъ отдѣльныхъ предметовъ преподаванія, пришлось быть и мнѣ. Я тѣмъ охотнѣе отозвался на это предложеніе, что, по мысли названнаго лица, въ основу всего преподаванія должна была лечь исторія. Наши программы и общія соображенія, положенныя въ ихъ основу, были потомъ напечатаны отдѣльной книгой, которая, сколько я знаю, въ продажу не поступала и осталась извѣстной лишь тѣмъ, кто находился въ томъ или другомъ соприкосновеніи со всѣмъ этимъ дѣломъ [1]). Проф. Буслаевъ считалъ возможнымъ концентрировать около исторіи нѣсколько предметовъ преподаванія, которые обыкновенно проходятся каждый самъ по себѣ, внѣ всякаго отношенія къ исторіи и безъ связи съ другими предметами. Именно онъ стремится пріурочить къ исторической послѣдовательности, коею должна руководиться и послѣдовательность сообщенія знаній учащимся, разные предметы или отдѣльныя части предметовъ, проходимые обыкновенно въ иныхъ порядкахъ. „Пусть, говоритъ онъ, будетъ исторія главною наукой и центромъ, къ которому должны сходиться прочіе предметы преподаванія. Эта наука есть сокровищница всего, что, будучи наслоено въ цивилизаціи въ теченіе вѣковъ, наконецъ окрѣпло и утвердилось въ составѣ современной образованности". Извѣстно, что историческое преподаваніе начинается у насъ, собственно говоря, на урокахъ закона Божія. Священная исторія соединяется съ первыми уроками исторіи Востока: Вавилона и Месопотаміи вообще, Палестины, Египта. Проф. Буслаевъ хотѣлъ бы, чтобы и усвоеніе географическихъ знаній шло въ порядкѣ расширенія исторической сцены, находя пеноріальнымъ, чтобы, напр., исторія древняго Востока проходилась ранѣе географіи Азіи, какъ это дѣлается или дѣлалось въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ программѣ всеобщей и русской географіи объемъ и содержаніе уроковъ этого предмета даже прямо „опредѣляется курсомъ исторіи". „Подробно и обстоятельно, говоритъ составитель программы, излагается на урокахъ географіи только то, что необходимо для познанія народовъ и странъ въ ихъ историческомъ развитіи и потому постоянно согласуется преподаваніе географіи съ программами по всеобщей и русской исторіи. Что же касается до всего остальнаго, то это ограничивается общимъ обозрѣніемъ съ указаніемъ только самыхъ крупныхъ особенностей, характеризующихъ страну и народъ. Такъ какъ, сказано далѣе, исторію народа проходить невозможно безъ знанія страны, гдѣ онъ живетъ и

---

[1]) Учебный планъ предполагаемаго московскаго дворянскаго института для благородныхъ дѣвицъ. М. 1886.

Digitized by Google

дѣйствуетъ, а также и географическая мѣстность можетъ получить большій интересъ по народу, ее населяющему, то въ дидактическихъ интересахъ преподаванія точка отправленія въ географическомъ курсѣ опредѣляется данными, съ которыхъ начинается преподаваніе исторіи". Этимъ рекомендуется изложеніе географическаго курса „не по отдѣламъ и параграфамъ учебника, а по распредѣленію народовъ и странъ, принятому въ программахъ всеобщей и русской исторіи". Въ концѣ курса предполагался общій обзоръ современнаго состоянія человѣчества. Тѣмъ же принципомъ проф. Буслаевъ руководствуется и при прохожденіи такихъ частей закона Божія, какова исторія церкви. Послѣдній предметъ у него, какъ самъ онъ выражается, „сливается съ исторіей цивилизаціи" (хотя спеціальная программа закона Божія, напечатанная подъ общей редакціей проф. Буслаева, но составленная духовнымъ лицомъ, и не приноровлена къ общему плану). Особенно ратуетъ проф. Буслаевъ, чтобы изученіе литературы совершалось историческимъ путемъ и было опять-таки пріурочено къ курсу исторіи. „Вообще, говоритъ онъ, раздѣленіе на перегородки того, что въ жизни народа происходитъ въ совокупности, вредитъ пониманію, раздѣляя и разсѣивая мысль. Надобно стараться, чтобы книга, т.-е. учебникъ, какъ можно менѣе заслоняла собою жизнь". Въ частности почтенный академикъ настаиваетъ на томъ, чтобы и исторія русской литературы, и исторія русской церкви проходились параллельно съ курсомъ отечественной исторіи. Наконецъ, и вопросъ о мѣстѣ отечественной исторіи онъ рѣшаетъ на основаніи общаго принципа. „Въ Италіи, говоритъ онъ, во Франціи, въ Германіи, даже отчасти и въ Англіи вслѣдъ за древнею исторіей можно начинать исторію отечественную, потому что въ этихъ странахъ свое, родное, сливается въ одно нераздѣльное цѣлое съ исторіею всеобщею, съ исторіей цивилизаціи. Исторія Россіи начинается только съ IX вѣка, когда на Западѣ уже были положены главнѣйшія основы обновленной христіанствомъ исторіи народовъ. Эта система, опредѣляемая самымъ существомъ исторіи цивилизаціи, должна быть положена и въ основу для распредѣленія историческаго курса въ русскихъ школахъ", т. е. „у насъ, въ Россіи, которая моложе другихъ народовъ Европы и которая со временъ Петра Великаго должна была воспріять западное вліяніе". Составляя свою программу по всеобщей и русской исторіи, я въ объяснительной запискѣ къ ней сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ можно было бы пріурочить къ отдѣльнымъ частямъ курса исторіи тѣ или другіе отдѣлы закона Божія, географіи и словесности. Общая идея проф. Буслаева мнѣ очень понравилась, и лишь потому я принялъ участіе въ выработкѣ учебной программы исторіи по этой идеѣ, хотя отчасти и предвидѣлъ, что на практикѣ весь планъ концентраціи преподаванія около исторіи, быть можетъ, и не осуществится. Не берусь судить и вообще, насколько общія условія школьнаго преподаванія и педагогическія требованія позволили бы послѣдовательно провести этотъ принципъ на практикѣ, но это не касается самого принципа, какъ такового. Важность концентраціи преподаванія давно сдѣлалась общимъ

Digitized by Google

мѣстомъ многихъ педагогическихъ писателей. Извѣстно даже, что на педагогическую необходимость концентраціи (хотя и въ иномъ смыслѣ) ссылались и авторы учебныхъ плановъ нашей классической гимназіи, отводя наибольшее количество времени на уроки древнихъ языковъ. Мысль Ѳ. И. Буслаева именно тѣмъ и замѣчательна, что онъ нашелъ возможнымъ концентрировать около исторіи разные предметы среднеучебнаго курса за исключеніемъ, разумѣется, такихъ, какъ математика, физика, космографія, естественная исторія. Я думаю, что и вообще въ дѣлѣ гуманитарнаго образованія, получаемаго внѣ школы путемъ самостоятельнаго чтенія, исторія могла была занять, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ наукамъ, изучающимъ духовный и общественный міръ человѣка, такое же центральное положеніе.

За послѣднее время сильно оживились толки о самообразованіи, о его цѣли, о его способахъ, о программахъ самообразовательнаго чтенія. Настоящая моя статья стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что самому мнѣ уже пришлось высказать по этому вопросу въ „Письмахъ къ учащейся молодежи о самообразованіи“ и въ „Бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія“, причемъ въ обѣихъ этихъ книжкахъ я старался выставить на видъ особую важность историческаго образованія. Я вовсе не думаю повторять теперь то, что было тамъ сказано по этому вопросу. Мнѣ хотѣлось бы только разборомъ вопроса объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ дополнить то, что было уже раньше говорено объ особомъ значеніи историческаго образованія, указавъ попутно на то, какъ само историческое образованіе нуждается въ разнообразныхъ знаніяхъ, заимствованныхъ изъ другихъ наукъ.

Скажу и о поводѣ, вызвавшемъ мою настоящую статью. Осенью прошлаго года образовалась изъ спеціалистовъ разныхъ наукъ коммиссія для выработки программы самообразовательнаго чтенія [1]). Въ такой программѣ существуетъ настоятельная необходимость, которая до сихъ поръ удовлетворялась разными, большею частью неумѣло и односторонне составленными списками книгъ. Быстрый успѣхъ программъ, изданныхъ московской коммиссіей для организаціи домашняго чтенія, указываетъ на то, какъ сильна потребность читающей публики въ подобнаго рода программахъ и спискахъ. Петербургская коммиссія поставила своею задачею выработать общую, такъ сказать, энциклопедическую программу, исходя изъ того принципа, что главною задачею систематическаго общеобразовательнаго чтенія должно быть усвоеніе современныхъ научныхъ данныхъ и выводовъ для выработки теоретическаго и нравственно-общественнаго міросозерцанія, и что литературныя указанія должны быть согласованы не только съ указанною цѣлью, но и съ предполагаемою у громаднаго большинства читателей степенью знанія и пониманія. Въ настоящее время эта программа выработана и своевременно будетъ напечатана. Замѣчу, что я уча-

[1]) Въ приложеніи къ этому реферату сообщаются свѣдѣнія о самой коммиссіи и приводятся самыя программы, ею выработанныя.

Digitized by Google

ствовалъ въ составленіи программы вопросовъ всеобщей исторіи, и что эту послѣднюю программу напечаталъ уже въ приложеніи къ „Совѣтамъ о выработкѣ міросозерцанія“ и къ „Письмамъ о самообразованіи“, начиная съ третьяго ихъ изданія. Теперь вполнѣ выяснился характеръ энциклопедической программы, какъ она составилась изъ частныхъ программъ, принятыхъ послѣ обсужденія всѣми участвовавшими въ ихъ выработкѣ спеціалистами. Хотя въ ней отведено широкое мѣсто естествознанію, однако, на первое мѣсто по числу рекомендуемыхъ книгъ выдвинулись въ ней науки гуманитарныя со включеніемъ въ нихъ философіи и обществовѣдѣнія. Это разъ. Во-вторыхъ, среди наукъ гуманитарныхъ особенно видное мѣсто заняла исторія и въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, какъ отдѣльнаго предмета, и въ смыслѣ историческаго изученія того, что составляетъ спеціальный предметъ философскаго, литературнаго, политическаго и экономическаго образованія. Въ-третьихъ, тотъ же принципъ историзма играетъ видную роль и въ тѣхъ частяхъ программы, которыя относятся къ спеціальнымъ областямъ естествознанія. Послѣднее можетъ заключаться или въ общихъ теоріяхъ, формулирующихъ въ концѣ-концовъ законы разныхъ категорій явленій (напр., физика, химія), или въ научныхъ описаніяхъ разнаго класса естественныхъ предметовъ (напр., зоологія, ботаника), или въ построеніяхъ прошлаго природы и тѣхъ фазисовъ, чрезъ которые проходило ея развитіе, начиная съ образованія звѣздъ и планетъ и кончая появленіемъ высшихъ животныхъ, нынѣ существующихъ на землѣ. Послѣднее отношеніе къ природѣ и есть отношеніе историческое. Конечно, общая программа по естествознанію должна заключать въ себѣ и чисто теоретическую, и чисто описательную части всей этой широкой научной области, но разъ въ программѣ этой отводится мѣсто, и притомъ довольно видное мѣсто исторіи солнечной системы, исторіи земного шара, исторіи населяющихъ его организмовъ, мы не можемъ не отмѣтить того, что историческое изученіе дѣйствительности, играющее весьма видную роль въ гуманитарныхъ частяхъ программы, играетъ не маловажную роль и въ частяхъ натуралистическихъ. Тѣмъ болѣе все это замѣчательно, что составители программъ отнюдь не задавались такою цѣлью, чтобы концентрировать всѣ знанія около историческаго элемента въ широкомъ смыслѣ этого слова. Если бы они задались такою цѣлью, они, конечно, послѣдовательнѣе провели бы историческій принципъ въ самомъ построеніи программы, расположивъ ее, напр., по слѣдующей схемѣ: образованіе солнечной системы, исторія земного шара, появленіе на немъ органической жизни и исторія ея развитія, первобытное состояніе человѣка, исторія его культурной и соціальной жизни. Если тѣмъ не менѣе въ программѣ историческая точка зрѣнія играетъ важную роль, то это зависитъ уже отъ того направленія, какое въ XIX вѣкѣ приняли отдѣльныя науки,—зависитъ, слѣдовательно, отъ самихъ наукъ въ ихъ современномъ состояніи. Важность той роли, какую въ настоящее время историческая точка зрѣнія играетъ въ отдѣльныхъ наукахъ, все болѣе и болѣе сознается представителями научной мысли въ разныхъ

Digitized by Google

областяхъ знанія. Исторія научнаго движенія XIX вѣка даетъ этому вѣку такое же право называться историческимъ, какое имѣетъ XVIII вѣкъ, чтобы называться философскимъ. Лишь наше столѣтіе поставило на историческую почву изученіе языка, литературы, искусства, философіи и религіи, которыя прежде разсматривались исключительно съ тѣхъ или другихъ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія,—логическихъ, эстетическихъ, метафизическихъ, этическихъ,—причемъ весьма часто съ дѣйствительными фактами всѣхъ перечисленныхъ категорій не считались, полагаясь на одну дедукцію изъ догматическихъ принциповъ. Въ нашемъ же столѣтіи поставлены были на ту же почву историческаго изученія право и народное хозяйство, что выразилось даже въ образованіи особыхъ историческихъ школъ въ юриспруденціи и въ политической экономіи. Въ XIX же вѣкѣ въ общее философское пониманіе былъ внесенъ принципъ эволюціи, развитія, и весь міръ былъ понятъ и въ идеалистическомъ, и въ реалистическомъ направленіяхъ философіи, какъ развитіе, т. е. какъ процессъ, имѣющій свою исторію, а не какъ неподвижное, всегда себѣ равное бытіе. Наконецъ, главнымъ образомъ въ нашемъ же столѣтіи великій принципъ эволюціи былъ примѣненъ къ пониманію природы, какъ тоже исторіи измѣняющихся формъ матеріи, начиная съ первобытной туманности и кончая современнымъ состояніемъ этой матеріи въ формахъ отдѣльныхъ небесныхъ тѣлъ, къ коимъ относится и нашъ земной шаръ, и въ формахъ растительныхъ и животныхъ организмовъ, населяющихъ нашу землю. Религіозное и философское мышленіе всѣхъ народовъ міра начиналось съ космогоніи, сливавшейся съ миѳическими преданіями о первыхъ людяхъ и ихъ потомствѣ. Задача исторіи міра и исторіи человѣка такимъ образомъ была поставлена на самой зарѣ культурной жизни человѣчества. Современная наука взялась самымъ дѣятельнымъ образомъ за рѣшеніе этой задачи, примѣнивъ главнымъ образомъ историческую точку зрѣнія и историческій методъ къ изученію тѣхъ сторонъ жизни природы и человѣка, которыя еще не такъ давно изучались исключительно лишь въ современномъ ихъ состояніи или совершенно абстрактно, такъ сказать, внѣ условій времени и мѣста. Невольно и съ чисто научной, съ философской точки зрѣнія ставишь поэтому вопросъ объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ. Теперь оно—одно, въ прошломъ столѣтіи и раньше было совсѣмъ другое. Но я уже оговорился, что съ этой стороны вопроса я касаться не намѣренъ. Я ставлю другой вопросъ, а именно, о томъ, нельзя ли было бы какимъ-нибудь образомъ, не противорѣча ни педагогическимъ, ни научнымъ требованіямъ и—мало того—даже въ прямомъ согласіи съ ними, концентрировать всю широкую область общеобразовательнаго чтенія около исторіи, поднявъ послѣднюю на степень всеобщей науки о томъ, какъ жилъ и живетъ, что думало и думаетъ, что узнало и что знаетъ человѣчество. Я думаю, что сдѣлать это можно, и что такая концентрація была бы въ полномъ согласіи и съ вѣчными запросами человѣческаго духа, и съ тѣмъ общимъ историческимъ направленіемъ, которые въ нашъ вѣкъ все болѣе и болѣе проникаютъ

Digitized by Google

въ отдѣльныя науки за исключеніемъ лишь очень немногихъ, изучающихъ непреложные законы, въ родѣ математики, механики, физики и химіи. Конечно, я не стану, однако, утверждать, что такая концентрація есть нѣчто единственно возможное и потому общеобязательное.

Отношенія между исторіей и другими науками могутъ быть весьма различныя. Прежде всего они опредѣляются тѣмъ мѣстомъ, какое занимаетъ исторія въ классификаціи наукъ. Послѣднія дѣлятся на науки естественныя, имѣющія своимъ предметомъ природу и человѣка, какъ часть природы, и на науки гуманитарныя, изучающія міръ человѣка, взятаго съ духовной и общественной сторонъ человѣческаго бытія. Исторія, конечно, относится къ наукамъ гуманитарнымъ. Но эти науки, далѣе, могутъ изучать человѣка или въ его индивидуальномъ существованіи, или въ его культурномъ и соціальномъ состояніи. Разумѣется, предметомъ исторіи является не личная, а общественная жизнь человѣка. Сама эта жизнь въ свою очередь можетъ изучаться въ общей своей основѣ, въ тѣхъ законахъ, которые управляютъ причинностью и развитіемъ культурно-соціальныхъ фактовъ, гдѣ бы то ни было и когда бы то было, или же можетъ изучаться въ конкретныхъ своихъ проявленіяхъ, представляющихся намъ съ ихъ пространственными и временными опредѣленіями. Общество и историческая жизнь абстрактно изучаются соціологіей съ общими теоріями духовной культуры, народнаго хозяйства, права, государства и историческаго процесса; данныя же общества, т. е. опредѣленные народы и государства и культурно-соціальныя явленія, существующія или существовавшія въ данныхъ мѣстахъ и въ данныя времена, изучаются такими науками, какъ этнографія, политическая географія, статистика и т. п., причемъ мы имѣемъ дѣло или съ фактами настоящаго, съ современностью, или съ фактами прошлаго. Вотъ именно это послѣднее мѣсто и принадлежитъ исторіи. Все, что было сказано до сихъ поръ для опредѣленія мѣста исторіи въ общей классификаціи наукъ, я позволю себѣ представить въ слѣдующей таблицѣ:

		Естествознаніе.	Гуманитарныя науки.	
Науки о законахъ явленій.		Механика, физика, химія, біологія.	Психологія и соціологія съ ихъ теоретическими подраздѣленіями.	I
Науки о явленіяхъ.	Прошлое.	Исторія природы.	Исторія человѣчества.	II
	Настоящее.	Астрономія, физическая географія, ботаника, зоологія, антропологія.	Этнографія, политическая географія, статистика и т. п.	III
		A.	B.	

Digitized by Google

Эта табличка можетъ дать наглядное представленіе о томъ мѣстѣ, какое занимаетъ исторія среди другихъ наукъ. То, что абстрактно изучается психологіей и соціологіей съ общими теоріями духовной культуры, народнаго хозяйства, государства и историческаго процесса, и то, что конкретно въ настоящемъ изучается этнографіей, политической географіей, статистикой и т. п., то же самое именно изучаетъ исторія конкретно и въ прошломъ. Отсюда видна тѣсная связь исторіи съ другими гуманитарными науками. Коллективная психологія и соціологія, общія теоріи духовной культуры, народнаго хозяйства, права, государства обрабатываютъ тотъ же фактическій матеріалъ, съ какимъ имѣетъ дѣло и исторія. Вся разница въ томъ, что всѣ выше названныя науки ставятъ своею задачею открытіе общихъ законовъ, коими управляются культурныя и соціальныя явленія въ своемъ возникновеніи и развитіи; исторія же воспроизводитъ самыя эти явленія въ ихъ дѣйствительной послѣдовательности—причинной и эволюціонной, имѣя между прочимъ своею задачею объяснить прошлымъ настоящее, знаніе и пониманіе котораго было бы немыслимо безъ такого объясненія. Въ сущности сегодняшнее настоящее, т. е. то, что мы теперь называемъ современностью, завтра, т. е. въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ сдѣлается само прошлымъ, иначе говоря, предметомъ исторіи. Другими словами, знаніе совершеннаго состоянія человѣчества есть не что иное, какъ завершеніе того, что даетъ намъ исторія, и въ сущности есть только два способа изучать духовный и соціальный міръ человѣчества, способъ теоретическій и способъ историческій. Въ настоящее время не существуетъ той рѣзкой грани, которая въ былыя времена отдѣляла теоретиковъ отъ историковъ: экономистъ, юристъ, политикъ и т. п. долженъ быть до извѣстной степени историкомъ, а историкъ — экономистомъ, юристомъ, политикомъ и т. д. Чистыя теоріи общества, народнаго хозяйства, права, государства безъ историческихъ иллюстрацій, безъ обобщеній, сдѣланныхъ на основаніи историческаго матеріала, безъ внесенія въ общія представленія объ обществѣ, народномъ хозяйствѣ, правѣ, государствѣ, понятія историческаго развитія, однимъ словомъ, соціологія, политическая экономія, юриспруденція, политика, лишенныя историческаго элемента, не могутъ дать намъ полнаго знанія и пониманія всего того, что составляетъ предметъ ихъ изученія. Съ другой стороны, исторія человѣчества изучаетъ всѣ стороны культурной и соціальной жизни, а именно, религію (съ миѳологіей), философію, науку, литературу, искусство, народное хозяйство, право, государство, и быть можетъ, ни одна другая наука такъ хорошо не приспособлена къ тому, чтобы вводить въ знаніе и пониманіе отдѣльныхъ сторонъ культурной и соціальной жизни, взятыхъ въ ихъ совокупности. Замѣчу, что и въ спеціальномъ изученіи философіи, литературы, народной экономіи и т. п. историческій матеріалъ, историческая точка зрѣнія, историческій методъ играютъ весьма важную роль. Итакъ, исторія, имѣя самостоятельный интересъ, какъ изображеніе прежней жизни человѣчества, въ то же время помогаетъ намъ знать и понимать, съ

Digitized by Google

одной стороны, окружающую насъ, современную намъ дѣйствительность, съ другой стороны, то, что̀ такое общество, культура, народное хозяйство, право, государство вообще и какъ вообще происходитъ ихъ развитіе, какъ совершаются измѣненія въ ихъ основныхъ признакахъ и внѣшнихъ формахъ.

Такова связь съ исторіей (II) тѣхъ наукъ (I и III), которыя въ нашей таблицѣ входятъ въ категорію, отмѣченную буквой *B*. Но у исторіи существуетъ связь и съ науками категоріи, отмѣченной буквою A, и именно, съ тѣми науками, которыя мы обозначили, какъ исторію природы (II). Исторія человѣчества есть продолженіе, конечно, и нынѣ еще совершающейся исторіи природы. Послѣднею занимаются научная космогонія, геологія, палеонтологія въ смыслѣ исторій солнечной системы, земного шара, органической жизни на землѣ съ исторіей выдѣленія человѣка изъ царства животныхъ. Исторія природы обусловила собою исторію человѣчества, создавъ разныя сцены этой исторіи и поставивъ на нихъ разныхъ актеровъ. Въ настоящее время наше знаніе прошлыхъ временъ стремится перешагнуть за порогъ исторической жизни и связать доисторическое существованіе человѣка, уже выработавшаго начала культурнаго и соціальнаго быта, съ предполагаемымъ чисто зоологическимъ его состояніемъ. Жизнь народовъ обусловлена природою населяемыхъ ими странъ, топографическими и климатическими ихъ особенностями, ихъ флорой и фауной, обусловлена и физическими и психическими свойствами самихъ этихъ народовъ, т.-е. ихъ происхожденіемъ отъ разныхъ расъ, на которыя распадается родъ человѣческій. Поэтому и тѣ естественныя науки (A III), которыя изучаютъ настоящее, т.-е. физическая географія съ географіей растеній и животныхъ и съ антропологіей равнымъ образомъ имѣетъ тѣсное отношеніе къ исторіи, тѣмъ болѣе, что науки второй и третьей клѣтокъ отдѣла A различаются между собою тѣмъ, что изучаютъ въ сущности одну и ту же землю съ ея растительнымъ, животнымъ и людскимъ населеніемъ, но однѣ—въ прошломъ, а другія—въ настоящемъ. Но мы уже видѣли по отношенію къ наукамъ гуманитарнымъ, что настоящее есть лишь завершеніе прошлаго, а такъ какъ измѣненія въ устройствѣ поверхности и въ климатическихъ условіяхъ отдѣльныхъ странъ, въ ихъ флорѣ и фаунѣ и въ расовыхъ свойствахъ народовъ происходятъ гораздо медленнѣе перемѣнъ историческихъ, то во многихъ отношеніяхъ знаніе того, что собою представляетъ природа въ настоящее время, можетъ быть намъ пригоднымъ и для изученія естественныхъ условій исторической жизни народовъ и въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ историческое образованіе предполагаетъ обладаніе извѣстными естественно-научными знаніями. Изъ трехъ категорій, на которыя мы раздѣлили естественныя науки, лишь одна (A I) осталась внѣ всякаго отношенія къ исторіи. Но отношенія исторіи къ другимъ наукамъ не исчерпываются тѣми, какія мы намѣтили, расположивъ разныя науки въ одну общую систему.

Пока мы разсматривали главнымъ образомъ историческое отношеніе къ разнаго рода *предметамъ*, которые изучаются другими науками или въ ихъ

Digitized by Google

современномъ состоянiи, или въ ихъ общихъ свойствахъ и основныхъ признакахъ, независимо отъ мѣста и времени ихъ существованiя. Но историческое отношенiе можетъ существовать не только къ *предметамъ наукъ*, но и къ самимъ *наукамъ*, изучающимъ эти *предметы*. Возьмемъ для примѣра народное хозяйство. Оно можетъ быть предметомъ политической экономiи, какъ абстрактной теорiи, изучающей законы экономическихъ явленiй; оно, далѣе, можетъ быть предметомъ статистики въ смыслѣ изображенiя современнаго хозяйственнаго быта той или другой стороны; наконецъ, оно можетъ быть предметомъ экономической исторiи, т.-е. исторiи народно-хозяйственнаго быта, исторiи экономическихъ формъ. Но исторически можно изучать не только существовавшiя раньше экономическiя *формы*, но и существовавшiя раньше экономическiя *ученiя*, или *теорiи*. То же самое и въ области политики: рядомъ съ абстрактнымъ изученiемъ природы государства и его формъ и рядомъ съ научнымъ описанiемъ современныхъ государствъ мы имѣемъ исторiю политическихъ формъ; но историческое отношенiе къ вопросамъ политики не можетъ ограничиваться однѣми государственными *формами*, существовавшими въ прежнiя времена, не дополняясь изученiемъ политическихъ *ученiй*, или *теорiй*, какiя прежде существовали. Эта двойственность предмета историческаго изученiя, двойственность самихъ *явленiй* жизни и *идей*, какiя объ этихъ явленiяхъ имѣли люди, можетъ быть легко обнаружена и въ другихъ наукахъ. Историческая юриспруденцiя изучаетъ въ прошломъ или самое право, или юридическiя теорiи, т.-е. ученiя о правѣ. Еще и еще примѣры. Историкъ литературы имѣетъ дѣло или съ самой литературой, т.-е. съ произведенiями, которыя мы называемъ литературными, или съ литературными теорiями. Въ исторiи искусства то же самое: рядомъ съ художественными памятниками мы имѣемъ еще дѣло съ эстетическими теорiями. Тотъ же параллелизмъ проявляется и въ области естествознанiя. Одно—вообще исторiя самой природы, другое—исторiя естественныхъ наукъ. Въ частности поставимъ рядомъ, съ одной стороны, космогонiю и геологiю, съ другой—исторiю космогоническихъ и геологическихъ представленiй, исторiю астрономическихъ и геологическихъ знанiй. Сама исторiя, какъ наука, имѣетъ тоже свою исторiю, существующую рядомъ съ исторiей человѣчества, которую эта наука изучаетъ. Въ общемъ итогѣ я говорю, слѣдовательно, объ исторiи наукъ и научныхъ теорiй, въ которой между исторiей и другими науками устанавливается особаго рода отношенiе, отличное отъ разсмотрѣннаго раньше. Если бы я имѣлъ въ виду чисто научную, а не общеобразовательную сторону вопроса, я бы распространился здѣсь о томъ важномъ значенiи, какое должно имѣть для ученаго каждый отдѣльной спецiальности изученiе исторiи его науки, но я это пропускаю, какъ и раньше совершенно обошелъ молчанiемъ всѣ случаи, когда историку для своихъ спецiальныхъ цѣлей приходится обращаться къ помощи другихъ наукъ. Я остановлюсь лишь на вопросѣ о томъ, какое значенiе можетъ имѣть въ дѣлѣ общаго образованiя ознакомленiе съ исторiей наукъ и научныхъ теорiй.

Digitized by Google

Между науками гуманитарными и естествознаніемъ по интересующему насъ предмету существуетъ большая разница. Каковы бы ни были наши представленія о томъ, какъ совершаются процессы природы, эти процессы совершаются такъ или иначе вполнѣ независимо отъ того, что мы о нихъ думаемъ. Другими словами, человѣческія теоріи не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на ходъ самой природы. Иное дѣло въ исторіи человѣчества. Сколько бы ни было рокового, стихійнаго, безсознательнаго и непреднамѣреннаго въ развитіи культурно-соціальныхъ формъ, нельзя не признать, что въ измѣненіи этихъ формъ участвуютъ и человѣческія мысли и намѣренія, касающіяся этихъ формъ и весьма часто складывающіяся въ цѣлыя теоріи. Съ другой стороны, содержаніе научныхъ теорій, имѣющихъ своимъ предметомъ явленія природы, не находится въ непосредственной связи съ культурно-соціальными состояніями тѣхъ эпохъ, когда эти теоріи появляются, тогда какъ содержаніе, напр., теорій политическихъ и экономическихъ всегда самымъ рельефнымъ образомъ отражаетъ на себѣ переживавшуюся минуту, злобу дня, преобладающій интересъ эпохи. Отсюда несомнѣнно болѣе тѣсная связь общей исторіи съ исторіей гуманитарныхъ и соціальныхъ наукъ и болѣе тѣсная связь послѣдней съ первою, чѣмъ то можно было бы сказать о взаимныхъ отношеніяхъ между общей исторіей и исторіей естествознанія. И понятно—почему: общественныя теоріи, конечно, стоятъ въ болѣе тѣсной связи съ общественною жизнью, чѣмъ теоріи объ явленіяхъ природы. Историку экономическихъ или политическихъ теорій въ гораздо большей степени нужно знать исторію той жизни, которая породила эти теоріи, нежели историку теорій физическихъ или химическихъ, на коихъ не отражается содержаніе общественной жизни. Общему историку, съ другой стороны, неизмѣримо важнѣе знать исторію экономическихъ и политическихъ ученій, прямо своимъ содержаніемъ вліявшихъ на изучаемую имъ жизнь, нежели исторію теорій физики или химіи, непосредственнаго вліянія на эту жизнь не оказывавшихъ. Вотъ почему для того, кто въ цѣляхъ общаго образованія изучаетъ теоріи общественныхъ наукъ, въ высшей степени необходимо брать эти теоріи въ ихъ историческомъ развитіи, въ ихъ связи съ общей исторіей, съ исторіей той жизни, которая ихъ порождала и на которую онѣ оказывали свое вліяніе. Безъ историческаго отношенія, напр., къ экономическимъ и политическимъ теоріямъ легко впасть въ догматическое къ нимъ отношеніе и не выработать въ себѣ способности плодотворнаго примѣненія теоріи къ практикѣ, требующаго постоянной провѣрки отвлеченныхъ положеній данными реальной жизни. Скажу коротко. Отсутствіе въ историческомъ образованіи свѣдѣній изъ исторіи экономическихъ и политическихъ теорій или теорій моральныхъ и соціальныхъ составляло бы въ высшей степени важный пробѣлъ, гораздо болѣе важный, чѣмъ отсутствіе знаній, касающихся исторіи естествознанія. Точно также если образованный человѣкъ, знающій современныя ученія естествознанія, лишенъ всякихъ свѣдѣній по исторіи отдѣльныхъ естественныхъ наукъ, то это далеко не такая бѣда, какъ если бы тотъ же

Digitized by Google

образованный человѣкъ, обладая знаніемъ современныхъ ученій въ области экономики или политики, совершенно не зналъ прошлаго этихъ наукъ. Прибавлю еще, что изученіе исторіи теорій, оторванныхъ отъ жизни, которая ихъ породила, было бы изученіемъ чисто отвлеченнымъ. Такъ можно изучать, напр., исторію математики, но нельзя изучать исторію политической экономіи или политики,—лишнее указаніе на важность общаго историческаго образованія.

Внесеніе исторической точки зрѣнія или историческаго метода въ ознакомленіе съ теоріями отдѣльныхъ наукъ обусловливается не только большею или меньшею близостью этихъ теорій съ самою историческою жизнью, продуктами и факторами коей онѣ являются, но и степенью выработанности самыхъ теорій. Давно замѣчено, что чѣмъ ближе та или другая наука къ идеалу совершенства, тѣмъ менѣе приходится въ ней говорить объ исторіи отдѣльныхъ вопросовъ. Разъ вопросъ рѣшенъ окончательно и безповоротно, т.-е. разъ существуетъ вполнѣ выработанная теорія, исторія вопроса нисколько не уяснитъ дѣла. Если, съ другой стороны, теоретическій вопросъ все еще вызываетъ споры, приходится разъяснять его путемъ сопоставленія различныхъ по вопросу мнѣній, а такъ какъ разногласіе началось не сегодня и сегодняшніе противники повторяютъ или развиваютъ далѣе мнѣнія, которыя высказывались и вчера, и позавчера, и въ прошломъ году или въ прошломъ столѣтіи, и въ прежнихъ вѣкахъ, то вопросъ и переходитъ прямо на историческую почву. Въ этомъ смыслѣ многія теоріи прямо приходится усвоивать главнымъ образомъ путемъ историческаго ихъ изученія. Вотъ что, напр., говоритъ объ этомъ авторъ одной изъ программъ философіи, изданныхъ московской коммиссіей для организаціи домашняго чтенія. „Что касается вопроса о томъ, *какъ слѣдуетъ изучать философскія науки?*—то рѣшеніе его зависитъ отъ того, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время каждая изъ философскихъ наукъ. Разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, мы видимъ, во-первыхъ, что *логика* и *психологія* организовались въ отдѣльныя самостоятельныя науки, а потому могутъ быть изучаемы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время; во-вторыхъ, что такія науки, какъ *этика*, *метафизика* и *теорія познанія* представляютъ собой только выраженіе мнѣній того или другого философа, а потому должны изучаться не иначе, какъ въ курсѣ исторіи философіи“. Это замѣчаніе приложимо не къ одной отвлеченной философіи. То же самое можетъ быть сказано также и объ ученіяхъ политическихъ и экономическихъ. „Особенно,—говоритъ, напр., проф. Чупровъ въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи политической экономіи“, — особенно важно считаться съ исторической преемственностью идей въ общественныхъ наукахъ. Когда механикъ или астрономъ изучаетъ исторію своихъ наукъ, это есть лишь удовлетвореніе научной любознательности; ученый, обладающій полнымъ знаніемъ законовъ природы, можетъ свысока смотрѣть на прежнія неудачныя попытки постигнуть эти законы. Не то въ общественныхъ наукахъ: онѣ до сихъ поръ не пришли еще къ завершенію; въ нихъ истина раскрывается человѣчеству

Digitized by Google

медленно и по частямъ; уму человѣческому нерѣдко приходится идти здѣсь ощупью, бросаясь изъ одной крайности въ другую. Неудивительно поэтому, что нерѣдко старыя теоріи, сданныя, повидимому, въ архивъ, снова всплываютъ на поверхность жизни. Эта связь послѣдующаго съ предшествующимъ дѣлаетъ особенно важнымъ въ экономической литературѣ преемство идей, сѣнявшихъ одна другую въ ходѣ исторіи". Далѣе, говоритъ онъ, „экономическія теоріи, касающіяся практическихъ, матеріальныхъ нуждъ человѣка и человѣческаго общества, имѣютъ ту особенность, что онѣ находятся въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ жизнью. Общественный бытъ страны и народа кладетъ неизгладимую печать и на взгляды ученыхъ. Современная политическая экономія составляетъ прямой результатъ и вѣрное отраженіе тѣхъ перемѣнъ, которыя въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій произошли въ строѣ хозяйственной жизни и въ организаціи промышленности. Каждая изъ крупныхъ системъ была или выраженіемъ нуждъ, вызванныхъ совершившимися перемѣнами, или проявленіемъ протеста противъ вызванныхъ ими бѣдствій; теорія являлась или помощницей, или противницей того, что совершалось въ жизни. Эта тѣсная связь теоріи съ жизнью побуждаетъ изучать первую не иначе, какъ параллельно съ послѣднею".

Такимъ образомъ само состояніе нѣкоторыхъ наукъ положительно требуетъ историческаго къ нимъ отношенія. Въ этомъ смыслѣ я считаю особенно важными исторію философіи, въ частности исторію теоріи познанія и исторію этики, далѣе, исторію политическихъ теорій и исторію экономическихъ ученій, поскольку все это касается пониманія моральной и соціальной жизни человѣка. Не отрицая значенія исторіи ученій физическихъ, химическихъ, біологическихъ, съ одной стороны, лингвистическихъ, эстетическихъ, педагогическихъ, съ другой, я лишь отмѣчаю меньшую ихъ въ дѣлѣ выработки міросозерцанія важность, вытекающую изъ бо́льшей ихъ спеціальности сравнительно съ вопросами познанія, нравственности и общежитія.

Тутъ намъ представляется вопросъ: нельзя ли положить историческій путь въ основу ознакомленія вообще съ теоріями всѣхъ наукъ? Въ дѣлѣ усвоенія данныхъ и выводовъ каждой науки нельзя не обращать вниманія на порядокъ или систему, въ какихъ излагаются эти данныя и выводы. Для такихъ наукъ, какъ географія или исторія, вопросъ рѣшается порядкомъ пространства или времени, который и кладется въ основу системы излагаемыхъ фактовъ. Въ другихъ наукахъ въ родѣ ботаники или зоологіи система слѣдуетъ классификаціи растеній или животныхъ. Но я имѣю здѣсь въ виду не тѣ науки, въ коихъ преобладаютъ элементы описанія или повѣствованія, а науки, содержаніе коихъ сводится къ общимъ законамъ, къ отвлеченнымъ теоріямъ и т. п. Въ этихъ наукахъ система изложенія строится главнымъ образомъ на основаніяхъ логическихъ, образцомъ чего можетъ служить математика. Въ той исторической послѣдовательности, съ какою наукѣ дѣлались доступными отдѣльныя страны, отдѣльные виды растеній и животныхъ, памятники прошед-

Digitized by Google

шей жизни, историческіе факты, нѣтъ никакой логики, и если бы кто-либо сталъ знакомить съ зоологіей не въ порядкѣ естественной классификаціи, а въ томъ порядкѣ, въ какомъ дѣлались извѣстными, подвергались наблюденію, становились предметомъ описанія или изслѣдованія отдѣльные виды царства животныхъ, то въ результатѣ получился бы чисто хаотическій безпорядокъ. Иначе дѣло обстоитъ съ науками, въ коихъ формулируются чистыя теоріи. Въ послѣдовательности научныхъ открытій теоретическаго характера, въ послѣдовательной смѣнѣ общихъ ученій, въ послѣдовательной выработкѣ цѣльной теоріи путемъ послѣдовательной же постановки вопросовъ и послѣдовательнаго ихъ рѣшенія есть своя логика, т.-е. исторію каждой такой науки можно представить, какъ своего рода логическій процессъ, который не утратитъ вполнѣ своей логичности даже въ томъ случаѣ, если кое-что въ указанныхъ послѣдовательностяхъ будетъ зависѣть не отъ внутренняго развитія самой науки, а отъ случайныхъ открытій, какими богата исторія естествознанія, или отъ вліяній, идущихъ со стороны культурно-соціальной среды, многочисленные примѣры чего представляетъ намъ исторія наукъ философскихъ и общественныхъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ ознакомленіе съ основными научными проблемами, которыя легко было бы изложить въ опредѣленномъ логическомъ порядкѣ, гораздо удобнѣе пріобрѣтать путемъ историческаго изученія ихъ постановокъ и рѣшеній. Такимъ именно образомъ московская коммиссія для организаціи домашняго чтенія, какъ мы видѣли, рекомендуетъ знакомиться со многими вопросами философіи. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и наша программа философскаго образованія. Въ своихъ „Бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія“ я примѣнялъ тотъ же принципъ къ гносеологіи въ смыслѣ философской теоріи познанія. „Такъ какъ, сказано тамъ между прочимъ, на первыхъ порахъ гносеологическіе вопросы могли быть поставлены въ наиболѣе простой и удобопонятной формѣ и углублялись лишь съ теченіемъ времени и съ развитіемъ критической мысли, то для перваго знакомства съ этими вопросами историческій путь ихъ усвоенія представляется намъ наиболѣе легкимъ, удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Гносеологическіе вопросы въ той развитой формѣ, въ какой они ставятся новѣйшей философіей, никогда сами собою никому въ голову не придутъ, и можно даже быть довольно образованнымъ человѣкомъ и весьма ученымъ спеціалистомъ, оставаясь въ области вопросовъ теоріи познанія на точкѣ зрѣнія философовъ древнѣйшаго періода, не задававшихся этими вопросами. Съ другой стороны, не повторивъ въ своемъ умѣ при помощи философіи исторіи всего того мыслительнаго процесса, посредствомъ коего философія пришла къ современной постановкѣ и рѣшеніямъ указанныхъ вопросовъ, трудно, а подчасъ и прямо невозможно понять надлежащимъ образомъ основныя проблемы гносеологіи. Въ школѣ ученику объясняютъ систему Коперника, и для того, чтобы онъ ее понялъ, нѣтъ надобности разсказывать ему, какія существовали космографическія представленія до Коперника, начиная (въ обратномъ порядкѣ) системой Птолемея и кончая наивными представленіями о чемъ-ни-

Digitized by Google

будь въ родѣ трехъ китовъ, держащихъ на себѣ землю. Гносеологія—другое дѣло: тутъ, хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ, приходится разъяснять дѣло, переходя отъ простѣйшихъ постановокъ вопроса къ постановкамъ болѣе сложнымъ, что въ сущности есть путь историческій, какъ бы ни былъ онъ замаскированъ неисторическою формою изложенія". Но то, что въ дисциплинахъ такого рода, какъ теорія познанія, является даже необходимостью, представляетъ изъ себя возможность по отношенію къ другимъ наукамъ, въ исторіи которыхъ наблюдается извѣстная, если можно такъ выразиться, правильность развитія. Въ интересахъ полнаго пониманія современныхъ научныхъ теорій въ высшей степени важно знать, какъ онѣ постепенно вырабатывались, какъ складывались онѣ изъ отдѣльныхъ ученій, какимъ путемъ послѣднія переходили однѣ въ другія, примѣненіе какихъ методовъ и точекъ зрѣнія приводило къ научнымъ результатамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какое вліяніе оказывали новыя теоріи на общую исторію человѣческаго міросозерцанія. Я думаю, что нѣкоторыя науки можно излагать въ порядкѣ послѣдовательности наиболѣе крупныхъ теорій. Другой вопросъ—насколько это удобно при элементарномъ ознакомленіи съ тою или другою наукою, но если бы дѣло шло лишь о болѣе серьезномъ въ общеобразовательныхъ цѣляхъ ознакомленіи съ тѣми или другими науками, историческія изложенія, въ коихъ были бы выдвинуты на первый планъ главные моменты развитія научныхъ теорій съ подробными характеристиками ученій, вполнѣ упрочившихся въ наукѣ, могли бы имѣть двоякаго рода значеніе: въ историческомъ изложеніи читатель получилъ бы все, что ему нужно знать о теоріяхъ той или другой науки въ ея современномъ состояніи, и въ то же время его историческія знанія обогатились бы новымъ матеріаломъ, и онъ могъ бы видѣть, какъ создалось современное состояніе человѣчества не только въ отношеніяхъ культурномъ и соціальномъ вообще, но и въ частности въ отношеніи научномъ. Въ настоящее время наука представляетъ изъ себя одну изъ величайшихъ культурныхъ и соціальныхъ силъ. Если высочайшимъ идеаломъ общаго образованія, на практикѣ, конечно, трудно достижимымъ является знаніе и пониманіе всего того, что доступно знанію и пониманію современниковъ, то настоящее обладаніе такимъ знаніемъ и пониманіемъ немыслимо, если мы будемъ брать научныя теоріи внѣ ихъ историческаго развитія и ихъ значенія въ исторической жизни. Послѣднее, конечно, можетъ быть вполнѣ оцѣнено лишь общею исторіей, но общей исторіи нельзя входить въ детали развитія отдѣльныхъ наукъ, и это съ удобствомъ можетъ быть сдѣлано лишь при помощи ознакомленія съ этими науками путемъ историческаго ихъ изложенія.

Каждая наука въ своей теоретической части состоитъ изъ отдѣльныхъ ученій, возникшихъ въ разное время, зависящихъ одни отъ другихъ въ смыслѣ естественной послѣдовательности ихъ возникновенія, связанныхъ весьма часто съ именемъ того или другого ученаго, той или другой школы. Эти отдѣльныя ученія могутъ быть изложены или въ той системѣ, которая вытекаетъ изъ

Digitized by Google

самой сути дѣла, или въ историческомъ порядкѣ своего возникновенія. Я не говорю, чтобы всегда удобно было замѣнить изложеніе систематическое (въ болѣе узкомъ значеніи слова) изложеніемъ историческимъ, но я думаю, что одно другимъ должно дополняться. Усвоеніе однихъ научныхъ теорій удобнѣе, быть можетъ, начинать въ историческомъ ихъ изложеніи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что тотъ же матеріалъ не долженъ быть предложенъ и въ извѣстной логической системѣ. Съ другой стороны, невозможность первоначальнаго ознакомленія съ другими науками историческимъ путемъ отнюдь не должна препятствовать тому, что бы въ заключеніе нельзя было знакомиться еще, хотя бы въ краткомъ очеркѣ, съ исторіей развитія той или другой изъ такихъ наукъ. Въ первомъ отношеніи, напр., признавая вполнѣ удобнымъ историческое изученіе проблемъ этики въ общемъ курсѣ исторіи философіи, я допускаю и иной путь ознакомленія съ разными способами рѣшенія вопросовъ этики, беру именно эти способы не въ той послѣдовательности, въ какой они другъ друга смѣняли, а въ тѣхъ пунктахъ сходствъ и различій, между ними существующихъ, которые позволяютъ классифицировать этическія доктрины, т.-е. распредѣлять ихъ между нѣсколькими основными типами съ указаніями на тѣ аргументы *pro* и *contra*, какіе могутъ быть выставлены по отношенію къ каждому такому типу. Во всякомъ случаѣ исторія этики, составляющая одну изъ весьма важныхъ сторонъ исторіи философіи, должна быть резюмирована въ подобномъ сравнительномъ разсмотрѣніи. Но то же самое я сказалъ бы и о гносеологіи. Другими словами, въ общеобразовательномъ ознакомленіи съ каждою теоретическою наукою долженъ быть историческій элементъ. Весь вопросъ заключается въ томъ, должно ли это ознакомленіе совершаться преимущественно историческимъ путемъ, причемъ изложеніе науки въ ея современномъ состояніи должно быть лишь заключительною главою ея исторіи, или же историческій очеркъ долженъ быть только краткимъ предисловіемъ (или послѣсловіемъ) къ чисто систематическому изложенію науки. Но вопросъ этотъ рѣшается уже въ зависимости отъ бо́льшей или меньшей связи той или другой науки съ общественною жизнью, отъ бо́льшей или меньшей выработанности самой науки, наконецъ, отъ чисто дидактическихъ соображеній, которыя, конечно, будутъ не одни и тѣ же по отношенію къ отдѣльнымъ наукамъ. Мнѣ хотѣлось только отмѣтить и возможность, и важность историческаго изученія научныхъ теорій въ смыслѣ достиженія тѣхъ цѣлей, какія слѣдуетъ ставить общему образованію.

О важности ознакомленія съ научными теоріями при помощи историческаго ихъ изложенія я скажу еще два-три слова особо. Въ понятіе духовной культуры, развитіе коей составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ историческаго процесса, входитъ между прочимъ и наука. Въ общей исторіи рядомъ съ исторіей религіи, философіи, литературы, искусства должна найти свое мѣсто и исторія науки. Если, однако, справедливо найдено, что исторія литературы не можетъ состоять въ одномъ перечисленіи именъ авторовъ и названій ихъ произведеній, въ біографіяхъ первыхъ и въ общихъ приговорахъ о другихъ, безъ

Digitized by Google

ознакомленія съ самими литературными произведеніями, хотя бы только въ болѣе подробной передачѣ ихъ содержанія, то равнымъ образомъ и исторія науки безъ пониманія тѣхъ предметовъ, о коихъ идетъ рѣчь, когда, напр., говорятъ о Коперникѣ, Ньютонѣ, Дарвинѣ и т. п., превратилась бы въ безсодержательное перечисленіе фактовъ безъ научнаго ихъ освѣщенія. Чтобы знать, напр., вліяніе, какое оказано было тѣмъ или другимъ научнымъ открытіемъ на исторію культуры, нужно имѣть понятіе о самой сущности этого открытія, т.-е. быть знакомымъ съ содержаніемъ теоріи, которая обязана ему своимъ происхожденіемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ РЕФЕРАТУ Н. И. КАРѢЕВА.

I. Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній.

Въ послѣдніе годы въ Англіи и Америкѣ началось широкое движеніе съ цѣлью содѣйствовать самообразованію тѣхъ лицъ, которыя не могли получить систематическаго университетскаго образованія. Починъ этому важному дѣлу положенъ и въ Россіи открытіемъ въ Москвѣ осенью 1894 г. дѣятельности Коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ знаній. Одновременно съ этимъ, въ ноябрѣ 1894 г., при Педагогическомъ Музеѣ въ С.-Петербургѣ, благодаря сочувствію этому дѣлу г. директора Музея А. Н. Макарова, былъ учрежденъ особый „Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію“, въ составъ котораго вошли слѣдующія лица: М. А. Антоновичъ, В. Л. Веренштамъ, И. И. Воргманъ, П. Ѳ. Каптеревъ, Н. А. Карышевъ, Н. И. Карѣевъ, Н. А. Котляревскій, Н. А. Меншуткинъ, В. А. Мякотинъ, И. П. Павловъ, Л. Ѳ. Пантелѣевъ, А. М. Скабичевскій, В. И. Семевскій, В. Д. Спиовскій, Н. А. Рубакинъ, Н. П. фанъ-деръ-Флитъ и В. Г. Яроцкій. Предсѣдательствуетъ въ Отдѣлѣ директоръ Музея А. Н. Макаровъ, товарищемъ предсѣдателя избранъ Н. И. Карѣевъ, а секретаремъ В. И. Семевскій.

Отдѣлъ имѣетъ цѣлью содѣйствовать самообразованію пользующихся его указаніями лицъ. Съ этою цѣлью онъ

1) составляетъ и печатаетъ въ общее свѣдѣніе программы какъ по естествознанію, такъ и по гуманитарнымъ наукамъ въ двухъ циклахъ: а) одну энциклопедическую программу, въ которой по каждой наукѣ указываются лишь важнѣйшіе вопросы, знакомство съ которыми необходимо для каждаго образованнаго человѣка, желающаго составить себѣ опредѣленное міросозерцаніе, при чемъ однакоже Отдѣлъ не дѣлаетъ обязательнымъ тотъ поря-

Digitized by Google

докъ изученія, какой указанъ въ общей энциклопедической программѣ, и б) отдѣльныя программы по тѣмъ же наукамъ. Программы эти сопровождаются указаніями на литературу предмета, преимущественно на русскомъ языкѣ и лишь въ крайнемъ случаѣ на языкахъ иностранныхъ, причемъ предполагается знакомство съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сверхъ того, составляются еще по мѣрѣ обращенія къ Отдѣлу за указаніями программы по извѣстнымъ вопросамъ, напр., объ общинномъ землевладѣніи, переселеніяхъ и проч. съ болѣе подробнымъ указаніемъ на литературу предмета.

2) Кромѣ закрытыхъ своихъ совѣщаній, Отдѣлъ устраиваетъ и публичныя собранія, въ которыхъ дѣлаются сообщенія о ходѣ популяризаціи науки на Западѣ и въ Россіи, разбираются сочиненія, входящія въ программу дѣятельности Отдѣла, читаются рефераты по вопросамъ, включеннымъ въ эти программы и т. п., а также устраиваетъ и общедоступныя публичныя лекціи на общихъ основаніяхъ. Въ нѣкоторыхъ наукахъ, какъ напр. въ физикѣ и химіи, это признано особенно нужнымъ для успѣшнаго достиженія цѣли Отдѣла въ виду необходимости опытнаго ознакомленія съ предметомъ.

3) Отдѣлъ сносится лично и письменно съ лицами, желающими пользоваться его указаніями и живущими какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи, и

4) издаетъ оригинальныя и переводныя сочиненія, а также сборники статей, соотвѣтствующіе цѣли Отдѣла. Кромѣ того, членъ Отдѣла В. Д. Сиповскій изъявилъ готовность открыть страницы редактируемаго имъ журнала „Образованіе“ для печатанія того, что Отдѣлъ сочтетъ необходимымъ огласить въ общее свѣдѣніе.

Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію въ цѣломъ рядѣ засѣданій, съ ноября 1894 по апрѣль 1895 г., подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева, разсмотрѣлъ и одобрилъ къ печатанію:

А. Общую энциклопедическую программу (съ объяснительными къ ней примѣчаніями), въ составленіи которой принимали участіе слѣдующія лица: по философіи П. Ѳ. Каптеревъ, по физикѣ И. И. Боргманъ и П. П. Фанъ-деръ-Флитъ, по химіи Н. А. Меншуткинъ, по астрономіи, геологіи, физической географіи, ботаникѣ, зоологіи, общей физіологіи и физической антропологіи М. А. Антоновичъ и Н. А. Рубакинъ, по анатоміи и физіологіи человѣка И. П. Павловъ, по соціологіи и философіи исторіи Н. И. Карѣевъ, по государственному праву и общей теоріи права Н. И. Карѣевъ при содѣйствіи С. А. Муромцева, по политической экономіи Н. А. Карышевъ и В. Г. Яроцкій, по всеобщей исторіи Н. И. Карѣевъ и В. Л. Беренштамъ, по русской исторіи В. А. Мякотинъ, В. И. Семевскій и В. Д. Сиповскій, по всеобщей и русской литературѣ Н. А. Котляревскій и А. М. Скабичевскій.

В. Отдѣльную программу по политической экономіи, составленную Н. А. Карышевымъ и В. Г. Яроцкимъ, и

В. Отдѣльную программу по русской исторіи, составленную В. И. Семевскимъ при содѣйствіи В. А. Мякотина и В. Д. Сиповскаго.

Digitized by Google

Лица, желающія пользоваться указаніями Отдѣла могутъ обращаться къ членамъ его лично или письменно. Письменныя обращенія адресуются въ С.-Петербургъ, уголъ Пантелеймонской и Фонтанки, Педагогическій Музей въ Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію. Съ 15 мая по 15 сентября сношенія съ Отдѣломъ прекращаются.

II. Объяснительная записка къ общей энциклопедической программѣ.

Всѣ отдѣльныя программы съ указаніями книгъ по разнымъ наукамъ и частнымъ вопросамъ знанія должны составлять одно цѣлое. Составители этихъ программъ и списковъ имѣли въ виду не столько каждую науку, взятую въ отдѣльности, сколько всю область научнаго знанія, распадающуюся на отдѣльныя науки. Цѣлью этихъ составителей вовсе не было указывать на то, какимъ образомъ люди, не получившіе университетскаго образованія, могли бы посредствомъ самостоятельнаго чтенія пріобрѣсти знанія, служащія предметомъ преподаванія на отдѣльныхъ факультетахъ. Послѣдніе въ концѣ-концовъ суть все-таки спеціальныя школы, въ которыхъ изучаются лишь нѣкоторыя науки, тогда какъ идеаломъ общаго образованія является усвоеніе всѣхъ основныхъ данныхъ и главнѣйшихъ выводовъ современнаго научнаго знанія. Конечно предлагаемыми программами и списками книгъ могутъ пользоваться лица, получившія только одно среднее образованіе, разъ они не задаются цѣлью изучить самостоятельно въ объемѣ университетскаго курса всѣ науки, преподаваемыя на отдѣльныхъ факультетахъ. Но совершенно также программы и списки самостоятельнаго чтенія предназначены и для тѣхъ, которые, получая или получивъ высшее спеціальное образованіе, чувствуютъ потребность въ расширеніи этого своего образованія путемъ ознакомленія съ науками, оставшимися имъ неизвѣстными. Если читателямъ съ среднимъ образованіемъ придется, чтобы достигнуть своей цѣли, выполнить всю предлагаемую программу, то людямъ, получившимъ или получающимъ высшее образованіе, не представится надобности слѣдовать всей этой программѣ. Напр., натуралисту нечего будетъ обращаться къ тѣмъ отдѣламъ программы, которые болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ кругу знаній, сообщаемыхъ на физико-математическихъ факультетахъ, и т. п.

Располагая программу въ извѣстномъ порядкѣ, составители вовсе не имѣли въ виду опредѣлять этимъ порядкомъ ту послѣдовательность, въ какой необходимо пріобрѣтать знанія, сообщаемыя отдѣльными науками, хотя въ частныхъ случаяхъ и можно установить извѣстный порядокъ, въ силу котораго удобнѣе проходить одно раньше, другое позже. Едва-ли были бы осуществимо на практикѣ требованіе строгой послѣдовательности въ выполненіи всей программы. Общій интересъ къ знанію всегда проявляется въ видѣ особаго въ каждую данную минуту интереса къ тѣмъ или другимъ предме-

Digitized by Google

тамъ, къ тѣмъ или другимъ вопросамъ. Здѣсь все зависитъ отъ индивидуальности читателя, и важно только, чтобы читатель, стремящійся дѣйствительно къ общему образованію, усвоилъ наиболѣе существенное всѣхъ главныхъ наукъ, въ какомъ бы то ни было порядкѣ, лишь бы послѣдній не находился въ явномъ противорѣчіи съ здравымъ смысломъ. Очень часто ознакомленіе съ тою или другою наукою само наводитъ на необходимость пріобрѣтенія хотя бы и самыхъ элементарныхъ знаній изъ другихъ наукъ. Напр., тотъ, кто заинтересуется психологіей, естественно и необходимо долженъ перейти отъ нея къ физіологіи, а отъ этой послѣдней къ элементамъ анатоміи и химіи. Вообще, можно только рекомендовать одно — начинать въ каждой отдѣльной наукѣ съ болѣе общаго, въ которой только и могутъ получить весь свой смыслъ частности. Въ этомъ отношеніи особое значеніе должно принадлежать основнымъ вопросамъ философіи, какъ наиболѣе общей науки, охватывающей собою и міръ природы, и міръ человѣка.

Общая энциклопедическая программа, которую пришлось составить изъ частныхъ программъ, принадлежащихъ разнымъ авторамъ, конечно, не можетъ отличаться совершенною стройностью. Тѣмъ не менѣе, соединяя эти отдѣльныя части въ одно цѣлое, необходимо было держаться,—насколько это было возможно, не передѣлывая отдѣльныхъ программъ,—нѣкотораго общаго порядка. Въ виду того, что философія охватываетъ собою важнѣйшія проблемы бытія и мышленія, она и поставлена въ самомъ началѣ программы. Въ дальнѣйшемъ—съ нѣкоторыми только отступленіями—сохраняется порядокъ знаменитой классификаціи наукъ Огюста Конта. Извѣстно, что этотъ философъ расположилъ основныя науки по степени убывающей общности и возрастающей сложности тѣхъ явленій, коими занимаются эти науки. Первою въ ряду наукъ онъ поставилъ математику, изслѣдующую наиболѣе общія условія пространственнаго и количественнаго существованія предметовъ. Въ нашей программѣ математика отсутствуетъ, такъ какъ принято, что средне-учебнаго курса этой науки совершенно достаточно для цѣлей общаго образованія. За математикою у Конта слѣдуютъ небесная механика, физика и химія, какъ три абстрактныя науки, имѣющія своимъ предметомъ неорганизованную матерію. Намъ пришлось устранить небесную механику, какъ науку, требующую высшихъ математическихъ познаній. Что же касается до описательной астрономіи, то мы поставили ее послѣ физики и химіи и передъ геологіей на основаніи двухъ соображеній. Уже послѣ Конта въ астрономіи возникли такія части (астро-физика, спектральный анализъ), которыя предполагаютъ физическія и химическія знанія. Съ другой стороны, съ астрономіей тѣсно связаны гипотезы о происхожденіи солнечной системы, служащія, такъ сказать, необходимымъ вступленіемъ въ геологію, какъ исторію нашей планеты. Отсюда и получился нашъ рядъ наукъ о неорганической природѣ: физика, химія, астрономія и геологія. Двѣ первыя суть по терминологіи Конта науки абстрактныя, изучающія общіе законы неорганической природы, двѣ вторыя—

Digitized by Google

науки конкретныя, примѣняющія эти общіе законы къ отдѣльнымъ предметамъ, каковы въ данномъ случаѣ звѣздное небо, наша солнечная система и земной шаръ. Въ связи съ геологіей поставлена у насъ и физическая географія.

Механика, физика и химія изучаютъ въ убывающей общности и возрастающей сложности то, что на языкѣ современной науки называется силами природы и веществомъ. Въ контовскомъ ряду наукъ за химіей естественно слѣдуетъ біологія, какъ наука о тѣхъ явленіяхъ, совокупность которыхъ носитъ названіе органической жизни. Въ нашей программѣ она представлена ботаникой и зоологіей съ анатоміей и физіологіей животныхъ, причемъ изъ зоологіи выдѣлена въ особую научную дисциплину антропологія въ смыслѣ зоологіи человѣка. Въ этой программѣ обращено должное вниманіе на современное эволюціонное ученіе, представляющее исторію органической жизни на землѣ, какъ развитіе высшихъ растительныхъ и животныхъ формъ изъ низшихъ.

Въ органическихъ существахъ, какъ явленія сравнительно съ явленіями біологическими менѣе общія и болѣе сложныя, возникаютъ явленія психическія, составляющія предметъ психологіи. Одна изъ ошибокъ Ог. Конта заключалась въ томъ, что онъ считалъ психологію простымъ придаткомъ біологіи, понимая притомъ первую изъ названныхъ наукъ въ смыслѣ давно оставленной серьезными учеными френологіи. Уже Милль и Спенсеръ указали на эту ошибку Конта и отвели психологіи самостоятельное мѣсто послѣ біологіи. Въ нашей программѣ однако психологія и тѣсно связанная съ нею этика соединены съ философіей въ виду ихъ особенной близости. Къ сожалѣнію, психологія до сихъ поръ мало разрабатывала тѣ явленія психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными индивидуумами, которыя составляютъ переходъ отъ явленій душевной жизни къ явленіямъ жизни общественной. За то въ настоящее время большіе успѣхи сдѣлала такъ называемая психофизіологія, представляющая собою переходъ отъ біологіи (физіологіи) къ психологіи. Прибавимъ еще, что эволюціонная теорія примѣняется въ настоящее время и къ исторіи психической жизни на землѣ отъ первыхъ ея проявленій у низшихъ животныхъ и кончая человѣкомъ.

Наименѣе общими, но за то наиболѣе сложными представляются намъ явленія общественной жизни, извѣстныя формы которой мы уже встрѣчаемъ въ животномъ мірѣ. Контовскій рядъ наукъ замыкается поэтому абстрактной наукой объ обществѣ, которая съ легкой руки Конта носитъ названіе соціологіи. Главный предметъ соціологіи — строеніе, дѣятельность и развитіе человѣческаго общества, отвлеченно взятаго. Отдѣльныя стороны общественной жизни, называемыя государствомъ, правомъ и народнымъ хозяйствомъ, изучаютъ болѣе старыя, чѣмъ соціологія, науки, именно: политика, юриспруденція и экономика, общимъ теоріямъ которыхъ въ нашей программѣ отведено самостоятельное мѣсто рядомъ съ основными вопросами соціологіи. Современное

Digitized by Google

научное міросозерцаніе исходитъ изъ того принципа, что общественныя явленія совершаются такъ же закономѣрно, какъ и явленія, происходящія въ природѣ. Задача соціологіи заключается въ томъ, чтобы открывать законы причинности и развитія общественныхъ явленій. Это, выражаясь терминомъ Конта, есть наука абстрактная. Дѣйствительную общественную жизнь, какъ она происходила въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ и въ разныя времена, изучаетъ исторія. Въ нашей программѣ она и поставлена въ концѣ, причемъ изученію главнѣйшихъ историческихъ эпохъ предпосылается ознакомленіе съ до-историческимъ бытомъ, такъ сказать связывающимъ исторію человѣчества съ исторіей предыдущихъ фазисовъ развитія жизни на землѣ. Какъ отдѣльная историческая наука, выдѣлена въ нашей программѣ исторія литературы. Сдѣлано это въ виду того, что общее образованіе достигается не только научнымъ, но и литературнымъ чтеніемъ, непосредственное же знакомство съ литературными произведеніями разныхъ народовъ и эпохъ лишь тогда можетъ достигнуть всего своего значенія, когда соединяется съ изученіемъ не только исторіи вообще, но въ частности и исторіи литературы.

Что касается до прилагаемыхъ списковъ произведеній всеобщей и русской литературы, то въ нихъ составители ограничились самымъ, по ихъ мнѣнію, необходимымъ. Конечно, въ этихъ спискахъ можно указать немало пробѣловъ, но пробѣлы могутъ быть обнаружены и въ научныхъ программахъ. Дѣло въ томъ, однако, что при всемъ стремленіи къ тому, чтобы количество необходимыхъ для самообразованія книгъ не превышало извѣстной нормы, въ результатѣ получилось такихъ книгъ немало, если даже не считать ни параллельныхъ указаній, ни указаній на книги, которыя рекомендуются для желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ тѣмъ или другимъ предметомъ. Вообще, на выполненіе всей энциклопедической программы должно потребоваться не мало времени, но и сами составители затруднились бы сказать, сколько времени на это потребовалось бы: все тутъ зависитъ отъ индивидуальности самого читателя и отъ тѣхъ жизненныхъ условій, въ какія онъ поставленъ. Имѣя въ виду, такъ сказать, средняго читателя, который въ большинствѣ случаевъ не владѣетъ въ достаточной мѣрѣ иностранными языками, составители списковъ книгъ ограничились указаніями на русскія (оригинальныя и переводныя) сочиненія.

III. Энциклопедическая программа.

1) Философія.

Изъ отдѣльныхъ вѣтвей, составляющихъ философію—метафизики, теоріи познанія, логики, психологіи, этики и др.—наибольшее значеніе для самообразованія имѣютъ исторія философіи и психологія. Исторія философіи, пока-

Digitized by Google

зывая возникновеніе, условія развитія и основное единство философскихъ проблемъ и системъ, непосредственно вводитъ въ философское мышленіе, значительно содѣйствуя расширенію и просвѣтленію міровоззрѣнія каждаго мыслящаго человѣка. Безъ знакомства съ исторіей философіи усвоеніе другихъ вѣтвей философіи будетъ крайне затруднительно. Психологія важна въ кругу философскихъ предметовъ тѣмъ, что она служитъ общей основой нѣкоторыхъ философскихъ дисциплинъ, каковы: эстетика, этика, логика. Безъ знакомства съ общими психологическими началами усвоеніе этихъ дисциплинъ будетъ такъ же затруднительно, какъ безъ знакомства съ исторіей философіи усвоеніе метафизики или теоріи познанія.

Сообразно съ временемъ, которое находится въ распоряженіи для чтенія произведеній историко-философскаго содержанія, и съ подготовкой, ознакомленіе съ исторіей философіи можетъ быть раздѣлено на первоначальное, болѣе краткое и элементарное, и дальнѣйшее, болѣе пространное и основательное. Для перваго знакомства съ исторіей философіи съ пользою могутъ служить: Фуллье, Исторія философіи. Переводъ Николаева. Москва, 1894 г. или A. Weber, Histoire de la philosophie européenne. Paris, 1886 г. 4 ed. (есть русскій переводъ этой книги, сдѣланный подъ редакціей проф. Козлова, 1882 г., но переводъ этотъ не вполнѣ удовлетворителенъ). Для болѣе подробнаго знакомства съ исторіей философіи и ея литературой могутъ служить: Виндельбанда, Исторія древней философіи. Спб. 1894 г. и Фалькенберга, Исторія новой философіи. Спб. 1894 г. Обѣ книги переведены подъ редакціей проф. Введенскаго.

Такъ какъ знакомство съ исторіей философіи должно содѣйствовать просвѣтлѣнію и расширенію собственнаго міровоззрѣнія, то весьма полезно общее знакомство съ исторіей философіи пополнить критическимъ разборомъ главнѣйшихъ вопросовъ и направленій историко-философской мысли и въ частности вопроса о началахъ нравственной дѣятельности человѣка. Для этой цѣли могутъ служить: Паульсена, Введеніе въ философію. Переводъ подъ редакціей Преображенскаго. Москва, 1894 г.—сочиненіе, богатое содержаніемъ и хорошо написанное, несмотря на трудность трактуемыхъ вопросовъ (введеніе о сущности и значеніи философіи общедоступно);—Вундта, Этика. Спб. 1888 г. (Отдѣлъ второй—философскія системы морали) или A. Fouillée, Critique des systèmes de morale contemporains. Paris, 2 ed. (есть русскій переводъ, не вполнѣ удовлетворительный); Цигель. Что такое нравственность?

Для ознакомленія съ психологіей могутъ служить: Снегиревъ, Психологія. 1893 г. или Гефдингъ, Очерки психологіи. 1892 г.

Первое изъ названныхъ сочиненій читается легче второго.

Обширный запасъ фактическаго психологическаго матеріала можно найти въ сочиненіи Вэна, Психологія. 2-е изд. Спб. 1887 г.—переводъ легкостью не отличается.

Сводъ экспериментальныхъ данныхъ новѣйшей физіологической психологіи

Digitized by Google

можно найти въ книжкѣ Цигена, Физіологическая психологія. Переводъ подъ редакціею Чижа. Спб. 1893 г.—изложеніе сжатое.

Общія понятія о задачахъ психологіи, ея методахъ и главныхъ элементахъ можно почерпнуть въ книгѣ Льюиса, Изученіе психологіи. Ея предметъ, область и методъ. Переводъ подъ редакціей Боборыкина. Москва, 1880.

2) Физика.

Для ознакомленія съ общими воззрѣніями современной физики, можно рекомендовать:

Тиндаль. Статьи и рѣчи или

Гельмгольцъ: Научныя статьи и рѣчи. Статьи Гельмгольца не всѣ переведены на русскій языкъ; отдѣльно появились статьи „О взаимодѣйствіи силъ природы", „Законъ сохраненія энергіи", „О глазѣ и зрѣніи" и переводъ перваго изданія статей. Желательно имѣть полный переводъ новаго изданія его статей; то же нужно сказать и о статьяхъ Тиндаля.

Гольдгаммеръ: Наши свѣдѣнія объ эфирѣ. (Записки Казанскаго Универс. за 1891 г.).

Вальфуръ Стюартъ: Сохраненіе энергіи.

Фикъ: Силы природы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

По отдѣльнымъ частямъ физики можно рекомендовать курсы:

Тиндаль. Теплота, какъ видъ движенія.

Тиндаль. Звукъ.

Столѣтовъ: Введеніе въ акустику и оптику. За отсутствіемъ эквивалентныхъ курсовъ по другимъ частямъ физики, для пополненія свѣдѣній можно рекомендовать:

Курсъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній Краевича, посмертное (12-ое) изданіе 1894 г. подъ редакціей Ефимова или Начальную физику Любимова (хотя и устарѣлую, но важную по свѣдѣніямъ изъ исторіи физики) и статьи по отдѣльнымъ вопросамъ:

Воргманъ. Магнитный потокъ и его дѣйствіе.

Гертцъ. Объ отношеніи между свѣтомъ и электричествомъ.

Бойсъ. Мыльные пузыри.

3) Химія.

Составить программу систематическаго чтенія, съ цѣлью самообразованія по химіи, представляется весьма труднымъ. Подобно большинству естественныхъ наукъ, химія не входитъ въ кругъ предметовъ гимназическаго преподаванія, и потому при составленіи программы, нужно имѣть въ виду лицъ, для которыхъ неизвѣстны первыя основанія науки. Приходится начинать чтеніе съ ознакомленія съ необходимѣйшими фактами, изъ которыхъ выведены законы химіи, какъ науки о составѣ, свойствахъ и превращеніяхъ вещества.

Digitized by Google

Для перваго чтенія по химіи, указываемъ на нѣсколько лекцій А. М. Бутлерова, изданныхъ подъ заглавіемъ: *Начальныя основанія химіи.*

Указавъ на это первое сочиненіе, считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку. Для изученія химіи, нужно ознакомиться съ характерными особенностями химическаго явленія, съ методой, употребительной вообще въ естествознаніи для изученія явленій природы, и въ частности съ экспериментальными пріемами и приборами, которые для этой цѣли примѣняетъ химія. Неподготовленный гимназіей, читатель едва-ли правильно будетъ понимать книжное изложеніе химическихъ истинъ; не видавъ химическихъ приборовъ, нельзя себѣ ихъ правильно представить, равно какъ теченіе опыта. Поэтому, желающему ознакомиться съ химіей, считаемъ нужнымъ указать, что весьма цѣлесообразно сначала прослушать экспериментальный курсъ введенія въ изученіе химіи, въ размѣрѣ 10—12 лекцій и въ томъ объемѣ, который приблизительно покрываетъ собою указанное выше сочиненіе Бутлерова.

Подготовивъ себя указаннымъ способомъ, можно приступить къ чтенію элементарныхъ учебниковъ для восполненія наиважнѣйшихъ основныхъ химическихъ фактовъ. Рекомендуемъ прочесть Вюрца *Элементарный курсъ новой химіи* или же А. Потылицына *Начальный учебникъ химіи.* Къ сожалѣнію, этотъ учебникъ составленъ по программѣ химіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а потому имѣетъ въ виду не исключительно общеобразовательныя цѣли.

По прочтеніи одного изъ указанныхъ руководствъ рекомендуемъ прочесть *Краткій учебникъ химіи Роско*, въ которомъ органическая химія изложена въ нѣсколько большемъ объемѣ, чѣмъ въ предшествующихъ сочиненіяхъ. Учебникъ Роско выдержалъ нѣсколько изданій на русскомъ языкѣ. Они уступаютъ однако послѣднимъ англійскимъ изданіямъ, а въ особенности послѣднему нѣмецкому изданію, редактированному професоромъ Классеномъ.

Русская химическая литература въ *Основахъ химіи* Д. Менделѣева, обладаетъ сочиненіемъ, равнымъ которому нѣтъ у другихъ народовъ. Это сочиненіе наиболѣе глубоко захватываетъ и наиболѣе сильно освѣщаетъ всѣ вопросы философіи химіи. Чтеніе его весьма трудно для начинающаго; тѣмъ не менѣе чтеніе этого сочиненія мы поставили бы цѣлью желающимъ ознакомиться съ химіей: оно доставитъ имъ высокое наслажденіе и окажетъ значительное вліяніе на расширеніе умственнаго кругозора.

4) Астрономія.

Локаеръ, Почему таковъ составъ земли? Три лекціи, помѣщенныя въ книжкѣ „Общедоступный Космосъ“.

Локаеръ, Астрономія. Изъ серіи первоначальныхъ учебниковъ.

Клейнъ, Астрономическіе вечера.

Предтеченскій, Звѣздный міръ.

Изложеніе гипотезы Лапласа объ образованіи солнечной системы у Реклю „Земля“. Выпускъ 1-й.

Digitized by Google

5) *Исторія земли (геологія).*

Изученію геологіи должно предшествовать знакомство съ физической географіей. Для этого рекомендуется А. Гейки, Физическая географія (изъ серіи первоначальныхъ учебниковъ).

Изложеніе общихъ геологическихъ фактовъ и выводовъ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

А. Карпинскій, Очеркъ физико-географическихъ условій европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды. Приложеніе къ LV тому Записокъ Академіи Наукъ, 1887, № 8.

А. Гейки, Геологія (изъ серіи первоначальныхъ учебниковъ).

Д. Пэджъ, Философія геологіи.

П. А. Осокинъ, Жигули и известнякъ, которымъ постятъ улицы Самары.—Самара, 1893.

Уильямсонъ, Послѣдовательность жизни на землѣ. Помѣщено въ книгѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Общедоступный Космосъ". Спб. 1878.

Котта, Геологія настоящаго времени. Спб. 1874.

Соколовъ, Прошлое и настоящее земли. Спб. 1890.

Послѣднія шесть книгъ могутъ быть замѣнены одною: Агасоновъ. Прошедшее и настоящее земли.

Въ видахъ общаго образованія не представляется необходимымъ изучать всѣ геологическіе періоды, которые прежде назывались *формаціями*, а теперь обыкновенно называются *системами*. Достаточно знать названія этихъ системъ и ихъ историческую послѣдовательность. Перечисленіе этихъ системъ можно найти въ какомъ-нибудь изъ слѣдующихъ руководствъ по геологіи: Карла Фохта, Лайелля, Иностранцева и въ Физической геологіи Мушкетова. Можно ограничиться изученіемъ только двухъ характерныхъ системъ, каменноугольной и мѣловой по какому нибудь изъ указанныхъ руководствъ. См. также Гексли, Образованіе каменнаго угля, въ „Природѣ", 1874, 2 кн. Его же, исторія мѣла въ „Мірѣ Божіемъ", 1893, № 12. Наконецъ, необходимо изучить такъ называемый въ геологіи *ледниковый періодъ* и познакомиться съ геологическою дѣятельностью ледниковъ. Руководствомъ могутъ служить, кромѣ названныхъ выше учебниковъ геологіи, еще слѣдующія сочиненія:

Гельмгольцъ, Популярныя и научныя статьи (статья „Ледъ и ледники").

Тиндаль, Тепло и холодъ (популярныя лекціи; лекція третья).

Вмѣсто обѣихъ этихъ книгъ, можно ограничиться одною:

М. А. Антоновичъ, Ледниковая гипотеза и ледниковыя явленія въ Финляндіи и Повѣнецкомъ уѣздѣ. Двѣ статьи въ Горномъ Журналѣ 1878, февраль и мартъ.

Digitized by Google

6) *Ботаника и зоологія.*

Общимъ введеніемъ къ нимъ можетъ служить книга:

Клодъ Бернаръ, Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ, Спб. 1878.

Ботаника.

Тимирязевъ, Жизнь растенія. 3-е изданіе.

Бородинъ, Краткій учебникъ ботаники. 3-е изданіе.

Ауэрсвальдъ и Росмеслеръ, Ботаническія бесѣды (рекомендуется въ видѣ дополненія).

Зоологія.

Мензбиръ, Введеніе въ изученіе зоологіи или

Гётте, Зоологія—наука о животныхъ.

Прейеръ, Элементы общей физіологіи.

Гердъ. Учебникъ зоологіи (дополнительное чтеніе).

Для изученія вопроса о происхожденіи видовъ слѣдуетъ прочитать:

Тимирязевъ, Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. 3-е изданіе. Москва. 1894.

7) *Анатомія и физіологія животныхъ.*

Предполагаемая программа чтенія для самостоятельнаго первоначальнаго ознакомленія съ анатоміею и физіологіею животныхъ совершенно исключаетъ особыя, хотя бы и элементарныя, руководства по анатоміи, какъ книги, всегда заключающія въ себѣ массу неинтересныхъ да и ненужныхъ для читателя неспеціалиста подробностей. Анатомическія свѣдѣнія въ нужной мѣрѣ сообщаются отдѣльными частями при соотвѣтствующихъ отдѣлахъ физіологіи въ ниже рекомендуемыхъ книгахъ.—Затѣмъ программа ограничивается болѣе или менѣе цѣльными руководствами по физіологіи, оставляя въ сторонѣ какъ отдѣльныя статьи, такъ и цѣлыя книжки по различнымъ вопросамъ и отдѣламъ физіологіи, такъ какъ прежде всего идетъ дѣло о полученіи общаго представленія о строеніи и дѣятельности животнаго тѣла.

На этихъ основаніяхъ рекомендуются слѣдующія книги:

1) Лекціи зоологіи проф. Поля Бера. Анатомія и физіологія. Переводъ съ французскаго. 1891.

2) Физіологическія письма Карла Фогта. Переводъ съ нѣмецкаго. 1863.

3) Физіологія растительныхъ процессовъ проф. И. Сѣченова. Публичныя лекціи, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1870 г. и затѣмъ вышедшія отдѣльной книжкой.

Digitized by Google

4) Очерки анатоміи и физіологіи человѣка проф. Э. Брандта. Публичныя лекціи, 1873.

5) Уроки элементарной физіологіи Т. Гексли. Переводъ съ англійскаго. 1868.

6) Элементарный учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка проф. М. Дюваля и П. Константена. Переводъ съ французскаго. 1893.

7) Физіологія обыденной жизни Г. Льюиса. Переводъ съ англійскаго. 1867.

Всѣ перечисленныя книги написаны свѣдущими и талантливыми людьми, но все же между ними могутъ быть установлены извѣстныя различія.

Наиболѣе приспособлены для самостоятельнаго чтенія первыя три книги нашего списка. Книги строго ограничиваются кругомъ доступныхъ читателю общихъ свѣдѣній; исключены всѣ лишнія подробности, изложеніе богато удачными, весьма облегчающими пониманіе, сравненіями; рѣчи большею частію придана оживленная, возбуждающая бодрость читателя форма.—По полнотѣ и современности выдвигается книга Поля Бера. Публичныя лекціи проф. Сѣченова, къ сожалѣнію, составляютъ только половину физіологіи.

Очерки проф. Брандта, хотя представляютъ собою публичныя лекціи, написаны довольно сухо и безъ пропорціональности въ отдѣльныхъ главахъ; кое-что очень сжато, другое занимаетъ большее, чѣмъ слѣдуетъ мѣсто.

Книга проф. Гексли носитъ на себѣ характеръ учебника, мало озабоченнаго поддержаніемъ энергіи и интереса въ читателѣ посредствомъ формы изложенія. Къ сожалѣнію, и переводъ нельзя похвалить.

Книга проф. Дюваля и Константена есть чистый учебникъ, но отличный. Читателю-неспеціалисту не только можно, но и должно мелкій шрифтъ выпускать, чтобы не запутаться въ подробностяхъ и спорныхъ теоретическихъ соображеніяхъ.

Книга Льюиса занимаетъ особенное мѣсто, будучи вполнѣ оригинальной. Это, конечно,—общедоступная, популярная книга. Авторъ предполагаетъ предъ собою совершенно незнакомаго съ физіологіею читателя и потому все начинаетъ съ начала. Кромѣ того, онъ постоянно дѣлаетъ экскурсіи въ жизнь, приводя научныя данныя въ связь съ явленіями обыденной жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ посвящаетъ читателя въ исторію важнѣйшихъ открытій физіологіи и даже ведетъ его въ свою лабораторію, гдѣ рѣшаетъ съ нимъ опытами отдѣльные вопросы, вступая въ полемику съ разными авторами-физіологами. Все это дѣлаетъ трудъ Льюиса въ высшей степени занимательнымъ. Нельзя не рекомендовать такую книгу, хотя было бы лучше передъ нею прочитать что-нибудь изъ вышеперечисленныхъ книгъ.

8) *Антропологія* (*зоологическая*).

Дарвинъ, Происхожденіе человѣка. Переводъ Сѣченова. Изъ первой части первыя *семь* главъ, а изъ второй послѣднія *три* главы, XIX, XX, XXI.

Digitized by Google

Гексли, О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ.—Эта книга состоитъ изъ трехъ статей; существенна только вторая статья: „Объ отношеніи человѣка къ низшимъ животнымъ".

Изъ Антропологіи Топинара двѣ статьи, о расахъ и объ ископаемыхъ черепа. Русскій переводъ вполнѣ неудовлетворителенъ и потому лучше читать это сочиненіе во французскомъ подлинникѣ.

Статья Мечникова. Очеркъ воззрѣній на человѣка и природу, „Вѣстникъ Европы", 1877 г. № 4.

Ромэнсъ, Эволюція ума (англійское сочиненіе; желателенъ русскій переводъ).

Ромэнсъ, Объ умѣ животныхъ.

9) *Соціологія.*

Такъ какъ соціологія представляетъ изъ себя науку, весьма далекую отъ того, чтобы можно было указать на какой-либо общій, полный и систематическій ея курсъ, то въ своей программѣ мы ограничиваемся лишь указаніемъ на нѣкоторые основные вопросы этой науки, относя въ то же время многое изъ этой области къ спеціальнымъ общественнымъ наукамъ, каковыми являются политическая экономія, юриспруденція и государственное право. Въ связь съ соціологіей мы ставимъ и теорію исторіи (по другой терминологіи философію исторіи), которая должна быть не чѣмъ инымъ, какъ общимъ ученіемъ о развитіи общества и объ исторической дѣятельности его членовъ.

1) Соціологія, какъ наука, изучающая законы, коими управляются общественныя явленія.

2) Научный и этическій элементъ соціологіи.

3) Отношеніе соціологіи къ біологіи и психологіи (дарвинизмъ въ соціологіи, органическая теорія общества, коллективная психологія).

4) Отношеніе соціологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ (въ частности вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ).

5) Зависимость исторіи отъ природныхъ условій.

6) Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи.

7) Что такое прогрессъ?

1) Г. Г. Льюисъ и Д. С. Миллъ. Огюстъ Контъ и положительная философія (вторая часть соч. Льюиса).

Д. С. Миллъ. Система логики (т. II, кн. 6. Логика нравственныхъ наукъ).

Г. Спенсеръ. Объ изученіи соціологіи.

Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 1).

Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ (вступленіе).

2) Н. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды (статьи „О субъективизмѣ въ соціологіи" и „Философія, исторія и теорія прогресса") или Его же. Основные вопросы философіи исторіи, т. I, кн. II, гл. 1, 4 и 5.

Digitized by Google

3) Н. Михайловскій. Дарвинизмъ въ соціологіи и Общество, недѣлимое и организмъ (въ „Сочиненіяхъ").

С. Южаковъ. Соціологическіе этюды.

Н. Карѣевъ. Общество и организмъ (въ Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ).

Его же. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 3).

Г. Спенсеръ. Основы соціологіи.

4) Льюисъ и Милль. Огюстъ Контъ (мѣсто о классификаціи наукъ).

Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 2).

Его же. Экономическій матеріализмъ въ исторіи (въ Ист.-фил. и соц. этюдахъ).

5) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи (часть I, глава 2).

Н. Карѣевъ. Основные вопросы (т. II, кн. III, гл. 4).

6) *Тамъ же*, т. II, кн. IV, гл. 1.

Н. Михайловскій. Герои и толпа (въ „Сочиненіяхъ").

Н. Карѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи.

П. Николаевъ. Активный прогрессъ.

7) Н. Карѣевъ. Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи (въ Ист.-фил. и соц. этюдахъ).

Н. Михайловскій. Что такое прогрессъ? (въ „Сочиненіяхъ"; ср. статью „Формула прогресса г. Михайловскаго" въ От. Зап. за 1870 г.).

Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. IV, гл. II и III).

10) Юриспруденція и государствовѣдѣніе.

Изъ всѣхъ юридическихъ наукъ въ энциклопедической программѣ мы даемъ мѣсто только двумъ. Первая изъ нихъ представляетъ изъ себя то, что среди предметовъ юридическаго факультета нашихъ университетовъ называется энциклопедіей права: въ настоящее время у лучшихъ представителей этой каѳедры энциклопедія права все болѣе и болѣе превращается въ общую теорію права (подобно тому, какъ политическая экономія есть общая теорія народнаго хозяйства). Другою юридическою наукою въ программѣ нашей является такъ называемое государственное право въ смыслѣ, во-первыхъ, общей теоріи государства, а во-вторыхъ, научнаго описанія и анализа современнаго государственнаго устройства наиболѣе важныхъ зап.-европейскихъ державъ, равно какъ и государственнаго устройства Россіи.

1) Общая теорія права и юридическія науки.

Что такое право?

Отношеніе права къ народному хозяйству и государству.

Основные вопросы общей теоріи права.

2) Общая теорія государства.

Русское государственное право.

Digitized by Google

Западно-европейскія конституціи (съ конституціей Сѣверо-американскихъ штатовъ).

1) Н. Коркуновъ. Лекціи по общей теоріи права.

Р. Іерингъ. Цѣль въ правѣ и Борьба за право.

Ю. Гамбаровъ. Общественный интересъ въ правѣ.

2) А. Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ.

Его же. Русское государственное право или

Н. Коркуновъ. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ.

Его же. Русское государственное право.

Дайси. Основы государственнаго права Англіи.

Милль. О свободѣ.

Э. Лабулэ. Государство и его предѣлы.

11) Политическая экономія.

1) Ан. Карелинъ. Краткое изложеніе политической экономіи. Спб. 1894 или Н. Карышевъ. Экономическія бесѣды. Изд. 3-е. М. 1893.

2) А. И. Чупровъ. Политическая экономія. М. 1892 или (въ случаѣ невозможности достать эту книгу)

А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. Изд. 2-е. Спб. 1895.

3) Изъ курса И. И. Иванюкова. Политическая экономія. М. 1895—
—глава: IV „Мелкое и крупное производства",
V „Общинное землевладѣніе"
VI „Семейная форма производства" и
VII „Капиталистическая форма хозяйственныхъ предпріятій".

4) Н. И. Зиберъ—Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Спб. 1885. Стр. 76—108, 153—275, 325—440, 473—598.

5) А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи. М. 1892.

6) Ан. Карелинъ. Общинное землевладѣніе въ Россіи, Спб. 1893.

7) А. Ланге. Рабочій вопросъ. Спб. 1892.

8) Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Спб. 1893.

Занятія по политической экономіи рекомендуется начать съ чтенія краткаго учебника, схематически излагающаго систематику предмета и содержаніе каждаго его отдѣла. Для такого подготовительнаго чтенія пригодны курсъ г. Карелина и книжка г. Карышева. Въ первомъ изъ нихъ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе прикладныя части, знакомящія попутно съ многими интереснымъ фактами хозяйственной жизни Россіи; во второй имѣется вопрос-

Digitized by Google

никъ, могущій служить важнымъ подспорьемъ начинающему для усвоенія предмета. Лучше всего — соединить оба учебника, пополняя теоретическія главы г. Карышева прикладными частями работы г. Карелина.

Послѣ этого вступительнаго знакомства съ предметомъ является возможнымъ приступить къ болѣе подробному изученію политической экономіи по курсу г. Чупрова. Сжатость изложенія, строго выдержанная система и ясность языка выдвигаютъ этотъ курсъ изъ среды другихъ, почему онъ предпочтительно и рекомендуется, какъ необходимое пособіе. Но такъ какъ названной книги въ настоящее время въ продажѣ болѣе не имѣется, то (до появленія новаго ея изданія) для лицъ, которымъ не удается ею воспользоваться, предлагается курсъ г. Исаева. Если бы объемъ этой книги оказался слишкомъ великъ сообразно времени, которое изучающій могъ бы употребить на теоретическую экономію, то можно бы рекомендовать ограничиться въ этомъ мѣстѣ программы однѣми теоретическими главами названной работы, оставляя прикладныя до болѣе подробнаго знакомства съ экономической литературой.— Далѣе, какимъ-бы курсомъ ни пришлось воспользоваться—г. Чупрова, или г. Исаева—во всякомъ случаѣ представляется полезнымъ дополнить предшествующее чтеніе указанными четырьмя главами учебника г. Иванюкова, въ которыхъ изложено подробное ученіе о двухъ капитальныхъ вопросахъ политической экономіи—о формахъ производства и объ общинномъ землевладѣніи. Наконецъ, такое изученіе теоріи предмета должно бы быть совершено еще болѣе подробнымъ изложеніемъ работъ двухъ величайшихъ представителей трудовой теоріи въ ихъ преемственной связи,—изложеніемъ, сдѣланнымъ весьма талантливо въ указанной книжкѣ Зибера.

Далѣе, желательно, чтобы изучающій политическую экономію, кромѣ современнаго состоянія науки, ознакомился съ постепеннымъ развитіемъ экономическихъ ученій, обусловливаемыхъ измѣняющимися условіями хозяйственнаго быта народовъ. Изученіе этого процесса помогаетъ отнестись сознательнѣе къ той ступени развитія теоріи, которая характеризуетъ переживаемую эпоху. Для сказанной цѣли рекомендуется краткій курсъ исторіи политической экономіи г. Чупрова, отличающійся тѣмъ, что ростъ экономической мысли поставленъ въ немъ во многихъ случаяхъ въ связь съ характерными фактами хозяйственной жизни нѣкоторыхъ странъ.

Сказаннымъ заключается кругъ тѣхъ руководствъ, которыя рекомендуются для первоначальнаго знакомства съ общей частью предмета. Но занятія политической экономіей не могутъ исчерпываться послѣдней и должны быть дополнены ознакомленіемъ хотя бы съ главнѣйшими прикладными ея частями. Такими представляются двѣ области, составляющія въ настоящее время важнѣйшіе пункты, около которыхъ сосредоточено вниманіе и теоріи экономіи, и хозяйственной политики—земельныя отношенія и рабочій вопросъ. Для ознакомленія съ крупнѣйшимъ вопросомъ первой области рекомендуется книга г. Карелина объ общинномъ землевладѣніи, изобилующая многими литературными

Digitized by Google

ссылками и систематизирующая матеріалъ, относящійся къ предмету изслѣдованія; для ознакомленія съ второй областью желательно внимательное чтеніе упомянутой книги Ланга.—Наконецъ, солидный трудъ г. Николая—она, объединяя названныя прикладныя части экономіи въ примѣненіи въ частности къ Россіи, доставитъ читателю массу высоко интересныхъ обобщеній для сознательнаго отношенія къ текущимъ процессамъ хозяйственной жизни нашей страны.

12) Всеобщая исторія.

Программа по всеобщей исторіи далеко не охватываетъ всѣхъ частей этого громаднаго предмета. Для общаго обозрѣнія всеобщей исторіи въ цѣломъ рекомендуется повтореніе ея по какому-либо учебнику (Виноградовъ. Учебникъ всеобщей исторіи древняго міра и средніе вѣка. Гуревичъ. Исторія Греціи и Рима въ замѣну первой части учебника Виноградова. В. Шульгинъ. Курсъ новой исторіи или болѣе подробно въ Лекціяхъ по всемірной исторіи Петрова, т. III—IV. Григоровичъ. Новѣйшая исторія). Въ предлагаемой нами программѣ выбраны лишь нѣкоторые, наиболѣе важные, вопросы и эпохи всемірной исторіи съ указаніемъ на книги, коими слѣдуетъ пользоваться для ознакомленія съ этими эпохами. Для обобщенія знаній, какія могутъ быть получены путемъ чтенія указываемыхъ книгъ, весьма полезно въ концѣ прочитать два-три сочиненія съ характеромъ историко-философскимъ (Гизо. Исторія цивилизаціи въ Европѣ. Карѣевъ. Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы). Что касается до общихъ вопросовъ теоріи исторіи, то они обозначаются въ связи съ соціологіей [1]).

1) Доисторическій бытъ: Липпертъ. Исторія культуры и Тэйлоръ. Антропологія.

2) Культурный и соціальный бытъ древняго Востока: Н. Карѣевъ. Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока.—Масперо. Историческія чтенія (Египетъ и Ассирія).—Ольденбергъ. Будда.

3) Общественный и государственный строй античнаго міра: Н. Карѣевъ. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра.—Фюстель де Куланжъ. Гражданская община античнаго міра.

4) Историческое значеніе Римской имперіи: Ешевскій. Римскій центръ и его провинціи (въ „Сочиненіяхъ“).

5) Паденіе язычества и торжество христіанства: Ешевскій. Очерки христіанства и язычества (въ „Сочиненіяхъ“) или М. Корелинъ. Культурный

---

[1]) Болѣе полная и подробная программа по всеобщей исторіи съ указаніями на литературу предмета появится въ свое время.

Digitized by Google

кризисъ въ Римской имперіи (въ „Рус. Мысли"; выйдетъ отдѣльной книжкой).—Буасье. Паденіе язычества.

6) Феодальное общество и государство: Н. Карѣевъ. Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ.—Н. Карѣевъ. Исторія западной Европы въ новое время [1]), т. I, гл. 4—11, 13—19.—Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи (вторая половина: феодальная эпоха).—Фриманъ и Стебсъ. Опыты по исторіи англійской конституціи.—Брайсъ. Священная Римская имперія.

7) Средневѣковое міросозерцаніе: И. З. Е., т. I, гл. 22—26.—В. Герье (статьи въ „Вѣстн. Европы"; будутъ перепечатаны отдѣльно).—Г. Вызинскій Папство и Священная Римская имперія.

8) Гуманизмъ: И. З. Е., т. I, гл. 26—33.—М. Корелинъ. Гуманизмъ (статья въ IX т. Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона).—Буркгардтъ. Культура Возрожденія въ Италіи.

9) Реформація: И. З. Е., т. I, гл. 35—39 и т. II, гл. 2—26 или Гейсеръ. Исторія реформаціи (главы I—VI) со вступительною статьею В. М. Михайловскаго (Предвѣстники и предшественники реформаціи въ XIV и XV вѣкѣ).

10) Развитіе представительной системы въ Англіи: И. З. Е., т. I, гл. 7—9; т. II, гл. 32—38, 44—46 и т. III, гл. 5—6 или А. Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ (т. I: часть историческая. Кн. I: развитіе англійской конституціи).—Исторія первой англ. революціи изложена и въ „Реформаціи" Гейсера (глава XIII).

11) Экономическая исторія новаго времени: Зевортъ. Исторія новаго времени (однѣ дополнительныя главы проф. И. В. Лучицкаго). См. также въ разныхъ мѣстахъ И. З. Е., гдѣ экономической исторіи отведено надлежащее мѣсто.

12) Просвѣщеніе XVIII вѣка: И. З. Е., т. II, гл. 46 и т. III, гл. 11—17 или (подробнѣе) Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка, т. II, а также книги Морлея (о Вольтерѣ, о Руссо и о Дидро).—А. Шаховъ. Гете и его время.

13) Французская революція: И. З. Е., т. III, гл.2—4, 7—9, 29—42 и т. IV, гл. 2 или одна изъ популярныхъ исторій французской революціи Минье, Гейсера, Карно. Сверхъ того: И. Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи, т. I и А. Сорель. Европа и французская революція, т. I.

14) XIX вѣкъ: И. З. Е., т. IV, гл. 5 — 27 (доведена до 1830 г. и будетъ продолжена до 1871 г.).—Файфъ. Исторія XIX вѣка или Веберъ. Всемірная исторія, т. XIV—XV (особенно съ 1830 г.) — П. Осокинъ. Поли-

---

[1]) Университетскіе курсы, предназначенные и для самообразованія. Изъ этой книги, которая въ дальнѣйшемъ обозначается инціалами „И. З. С.", указывается здѣсь далеко не все. Отдѣльныя части И. З. Е. или замѣняются, или дополняются другими книгами.

Digitized by Google

тическія движенія въ Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка.—А. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в.

13) Русская Исторія.

Предлагаемая программа далеко не имѣетъ своею цѣлью охватить все содержаніе русской исторіи. Такая цѣль не соотвѣтствовала бы прежде всего общему плану комиссіи, въ силу котораго въ первыя программы вносятся лишь наиболѣе существенные и важные вопросы изъ области каждой отдѣльной науки. Но помимо этого общаго соображенія при составленіи данной программы приходилось считаться и съ однимъ спеціальнымъ затрудненіемъ. Какъ ни богата въ настоящее время литература русской исторіи монографическими изслѣдованіями, но въ ней чрезвычайно мало трудовъ, посвященныхъ выясненію основныхъ сторонъ исторической жизни русскаго народа и въ то же время доступныхъ для публики. Содержаніе программы опредѣлилось въ виду этого не только взглядами ея составителей, но и фактической разработанностью тѣхъ или иныхъ темъ въ литературѣ.

Въ зависимости отъ указанныхъ причинъ программа намѣчаетъ три основные вопроса русской исторіи: экономическій и общественный строй Россіи, ея государственныя учрежденія и ея умственную культуру, предлагая прослѣдить развитіе этихъ сторонъ жизни въ рамкахъ главнѣйшихъ періодовъ, на которые обыкновенно дѣлится русская исторія: кіевскаго или удѣльно-вѣчевого, московскаго, петербургскаго и новѣйшаго (съ 60-хъ годовъ нашего вѣка). Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ не имѣется пока ни одного труда, охватывающаго эти вопросы въ одной общей картинѣ. Для лицъ, имѣющихъ возможность пользоваться общественными библіотеками, такой недостатокъ можетъ быть отчасти восполненъ нѣкоторыми изъ университетскихъ курсовъ. Такую общую картину даютъ именно курсы проф. Ключевскаго и пр.-доц. Милюкова, причемъ послѣдній изъ нихъ можетъ быть замѣненъ статьями того же автора, начавшими печататься въ нынѣшнемъ году въ журналѣ „Міръ Божій“ п. з.: „Очерки русской культуры“. На случай невозможности достать названные курсы указывается еще читанный В. А. Мякотинымъ въ Александровскомъ лицеѣ въ 1891—92 гг. курсъ русской исторіи, главное содержаніе котораго относится къ XVIII вѣку, но гдѣ есть и введеніе, охватывающее XVI—XVII вв. Пособіемъ для изученія вопросовъ сословнаго и государственнаго быта Россіи могутъ служить также труды по исторіи русскаго права. Отдѣлы о населеніи, верховной власти и управленіи въ книгѣ пр. Сергѣевича дадутъ читателю представленіе о развитіи сословій и государственныхъ учрежденій Россіи на всемъ протяженіи ея жизни. Для кіевскаго и московскаго періодовъ такимъ же пособіемъ въ изученіе этихъ вопросовъ могутъ служить указанныя главы книги проф. Владимірскаго-Буданова. Общественный бытъ московскаго государства, равно какъ государственныя учреж-

Digitized by Google

денія этого періода можно изучить, пользуясь книгой проф. Ключевскаго „Боярская Дума". Исторію крестьянъ въ древнѣйшій и московскій періодъ изображаетъ книга Вѣляева, нѣкоторыя поправки къ которой дадутъ указанныя ниже пособія. Характеристику умственной жизни народа въ эти періоды читатель найдетъ въ руководствѣ Знаменскаго и первой главѣ XIII тома Исторіи Россіи Соловьева. Государственныя учрежденія XVIII—XIX вѣковъ обрисованы въ отмѣченныхъ курсахъ исторіи и исторіи права. Развитіе сословныхъ отношеній въ этомъ періодѣ можно изучить, пользуясь трудами гг. Побѣдоносцева (для начала его) и Вѣляева (съ Петра В.) для знакомства съ исторіей крестьянъ и книгой проф. Романовича-Славатинскаго — для дворянства, причемъ въ послѣдней наиболѣе важны 4 первыя главы. Развитіе освободительныхъ теченій въ русскомъ обществѣ XVIII—XIX вв. представлено въ сжатомъ видѣ въ введеніи къ труду В. И. Сеневскаго, и въ литографированномъ университетскомъ курсѣ того же автора, гдѣ имѣются и важныя дополненія къ картинѣ положенія крестьянства. Болѣе подробную обрисовку одного изъ наиболѣе важныхъ моментовъ этого періода, именно начала XIX столѣтія, читатель найдетъ въ книгѣ Пыпина: „Общественное движеніе", а другой трудъ того же автора дастъ ему общую картину русской литературы въ 40—50-хъ гг.

Изученіе реформъ царствованія Александра II рекомендуется начать съ книги, посвященной изображенію важнѣйшей изъ нихъ — уничтоженію крѣпостного права. Трудъ г. Иванюкова введетъ читателя въ исторію этой реформы и познакомитъ его съ общимъ характеромъ эпохи реформъ, съ настроеніемъ правительства и общества. Работы гг. Головачева и Джаншіева (послѣдняя въ указанныхъ частяхъ) могутъ сообщить знакомство съ остальными реформами. Собственно исторія умственной культуры этого періода—въ программѣ по исторіи литературы.

Главнѣйшіе вопросы русской исторіи.

Политическое устройство древней Руси въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

Экономическій строй Россіи за этотъ періодъ.

Образованіе царской власти и органовъ центральнаго управленія въ Москвѣ.

Служилое сословіе и закрѣпощеніе крестьянъ.

Религіозная жизнь народа и появленіе раскола.

Преобразованія высшаго управленія въ XVIII и XIX вв.

Развитіе крѣпостного права и подготовка освобожденія крестьянъ.

Паденіе крѣпостного права и другія реформы имп. Александра II.

Литература:

Ключевскій. Лекціи русской исторіи (литографированныя; доведены до первой четверти XIX вѣка).

Digitized by Google

Милюковъ. Введеніе въ курсъ русской исторіи.

Мякотинъ. Лекціи по русской исторіи (печатныя, но не имѣющіяся въ продажѣ. XVI—XVIII вв.).

Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія (отдѣлы о населеніи, верховной власти и управленіи).

Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права (часть I, періодъ I и II).

Ключевскій. Боярская дума (для не имѣющихъ его лекцій).

Знаменскій. Руководство церковной исторіи.

Бѣляевъ. Крестьяне на Руси (до Уложенія и послѣ Петра В.).

Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія (изслѣдованіе о крѣпостномъ правѣ XVII—XVIII вв.).

Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XIII, гл. 1.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи въ XVIII в.

Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, изд. 2-е. Спб. 1885 (кромѣ главы 6-й: о масонскихъ ложахъ).

Пыпинъ. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ гг. (глава: Народность оффиціальная).

Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX вв., т. I, введеніе, и литографированныя лекціи о крестьянскомъ вопросѣ.

Иваниковъ. Паденіе крѣпостного права.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ.

Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ, изд. 5-е (отд. I, гл. 1— освобожденіе крестьянъ, отд. II — отмѣна тѣлесныхъ наказаній, отд. III — университетская автономія, отд. IV — земская реформа, отд. V — цензурная реформа, отд. VI, гл. 8 — судебная реформа, отд. VII — общая воинская повинность).

Для лицъ, желающихъ пополнить и освѣжить вынесенный изъ школы запасъ фактическихъ свѣдѣній, могутъ быть указаны:

Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей.

Сиповскій. Родная Старина.

Водовозовъ. Очерки русской исторіи XVIII вѣка.

14) *Исторія литературы.*

Предлагаемая общая программа по исторіи всеобщей и русской словесности имѣетъ главнымъ образомъ въ виду пополнить недочеты нашего средняго образованія въ области литературы.

Въ программу литературы иностранной вошли самыя общія руководства и нѣсколько руководящихъ статей. Главное, на что должно быть обращено

Digitized by Google

вниманіе, это — ознакомленіе съ самими памятниками словесности, списокъ которыхъ къ программѣ приложенъ.

Что касается литературы русской, то цѣль нашей программы была — восполнить наиболѣе важный пробѣлъ нашего средняго образованія, а именно отсутствіе знаній по исторіи русской мысли и поэтическаго творчества за *текущее* столѣтіе. Поэтому въ программѣ отведено древней русской словесности значительно меньшее мѣсто, чѣмъ словесности новой. Въ основаніе программы положены всѣ главныя сочиненія общаго характера по исторіи литературныхъ теченій въ Россіи въ XIX вѣкѣ, чтеніе которыхъ должно *предшествовать* ознакомленію съ самими памятниками литературы. Эти памятники подобраны также съ тою цѣлью, чтобы служить поясненіемъ главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи русской жизни и русскаго самосознанія, начиная съ 50-хъ годовъ нашего столѣтія.

Программа по всеобщей литературѣ.

Руководства.

Грецiя. Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Вторая часть перваго тома.

Римъ. Модестовъ. Исторія римской литературы.

Средніе вѣка. (Волдаковъ). Исторія французской литературы по Деможо, Обертену и др.

Веселовскій, Александръ. Данте. Вѣст. Европы. 1866.

Возрожденіе. Тэнъ. Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ развитіемъ литературы.

Женэ. Шекспиръ.

Веселовскій. Александръ Рабле. Вѣст. Европы.

XVII вѣкъ во Франціи. Веселовскій, Алексѣй. Мольеръ (Этюды и характеристики).

XVIII вѣкъ въ Англіи. Геттнеръ. Исторія англійской литературы.

XVIII вѣкъ во Франціи. Морлей. Руссо.

Морлей. Вольтеръ.

Веселовскій, Алексѣй. Бомарше (Этюды и характеристики).

XVIII вѣкъ въ Германіи. Геттнеръ. Исторія нѣмецкой литературы. Т. III.

Чернышевскій. Лессингъ (Эстетика).

Шаховъ. Гёте и его время.

Льюисъ. Жизнь Гёте.

XIX вѣкъ въ Англіи. Тэнъ. Новѣйшая англійская литература въ ея современныхъ представителяхъ.

Брандесъ. Главныя теченія литературы XIX столѣтія. Англійская литература.

Digitized by Google

Спасовичъ. Байронъ (2-й томъ Сочиненій).

XIX вѣкъ во Франціи. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка.

Скабичевскій. Французскіе романтики. Отечеств. Записки, 1880. № 1, 2, 5, 7, 11, 12.

Брандесъ. Бальзакъ. Русская Мысль, 1886.

Памятники.

Эсхилъ. Прометей.
Софоклъ. Эдипъ царь.
Антигона.
Эврипидъ. Медея.
Аристофанъ. Облака.
Ювеналъ. Сатиры.
Данте. Адъ.
Сервантесъ. Донъ-Кихотъ.
Мольеръ. Тартюфъ.
Скупой.
Мизантропъ.
Шекспиръ. Гамлетъ.
Лиръ.
Отелло.
Макбетъ.
Ричардъ III.
Вольтеръ. Повѣсти и разсказы.
Лессингъ. Натанъ Мудрый.
Гёте. Вертеръ.
Гёцъ фонъ-Берлихингенъ.
Фаустъ (1-я часть).
Эгмонтъ.
Шиллеръ. Донъ-Карлосъ.
Вильгельмъ Телль.
Гейне. Книга пѣсенъ.
Германія.
Reisebilder.
Байронъ. Чайльдъ-Гарольдъ.
Манфредъ.
Каинъ.
Донъ-Жуанъ.
Диккенсъ. Пиквикскій клубъ.
Давидъ Копперфильдъ.
Теккерей. Ярмарка тщеславія.
Гюго. Несчастные.
1793-ій годъ.
Ж. Зандъ. Орасъ.
Мопра.
Флоріани.
Гюгеноны.
Бальзакъ. Е. Гранде.
Флоберъ. М. Бовари.
Доде. Короли въ изгнаніи.
Рунестанъ.
Зола. Жерминаль.
Шпильгагенъ. Одинъ въ полѣ не воинъ.
Мицкевичъ. Панъ Тадеушъ.
Оржешко. Надъ Нѣманомъ.
Ханъ.
Мейеръ Юзефовичъ.
Сенкевичъ. Наброски угленъ.
Болеславъ Пруссъ. На форпостѣ.

Программа по Русской литературѣ.

Руководства.

Порфирьевъ. Исторія русской словесности = Галаховъ. Исторія русской словесности.

Digitized by Google

Водовозовъ. Новая русская литература.
Венгеровъ. Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ.
Добролюбовъ. Собесѣдникъ любителей русскаго слова. (Сочиненія Т. I).
Русская сатира въ вѣкъ Екатерины. (Сочиненія Т. I).
Стоюнинъ. А. С. Пушкинъ.
Бѣлинскій. Собраніе сочиненій, Т. VIII-ой.
Скабичевскій. Сорокъ лѣтъ русской критики (Сочиненія Т. I).
Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода.
Анненковъ. Замѣчательное десятилѣтіе (Очерки и Воспоминанія Т. III).
Пыпинъ. Историческіе очерки. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ.
Добролюбовъ. Темное царство (Сочиненія Т. III).
Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ (Сочиненія Т. III).
Когда же пріидетъ настоящій день (Сочиненія Т. III).
Что такое Обломовщина (Сочиненія Т. II).
Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы.
Михайловскій. Жестокій талантъ.
Критическіе опыты. Л. Н. Толстой.
Герой безвременья.
Дашкевичъ. Отзывъ о сочиненіи г. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія".

Памятники.

Искандеръ. Кто виноватъ.
Раздумье.
Сорока-Воровка.
Аксаковъ, С. Семейная хроника.
Дѣтскіе годы Багрова внука.
Тургеневъ. Записки охотника.
Рудинъ.
Дворянское гнѣздо.
Отцы и Дѣти.
Дымъ.
Новь.
Стихотворенія въ прозѣ.
Григоровичъ. Антонъ Горемыка.
Переселенцы.
Достоевскій. Село Степанчиково.
Неточка Незванова.
Записки изъ Мертваго дома.
Преступленіе и наказаніе.
Писемскій. Горькая судьбина.
Тысяча душъ.
Островскій. Свои люди—сочтемся.
Вѣдность не порокъ.
Вѣдная невѣста.
Тяжелые дни.
Лѣсъ.
Волки и овцы.
Толстой. Дѣтство и Отрочество.
Поликушка.
Севастополь.
Война и миръ.
Анна Каренина.
Смерть Ивана Ильича.
Власть тьмы.
Хозяинъ и работникъ.
Салтыковъ. Губернскіе очерки.

Digitized by Google

Исторія одного города.
Господа Головлевы.
Помпадуры и Помпадурши.
Письма къ тетенькѣ.
Современная Идиллія.
Ташкентцы.
Мелочи жизни.
Поповская старина.
Помяловскій. Очерки бурсы.
Мѣщанское счастіе.
Молотовъ.
Сѣницевъ. Трудное время.
Рѣшетниковъ. Подлиповцы.
Свой хлѣбъ.
Златовратскій. Устои.
Печерскій. Въ лѣсахъ.
Крестовскій (псевдонимъ). Первая борьба.
Альбомъ.
Михайловъ. Жизнь Шунева, его родныхъ и знакомыхъ.
Успенскій Глѣбъ. Нравы Растеряевой улицы.
Разореніе.
Власть земли.
Вольная совѣсть.
Скучающая публика.
Деклуть пашпорта.
Нужда лѣсовщика весть.
Вобориыкинъ. Поучѣнье.
На ущербѣ.
Станюковичъ. Морскіе разсказы.
Гаршинъ. 3 книжки разсказовъ.
Короленко. Очерки и разсказы.
Маминъ-Сибирякъ. Уральскіе разсказы.
Чеховъ. Бабье царство.
Скучная исторія.
Палата № 6.
Майковъ. Антологія.
Два міра.
Три смерти.
Полонскій. Стихотворенія 1841—1855 г.
Толстой А. Донъ Жуанъ.
Драматическая Трилогія.
Никитинъ. Стихотворенія.
Плещеевъ. Стихотворенія.
Некрасовъ. Стихотворенія.
Надсонъ. Стихотворенія.
Кулишъ. Чорна Рада.
Марко-Вовчокъ. Оповѣданія.
Шевченко. Кобзарь.

IV. Спеціальныя программы.

А. Русская исторія.

При составленіи программы чтеній по русской исторіи мы имѣли въ виду указать главныя пособія для ознакомленія съ важнѣйшими сторонами нашей прошлой жизни, но только пособія, доступныя по своему содержанію для читателя неспеціалиста. Поэтому мы заранѣе отклоняемъ общій упрекъ въ неполнотѣ нашихъ библіографическихъ указаній (хотя, конечно, отдѣльныя упущенія возможны): какъ и составители программъ по другимъ наукамъ, мы стремились не къ тому, чтобы обременить читателя множествомъ книгъ и статей, а желали, наоборотъ, обратить его вниманіе лишь на наиболѣе важные труды по перечисленнымъ въ программѣ вопросамъ.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ общихъ обзоровъ русской исторіи, написанныхъ популярно и въ то же время научно. Въ энциклопедической программѣ были указаны лекціи проф. Ключевскаго, излагающія внутреннюю исторію Россіи въ порядкѣ хронологическомъ, лекціи проф. Милюкова „Введеніе въ курсъ русской исторіи", читанныя на московскихъ педагогическихъ курсахъ въ 1892—94 гг. и представляющія, такъ сказать, продольные разрѣзы нашего прошлаго, т.-е. обозрѣніе главнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи въ порядкѣ систематическомъ (несмотря на сжатость изложенія, эти талантливыя лекціи нельзя не признать большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ научнаго преподаванія русской исторіи) и лекціи В. А. Мякотина (XVI—XVIII в.), но, къ сожалѣнію, всѣ эти курсы въ продажѣ не находятся и слѣдовательно могутъ быть доступны развѣ посѣтителямъ публичныхъ библіотекъ Петербурга и Москвы [1]). Отсутствіе общедоступныхъ обзоровъ русской исторіи отчасти восполняется хорошими руководствами по исторіи права и церкви, указанными и въ энциклопедической программѣ, и въ нижеслѣдующей отдѣльной программѣ по русской исторіи. Но тѣмъ не менѣе является, конечно, необходимость въ ознакомленіи съ монографіями, перечисленными подъ соотвѣтственными рубриками.

Число указанныхъ въ программѣ вопросовъ могло бы быть нѣсколько увеличено, если бы въ нашей научной литературѣ можно было указать доступныя для неспеціалиста книги или статьи относительно нѣкоторыхъ явленій прошлой жизни Россіи. Такъ, напримѣръ, мы не внесли въ программу вопроса о ростѣ населенія, такъ какъ не можемъ указать ничего вполнѣ доступнаго, кромѣ соотвѣтственнаго очерка П. Н. Милюкова. Нѣтъ также въ программѣ вопроса о государственныхъ финансахъ, такъ какъ по опыту убѣдились, что почтенные труды по этому предмету такихъ ученыхъ, какъ гг. Лаппо-Данилевскій [2]) и Милюковъ [3]), не осиливаются неспеціалистами [4]). Нѣтъ у насъ также особаго вопроса по исторіи школьнаго образованія въ Россіи, такъ какъ, при всемъ обиліи монографій по исторіи отдѣльныхъ учебныхъ заведеній (среднихъ и высшихъ), мы, за исключеніемъ указанной у насъ книги Владимірскаго-Буданова, не имѣемъ обобщающихъ по этому предмету сочиненій [5]). Затѣмъ библіографическія указанія по названнымъ

---

[1]) Впрочемъ лекціи П. Н. Милюкова начали печататься въ переработанномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи русской культуры" въ журналѣ „Міръ Божій", 1895 г.

[2]) „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ".

[3]) „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства" и „Государственное хозяйство Россіи первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго". Спб. 1892 г.

[4]) По исторіи государственныхъ долговъ Россіи можно указать книгу г. Вржескаго. Спб. 1884 г.

[5]) Для исторіи народнаго образованія укажемъ еще статью того же автора въ „Жур. Мин. Н. Пр.," 1873 г., №№ 10 и 11, 1874 г. №№ 4, 5.

Digitized by Google

въ программѣ вопросахъ могли бы быть, конечно, увеличены, но, повторяемъ, мы считаемъ это обременительнымъ для неспеціалистовъ, желающихъ ознакомиться лишь съ главнѣйшими вопросами русской исторіи. Что же касается болѣе подробныхъ указаній по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, наиболѣе интересующимъ читателей, то они будутъ со временемъ даны въ особыхъ еще болѣе спеціальныхъ программахъ по этимъ вопросамъ.

1. Удѣльно-вѣчевая Русь. Новгородъ и Псковъ.

Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія (отдѣлъ о вѣчѣ и князѣ).

Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е (отдѣлъ о власти въ I періодѣ).

Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства, т. II.

Никитскій. Очеркъ внутренней исторіи Пскова (кромѣ I главы).

2. Колонизація и промыслы населенія въ древней Руси.

Ешевскій. Статья о колонизаціи въ собраніи его сочиненій, т. 3-й.

Бестужевъ-Рюминъ. О колонизаціи великорусскаго племени въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1867 г. № 6.

Милюковъ. Очерки изъ исторіи русской культуры. „Міръ Божій" 1895 г. № 4.

Аристовъ. Промышленность древней Руси.

3. Возвышеніе Москвы.

Костомаровъ. Начало единодержавія древней Россіи (Монографіи, т. XII или „Вѣстникъ Европы" 1870 г. №№ 11 и 12).

4. Исторія крестьянъ до прикрѣпленія включительно.

Бѣляевъ. Крестьяне на Руси.

Ключевскій. Лекціи по древней Русской Исторіи (литограф.).

Соколовскій. Экономическій бытъ крестьянъ предъ прикрѣпленіемъ.

5. Служилое сословіе, вотчины, помѣстья и мѣстничество.

Ключевскій. Лекціи по Русской Исторіи (литограф.).

— Боярская Дума, изд. 2-е.

Сергѣевичъ. Русскія Историческія Древности, т. I.

6. Земскіе соборы.

Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія (гл. II, Отдѣлъ о верховной власти или въ „Сборникѣ Государственныхъ знаній" т. II).

Ключевскій. Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси. „Русская Мысль" 1890 г. № 1, 1891 г., № 1, 1892 г. № 1.

7. Крестьяне въ XVII вѣкѣ.

Бѣляевъ. Крестьяне на Руси.

Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія.

Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина (Монографіи, т. II).

Digitized by Google

8. Малороссія въ XVII вѣкѣ.

Левицкій. Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII вѣка. 1875.

Антоновичъ, В. Б. Изслѣдованія о казакахъ въ Архивѣ Юго-западной Россіи, изд. Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, ч. III, т. 1 и 2.

Мякотинъ. Прикрѣпленіе крестьянъ лѣвобережной Малороссіи. „Русское Богатство“ 1894. № 2.

9. Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Костомаровъ. Домашній бытъ великорусскаго народа.

Жмакинъ. Митрополитъ Даніилъ (глава о русскомъ обществѣ въ XVI в.).

Иконниковъ. Русская женщина наканунѣ реформы Петра Великаго.

Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ, гл. 1 и 2.

10. Западныя вліянія въ XVII вѣкѣ

Ключевскій. Лекціи по Русской Исторіи (литограф.).

Иконниковъ. Ближній бояринъ Ординъ-Нащокинъ. „Русская Старина“ 1883 г. №№ 10 и 11.

Пыпинъ. Московская старина. Поиски за европейскимъ знаніемъ „Вѣстн. Европы“ 1885 г. №3

Пыпинъ. Послѣднія времена московской Руси „Вѣст. Евр.“ 1894 г. № 10.

11. Роль церкви въ древней Руси и начало раскола.

Знаменскій. Руководство къ церковной исторіи.

Щаповъ. Русскій расколъ старообрядства.

Мякотинъ. Протопопъ Аввакумъ (въ Біографич. библіотекѣ Павленкова).

Костомаровъ. Исторія раскола у раскольниковъ. (Монографіи т. XII).

Каптеревъ. Отношенія Россіи къ Востоку въ XVI и XVII в. М. 1885.

Милюковъ. Введеніе въ курсъ русской исторіи. Лекціи, читанныя на московскихъ педагогическихъ курсахъ 1893—1894 гг., стр. 1—67.

12. Внутренній бытъ Великороссіи въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Владимірскій-Будановъ. Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Ярославль. 1874 г.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи.

Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія.

Знаменскій. Приходское духовенство.

— Руководство къ церковной исторіи.

Пригара. Опытъ историческаго изслѣдованія городскихъ обывателей въ Восточной Россіи. Т. I. 1868.

13. Планы верховниковъ и дворянства въ 1730 году.

Милюковъ. Попытка государственныхъ реформъ при воцареніи императрицы Анны въ „Сборникѣ въ пользу воскресныхъ школъ“. 1894 г.

14. Расколъ съ начала XVIII вѣка.

Нильскій. Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ т. I и II.

Щаповъ. Земство и расколъ.

Харламовъ. Странники. „Русская Мысль“ 1884 г. № 5.

— Духоборцы. „Русская Мысль“ 1884 г. № 11 и 12.

Digitized by Google

Юзовъ. Русскіе диссиденты.
Костомаровъ. Молокане. Монографіи, т. XII.
Кутеповъ. Хлысты и скопцы. Казань. 1882.

15. Коммиссія для составленія Новаго Уложенія.

Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія (ч. II, гл. 2 въ отдѣлѣ о верховной власти) или его же статья: „Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи" въ „Вѣстникѣ Европы" 1878 г., № 1.

Семевскій, В. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, гл. 7 и 9.

16. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII в. [1])

*Семевскій. Крестьяне при Екатеринѣ II, т. 1. Спб. 1881. (Введеніе. Крестьяне крѣпостные и поссессіонные). Введеніе полнѣе въ „Русской Мысли" 1881 г. № 2.

Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I.

* — Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ 1760—1764. „Вѣстникъ Европы" 1877. №№ 1—2.

*Семевскій. Казенные крестьяне при Екатеринѣ II. „Русская Старина" 1879. №№ 1—6.

*Семевскій. Крестьяне вотчинъ духовенства во второй половинѣ XVIII в. „Русская Мысль" 1892, №№ 9—10.

*Семевскій. Пожалованіе населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II. „Отечественныя записки" 1877 г. № 8.

*Семевскій. Пожалованіе населенныхъ имѣній при Павлѣ. „Русская Мысль", 1872 г. № 12.

17. Пугачевщина.

Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Спб. 1884, 3 тома.

18. Общественный и домашній бытъ дворянства, духовенства и горожанъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи.
Знаменскій. Приходское духовенство.
— Руководство къ церковной исторіи.
Семевскій. Лекціи: „Исторія крестьянскаго сословія въ связи съ исторіей внутренняго быта XVIII и первой половины XIX вѣка" (литограф.). (Главы о бытѣ дворянъ и горожанъ).

19. Малороссія и казачество въ XVIII вѣкѣ.

Макотинъ. Прикрѣпленіе крестьянъ въ лѣвобережной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ. „Русское Богатство", 1894 г. №№ 2—4.

Лазаревскій. Малороссійскіе посполитые крестьяне. „Труды Черниговскаго статистическаго комитета", т. I.

Лучицкій. Займанщина и формы землевладѣнія въ Малороссіи. „Юридическій Вѣстникъ" 1890 г. № 3.

Эварницкій. Исторія Запорожской Сѣчи, т. I. 1892.

---

[1]) Для неимѣющихъ возможности читать всѣ отмѣченныя звѣздочкой монографіи авторъ составилъ небольшую статью, въ которой изложилъ главные выводы изъ своихъ трудовъ о бытѣ крестьянъ этого времени. Статья эта будетъ скоро напечатана.

Digitized by Google

20. Первые годы царствованія Александра I.

Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, изд. 2-е 1885 г.
Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. I, приложенія.

21. Характеристика Сперанскаго и его дѣятельности.

Пыпинъ. Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I.
Южаковъ. М. М. Сперанскій (въ „Біографической библіотекѣ" Павленкова).

22. Аракчеевъ и военныя поселенія.

Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. 5, гл. 63 и т. 6-й гл. 71.
Богдановичъ. Графъ Аракчеевъ и военныя населенія. Изд. „Русской Старины".
Богдановичъ. Бунтъ военныхъ поселянъ 1831 г. Изд. „Русс. Старины".

23. Вторая половина царствованія императора Александра I.

Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, изд. 2-е.
Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. V, гл. 67, т. VI, гл. 78, 80 и 81.
Скабичевскій. Очерки исторіи цензуры. 1892 г.
Знаменскій. Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I.

24. Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ первой половинѣ XIX вѣка.

Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в. т. I и II.
Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время (т. II, перв. полов.).
Шашковъ. Крѣпостные крестьяне предъ освобожденіемъ. „Слово". 1881 г. № 4.
Славутинскій. Генералъ Измайловъ и его дворня. „Древняя и Новая Россія" 1876 г. №№ 9—12.
Щепотьевъ. Къ исторіи разрушенія сложныхъ формъ общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ. „Русская Мысль". 1883, № 12.

25. Царствованіе императора Николая I.

Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50-хъ годовъ, изданіе 2-е.
Скабичевскій. Сочиненія т. I. („Сорокъ лѣтъ русской критики" и „Три человѣка 40-хъ гг.").
Скабичевскій. Очерки исторіи русской цензуры. 1892 г.
Анненковъ. Замѣчательное десятилѣтіе (1838—1848) въ собраніи сочиненій Анненкова, отд. III или въ „Вѣстникѣ Европы" 1880 г. №№ 1—5.
Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. 2 тома.
Станкевичъ. Т. Н. Грановскій.

26. Освобожденіе крестьянъ при Александрѣ II и другія реформы шестидесятыхъ годовъ.

Иванюковъ. Паденіе крѣпостнаго права.
Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ.

Digitized by Google

Скалонъ. Земскіе вопросы. 1892 г.
Ходскій. Земля и земледѣлецъ, т. II.
Скабичевскій. Очерки исторіи русской цензуры.
Семевскій. Крѣпостное право и крестьянскій вопросъ въ произведеніяхъ Салтыкова. „Сборникъ Правовѣд. и Общественныхъ знаній". 1893 т. I.

B. Политическая экономія.

Спеціальная программа по политической экономіи имѣетъ цѣлью дать читателю возможность, съ одной стороны, изучить теорію науки, а съ другой — прослѣдить историческое развитіе и современное положеніе главнѣйшихъ основъ хозяйственнаго быта народовъ. Въ зависимости отъ этихъ двухъ задачъ программа дѣлится на три большіе отдѣла. Первый ограничивается методологіей и основными теоретическими сочиненіями, представляя собой какъ-бы догматическую часть предмета; второй—составленъ изъ сочиненій и изслѣдованій, очерчивающихъ: а) исторію и развитіе экономическихъ ученій и б) исторію хозяйственной жизни въ ея существеннѣйшихъ проявленіяхъ; наконецъ, третій отдѣлъ, составляютъ изслѣдованія, знакомящія спеціально съ народно-хозяйственнымъ строемъ Россіи.

Первый теоретическій отдѣлъ начинается трактатомъ по методологіи политической экономіи, чтеніе котораго должно предшествовать изученію предмета по существу. Книга Менгера полнѣе работы г. Левитскаго, но написана менѣе доступно, чѣмъ послѣдняя.

Теоретическій курсъ науки открывается чтеніемъ книги г. Чупрова, которая знакомитъ читателя съ ея системой и сжато сообщаетъ ея матеріалъ на современной ступени ея развитія. Въ виду того, что книги этой въ продажѣ уже не имѣется, до появленія второго ея изданія для лицъ, не имѣющихъ возможности ею воспользоваться, рекомендуется взамѣнъ трудъ г. Исаева.— Послѣ такого предварительнаго ознакомленія съ системой экономіи во всей ея полнотѣ можно приступить къ чтенію авторовъ. На первомъ мѣстѣ должны стоять сочиненія Рикардо, для лучшаго усвоенія которыхъ, рекомендуется воспользоваться вопросникомъ, помѣщеннымъ въ изданіи Московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія [1]).— Затѣмъ слѣдуетъ курсъ Д. С. Милля, этого величайшаго систематизатора школы Ад. Смита, сочиненія Маркса и Родбертуса. Названныхъ сочиненій можно считать достаточнымъ для основательнаго знакомства съ современнымъ развитіемъ основныхъ чертъ теоретической экономіи.

Второй отдѣлъ программы начинается исторіей экономическихъ ученій. Учебникъ г. Чупрова является наилучшимъ сжатымъ введеніемъ въ эту область, такъ какъ онъ охватываетъ вкратцѣ всѣ періоды и ставитъ развитіе ученій въ связь съ нѣкоторыми сторонами хозяйственнаго быта нѣкоторыхъ

[1]) Программы домашняго чтенія въ 1894—95 годы, стр. 105—110.

Digitized by Google

странъ (главнымъ образомъ—Англіи). На случай невозможности пользоваться книжкой г. Чупрова, предлагается переводъ книжки Ингрэма, оставляющей, однако, желать многаго по полнотѣ.—Болѣе подробно ознакомиться съ исторіею хозяйственной литературы можно: a) для періода до Ад. Смита — по 1-му тому сочиненія Kautz'a, не переведенному на русскій языкъ и написанному довольно тяжело, b) а для періода послѣ Ад. Смита—по книгамъ Гильдебранда, Иванюкова и Зибера; первая изъ нихъ, нѣсколько устарѣла и страдаетъ пробѣлами, вторая значительно полнѣе и современнѣе, третья (въ теоретическихъ главахъ) подробно знакомитъ съ развитіемъ трудовой теоріи въ лицѣ двухъ величайшихъ ея представителей. — Наконецъ, книги Шеффле, Ант. Менгера, Меринга и Лавеле знакомятъ въ существенныхъ чертахъ, съ экономической теоріей соціализма; послѣдняя изъ нихъ имѣетъ крупные пробѣлы, но рекомендуется, какъ единственная, заслуживающая вниманія, работа на русскомъ языкѣ по этому предмету. — Сказанными сочиненіями заканчивается исторія экономической литературы.

Знакомство съ исторіей хозяйственнаго быта естественно начать съ быта первобытныхъ народовъ. Работы Зибера, Мена и Лавеле раскрываютъ картину примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній. Изслѣдованіе Родбертуса даетъ возможность прослѣдить экономику Рима, а книги Бланки и Бюхера, пополняя свѣдѣнія о хозяйственномъ бытѣ античнаго міра, слѣдятъ за развитіемъ экономическихъ отношеній въ послѣдующее время и даютъ описаніе натуральнаго хозяйства и начала промышленнаго развитія въ средніе вѣка. Характерную иллюстрацію земельныхъ отношеній въ тотъ же періодъ сообщаютъ изслѣдованія Нассе и Виноградова. — Крупный переломъ экономическихъ отношеній, имѣвшій мѣсто на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, отчетливо изложенъ въ историческихъ главахъ названнаго уже выше сочиненія Зибера, а дальнѣйшая исторія хозяйственнаго быта новаго времени достаточно ясно очерчивается работами Гельда, г. Янжула и г. Карѣева.—Переходя, наконецъ, къ XIX вѣку, сообщается рядъ изслѣдованій и статей, характеризующихъ современное состояніе двухъ главнѣйшихъ вопросовъ хозяйственнаго быта — рабочаго и земельнаго. — Въ заключеніе этого отдѣла для лицъ, владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ, рекомендуется 16 статей изъ словаря Конрада, служащихъ весьма цѣннымъ дополненіемъ соотвѣтственныхъ отдѣловъ программы.

Третій отдѣлъ начинается двумя сочиненіями г. Семевскаго, рисующими хозяйственный бытъ русскихъ крѣпостныхъ до ихъ освобожденія. Статья г. Мякотина преслѣдуетъ ту же цѣль по отношенію къ Малороссіи. Книга г. Иванюкова раскрываетъ процессъ паденія крѣпостного права, а работы г. Ходскаго, кн. Васильчикова и Янсона знакомятъ съ земельными отношеніями крестьянъ всѣхъ разрядовъ въ періодъ послѣ земельнаго устройства послѣднихъ въ 1861, 1865 и 1866 годахъ съ послѣдующими измѣненіями и дополненіями. Книга г. Карышева дополняетъ этотъ обзоръ русскаго землевла-

Digitized by Google

дѣнія свѣдѣніями о пользованіи крестьянами внѣнадѣльными землями. Работа г. В. В. знакомитъ съ тѣми процессами, которые совершаются въ крестьянскомъ земледѣліи. Статья г. Фортунатова отчасти освѣщаетъ вопросъ о постановкѣ сельскихъ рабочихъ, а его книга даетъ суммарныя свѣдѣнія о современномъ положеніи русскаго земледѣлія.—Крупная работа г. Николая—она наиболѣе полно и всесторонне разсматриваетъ всѣ факторы хозяйственной жизни Россіи въ ихъ взаимодѣйствіи въ переживаемое время.—Далѣе, представляется для русскаго читателя необходимымъ подробно ознакомиться съ господствующей у насъ формой пользованія крестьянами своей землей — съ общиннымъ землевладѣніемъ. Работы гг. Соколовскаго и Приклонскаго характеризуютъ нашу сѣверную общину, г. Орлова—общину центральныхъ губерній, г. Трирогова—общину на Волгѣ, г. Лучицкаго—общину въ Малороссіи, г. Соколовскаго и г. Щербины—общину казацкую и новороссійскую г. Кауфмана—общину въ Сибири. Небольшая книга г. Карелина и обширный трудъ г. В. В. даютъ очеркъ почти всѣхъ изслѣдованныхъ разновидностей общины и какъ бы суммируютъ выводы вышеназванныхъ изслѣдованій. Извѣстное сочиненіе г. Посникова подробно разбираетъ возраженія, направленныя противъ общиннаго землевладѣнія, а статьи г. Карышева и Котелянскаго дополняютъ это параллелями хозяйствъ общиннаго и подворнаго типа.—Въ нѣкоторыхъ главахъ книги г. Ядринцева читатель найдетъ характеристику главнѣйшихъ хозяйственныхъ чертъ Сибири.—Работа г. Исаева, хотя и нѣсколько устарѣвшая и книжка г. В. В. даютъ общія понятія объ артеляхъ. Свѣдѣнія о кустарной промышленности наиболѣе сжато и систематично изложены въ небольшой книжкѣ г. В. В., посвященной этому предмету. Книги гг. Святловскаго, Денентьева и Янжула и статья г. Марусина раскрываютъ характерныя черты нашего фабричнаго быта, а статьи г. Карышева даютъ статистическіе итоги русской индустріи до начала 90-хъ годовъ. Наконецъ, извѣстная работа г. Григорьева представляетъ наилучшее изслѣдованіе нашего переселенческаго движенія.

I Теорія.

*1) Карлъ-Менгеръ. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности.—СПб. 1894. Перев. подъ редак. Гурьева, или Левитскій.—Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. Ярослав. 1890.

2) А. И. Чупровъ. Политическая экономія. М. 1892, или (въ случаѣ невозможности достать эту книгу).

*А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. СПб. 1894.

3) Сочиненія Давида Рикардо, перев. Н. Зибера, СПб. 1882.—Главы I—VII, XIX—XXIV, XXVI, XXX, XXXI, „О покровительствѣ земледѣлію" и приложенія переводчика.

Примѣчаніе. Для усвоенія этой книги рекомендуется вопросникъ къ соч. Рикардо, составленный проф. Чупровымъ.

4) Д. С. Милль. Основанія политической экономіи. СПб. 1865.

5) К. Марксъ. Капиталъ, т. I. СПб. 1872.

Digitized by Google

6) Rodbertus-Iagetzow. Zur Beleuchtung der socialen Frage.—Berlin 1875.
7) „ „ Das Kapital.—Berlin 1884.

II. Исторія экономическихъ ученій и хозяйственнаго быта.

1) А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи. М. 1892, или (въ случаѣ невозможности достать эту книгу)
*Джонъ Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. — Перев. подъ ред. Янжула М. 1891.

2) Iulius Kautz. Die geschichtliche Entwickelung der Nationaloekonomik und ihrer Literatur. B. I (Buch I, II und III). Wien 1860.

3) Гильдебрандъ. Политическая экономія настоящаго и будущаго. Перев. Щепкина. М. 1860.

4) Ивановъ. Основныя положенія теоріи экономической политики съ Ад. Смита до настоящаго времени. 3-е Изд. М. 1891.

5) Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Глава I—VIII и XII—XIII. СПб. 1885.

6) Schaeffle. Quintessenz des Socialismus. 8 Aufl. 1884.

7) Ant. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. Stuttgart. 1891. 2 Aufl.

8) Mehring. Die deutsche Socialdemocratie, ihre Geschichte und Theorie.—3 Aufl. 1879.—Русское переложеніе 1-й изд. этой книги см. „Вѣстникъ Европы" 1879 № 1: А-въ—„Соціальное движеніе въ Германіи".

9) Лавеле. Современный соціализмъ. СПб. 1882.

10) Зиберъ. Очерки первобытной культуры. М. 1883. Главы I — VII, и IX—X.

11) Мэнъ. Деревенскія общины Востока и Запада.

12) E. de Laveleye. De la proprietè et ses formes primitives. Paris. Послѣднее изданіе 1891 г.—Имѣется русскій переводъ этой книги.

13) Родбертусъ.—Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. Перев. подъ редакц. Тарасова. Вып. I — IV. Ярославль 1881, 1884, 1887.

14) Ад. Бланки.—Исторія политической экономіи въ Европѣ. Перев. Бибикова. СПб. 1869. Т. I-й.

15) Karl Bücher. Die Entstehung der Volkswirthschaft.—Tübingen. 1883.—Первые два этюда: I Die Entstehung der Volkwirthschaft и II Die gewerblichen Betriebsysteme in ihren geschichtlichen Entwickelung—стр. 1—118.

16) Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. М. 1880.

17) Нассе. Сельская община въ Англіи „Ежегодникъ Демидовскаго Лицея" 1875.

18) Виноградовъ. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка. СПб. 1887 г.—стр. 107—185, 214—219, 243—259.

19) Зиберъ.—Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ. СПб. 1885. Главы IX, X и XI.

20) Held,—Zwei Bücher zur socialen Geschicte Englands. Leipzig. 1881. Zweites Buch, Capitel I—VI, S. 407—666.

21) Э. Зевортъ. Исторія новаго времени, Кіевъ, 1883, главы: въ XVI в. 5, 6 и 7, къ XVII и XVIII—7, 8, 9.

22) Янжулъ. Англійская свободная торговля, т. I и II. М. 1881 и 1882.

Digitized by Google

23) Карѣевъ. Крестьяне во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. М. 1879.

24) Карѣевъ. Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ. Варшава. 1881.

25) Лавле. Рабочій вопросъ. СПб. 1892.

26) Яроцкій. Экономическая отвѣтственность предпринимателей. 1887, ч. I.

27) Яроцкій. Страхованіе рабочихъ. Спб. 1895.

28) Сидней Веббъ и Коксъ. 8 часовой рабочій день. СПб. 1892.

29) Brentano. Arbeitsverhältnisse gemäss dem heutigen Recht. 1877.

30) Georg Adler. Die Geschichte der ersten Socialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland. Breslau. 1885.

31) Leon Smith. Les coalitions et les grêves. 1886.

32) Lexis. Gewerkvereine und Unternehmungsbände in Frankreich. 1880.

33) Гольденвейзеръ. Соціальныя теченія и реформы XIX в. въ Англіи. Кіевъ. 1891.

34) Миклашевскій. Рабочій вопросъ и соціальное законодательство въ Германіи. „Сборникъ Правовѣдѣнія", т. III.

35) W. Stieda. Die deutsche Hausindustrie. Leipzig. 1889.

36) А. Исаевъ. Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. 1879.

37) Оверовъ. Общества потребителей. СПб. 1894. ч. I. Общества потребителей на Западѣ, стр. 13—98.

38) Эрвинъ Нассе. Земледѣліе и аграрныя отношенія въ Англіи. Ярославъ. 1893.

39) Владѣніе и пользованіе землей въ разныхъ странахъ. СПб. 1871.

40) Ходскій. Земля и земледѣліе, т. I. СПб. 1891. Главы III — VII.

41) Карышевъ. Статьи „Землевладѣніе", „Землепользованіе" и „Земледѣльческіе рабочіе" въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона т. XII, вып. 23-й.

42) Lorenz von Stein. Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft.—Stuttgart. 1881.

43) Каблуковъ. Вопросъ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Англіи. М. 1884.

44) Мануиловъ. Аренда земель въ Ирландіи. М. 1895.

45) Статьи въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften (herausgegeben von Conrad, Elster, Lexis u. Loening) 6 Bände, Iena 1890—1894:

1) Gewerbe von Bücher, B. III S. 922.
2) Gewerkvereine in einzelnen Staaten (разныхъ авторовъ) B. IV. S. 7.
3) Zunftwesen von Stieda. B. VI. S. 878.
4) Hanse von Schäfer, B. IV S. 386.
5) Arbeiterschutzgesetzgebung (разныхъ авторовъ) B. I S. 400.
6) Sociale Reformbestrebungen (разныхъ авторовъ) B. V S. 741.
7) Socialismus und Kommunismus von Georg Adler, B. V S. 769.
8) Socialdemocratie. von Georg Adler.—B. V. S. 707.
9) Agrargerchichte von Lamprecht. B. I. S. 51.
10) Naturalwirthschaft. von Lexis B. V S. 15.
11) Allmenden von Bücher, B. I S. 181.
12) Feldgemeinschaft von Aug. Meitzen, B. III S. 368.
13) Geschichte des Grundbesitzes von Lamprecht. B. IV S. 139,
14) Latifundien von Conrad. B. IV. S. 971.
15) Bauernbefreiung (разныхъ авторовъ) B. II S. 182.
16) Erbpacht von Paasche, B. III S. 284.

Digitized by Google

III. Изслѣдованіе хозяйственнаго быта Россіи.

1) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Спб. 1881.

2) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой четверти XIX в. Спб. 1888, т. I; главы I. III—VII, XI—XXVIII, т. II гл. II—III, VI—XIII, XVI—XX.

3) Мякотинъ. Прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи. „Русское Богатство" 1894 г. №№ 2, 3 и 4.

4) Ивановъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. М. 1882.

5) Ходскій. Земля и земледѣлецъ. Т. II. Спб. 1891.

6) Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе. Спб. 1876. Т. I гл. IX.

7) Лисонъ. О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Изд. 2-е. Спб. 1881.

8) Карышевъ. Крестьянскія внѣ-надѣльныя аренды.—Итоги экономич. изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. II. Дерптъ. 1892.

9) В. В. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб. 1892.

10) Фортунатовъ. Поденная плата въ русскомъ земледѣліи—„Русская Мысль" 1883. VI.

11) Фортунатовъ. Сельско-хозяйственная статистика европейской Россіи. М. 1893.

12) Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Спб. 1893.

13) Соколовскій. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877.

14) Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ. М. 1884. Главы IV—IX.

15) В. И. Орловъ. Формы крестьянскаго землевладѣнія. М. 1879.—Сборникъ стат. свѣдѣн. по Московской губ. т. IV, вып. I.

16) Трироговъ. Община и подать. Спб.

17) Лучицкій. Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи.—Юридич. Вѣстникъ, 1890, т. I, стр. 391.

18) Соколовскій. Экономическій бытъ крестьянъ передъ прикрѣпленіемъ. Спб. 1878.

19) Щербина. Община Верхнеднѣпровскаго уѣзда.—„Русская Мысль" 1880 № 4.

20) Кауфманъ. Застывшая исторія общины.—„Вѣстникъ Европы" 1893. № 6 стр. 497.

21) А. Карелинъ. Общинное землевладѣніе въ Россіи.—Спб. 1893.

22) В. В. Крестьянская община.—Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. М. 1892.

23) Посниковъ. Общинное землевладѣніе. Т. I и II. Одесса. 1877 и 1878.

24) Карышевъ. Подворное и общинное хозяйство. „Русское Богатство" 1894 № 1 и 6.

25) Котелянскій. Очерки подворной Россіи.—„Отеч. Зап." 1878 № 2 и 8, 1879 № 1.

26) Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія. Спб. 1892. Изд. 2-е. Главы V (стр. 137—145), VII, X, XI.

27) В. В. Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886.

28) В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб. 1895.

Digitized by Google

29) Исаевъ. Артели въ Россіи. Спб. 1881.
30) Святловскій. Фабричный рабочій. Варшава. 1889.
31) Дементьевъ. Фабрика. М. 1893.
32) Янжулъ. Фабричный бытъ рабочихъ Московской губ. М. 1884.
33) Марусинъ. Фабрично-заводскій трудъ въ Россіи. „Сѣверн. Вѣсти." 1891 № 10 и 11.
34) Карышевъ. Русская фабрично-заводская промышленность въ 1885—1891 гг. „Руское Богатство" 1894 № 11 и 12.
35) Григорьевъ. Переселенія крестьянъ Рязанской губ.—М. 1885.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1894 годъ [1]).

Общество вступило въ четвертый годъ своего существованія въ количествѣ 273 дѣйствительныхъ членовъ и 1 члена соревнователя. Въ теченіе этого года умерло три члена: Н. М. Ядринцевъ, Е. И. Утинъ и Д. Ѳ. Масловскій и поступило 4 новыхъ члена. Въ обществѣ такимъ образомъ къ концу отчетнаго года числилось: 274 дѣйствительныхъ члена и 1 членъ соревнователь. Въ составѣ комитета также произошли перемѣны: въ силу § 20 Устава выбыли: С. Л. Пташицкій и С. Л. Степановъ и на общемъ собраніи 15 декабря 1893 года избраны были П. Д. Погодинъ и В. И. Семевскій. Въ нынѣшнемъ году въ силу того же § 20 Устава выбываютъ: А. С. Лаппо-Данилевскій и Г. В. Форстенъ, кромѣ П. Д. Погодина, выбывающаго по случаю отъѣзда заграницу.

Средства Общества въ нынѣшнемъ отчетномъ году (съ 1 декабря 1893 г. по 15 декабря 1894 г.) опредѣляются нижеслѣдующими данными:

ПРИХОДЪ.

А. Остатокъ отъ прошлаго года		416 р. 97 к.
В. Поступленіе 1893—1894 гг.:		
1) Членскіе взносы: 53 пятирублевыхъ . . .	265 „ — „	
„ „ 1 сторублевый	100 „ — „	
Итого . . .	365 р. — к.	
2) Отъ Университета на изданіе Историческаго Обозрѣнія	300 р. — к.	
3) Отъ продажи экземпляровъ Историческаго Обозрѣнія (т. I—VII)	592 „ 50 „	
Итого поступленій за 1893—1894 гг.		1257 р. 50 к.
Итого поступленій за истекшій годъ съ остаткомъ.		1674 р. 47 к.

[1]) Протоколы засѣданій Общества будутъ за недостаткомъ мѣста помѣщены въ т. IX „Историческаго Обозрѣнія".

Digitized by Google

РАСХОДЪ.

1) На изданіе Историческаго Обозрѣнія. . .	626 р. — к.
Гонораръ А. И. Браудо.	50 „ — „
Итого	676 р. — к.
2) Почтовые расходы.	26 р. 81 к.
3) Вознагражденіе А. К. Кириллову за письмоводство	60 „ — „
4) Расходы по библіотекѣ Общества	— „ 50 „
Итого	87 р. 31 к.
5) Мелкіе расходы.	5 р. — к.
Итого расходовъ въ отчетномъ году . . .	768 р. 31 к.
Въ остаткѣ къ 15 декабря 1894 г. . .	489 „ 19 „
Долгу на Обществѣ по типографіи числится	661 р. 80 к.

Въ библіотекѣ Общества къ 1-му декабря 1894 г. числилось: а) книгъ брошюръ и оттисковъ 428 названій въ 661 томѣ и в) періодическихъ изданій 30. Въ отчетномъ году составъ библіотеки продолжалъ пополняться, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ и учрежденій, а также взаимному обмѣну, въ который Общество вступало съ разными учрежденіями и редакціями. Пожертвованія сдѣланы были слѣдующими лицами и учрежденіями: гг. Виноградовымъ, Карѣевымъ, А. К., Крейсбергомъ, Кулаковскимъ, Левитскимъ, Лучицкимъ, Пантелѣевымъ, Пискорскимъ, Погодинымъ, Посниковымъ, Савеловымъ, Сторожевымъ и Шупаковымъ, а также Нижегородской архивной коммиссіей, редакціей Muzeum'a и редакціей изданій Ординаціи Красинскихъ. Обмѣнъ на изданія Общества происходилъ съ редакціями слѣдующихъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ: Вопросы философіи и психологіи, Сѣверный Вѣстникъ, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Ученыя Записки Казанскаго Университета, Записки Нео-Филологическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ, Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета, Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Записки Имп. Харьковскаго Университета, Варшавскія Университетскія Извѣстія, Кіевскія Университетскія Извѣстія, Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, Книговѣдѣніе, Этнографическое Обозрѣніе, Отчетъ о дѣятельности Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края, Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, Кіевская Старина, Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца; Ateneum, Kwartalnik Historiczny, Cesky Lid, Casopis Musea Ceskeho, Muzeum czasopismo Towarzystwa Nauczycieli szkol

Digitized by Google

wyższych, Przegląd polski, Przegląg powszechny, Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Такимъ образомъ въ отчетномъ году поступило въ библіотеку общества: а) книгъ и брошюръ: 28 названій въ 45 книгахъ; в) періодическихъ изданій 27.

Съ 1 декабря 1892 г. по 15 декабря 1893 года было VII общихъ собраній членовъ Общества. Научныя сообщенія, читанныя на этихъ собраніяхъ, сдѣланы были слѣдующими лицами: А. С. Лаппо-Данилевскимъ: Нѣсколько словъ о научныхъ заслугахъ д-ра Ингвальда-Уидсета; В. И. Семевскимъ: Нѣсколько словъ въ память Н. М. Ядринцева; В. А. Мякотинымъ: О прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ; Н. Д. Чечулинымъ: Проектъ государственнаго совѣта при Екатеринѣ II; В. В. Новодворскимъ: О Репеллѣ и его значеніи въ польской исторіографіи; В. И. Модестовымъ: Вопросъ объ источникахъ историческихъ сочиненій Тацита; В. И. Семевскимъ: Изъ прошлаго рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Сибири на основаніи архивнаго матеріала 1860-хъ годовъ; Н. И. Карѣевымъ: О новой исторической теоріи съ экономическимъ оттѣнкомъ и А. М. Ону: О чтеніи и критикѣ текста въ новой исторіи. Кромѣ рефератовъ, читаны были сообщенія о новыхъ книгахъ: Н. А. Колоколовымъ о книгѣ о. Пирлинга: Papes et tsars и В. А. Мякотинымъ о книгѣ А. Лазаревскаго: Описаніе Старой Малороссіи т. II (Полкъ Нѣжинскій).

Педагогическая секція Общества собиралась въ отчетномъ году два раза для слушанія и обсужденія рефератовъ Я. Г. Гуревича «Историческія параллели въ ряду письменныхъ работъ по исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ» и С. Л. Степанова объ учебникѣ древней исторіи проф. Виноградова.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ Общество продолжало издавать подъ редакціей Н. И. Карѣева Историческое Обозрѣніе. За недостаткомъ денежныхъ средствъ пришлось ограничиться изданіемъ одного VII тома, отложивъ выпускъ въ свѣтъ VIII тома на будущій 1895 годъ.

Составъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Николай Ивановичъ *Карѣевъ* (В. О., 10 л., д. 9).

Товарищъ предсѣдателя Василій Ивановичъ *Семевскій* (В. О., 2 л., д. № 11).

Секретарь Венедиктъ Александровичъ *Мякотинъ* (Колокенская, 15).

Казначей Александръ Исаевичъ *Браудо* (Николаевская, 39).

Библіотекарь Александръ Михайловичъ *Ону* (В. Конюшенная, 1).

Иванъ Михайловичъ *Гревсъ*.

Александръ Сергѣевичъ *Лаппо-Данилевскій* (В. О., Большой просп., д. № 4).

Digitized by Google

Digitized by Google